

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
Филологический факультет
Факультет романо-германской филологии
Факультет философии и психологии
Исторический факультет

Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке

Материалы Второго Международного
студенческого форума
(г. Воронеж, 17–19 апреля 2017 г.)

Выпуск 2
Том I

Воронеж 2017
Издательский дом ВГУ

УДК 001(063)
ББК 74.267

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доц. М.В. Панова (ответственный редактор)
д-р филол. наук, проф. О.О. Борискина, д-р филол. наук, доц. А.А. Житенев
канд. филол. наук, доц. Е.В. Кривотулова,
канд. филос. наук, доц. И.В. Черниговских,
канд. филол. наук, доц. В.А. Сёмушкин,
канд. филол. н., доц. С.А. Ларин,
канд. филол. наук, доц. А.В. Фролова,
канд. филол. наук, доц. М.Я. Розенфельд,
канд. филол. наук, доц. М.С. Саломатина,
канд. филол. наук, доц. Т.В. Ильина,
канд. филол. наук, доц. О.А. Швецова,
канд. филол. наук, преп. А.Ю. Грязнова,
канд. психол. наук, преп. О.М. Бабич,
канд. филос. наук, преп. С.С. Православский
канд. филол. н. О.В. Мазуренко
преп. Н.В. Токарева, асп. Н.И. Кухтина, Э.О. Пархоц

Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке : материалы Второго Международного студенческого форума (г. Воронеж, 17–19 апреля 2017 г.). – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2017. – Вып. 2. – Т. I. – 328 с.

ISBN

В сборник вошли научные работы студентов и магистрантов гуманитарных факультетов вузов Российской Федерации, Беларуси и Приднестровья, представленные на Втором Международном студенческом форуме «Студенческое сообщество и развитие гуманитарных наук в XXI веке», который состоялся на базе филологического факультета ВГУ 17–19 апреля 2017 г. В статьях сборника, распределенных по секциям, нашли отражение основные направления работы форума, наиболее актуальные проблемы и тенденции развития гуманитарных наук в XXI в.

Материалы публикуются в точном соответствии с файлами оригиналами, представленными авторами в оргкомитет конференции.

© Воронежский государственный университет, 2017
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2017

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Е.В. Каскевич, студ. ф-та педагогики и психологии БарГУ
(Барановичи, Беларусь)
Науч. рук – к. психол. н. Т. Е. Яценко*

УЧАСТИЕ В РАБОТЕ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА

Современный мир динамичен, изменчив, предъявляет к человеку много требований и создает реальные условия для реализации личностного потенциала. Чтобы стать успешным специалистом, недостаточно получить высшее образование, необходимо постоянно совершенствовать свои умения и навыки не только в области профессиональных интересов, но и в иных сферах науки и жизни. Вопрос о саморазвитии и реализации собственного потенциала, раскрытия новых граней личности становится первостепенным в юношеском возрасте, особенно в среде студентов.

Психологической проблеме саморазвития посвящены многочисленные труды ученых (А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Маслоу, К. Роджерс, Э. Фромм).

Саморазвитие представляет собой «процесс активного, последовательного, прогрессивного и в целом необратимого качественного изменения психологического статуса личности; это потребность в самосовершенствовании, самовоспитании, в построении себя как личности» [1, с. 18]. Каждый человек обладает внутренним потенциалом, который можно раскрыть и развить. Однако стоит отметить, что активность личности может проявиться в двух видах: социальной активности или социальной реактивности. Последняя проявляется как социальная импульсивность или как пассивность, но в обоих случаях человек не является субъектом жизнедеятельности [2, с.64]. В связи с этим учреждения высшего образования ставят перед собой задачу развития креативных, мыслящих специалистов, стремящихся к постоянному саморазвитию.

В учреждении образования «Барановичский государственный университет» функционирует студенческое научное общество (СНО), которое представляет собой «научное объединение студентов университета, активно участвующих в научно-организационной и научно-исследовательской работе по направлениям профессиональной подготовки, реализуемых в университете» [3]. СНО не только поддерживает студентов, уже зарекомендовавших себя в научной деятельности, но и создает условия для развития студентов, которые еще не были вовлечены в науку, но хотели бы попробовать свои силы в данной области.

Основными задачами СНО Барановичского государственного университета выступают:

- привлечение студентов к научному творчеству, начиная с первых этапов обучения в университете;
- формирование у студентов мотивации научно-исследовательской деятельности;
- содействие овладению студентами научными методами познания;
- развитие у студентов интереса к фундаментальным исследованиям в рамках основных направлений научно-исследовательской и инновационной деятельности университета;

- вовлечение студентов в деятельность научных школ и научно-педагогических коллективов университета;
- содействие реализации результатов студенческого научного творчества посредством внедрения научных разработок в деятельность предприятий и учреждений образования;
- развитие научной мобильности студентов;
- повышение публикационной активности студентов;
- привлечение студентов к инновационной деятельности;
- привлечение студентов к участию в научных мероприятиях и т.д.[3].

В рамках работы СНО на факультете педагогики и психологии было проведено анкетирование, позволившее выявить уровень заинтересованности молодежи научной деятельностью. В анкетировании приняли участие 114 студентов: 63 студента первого и 51 студент второго курсов, которым предстоит включиться в научный процесс.

По итогам исследования выявлено, что 40,3% ($t=4,59$; $P=0.05$) студентов имели опыт научной деятельности в учреждениях общего среднего образования, участвуя в предметных олимпиадах, 10,5% ($t=2,87$; $P=0.05$) студентов занимались в научных кружках. Отмечено, что наибольшее предпочтение в школьные годы было отдано художественной самодеятельности, в которой участвовали 48,2% ($t=4.68$; $P=0.05$) опрошенных студентов.

Наиболее развиты у студентов организаторские способности (30,7%; $t=2,65$; $P=0.05$), умение рисовать (22%; $t=4,32$; $P=0.05$) и актерские навыки (21,9%; $t=3,88$; $P=0.05$).

Студенты называют следующие формы работы СНО, вызывающие интерес: проведение исследований под руководством преподавателя — 23,7% ($t=3,98$; $P=0.05$), дискуссионные мероприятия (круглые столы, научные гостиные) — 22,8% ($t=3,70$; $P=0.05$). При этом среди областей наук, вызывающих интерес к научно-исследовательской работе, предпочтение отдается психологии – 49,1% ($t=4.68$; $P=0.05$) и педагогике - 22,8% ($t=3,93$; $P=0.05$).

Однако, несмотря на заинтересованность научно-исследовательской деятельностью, только 25,4% студентов ($t=25,44$; $P=0.05$) желают участвовать в деятельности СНО. При этом свое желание выразили 22 студента 1 курса и только 7 студентов 2 курса. Полученные показатели мы связываем с тем, что студенты не имеют точных представлений о деятельности СНО, что подтверждает необходимость детального знакомства студентов с возможностями научного общества.

Таким образом, студенческое научное общество, являясь научным объединением студентов, стремится к популяризации научной деятельности среди студенческой молодежи и к созданию условий для реализации потенциала каждого студента. Участвуя в работе данного объединения, студенты имеют возможность раскрыть свои способности и достичь высоких результатов в научной деятельности.

Литература

1. Власова Е.А. История становления проблемы процесса саморазвития. / Е.А. Власова. – М.: Фолио, 2007. - С. 18
2. Маралов В.Г. Основы самопознания и саморазвития: Учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений.– 2-е изд., стер. / В.Г. Маралов.– М.: Академия, 2004. – 256 с.
3. Студенческое научное общество / Барановичский государственный университет – Режим доступа : <http://www.barsu.by/science/sno.php?fk=1>. – Дата доступа: 27.02.2017.

**ИСТОРИОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «РЕЛИГИОЗНОЙ
ОБЩЕСТВЕННОСТИ» Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО КАК
ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА**

В первой четверти XX века христианская проблема богочеловечества заняла ведущую позицию в русской философской и исторической мысли, стала отправной точкой в решении остальных проблем существования. Утверждаются способы анализа настоящего исторического момента и эпохи сквозь призму религии (взглядов как канонических, ортодоксальных, так и неохристианских).

Одним из виднейших мыслителей, наделявших исторические события религиозным смыслом, – наряду с Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, В.В. Розановым, Вяч. Ивановым, – создавшим концепцию *религиозной общественности* и *неохристианства* (“Третьего Завета”), является русский философ, писатель, критик и публицист Дмитрий Сергеевич Мережковский. “Вождь” символизма призывает людей к духовному синтезу – *всечеловечеству*: обществу, преобразованному нравственными идеалами.

Д.С. Мережковский с конца XIX века разрабатывал пути общественного переустройства, опираясь при этом на историю и религиозную философию. Формирование его философских и исторических воззрений было тесно сопряжено с происходившими в начале XX века событиями – в первую очередь, с началом революционного движения. В результате анализа Мережковским смены исторической и культурной парадигм он приходит к идеалу борца за социальную справедливость, опирающегося на вечные духовные ценности. Воплощением этого идеала становятся лидеры декабристского движения.

Как и его современники, создатели историософских теорий, Д.С. Мережковский наделяет любое историческое событие религиозным подтекстом. Во всем его творчестве религиозное неотделимо от революционного; в критических статьях он постулирует “внутреннее единство религиозного и революционного движения в России”, доказывая, что “искание “другого Бога” всегда предполагает в России искание другого царства”[4, с.655]. В 1905-1908 гг. в сознании З. Гиппиус и Д.С. Мережковского происходит становление концепции *религиозной революции*, которая, с одной стороны, выводится из их духовных исканий 1890-х, а с другой – является откликом на общественно-политические события 1905-1907 гг.

На религиозно-философских собраниях, инициаторами которых были супруги Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус, обсуждались вопросы религиозного возрождения в среде интеллигенции, ее сближения с представителями официальной церкви для совместных духовных поисков. На первом официальном заседании Собраний во вступительной речи, произнесенной В. Тернавцевым, ярким оратором и богословом-эрудитом, было провозглашено: “Но мы, как Христиане, верим, что Возрождение в России может совершиться на религиозной почве”[1, с.362-363]. Эти слова являются основой философских и религиозных исканий Мережковского на протяжении всей жизни.

Наиболее полным выражением идей Мережковского о взаимосвязи общественно-го и религиозного начал являются статьи, написанные в 1908-1910 гг., – непосредственный отклик мыслителя на происходящие в России события. В статье “Христианские анархисты” (1908), обращаясь к опыту сектантов, Мережковский соглашается со следующими идеями религиозных революционеров: “По нашему учению, все люди равны и свободны. И нет над человеком никакой власти, кроме власти Бога, власти истины. Ду-

хоборец и есть не кто иной, как человек, не признающий над собой никакой власти” [3, с.80-81]. Анализируя идеологию и историю русских сектантских общин, философ выводит универсальное движение к идеальному обществу “от государственного насилия к религиозной свободной общественности” – “от власти человеческой к власти Божьей” [3, с.81]. При этом “власть Божья” понимается им вне утвержденного института церкви – части самодержавного государственного строя: «Церковь только до тех пор жива и действенна, пока борется с государством, утверждая свою особую, внегосударственную и вненациональную, всечеловеческую правду, “царство Божье на земле, как на небе”» [3, с.99]. Критика церкви возникает из-за ее векового союза с самодержавием: историческое христианство укрепляет мысль о том, что власть имеет божественную природу, санкционирует любые действия монарха как заместителя Бога на земле. Но видя действия правительства в 1905-м, описанные в статье “Христианские анархисты”, – кровавые подавления любых возмущений и просьб со стороны народа, Мережковский подвергает идею божественной природы власти все более строгой критике. Важно отметить, что идеи философа устремлены к качественному обновлению самой религии, его цель – объединить революционные и духовные порывы в единую стихию, которая приведет к неохристианской реальности.

В статье “Революция и религия” (1910) Мережковский, аргументируя синтез двух данных начал, обращается к религиозным анархистам разных этапов русской истории: от первых раскольников до современных ему декадентов. Особое внимание он уделяет декабристам – именно в их движении воплотился революционный идеал философа. Мережковский оценивает историческое и метафизическое значение восстания на Сенатской площади следующим образом: “Так, в первой точке русской политической революции дан последний предел *революции религиозной*, может быть, не только русской, но и *всемирной*” [4, с.659]. Ключевой фигурой для Мережковского становится Петр Чаадаев – “основатель философии истории”, который одним из первых понял, что самодержавие и православие – исторические явления одной метафизической сущности, и что “отрицающий одно из них не может не отрицать и другое”. По его мнению, осуществление Царства Божия не только на небе, но и на земле – “последнее предназначение христианства” [4, с.660-661].

Таковы ориентиры Мережковского, в основе которых – идеи прежде всего религиозные. Конечная цель нового религиозного сознания в преломлении мысли Мережковского – осуществить переход от “всемирного зверства к всемирному братству” [3, с.98].

В современном философско-политическом дискурсе немаловажное место занимает рассмотрение категории *множества*. Создателями одной из самых неординарных концепций среди теорий *множества* являются лидеры интернационального альтерглобализма – А. Негри и М. Хардт. Философы создали концепцию “множества” – совокупности “радикально различных” “сингуляриев” (уникальных творческих личностей) [5, с.134], объединять которые будет не революционное насилие и диктатура, а *любовь, близкая христианской*, – любовь к людям [5]. Религиозная категория любви, как и в начале XX века – в разнообразных историософских концепциях русских мыслителей, – снова рассматривается как отправная точка решения общественных проблем.

Некоторые современные социально-политических процессов оценивают преобразование общества с опорой на христианство и религиозные категории как утопию [2, с.79]. Несмотря на это, религиозная общественность, опирающаяся на любовь в широком смысле, может послужить возможной альтернативой обществу деспотизма и подавления. Мережковский видит в институте власти воплощение структурного насилия (подход, достаточно необычный для его времени), явление, противное свободному духу человека, которое требуется искоренить. Идеал Д.С. Мережковского – «религиозная об-

щественность», связанная христианской любовью и божественными законами, взамен существующего подчинения многих одному человеку.

Литература

1. Гиппиус З.Н. Дмитрий Мережковский: Воспоминания / З.Н. Гиппиус. – М., 1991.
2. Майданская И.А. Политика “множества” в теории альтерглобализма / И.А. Майданская // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2009. – №1.
3. Мережковский Д.С. В тихом омуте : Статьи и исследования разных лет / Д.С. Мережковский. – М., 1991.
4. Мережковский Д.С. Революция и религия Д.С. Мережковский. – М., 1989.
5. Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри. – М., 2006.

*А.Д. Петров, асп. филологического ф-та ВГУ
(Велико-Тырново, Болгария)
Науч. рук. – проф., д-р Людмила Иванова*

О (НЕ)ПЕРЕВОДИМОСТИ РАЗГОВОРНЫХ ЧАСТИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ЧИСЛА» И «GENERATION П» ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА)

Частицы и их трансфер в межъязыковой коммуникации часто рассматриваются в контексте непереводаемости. Но переводческая практика отчетливо указывает на то, что умелый переводчик всегда найдет решения проблем, потому что частицы выполняют важные функции в тексте и игнорировать их нельзя.

Так как в отношении русского и болгарского языков частицы являются объектом малочисленных самостоятельных исследований [см. напр. Чолакова 1958, Стародумова 1988, Врина 1999, Минчевков 2001, Перцева 2011, Колесникова 2012], на наш взгляд нужно расширить эмпирическую основу в поисках доказательства о возможности трансфера этой части речи.

Цель настоящего доклада – сопоставляя результаты анализа переводов двух современных русских романов установить есть ли однотипность при трансфере в переводном тексте разговорных частиц в диалогической речи и какими факторами руководствуется переводчик при взятии своих решений.

Эмпирической основой сопоставления являются романы Виктора Пелевина «Числа» и «Generation П», в которых частицы характеризуются большой частотностью употребления, как и их перевод на болгарский язык.

«Числа»	«Generation П»
Частицы были переданы: - притяжательным местоимением: <i>же – си</i> ; - частицей: <i>же – ти, же – нали, ну – е</i> ; - частицей и местоимением: <i>Эти-то? – А, ония ли?</i> ; - двумя частицами: <i>ну и – ама и то, ладно – добре де</i> ;	Частицы были переданы: - частицей и притяжательным местоимением: <i>Ну-ка, перелезай сюда. – Я ела откъм мойта страна.</i> ; - частицей: <i>же – нали, -то – я</i> ; - двумя частицами: <i>ну – че как; ну – добре де</i> ;

<ul style="list-style-type: none"> - союзом: <i>же – че</i>; - междометием: <i>вот – браво</i>; - наречием: <i>-то – само</i>; - разговорным выражением: <i>как бы – един вид</i>; - разговорным глаголом: <i>ну что – падна ли ми</i>; - на разных уровнях языка в сочетании с переводческими трансформациями. 	<ul style="list-style-type: none"> - союзом: <i>же – че; -то – че; ну ладно – но както и да е</i>; - междометием и частицей: <i>Вот люди... // Ей, какви хора имало бе!...;</i> - наречием: <i>во – готово; Да? – Сериозно?;</i> - разговорным выражением: <i>Во как. - Така му се пада!</i> - глаголом: <i>во – видя ли</i>; - на разных уровнях языка в сочетании с переводческими трансформациями.
---	---

В переводе романа «Generation П» мы обнаружили и новые переводческие способы, при помощи которых частица передается:

- синтаксической трансформацией + разговорным союзом *дето*: *Но какая же гадина написала этот сценарий? // Обаче какъв ли е този гад, **дето** е написал този сценарий?;*

- прилагательным: *Шутник, **а?** // **Голям** шегаджия.;*

- составным именным сказуемым: *правда // прав си;*

- эллипсис вспомогательного глагола *съм*: *Это кто же? // – **Кой това?**;*

- лексическим повтором: *Но ты-**то** зачем его съел? // Но **ти – ти** защо го изяде?*

Но эти случаи не так частотны, что позволяет сделать вывод о сильно выраженной однотипности при трансфере в переводном тексте разговорных частиц в диалогической речи.

На фоне констатаций переводимости частиц представляется интересным вопрос от каких факторов зависят переводческие решения (цитированный эмпирический материал из «Generation П»):

- от сохранения стилистического регистра (разговорность в тексте перевода чаще всего сохраняется частицей): – ***Ну!** – отвечала секретарша, не отрываясь от компьютерных клавиш. // – **Че как!** – каза секретарката, без да вдига глава от клавиатурата на компютъра.* Разговорность и экспрессивность *ну* передаются сложной частицей *че как* в значении 'категорическое утверждение чего-л.';

- от коммуникативной функции частицы (напр. в диалоге эксплицируется отношение к партнеру, т.е. эксплицируется фатическая функция языка: *Там, **ясное дело**, совсем другая культура. // Понеже културата е съвсем друга, **нали** ме разбираш.* Применяется грамматическая перестановка, с помощью которой разговорность и экспрессивность фразеологизма *ясное дело* передается контекстуально. Разговорность и экспрессивность фразеологизма компенсируются частицей *нали*.

- от эмоциональности: – *Тебе для этого пятьсот тысяч нужно? – Нет. // — И за това ти трябват петстотин хиляди? — Не бе.* Частица *бе* употребляется для усиления высказывания и подчеркивания требуемого совершения действия, привносит стилистический оттенок раздражения.

- от взаимоотношений между героями: – *А, – сказал он, – из журнала. Действительно интересно... Кто написал-**то**? Где... **Какой-то** Эдуард Дебирсян... // – Хм – каза той. – От наше списание. Интересно наистина... **Я** да видим кой я е писал?... Эдуард Дебирсян? **Кой е пък този?*** Неопределительное местоимение *какой-то* можно перевести его полным эквивалентом: неопределенным местоимением *някой*, которое в сочетании с частицей со словообразовательной функцией *си* усиливает его неопределенное значение и придает оттенок пренебрежительности. Переводчик демонстрирует мастерство: пропускает местоимение, трансформирует предложение в вопросительное. Пропуск успешно компенсируется, экспрессивность сохраняется добавлением

предложения «Кой е пък този?», в составе которого частица *пък* усиливает пренебрежительную функцию указательного местоимения *този*.

– от селекции на базе контекста: **Вот** были колесницы! // **Хубави** колесници бяха! Эмотивная функция *вот* в значении восхищения эксплицируется успешно прилагательным *хубави*.

– от семантики и стилистической маркированности: **Давай** я тебе потом позволю. – **Давай**, – согласился Гиреев. // **Дай** ще ти се обадя после, става ли? – **Става** – съгласи се Гиреев. Частица *давай* передается ее семантическим и стилистическим эквивалентом – глаголом *давам* в разговорном значении, а его повторное употребление для передачи той же частицы считалось бы буквализмом. Это мотивирует добавление глагола *ставам* и трансформацию предложения в вопросительное, чтобы второй коммуникант смог ответить утвердительно тем же глаголом.

Итак, при сопоставлении оригинала и перевода можно заключить, что есть однотипность при трансфере в переводном тексте разговорных частиц в диалогической речи.

Перевод с русского на болгарский вполне возможен благодаря многочисленным частицам в болгарском языке и их разнообразным функциям, как и благодаря возможности лексических, грамматических и орфографических трансформаций и компенсаторных механизмов.

Несмотря на отсутствие однозначных соответствий между частицами, переводчик обладает достаточным набором языковых средств для осуществления трансфера, руководствуясь в основном коммуникативной и стилистической функцией частицы в соответствующем контексте.

Литература

1. Врина М. Экспрессивните частици в българския език / М. Врина. – В. Търново, 1999.
2. Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции / С.М. Колесникова. – М., 2012.
3. Минченков А.Г. Русские частицы в переводе на английский язык / А.Г. Минченков. – СПб., 2001.
4. Пелевин В. Числа / В. Пелевин // ДПП (nn) (Диалектика Переходного Периода из Ниоткуда в Никуда). – М.: Эксмо, 2003.
5. Пелевин В. Generation «П» / В. Пелевин. – М.: Эксмо, 2004.
6. Перцевая К.А. Роль частиц в организации осложненного предложения (даже, уже, еще, тоже) / К.А. Перцевая. – В., 2011.
7. Речник на българския език. URL: <http://ibl.bas.bg/rbe/lang/>.
8. Тотоманов И. Generation «П» / И. Тотоманов. – София: Калиопа, 2005.
9. Тотоманов И. Числа / И. Тотоманов // Диалектика на преходния период (от никъде за никъде). – София, 2005.
10. Стародумова Е. А. Акцентирующие частицы русского языка / Е.А. Стародумова. – В. 1988.
11. Чолакова К. Частиците в съвременния български книжовен език / К. Чолакова. – София, 1958.

УЛИЦЫ, НАЗВАННЫЕ В ЧЕСТЬ ВЫДАЮЩИХСЯ ЗЕМЛЯКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОДОНИМОВ ГОРОДА ПЕНЗЫ)

В последние годы внимание лингвистов приковано к проблеме языка города. Одной из единиц такого языка является годоним – «название линейного объекта ..., т.е. проспекта, улицы, линии, переулка, проезда, бульвара, набережной» [1, с. 50]. Известный учёный, исследователь языка города профессор Т.В. Шмелёва считает, что исторически «имена улиц были своеобразным путеводителем по городу, информируя о его ландшафте, основных сооружениях, жителях и их занятиях, направлениях к соседним городам» [2, URL].

Рассмотрим годонимы города Пензы. Первоначально он строился как крепость, поэтому улиц не имел, но уже в «Справочном энциклопедическом словаре», вышедшем в 1854 году под редакцией А. Старчевского говорится: «В полицейском отношении город разделён на три части: в нём находится три площади, 26 улиц и переулков, главнейшие 5 улиц вымощены камнем; вообще город чист и опрятен...» [3, URL].

На сегодняшний день в Пензе насчитывается 2 проспекта, 742 улицы, 560 проездов, 1 переулков и ряд других территорий. Ежегодно их количество увеличивается. Каждая из улиц имеет своё название, многие из которых менялись за период 353-летнего существования города.

Большую часть годонимической системы города Пензы составляют меморативы, названные в честь выдающихся людей. Из 742 улиц Пензы 271 улица мотивирована антропонимами, т.е. названа в честь:

- революционеров, основоположников марксизма, деятелей международного рабочего движения. Таких улиц в Пензе 37, в честь пензенцев названо 4 улицы: ул. Каракозова, ул. Либерсона, ул. Маркина, ул. Теплова;
- участников войн и конфликтов, военачальников, адмиралов, полководцев. Таких улиц в Пензе 36, в честь пензенцев названо 14 улиц: ул. Байкова, ул. Берсенева, ул. Бурмистрова, ул. Захарова, ул. Кижеватова, ул. Костычева, ул. Тухачевского, ул. Мереняшева, ул. Чиликанова и т. д.;
- комсомольских, политических, государственных и военных деятелей. Таких улиц в Пензе 20, в честь пензенцев названо 12 улиц: ул. Таганцева, ул. Мясникова, ул. Кулакова, ул. Кураева, ул. Антонова, ул. Бутузова, ул. Ермина, ул. Глазунова и т. д.;
- мореплавателей, путешественников, лётчиков и космонавтов. Таких улиц в нашем городе 26, в честь пензенцев названо 5 улиц: ул. Бадигина, ул. Павлушкина, ул. Пацаева, ул. Гризодубовой, ул. Долгова;
- писателей, критиков и публицистов. Таких улиц в нашем городе 61, в честь пензенцев названо 19 улиц: ул. Будищева, ул. Вяземского, ул. Лермонтова, ул. Куприна, ул. Огарёва, ул. Белинского и т.д.;
- учёных и педагогов. Таких улиц в г. Пензе 32. Хочется отметить пензенцев, в честь которых названо 8 улиц. Это лингвисты Ф.И. Буслаев и А.Н. Гвоздев; историк В.О. Ключевский; зоопсихолог, музейвед Н.Н. Ладыгина-Котс; советский учёный-изобретатель Б.И. Рамеев; физик и покоритель стратосферы И.Д. Усыскин; ботаник И.И. Спрыгин, учёный в области ракетостроения Е.Б. Волков;

- деятелей искусства и спортсменов. Таких улиц в нашем городе 21, в честь пензенцев названо 5 улиц: ул. Лозицкой, ул. Лавровой, ул. Мозжухина, ул. Архангельского, ул. Октября Гришина;
- художников. Таких улиц в нашем городе 19, в честь пензенцев названо 3 улицы: ул. Горюшкина-Сорокопудова, ул. Савицкого, ул. Татлина;
- пензенских милиционеров. Таких улиц в Пензе 5: ул. Героя России Сергеева, ул. Яфарова, ул. Злобина, ул. Книгина, ул. Мутовкина;
- в честь декабристов названо 2 улицы: ул. Рылеева и ул. Пестеля;
- в честь предводителей Крестьянских войн названо 2 улицы (ул. Пугачева, ул. Разина).

7 улиц в нашем городе названо в честь исторических деятелей, которые много сделали для развития Пензенской области (ул. Швецова, ул. Селиверстова, ул. Ступишина, ул. Татищева, ул. Сергеева, ул. Долгорукова, ул. Городецкого). Это говорит о том, что пензенцы помнят историю своего города.

Некоторые названия улиц в г. Пензе не вписываются в классификационные категории, являясь единичными: ул. Бурденко, названная в честь основоположника советской нейрохирургии, ул. Киселёвой, названная в честь известной благотворительницы, ул. Ревунова, названная в честь генерального директора «Пензенского производственного объединения электронной вычислительной техники».

Название улицы закрепляет память о человеке, событии. Жители Пензы свято чтят память о тех, кто внес свой вклад в развитие родного края. Именно по инициативе горожан одной из улиц присвоили имя Героя России Александра Сергеева, который был смертельно ранен при проведении спецоперации по освобождению пяти сотрудников колонии в Терновке.

17 марта 2015 г. состоялось заседание комиссии по вопросу присвоения названий городским улицам. Депутаты предложили увековечить имя уроженца Пензенской области, лауреата Государственной премии СССР, Героя Советского Союза, заслуженного деятеля науки и техники И. Мещерякова и известного стратонавта И. Усыскина, который провел в Пензе детские и юношеские годы. По непонятной причине улица в честь И. Мещерякова так и не появилась в Пензе, а ул. Усыскина с прошлого года существует на карте нашего города.

Остается сожалеть, что в городе нет последовательной языковой политики в отношении названий улиц. Не всегда жителям известно, какое решение приняли депутаты. Например, в 2011 году краевед И. Шишкин высказал мысль, что улица Каракозова (бывшая Селиверстовская) увековечивает память о человеке, поднявшем руку на императора, а до этого носила имя губернатора Селиверстова, подарившего Пензе художественное училище и картинную галерею. За это время улица так и не была переименована, поэтому в 2016 году редактор канала «Экспресс». П. Прохоренков вновь предложил вернуться к вопросу о переименовании этой улицы, на что получил ответ из городской администрации, что одна из новых улиц города названа Селиверстовской, а улица Каракозова будет и дальше существовать на его карте.

Далеко не все жители города имеют представление о том, в честь кого назвали ту или иную улицу. Хотелось, чтобы табличек, объясняющих названия, было больше.

Несомненным минусом в языковой политике нашего города является то, что представители администрации сначала принимают решения, а потом консультируется с лингвистами, будь то надписи на мемориальных досках, памятниках, рекламных стендах и т. д. В городе назрела необходимость создания консультационного лингвистического центра, который помог бы решать многие вопросы, связанные с языковым обликом города.

У каждой улицы, как у человека, должно быть имя – красивое, достойное, запоминающееся. Улица – это не просто набор букв на карте города. Это важный ориентир, который становится не только общегородским, но и глубоко личным. Общественность должна не просто пассивно наблюдать за тем, как изменяются названия городских объектов, а и сама участвовать в принятии важных решений по их именованию.

Литература

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. – 2-е изд. / Н. В. Подольская – М. : Наука, 1988. – 192 с.
2. Шмелева Т.В. Советское наследие в новгородской топонимии. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3/Part2+2008-28>.
3. Справочный энциклопедический словарь : [В 12-ти томах] / [Редактор А. Старчевский]. — Спб. : Издание К. Крайя, 1847—1855. URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003825507#?page=188>.

*Д.М. Кучерявый, студ. Института гуманитарных
и социальных наук ТулГУ (Тула)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. И.В. Пантелеев*

СТРОИТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ ПРИХОДА ХРАМА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО г. ТУЛЫ. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Тульское благочиние в дореволюционный период имело множество приходов. Тульские краеведы приводят данные о 66 православных приходах в Туле, в том числе и домовых, на 1917 год [2, с. 50].

В годы гонений было уничтожено множество церквей и колоколен, представлявших большую архитектурную ценность. К значимым утратам относят ныне восстановленную колокольню Тульского Кремля, Крестовоздвиженскую церковь, Сретенскую церковь и некоторые другие храмы. Часть же храмов была закрыта и переоборудована в объекты для хозяйственных и промышленных нужд. Одним из таких храмов был ныне действующий храм Александра Невского, в котором размещался хлебозавод.

Датой начала истории храма принято считать 25 сентября 1862 года, когда известный купец Евфимий Харитонович Кучин, торговавший пушным товаром, в своем последнем предсмертном завещании написал:

«Восемь билетов сохранной казны на сумму 20000 р. определяю на выстройку церкви в г. Туле 2 городской части на плац-парадном месте, что близ жандармских конюшен; церковь эта должна быть выстроена во имя Александра Невского, ангела Благочестивейшего Государя нашего Александра Николаевича...» [7, с. 19].

Указанное Евфимием Харитоновичем место, бесспорно, явилось на тот момент востребованным местом для постройки храма. Являясь окраиной Тулы, оно было сильно заселено, а ближайшие церкви не могли служить нуждам всех верующих.

Проект храма был сделан архитектором Тульского оружейного завода Михаилом Алексеевичем Михайловым, и утвержден спустя 4 года после появления завещания, 17 июля 1865 года.

Однако строительство храма не начиналось более 18 лет. Главной причиной задержки была недостаточность завещанных средств для осуществления архитектурного проекта в полном соответствии с утвержденным планом.

Главным толчком к началу строительства послужило другое трагическое событие: мученическая смерть государя Александра II 1 марта 1881 года.

К тому времени денег Кучина, увеличившихся за счет процентных банковских поступлений более чем в 3 раза, все еще не хватало для осуществления проекта. Решением Тульской Думы на строительство храма Александра Невского была выделена недостающая для строительства сумма. Итоговый утвержденный капитал для постройки храма составил 76070 рублей 58 копеек.

12 июля 1881 года был заложен фундамент церкви, а в последней декаде 1884 года строительство было окончательно завершено.

Построенная в византийском стиле Церковь не отличалась возвышенностью и помпезностью архитектурных форм, также имела в себе элементы древнерусского храмового зодчества. Церковь имела три апсиды – центральный алтарь в честь Александра Невского, и два боковых придела – Евфимия Нового (ангела-хранителя почившего жертвователя) и преподобномученицы Евдокии, память которой приходилась на день трагической гибели государя. В храме имелась звонница, устроенная над центральным входом и имевшая три проема, в каждом из которых висели колокола. Двери храма располагались с западной, северной и южной сторон. Храм был пятикупольный. Главный купол располагался в центре храма, его начало предвещало массивный восьмигранный световой барабан. Остальные 4 купола были исполнены в виде главок, располагавшихся на каждом из углов храма и носили декоративное значение. В советские годы 4 главки были снесены.

В первые же годы своей работы Александро-Невский приход дал свои плоды в виде отстроенных богадельни и школы. Попечительская деятельность не ограничилась и на этом: во время Первой Мировой войны в зданиях при храме действовал лазарет, в котором трудились сестры милосердия [6, URL].

В 1930 году по указанию Советской власти храм был закрыт. Последним настоятелем храма был протоиерей Капитон Виноградов.

Советский период

Приходская жизнь прихода после 1930 года была полностью остановлена. Храм перестал существовать как место молитвенных собраний верующих. Советские власти переоборудовали здание храма под нужды хлебокомбината, который вскоре начал свою работу. Этим и запомнился почти семидесятилетний перерыв приходской жизни храма, которой застал и время новой истории России.

Современный период

В начале 2000-х годов группе верующих была отдана комната при хлебозаводе, в которой проводились первые молитвенные собрания. Примечательной особенностью сплоченности собравшейся общины служит тот факт, что члены общины стали устраивать чаепития и вести за ними духовные беседы. Община росла [6, URL].

Храм был передан верующим в марте 2003 года. Первая Божественная Литургия была отслужена в Великий Четверг 24 апреля 2003 года. Служить в самом храме еще не представлялось возможным – предстояло выполнить огромную долю восстановительных работ.

В настоящее время приходская деятельность храма во имя святого благоверного князя Александра Невского логично продолжает дело воинского и духовного образования и воспитания детей, начатое еще в дореволюционный период: на базе прихода работает воскресная школа, которая имеет две кадетские группы – младшую и старшую. Преподавание духовных предметов в воскресной школе сочетается с практикой воспитания подрастающего поколения в духе защитников Отечества. Большое

внимание в процессе преподавания уделяется приобщению будущих глав семейств к традиционным православным семейным ценностям.

Одновременно с этим обучение основам семейных ценностей ведется и у девочек в рамках созданного Сестричества Милосердия.

Приход храма имеет обширную библиотеку, которая была открыта в январе 2007 года.

Литература

1. Историческая записка о деятельности Александро-Невского г. Тулы церковно-приходского Попечительства за 1897-1912 гг. – Тула, 1912.
2. Лозинский Р.Р. Страницы минувшего / Р.Р. Лозинский. – Тула, 2000.
3. Сыригин В.Н. Венец терновый / В.Н. Сыригин. – Тула, 1995. – № 27.
4. Тульский краеведческий альманах. – Вып. 6. – Тула, 2008.
5. Тульский Синодик. Тульская епархия (1558-2009) / сост. Георгиевская Т.В., Петров М.В. – Тула, 2010.
6. Свящ. Рябовол В.В. История храма святого благоверного великого князя Александра Невского г. Тулы, что на плац-параде [URL – http://svt-alexander-tula.prihod.ru/istorija_khrama_razdel].
7. Шапошников Н.Д. Александро-Невская, что на плац-параде, церковь / Н.Д. Шапошников // Тульские Епархиальные ведомости. – 1998. – № 2. [4] с.

*Ю.Ю. Алексеенко, студ. филологического ф-та ПГУ им. Т.Г. Шевченко
(Тирасполь, Приднестровье)
Науч. рук. – канд.филол.н., доц. Е.И.Почтарь*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГОВОРЯЩЕГО ИМЕНИ В АНГЛИСТИКЕ

В бинарной системе ономастики основополагающим принципом противопоставления двух элементов является создание оппозиции «имя собственное – имя нарицательное». Отсутствие или потеря семантической составляющей в структуре имени собственного и, наоборот, ее обязательное присутствие в имени нарицательном есть суть различия этих двух понятий. Говорящее имя номинативно относится к первой группе, тогда как его семантические качества соотносят его со второй. Этот лингвистический парадокс оставляет за говорящим именем право попеременно тяготеть к обеим группам, тем самым, расширяя спектр его свойств и возможностей.

Использование говорящего имени в тексте может быть обусловлено несколькими причинами, такими как необходимость создания юмористического или сатирического эффекта, придание тексту яркой художественной образности. Для некоторых современных авторов, например, Терри Пратчетта и Нила Геймана, говорящие онимы стали «товарным знаком», неотъемлемой частью их творчества.

Рассматривая говорящее имя как лингвистический термин, необходимо отметить, что в отношении него в русской и английской терминологических традициях существуют значительные расхождения.

В русском языке термин «говорящее имя» давно закрепился в научной и ненаучной лингвистических средах в качестве хрестоматийного и общеупотребительного. В то время как в англоязычном лингвистическом пространстве затруднительно обнаружить единообразную и однозначную терминологическую трактовку этому понятию.

В данной статье приводятся различные подходы к решению проблемы, которые предлагаются английскими лингвистами в соответствии с областью рассмотрения (семантика имен собственных, их этимология, функции в тексте), и делается попытка найти наиболее логичный и универсальный термин, способный адекватно отразить в наименовании понятийные особенности этой категории лексики.

Термин *'speaking name'* – пословное соответствие русскому аналогу – используется иностранными лингвистами, но в ином значении. Ономатологи – языковеды, для которых имя собственное является центральным объектом исследований – рассматривают подобные имена собственные с точки зрения их этимологии, то есть, прежде всего, с позиции изначально закрепленной за ними смысловой нагрузки. Это можно наблюдать во всех именах римского, греческого и еврейского происхождения: *'Alexander'* – древнегреческое *'Alexandros'*, означающее «защитник» [7, с. 3–5].

Наиболее часто употребляемым среди лингвистов аналогом «говорящего имени» является *'apronym'* («аптроним») (или его устаревший вариант *'euonym'*). Данный термин встречается в нескольких современных словарях, как в узкоспециализированных, так и в словарях общей лексики. Словарные источники *'Merriam-Webster's Encyclopedia of Literature'* и *'Encyclopædia Britannica'* дают «аптрониму» следующий комментарий: «*Аптроним* – имя, выражающее какой-либо аспект человеческой личности. Например, *'Mr. Talkative'*. <...> Происхождение аптронима приписывают редактору американской газеты Франклину П. Адамсу, предположительно посредством анаграммы поменявшему местами первые три буквы слова «патроним» [8, с. 62; 4, URL].

Терри Пратчетт, британский писатель, нередко использовал данный прием, создавая образы своих героев. Например, антагонист рассказа *'Going Postal'*, *'Reacher Gilt'* (от *'to reach'* – «тянуться» и *'gilt'* – «золото, деньги») был мошенником, жадным до чужих денег.

Дэвид Кристалл также отмечает, что аптронимы часто содержат ироническую коннотацию, например, *'Mr. Clever'* – обращение к человеку, совершившему нелепый, нелогичный поступок [2, с. 21]. Пес одного из главных героев произведения *'Good Omens'* Терри Пратчетта оказался сверхъестественным существом из ада, но был наречен ничем не примечательной кличкой *'Dog'* («собака»).

«Аптроним» в большинстве случаев встречается в словарных статьях и энциклопедиях. Исследователи художественных текстов предпочитают ему иной термин – *'charactonym'*. Название произошло от слияния английских слов *'character'* («персонаж») и *'onym'* («имя собственное»). Назначение этого термина, по сути, в том, чтобы в виде вымышленного имени персонажа отобразить ту или иную характерную черту его личности. Например: *'Mistress Quickly'* (*'quickly'* с англ. «быстро»), *'Tom Longnoser'* (*'long nose'* («длинный нос» + суффикс *'-er'*, характерный для англоязычных профессий и фамилий), и др. [9, URL]. Подобное говорящее имя осуществляет в тексте особую стилистическую функцию, чаще всего – ироническую [6, с. 38]. К примеру, *'Agnes Nutter'* (*'nutter'* обладает просторечным значением «псих») из книги Терри Пратчетта *'Good Omens'* – это безумная пророчица, чьи предсказания оказались правдой.

Герберт Каэн, журналист американской ежедневной газеты «Сан-Франциско кро-никл», в одной из статей своей колонки назвал «говорящие имена» неологизмом *'namephreaks'* (соединение двух основ: *'name'* – «имя» и *'phreaking'* – «несанкционированное подключение к телефонным и другим сетям»), вкладывая в него аллегорический смысловой подтекст [9, URL]. Это может быть наглядно продемонстрировано на примере героя из произведения *'Good Omens'* Терри Пратчетта, носившего имя *'A Delivery Man'* («курьер»), очевидно по своей семантике «заимствующее» смысловое назначение имени нарицательного.

В вышеупомянутом словаре ‘Merriam-Webster’s Encyclopedia of Literature’ также упоминается термин ‘*еропут*’ – наименование географических объектов и народов в честь кого-то или чего-то [7, с. 393].

Среди лингвистов, изучающих английский язык, но не являющихся его носителями, распространено простое для понимания определение ‘*symbolic name*’ – имя, данное герою, выражающее суть его характера или раскрывающее его роль в произведении. «Персонаж ведет себя подобно своему имени, имя отражает поведение его носителя» [5, с. 87].

Том Стоппард, британский драматург, в своей пьесе «*Jumpers*» назвал ономастический феномен ‘*cognomen syndrome*’ («синдром прозвища»), когда один из героев упомянул знакомого по фамилии ‘*Bones*’ («*кости*»), зарабатывавшего на жизнь остеопатическими практиками (врач-массажист, в чью компетенцию помимо прочего входит лечение костей) [3, с. 112].

Колумнист британского журнала «*Сайенс Фронтирс*» Уильям Роджер Корлисс выдвинул теорию номинативного детерминизма (‘*nominative determinism*’) в отношении имен собственных, описав ряд случаев, когда в фамилии человека можно проследить семантическую связь с его профессией. Автор рассуждал на тему психологии и того, как имя может повлиять на судьбу человека [1, с. 31].

Вышеперечисленные варианты трактовки «говорящего имени» наглядно демонстрируют всю неоднозначность и многообразность терминологической базы современной ономастики, несмотря на попытки ряда языковедов прийти к неким универсалиям в этой области.

Проанализировав аргументацию нескольких теорий и подходов к проблеме «говорящего имени», мы приходим к выводу, что использование термина ‘*apronym*’ способно наиболее полно отразить всю палитру семантики и функций ономастической лексики в тексте.

Важность изучения самого явления говорящего имени не вызывает сомнений, так как его использование в современных художественных произведениях в качестве эффективного стилистического приема носит масштабный характер, особенно в популярных сегодня жанрах научной фантастики, исторического романа, приключенческого романа и фэнтези.

Литература

1. Corliss, W.R. Nominative Determinism / W.R. Corliss // Science Frontiers. – 1996. – № 108. – 32 p.
2. Crystal, D. A Dictionary of Language / D. Crystal // 2nd ed. – Chicago: The University of Chicago Press, 2001. – 394 p.
3. Culleton, C.A. Names and Naming in Joyce / C.A. Culleton // – Madison: The University of Wisconsin Press, 1994. – 160 p.
4. Encyclopaedia Britannica. URL: <http://www.britannica.com>
5. Horowitz, W. A Woman of Valor : Jerusalem Ancient Near Eastern Studies in Honor of Joan Goodnick Westenholz / W. Horowitz, F. Vukosavovic // Madrid: Consejo Superior de Investigaciones Cientificas, 2010. – 214 p.
6. Hurley, P.J. Pynchon Character Names. A Dictionary / P.J. Hurley. – London: McFarland & Company Inc., 2008. – 195 p.
7. Kanavou, N. A Study of Speaking Names in Aristophanes / N. Kanavou // – N.Y.: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. – 228 p.
8. Merriam-Webster Inc., Merriam-Webster’s Encyclopedia of Literature / Merriam-Webster Inc. // Springfield: Merriam-Webster Inc., 1995. – 1248 p.
9. San Francisco Chronicle. URL: <http://www.sfchronicle.com>

МОДЕЛЬЕР ЭЛЬЗА СКИАПАРЕЛЛИ – ОППОНЕНТ СТИЛЯ КОКО ШАНЕЛЬ

Начало XX века стало синонимом революции, причем не только в политическом смысле. Революция произошла и в сфере моды. Начало демократизации одежды обусловлено прежде всего тем, что появилось промышленное изготовление товаров массового производства и мода стала доступной не только богатым людям, но и широким слоям населения. Именно тогда стали появляться первые модельеры, предлагающие женщинам отказаться от корсетов, длинных юбок на кринолинах и заменить их более простыми моделями. В моде того времени отразились социальные движения, борьба женщин за равноправие. Как следствие, в их гардеробе появился мужской костюм [3, с.64]. Такой вызов обществу сделала всем известная Коко Шанель. Но не одна она. Эльза Скиапарелли была одной из ее оппонентов, которая наравне с ней создала свой стиль.

Популярность ей принесли вязаные вещи. Однажды к ней в гости заглянул один старый приятель. На нем был вязаный свитер, который поразил Эльзу своей простотой и элегантностью. Она заинтересовалась происхождением этой вещи, и оказалось, что это работа эмигрантки из Армении, живущей неподалеку. Скиапарелли познакомилась с ней и предложила сотрудничество. Вместе они взялись за создание необычных моделей. Так появилось вязаное черное платье, украшенное большим белым бантом. Это было настоящим изобретением, которое поразило всех. В скором времени к Эльзе начали поступать заказы. На вырученные деньги Скиапарелли открыла ателье [1, с.85].

В это время Коко Шанель уже получила широкую известность благодаря своим элегантным шляпкам из соломы и фетра. Их простота и лаконизм были стилевыми особенностями Шанель. Утилитарность и демократизм стали отправной точкой её творчества. Кроме шляп, большой популярностью пользовались холщёвые юбки, платья из трикотажа и матроски. Длинные прямые юбки, широкие брюки, блузки с вырезом «лодочка» были нарасхват. Дом моды в Биаррице быстро стал популярным благодаря комплектам из шерстяного бежевого джерси, а в 1926 году наряду с вязаным платьем Эльзы Скиапарелли появляется знаменитое маленькое черное платье Коко Шанель: простого кроя с округлым вырезом на груди и длинными узкими рукавами.

Восприняв это как вызов, Скиапарелли решила шокировать мир моды. Она представила на суд зрителям платье цвета shocking pink (шокирующий розовый), которое произвело огромное впечатление на общество, а руководство Голливуда подписало с Эльзой контракт, при этом расторгнув его с Шанель. Тогда и началась настоящая война между ними, которая стала главной интригой того времени. Они были абсолютно разными во всем, но их объединяло новаторство и собственный, непохожий на все остальные, взгляд на моду и ее предназначение. Скиапарелли старалась подчеркнуть одеждой внутренний мир, а Шанель выделяла красоту тела. Модели последней отличались простотой, сдержанностью, элегантностью и приглушенными цветами. Эльза была экстравагантной в своем творчестве. Она любила провоцировать и шокировать окружающих. Ее модели были яркими, броскими, с необычным декором.

На творчество Скиапарелли большое влияние оказало такое направление в искусстве, как сюрреализм. В 1930-е годы в Париже она знакомится с С.Дали и Ж.Кокто. Сотрудничество Эльзы с художниками было непродолжительным, но весьма плодотворным. Именно в это время ее популярность достигает своего пика. Влиятельные клиент-

ки, такие как Антина Лус, Джоан Кроуфорд, Грета Гарбо, Нэнси Канар переходят от Шанель к Скиапарелли. Под влиянием сюрреализма любое творение этого кутюрье становится сенсацией. Например, в коллекции «Остановись, смотри и слушай» она представила вечерние платья в виде дождевиков, необычно расшитые сари и пуговицы в форме французской монеты [4, с.48]. Ее экстравагантные аксессуары «притворялись» другими предметами: платок – упаковка аспирина, сумка – телефон, шляпа – котлета

В 1939 году началась Вторая мировая война, и Скиапарелли, как и Коко Шанель, сократила свое производство. Но в отличие от нее, покинув Париж, Эльза продолжала работать над созданием новых шедевров. После войны она устроила новую презентацию своего парижского салона. Ее коллекция тут же украсила обложку журнала «News week». Однако в 1953 году Кристиан Диор выпускает коллекцию «New look», которая продемонстрировала новый взгляд на женскую моду и имела огромный успех у публики. Экстравагантная мода, предложенная Скиапарелли, перестала быть востребованной. Женственность и утонченность отодвинули ее на второй план. Эльза поняла, что время ее популярности прошло, и она решила сойти с дистанции, уступив дорогу новым именам и идеям.

Однако ее стиль не прекратил свое существование. В 1957 году Коко Шанель, вновь открыв свой Дом моды в Париже, представила публике свою новую линию одежды: элегантные костюмы-двойки, платья и блузы. Публика, ожидавшая увидеть на показе привычные для Шанель цвета и формы, была приятно удивлена. В ее коллекции появился яркий цвет и отделка. Это, несомненно, влияние Эльзы Скиапарелли. Несмотря на то, что на протяжении всего творческого пути Шанель соперничала с ней за звание главного модельера, она привнесла элемент стиля Эльзы в свою коллекцию. Отделка костюма золотыми цепями и пуговицами, цветные шелковые блузы и обилие бижутерии дополнили стиль, созданный мадемуазель. Возвращение Шанель в мир моды и ее новый триумф не состоялись бы без новых идей, отвечающих требованиям времени. Она сумела объединить в своей последней работе элементы сюрреализма, которые использовала Скиапарелли, женственность, которую так требовало послевоенное время и свой собственный стиль. Таким образом, она смогла создать моду, которая соответствовала новому времени и войти в историю как мадемуазель Шанель [2, с.116].

Однако трудно определить, кто одержал победу в многолетней «модной войне»: Эльза Скиапарелли или Коко Шанель. Эльза считала, что обществу нужны необычные, нестандартные вещи, которые будут не просто удобными, но и шокирующими. Она привнесла в моду много новых идей: юбку-брюки, отдельный купальник, необычное сочетание цветов, новые материалы для создания одежды и аксессуаров. Уступив место новым веяниям тех лет, которые требовали от модельеров утилитарности и универсальности в одежде, она создала свой собственный неповторимый стиль, который вдохновляет многих современных дизайнеров. Широкоплечий силуэт Тьерри Мюглера и Клода Монтана 80-х есть прямое заимствование из коллекции Скиапарелли «Робин Гуд», а идея знаменитого смокинга Джанфранко Ферре с лацканами и застежкой на спине была воплощена ею еще в 1936 году. Жан-Поль Готье, Франко Москино, Ив Сен-Лоран, Карл Лагерфельд из сезона в сезон используют сюрреалистические элементы в одежде и аксессуарах, подражая великому кутюрье XX века. Но, пожалуй, самым ярким последователем является Вивьен Вэствуд, которая каждой коллекцией шокирует публику необычным сочетанием цветов, кроем и аксессуарами. Стиль, созданный Скиапарелли, приобретает все большую популярность в мире моды.

Вклад Коко Шанель в развитие моды не менее велик, чем у Эльзы Скиапарелли. Именно она освободила женщин от узких корсетов, внесла в обиход твидовый костюм, брюки, тельняшку, маленькое черное платье и искусственный жемчуг, создав элеган-

ный и простой образ. Главным требованием в одежде для нее было удобство. Поэтому она использовала очень пластичные и натуральные ткани при создании своих коллекций. Но при своей простоте ее модели были настолько хороши и элегантны, что не могли не понравиться женщинам. Модный дом «Chanel» существует и по сей день. Но наследие Шанель активно используется не только ее брендом, но и многими другими дизайнерами.

Резюмируя сказанное, можно сказать, что Эльза Скиапарелли и Коко Шанель были главными реформаторами моды начала XX века. Конкуренция побуждала их добиваться лучших результатов и создавать гениальные вещи. Скиапарелли и Шанель – две противоположности, элегантность и экстравагантность, которые совершили революцию в моде и изменили статус кутюрье.

Литература

1. Бердянская А.А. Эльза Скиапарелли. Моя шокирующая жизнь / А.А. Бердянская – Этерна, 2012 – 336 с.
2. Васильев А. От мини до макси. Мода 1960-х годов / А. Васильев – Национальный музей моды, 2013 – 222 с.
3. Дзеконьска-Козловска А. Женская мода XX века / Дзеконьска-Козловска А. – М: Легкая индустрия, 2008 – 296 с.
4. Пикарди Ж. Коко Шанель. Легенда и жизнь / Ж. Пикарди – Слово, 2011 – 344 с.

*А.Ю. Окишан, студ. филологического ф-та
ПГУ им. Т.Г. Шевченко (Приднестровье, Тирасполь).
Науч. рук. – ст. преп. Н.М. Буйместру*

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГИЙОМА МЮССО «PARCE QUE JE T'AI ME»

Стилистический прием – это способ организации высказывания/текста, усиливающий его выразительность. По мнению И.Р. Гальперина, стилистический прием можно определить как типизированное и целенаправленное обобщение, «сгущение» характерных признаков общеязыковых выразительных средств. [1, с. 48]

Три современные классификации выразительных средств языка были предложены Дж. Личем, Ю. М. Скребневым и И. Р. Гальпериним.

В своей классификации Дж. Лич выделяет два языковых уровня «регистр» и «диалект».

Ю. М. Скребнев предлагает комбинацию принципов парадигматического и синтагматического разделения и поуровневый подход.

Следующая классификация принадлежит И.Р. Гальперину. Он ориентируется на уровневый подход и выделяет следующие виды стилистических средств:

- 1) фонетические выразительные средства и стилистические приемы;
- 2) лексические выразительные средства и стилистические приемы;
- 3) синтаксические выразительные средства и стилистические приемы. [1, с. 123-287].

Невозможно перечислить и проанализировать все средства оформления художественной информации в произведении. Мы обратимся только к тем, которые представляют для нас особый интерес в романе Гийома Мюссо “Parce que je t’aime” (“Потому что я тебя люблю”, перевод Елены Кошелёвой), с целью оценить способы их передачи. В

данной работе мы опирались на классификацию И.Р. Гальперина, поскольку она наиболее ёмко и лаконично охватывает все ступени стилистических средств выразительности. Всего было проанализировано 549 единиц художественной выразительности (среди них 2 принадлежат фонетическому уровню, 222 – лексическому и 325 – синтаксическому).

Среди лексических выразительных средств в первую очередь стоит рассмотреть метафору (110 единиц). При передаче метафоры на русский язык можно пойти двумя путями: сохранить образную сердцевину приёма подлинника или заменить его своим, сохраняя при этом стилистическую окраску, адекватную оригиналу. Например, *Tu t'es laissée **contaminer** par tout ce que l'argent apporte de mauvais. Ты **отравлена** всем самым пагубным, что дают деньги.* В данном случае русский текст полностью соответствует подлиннику.

В следующем примере мы наблюдаем замену метафоры на другое стилистическое средство – сравнение: *Il put contempler à loisir **la forêt grandiose de gratte-ciel qui s'étendait devant lui. Он мог с большим наслаждением созерцать грандиозную панораму небоскребов, простирающуюся перед ним, словно лес.***

В некоторых случаях автор перевода прибегает к трансформации метафоры, из-за чего соответствие французского и русского вариантов становится частичным: *Mais d'autres cicatrices, bien qu'invisibles, **balafrent** son âme. Но другие шрамы, невидимые, **горят** в его душе.* В этом примере переводчик заменил слово *balafrer* (изрубцевать) на *гореть*, при этом метафора сохраняется.

Итак, полное совпадение языка оригинала и перевода составило 83%, частичные совпадения – 9%, передача метафоры через сравнение – 2%, на долю авторских метафор переводчика пришлось 3%, и отсутствие в русском варианте метафоры как таковой дало 3%.

Также весьма интересным образом ведёт себя сравнение (27 единиц). В 76% случаев мы видим полное совпадение французского и русского варианта, как в примере: *Ses maigres économies **avaient fondu comme neige au soleil. Её жалкие сбережения **растаяли, как снег на солнце.***** Поскольку и метафора, и сравнение строятся по принципу переноса свойств одного объекта на другой, то периодически они могут быть взаимозаменяемыми: *Connor voit son corps **flamber comme une torche. Коннор видит, как его тело превращается в факел.*** На подобные примеры пришлось 8%.

Говоря о синтаксических средствах выразительности, стоит отметить, что здесь переводчик реже прибегает к новаторству. Основные изменения касаются парцелляции (55 единиц), риторических восклицаний (11 единиц) и риторических вопросов (49 единиц). Так, автор русского текста вводит в перевод парцеллирующие элементы, которых изначально не было в подлиннике (13%): *Depuis la veille, il accumulait les questions **sans avoir aucune réponse. С недавних пор у него один за другим возникали вопросы. Но ответов на них не было.*** Таким образом переводчик подчёркивает важность событий, действий и мыслей героев, на которые, по его мнению, следовало бы обратить внимание.

Также 2% приходится на частичные случаи совпадения текста оригинала и перевода, когда количество парцеллирующих элементов различается: *Chacun va trouver en l'autre une sécurité affective, une conviction et une force. **La conviction, quoi qu'il arrive, de pouvoir toujours compter sur quelqu'un. La force de ne jamais se laisser détruire. Они обретают друг в друге духовную защиту, уверенность и силу. Силу, которая всегда пребудет с ними.***

Подсчёт и анализ риторических восклицаний показал, что они чаще употребляются переводчиком, нежели самим писателем (64%). Например, *Toujours cette **méfiance chevillée au corps. Всегда эта подозрительность, вьёвшаяся в ее плоть!..*** В 36% наблюдается полное совпадение.

В случае с риторическими вопросами, количество полных соответствий составило 82%, а вариантов, внедрённых переводчиком, – 4%. Следующий пример демонстрирует наличие указанного приёма в переводе и отсутствия в подлиннике: *Un peu en retrait, Connor regardait ses trois patients en se demandant ce que leur réserverait l'avenir. Стоя немного поодаль, Коннор смотрел на троих своих подопечных, спрашивая себя: что готовит им будущее?* Также любопытным является тот факт, что 2% вопросов передано через восклицание: *Comment avait-elle pu lui raconter ses secrets les plus intimes, elle qui, d'habitude, ne faisait confiance à personne? Как она могла открыть ему свои самые сокровенные тайны, она, которая обычно никому не доверяла!*

Анализ стилистических средств показал, что среди художественных приёмов лексического уровня наиболее точными при переводе оказались метонимия, синекдоха, перифраз, оксюморон, парадокс, ирония и аллюзии – 100% совпадений при передаче. Наибольшее разнообразие проявили метафора – 83% полных совпадений, 9% частичных совпадений, 2% передачи через сравнение, 3% приёмов, внесённых переводчиком и 3% метафор отсутствуют в тексте перевода и сравнения – 80% совпадений, 8% передачи метафорой, 8% внедрены при переводе, 4% отсутствуют в русском варианте.

На синтаксическом уровне почти неизменными остались перечисления – 97%, антитеза – 92%, градация – 100%, хиазм – 100% и несобственно-прямая речь – 100%. Переводчик привнёс особую вариативность в такие приёмы, как парцелляция – 83% полных соответствий, 2% частичных соответствий, 13% вариантов, привнесённых переводчиком, 2% отсутствуют в переводе, риторические восклицания – 36% полных соответствий, 64% приёмов введены при переводе, и риторические вопросы – 82% полных соответствий, 10% частичных соответствий, 2% передачи восклицанием, 4% добавлены переводчиком и 2% не переданы в русском тексте.

Исходя из проделанного анализа и вычислений, можно сделать вывод, что количество полных соответствий преобладает при переводе на русский язык стилистических приёмов в произведении «*Parce que je t'aime*», что делает текст перевода максимально близким к оригиналу.

Литература

1. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике / А.И. Гальперин . – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. – 459 с.
2. Дмитриева Л.Л., Хованская З.И. *Stylistique française*. Стилистика французского языка / Л.Л. Дмитриева, З.И. Хованская . – М.: Высшая школа, 2004. – 416 с.
3. Долинин К.А. Стилистика французского языка, 2-е изд., дораб. / К.А. Долинин . – М.: Просвещение, 1987. – 303 с.
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. – М.: Высшая школа, 1990. – С.279-288
5. Скребнев Ю.М. Основы стилистики английского языка / Ю.М. Скребнев. – М.: Астрель, 2003 – 220 с.

*Р. Мёбиус, студ. Гёттингенского ун-та имени Георга-Августа
(Германия, г. Гёттинген);
студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. наук, проф. М. Фрайзе;
д-р филол. наук, проф. А. А. Фаустов*

БЕСЕДА С ВОСКОВЫМИ ФИГУРАМИ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР – «КЛЕОПАТРА» АЛЕКСАНДРА БЛОКА И БОЛЕСЛАВА ЛЕСЬМЯНА

В созданном 1904-1908 годах цикле «Город» Александра Блока есть стихотворение «Клеопатра» [3, с. 138–139] 1907-го года. Данный цикл определяет художественный путь Блока от «тезиса» к «антитезису», проявленный в изображении святой женщины в «Стихах о прекрасной даме» 1905-го года (тезис) и проститутки в стихотворении «Незнакомка» 1906-го года (антитезис), которое находится также в цикле «Город» [см. 1, с. 68–69].

В 1920-м году был опубликован сборник стихотворений польского поэта Болеслава Лесьмяна под названием «*Łąka*» («Луг»). Сборник содержит 11 циклов стихотворений, и в предпоследнем цикле под названием «*Ponad brzegami*» («Над берегами») мы находим стихотворение «*Kleopatra*» [2, с. 271]. Это стихотворение, пятое по счету, является самым длинным из десяти отсылающих друг к другу стихотворений.

Как и в «Клеопатре» А. Блока, лирический субъект Б. Лесьмяна находится в музее восковых фигур, или, иными словами, в паноптикуме. Достойное внимания сюжетное сходство обоих стихотворений проявляется на протяжении всего чтения: И Блок, и Лесьмян в качестве экфрасиса побуждают своих лирических субъектов смотреть на известную сцену самоубийства Клеопатры при помощи укуса ядовитой змеи. И Клеопатра Блока, и восковые фигуры Лесьмяна оживают, отсылая таким образом к мифу о Пигмалионе, а вместе с тем по существу и на метапоэтический уровень стихотворений. В конце обоих стихотворений лирические субъекты обращаются к Клеопатре. Однако нас интересует не сознательное или случайное сходство двух стихотворений, а различия между ними. Проанализируем подробно оба произведения.

Интересующая нас разница заключается в противопоставлении персонажей. У Блока поэт – часть толпы «пьяной и нахальной» (ст. 3), которая противостоит возвышенной Клеопатре. В течение стихотворения они уравниваются: бывшая царица теперь «воск», «тлен» и «прах» (ст. 24), тогда как лирическому субъекту – бывшему «в Египте лишь рабом» (ст. 26) – «ныне суждено судьбою [...] быть поэтом и царем» (ст. 27-28), так как лирический субъект и Цезарь (тогда косвенно и Клеопатра) будут «в веках равны перед судьбой» (ст. 31-32). Царица уже не обладает властью, но ее действия теперь вызывают «у пьяного поэта – слезы, / у пьяной проститутки – смех» (ст. 39-40), в том числе и актуализирующий мотив «Незнакомки».

Б. Лесьмян противопоставляет Клеопатре не только толпу посетителей, но и группу других восковых фигур, для которой характерно «*nieład*» (отсутствие порядка, гармонии – ст. 2), и которых так много («*gromada*» = толпа; ст. 3), как и посетителей. В строфах 2-5 описываются отношения между толпой посетителей и толпой восковых фигур, а только в шестой строфе начинается описание Клеопатры: «*Wśród nich pięknem jaśnieje Egiptu królowa, / Oszklona arką dosyć dla cudów przestworną*» («Среди них сияет красотой Царица Египта, / возлежащая в стеклянном просторном ковчеге ради соприкосновения с чудом» – ст. 21-22).

Именно в функции толпы посетителей, которая играет разные роли у русского и польского поэтов, а также в отношении между посетителями и восковыми фигурами нам

видится главная разница между стихотворениями: у Блока толпа – пассивна, пьяна, и – включая лирического субъекта – позорна и продажна (ср. ст. 13). Действие Клеопатры односторонне – она, по мысли лирического субъекта, является причиной пьянства толпы («Ты видишь ли теперь из гроба, / Что Русь, как Рим, пьяна тобой?» – ст. 29-30). Паноптикум здесь выбран для изображения современного вида массовой культуры, вместо которой сегодня можно бы было выбрать телевидение или YouTube. Это унижает Клеопатру и дает только поэту возможность беседовать с прошлым, т.е. через прозопопею (термин Дэниэля Брукса. – *Р.М.*) как представленный поэтом ответ мертвой Клеопатры («Я услышал бы не однажды» ст. 19); через апостроф как обращение к отсутствующей героине («Царица! Я пленен тобою! [...]» – ст. 25-32); и в последней строфе как уже не помеченный сослагательным наклонением настоящий ответ восковой Клеопатры («и слышу тихие слова ...» – ст. 36-40).

У Лесьмяна наоборот отношения между Клеопатрой и толпой двухсторонне: во второй строфе восковые фигуры ассоциируются с *громницами* (специальными свечами для поминовения мертвых), которые стоят на цоколях: «Tkwią te ciała o woni zagrzanej gromnicy / Na sokołach, opiętych purpurowem suknem» («Эти тела хранят запах сожженной громницы, / стоя на пьедесталах, обвитых пурпурным сукном» – ст. 5-6). Таким образом, посещению паноптикума добавляется и религиозный, и светский – но в противоположность Блоку возвышенный – характер (сопоставимо с посещением музей античных статуй). В четвертой строфе паноптикум сравнивается с лечебницей воскресших, в которую придут люди, которые еще не успели умереть: «Jak szpital zmarłych powstałych, zwiedzany ciekawie / Przez tych, co nie zdołali zmódz jeszcze mogiły» («Как лечебница воскресших, посещаемая из любопытства / Теми, кто еще не нашел в себе силы умереть» – ст. 15-16). В пятой строфе изображено, что восковые фигуры и посетители завязят друг от друга: «Korzystając z zachwianej przez żywych podłogi, / Rozuczonym ku życiu mocują się ruchem» («Двигаясь по шаткому продавленному ногами живых полу / борются с одолженным движением за жизнь» – ст. 17-18). Итак, если у Блока существует направляемое движение от прошлого к настоящему и будущему на одной оси и на второй оси от возвышенного к низкому, то у Лесьмяна ось линейного времени отсутствует. Вместо этого – время бесконечно идет по кругу и, следовательно, вертикальное движение (возвышенное и низкое, смерть и жизнь) отличается минимальными, периодическими колебаниями (мертвые оживают с помощи движений живых).

Таким образом, у Блока время линейно, а у Лесьмяна циклично. Вследствие этого встреча с Клеопатрой у Блока однократна, а то, что происходит у Лесьмяна, отличается многократностью и бесконечностью: «I jej oczu śmiertelna w nieskończoność zmrużka / Jest tem tylko, czem dla nas chwila zamyślenia» («И ее смертельный взор в бесконечность / всего лишь то, что для нас минута раздумья» – ст. 31-32).

До сих пор я не говорил о диалоге с Клеопатрой у Лесьмяна. У Блока диалог происходит в буквальном смысле: лирический субъект слышит Клеопатру, отвечает и слышит её ответ. У Лесьмяна этого нет: и Клеопатра, и лирический субъект остаются немymi. Стихотворение кончается перечислением частей тел Клеопатры в традиции Петрарки. Тогда в чем заключается здесь беседа, которая вынесена в название доклада? На мой взгляд, беседа здесь состоится на уровне интертекстуальности. Хотя и у Блока уже констатированы разные аллюзии, например, на Державина [1, с. 75] и Пушкина [4], их функция направлена на собственное положение в истории русской литературы и – как Даниэл Брукс аргументирует – на положение автора в русском символизме [1, 78]. Хотя, так как в «Клеопатре» Лесьмяна линейной истории не существует, и эта функция интертекстуальности является невозможной.

Вместо этого Б. Лесьмян берет некоторые известные сюжеты мировой литературы, комбинирует их и таким способом создает новую семантику. Я продемонстрирую это на одном примере: у Лесьмяна Клеопатра лежит не в стеклянном гробе, как у Блока, а в стеклянном ковчеге (здесь польское слово «arka» имеет также значение «сундук»), в том числе намекая на «Ноев ковчег» (по-польски «arka pogo»). Ветхозаветная семантика «Ноева ковчега», конечно, определена спасением жизни. Но если в Старом завете Бог сулит спасение животным от всемирного потопа, то ковчег восковой Клеопатры спасает ее собственную историю. В широком контексте можно сказать, что кабинет восковых фигур спасет мировую культуру. Что для этого нужно? Адресаты, которые не только оживают эту культуру «своими шагами», но и стремятся к трансцендентности способом усвоения культуры, которая отличается тем, что ее персонажи живут значительно дольше одной человеческой жизни.

Я благодарю Е.А. Пляскову за исправление рукописи и О.В. Дмитрину за помощь в переводе польских стихов на русский язык.

Литература

1. Brooks, D. Fetishizing Dialog: Apostrophe and Prosopoeia in Blok's «Cleopatra». / D. Brooks. // Slavic and East European journal. – 2016. – № 1. – С. 68–86.
2. Leśmian, B. Poezje zebrane. / B. Leśmian под ред. J. Trznadel. – Warszawa, 2012.
3. Блок, А.А. Стихотворения: Книга вторая (1904-1908). / А.А. Блок под ред. А.В. Лавров, М.Л. Гаспаров. – М., 1997.
4. Долгушев, В.Г. «Клеопатра» Блока и Ахматовой. Пушкинские традиции в поэзии «Серебряного века». / В.Г. Долгушев. // Русская речь. – 1999. – № 6. – С. 22-25.

*В.В. Четверикова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Г.Ф. Ковалев*

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА СОБИННИКОВА – ОСНОВАТЕЛЬ ВОРОНЕЖСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

В серии докладов, посвящённых 100-летию ВГУ, мы вспоминаем тех учёных, благодаря которым мы можем говорить о Воронеже как о мощном центре научной жизни, о людях, благодаря которым эта научная жизнь вошла в свою силу и заявила о себе миру. Валентина Ивановна Собинникова – именно такой учёный. Человек, которого мы по праву считаем основателем воронежской лингвистической школы. 70 лет педагогической и научной деятельности. Жизнь – трудовой подвиг, служение родному и славянским языкам.

В Воронеж Валентина Ивановна приехала в годы Великой Отечественной войны. Уроженка города Козельска, свой самостоятельный путь она начала в 1927 г. учительницей начальных классов в одном из сёл Тульской области после окончания педагогического училища в родном городе. Перед ней также стояла сложная задача обучения неграмотных и малограмотных. Потом её ждали Смоленский пединститут и аспирантура Куйбышевского пединститута. А с декабря 1943 года В.И. Собинникова становится преподавателем Воронежского университета. После «нового рождения» нашего факультета в 1941 году (известно, что в 30-е годы университет лишился гуманитарных факультетов), после оккупации нашего города в разрушенном фашистами Воронеже продолжает-

ся учебная и научная деятельность. Валентина Ивановна – один из основных преподавателей. Раиса Куприяновна Кавецкая, одна из её первых выпускниц пишет: «Послевоенная учёба в университете была нелёгкой: не было стульев, и мы сидели в холодных аудиториях на ящиках из-под снарядов, писали в старых конторских книгах вместо тетрадей, в чернильницах замерзали чернила. Но нас согревала естественная доброта Валентины Ивановны. Нередко она собирала у себя в комнате весь выпускной курс для чтения лекций и проведения семинаров (первый выпуск состоял из 4 девушек). В этой же комнате она устроила нам летом 1945 года проводы в жизнь» [1, с. 7]. Она не просто читала студентам лекции по исторической грамматике, старославянскому и польскому языкам, а учила истинной доброте, человечности. Как могла, подкармливала студентов в те голодные годы, вместе с ними работала на очистке двора разрушенного здания университета, восстанавливала разрушенную часть «красного корпуса», на различных работах, куда постоянно привлекали студентов. Валентина Ивановна не была абстрактным гуманистом: в тяжёлое время всегда приходила на помощь как морально, так и материально. Ольга Мироновна Трахтенберг, также одна из первых её выпускниц, в своих воспоминаниях об Учителе рассказывала о том, как она помогла ей пережить те страшные события, которые случились с юной студенткой в годы войны, как преподаватель сделал всё для того, чтобы она не оставила учёбу. Валентина Ивановна нашла тогда нужные слова, «слова, поддерживающие меня всю последующую жизнь в тяжёлые моменты: «Олечка, ваши несчастья и беды со временем забудутся, и вы будете вспоминать их как тяжёлый сон, а ваши знания останутся с вами на всю жизнь» [2, с. 19]. Профессор О.М. Трахтенберг пишет: «Считаю, что всем, чего мне удалось достигнуть в жизни, я обязана только ей, незабвенной, дорогой Валентине Ивановне, учёному, педагогу и другу» [2, с. 19].

Научная деятельность Валентины Ивановны была невероятно продуктивна. Её перу принадлежит более двухсот научных работ, десять из которых – монографии. Вплоть до самой кончины Валентина Ивановна продолжала писать статьи и книги. В.И. Собинникова – языковед широкого профиля: в поле зрения ее интересов вопросы истории языка, диалектологии, славяноведения; фонетики и лексики, морфологии и синтаксиса, стилистики сравнительной грамматики славянских языков; методики преподавания русского языка в вузе и школе; краеведения. Её работы неоднократно получали высокую оценку в печати, русские и зарубежные исследователи отмечали своевременность, новизну и высокую научную ценность её исследований.

«С самого начала научной деятельности В.И. Собинниковой особое внимание ее было обращено на изучение языка древнерусских памятников письменности. За "Словарь Псковской судной грамоты" Валентина Ивановна получает ученую степень кандидата филологических наук. В 1961 г. ей было присвоено ученое звание профессора, а в 1969 – доктора филологических наук» [3, с. 3].

С 1952 г. она возглавила кафедру русского языка, позднее – кафедру русско-славянского и общего языкознания, а с 1973 г. по 1991 г. – кафедру русско-славянского языкознания (ныне именуемую кафедрой славянской филологии) [3, с. 3].

Особо надо отметить начало лексикографической работы Валентины Ивановны, выразившейся в собирании воронежского диалектного материала и его систематизации в Картотеке Словаря Воронежских говоров. По инициативе В.И. Собинниковой учёные-филологи, студенты, аспиранты на протяжении нескольких десятилетий занимаются сбором и обработкой диалектной лексики Воронежской области. Валентина Ивановна возглавила работу по составлению «Словаря воронежских говоров», при ней начинают публиковаться первые пробные статьи. На данный момент свет увидели три выпуска этого словаря.

Несомненны также заслуги В.И. Собинниковой в организации изучения славянских языков в Воронежском университете. Она интенсивно занималась подготовкой научных кадров по славянским языкам, наладила постоянные научные связи с соответствующими кафедрами университетов Чехии, Македонии, Польши, Украины и Белоруссии. Её ученица, профессор В.И. Дьякова, в своей статье отмечает, что работы В.И.Собинниковой по славянским языкам публиковались в Чехословакии, Германии, а библиографический словарь «Славяноведение в СССР: изучение южных и западных славян», изданный в Нью-Йорке в 1993 г., называет В.И.Собинникову в числе ведущих славистов страны»[3, с. 5].

Большая работа проделана В.И. Собинниковой в качестве редактора различных трудов по языкознанию. Особо следует отметить редактирование ежегодного научного сборника «Материалы по русско-славянскому языкознанию» на протяжении 20 лет. В нём публикуются статьи по широкому спектру лингвистических проблем русских и зарубежных учёных. Регулярный выпуск этого сборника – её огромная заслуга. Ей удалось то, чего не удавалось региональным коллегам. Ученики Валентины Ивановны отмечают, что она обладала удивительным качеством, некой мягкой настойчивостью. Она всегда радела за правду и старалась эту правду людям донести. При этом отмечали, с каким достоинством Валентина Ивановна это делала. Никогда не скандалила, в любых сложных обстоятельствах сохраняла спокойствие, была выше жизненных дрызг и мелочей, потому что точно знала ответ на главный вопрос, после которого отпадает тысяча второстепенных. Она умела вдохновлять молодых учёных, стимулировать зрелых, поддерживать неуверенных.

В 2016 году вышел 33-й сборник «Материалов по русско-славянскому языкознанию». Импульсу, который она запустила, угаснуть не дали и не дадут. Не дадут потому, что практически все преподаватели, работающие сейчас на филологическом факультете ВГУ, прошли в свои студенческие и аспирантские годы школу В.И. Собинниковой. Она ушла от нас в 1999 году. Конечно, многие не успели поговорить с ней, уже не смогли присутствовать на её лекциях, но, несмотря на это, мы все её ученики. На материале своих лекций она создала учебник по исторической грамматике русского языка. Сейчас учебников по этому, далеко не простому предмету, достаточно много. Но её учебник при всей своей серьёзности и научности и спустя десятилетия остаётся актуальным, понятным современным студентам, простым и кратким в изложении. А ведь мало понимать самому, нужен талант и умение передавать свои знания другим. И ей это блестяще удалось.

Более 50-ти лет научную, краеведческую, редакторскую работу В.И. Собинникова сочетала с плодотворной педагогической работой. Её ученики, среди которых много известных филологов, доцентов и профессоров, работают во всех концах нашей страны и за рубежом. Научная школа В.И. Собинниковой явила миру 68 кандидатов филологических наук, из них более 20 стали докторами и профессорами [3, с. 5]. По всей стране, заряженные той любовью к русскому слову, которую каждую минуту своей жизни несла Валентина Ивановна, увлечённостью наукой, поддерживающей в человеке свет разума и тепло души вне зависимости от возраста (перешагнув порог 90-летия она продолжала писать работы, в которых рассматривала практически не изученные вопросы использования языка), вдохновленные тем бескорыстным служением, тем подвигом, о котором мы, разумеется, сказали не всё, её ученики как эстафетную палочку несут этот огонь дальше. И сейчас, мир воздаёт хвалу и этим светилам, и мы слышим: «Да, это мощный учёный, удивительный человек, ученик той самой Валентины Ивановны Собинниковой».

Литература

1. Кавецкая Р.К. Воспоминания о В.И.Собинниковой / Р.К. Кавецкая // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сб. науч. трудов. – Вып. 29. – Ч. 1. – Воронеж : Институт ИТОУР, 2008. – С. 7-9.
2. Трахтенберг О.М. Из воспоминаний о Валентине Ивановне Собинниковой, моём дорогим учителем и большим другом / О.М. Трахтенберг // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сб. науч. трудов. – Вып. 29. – Ч. 1. – Воронеж : Институт ИТОУР, 2008. – С. 18-19.
3. Дьякова В.И. Мемория. Наш Учитель / В.И. Дьякова // Материалы по русско-славянскому языкознанию : международный сб. науч. трудов. – Вып. 29. – Ч. 1. – Воронеж : Институт ИТОУР, 2008. – С. 3-6.
4. Попов С.А. Филологический факультет ВГУ: прошлое, настоящее, будущее (к 60-летию со дня образования) / С.А. Попов. Воронеж : Воронежский университет, 2001. – 248 с.

*Е.С. Стрельникова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. наук, проф. Т.А. Никонова*

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА АБРАМОВА

Анатолий Михайлович Абрамов – личность эпохальная как для филологического факультета, так и для всего Воронежского государственного университета. Блестящий лектор, глубокий исследователь советской поэзии, педагог, доктор филологических наук, профессор, он создал кафедру советской литературы на филологическом факультете ВГУ, которой руководил 22 года. Сегодня это кафедра русской литературы XX-XXI вв., теории литературы и фольклора. А.М. Абрамов – один из организаторов и постоянных участников Дней поэзии в ВГУ, которые стали общероссийским событием, организатор многочисленных диспутов и литературных кружков. Принимал участие в создании журнала «Подъем», состоял в дружеской переписке с М. Исаковским, А. Твардовским, К. Симоновым, О. Берггольц... 5 декабря 2017 года Анатолий Михайлович отметил бы столетний юбилей.

После войны А.М. Абрамов появился на филологическом факультете и сразу стал его легендой. Живой, энергичный, пафосный, не умеющий говорить скучно и обыденно, он так естественно вписался в молодежную аудиторию, что стал ее кумиром, ее голосом – равно как он был голосом своего времени, с которым всю жизнь вел непрекращающийся диалог. М.И. Картавцева в воспоминаниях отмечает: «Да, он вступает в диалог со Временем, так как ощущает себя его частицей...» [1, с. 8]

С детства А.М. Абрамов много читал – у его деда, в отличие от соседей, была небольшая домашняя библиотечка. Во время учебы в художественном училище, в 1934 году (в 17 лет, в год окончания), А.М. Абрамов начинает писать стихи. Среди его строк – воспоминания о жизни в станице Качалинской (малая родина А.М. Абрамова); переживания, вызванные первой любовью; любование природой. Вскоре после окончания училища Анатолий Михайлович поступает в пединститут на филологический факультет. Учеба в пединституте не только укажет А.М. Абрамову путь к его истинному, педагогическому призванию, но и познакомит его с Антониной Тимофеевной Сыроежкиной, ко-

торая в будущем станет его единственной и любимой женой, спутницей, товарищем, верной подругой на долгие годы.

В 1936-1938 гг. А.М. Абрамов опубликовал несколько стихотворений в альманахе «Литературный Саратов». В 1937 году Анатолий Михайлович создает одно из своих самых ярких стихотворений «Стихи об Испании» [1, с. 20]. В этом стихотворении отразился весь идеализм молодого А.М. Абрамова, а также подлинно филологическая ориентированность на литературную традицию – здесь и «лесенка» В. Маяковского, и реминисценция на известнейшее стихотворение Михаила Светлова «Гренада» (1926).

Но начинается Великая Отечественная война. Воевал А.М. Абрамов на Карельском фронте. Был контужен, долгое время считался погибшим. Дослужился до лейтенанта, работал ответственным секретарем красноармейской газеты «Вперед» 368-й стрелковой дивизии. Его очерки и рассказы знакомили солдат с лучшими воинскими соединениями Красной Армии, а его стихи знали в каждом взводе, роте, батальоне, солдаты писали на них музыку и пели тревожными вечерами. Одно из самых сильных стихотворений А.М. Абрамова военного времени – «В разведроте Анатолия Волощука» [1, с. 42]. Рубленные, почти маяковские строки, поэтичность А.Т. Твардовского, тревожное ощущение близости смерти и дыхания войны – вот то, что рассказывает нам лирический герой А.М. Абрамова.

После войны Анатолий Михайлович учился в аспирантуре, но уже в МГУ, защитил кандидатскую диссертацию и приехал в 1949 году в Воронеж. Как потом вспоминал А.М. Абрамов, «уже давно Воронеж – это жизнь моей семьи, это моя жизнь, моя судьба» [1, с. 62].

По мнению А.М. Абрамова, литературоведение, как и сама литература, призвано говорить на человеческом языке, говорить о главном и интересном, о том, что волновало автора как человека и художника. О творчестве Владимира Маяковского – кандидатская диссертация А.М. Абрамова, написанная еще в Москве. Работы А.М. Абрамова о Маяковском внесли в науку свежесть, сразу же были замечены; в них Анатолий Михайлович будто следовал завету самого В. Маяковского: «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо» («Домой!» [2, с. 396]). А.М. Абрамов отошел от господствовавших в то время в литературоведении социологичности и публицистичности, возвращается к поэтике, образной системе произведения, особенностям композиции, лирическому герою, поэтическому мастерству вообще.

Главная книга жизни А.М. Абрамова – монография «Лирика и эпос Великой Отечественной войны». Анатолий Михайлович сам многократно говорил, что война – главное событие в его жизни. Потому и в монографии литературоведение перекликается с пережитым опытом автора, в результате чего создается эмоциональное, близкое общение с читателем. В монографии А.М. Абрамов перед нами – это и темпераментный критик, и участник боев, и беллетрист, и ученый-историк, и поэт. Это и взгляд на искусство, и на эпоху в целом, и на литературу, и на биографию каждого конкретного писателя. Строгий стиль исследовательских работ А.М. Абрамова прерывается яркими красками, образами, метафорами.

Одновременно с этим Анатолий Михайлович продолжает писать стихи. Публикует их редко, больше пишет в стол, иногда читает стихи на Дне Поэзии ВГУ. Остается в его стихах военная тема – подчеркнутая горькими воспоминаниями. Война осталась в памяти Абрамова, как и в исторической памяти всего советского народа, навсегда, и ее отголоски слышатся лирическому герою даже в самых мирных явлениях окружающего мира («Весна» [1, с. 68-69]).

Но время идет неумолимо. В апреле 1980 года скончалась Антонина Тимофеевна; А.М. Абрамов очень тяжело переживал смерть жены. Государство, в котором родился,

жил, творил, которое защищал Анатолий Михайлович на полях сражений, перестало существовать, ушло в прошлое. Не удивительно, что в последние годы XX века его настроение изменилось, а в лирике появляется настроение потерянности и одиночества («Не упади» [1, с. 81-82]). Диалог с прошлым становится тем более острым и щемящим, чем более далеко прошлое уходит от настоящего.

Но Анатолий Михайлович не был бы самим собой, если бы наряду с ностальгией по прошлому не испытывал светлую надежду на не менее светлое будущее. Александр Абрамов вспоминает об отце: «Большую часть своей жизни папа был неисправимым оптимистом... Одной из любимейших присказок отца была такая: “Торопись делать главное”» [3, с. 17]. И А.М. Абрамов всеми силами помогал наступающему будущему. Тонкий ценитель поэзии, Анатолий Михайлович первым видел окружавшие его молодые таланты и помогал им в их литературном творческом восхождении. А.М. Абрамов открыл литературе имена таких замечательных поэтов, как Анатолий Жигулин, Василий Кубанев, Алексей Прасолов.

И, конечно же, А.М. Абрамов запомнился всем как прекрасный лектор и педагог, вдохновенный рассказчик. М.И. Картавцева вспоминает: «Все университетские филологи Воронежа второй половины XX века вышли из его [А.М. Абрамова. – Е.С.] книг, статей, лекций, как русские писатели из гоголевской «Шинели»» [1, с. 4]. Все современники отмечают, что А.М. Абрамов владел огнем, обладал свойством зажечь. За это его называли энтузиастом, рыцарем, фанатиком поэзии и искусства. За это его помнят многие поколения студентов, прошедших через его руки и душу. Он никогда не говорил по пустякам, о чем-нибудь таком, что не относилось бы к тайнам искусства, живописи, музыки, литературы. Он никогда не повторял в аудитории прописных истин – он всегда творил на глазах студентов новое и непредсказуемое.

Анатолий Михайлович Абрамов – человек, который жил в унисон со своей эпохой и для своей эпохи. У А.М. Абрамова было обостренное чувство истории и своей причастности к ней, он всегда сознавал, что живет во Времени и Эпохе. Настоящее, прошлое и будущее сошлись в фигуре А.М. Абрамова воедино: это великие исторические события, современником которых стал Анатолий Михайлович; колоссальный вклад в отечественное литературоведение; внимание А.М. Абрамова к советской поэзии: как изучение творчества поэтов прошлого и настоящего, так и помощь в литературном становлении новых, еще малоизвестных поэтов. А.М. Абрамов остался в памяти воронежцев (особенно – студентов и сотрудников ВГУ) как символ советской эпохи и подлинного литературоведения, образец педагогического мастерства и интереснейшая, тонкая и глубокая личность.

Литература

1. Абрамов А.М. «И я вступаю в диалог...» / А.М. Абрамов. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2001. – 123 с.
2. Маяковский В.В. Собрание сочинений : [В 8 т.] / В.В. Маяковский. – Том IV. – М.: «Правда», 1968. – 527 с.
3. Лирика и эпос одной судьбы: памяти заслуженного деятеля науки РФ, члена Союза Российских писателей, профессора, доктора филологических наук А.М.Абрамова (1917-2005). – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. – 147 с.

*К.О. Высокович, студ. филологического ф-та СмолГУ
(Смоленск)
Науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Л.Г. Каяниди*

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ СКАЗКА: ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ

Восточнославянская сказка отличается высокой степенью сюжетно-тематического единства. В сравнительном указателе сюжетов восточнославянских сказок представлено несколько сотен родственных сюжетов. Большинство из них практически идентичны и отличаются друг от друга лишь на предметно-образном уровне. Так, сказки типа «дети в плену у лесного демона» отличаются только вариантом антагониста, которым становятся Морозко, Баба Яга, Леший, медведь, либо лошадиная голова. Однако есть сюжетные типы, которые отличаются большим мотивно-сюжетным разнообразием. Один из них – сказки о превращении человека в животное. Используя пост-пропповскую структуралистскую методику Елиазара Моисеевича Мелетинского и Сергея Юрьевича Неклюдова, мы проанализировали русские, украинские и белорусские сказки о превращениях. Нашей целью было выявление их общих особенностей и специфических черт на уровне сюжетной синтагматики, семантики и системы актантов. Материалом послужили сборники В. Добровольского, Е. Романова и М. Драгоманова.

В русской сказке о превращении, сохраненной в «Смоленском этнографическом сборнике» В. Добровольского, действием, ведущим к возникновению недостачи (– E), является один из сказочных предикатов – трансформация своего в чужое: дочь выходит замуж за лесничего, оставляет мать и уходит жить в дремучий лес. За образом лесничего угадывается лесной дух – леший, потому что место его обитания нечистое – болото. Бытовая коллизия «дочь покидает родительскую семью ради семьи мужа» осложняется мифологической – контактом с лесным духом. Недостачей в этой сказке (– L) становится доминирование чужого (мужнего и демонического) над своим (связанным с матерью, человеческим). Героиня становится лесничихой и теряет связь с внешним миром. Основным испытанием (E) становится проверка детей лесничего на верность семье и его убийство тещей. Теща выспрашивает детей о том, где укрывается их отец. Сын отрицательно реагирует на просьбу указать место, где находится убежище его отца (побуждение к действию – отрицательная реакция – положительный результат). А дочь выдает это место (побуждение к действию – положительная реакция – отрицательный результат). Таким образом, дочь ведет себя не по-семейному, предает родную семью, из своей превращаясь в чужую. Ликвидацией недостачи в сказке становится доминирование лесничихи над чужим, которое на этот раз предстает как теща и ее помощница – внучка. Превращение становится формой компенсации обездоленного: лесничиха превращается в кукушку, ее сын – в соловья, а ее дочь – в лягушку (животное низшего мира).

В белорусской сказке «Зязюля, сокол и лягушка» действием, ведущим к недостаче (– E), становится сказочный предикат «вторжение чужого в свое пространство», разбойников – в дом Якуба. Сын Якуба успешно проходит испытание вредителем, не выдает место, где укрылся его отец ((– inf) – plus), а дочь Якуба выдает (inf – min). Таким образом, она ведет себя не по-семейному, из своей превращается в чужую. В результате чужое (разбойники и их помощница – дочь) доминируют над своим (семьей), убивая Якуба. Основным испытанием в сказке становится борьба с вредителем в лице дочери-предательницы. Вернувшаяся домой мать превращает ее в лягушку, сына – в сокола, а сама становится кукушкой. Таким образом достигается доминирование своего (семьи) над тем, что стало чужим, дочерью, предавшей семью.

В русской и белорусской сказках обращает на себя внимание противопоставление животных высшего и низшего миров. В белорусской сказке лягушка ниже кукушки, зависима от нее: она может подать голос только после кукушки. В русской сказке сказано, что «лягушка квочет отвратительно в болотах, служа предметом презрения и ненависти людей».

Действием, ведущим к недостатке, является вторжение чужого в свое пространство (уж появляется в мире людей, ложится внутрь платья купающейся девушки). Девушка вступает в брак с ужом. Она порывает с человеческой природой, и животное начало доминирует над человеческим.

После свадьбы муж зовет жену в свое хтоническое, подводное царство, но героиня отказывается (на побуждение к действию она отвечает отказом и терпит урон). Она ведет себя как чужая по отношению к мужу, трансформируется в чужую, не переходя в подводный мир и как бы сохраняя верность человеческой природе. Ликвидацией недостатка становится превращение: муж проклинает жену за непослушание, и она оборачивается кукушкой, становясь вдовой по своей вине.

Особенностью данной сказки является то, что отсутствует прямой антагонист, как это было в предыдущих вариантах (мать, дочь-предатель): девушка сама мешает своему счастью, не желая приобщиться к роду своего супруга, который в наказание за её неверность, непокорность ему превращает её в кукушку. Неслучайно, перед самой сказкой Драгоманов помещает небольшое пояснение: «Зозуля – це удовица, тим вона і гнізда не вьє» [2, с. 8].

На первый взгляд, сказки о превращениях безоговорочно относятся к волшебным, потому что в них происходят чудесные события: люди превращаются в животных, иногда вступают с ними в брак. Однако еще Владимир Яковлевич Пропп отмечал, что «не всякие сказки, в которых есть волшебство, относятся к волшебным» [4, с. 195], и анализ синтагматической структуры сказок о превращениях не оставляет сомнений в том, что это сюжеты не волшебные, а бытовые, поскольку в них отсутствует предварительное испытание, которое венчается обретением волшебного помощника. Здесь же есть только два синтагматических сюжетных блока – действия, ведущие к беде, и действия, ведущие к компенсации беды.

Особенностью семантики сюжетов о превращениях является то, что в их основе лежит семейно-бытовая коллизия. Основным мотивом зоантропоморфного превращения становится предательство членов семьи (матерью – дочери, дочерью – отца, женой – мужа), которые ведут себя не по-семейному. Специфическим для разных восточнославянских ареалов является только нюансировка семейного конфликта: мать – дочь, дочь – отец, жена – муж. Все эти нюансы указывают на единый конфликт – между родительской семьей и семьей новой, куда вступает (или должна вступить) молодая жена.

Эта семейно-бытовая коллизия осложнена мифологическим элементом: обманутый герой-жертва является хтоническим существом: лешим, змеем. Если он человек, как Якуб в белорусской сказке, то с явным хтоническим прошлым, которое обнажается в том, что герой прячется под полом, т.е. в теллурическом локусе.

Мифологическую окраску в сказке имеет также художественное пространство. В украинской сказке пространство обнажено хтоническое – подводное царство. В белорусской присутствует бытовой дериватив хтонического пространства – подпол. По белорусским поверьям, в подполе живет домовый уж [5, с. 104]. В русской сказке хтоническое пространство предстает в своей горизонтальной проекции – болоте: лесничий живёт в самой глухой чаще леса на болотной речке.

Приложение

1. Добровольский В.Н. «Происхождение соловья, кукушки, лягушки. Козни лютой тещи, убийство нелюбога зятя».

- E	- L	E	L
<p>Своё trans чужое (дочь выходит замуж за лесничего, уходит жить в дремучий лес, оставляет мать)</p>	<p>Чужое dom своё Становится лесничихой, теряет связь с внешним миром.</p>	<p>Брат: caus – (-oper) – plus Не раскрывает тайну, как пробраться к хижине. Сестра: caus – oper – min Раскрывает тайну Своё trans чужое Дочь предаёт родителей</p>	<p>Своё dom чужое Мать наказывает дочь-предательницу, превращая её в лягушку (животное низшего мира) Человеческое trans животное Сын – соловей, Мать – кукушка, Дочь – лягушка.</p>

2. Романов Е.Р. «Зязюля, соколя и лягушка».

- E	- L	E	L
<p>Чужое mov своё Разбойники пробраются в дом Якуба, который прячется в подполе. Брат: (– inf) – plus Не раскрывает тайну, где находится отец. Сестра: inf – min Раскрывает тайну Своё trans чужое Дочь предаёт родителей</p>	<p>Чужое dom своё Убийство Якуба</p>	<p>Человеческое trans животное Сын – сокол, Мать – кукушка, Дочь – лягушка.</p>	<p>Своё dom чужое Семья наказывает дочь-предательницу, превращая её в лягушку (животное низшего мира)</p>

3. Драгоманов М.П. «Кукушка».

- E	- L	E	L
-----	-----	---	---

<p>Чужое тов своё Уж выходит в мир людей.</p>	<p>Чужое (животное) dom своё (человеческое) Девушка вступает в брак с ужом</p>	<p>Caus – (– opeг) – mп Муж зовёт её в своё подводное царство, девушка отказывается.</p> <p>Своё trans чужое (жена ведёт себя как чужая по отношению к мужу)</p>	<p>Своё dom чужое Муж-уж проклинает жену за непослушание. Девушка превращается в кукушку. Становится вдовой по своей вине.</p>
--	---	--	---

Литература

1. Добровольский В. Н.. Смоленский этнографический сборник. Часть I. Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. Т. XX. – С.-Петербург; 1891. – 808 с.
2. Драгоманов М. П. Малорусские народные предания и рассказы / М.П. Драгоманов. – Киев : Юго-Западный Отдел Императорского Русского Географического Общества, 1876. – 462 с.
3. Пропп В.Я. Русская сказка (Собрание трудов В.Я. Проппа.) Научная редакция, комментарии Ю.С. Рассказова. — Издательство "Лабиринт", М., 2000. – 416 с.
4. Романов Е.Р. Белорусский сборник. Вып. 4: Сказки космогонические и культурные / Е.Р. Романов. — Витебск : Типолитография Г. А. Малкина, 1891. – 220 с.
5. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общей ред. Н.И. Толстого. – Т.4 : П (Переправа через воду) – С (Сито) – М. : Международные отношения. 2009. – 656с.

*Е.С. Кривова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – к. психол. н., доц. О.П. Макушина*

ЧУВСТВО ВИНЫ У ДЕВУШЕК С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

В современном обществе к человеку предъявляются повышенные требования, касающиеся внешности и культуры питания. Общество специфично «санкционирует» людей, отступающих от данных эталонов: им сложнее найти работу, партнера для сексуальных отношений.

Под нарушением пищевого поведения мы будем понимать психологические нарушения, характеризующиеся ненормальными привычками в области пищевого поведения, которые могут включать недостаточное или чрезмерное потребление пищи в ущерб физическому и психическому здоровью [3, с. 280].

Выделяют три большие группы нарушения пищевого поведения:

1. Ограничительное пищевое поведение, которое характеризуется преднамеренными усилиями, направленными на достижение или поддержание желаемой массы тела посредством самоограничения в питании.

2. Эмоциогенное пищевое поведение, при котором желание поесть возникает в ответ на эмоциональное состояние.

3. Экстернальное пищевое поведение, при котором желание поесть стимулируется не чувством голода, а внешним видом еды, ее запахом, текстурой или образом других людей, принимающих пищу [4, с. 502].

А также следующие сочетания:

1. Ограничительное, эмоциогенное и экстернальное типы пищевого поведения. Такое сочетание характерно для людей, имеющих определенную историю попыток регулирования своего пищевого поведения для решения жизненных проблем.

2. Ограничительный и экстернальный типы пищевого. Данные сочетания нарушений пищевого поведения, выступают как взаимодополняющие.

3. Эмоциогенное и экстернальное типы пищевого поведения. У данной группы испытуемых чаще отсутствуют попытки контроля своего питания. Это стихийное потребление пищи, основанное на внутренних эмоциональных факторах или на внешних привлекательных факторах еды.

Чувство вины - аффективное состояние, характеризующееся проявлением страха, угрызений совести, ощущением собственного ничтожества, страдания и потребности в раскаянье. Чувство вины не всегда может быть конструктивным, иметь «объект» или ситуацию, достаточно внутреннего устойчивого ощущения собственной незначимости [2, с. 106].

Средняя выраженность чувства вины (т.е. средний уровень) необходим для адаптации личности и выступает как один из показателей психического здоровья личности. Лица, с уровнем переживания чувства вины выше или ниже области оптимальных значений (неадекватное переживание) затрудняются в анализе своего поведения, имеют негативное эмоционально-ценностное отношение к себе, эмоционально нестабильны, раздражительны [1, с. 45].

Нами было проведено исследование чувства вины у девушек с разными типами пищевого поведения.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей чувства вины у девушек с нарушениями пищевого поведения.

Объектом нашего эмпирического исследования служат личностные особенности у девушек с нарушениями пищевого поведения.

Предметом исследования – особенности чувства вины у девушек с нарушениями пищевого поведения.

В качестве **гипотезы** выдвинуто предположение о том, чувство вины имеет особенности при нарушениях пищевого поведения:

– чувство вины больше выражено у девушек, имеющих следующие типы нарушений питания: ограничительное, эмоциогенное, сочетание ограничительного, эмоциогенного и экстернального, сочетание ограничительного и эмоционального типов нарушений питания; при экстернальном типе пищевого поведения чувство вины не выражено, либо выражено не значительно.

База эмпирического исследования - Воронежский Государственный Университет, факультет Философии и Психологии, факультет Прикладной математики, информатики и механики, Романо-германской филологии.

Общее число испытуемых – 196 человек. Возрастная группа испытуемых – юношество (19-23 года). Пол участников – женский.

Для диагностики данных переменных были использованы следующие методики:

– голландский опросник пищевого поведения: целью данной методики служит диагностика соответствующего типа пищевого поведения: эмоциогенного, экстернального и ограничительного.

– опросник вины Куглера-Джонс: целью методики является наиболее полное измерение конструкта вины. Она объединяет три ее составляющие:

1) вину-состояние; 2) вину-черту; 3) моральные нормы.

В ходе исследования были выявлены следующие результаты:

– у группы с ограничительным типом питания чувство вины как эмоция, черта и моральные нормы находятся на оптимальном уровне, который необходим для личностного роста и развития. Это указывает на то, что возможные нарушения четких правил питания у девушек с ограничительным типом может вызывать чувство вины, но это чувство скорее помогает личности, чем препятствует ее развитию.

– Девушки, имеющие эмоциогенный тип нарушения пищевого поведения склонны к обвинительной позиции в отношении себя больше, чем девушки других групп. Возможно, наличие вины как черты личности может быть источником негативных переживаний, компенсируемых приемом большого количества пищи.

– У девушки с экстернальным типом питания чувство вины как эмоция и как чувство находятся на оптимальном уровне, который необходим для личностного роста и развития. Моральные нормы гибки, подвижны, что позволяет находить адекватное решение для каждой ситуации морального выбора. Характер данного типа питания не предполагает переживания сильного чувства вины, что было подтверждено в нашем исследовании.

– В группе девушек с сочетанием трех типов нарушений питания представлены три уровня (низкий, средний высокий) вины-состояния, вины-черты и моральных норм, что не позволяет говорить о характерных особенностях вины у данных девушек. Это обуславливается отсутствием четкого паттерна питания у девушек, а значит, возможна большая вариативность данного признака.

– Представительницы группы с сочетанием ограничительного и экстернального типов питания настроены в отношении своей личности и прошлых поступков позитивно, испытывают к себе симпатию. А значит, при таком сочетании типов девушки способны полагаться на свои силы больше, чем при других нарушениях в питании.

– Группа с сочетанием эмоциогенного и экстернального типов нарушений питания прошлые события и свою роль в них они оценивают позитивно, отсутствуют сожаление, гнев и разочарование в себе. Это может объясняться характером нарушения пищевого поведения: питание по эмоциогенному или по экстернальному типу в зависимости от ситуации, то есть способность вести себя в зависимости от контекста ситуации, а значит, быть более гибкими.

В ходе исследования не было выявлено сочетание ограничительного и эмоционального типов пищевого поведения, что связано с противоположностью целей принятия пищи при данных нарушениях: ограничительный тип направлен на контроль внутренних импульсов, а эмоциогенный на удовлетворение их.

Таким образом, по результатам нашего исследования установлено, что имеются определенные различия личностных особенностей (конкретно чувства вины) у девушек с разными пищевыми нарушениями. Данные факты необходимо учитывать в ходе терапии лиц с нарушениями пищевого поведения, для достижения эффективности психологической помощи.

Литература

1. Васильева О. С. Особенности переживания вины в современном обществе / О. С. Васильева, Е. В. Короткова // Москва. психотерапевт, журн., 2004. – № 1. – с. 45, 48 с.
2. Ильин Е.П. психология совести: вина, стыд, раскаяние / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2016. – 288 с.
3. Коркина М. В. Нервная анорексия непроцессуальной природы (к вопросу о ее нозологической принадлежности и взаимоотношениях с синдромом дисморфомании). — В кн.: Клиническая динамика неврозов и психопатий. Санкт-Петербург: 1997. – 304 с.

*Е.Ю. Краморенко, студ. гуманитарного ф-та ВГПУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол.н., доц. Г.А. Заварзина

СЛОЖНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ «ТУРИЗМ»)

В современной русистике весьма актуальной является проблема возникновения и функционирования лексических инноваций, формирующихся за счет словообразовательных возможностей языковой системы. Безусловно, «словообразование в процессах неологизации представляет собой достаточно эффективный процесс, который обновляет языковую картину мира и даёт право на реализацию новых лексем в языке» [1, с. 202-209].

Как показало исследование, лексическая подсистема «Туризм» в настоящее время пополняется новыми словесными знаками, создаваемыми «на базе морфологических ресурсов русского языка в соответствии с характерными для него словообразовательными типами и словообразовательными процессами» (по классификации, предложенной в работах проф. О.В. Загорской [4, с.10-11]).

В настоящее время при образовании новых слов исследуемой сферы особую роль выполняет *способ сложения*. Сложные слова дают возможность выразить кратко и экспрессивно новые понятия и реалии. Способ сложения в современном русском языке представлен двумя способами: *основосложением и словосложением*.

При помощи *основосложения* образуются сложные слитные слова, которые в исследуемой лексической подсистеме представлены сложносокращенными словесными знаками: *гастрокритики, гастробистро, экотуризм, туриндустрия и др.* Ср.: Первыми St.John Smithfield полюбили британские **гастрокритики**. Затем постоянными посетителями ресторана стали Мадонна, Брайн Ферри и Трейси Эмин («Conde Nast Traveller», №10-11, 2016); В здании на берегу реки Нерис расположился магазин с отличным выбором альбомов и недорогое **гастробистро** («Conde Nast Traveller», №10-11, 2016); **Экотуризм** в тропических странах – Ваша реальная возможность познакомиться с тропической природой, со всем многообразием мира животных и мира растений самых различных природных ландшафтов тропических регионов («Экотуризм», №15, 2014).

К числу активных динамических процессов в сфере туризма и туристической индустрии относится образование слов при помощи *словосложения*. Подобные композиты образуются по модели «существительное + существительное» с дефисным написанием [3, с. 82]: *сет-меню, мансарды-лофты, спа-процедуры, спа-зона, спа-программа, онлайн-база, ски-сафари, каньониг-парк, дизайн-отель, особняк-отель, гей-туризм, фитнес-отель, дайвинг-споты и др.* Ср.: Воды, омывающие пляж, отличаются поразительной

прозрачностью: видимость под водой составляет порядка 60 метров – так что это место не зря считается одним из лучших на планете **дайвинг-спотов** («Discovery», №11, 2016); В нашем отеле Вас ожидает ста **спа-процедур**: сеансы массажа, обертывания, восстанавливающие оздоровительные процедуры, а для приехавших на уик-энд – **спа-программы** выходного дня («Conde Nast Traveller», №10-11, 2016); Петровский **фитнес-отель** организует для Вас кофе-брейки, бизнес-ланчи (Выбирай, 06.2010). **Гей-туризм (ЛГБТ-туризм)** – (англ. LGBT — сокр. от lesbian, gay, bisexual, transgender) тип туризма, рассчитанный на представителей сексуальных и гендерных меньшинств и предполагающий путешествия в страны и регионы, толерантные к нетрадиционным сексуальным и гендерным проявлениям; **Сет-меню** – это меню, в котором гостям заведения предлагается за фиксированную сумму выбрать из специального списка сразу целый набор блюд: холодную закуску, салат, основное блюдо и десерт («Conde Nast Traveller», №10-11, 2016); **Ски-сафари** – горнолыжное катание из долины в долину, от одной горной гостиницы до другой, по обширному, связанному развитой системой подъемников региону («Discovery», №11, 2016).

Между компонентами сложных составных слов исследуемой подсистемы могут устанавливаться сочинительные и подчинительные связи [4, с.10-11]. У сложных слов с сочинительными отношениями компоненты синтаксически равноправны и могут присоединяться при помощи союза «И» [ср.: *бутик-отель, яхта-ресторан, бар-ресторан*].

Композиты с подчинительными отношениями образуются по модели «определяющее + определяемое» [напр.: *отель-шале, мансарды-лофты*] или «определяемое + определяющее» [напр.: *виски-тур, спа-комплекс, сафари – путешествие, дайв – сафар, джиб-парк* и другие].

Как показал анализ, при образовании сложных составных слов тематической сферы «Туризм» в современном русском языке новейшего периода могут использоваться как давно существующие языковые единицы, так и словесные инновации, выраженные:

иноязычными заимствованиями (неологизмы-заимствования), где русскому языку известен один из компонентов сложного слова [ср.: *гала-ужин, бутик-отель, отель-шале, хобби-тур, бизнес-отдых, яхт-клуб, отель-дворец, интерьер-бутик, онлайн-база*];

иноязычными словами, не вошедшими в систему русского языка [ср.: *дайв-сафари, контемпорари-арт, дайвинг-спот, тапас-бар, пре-пати-воляж*];

единичными лексемами представлены иноязычные вкрапления, или варваризмы [ср.: *пор-ир-ресторан, VIP-туризм, SPA-процедура, luxury-сегмент, beauty-клиника, орен-лобби*]. Данные лексемы могут быть представлены в разных вариантах их написания: латинской графикой и кириллицей, что говорит о недостаточной освоенности лексической системы современного русского языка [ср.: SPA-процедура и СПА-процедура; VIP-туризм и ВИП-туризм; Set-меню и Сет-меню].

Главной причиной резкой активизации распространения иноязычной лексики в качестве компонентов для создания словообразовательных неологизмов исследуемой подсистемы является влияние английского языка, следствием которого происходит массовый приток англицизмов в современный русский язык. Данное явление вносит существенные изменения в языковую систему, приводящее к прямому заимствованию из английского языка [напр., *интенсив-тур, лобби-бар, экшн-тур* и др.].

Одной из особенностей в лексике тематической сферы «Туризм» является заимствование иноязычных аббревиатур, которые номинируют явления и понятия туристической индустрии [напр., HV (Holiday Village) – отель, представляющий собой комплекс бунгало; ExB (Extra Bed) – дополнительная кровать; BO (Bed Only) – размещение без питания; ROH (run of the house) – размещение на усмотрение отеля; MB (Main Building) – основное здание отеля; FB (full board) – полный пансион - завтрак, обед и ужин (швед-

ский стол)].

Следует отметить, что исследование лексической знаковой подсистемы тематической группы «Туризм» в словообразовательном аспекте позволяет определить одну из основных тенденций, связанную с формированием слов-композигов.

Литература

1. Заварзина Г.А. Процессы неологизации в лексической подсистеме тематической сферы «Государственное управление» в русском языке начала XXI века / Г.А. Заварзина // Научные труды преподавателей и студентов гуманитарного факультета. Вып.1 : сб. статей. – Воронеж: ВГПУ, 2012. – С.202-209.

2. Заварзина Г.А. Русская лексика государственного управления: история формирования и современные процессы развития: дис. ... докт. филол. наук. / Г.А. Заварзина.– Воронеж, 2015.– 381 с.

3. Загоровская О.В. Лексические инновации в русском языке новейшего периода / О.В. Загоровская // Актуальные проблемы изучения и преподавания русского языка на рубеже XX-XXI веков. – Воронеж: ВГПУ, 2001.– С. 10-11.

4. Загоровская О.В. Основные процессы в развитии русской лексики на рубеже XX-XXI вв. / О.В. Загоровская // Проблемы русистики на рубеже XX-XXI веков: сборник статей. Воронеж: Научная книга, 2001. – С. 8-10.

5. Краморенко Е.Ю. Об одном из динамических процессов в лексической подсистеме «Туризм» в русском языке новейшего периода / Е.Ю. Краморенко // Студент. Аспирант. Исследователь. – 2016 – №11 (17). – С. 238-244.

*А.А. Осипова, студ. института филологии и журналистики
СГУ им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)
Науч. рук. – канд. филол. наук, проф. Л.Е. Герасимова*

ВОЙНА КАК ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ В.БЫКОВА

Творчество В. Быкова всегда привлекало не только простых читателей, но и критиков и литературоведов. Однако исследователи советского периода (Л. Лазарев, И. Дедков, А. Шагалов и др.) практически не касались национального аспекта, а наибольший интерес для них представлял аспект справедливости войны, её освободительного характера. Целью настоящей работы является выявление соотношения идей глобального и национального в поздней прозе белорусского писателя на материале повестей «Болото», «Полюби меня, солдатик...» и рассказа «На болотной стежке».

В своей книге воспоминаний «Долгая дорога домой» Василь Владимирович даёт следующее определение понятия «война»:

«Только на первый взгляд кажется, что наша война не такая, как предыдущая, что каждая новая война в чем-то иная, – все они одинаковые <...> война – сплошная дорога. Туда или назад. Или в рай, или в ад. А еще более типично, если направятся в рай, а придут в ад. Тут уже не романтизм, а самый жестокий современный реализм. Их полное и органичное сочетание» [1, с. 242, 196].

Василь Владимирович, чье имя прежде всего ассоциируется у читателя с Великой Отечественной войной, явился свидетелем и других войн, что, конечно, заставляет писателя задуматься вообще о войне, о её глобальном значении. И если в ранних и вершинных произведениях есть четкое понятие врага-немца, от которого нужно спасти прежде

всего свою страну и свой народ, то в поздних произведениях героями становятся и лица другой национальности. Так, например, в повести «Полюби меня, солдатик...» мы наблюдаем пожилую пару австрийцев, которых тоже коснулась война, которые тоже питаются по карточкам и в семью которых тоже приходит смерть: умирает их единственный сын.

Кроме того, в рассказе «На болотной стежке» писатель не ограничивается лишь белорусским вопросом и затрагивает еврейскую тему:

«Вечером накануне из района приезжал знакомый отца, который сообщил шёпотом, что там за старым кладбищем роют большую широкую яму – для кого бы только? Но для кого, теперь можно было догадаться. Евреи, однако, не хотели догадываться, потому что трудно было представить, чтобы такое было возможно – без вины и суда убить столько невинных людей» [2, с.17].

Война – всепоглощающая и беспощадная сила, касающаяся всех вместе и каждого по отдельности. И русских, и немцев, и солдат, и на первый взгляд непричастных к военным действиям людей.

«Все старались куда-то сбежать, скрыться, уйти от войны, хотя мало кому это удавалось. Война наступала всюду и каждого, где бы тот ни оказался – в городе, захолустном местечке или в этой глухой под лесом деревне» [2, с.6].

Героем, по чьей судьбе безжалостно прошагала война, становится в повести «Болото» мальчик Костя. Ему всего 11 лет, он живет в маленькой белорусской деревушке, как может помогает маме по хозяйству. Он проклинает эту войну за то, что она отняла у него отца и лишила возможности учиться в школе, а ведь он так любит читать книги. А в конечном итоге война забирает у него и жизнь.

В поздних произведениях Быкова только усиливается понимание войны как противоестественного, бесчеловечного, антигуманного явления. Но вместе с тем острее ощущается память национальной беды. В. Быков размышляет об истории: что предшествовало войне, что последовало за ней, нарастает историзм.

Теперь, в отличие от прежних произведений, на страницах книг можно встретить все больше и больше указаний на точные географические наименования Беларуси: Скрипачы, Бешенковичи, Червень, Боговизна и др.

Даже через белорусский пейзаж в повести «Болото» передаются драматические вехи в истории страны:

«В поле становилось светлее, стало видно, как полосы ржи чередуются с разными по ширине участками ячменя, пшеницы и картофеля, – как когда-то в доколхозной Западной Белоруссии, где больше года служил Гусаков. Но тут не Западная – тут должна быть Восточная, и эти нивы-полоски давно перепаханы тракторами, а земля обобщена в колхозы» (повесть «Болото») [3, с. 7].

Чаще встречаются отдельные белорусские слова и целые фразы на белорусском языке, так, например, финальная реплика партизана в повести «Болото» звучит как: «Ишь адкуль подбирались! Думали, ня убачым...» [3, с. 33].

У прежних героев не вставал так резко вопрос о национальной принадлежности. В повести «Полюби меня, солдатик...» главному герою докладывают:

«– Там землячка ваша, товарищ лейтенант.

– Какая землячка?

– Из Белоруссии, говорит.

<...> Очень хотелось встретиться с земляком, вспомнить знакомые обоим места, узнать что-либо о людях, может, и об общих знакомых, а то и родственниках, связь с которыми прервалась у меня в начале войны» [4, с. 249].

Критерием положительности-отрицательности героя становится принятие-непринятие советской системы. Так, в рассказе «На болотной стежке» во внутреннем монологе главной героини, учительницы, решившей заступиться за односельчан, отчетливо видно желание отделиться, обособиться, назвать себя не советским человеком, а белорусом:

«Что они цепляются с этим национализмом? – почти в отчаянии подумала учительница. Какая она националистка? Разве потому, что пошла просить за Алёну да сказала о всех деревенцах? А если бы не пошла, сидела взаперти, как другие, тогда кем бы она стала? Советской интернационалисткой? Но она же крещённая, и ей болит, когда болит людям» [2, с.20].

И, наоборот, те, кто активно поддерживает систему, оказываются предателями, трусами и подлецами. Даже фамилии героев в «Болоте» звучат по-особому: честный, не способный на бессмысленное убийство подростка ради приказа, герой с белорусской фамилией Тумаш и два слабых духом человека с русскими фамилиями – Гусаков и Огрызков.

Василь Владимирович в последние годы жизни признавался в интервью, что крайне опечален положением белорусского языка сегодня в стране. Фактически он не является языком общения в Республике Беларусь, где повсеместно живет русская речь. Данный вопрос также находит отражение в художественных текстах Быкова. Так, например, в рассказе «На болотной стежке» главная героиня вспоминает своего коллегу, молодого учителя истории Афанасия Петровича, который вопреки шаткому положению политики белорусизации, берется за белорусский язык и литературу, за которые не хотел браться никто: «Он видел в этом свой долг народного интеллигента, ибо, чтобы развить народную культуру, нужно было владеть национальным языком» [2, с.13].

Таким образом, мы видим, что В. Быков в позднем творчестве рассматривает явление войны с двух сторон: с одной стороны – война как глобальная проблема, что происходит с человеком во время войны и после, насколько античеловечно, бессмысленно и антирелигиозно данное явление. С другой стороны – память о войне очень конкретна, она в возвращении к белорусским местечкам, именам, языку, к чему-то очень близкому и родному. И в этом, наверное, секрет мирового характера прозы В. Быкова: без «национального» нельзя до конца понять и «глобальное».

Литература

1. Быков В.В. Долгая дорога домой / В.В. Быков. – М. : АСТ; Мн. : Харвест, 2005. – 448 с.
2. Быков В.В. На болотной стежке / В.В. Быков // Звезда. – 2001. – №8. – С. 6-21.
3. Быков В.В. Болото / В.В. Быков // Дружба народов. – 2001. – №7. – С. 7-33.
4. Быков В.В. Полюби меня, солдатик... / В.В. Быков. – М. : Эксмо, 2010. – 381 с.

**СЕКЦИЯ
«РЕБЕНОК И ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ГУМАНИТАРИЯ»**

*М.В. Алексеева, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н. О.А. Иванова*

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗПР

Актуальность проблемы развития детей с отклонениями психического онтогенеза и их социализации в современных условиях определяется рядом факторов.

Во-первых, в последние годы наблюдается ежегодный рост числа детей с ограниченными возможностями здоровья и различными нарушениями развития, среди которых около 25-30 % составляют дети с задержкой психического развития (далее – ЗПР). Согласно данным Министерства Образования и науки РФ, это свидетельствует об увеличении распространенности данной категории дизонтогенеза в 2,5-3 раза по сравнению с предыдущими десятилетиями, и статистика продолжает неумолимо расти.

Во-вторых, в требованиях ФГОС дошкольного образования, а именно в положении о содержании образовательной деятельности дошкольных учреждений, отмечается, что более пристальное внимание необходимо уделять достижению целей социально-коммуникативного развития личности детей. Это касается и детей с ЗПР, однако, особенности реализации данной задачи в их отношении не учитываются.

В-третьих, с принятием в 2012 г Федерального закона «Об образовании в РФ», закладывающим правовую основу развития инклюзивного образования в нашей стране, наблюдается тенденция усиления неоднородности состава учащихся образовательных учреждений, в том числе и дошкольных, по различным показателям развития. В связи с этим появляется необходимость диагностики и оптимизации психического развития детей с ЗПР, в том числе социально-коммуникативного развития как важнейшего фактора социальной адаптации в условиях инклюзивного образования.

Проблема приобщения ребенка к социальному миру, предполагающего формирование способности адекватно ориентироваться в окружающей социальной действительности и дальнейшее становление активной позиции субъекта социальных отношений в соответствии с культурными традициями и ценностями общества, раскрывается в процессе социально-коммуникативного развития личности дошкольника.

Социально-коммуникативное развитие – это процесс усвоения и дальнейшего воспроизведения индивидом социально-культурного опыта, необходимого для его включения в систему общественных отношений, осуществляющийся широким набором универсальных средств, содержание которых специфично для определенного общества, социального слоя и возраста [2]. Социально-коммуникативное развитие осуществляется через вхождение ребенка в мир социальных отношений, в ходе которого происходит усвоение им нравственных норм и правил поведения, а также достижений социального опыта в общении и сотрудничестве с окружающими людьми. Основная цель социально-коммуникативного развития – позитивная социализация детей дошкольного возраста через приобщение к социокультурным нормам, традициям семьи, общества и государства [7].

Эффективность социально-коммуникативного развития характеризуется становлением самостоятельности, целенаправленности и саморегуляции собственных действий, достаточным уровнем развития социального и эмоционального интеллекта, коммуникативной компетентности, а также положительной мотивацией к социальному вза-

имодействию и способностью реализовывать различные формы совместной деятельности на основе усвоения норм и ценностей, принятых в обществе [1].

Социально-коммуникативное развитие личности предполагает формирование способностей и свойств, обеспечивающих ее социальную адекватность. В первую очередь, к ним относится социальный интеллект – способность индивида понимать и предсказывать поведение других людей в различных жизненных ситуациях, а также умение распознавать чувства, намерения и эмоции по их вербальным и невербальным признакам, – который активно формируется в ситуациях межличностного общения именно в дошкольном возрасте [3].

Исследования М. И. Лисиной свидетельствуют о том, что основной движущей силой социально-коммуникативного развития служит общение, взаимодействие дошкольника со взрослыми и сверстниками, в ходе которого происходит становление и развитие всех психических процессов, а также формирование социально-активной личности ребенка. Общение при этом понимается как взаимодействие людей, содержанием которого является взаимное познание и обмен информацией с помощью различных средств коммуникаций с целью установления взаимоотношений, благоприятных для процесса совместной деятельности [4].

Согласно О. М. Казарцевой, в ходе общения ребенок приобретает социально-коммуникативный опыт, представляющий собой стилистическое варьирование речи в процессе коммуникации, в основе которого лежит изменение ролевых отношений между участниками общения. На основе этого опыта формируется коммуникативная компетентность [2]. Коммуникативная компетентность – это система внутренних ресурсов, необходимых для эффективного решения коммуникативных задач, определяющая индивидуально-психологические особенности личности и обеспечивающая эффективность ее общения и межличностного взаимодействия [6].

Проблема социально-коммуникативного развития приобретает особое значение в отношении детей, имеющих задержку психического развития. Под задержкой психического развития понимают замедление нормального темпа психического созревания по сравнению с принятыми возрастными нормами [5]. Основными клиническими признаками ЗПР являются: запаздывание развития основных психофизических функций (моторики, речи, социального поведения); эмоциональная незрелость; неравномерность развития отдельных психических функций; обратимый характер нарушений. В исследованиях В. Б. Никишиной утверждается, что при ЗПР нарушения имеют полиморфный характер, выраженность повреждений, степень несформированности и сочетания сохранных и несформированных психических функций может быть различной, чем и обусловлено многообразие проявлений ЗПР в дошкольном возрасте [5].

Анализ различных исследований показывает, что у дошкольников с ЗПР существуют особенности протекания процесса социально-коммуникативного развития по сравнению с типично развивающимися сверстниками. На основе трудов ряда исследователей – М.И. Лисиной, Е.С. Слепович, Н.Ю. Боряковой, О.В. Заширинской, Е.А. Завалко, Е.В. Локтевой, Р.Д. Триггер и др. – нами были выделены следующие характеристики детей с ЗПР в отношении социально-коммуникативного развития:

- несформированность адекватных способов усвоения и актуализации социального опыта, мотивационно-потребностной и эмоционально-волевой сферы;
- фрагментарность и неустойчивость социальных представлений, низкая познавательная активность;
- сниженная потребность в общении, трудности в развитии его речевых средств;
- задержка смены возрастных форм общения со взрослыми;

- отставание в темпах общего речевого развития или его качественное нарушение, не позволяющие выстраивать положительный коммуникационный процесс;
- дисгармоничность компонентов в структуре коммуникативной компетентности;
- задержка или специфические особенности формирования ведущей деятельности на разных этапах развития;
- позднее начало, замедленный темп или особенности формирования основных психологических новообразований;
- несвоевременное формирование предпосылок к овладению предметной, игровой, продуктивной деятельностью.

Очевидно, что многие из перечисленных характеристик социально-коммуникативного развития личности дошкольников с ЗПР оказывают негативное влияние на становление системы социальных отношений, препятствуют благоприятной социализации, становлению личности в целом. В связи с этим для эффективного социально-коммуникативного развития детей с ЗПР необходимо специально организованное, целенаправленное коррекционно-развивающее воздействие – психолого-педагогическое сопровождение.

В рамках исследования обозначенной проблемы нами было предпринято экспериментальное исследование с целью определения особенностей социально-коммуникативного развития дошкольников с ЗПР и разработки программы психолого-педагогического сопровождения. Данное исследование включало психолого-педагогическую диагностику, направленную на оценку актуального уровня социально-коммуникативного развития дошкольников с ЗПР и определение зоны ближайшего развития. На основе констатации и выделения данных феноменов нами были предложены специально организованные, педагогически целесообразные и адаптированные к индивидуальным особенностям каждого ребенка условия эффективного социально-коммуникативного развития.

В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что дети дошкольного возраста с ЗПР обладают специфическими особенностями социально-коммуникативного развития (которые проявляются в различии по таким показателям как социальный интеллект и коммуникативная компетентность) по сравнению с типично развивающимися сверстниками.

Базой эмпирического исследования являлось МБДОУ «Детский сад комбинированного вида №167» г. Воронежа. Выборка исследования конструировалась в соответствии с критериями внутренней валидности и репрезентативности. Объем выборки составил 40 человек, из которых 20 – типично развивающиеся дошкольники, и 20 – дети с ЗПР такого же возраста. Для сбора эмпирических данных использовались следующие психодиагностические методики:

1. Методика «Эмоциональные лица» Н. Я. Семаго – использовалась для оценки способностей адекватного распознавания ребёнком эмоционального состояния другого человека, что также дает возможность определить уровень развития способности прогнозировать поведение и обеспечения социальной адаптации в ситуациях совместной деятельности, общения и межличностных отношениях в целом;

2. Модифицированные Ю. Н. Романовой вопросы теста Векслера (субтест «Понятливость», субтест «Картинки») – использовались для выявления ориентации ребенка в социальной действительности как одного из показателей эффективности социально-коммуникативного развития и диагностики особенностей коммуникативной компетентности в общении со сверстниками;

3. Модифицированный вариант методики «Незаконченные рассказы» (Т. П. Гаврилова) – использовался для оценки таких показателей социально-коммуникативного

развития как социальный и эмоциональный интеллект, через определение уровня развития эмпатии и способности понимать действия другого человека и его причины;

4. Методика изучения коммуникативных умений (Г.А. Урунтаева, Ю.А. Афонькина) – предназначена для диагностики сформированности коммуникативных умений во взаимодействии со сверстниками по следующим признакам: использование речевых средств общения, развитие способностей принимать решения совместно с другим субъектом общения, осуществление взаимного контроля и взаимопомощи в совместной деятельности, отношение к результату деятельности друг друга.

В ходе экспериментального исследования нами были получены следующие результаты: большинство дошкольников с ЗПР обладают более низким уровнем социального и эмоционального интеллекта по сравнению с типично развивающимися детьми такого же возраста, коммуникативная компетентность и речевые средства общения как во взаимодействии со взрослыми, так и со сверстниками у данной категории детей формируются со значительным отставанием от возрастных норм, что не позволяет выстраивать положительный коммуникационный процесс и затрудняет социальную адаптацию. Полученные данные свидетельствуют о том, что достаточная эффективность показателей социально-коммуникативного развития детей с ЗПР не может быть достигнута без целенаправленного создания в дошкольном учреждении специальных психолого-педагогических условий.

Перспективой дальнейших исследований по данной проблеме является изучение вариантов психолого-педагогической помощи атипично развивающимся детям и воспитывающим их семьям, а также разработка программы психолого-педагогического сопровождения, направленной на развитие эффективности межличностного взаимодействия, достижение оптимизации процесса социально-коммуникативного и личностного развития, а также успешной интеграции в социум данной категории детей.

Литература

1. Андреева И.А. Исследование уровня социально-коммуникативного развития детей дошкольного возраста / И.А. Андреева // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. – 2014. – №4 (6). – С. 7-11.
2. Козлова С.А. Теория и методика ознакомления дошкольников с социальной действительностью / С.А. Козлова – М., 2004. – С. 65-66.
3. Куницына В.Н. Социальная компетентность и социальный интеллект: структура, функции, взаимоотношение / В.Н. Куницына // Теоретические и прикладные вопросы психологии. – СПб.: Изд-во СПбГУ, – 1995. – №21 – 60 с.
4. Лисина М.И. Общение, личность и психика ребенка / М.И. Лисина – М.: Изд-во Ин-та практической психологии, 1997. – 384 с.
5. Никишина В.Б. Практическая психология в работе с детьми с задержкой психического развития / В.Б. Никишина. – М.: ВЛАДОС, 2003. – 289 с.
6. Привалова С.Е. Формирование коммуникативной компетентности в период дошкольного детства / С.Е. Привалова // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 7. – С. 213-217.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования (ФГОС ДОО) [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации [Официальный сайт]. URL:<http://минобрнауки.рф/документы/6261/файл/5230/Приказ%>

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА
СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ
РАННЕГО ВОЗРАСТА С ПАТОЛОГИЕЙ ЗДОРОВЬЯ**

При сообщении диагноза или подробностей состояния здоровья ребенка раннего возраста родители испытывают шок и состояние оцепенения, теряется контроль и ориентиры, появляется чувство вины и поиск причин заболевания малыша. Это усугубляется равнодушным, безучастным тоном врача, сложной и непонятной родителям медицинской терминологией, влияющих на их психологическое состояние при сообщении о диагнозе ребёнка. Родители, в большей степени матери, испытывают чувство беспомощности, смятения, бесполезности, а также стыда за рождение несовершенного ребенка. Эмоциональные перегрузки становятся причиной избегания родителями малыша с патологией здоровья, отстранения от него, из-за чего формируются и закрепляются патологические черты ребенка [1].

Отвергающее отношение матери способствует эмоциональной, когнитивной, сенсорной и моторной депривации ребенка. В условиях хронической депривации наблюдается дисгармоничное развитие ребенка, что может вести к нарушению психического развития, социализации, развитию невротических и даже психотических расстройств [2].

Происходит тройная травматизация: у ребенка – из-за длительного лечения и стресса, у родителей – из-за страхов и неуверенности, вызванных потенциальными или реальными нарушениями у ребенка, в детско-родительских отношениях – из-за вызванных патологией препятствий в построении связей.

Для практического изучения данной проблемы нами было предпринято эмпирическое исследование отношения к диагнозу родителей детей с различными патологиями здоровья. Базой исследования выступили Перинатальный центр БУЗ ВО «Воронежская областная клиническая больница №1» и Детская поликлиника №11 БУЗ ВО «Воронежская городская клиническая поликлиника №4». Объем выборки составил 60 человек (30 семей), из которых 30 – родители детей раннего возраста с различными патологиями здоровья, 30 – дети раннего возраста с различными патологиями здоровья. Для сбора эмпирических данных использовались методики – модифицированный вариант методики «Диагностика отношения к болезни ребенка – ДОБР» (В.Е. Каган, И.П. Журавлева, модификация С.А. Войцева, О.А. Иванова) и Шкала М-ADBB (А. Гедене), изучающая отстраненность ребенка раннего возраста с патологией здоровья.

В результате исследования матерей детей раннего возраста с патологией здоровья были получены данные по 5 шкалам: интернальности, тревожности, нозогнозии, контроля активности и общей напряженности. Экстернальный родительский контроль состояния здоровья ребенка – причины возникновения патологии воспринимаются как нечто, не зависящее от родителей, что они не могут контролировать и чем не могут управлять, был выявлен у 13,0%. У 54,0% выявлен интернальный контроль, при котором родители воспринимают себя как ответственных за состояние ребенка. У 33,0% мам восприятие находится в пределах нормы. Выраженная тревога выявлена у 30,0% мам, умеренное отрицание тревоги у 50,0%, что характеризует относительно нейтральное отношение к болезни ребенка. Крайние степени отрицания тревоги у 20,0% указывают на её вытеснение. Шкала нозогнозии указывает на то, что для 20,0% характерно преувеличение тяжести патологии ребенка, у 30,0% восприятие адекватно, а 43,0% мам преумень-

шают тяжесть состояния ребенка. Неадекватное ограничение активности ребенка поддерживает 37,0%, недооценивают значимость необходимых ограничений 13,0%, норма – 50,0%. Высокий уровень общей напряженности выявлен у 53,0% испытуемых.

Оценка ребенка раннего возраста с патологией здоровья производилась экспертной группой: студентом-психологом и студентами медицинского университета. У 70,0% детей выявлена заторможенность в процессе выразительности лица, лицо неподвижное, застывшее, отстраненное. У 86,0% нарушено формирование зрительного контакта, реакция на голос заторможена у 67,0% детей раннего возраста с патологией здоровья, у 50,0% нарушена активность движений, связь наблюдателя и ребенка нарушена у 60,0% детей раннего возраста с патологией здоровья. Таким образом, на качественном уровне анализа мы выяснили, что у 60,0 % детей раннего возраста с патологией здоровья присутствует отстраненность, что проявляется в безразличии и эмоциональной холодности в отношениях матери и ребенка. Обработка полученных результатов при помощи метода ранговой корреляции Спирмена позволил подтвердить гипотезу о существовании взаимосвязи между отношением родителей к диагнозу детей раннего возраста с различными патологиями здоровья и нарушением привязанности у них. Все это говорит о необходимости психолого-педагогической программы сопровождения семей, воспитывающих детей раннего возраста с патологией здоровья.

Целью программы сопровождения является организация комплексной психолого-педагогической помощи семьям, имеющим ребенка раннего возраста с патологией здоровья.

Задачи программы сопровождения:

1. Систематическое отслеживание психолого-педагогического статуса ребенка и динамику его психологического развития;
2. Непрерывное психологическое сопровождение родителей, имеющих ребенка раннего возраста с патологией здоровья;
3. Оказание психолого-педагогической поддержки семьям;
4. Организация и проведение групповых программ для семей, имеющих ребенка раннего возраста с патологией здоровья, встречи поддержки с семьями, которые преодолели похожие трудности;
5. Ознакомление персонала больницы с базовыми психологическими знаниями, включение имеющихся знаний в структуру их деятельности;
6. Профилактическая и просветительская работа.

Участниками программы выступают: клинический психолог; семья, имеющая ребенка раннего возраста с патологией здоровья; медицинский персонал, взаимодействующий с данной семьей.

Этапы психолого-педагогического сопровождения семей, воспитывающих детей раннего возраста с патологией здоровья:

1 этап – выявление семьи, воспитывающей раннего возраста с патологией здоровья. Мероприятия: сбор информации о семье, анамнеза о течении беременности, наличии / отсутствии осложнений, а также сбор данных о состоянии ребенка.

2 этап – оценка потребностей семьи. Мероприятия: сбор информации о семье, проведение беседы, диагностики психологического состояния родителей, особое внимание уделяется диагностике матери ребенка.

3 этап – составление индивидуальной программы психолого-педагогического сопровождения семьи, составление рекомендаций для медицинского персонала.

4 этап – реализация плана мероприятий сопровождения семьи, работа с матерью ребенка по осознанию реальной картины мира, полного принятия ребенка и патологии, как его части. Мероприятия: активизация системы взаимопомощи между семьями,

столкнувшимися с подобными трудностями. Занесение информации об оказании различных видов психологической поддержки семье.

5 этап – отслеживание динамики изменений в семье. Мониторинг эффективности проводимых мероприятий, который подразумевает координацию предоставляемой помощи и оценку текущего состояния ситуации.

6 этап – подведение итогов реализации программы психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка раннего возраста с патологией здоровья.

7 этап – последующее систематическое наблюдение (встречи раз в 3 месяца при положительном результате, возврат к программе сопровождения на 1 этап при негативной картине).

При сопровождении используются групповые и индивидуальные формы работ, включающие в себя арт-терапевтические методики, направленные на снятие напряжения и стресса, установление положительного эмоционального контакта с ребенком с патологией здоровья.

Литература

1. Левченко И.Ю. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии: Методическое пособие / И.Ю. Левченко, В. В. Ткачева. – Москва : Просвещение, 2008. – 239 с.

2. Ткачева В.В. Психокоррекционная работа с матерями, воспитывающими детей с отклонениями в развитии: практикум по формированию адекватных отношений / В.В. Ткачева. – Москва : Гном-Пресс, 1999. – 64 с.

*Т.С. Голева, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. психол. н. О.А. Иванова*

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЕ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

В настоящее время внедрения практики инклюзивного образования массовую школу имеют право посещать дети с различными нарушениями, в том числе, и с нарушениями слуха. К сожалению, многие педагоги оказались недостаточно компетентны в новых условиях. Так, они не обладают необходимыми знаниями в вопросе психологических особенностей слабослышащего ребёнка. При поступлении в школу среди них важнейшее значение приобретает его готовность к школе, в том числе, и мотивационная. От сформированности и зрелости мотивов учения зависит успешность построения всего педагогического процесса с такими детьми при реализации инклюзивного образования.

Проанализировав публикации отечественных и зарубежных исследователей, мы выяснили, что готовность ребенка к обучению в школе трактуется ими как общая развитость личности, позволяющая ребенку включиться в систематический процесс обучения, успешно освоить его содержание, а также как целостная система свойств и качеств, которые должен приобрести дошкольник в своем физическом, умственном, психическом и эстетическом развитии [2, 3, 4, 8].

Психологическая готовность к школе – это необходимый и достаточный уровень развития ребёнка для освоения школьной и учебной программы в условиях обучения в коллективе сверстников. Она отражает общий уровень психического развития ребёнка, базовые и ведущие учебно-важные качества и одновременно является определяющим

фактором в психическом развитии старших дошкольников [3]. Отчественные психологи выделяют следующие компоненты готовности к школе (Л. И. Божович, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин и др.):

- 1) функциональная готовность;
- 2) мотивационная готовность;
- 3) интеллектуальная готовность;
- 4) эмоционально-волевая готовность;
- 5) коммуникационная готовность [2, 7, 8].

Мотивационная готовность к школе предполагает отношение к учебной деятельности как к общественно значимому делу и стремление к приобретению знаний. Предпосылка возникновения этих мотивов – общее желание детей поступить в школу и развитие любознательности. Чтобы ребенок успешно учился, он, прежде всего, должен стремиться к новой школьной жизни, к «серьезным» занятиям, «ответственным» поручениям. На появление такого желания влияет отношение близких взрослых к учению, как к важной содержательной деятельности, гораздо более значимой, чем игра дошкольника. Влияет и отношение других детей, сама возможность подняться на новую возрастную ступень в глазах младших и сравняться в положении со старшими. Стремление ребенка занять новое социальное положение ведет к образованию его внутренней позиции. Кроме отношения к учебному процессу в целом, для ребенка, поступающего в школу, важно отношение к учителю, сверстникам и самому себе. К концу дошкольного возраста должна сложиться такая форма общения ребенка со взрослыми, как внеситуативно-личностное общение [4].

Мотивационная готовность к школе включает также определенное отношение к себе. Продуктивная учебная деятельность предполагает адекватное отношение ребенка к своим способностям, результатам работы, поведению, т. е. определенный уровень развития самосознания. О мотивационной готовности ребенка к школе, обычно, судят по его поведению на групповых занятиях и во время беседы с психологом [5].

По мнению Л. И. Божович, для детей с ОВЗ в образовании наиболее значимой является мотивация, связанная с получением высоких отметок. Это сильные, реально действующие мотивы. Они, в свою очередь, тесно связаны с мотивацией престижа – «хочу учиться лучше всех». Один из наиболее существенных недостатков учебной деятельности детей с ОВЗ заключается в том, что они часто выполняют учебные действия, которые диктуются не самой задачей, а стремлением удовлетворить требования учителя. Это может объяснять стремление к получению высокой отметки и стремлению быть «первым» в классе. Также автор отмечает связь мотивации престижа с отставанием в развитии такого ядерного личностного образования, как самооценка [2]. Таким образом, на наш взгляд, слабослышащие дети имеют следующие особенности мотивационной готовности к школе:

- 1) незрелая самооценка;
- 2) стремление удовлетворить потребности учителя;
- 3) трудности налаживания контакта с товарищами;
- 4) мотивация престижа.

В рамках эмпирического исследования «Особенности мотивационной готовности к школе у детей с различными нарушениями анализаторов» нами были изучены некоторые из этих особенностей, а именно:

- 1) незрелая самооценка;
- 2) стремление удовлетворить потребности учителя;
- 3) трудности налаживания контакта с товарищами;

В исследовании участвовали слабослышащие и здоровые дети 6-7 лет. Общий объём выборки составил 22 человека. В качестве методик были использованы «Фильм-тест» (Р. Жиль) и методика исследования самооценки Дембо-Рубинштейн (Т. Дембо, С. Я. Рубинштейн).

По методике «Фильм-тест» мы установили, что у слабослышащих детей стремление соответствовать ожиданиям учителя находится в пределах нормы, а трудностей налаживания контакта с товарищами не наблюдается. Общительность и отгороженность, которые также могли бы свидетельствовать о трудностях контакта с товарищами, также оказались в норме. В то же время довольно много слабослышащих детей обладают высоким уровнем отгороженности от общения (45,45%) и общительности ниже нормы (36,46%). Возможно, здоровые дети не проявляют желания вступать в контакт со слабослышащими из-за того, что речь многих из них трудно понять. У здоровых детей все эти показатели оказались в пределах нормы.

В методике Дембо-Рубинштейн, направленной на изучение самооценки, мы проанализировали данные по трём шкалам – шкалы счастья, здоровья и умственного развития. Выяснилось, что у большинства слабослышащих детей завышенная самооценка по показателям шкал счастья (50%) и умственного развития (54,54%), что является нормальным для дошкольника. Однако по шкале здоровья показатели оказались ниже нормы (54,54%). Возможно, что одна из причин заключается в том, что многие обследуемые дети прошли через операции и носят слуховые аппараты, которые не всегда помогают услышать всю гамму звуков, и оттого они не чувствуют себя здоровыми. Другой причиной может являться тот факт, что слабослышащие дети могут не всегда участвовать в учебной и игровой деятельности. В группе здоровых детей мы наблюдали завышенную самооценку по всем показателям, что свойственно нормотипичным младшими школьниками.

Таким образом, мы можем сказать, что слабослышащие менее общительны со сверстниками, а также чувствуют себя менее здоровыми в отличие от обычных детей. Всё это естественным образом влияет на мотивацию к учению, ведь большая часть обучения строится на работе в команде, где необходимо общаться с другими детьми, не говоря о том, что общение – важная часть социализации школьника. Поэтому одной из задач учителя будет организация общения в классе в различных совместных играх, где дети смогут получать новый опыт общения друг с другом. Также стоит уделять внимание заниженному показателю по шкале здоровья: учителю необходимо строить деятельность так, чтобы слабослышащий ребёнок не чувствовал себя хуже и слабее других, чтобы он обязательно мог участвовать во всех играх. Выполнение данных рекомендаций поможет повысить мотивационную готовность к школе у детей с нарушениями слуха.

Литература

1. Блейхер В.М. Патопсихологическая диагностика / В.М. Блейхер, И.В. Крук. – Киев : Здоров'я, 1986. – 280 с.
2. Божович Л. И. Избранные психологические труды. / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – Москва : Просвещение, 1989. – 53 с.
3. Вьюнова Н.И. Психологическая готовность ребенка к обучению в школе / Н.И. Вьюнова, К.М. Гайдар, Л.В. Темнова. – Москва : Академ. проект, 2003. – 253 с.
4. Гамезо М.В. Возрастная и педагогическая психология : учеб. пособие для студентов / М.В. Гамезо, Е.А. Петрова, Л.М. Орлова. – Москва : Пед. о-во России, 2003. – 512 с.
5. Дубровина И.В. Возрастная и педагогическая психология / И. В. Дубровина, А. М. Прихожан, В.В. Зацепин. – Москва : Издательский центр «Академия», 1999. – 320 с.
6. Касьянов С.А. Психологические тесты / С.А. Касьянов. – Москва : Эксмо, 2006. – 608 с.

7. Леонтьев А.Н., Запорожец А.В. Вопросы психологии ребенка дошкольного возраста / А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожец – Москва : Международный Образовательный и Психологический Колледж, 1995. – 144 с.

8. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды / Д.Б. Эльконин – Москва : Педагогика, 1989 – 560 с.

*К.А. Ивашкина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – к. физ.-мат. наук, доц. О.П. Малютина

ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ РАННЕГО ДЕТСКОГО АУТИЗМА И СИНДРОМОМ ДАУНА В КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЕ

Потребность в общении – одна из ведущих потребностей человека, характеризующая его как социальное существо. Согласно Г.М. Андреевой, общение – система, включающая в себя 3 компонента: коммуникативный, интерактивный и перцептивный. Существенно, что все эти функции в общении реализуются одновременно. Можно сказать, что коммуникация входит в общение, отражая лишь одну из сторон этого феномена.

М.С. Каган понимает под коммуникацией информационную связь субъекта с тем или иным объектом – человеком, животным, машиной. Она выражается в том, что субъект передает некую информацию, которую получатель должен принять, понять, хорошо усвоить и в соответствии с этим поступать. Все это приводит не просто к движению информации, но к уточнению, обогащению знаний, сведений и мнений, которыми обмениваются люди. Однако не все могут свободно вступать в контакт и включаться в процесс общения. Дети с синдромом раннего детского аутизма (далее РДА) и дети с синдромом Дауна одни из них.

РДА – это группа заболеваний, характеризующихся отставанием формирования речевых навыков, проблемами в общении и наличием набора стереотипных привычек [1, с. 173]. Аутизм связан с нарушениями в эмоциональной связи с людьми. Ребенок как будто не замечает ничего вокруг, что не может не сказаться на его общении с другими: он не смотрит в глаза, не отвечает на вопрос, избегает телесных контактов. При настойчивой попытке вовлечь аутичного ребенка во взаимодействие у него возникает тревога, напряженность, нередка и агрессия.

Среди особенностей в коммуникативной сфере выделяют следующие: задержка или остановка речевого развития без компенсации с помощью использования жестов, отсутствие реакции на речь других людей, стереотипное использование речи, замена местоимений, использование обычных слов в необычном значении, неологизмов, неспособность начать и поддерживать диалог, нарушения просодики, трудности с пониманием смысла и употреблением понятий, нарушения невербальной коммуникации, неспособность соблюдать очередность беседы, отсутствие понимания эмоционального состояния собеседника, невозможность поддержания контакта глаз. Независимо от срока появления речи и уровня ее развития, ребенок не использует речь как средство общения. Он редко обращается с вопросами, обычно не отвечает на вопросы окружающих и в том числе близких для него людей. В то же время у него может достаточно интенсивно развиваться «речь для себя». Среди характерных патологических форм речи обращают на себя внимание эхоталии, вычурное произношение, своеобразная интонация, нарушения голоса с преобладанием особой высокой тональности в конце фразы или слова, длитель-

ное название себя во втором или в третьем лице, отсутствие в активном словаре слов, обозначающих близких для ребенка людей.

Синдром Дауна – одна из форм геномной патологии, при которой хромосомы 21 – й пары, вместо нормальных двух, представлены тремя копиями. Для детей, страдающих болезнью Дауна, характерны особенности в психическом развитии, отличающие этот синдром от других нарушений нормального онтогенеза [2, с.29]. Обращает на себя внимания умственная отсталость, недостаточность логической памяти и внимания, но хорошее развитие механической памяти, чрезмерная эмоциональность.

Коммуникативная сфера так же отличается рядом характеристик. Прежде всего, стоит отметить, что дети с синдромом Дауна способны устанавливать контакт с матерью сразу после рождения, в отличие от детей с синдромом РДА. Однако специфика состоит в том, что у даунят наблюдается задержка в появлении комплекса оживления, сокращении в длительности контакта глаз с матерью, нарушении очередности вокализаций. Однако ребенок с синдромом Дауна способен сформировать такую же привязанность к взрослому, как и его здоровые сверстники, в отличие от ребенка – аутиста. Следует отметить, что дети с синдромом Дауна могут идти на контакт с незнакомым взрослым, в отличие от аутистов. Но на протяжении всей жизни у них наблюдается сильная привязанность к близким людям. Часто у даунят наблюдается отставание в речевом развитии. Оно выражается в более позднем появлении речи и использование ее как средства общения, недостаточным пониманием смысла слов, бедном словарном запасе, дефектах звукопроизношения, нарушением грамматического строя. Но это компенсируется развитой системой невербальной коммуникации.

Уровень развития коммуникативной сферы детей с синдромом РДА и синдромом Дауна зависит от множества факторов: степени дефекта, программы и времени коррекции, частоты занятий, близости ребенка к родителям и т.д. Одним из ведущих является степень развития коммуникативной компетентности матери такого ребенка. Нами было проведено исследование в период с 2016 по 2017 года, подтверждающее данную гипотезу. В качестве базы эмпирического исследования выступило автономное учреждение Воронежской области «Областной центр реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями «Парус Надежды». Объектом исследования явились дети подросткового возраста (10 – 13 лет), страдающие синдромом РДА и синдромом Дауна, и их матери. Общий объем выборки составил 200 человек. Для сбора эмпирической информации применялись включенное наблюдение за коммуникативным поведением детей с РДА и синдромом Дауна, беседа с их матерями, методики «Измерение коммуникативной и социальной компетентности» В. Н. Куницыной, «Коммуникативные и организаторские способности» В. Синявского и Б. Федоришина.

В результате проведенного нами эмпирического исследования было выявлено:

1. Большинство детей с синдромом РДА по мнению их матерей имеют средний уровень развития коммуникативных способностей;
2. Большинство аутистов и даунов характеризуется зависимостью выраженности коммуникативных способностей от ситуации, ее привычности для ребенка и человека, с которым ему предстоит взаимодействовать;
3. Большая часть детей с болезнью Дауна по мнению их матерей характеризуются средним уровнем развития коммуникативных способностей;
4. Большинство матерей аутичных детей из нашей выборки характеризуются средним уровнем развития коммуникативной компетентности;
5. Большинство матерей детей с синдромом Дауна, вошедших в нашу выборку, имеют высокий или средний уровень развития коммуникативной компетентности;

6. Существует связь между уровнем коммуникативной компетентности матерей и уровнем коммуникативных способностей детей как с синдромом РДА, так и с болезнью Дауна.

Хотелось бы дать несколько рекомендаций родителям и педагогам по развитию коммуникативной сферы детей с синдромом РДА и болезнью Дауна:

1. Матерям повышать свою коммуникативную компетентность путем освоения этикета общения, что поможет более широко развивать коммуникативные способности детей в процессе их воспитания;

2. Матерям нужно больше общаться с ребенком, стараться проговаривать те чувства и эмоций, которые он испытывает в данный момент;

3. Матерям, имеющих детей с болезнью Дауна, нужно чаще общаться со своим ребенком, читать ему книги, что будет способствовать правильному грамматическому выражению им своих мыслей;

4. Педагогам следует проводить групповые занятия с детьми с синдромом РДА, что позволит детям вступать в межличностные контакты друг с другом;

5. Педагогам включать в занятие эмоциональные компонент.

Таким образом, можно сказать, что и синдром РДА и синдром Дауна – тяжелые аномалии в развитии ребенка. Они сказываются на всех сферах психической жизни. Самое главное, не отстраняться от такого «особенного» ребенка, не считать его неполноценным. Ведь диагноз «синдром РДА» или «синдром Дауна» - это не приговор.

Литература

1. Ивашкина К.А., Малютина О.П. АВА – терапия в работе с детьми с ранним детским аутизмом / К.А. Ивашкина, О.П. Малютина // Приоритетные направления развития науки, техники, технологии : сборник материалов Международной научно-практической конференции (29 февраля 2016 года), Том I. – Кемерово: ЗапСибНЦ, 2016 – с. 173 – 178.

2. Формирование навыков общения и речи у детей с синдромом Дауна : пособие для родителей / П.Л. Жиянова. – М. : Благотворительный фонд «Даунсайд Ап», 2010. – 140 с.

*М.А. Колесникова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р пед. н., проф. Н.И. Вьюнова

НЕВРАСТЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

Неврастения находится в центре внимания врачей и психологов в силу частой встречаемости данной патологии у детей и подростков. Важное значение имеет то, что в настоящее время неврастению относят к числу наиболее распространенных форм невроза в детском и подростковом возрасте. По статистике, к окончанию среднего школьного звена, неврологически здоровых детей остается едва ли половина [4].

Впервые понятие «неврастения» было описано американским неврологом Дж. Бирдом, в контексте выделения типологии неврозов. Он описывал это состояние как болезнь «американского общества» или «американский невроз». Автор выделил более пятидесяти симптомов, встречающихся при данном заболевании, но в качестве основных можно отметить физическую и психическую истощаемость.

Современные исследователи трактуют понятие неврастения или же астеническим невроз следующим образом – это расстройство психики из группы неврозов, которое

проявляется в повышенной утомляемости, раздражительности, неспособности к длительному физическому и\или умственному напряжению. Важной особенностью невроза можно считать тот факт, что человек осознает свою болезнь и стремится ее преодолеть, сохраняя способность адаптироваться к окружающей среде.

Возникает неврастения при сочетании двух ведущих условий развития расстройства – это физическое истощение (хроническая бессонница, отсутствие отдыха, интоксикация, расстройство питания, ВСД и др.) и патогенная ситуация.

В истории развития понятия «неврастения» можно заметить следующую динамику – изначально интерес для исследователей представляли только взрослые формы невроза, в общем, и неврастении в частности. Мы можем предположить, что интерес к более молодой возрастной группе возник после представлению общественности теории об «акцентуациях характера» К. Леонгардом. «Типы акцентуации характера могут непосредственно проявляться и способны быть скрытыми и раскрыться только в экстренных ситуациях, когда поведение индивида становится самым естественным» [5].

Так же можно отметить некую совокупность признаков некоторых типов акцентуаций характера и признаков неврастении. А именно выделяют аффективно-лабильный и эмотивный типы, для которых характерны признаки неврастенической реакции: эмоциональная лабильность, физическое и психическое истощение, хроническая мигрень, склонность к ипохондрическому настроению. А.Е. Личко отмечал, что личности с данными типами акцентуации характера наиболее чувствительны к внешним воздействиям среды, следовательно, у них отмечается большая склонность к возникновению нарушений в психике. Любая тревожная ситуация вызывает серьезные переживания и как следствие ведет к формированию деструктивной модели поведения индивида, у которого в характере доминируют акцентуации [3].

Примечательно, что признаки неврастении у взрослых и детей и подростков практически не отличаются. Исследователи отмечают психические и физические симптомы, среди первых выделяют – нарушение сна, чувства усталости и разбитости, раздражительная слабость, тревожность и мнительность; среди физических – головную боль, головокружение, тахикардию, артериальную гипертензию и дисперсические явления. Однако, специфика неврастении в любой возрастной группе обуславливается процентарным соотношением симптомов в симптомокомплексе. В зависимости от ведущего симптома отражается особенность подростковой неврастении:

%	Симптом	Показатели
95-100	Астения	Слабость, бессилие
	Вегетативные проявления	Нарушение сердцебиения, боли в сердце, склонность к сосудистым обморокам, понижение или повышение артериального давления, одышка, потливость, снижение аппетита и т.д.
<50	Расстройство сна	Поверхностный сон

Также стоит отметить особенностью протекания неврастения – это нарушение поведения. Почти что у 40% подростков с диагностируемой неврастенией наблюдается склонность к девиантному поведению. У 80% девочек наряду с расстройствами невротического уровня регистра наблюдались различные нарушения менструальной функции, чаще по типу гипоменструального синдрома (олиго-, опсоменорея, вторичная аменорея).

Т.Ю. Проскурина, Э.А. Михайлова и Т.Н. Матковская [2] в своем исследовании «Медико-психологический аспект неврастении у подростков» выделяют, что специфической подростковой неврастении так же можно считать «преимущественно патогенного происхождения». Подчеркивается значимость психотравмирующих воздействий для

формирования астении, вегетативные заболевания рассматриваются авторами как вторичный симптом, который лишь способствует развитию астении при сниженном пороге чувствительности к психогении.

Подводя итог можно сказать о том, что неврастения это расстройство, которое подросток осознает, и проявления которого он может самостоятельно отследить. Как правило, выделяют несколько тип жалоб, с которыми обращаются к специалистам:

1. Утомляемость на уроках и расстройство внимания.
2. Физическая усталость, слабость и постоянное физическое напряжение.

Итак, мы видим, что жалобы являются отражение основных симптомов неврастении, которые относят это расстройство к психоневрологическому. Наличие физиологического недуга является доказательством того, что организм сигнализирует о психической травме, причиной которой может являться ближайшее социальное окружение (как правило, психогенная травма обусловлена детско-родительскими конфликтами).

Несмотря на то, что в теории, мы можем разделить жалобы на психологические и физиологические, на практике они составляют общую картину расстройства. Потому что развивается неврастения, вне зависимости от доминирующего симптома, по одному механизму: наличие патогенной ситуации, которая влечет за собой длительный эмоциональный стресс и уже как следствие выступает физиологическая реакция организма на внешний и внутренний раздражители.

Из всех форм неврозов неврастения является одним из ведущих расстройств (по частоте встречаемости не только у взрослого населения, но и у подростков и детей), что на наш взгляд является действительным обоснованием для отдельного и углубленного изучения данной формы невротического расстройства.

Литература

1. Каменецкий Д.А. Неврология и психотерапия: учебное пособие / Д.А. Каменецкий. – Москва: Издательство «Гелиос Ассоциации российских вузов», 2002. - 336 с.
2. Проскурина Т.Ю., Михайлова Э.А., Матковская Т.Н. Медико-психологический аспект неврастении у подростков / Т.Ю. Проскурина, Э.А. Михайлова, Т.Н. Матковская // Медицинские исследования. – 2001. – Выпуск 1. – С 28-29.
3. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и итипологии характеров / Д.Я. Райгородский. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», – 2007. – 640 с.
4. Чутко Л.С. Сурушкина С.Ю., Яковенко Е.А., Анисимова Т.И., Родионова Е.Ю. Неврастения у подростков. Клинические проявления и лечение / Л.С. Чутко, С.Ю. Сурушкина, Е.А. Яковенко, Т.И. Анисимова, Е.Ю. Родионова. – Педиатрия. – 2016. - № 3. – С.79-82.
5. Типы акцентуации характера. URL: <http://psihomed.com/tipyi-aktsentuatsii-haraktera/>

*П.В. Кукуева, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р пед. н., проф. Н.И. Вьюнова

ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАС

В настоящее время часто обсуждается вопрос обучения детей с РАС. Рассматриваются варианты включения их в систему образования через ресурсные классы, инклю-

зию. Но хотят ли сами такие дети учиться? На практике часто можно столкнуться с отсутствием побуждения к изучению определенных видов учебной деятельности. В статье рассмотрены факторы развития мотивации учения младших школьников с РАС.

В период младшего школьного возраста у ребенка через учебную деятельность закладывается рабочая модель познания мира и себя через него. В случае если данная модель работает успешно, школьник растет заинтересованным познавательной деятельностью, что в последствии с большой долей вероятности может привести к положительному мировосприятию и запуску процесса самоактуализации. Для достижения такого результата необходимо подключить мотивационный компонент учения, состоящий из внешних и внутренних компонентов, которые описывает Чирков В.И. в своем труде «Мотивация учебной деятельности». Внешняя мотивация является внешней по отношению к самой деятельности, когда побудительная сила находится за пределами самой деятельности и поведения. Внутренняя мотивация рассматривается как побудительная сила самодеятельности, что побуждает и мотивирует этот вид деятельности, находясь в нем самом [5].

В учебном учреждении современного образца (с предоставлением образования всем обратившимся детям) помимо самого учебного процесса, осуществляющегося в рамках гуманистического процесса, также происходит и развитие мотивации учения, которое подвластно определенным факторам.

В нашем исследовании под факторами мы будем понимать причины, движущие силы какого-либо процесса, определяющие его характер или отдельные его черты [1]. Мотивация учения обуславливается внутренними, зависящими от самого ученика, и внешними факторами, среди которых одним из ведущих является стратегия деятельности педагога и частные включенные факторы. Мы более подробно остановимся на последних.

У нормотипичных детей развитие мотивации состоит из 3 блоков по А.К. Марковой: формирование мотивации в ходе учения познавательной активности школьников; формирование мотивации в ходе учения социальной активности школьников; формирование мотивации в ходе учения активного отношения школьников к своей мотивационной сфере [2].

Также А.К. Маркова раскрывает основные факторы развития мотивации школьников в сфере познавательных мотивов:

- обновление содержания и укрепление межпредметных связей;
- совершенствование методов обучения, прежде всего проблемно-развивающего;
- модернизация структуры урока;
- расширение форм самостоятельной работы на уроке;
- активизация деятельности школьников на уроке;
- система работы по воспитанию приемов самообразования.

При совместной работе друг с другом по выработке мотивации в ходе учения познавательной активности у школьников также формируются социальные мотивы учения.

Третий блок развивается с помощью таких факторов как:

- актуализация сложившихся мотивов, смыслов, эмоций;
- формирование приемов целеобразования;
- рождение нового мотива;
- придание мотиву новых качеств, характеристик: устойчивости, самостоятельности, доминирования, действенности [2].

Данные факторы проявляются и в обучении младших школьников с РАС, но они вступают в силу лишь после соблюдения определенных условий, характерных только для данной категории обучающихся.

Через внешний фактор стратегии деятельности педагога, применяемый в обучении с детьми с РАС, учитель учитывает и поддерживает имеющиеся сильные стороны личности ребенка и его интересы, в том числе и специфические. С их помощью легче заинтересовать новым материалом ребенка при условии связывания с ранее имеющимися знаниями. При обучении стоит обращать внимание на усиление тревоги ученика, моторной напряженности, на нарастание стереотипных движений, элементов самоагрессии – их наличие предупредит педагога о неправильно выбранной схеме действия [3].

Люди с РАС по-своему обрабатывают информацию, вероятно, что младшему школьнику потребуется дополнительное время для ответа. Также, в отличие от нормотипичных детей, данной категории обучающихся сложнее заниматься нежелательными видами деятельности. Поэтому они на первых этапах обучения занимают как можно меньше времени, чередуясь с более предпочтительными. В дальнейшем достигается гармоничный баланс занятий. Данная стратегия особенно подходит обучающимся с ограниченным спектром интересов. Для учащихся с более широким репертуаром интересов и навыков мотивационный импульс строится, начиная с наиболее предпочтительных, гарантирующих успех задач и чередуя такие задачи с менее предпочтительными, более сложными задачами в течение дня.

Мотивация ребенка напрямую зависит от выбранной педагогом стратегии обучения, в которую должна входить структурированность процесса: ученик имеет точно представление о последовательности задач и результатах, соответствующих его зоне ближайшего развития. Предоставить данное знание, а также и другую информацию, задания, можно не только словесно, но и наглядно, что позволит младшему школьнику меньше отвлекаться и придаст определенную долю уверенности.

Одним из ведущих факторов развития мотивации учения в изучении сложных тем является подготовка ребенка дома с родителями в спокойной, безопасной для психического здоровья обстановке. Например, если класс собирается обсудить звезды во время занятий, родители могут наблюдать ночное небо с их сыном / дочерью заранее, что позволит обеспечить связь с последующим опытом, приобретенным в школе, не допуская нервных страхов.

Младшим школьником с РАС больше, чем кому-либо ещё необходимо чувствовать поддержку окружающих: сарказм, насмешки, отсутствие доверия может не только снизить мотивацию, но и обострить сенсорное восприятие ребенка, вернуть нежелательное поведение, тем самым вычеркнув его из самостоятельной жизни в обществе [6].

Младшие школьники с РАС не сильно отличаются от своих сверстников. Несомненно, есть определенные причины, по которым им сложнее учиться, например, обостренное сенсорное восприятие или непонимание некоторых норм поведения в обществе. Однако если такой ребенок учится в массовой образовательной школе, то помочь ему получать знания наравне со всеми не столь сложно, действовать надо командой «педагог-одноклассники-родители»; и через некоторое время ученик сможет сам проявлять активность в познании и добыче информации.

Литература

1. Большая советская энциклопедия — Москва : Советская энциклопедия, 1969–1978.– 2944с.
2. Маркова А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте : пособие для учителя / А.К. Маркова – Москва : Просвещение, 1983. – 96с.

3. Никольская О.С., Баенская Е.Р., Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи / О.С. Никольская, Е.Р. Баенская, М.М. Либлинг – Москва : Теревинф, 2000. – 336с.
4. Симонова Н.М. Экспериментальное исследование структуры мотивации при усвоении иностранного языка в вузе.- Дисс. канд. психол. н.- М., 1982.- 172с.
5. Чирков В.И. Мотивация учебной деятельности: учебное пособие / В. И. Чирков – Ярославль: Ярославский государственный университет, 1991. – 52 с.
6. Rozella Stewart. Motivating Students Who Have Autism Spectrum Disorders.– [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iidc.indiana.edu/pages/Motivating-Students-Who-Have-Autism-Spectrum-Disorders> (дата обращения 10.04.2017).

*Нгуен Тхи Бить Хон, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук – канд. психол. н., доц. О.П. Макушина*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АУТИЗМА

Понятие «аутизм» (от греч. auto – сам) означает погружение, уход в себя. Сегодня проблемы аутизма привлекают должное внимание практической психологии. Такой интерес вызван, с одной стороны, достижениями в области его изучения, а с другой – неотложностью и сложностью практических проблем психотерапии и психологической коррекции данного явления. Остро стоит и вопрос о ранней диагностике, поскольку один из десяти детей, получающих диагноз умственной отсталости, на самом деле страдает аутизмом.

Изначально аутизм рассматривался как проявление шизофрении, и научные исследования были ориентированы на психопатологию. Особое внимание уделялось характеристикам аутичных людей, их странному, хаотичному поведению. Постепенно возобладала точка зрения, что аутичные люди, конечно, имеют набор специфических расстройств, но многое из их поведения может рассматриваться в рамках нормального развития. И медики, и психологи во всём мире начинают приходить к выводу, что аутисты тоже могут научиться радоваться жизни и стать полноценными членами общества. Более того, они способны дать социуму возможность уйти от ортодоксальных стандартов и креативно развиваться. Подтверждением этого является то, что психологи считают аутистами таких известных личностей, как Александр Пушкин, Альберт Эйнштейн, Агата Кристи, Билл Гейтс, Стивен Спилберг и многие другие.

Аутизм – расстройство, возникающее вследствие нарушения развития головного мозга и характеризующееся выраженным и всесторонним дефицитом социального взаимодействия и общения, а также ограниченными интересами и повторяющимися действиями. Все указанные признаки начинают проявляться в возрасте до трех лет. Схожие состояния, при которых отмечаются более мягкие признаки и симптомы, относят к расстройствам аутистического спектра.

Люди, страдающие аутизмом, имеют речевые проблем и имеют проблемы в социальной коммуникации. В результате этого аутистические люди живут в мире, который они не понимают или понимают с трудом. Таким образом, неудивительно, что они явно удаляются от внешнего мира и иногда выражают свою растерянность, ударяясь головой о стену, или становятся вспыльчивыми, раздражительными.

В большинстве случаев дети с ранним детским аутизмом здоровы физически, у них нет видимых внешних недостатков. Беременность у матерей протекает без особен-

ностей. Строение мозга больных малышей практически не отличается от среднестатистической нормы. Многие даже отмечают особую привлекательность лица у ребенка-аутиста. Но в некоторых случаях связь болезни с другими признаками всё же присутствует: инфицирование матери краснухой во время беременности, ДЦП, туберозный склероз, нарушения жирового обмена у полных женщин выше риск рождения ребёнка с аутизмом, хромосомные аномалии. Все эти состояния негативно отражаются на мозге и могут приводить к аутистическим проявлениям. Есть данные, что генетическая предрасположенность играет свою роль: риск развития болезни при наличии аутиста в семье несколько выше. Но истинные причины аутизма не ясны до сих пор.

У детей с аутизмом отмечаются следующие явления:

- отсутствует или резко нарушен контакт глаза-в-глаза;
- скудная мимика, часто не адекватная ситуации;
- жесты используются лишь для обозначения нужд; здоровый ребенок полутора лет, увидев интересный объект (большую собаку, радугу, яркий шар), спешит поделиться этим с родителями;
- неспособность понять эмоции окружающих;
- отсутствие интереса к ровесникам;
- трудности в играх с применением воображения и знанием социальных ролей;
- нет ответа на общение и проявление эмоций родителями.

Ответ на главный вопрос: лечится ли аутизм? – Нет. Лекарства от этой болезни не существует. Нет такой таблетки, выпив которую, аутичный ребёнок выберется из своей «скорлупы» и социализируется. Единственный способ приспособить аутиста к жизни в обществе – упорные занятия и создание благоприятной среды. Это большой труд родителей и педагогов, который почти всегда приносит свои плоды.

*В.С. Фалалеева, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., ст. преп. С.В Попова*

РОЛЬ СЕМЬИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА

С самого рождения ребенок полностью зависит от окружающих его людей – его семьи. Каждая семья имеет свой определенный морально-психологический климат, который влияет на формирование личностных качеств ребенка. Под руководством родителей ребенок приобретает свой первый жизненный опыт, элементарные знания об окружающей действительности, умения и навыки жизни в обществе. Понятие о добре и зле, представления об основных правилах, закономерностях жизни – все это способствует адаптации ребенка к окружающему миру – социализации, конечным продуктом которой является сформированная личность со своими ценностями и убеждениями.

Известный советский психолог Л. С. Выготский в своей культурно-исторической концепции заложил основу исследований роли семьи в развитие ребенка. Отношения со всем окружением ребенка, обусловленные влияющими на эти отношения культурными, историческими, экономическими факторами, является социальной ситуацией развития, которая определяет будущее развитие ребенка [1, с.12].

Общение ребенка с самым близким для него человеком – матерью – было исследовано М. И. Лисиной, которая стала одним из основателей психологии младенчества в советской науке. Выполнение разных задач при поддержке матери создает для ребенка

зону ближайшего развития, пространство для реализации своих потенциальных возможностей. Кроме того, экспериментальные исследования, проведенные под ее руководством, показали, что именно в общении со взрослым развиваются внутренний план действий ребенка, сфера его эмоциональных переживаний, познавательная активность, произвольность и воля, самооценка и самосознание [3, с.117].

Современная отечественная психиатрия большое внимание уделяет теории привязанности, которая видит причину психопатологических расстройств в нарушении привязанностей, обусловленных аномальными типами детско-родительских отношений. Эта идея обращения к семье как источнику ранней травмы невротических пациентов принадлежит основателю психоанализа З. Фрейду, который считал, что семейные отношения служат для ребенка первоначальной средой, в которой разворачиваются его инстинкты и влечения. Так дефицит эмоционального общения, недостаток внимания со стороны близких взрослых способствуют появлению у ребенка невротизма, тревожности. А у оторванного от родителей и помещенного в условия детского дома ребенка снижается общий психический тонус, ухудшаются эмоционально-познавательные взаимодействия и, как результат, тормозится интеллектуальное развитие. Э. Эриксон считает наличие в младенчестве тесного и эмоционально насыщенного контакта с матерью основой развития у ребенка самостоятельности, уверенности в себе, независимости и в то же время теплого, доверительного отношения к другим людям. В этот период ребенок должен приобрести чувство доверия к окружающему миру, что становится основой формирования позитивного самоощущения [4, с.215].

При формировании личности ребенка с отклонениями в психическом развитии, в том числе с нарушениями слуха, значимость семьи существенно возрастает. От взаимоотношений с родителями зависит, насколько адекватным будет их взаимодействие с окружающей средой.

Появление у здоровых родителей ребенка с нарушением слуха воспринимается как семейная трагедия. Проживания родителями состояния после постановки диагноза сравнивается психологами с посттравматическим стрессовым расстройством и переживаниями утраты. Разрушение надежд, страх, отчаяние всех членов семьи создает особую напряженную ситуацию в семье. В.В. Ткачева указывает, что семья детей с нарушениями слуха имеет ряд особенностей по сравнению с семьей, имеющей слышащего ребенка. В первую очередь это касается социальных изменений: такие семьи стремятся к ограничению всякого рода контактов с социумом, резко сокращается количество друзей и посещение мероприятий. Кроме того, нередко родители испытывают различного рода заболевания соматического типа: депрессий, астенические переживания. На психологическом уровне переживаются стрессы, различные защитные реакции психики, разрушение стереотипов. В дальнейшем психологический климат в семье меняется, стадия смирения сменяет эмоциональные состояния шока и отвержения. Родители начинают понимать необходимость адаптации к сложившейся ситуации и поиска способов общения и взаимодействия со своим ребенком [6, с. 45].

О необходимости раннего обучения глухого ребенка в семье сурдопедагоги начали говорить еще в 17 веке. В отечественной сурдопедагогике мысли о необходимости раннего воспитания глухого ребенка в семье были высказаны В.И. Флери в его труде "Глухонемые, рассматриваемые в отношении к их состоянию и к способам образования, самым свойственным их природе". Одним из важнейших факторов развития и формирования личности глухого ученый считал заботу, внимание и любовь к ребенку, которыми должны окружить его близкие люди, в первую очередь мать. Она же должна стать первым воспитателем ребенка, для которого может сделать очень много. Идею раннего воспитания и обучения глухих детей в семье широко пропагандировал Ф.А. Рау, который органи-

зовывал консультации и курсы для матерей глухих детей, давали рекомендации по вопросам формирования словесной речи и другим проблемам воспитания и обучения [5].

В группе родителей детей с нарушениями слуха можно выделить две категории: родители с сохраненным слухом и родители, страдающие нарушением слуховой функции. Вторая группа родителей, согласно исследованиям, не испытывает особых переживаний в силу идентификации нарушений ребенка с их собственными. Для родителей первой группы нарушение слуха у ребенка является серьезным препятствием к установлению естественного социального контакта и межличностных связей, что влечет за собой искажение внутрисемейных отношений и родительских позиций, оказывает деформирующее влияние на развитие личности глухих детей.

При адекватных детско-родительских отношениях ребенок воспринимается как здоровый человек, но имеющий ряд особенностей, которые следует учитывать при общении и взаимодействии. Семья создает условия для развития тех же умений и навыков, которыми обладают слышащие дети, но с учетом ограничений дефекта. Неадекватное отношение родителей к ребенку с нарушениями является защитной реакцией на возникшую травмирующую ситуацию. Искаженность родительской установки может проявляться как в излишней автономности ребенка, так и выдвигаемой родителями жесткой системой требований и запретов. Например, у некоторых родителей возникает чувство вины перед ребенком, в попытке ее искупить родители освобождают ребенка от любых обязанностей, чрезмерно опекают его. Другая крайность – безразличие к ребенку. Родитель воспринимает патологию ребенка как личный провал, не замечая ребенка, родитель тем самым «не замечает» его дефекта. Некоторые семьи отказываются признавать, что и ребенок не такой как все. Не признавая факт глухоты, родители ставят перед ребенком трудные, нерешаемые для него задачи. При постоянном несоответствии ожиданиям родителей, ребенок начинает чувствовать себя несчастным и одиноким, отвергнутым своей семьей, что ведет к вторичным поведенческим нарушениям [2, с.85].

Таким образом, семья как социальный институт воспитания занимает одно из важнейших мест в процессе формирования и развития личности любого ребенка, в том числе и с нарушением слуха. Взаимоотношение ребенка, имеющего нарушение слуха, с родителями, родительская позиция по отношению к нему оказывают существенное влияние на развитие личности ребенка. Долговременная деформация, искажение отношения к ребенку со стороны одного или обоих родителей становится фактором риска, способным привести к нарушениям в развитии его личности. Целенаправленная работа по психологической коррекции отношений родителей и детей может стать важным средством воздействия на развитие личности детей, имеющих нарушения слуха.

Литература

1. Выготский Л.С. Педагогическая психология / Л.С. Выготский. – М.: АСТ, Астрель, Люкс, 2005. – 671 с.
2. Корсунская Б.Д. Воспитание глухого дошкольника в семье / Б.Д. Корсунская. – М.: Педагогика, 1970. – 192 с.
3. Лисина М. И. Влияние отношений с близкими взрослыми на развитие ребенка раннего возраста / М.И. Лисина // Вопросы психологии, 1961. – № 3. – 124 с.
4. Педагогическая психология: Учебник для вузов. Изд. второе, доп., испр. и перераб. – М.: Логос, 2003. – 384 с.
5. Рау Ф.А. Воспитание глухого ребенка в семье / Ф.А. Рау. М., 2008.
6. Ткачёва В.В. Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья: диагностика и консультирование / В.В. Ткачева – М.: Национальный книжный центр, 2014. – 160 с.

ЗНАЧЕНИЕ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМИ БАЛЬНЫМИ ТАНЦАМИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ

Занятия спортивными бальными танцами являются эффективным средством организации досуга молодежи, культурной формой отдыха. Танцевальное искусство, давая выход энергии молодежи, наполняет ее бодростью, удовлетворяет потребность человека в празднике, в зрелище, в игре. Бальный танец выступает также как средство массового общения людей, дает возможность содержательно провести время, познакомиться, подружиться. Также спортивный бальный танец играет немаловажную роль в воспитании подростков, что связано с его многогранностью, ведь он сочетает в себе средства музыкального, пластического, спортивно-физического, этического и художественно-эстетического развития и образования. Осваивая танцевальную лексику, человек не просто пассивно воспринимает красивое - он преодолевает определенные трудности, продельывает определенную немалую работу для того, чтобы эта красота стала ему доступна. Кроме того, танцевальный спорт требует усердной работы, командного духа и волевого преодоления трудностей в достижении успехов на соревнованиях. Освоение бальных танцев, как и любого другого вида хореографии, связано и с определенной тренировкой тела, ведь физические нагрузки здесь ничуть не меньшие, чем при занятиях другими видами спорта. При этом вариативность программ соревнований и широкое распространение турниров по бальным танцам позволяет подобрать индивидуальные программы, подходящие буквально для всех [2, с.65].

Одно из важнейших условий результативности занятий - активная позиция ученика (ведь очень трудно научить того, кто не хочет учиться), и такая позиция может быть сформирована только тогда, когда учение в радость. Сам процесс обучения и его результаты (показательные выступления, концерты, конкурсы) должны иметь высокую мотивацию и сопровождаться положительными эмоциями. Грамотный тренер должен понимать, что совсем не обязательно перед каждым ребенком, исходя из его психо-физических особенностей, ставить задачу «победить на конкурсе». Некоторые дети любят соревноваться, и конкурсы необходимы им не только для развития и самосовершенствования, но и для адекватного самоощущения, для получения удовольствия. А главная задача педагога - помочь формирующемуся человеку как можно более полно реализовать заложенный в нем потенциал.

Проявление педагогического такта всегда связано со знанием возрастных и индивидуальных особенностей воспитанников. Подростковый возраст - это возраст жадного стремления к познанию, возраст кипучей энергии, бурной активности, инициативности, жажды деятельности. Заметное развитие в этот период приобретают волевые черты характера – настойчивость, упорство в достижении цели, умение преодолевать препятствия и трудности. Позитивный смысл подросткового кризиса заключается в том, что через него, через борьбу за эмансипацию, за собственную независимость, происходящую в относительно безопасных условиях и не принимающую крайних форм, подросток удовлетворяет потребности в самопознании и самоутверждении, у него не просто возникают чувство уверенности в себе и способность полагаться на себя, но и формируются способы поведения, позволяющие ему и в дальнейшем справляться с жизненными трудностями. Среди типичных подростковых реакций психологи выделяют хобби-реакцию (реакцию увлечения) и интеллектуально-эстетические увлечения, связанные с интересом

к самому предмету, в которых наслаждение доставляет сам процесс, а не его результат, а также - телесно-мануальные, включающие всё, что питается намерением укрепить свою силу, волю, выносливость, ловкость, где удовольствие доставляет не процесс, а достигаемый результат [1, с.25].

В клубе спортивного бального танца «Galaxy Dance», где я работаю тренером, было проведено анкетирование о значении занятий бальными танцами и их мотивации у обучающихся, которые занимаются по единой программе и с одними и теми же педагогами. На вопрос: «Что привело [детей] в танцевальный клуб?» были получены следующие ответы:

- 50% пришли заниматься по желанию родителей,
- 35% по собственному желанию,
- 15% - заинтересовавшись рассказом одноклассников или друзей.

Доминирующими мотивами занятий танцами оказались:

- улучшение физических способностей и эмоционально-психического состояния, а также
- желание научиться хорошо двигаться и узнавать новые танцевальные направления.

Практически все обучающиеся считают, что занятия спортивными бальными танцами оказывают положительное влияние на развитие музыкального слуха и ритма, развитие координации и пластики, творческой активности, эстетического вкуса - формирование данных качеств средствами спортивного бального танца оказывает позитивное влияние на развитие эстетической культуры личности. Кроме того, детям были заданы вопросы: «Что такое танец и зачем он нужен?». Среди полученных ответов, раскрывающих индивидуальное понимание значения и функций танца, например такие: «Мне нравится танцевать» (Карина В., 10 лет); «Танец поднимает мне настроение» (Максим С., 14 лет); «Танец – это я сама» (Виктория В., 13 лет); «занимаясь танцами, я узнал, что такое гармония движений» (Илья Л., 14 лет); «я открыла для себя танец, как выступление на сцене» (Мария К., 15 лет). Анализ результатов анкетирования также показал, что абсолютно все опрошенные (100%) хотели бы продолжать обучение спортивным бальным танцам, причем 70% - профессионально.

Таким образом, результаты анкетирования и включённого наблюдения в совокупности показали, что занятия спортивными бальными танцами являются эффективным средством для решения многих воспитательных задач и способствуют оптимизации эмоционального, психологического и физического состояния человека, а также являются эффективным средством организации процесса эстетического развития личности.

Литература

1. Кулагина И.Ю. Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет): Учебное пособие. / И.Ю. Кулагина. 3-е изд. М.: Изд-во УРАО, 1997. - 176с.
2. Спорт, духовные ценности, культура. Выпуск первый. Исторические и теоретико-методологические основания: Сб. / Сост. и ред.: ак. РАО В.В. Кузин, д-р филос. н. В.И. Столяров, канд. пед. н. Н.Н. Чесноков. – Москва : Гуманитарный Центр «СпАрт» РГАФК, 1997.–202 с.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТ-ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В наше время существует огромное количество нестандартных методов, которые дают возможность разрешить совокупность проблем и трудностей, важных для преподавателей. Регулярное и разумное применение инноваций будет способствовать повышению эффективности работы с детьми с умственной патологией.

Применение традиционных и инновационных методов и методик в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ), а именно к такой категории и относятся дети с умственной патологией, дает возможность облегчить процесс адаптации к школьному обучению, убрать излишнюю эмоциональную напряжённость, повысить трудоспособность, оказывает психолого-педагогическую помощь, поддержку в коррекционно-развивающей работе [2, 13].

Арт-терапия (от англ. art, искусство) – направление в психотерапии и психологической коррекции, основанное на искусстве и творчестве. В узком смысле слова, под арт-терапией обычно подразумевается терапия изобразительным творчеством, имеющая целью воздействие на психоэмоциональное состояние пациента [1, с 23]. Существуют разнообразные её вариации, которые применяются во врачебно-предупредительных и коррекционных целях. Арт-терапевтическая деятельность считается одной из конфигураций психотерапии. Нас интересует такой вид арт-терапии, как театральное мастерство.

Театр – это отражение нашей жизни. Театральная арт-терапия – один из методов психологической работы, использующий возможности искусства театра для достижения положительных изменений в интеллектуальном, эмоциональном и личностном развитии человека. Театр занимается исключительно человеком, его внутренним миром и миром его взаимоотношений. Театральное искусство для человека может стать настоящим спасением от страха перед окружающим [5, с 35].

Обучающийся окунается через *театральные этюды* (разыгрывается небольшая драматизация на основе стихотворного текста, педагог читает текст, предлагая детям показывать отдельные действия героев сюжета, или импровизируются фрагменты поведения героев) в удивительный мир творчества, что дает ему возможность формулировать собственные идеи не только с помощью речи, но и с помощью жестов и мимики. Примеря разнообразные театральные образы (Кота-баюна, Бабы Яги, Королевы Зубной Щетки, Репки и Мышки и т.п.), ученик приобретает неповторимость, обучается сопереживать и учиться контактировать с другими детьми, строить множественные коммуникации со значимыми взрослыми. При разыгрывании театрализованной сценки, этюдов и пр. педагог-дефектолог не только выполняет эмоциональную коррекцию действий детей, но и раздвигает их горизонты в восприятии окружающего мира.

Ещё один результативный вид арт-терапии – *песочное лечение* (А.И. Копытин, М.В. Киселева, Е.С. Лебедева, Н.А. Саковичи, Т.Б. Епифанцева т.д.). Анализируя процесс игры детей с песком, мы убедились в том, что именно этот процесс помогает диагностировать состояние детей, степень их тревожности, содействует сенсомоторному развитию обучающихся. «Песок – приятен на ощупь, способствует сенсорному развитию, познавательной активности и развитию тонкой моторики пальцев рук. А также с помощью песка можно развивать аналитическое мышление, когда ребенок строит из сы-

пучего материала свой мир в миниатюре: замки, дороги, использует мелкие фигуры людей, автомобили и т.п.»[3, с 134].

Кроме того, мы, разделяя точку зрения Н.А. Саковича, считаем, что песочное лечение может быть полезно детям, развивающимся на фоне раннего детского аутизма (далее РДА). Этот вид арт-терапии может помочь таким ребятам совладать со стрессами, к примеру: заболевание родных, смена места проживания, смена детского коллектива. Стресс для ребенка-аутиста это не контролируемый процесс, при котором ребенок становится совсем беспомощным, его охватывает паническая атака до тех пор, пока у ребенка совсем не заканчиваются силы.

Песочное лечение также помогает ученику окунуться в собственный внутренний мир, корректируя определенные стороны своей персоны. Деятельность с песком прекрасно формирует мелкую моторику детей и обучает их концентрации внимания [4, с. 45].

В школах УШ вида, как правило, на любом уроке может быть использован данный вид арт-терапии. Для этого необходима небольшая песочница, емкость с водой и различные игрушки, чтобы обучаемый мог как можно точнее во время игры показать свой персональный мир. Особый механизм работы с детьми с РДА требует в первую очередь, настроить эмоциональный контакт педагога и обучающегося, рассказать ему, чем сейчас будем заниматься, что перед ним стоит (это песок, а это вода, сейчас мы с тобой построим сказочный домик, подумаем какой он у нас будет и т.д.). Далее педагог показывает, как мы будем его строить, наблюдая за реакцией ребенка и его готовностью взять руку педагога для работы «рука в руке», после чего необходимо проделать вместе всю работу заново, продолжая комментировать действия. После этого следует дать ребенку возможность самостоятельно выполнить задание. По завершении песочного лечения ученые и методисты советуют провести рефлекссию, еще раз рассказать, чем занимались и что у нас получилось.

Опыт работы школ и наш небольшой опыт профессиональной деятельности дефектолога позволяют отметить позитивные результаты использования арт-терапии (театрального мастерства и лечения песком): эмоциональные проявления, снятие напряжения; упрощение процедуры коммуникаций, формирование произвольности и возможности к саморегуляции; понимание ребенком собственных эмоций, волнений и психических состояний; формирование адресных посылов с целью регуляции взаимодействий; развитие положительной «Я-концепции» и пр.

К тому же многочисленные исследования (А.И. Копытин, М.В. Киселева, Е.С. Лебедева, Н.А. Саковичи, Т.Б. Епифанцева т.д.) показывают, что дети с ограниченными возможностями здоровья зачастую открывают в себе творческие возможности и после прекращения арт-терапии продолжают самостоятельно увлеченно заниматься разными видами творчества, используя приобретенные навыки.

Арт-терапия – это уникальная инновационная методика, в которой обучающийся совершает много самостоятельных открытий, а сопровождающий его педагог, дефектолог, арт-терапевт вместе с ребенком испытывает огромную радость сотрудничества, содружества, сотворчества.

Литература

1. Арт-терапия / сост. и общ. ред. А.И. Копытина. СПб.: Питер, 2001.-320с.
2. Башмакова С. Б. Психология нарушенного развития с основами организации коррекционной помощи: учебное пособие / С. Б. Башмакова. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2007. – 102 с.
3. Епифанцева Т.Б. Настольная книга педагога-дефектолога / Под ред. Епифанцева Т.О. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 486с.

4. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий / Л.Д. Лебедева. – СПб: Речь, 2003. - 265с.

5. Инклюзивное образование. Настольная книга педагога работающего с детьми с ОВЗ: Методическое пособие. – М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2012. - 167 с.

6. Электронный ресурс: http://otherreferats.allbest.ru/psychology/220749_1.html // Федеральный закон «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (Дата обращения: 12.04.17).

*Г.В. Шамшина, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. н. О.А. Иванова

УСПЕВАЕМОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЗАСТЕНЧИВОСТИ

В настоящее время многими исследователями отмечается снижение уровня успеваемости школьников. Различные теоретические разработки в этой области отражают неоднородность и отсутствие единого взгляда на данную проблему, которая особенно остро встает для детей младшего школьного возраста, поскольку именно в этом возрасте учение приобретает особое, ведущее значение, а высокая успеваемость становится одним из главных личных достижений.

Сейчас, в век новых технологий, открытий и свершений, активной и «быстрой» жизни, усиливающейся конкуренции, когда требования к современному человеку, в том числе и к младшим школьникам, сильно возросли и процесс обучения ориентируется на завтрашний день, ученикам приходится психологически нелегко. В связи с этим исследование проблемы успеваемости младших школьников с высоким уровнем застенчивости важно для психолого-педагогической науки и практики. Если ребенок застенчив, то он не всегда успешно справится с заданиями (или вовсе откажется их выполнять), требующими публичности, что может повлечь за собой ухудшение его успеваемости в разных ее аспектах, а это, в свою очередь, может наложить негативный отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Однако, теоретических разработок данного вопроса недостаточно.

В связи с вышеперечисленным возникает необходимость выяснения и дополнения теоретической базы данными об успеваемости застенчивых младших школьников в современном мире.

Эти дополнения помогут разрешить противоречие, заключающееся в востребованности в настоящее время высокого уровня обучения и достигаемых результатов всех младших школьников и недостаточным вниманием, уделяемым педагогом младшим школьникам с высоким уровнем застенчивости, ведущим за собой снижение успеваемости последних.

Под успеваемостью мы понимаем степень совпадения реальных результатов учебной деятельности с запланированными. Она находит свое внешнее выражение в оценочных баллах. С точки зрения педагогики, проблема успеваемости, прежде всего, ориентируется на такой интегральный показатель «как фонд усвоенных знаний» [4]. Но важно понимать, что на академическую успеваемость влияют и социальные факторы, поэтому этот показатель является комплексной оценкой адаптации учащихся к процессу школьного обучения, а одним из социальных факторов является застенчивость.

Застенчивость – это феномен эмоционально-когнитивного происхождения, который обуславливается существованием у субъекта психологической напряженности в

межличностном общении и сопровождается мыслями о собственной неполноценности и иллюзиями отрицательного отношения к себе объектов общения [1].

На основе этого определения феномен застенчивости мы рассматриваем как включающий в себя 3 составляющие: психологическую напряженность в межличностном общении, чувство неполноценности и негативное отраженное самоотношение.

Психологическая напряженность – психическое состояние, обусловленное предвосхищением неблагоприятного для субъекта развития событий, которое сопровождается ощущением общего дискомфорта, тревоги, иногда страха.

Чувство неполноценности – устойчивая форма переживания человеком своей реальной или воображаемой ущербности, формируемое, когда человек замечает, что нелюбим.

Негативное отраженное самоотношение – представление субъекта о том, что его личность, характер и деятельность не способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание и т. п. Важно подчеркнуть, что речь идет не о действительном негативном отношении других людей, а о предвосхищаемом, отраженном негативном отношении других людей, то есть о негативном самоотношении самого субъекта [1].

Объектом нашего исследования стала успеваемость младших школьников, а предметом – успеваемость младших школьников с разным уровнем застенчивости.

Гипотеза нашего исследования заключается в том, что высокий и низкий уровни застенчивости оказывают негативное влияние на успеваемость обучения детей младшего школьного возраста, в то время как оптимальный уровень застенчивости выступает как позитивный фактор учебной деятельности.

Выборку составили учащиеся младших классов (203 человека) МБОУ СОШ № 88 г. Воронежа.

Для определения успеваемости был применен анализ учебной документации, для диагностики отраженного самоотношения использовалась методика «Лесенка» (О. В. Хухлаева), для диагностики чувства неполноценности и психологической напряженности в межличностном общении – рисунок «Я и мой мир» – модифицированный вариант методик «Кинетический рисунок семьи» Р. Бернса и С. Кауфмана и «Рисунок человека» А. Л. Венгера (модификация Шамшина Г. В. и Иванова О. А.) [2; 3; 5].

В результате исследования мы получили следующие данные (в процентах):

Уровень застенчивости	отличники	хорошисты	троечники
высокий	0%	58%	42%
средний	22%	48%	30%
низкий	21%	54%	25%

Мы наблюдаем тенденцию: в группе с высоким уровнем застенчивости самый высокий процент троечников – 42%, в группе со средним уровнем застенчивости уже меньше – 30%, а в группе с низким уровнем застенчивости еще меньше – 25%. Среди отличников и хорошистов подобных тенденций не наблюдается.

По результатам диагностики нами были сформированы 2 группы по 6 человек, в которые вошли учащиеся с низкой успеваемостью. В одной из групп (экспериментальной) была проведена коррекционно-психологическая работа, целью которой стала минимизация такой черты личности как застенчивость. Со второй группой (контрольной) никаких дополнительных к учебным мероприятий не проводилось.

В результате повторной диагностики обеих групп и подсчета данных с помощью Т-критерия Вилконсона мы установили, что в экспериментальной группе в целом уровень успеваемости увеличился (с достоверностью 95%), в то время как в контрольной

группе успеваемость осталась на прежнем уровне. Подсчет уровня застенчивости показал, что он уменьшился у участников экспериментальной группы (с достоверностью 99%), а у участников контрольной группы значимых изменений не произошло.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что успеваемость младших школьников будет повышаться в том случае, когда обучение сочетается с целенаправленным процессом снижения их уровня застенчивости.

В перспективе для более подробного изучения данной проблемы нами предполагается проведение программы у младших школьников с удовлетворительной успеваемостью.

Литература

1. Белоусова А.Б. Застенчивость как продукт родительского отношения в детстве / А.Б. Белоусова // Современная семья: проблемы, поиски, решения. – К.: Наука, 2000. – С. 79 - 83.
2. Бернс Р., Кауфман Х. Кинетический рисунок семьи / Р. Бернс, Х. Кауфман. – М.: Смысл, 2000. – 160 с.
3. Венгер А.Л. Психологические рисуночные тесты: Иллюстрированное руководство / А.Л. Венгер. – М.: Владос-пресс, 2003. – 160 с.
4. Калмыкова Е. И. Проблемы преодоления неуспеваемости глазами психолога / Е.И. Калмыкова. – М.: Знание, 1982. – 338 с.
5. Хухлаева О.В. Школьная психологическая служба. Работа с учащимися / О.В. Хухлаева. – М.: Генезис, 2007. – 208 с.

*О.Н. Ледовская, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р. пед. н., проф. И.Ф. Бережная

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИГРЫ АУТИЧНОГО РЕБЁНКА

Предметная игра

Дети с аутизмом часто любят манипулировать предметами. Через данный этап познания предметного и окружающего мира проходят в раннем возрасте все дети. Однако же в норме на другом этапе развития, у ребёнка на первый план начинают выступать уже другие ценности, а это – социальные связи. Дети-аутисты в отличие от своих сверстников очень долго «пребывают» на этапе изучения предметного мира. Основным мотивом манипуляций с предметами и игрушками являются различные сенсорные свойства (яркие цвета кубиков и других предметов) [1, с.288]. Использовать предметы в соответствии с их назначением, аутист часто отказывается, т.к. социальное назначение предмета ему менее важно, чем отдельное его сенсорное свойство. Но, при этом таких детей можно научить действовать с предметами и игрушками в соответствии с их назначением, например, построить из кубиков башню, нанизать на нитку бусины и т.д. Но в то же время их не привлекают сами действия, им больше всего нравится получать в процессе манипуляций с такими предметами различные сенсорные свойства.

Однако не стоит замечать только отрицательные стороны такого отношения к предметам и игрушкам. Когда дети выделяют отдельные сенсорные свойства, которые им приятны, они закладываются в основу проведения с ними сенсорных игр, дающие новые возможности в ходе развития детей.

Элементы сюжетно-ролевой игры

Сюжетно-ролевая игра – высшая форма развития игры ребёнка. На протяжении таких игр ребёнок берёт на себя самые различные роли и проживает множество ситуаций из социальной жизни. Насколько полноценно осуществлялось развитие сюжетно-ролевой игры в дошкольном детстве, во многом зависят возможности будущей социализации.

У аутичных детей связи с внешним миром нарушены и им не удаётся усвоить закономерности социальной жизни. Развитие сюжетно-ролевой игры требует принятия на себя определённых ролей или действий, которые соответствуют ей, у аутичных детей с этим возникают большие трудности.

Такие дети не умеют договариваться с другими людьми. В своих исследованиях, Мамайчук Ирина Ивановна приводит следующий пример: к аутичному мальчику пяти лет обращается с просьбой дать игрушку другой ребенок. Его реакция: сначала он замирает в растерянности, затем с плачем убегает. Следует учесть, что ситуация взаимодействия детей весьма благоприятна – мальчик находится у себя дома, а ребенок, который к нему обращается, знаком и часто приходит в гости. Люди, не знающие особенностей синдрома детского аутизма, могут подумать, что такое поведение обусловлено «приступом детской жадности». Однако настоящая причина в другом: мальчик просто не знает, что следует ответить. В данной ситуации мама, понявшая причину столь бурной реакции своего ребенка на обычную просьбу, тут же пришла к нему на помощь. Подойдя к сыну, она тихо объяснила: «Надо сказать «возьми, пожалуйста» или «нет, нельзя». Мальчик выбрал ответ наугад, но все равно можно говорить о благополучном разрешении такого конфликта – с помощью мамы удалось разобраться в ситуации, и был найден социально адекватный выход.

Развитие сюжетно-ролевой игры аутичного ребенка отличается рядом особенностей. Во-первых, такая игра не может возникнуть без особой организации. Во-вторых, развитие сюжетно-ролевой игры происходит постепенно [2,с.85].

Таким образом, несмотря на странность, неадекватность действий аутичного ребенка, неправомерно было бы утверждать, что мир людей и их отношений совсем ему неинтересен. Он тянется к людям, у него есть живые детские реакции.

Стереотипная игра

Особенности стереотипной игры

У детей с синдромом раннего детского аутизма существуют любимые игры – одна или несколько. В данных играх дети могут часами манипулировать предметами и совершать при этом странные действия.

Основные особенности стереотипных игр:

- 1) смысл совершаемых действий часто не понятен для окружающих людей;
- 2) в данной игре имеется один участник – сам ребёнок;
- 3) повторяемость – ребёнок часто повторяет одни и те же действия с предметами;
- 4) неизменность – раз установившись, игра продолжает оставаться неизменной на протяжении очень длительного времени;
- 5) длительность – дети могут играть в такую игру годами.

Стереотипные игры детей-аутистов являются загадкой для окружающих, ведь в них существуют повторяющиеся действия, манипуляции с предметами, но отсутствует видимый сюжет. Например, ребенок бродит по кругу, напевая невнятную песенку и время от времени вскидывает вверх руки.

Выделяют следующие положительные стороны стереотипной игры:

- 1) для ребенка это комфортная ситуация, внутри которой он спокоен;

2) если поведение ребенка вышло из-под контроля, возникла аффективная вспышка, с помощью включения стереотипа игры можно вернуть ребенка в уравновешенное состояние [4,с.112].

Сенсорные игры

Особенности сенсорных игр

Сенсорные игры – это игры, которые позволяют дать ребёнку новые чувственные ощущения. Такие ощущения бывают разными:

1) зрительные (ребенок видит яркие цвета, их перетекание друг в друга, смешивание);

2) слуховые (ребенок слышит разнообразные звуки, учится различать их друг от друга);

3) тактильные (то, что ребенок ощущает посредством прикосновений, ощупывания);

4) двигательные (ощущения от движений тела в пространстве и ритма движений – ходьба, бег, танцы);

5) обонятельные (ребенок вдыхает и учится различать запахи);

6) вкусовые (ребенок пробует и учится различать на вкус разные продукты питания и блюда) [5,с.136].

Маленькие дети, начиная открывать мир, впитывают в себя потоки сенсорной информации: разглядывают яркие цветные предметы и игрушки, ощупывают их и тянут в рот. При нормальном течении развития ребенка наступает момент, когда предметный мир с его свойствами постепенно отступает на второй план. На первый план выступает мир социальных отношений: ребенок усваивает закономерности социальной жизни, взаимоотношений людей. Этот интерес находит свое отражение и развитие, прежде всего в сюжетно-ролевой игре.

Процесс изучения мира детей-аутистов проходит по-другому. И здесь выделяются следующие закономерности. Во-первых, для такого ребенка сенсорный компонент мира несет в себе главную значимость. Во-вторых, аутичный ребенок не различает предметы и материалы по возможностям их использования, действует с ними, не учитывая их свойства, - пробует на вкус все подряд, подбрасывает различные предметы без учета последствий [3,с.304].

В-третьих, интерес к социальному миру самостоятельно не проявляется и не становится важным мотивом жизни и деятельности аутичного ребенка. Аутичный ребенок почти не интересуется игрушками для сюжетно-ролевых игр.

Однако же играя с ребёнком в такие игры можно научить его радоваться миру и новым ощущениям. Ведь внутренний мир детей с аутизмом окрашен мрачными тонами. И если вдруг удаётся наполнить его мир различными светлыми красками уверенности и радости, это может стать движущей силой, побуждающей ребенка на более активное исследование окружающего мира.

Таким образом, познакомившись с основными особенностями некоторых игр, можно выделить основную задачу каждой игры:

1) предметная игра позволяет выделить основные сенсорные свойства предметов и игрушек;

2) стереотипная игра – основа взаимодействия с ребёнком; также она дает возможность переключения, если поведение ребенка выходит из-под контроля;

3) сенсорные игры дают новую чувственную информацию, переживание приятных эмоций и создают возможность установления контакта с ребенком;

4) сюжетно-ролевая игра способствует объяснению смысла, каждой возникающей ситуации.

Литература

1. Мамайчук И.И. Помощь психолога детям с аутизмом / И.И. Мамайчук. – СПб. : Речь, 2007.– 288 с.
2. Хаустова В.М. Основные этапы и особенности развития игровой деятельности в норме и при аутистических нарушениях / В.М. Хаустова // Аутизм и нарушение развития. – 2004. – № 3
3. Эльконин Д.Б. Психология игры / Д.Б. Эльконин. – М.: Педагогик», 1978. – 304 с.
4. Янушко Е.А. Игры с аутичным ребенком. Установление контакта, способы взаимодействия, развитие речи, психотерапия / Е.А. Янушко. – М. : Теревинф, 2004.
5. Янушко Е.А. Игры с аутичным ребенком. Установление контакта, способы взаимодействия, развитие речи, психотерапия / Е.А. Янушко. – Изд.2-е. – М.; Теревинф, 2007. – 136 с.

*К.Р. Григорова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. психол. наук, доц. О.П.Макушина

СВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ У ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ ВОСПИТАНИЯ

По мнению экспертов, ухудшения в экономической, политической и социальной сферах являются причиной бурного роста преступности и разнообразных социальных конфликтов. В современной психологии внимание ученых обращено на изучение виктимологических аспектов данных проблем. Эти вопросы рассматриваются, главным образом, в рамках молодой междисциплинарной науки – виктимологии.

Виктимное поведение является одним из центральных понятий данной науки и под ним понимают поведение, при котором человек сознательно или бессознательно создает объективные и субъективные условия совершения преступления, пренебрегая мерами осторожности и тем самым превращает себя в пострадавшего, в жертву (преступления, несчастного случая, деструктивного культа и т. д.) [2].

Настоящая действительность содержит немало угроз и опасностей, требующих от человека осторожности и осмотрительности. Подобные негативные изменения в обществе отрицательно сказываются на состоянии подрастающего поколения. Повышенную виктимность этой возрастной группы обуславливают психофизические особенности, а также место в системе социальных отношений. В психофизическом плане – это возраст, характеризующийся жадой приключений, внушаемостью, беспомощностью в критических жизненных ситуациях. В социальном – подростковая фаза является продолжением первичной социализации. В подростковом возрасте человек чаще всего не имеет достаточно жизненного опыта, чтобы разрешить огромное разнообразие возникающих проблем.

Детерминантами виктимизации могут выступать множество факторов: природно-климатические условия региона проживания, различные экологические загрязнения, экономические условия, социально-профессиональная структура населения, социально-психологический климат. Объективным фактором виктимизации человека может стать группа сверстников, особенно в подростковом и юношеском возрастах, если она имеет

асоциальный или антисоциальный характер. Усваивая нормы и правила поведения, принятые среди сверстников, личность начинает вести себя соответствующим образом.

Группа теорий связывают формирование виктимного поведения с семейным воспитанием. Гиперопека, вербальная агрессия, физические наказания, жестокое обращение, постоянная критика, эмоциональные нарушения у родителей (чрезмерная аффективность, недостаточная эмоциональная отзывчивость), личностные особенности матерей, например, низкая самооценка, нарциссизм, импульсивность – все эти нарушения эмоционально-психологического статуса родителя служат фактором виктимизации личности ребенка. Асоциальный образ жизни семьи, низкий социально-экономический статус семьи приводит к виктимизации личности, а в подростковом возрасте – к дополнительной виктимизации в рамках подростковой субкультуры. Неполные семьи, которые все чаще встречаются в современной действительности, часто испытывают трудности и сталкиваются с проблемами воспитания детей, что также оказывает влияние на формирование виктимного поведения.

В нашей работе мы сконцентрировали внимание на таком аспекте родительско-детских отношений как стиль семейного воспитания. Данный фактор является одним из наиболее изученных и оказывает сильнейшее влияние на формирование личности ребенка. Существует большое количество различных классификаций стилей воспитания, но для нас особый интерес представляет классификация стилей воспитания Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса [6]. Авторы выделяли следующие психогенные, негармоничные типы воспитания: гипопротекция, потворствующая гиперпротекция, доминирующая гиперпротекция, жесткое обращение, эмоциональное отвержение, повышенная моральная ответственность. Каждый из предложенных стилей обладает рядом особенностей, однако все они оказывают травмирующее влияние на развитие личности ребенка. Например, при доминирующей гиперпротекции ребенка подвергают чрезмерной опеке, окружают его системой многочисленных запретов и ограничений. Зачастую дети не могут разобраться в том, как себя вести, т. к. родители постоянно недовольны их поведением. Поэтому поступки ребенка становятся неадекватными, принимают формы защитных реакций. У одних детей такое воспитание может лишь усиливать реакцию эмансипации, они постоянно стремятся уйти из-под навязчивого контроля родителей. У других – формируется неуверенность в себе, несамостоятельность, нерешительность, не развивается способность к анализу собственного жизненного опыта, они легко попадают в зависимость от других людей. В ситуации эмоционального отвержения потребности ребенка игнорируются, вместе с тем процесс воспитания нередко сопровождается постоянной критикой и недовольством, жесткими мерами наказания. При этом типе воспитания ребенок ощущает свою ненужность и пытается найти отдушину в подростковых компаниях, выбирая девиантные формы поведения, либо замыкаются в себе. Таким образом, очевидно, что стиль воспитания позволяет выявить некоторые причинно-следственные связи формирования виктимного поведения.

Со стилем семейного воспитания связано формирование еще одного интересного психологического феномена, именуемого «локусом контроля». Понятие было разработано и предложено в 60-е годы XX века американским психологом Джулианом Роттером [5]. Локус контроля рассматривается как психологический фактор, характеризующий склонность человека приписывать ответственность за происходящие в жизни события и результаты своей деятельности, либо внешним обстоятельствам, либо собственным способностям и возможностям. Дж. Роттер выделял два крайних типа локуса контроля: интернальный (внутренний) и экстернальный (внешний). Для людей с интернальным локусом контроля свойственно принятие ответственности за результаты своей деятельности, они убеждены, что все происходящие события в жизни являются результатом их соб-

ственных усилий и действий. Люди с экстернальным локусом контроля, напротив, склонны считать, что все происходящее в их жизни определяется внешними обстоятельствами. Следствием этого является возникновение эмоционального дискомфорта, депрессий и соматических заболеваний. В теоретических источниках есть данные о том, что у виктимных личностей преобладает внешний локус контроля, им свойственна неудовлетворенность своей жизнью в настоящем и прошлом. Зачастую они убеждены в бесполезности собственной активности [3].

Локус контроля личности закладывается в детстве в зависимости от стиля воспитания, избираемого родителями или воспитателями. Доброжелательное отношение, похвала за достижения, последовательность в своих требованиях со стороны родителей способствуют развитию у ребенка положительных качеств и, как следствие, развитию внутреннего локуса контроля. Согласно научным исследованиям среди подростковых групп чаще встречается экстернальный локус контроля. Однако по мере взросления наблюдается стойкая тенденция снижения уровня экстернальности, в свою очередь, уровень интернальности и чувство ответственности возрастают [1].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что у подростков, воспитывающихся в семьях с психогенными стилями воспитания, сильнее выражен экстернальный тип локуса контроля, а склонность к виктимному поведению выше, чем у подростков, воспитывающихся в семьях с гармоничным стилем воспитания. Это обусловлено тем, что именно семья является первым и наиболее значимым фактором формирования основных качеств личности ребенка, в том числе и «локуса контроля». Эмоциональная холодность, жестокость, кризисные процессы в семье, неадекватные стили семейного воспитания оказывают влияние на формирование виктимогенного поведения личности.

Литература

1. Быков С.В. Диагностика локуса контроля личности в асоциальных подростковых группах / С.В. Быков, С.Ю. Алашеев // Социологический журнал. 2003. – № 1. – С. 121-135.
2. Малкина-Пых И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.
3. Одинцова М.А. Ценностно-смысловая сфера лиц разного виктимного типа / М.А. Одинцова. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 180 с.
4. Хухлаева О.В. Психология подростка : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / О.В. Хухлаева. – М.: Академия, 2008. – 160 с.
5. Хьелл Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. – СПб.: Питер, 2003. – С. 410-422.
6. Эйдемиллер Э.Г. Анализ семейных отношений подростков при психопатиях, акцентуации характера, неврозах и невротных состояниях / Э.Г. Эйдемиллер, В.В. Юстицкий – М.: Знание, 1992. – 22 с.

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИН ШКОЛЬНОЙ НЕУСПЕВАЕМОСТИ ПОДРОСТКОВ

В настоящее время проблема школьной неуспеваемости остается актуальной, особенно для подросткового возраста, что отмечается многими исследователями (М. В. Лукьянова, О. Н. Столповская, А. В. Тончева и др.). Успешность работы школьного психолога по преодолению неуспеваемости подростков зависит от правильного установления причин, лежащих в основе данного явления.

Для исследования причин школьной неуспеваемости подростков имеются теоретические и практические предпосылки. Существует ряд психологических и педагогических исследований, посвященных исследованию данного явления. П. П. Блонский, А. М. Гельмонт, М. А. Данилов, М. Н. Скаткин, В. С. Цетлин, Ю. К. Бабанский и др. исследовали недостатки педагогической деятельности, которые могут приводить к школьной неуспеваемости.

Например, Ю. К. Бабанский и В. С. Цетлин выделили две группы причин неуспеваемости: внешние и внутренние. К числу внешних причин исследователи, в первую очередь, отнесли причины социального плана, а именно: снижение ценности образования в обществе, несовершенство организации учебного процесса (неинтересные уроки, отсутствие индивидуального подхода, преобладание производящей деятельности, несформированность приемов познавательной деятельности и др.), отрицательное влияние семьи и т.д. [1, с.56]. Одной из главных внутренних причин неуспеваемости ученые считали дефекты здоровья школьников, вызванные ухудшением уровня материального благосостояния семей.

Психологи В. И. Зыкова, З. И. Калмыкова, Н. А. Менчинская, Н. И. Мурачковский и др. выявили зависимость между способностями детей к обучению и школьной успеваемостью. Основные причины неуспеваемости исследователи видели в личностных особенностях обучающихся: неспособности к обобщению, слабой осознанности мыслительной деятельности; инертности, подражательности ума, явном несоответствии между уровнями интуитивно-практического и словесно-логического мышления [2, с.75].

Современные исследователи В. И. Дубровина, В. П. Лебедева, А. Б. Орлов, В. И. Панов, В. В. Рубцов раскрыли психодидактический подход к направлениям развития образования, уделив особое внимание учету индивидуальных психологических особенностей школьников при обучении. Основные психологические причины неуспеваемости ученые объединили в две группы: 1) недостатки познавательной деятельности; 2) недостатки в развитии мотивационной сферы детей [3, с.87].

Анализ вышеуказанных научных исследований показал, что для выявления и устранения причин школьной неуспеваемости подростков необходимо объединение усилий всех участников образовательного процесса.

Обобщая вышесказанное, мы выделили основные социально-психологические причины школьной неуспеваемости подростков: неблагоприятный психологический климат внутри учебной группы, низкая мотивация к обучению; низкий уровень групповой сплоченности.

Неблагоприятный психологический климат внутри учебной группы может оказывать негативное влияние на успешность освоения подростками учебных дисциплин. Ведущей деятельностью подросткового возраста является общение со сверстками, поэтому

на первый план выходит референтная группа сверстников, идеалы и ценности которой являются ориентирами при выборе поведенческой стратегии обучения в школе. В случае если учебная группа сверстников отвергает подростка, он оказывается изолированным, происходит нарушение межличностных отношений, возникают деструкции в коммуникации, что оказывает негативное воздействие на подростка при усвоении им учебного материала.

Низкая мотивация к обучению обуславливает отсутствие интереса к изучаемым школьным предметам. Мотивация в жизни человека является основной движущей силой любой деятельности, в том числе и учебной. Отсутствие учебных мотивов у подростка снижает не только успеваемость в школе, но и может порождать внутриличностный конфликт, поскольку семья и учителя требуют от подростка больших достижений в области изучения школьных предметов, а внутренняя активность самого подростка, направленная на обучение, отсутствует. Нарастание внутренней напряженности порождает в свою очередь стойкое негативное отношение к обучению в целом, что и ведет к школьной неуспеваемости.

Низкий уровень групповой сплоченности, а именно отсутствие согласия между членами учебной группы единых правил общения и взаимодействия, общих интересов и ценностей, что ведет к дезорганизации не только межгруппового взаимодействия, но и к снижению учебной и познавательной деятельности подростков, поскольку в данном случае учебный класс выступает в качестве субъекта образовательной деятельности.

Таким образом, теоретический анализ изучения социально-психологических причин школьной неуспеваемости подростков выявил ее практическую значимость в системе образования. Данную проблему можно с уверенностью отнести к числу актуальных и трудноразрешимых с точки зрения педагогической психологии. Актуальность рассматриваемой темы обусловлена, с одной стороны, изменившимися условиями социально-экономического развития страны, где на первый план выдвигаются высокие требования к выпускникам школы, в частности, они должны быть конкурентоспособными и активными молодыми людьми, но, с другой стороны, есть внутренний запрос, исходящий от учителей и родителей, которые отмечают возросшие трудности, связанные с современным школьным обучением.

На сегодняшний день заявленная проблема не имеет однозначного решения, необходимо дальнейшее комплексное изучение всех причин социального и психологического характера, обуславливающих школьную неуспеваемость подростков. Важным аспектом в решении поставленной задачи является целенаправленное взаимодействие педагогов, психологов и родителей, их усилия должны быть направлены на изучение личностных особенностей подростков, функционирования высших психических функций и, конечно же, исследование межличностных отношений, которые складываются у подростка с одноклассниками. На наш взгляд, комплексный и всесторонний подход позволит углубить и дополнить уже имеющиеся теоретические и эмпирические данные в области изучения причин школьной неуспеваемости подростков.

Литература

1. Емельянова Е.Н. Школьная неуспеваемость : диагностика причин : работа над ошибками / Е.Н. Емельянова. – М., 2010.
2. Локалова Н.П. Школьная неуспеваемость : причины, психокоррекция, психопрофилактика : трудности в обучении, психодиагностика, преодоление : учеб. пособие / Н.П. Локалова. – М., 2009.
3. Столповская О.Н. Комплексное изучение типичных причин неуспеваемости младших подростков / О.Н. Столповская // Известия ВГПУ. – 2012. – №1. – С. 119–122.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА

С каждым годом увеличивается количество детей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе с нарушениями слуха. Изучение психологических особенностей детей с нарушением слуха является необходимым условием для эффективной организации учебно-воспитательного процесса в школе. В организации процесса обучения и воспитания детей с нарушениями в развитии существуют свои особенности, которые в обязательном порядке должны учитываться, в противном случае осуществить коррекционно-развивающую работу практически невозможно.

Изучению психических особенностей детей с нарушением слуха посвящено большое количество работ, как отечественных, так и зарубежных исследователей (Т. Г. Богданова, А. Г. Зикеев, С. А. Зыков, Е. Н. Марциновская, Л. П. Носкова, А. Н. Поросятников, Ф. Ф. Рау, Т. В. Розанова, И. М. Соловьёв и др.). Интерес к данной проблеме обусловлен необходимостью создания психолого-педагогических условий, способствующих развитию личности обучающихся с нарушением слуха, разработкой методов и средств коррекции и компенсации нарушений и, как следствие, их интеграции в современное общество с возможностью самостоятельно и свободно двигаться по жизни.

В зависимости от степени снижения слуха различают два вида слуховой недостаточности – глухоту и тугоухость, которые напрямую определяют дальнейшее психическое становление ребенка, как когнитивного, так и личностного. К категории слабослышащих (тугоухих) относят детей, способных в минимальной степени усваивать речь с помощью слуха, тогда как глухие дети не способны слышать речь, произносимую голосом обычной разговорной громкости. Для восприятия ими речи необходимо усиление её громкости более 70 дБ [3, с.36]. При этом дети как бы «выпадают» из привычного образа жизни, теряют один из основных источников получения информации извне, утрачивают возможность получать новые знания с помощью слухового восприятия и общаясь со своим окружением.

Согласно классификации психического дизонтогенеза В. В. Лебединского, дети с нарушением слуха относятся к дефицитарному типу развития, для которого характерно выпадение отдельных функций, а именно первичная недостаточность системы органов слуха. Среди детей с недостаточностью слуха выделяются: глухие (рано оглохшие и поздно оглохшие) и слабослышащие (с относительно сохранной речью и с глубоким недоразвитием речи) [6, с. 77-78].

При анализе психологических особенностей детей с нарушением слуха следует обратиться к структуре данного дефекта. Согласно Л. С. Выготскому, в структуре любого дефекта выделяют первичные, вторичные и третичные нарушения. Первичным дефектом при нарушении слуха является повреждение биологических систем (отделов центральной нервной системы, слухового анализатора), которое ведет к тугоухости или глухоте. Вторичным дефектом является недоразвитие высших психических функций, а именно познавательных процессов, речи. Как отмечает Т. Г. Богданова, при дефицитарном типе нарушенного развития первичный дефект слухового анализатора ведет к недоразвитию функций, связанных с ним наиболее тесно, а также к замедлению развития ряда других функций, связанных со слухом опосредованно [2, с. 23-24]. Третичным дефектом выступают нарушения социальной адаптации, проявляющиеся в сложностях уста-

новления межличностного взаимодействия с участниками образовательного процесса, в усвоении социально-бытовых навыков, проблемах установки коммуникативных связей, неадекватной самооценке себя и окружающих, боязни общения, повышенной тревожности, замкнутости, стеснительности и др.

И. М. Соловьев указывает, что в психическом развитии детей с нарушенным слухом имеются характерные для данного вида нарушения закономерности. Первая закономерность связана со значительным возрастанием количества, разнообразия и сложности внешних воздействий, объем которых очень сужен для глухого или слабослышащего ребенка. Взаимодействие ребенка со средой объединяется, общение с окружающими затруднено. В результате психическая деятельность такого ребенка упрощается, реакции на внешние воздействия становятся менее сложными и разнообразными. Другой закономерностью является отличие в темпах психического развития детей с нарушениями слуха по сравнению с нормально развивающимися детьми. У глухих и слабослышащих детей замедленно после рождения или после потери слуха и ускоренно в последующие периоды, при адекватных условиях обучения и воспитания, развития психических процессов, что связано с отличиями в структуре психики [2, с. 83]. По мнению И. М. Соловьева, вектор психического развития ребенка с нарушенным слухом обусловлен следующим: различия в психической деятельности между слышащим и глухим ребенком, незначительные на начальных этапах онтогенеза, возрастают в течение последующего времени. Так происходит до определенного этапа, когда вследствие систематических сурдологических воздействий различия перестают нарастать и даже уменьшаются.

Р. М. Боскис указывает, что нарушения в слуховом восприятии обуславливают недостатки речевого развития, характер которого зависит от степени снижения слуха, времени возникновения поражения, наличия дополнительных отклонений в развитии, условий развития ребенка после поражения слуха [3, с. 3]. Даже незначительное снижение слуха отражается на речи ребенка, вызывая нарушения её произносительной стороны. Более выраженное снижение слуха обуславливает значительное недоразвитие всех компонентов речи: ограничение лексического запаса, грубые нарушения грамматического строя, активный и пассивный словарный запас, звукопроизношение, фонематическое восприятие, связность речи и др. При тяжелой степени тугоухости и глухоте без специального обучения ребенок вообще не овладевает речью.

Речь таких детей имеет ряд особенностей. Как указывает Ф. Ф. Рау, собственная устная речь глухих в большинстве случаев недостаточно разборчива и трудна для понимания [7, с. 168]. Однако при наличии раннего адекватного коррекционного воздействия эти тяжелые последствия могут быть ослаблены и даже преодолены. В общении слабослышащие дети пользуются преимущественно простыми предложениями, состоящими из нескольких слов, редко используют сложные предложения, отражающие целевые, причинно-следственные зависимости. Дети допускают ошибки в согласовании слов в роде, числе, падеже; при построении предложений допускают большое количество грамматических ошибок. Могут отмечаться случаи выпадения предлогов из речи ребёнка, неправильное их употребление, что связано с недостаточным развитием слухового восприятия.

Важной особенностью психического развития детей с нарушенным слухом является овладение ими одновременно несколькими видами речи – словесной, тактильной и жестовой. Л. С. Выготский называл такую форму овладения языками полиглоссией. Словесной речью дети с нарушением слуха могут овладеть только в условиях специального обучения. При этом у глухих детей иные сенсорные основы формирования первичных образов слов: зрительные, подкрепляемые двигательными ощущениями (артикуляцией, тактилизацией или письмом). Для глухого ребенка зрительное восприятие слова

– первый этап знакомства с языком. У многих и в дальнейшем при восприятии речи ведущими остаются зрительные и речедвигательные компоненты, за счет которых и совершается компенсация недостаточности слухового восприятия [2, с. 63].

Дактильная речь является своеобразной формой общения, воспроизводящей посредством пальцев рук орфографическую форму слова речи, то есть использует дактильную азбуку. Она служит не только средством общения, но и приобретения знаний о правописании тех или иных слов. При этом пальцевый алфавит, в отличие от жестовых знаков, передает звуки речи буква за буквой, а не целые слова. Жестовая речь возникает на основе экспрессивно-мимических и предметно-действенных средств общения: глухие дети прибегают к естественным жестам в сочетании с выразительной мимикой, так как испытывают потребность в общении, стремятся установить контакты с близкими людьми и выразить свои желания. Сначала используются указательные жесты, потом имитирующие действия, отражающие соотношения между предметами, драматизацию событий. Со временем жесты совершенствуются. Особенностью жестового языка является его многозначность – один и тот же жест обозначает предмет или действие, при этом в разговоре конкретное значение уточняется благодаря контексту. Система общения глухих и слабослышащих также включает в себя и две разновидности жестовой речи: русскую и калькирующую. Использование в общении средств русского жестового языка основывается на самобытной лингвистической системе. Калькирующая жестовая речь – это вторичная знаковая система, которая усваивается в процессе изучения глухими детьми словесной речи. Жесты становятся эквивалентами слов, а порядок их следования такой же, как в предложении, т.е. этот вид речи калькирует лингвистическую структуру словесного языка [5, с. 25]. Словесно-жестовое двуязычие глухих влияет на их психическое развитие в целом и на отдельные его стороны. Поэтому, по мнению Г. Л. Зайцевой, необходимо включить национальный жестовый язык наряду со словесным в систему средств при организации обучения и воспитания глухих и слабослышащих детей.

Т. Г. Богданова указывает, что у детей с нарушением слуха страдают коммуникативная и интеллектуальная функции речи. Благодаря реализации коммуникативной функции осуществляется процесс общения между людьми, интеллектуальной – речь выступает как средство выражения мыслей, их образования и развития, становится способом планирования и прогнозирования собственного поведения [2, с. 61]. Коммуникативная сторона речи детей с нарушением слуха страдает прежде всего из-за невозможности воспринимать информацию от собеседника путем вербального общения. Интеллектуальная функция речи тесно связана с мышлением, которое у детей с нарушением слуха имеет ряд особенностей.

Мышление учащихся младшего школьного возраста с нарушением слуха также имеет свои особенности. Для глухих и слабослышащих, еще не обученных или мало обученных речи, характерно наглядно-образное мышление, которое остаётся доминирующим на протяжении всего младшего школьного возраста и переходит на стадию словесно-логического в течение длительного времени, завершаясь только к юношескому возрасту. Р. М. Боскис указывает, что для них не существует конкретных и отвлеченных понятий, не существует такой связи между понятиями, какая бывает возможна при условии, когда мышление составляет единство с языком [3, С. 113]. В развитии таких процессов, как анализ и синтез, у детей с нарушениями слуха наблюдается отставание, так как их жизненный опыт менее разнообразен, позже формируется умение выделять общие и специфические признаки, характерно длительное использование общих терминов, а не специальных обозначений, анализ остается менее детализированным [2, с. 55]. Переход от образного мышления к абстрактному очень замедлен, особые трудности возни-

кают при вычленении существенных, но мало заметных признаков при решении наглядных задач.

Как отмечает Т. А. Соловьева, понимание смысла звучащей речи – сложный и трудоёмкий процесс для слабослышащего и глухого ребенка. Чужая устная речь воспринимается таким ребенком слухо-зрительно, с опорой на смысловую догадку. Неточно воспринятая фраза «достаивается», уточняется в сознании ребенка с учетом уровня владения языком, общей с говорящим перцептивной базы, контекста и когнитивной ситуации [8, с.29].

В исследованиях М. В. Алаевой указывается, что у детей с нарушением слуха замедленно развитие словесной памяти, они с большим трудом учатся произвольно оперировать образами и гораздо реже пользуются словесными характеристиками предметов для их запоминания. При запоминании слов испытывают трудности удержания в памяти звуко-буквенной последовательности, употребляют одни слова другим, похожим, редко используют опосредованные способы запоминания [1, с. 70]. Образная же память у глухих и слабослышащих характеризуется осмысленностью, как и у нормально развивающихся детей.

У детей с нарушением слуха развитие устойчивости и переключения внимания формируется медленнее, чем у сверстников. Это обусловлено невозможностью сконцентрироваться на каком-то одном объекте или предмете вследствие замедления избирательности восприятия. У таких детей доминирующим остается непроизвольное внимание, которое имеет пассивный характер. Произвольное внимание возникает как результат воздействия со стороны взрослых в процессе обучения и воспитания. Особенности развития внимания у глухих и слабослышащих детей связаны с тем, что наибольшее значение имеет зрительное восприятие. Понимание словесной речи путем считывания с губ или восприятия тактильной речи требует полной сосредоточенности на лице собеседника или его руках, что требует колоссальных волевых усилий. Поэтому глухие и слабослышащие дети быстрее и больше утомляются [2, с. 39].

Развитие перцептивной сферы у детей с нарушением слуха также имеет свои особенности. Они в основном, познают мир с помощью органов зрения и ориентируются лишь на зрительные образы и тактильные ощущения. Генетически перцептивные действия являются производными от практических, овладение ими требует специального обучения и долгого опыта. В практической деятельности восприятие становится активным, целенаправленным процессом познания [2, с. 31].

Существенную роль в сенсорно-перцептивном развитии детей с нарушениями слуха играют осязание и кожные ощущения и восприятия. Для компенсации нарушений слуха наибольшее значение имеют вибрационные, поскольку являются дистантным каналом приёма информации, как и утраченный слух. Например, глухие определяют место источника вибрации в два раза точнее, чем слышащие. Развитие вибрационной чувствительности имеет большое значение для овладения устной речью, ее восприятия и произношения. Некоторые из вибраций, возникающих при произнесении слов, улавливаются глухим ребенком при прикладывании ладони к шее говорящего, при поднесении ладони ко рту, при использовании специальных технических средств, включающих вибратор. При этом глухие дети лучше воспринимают такие компоненты речи, как темп, ритм и ударение. Вибрационные ощущения помогают глухому осуществлять контроль за собственным произношением [2, с. 35].

М. В. Горякина, М. В. Данилина указывают, что у большинства детей с нарушенным слухом нередко, вплоть до подросткового возраста, сохраняется неустойчивость поз и движений, а также потеря равновесия. Страдает ориентация в пространстве, координация и ловкость пальцев рук, что обусловлено тесным взаимодействием слухового и ве-

стибулярного аппаратов. Как следствие, замедлен темп двигательной активности, затруднено формирование двигательных навыков [4, с. 65].

Таким образом, обзор литературы по проблеме исследования показал, что при утрате слуха, в той или иной степени, дальнейшее психическое развитие имеет целый комплекс особенностей. Недостатки слухового восприятия обуславливают недостатки речевого развития. Наряду с этим происходит овладение полиглоссией. Мышление учащихся младшего школьного возраста с нарушениями слуха имеет наглядно-образный характер, оно остаётся доминирующим на протяжении всего младшего школьного возраста и переходит на стадию словесно-логического только к юношескому возрасту. В развитии операций анализа и синтеза у детей с нарушениями слуха наблюдается остывание, так как их жизненный опыт менее разнообразен. У них наблюдается замедленное развитие словесной памяти, устойчивости и переключения внимания. Познание окружающего мира происходит с помощью органов зрения, способствуя ориентировке лишь на зрительные образы и тактильные ощущения, что требует колоссальных волевых усилий и, как следствие, ведет к более быстрой утомляемости. Также страдают ориентация в пространстве, координация и ловкость пальцев рук, что обусловлено тесным взаимодействием слухового и вестибулярного аппаратов.

Литература

1. Алаева М.В. Специальная психология / М.В. Алаева, Т.М. Быстрова; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2014. – 144 с.
2. Богданова Т.Г. Сурдопсихология / Т.Г. Богданова. – М. : Академия, 2002. – 203 с.
3. Боскис Р.М. Учителю о детях с нарушениями слуха / Р.М. Боскис. – М. : Просвещение, 1988. – 128 с.
4. Горякина М.В. Первые шаги в работе учителя массовой школы с учеником с нарушенным слухом / М.В. Горякина, М.В. Данилина // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2011. – №2. – С. 16-21.
5. Зайцева Г.Л. Словесно-жестовое двуязычие глухих / Г.Л. Зайцева // Дефектология. – 1992. – №4. – С. 21-27.
6. Лебединский В.В. Нарушение психического развития в детском возрасте / В.В. Лебединский. – М. : Академия, 2003. – 144 с.
7. Рау Ф.Ф. Формирование устной речи у глухих детей / под ред. Т.А. Власовой, Н.Ф. Слезиной, В.И. Бельтюкова; НИИД АПН СССР. – М. : Педагогика, 1981. – 168 с.
8. Соловьева Т.А. Влияние тематической полифонии в речи учителя на её понимание учеником с нарушенным слухом: советы и рекомендации / Т.А. Соловьева // Воспитание и обучение детей с нарушениями развития. – 2012. – №8. – С. 25-31.

СЕКЦИЯ

«ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ»

*Кирилат Сунхитсара, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. И.В. Назарова*

ТАЙСКОЕ МЕНЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТЬ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР ИЛИ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОПАСТЬ

Сегодня процессы глобализации охватывают все новые и новые сферы жизни. Повышается интерес к культуре, традициям и обычаям людей, живущих в других стра-

нах и на других континентах. Кулинарные национальные традиции также привлекают большое внимание.

Огромный интерес к тайской кулинарной традиции порождает множество некачественных переводов меню и рецептов тайской кухни. Один из примеров такого недостаточно качественно выполненного перевода книги рецептов стал предметом исследования в данной статье. Главный недочет исследуемого сборника меню и рецептов заключается, по нашему мнению, в отсутствии комментариев и пояснений, которых требуют не только названия блюд и продукты для их приготовления, но и сами особенности процесса приготовления блюд.

К примеру, особенностью тайской кулинарной традиции является указание меры продуктов в «чашках». Эта мера типична для многих зарубежных кухонь, однако представителю русскоязычной кулинарной культуры такая мера представляется чуждой и не всегда понятной. Русскоговорящему кулинару трудно представить себе полчашки картофеля или чашку репчатого лука: более привычным является измерение в граммах или штуках (также вместо чашки можно использовать обычный граненый стакан в 200 миллилитров). Этот факт, по нашему мнению, обязаны учитывать переводчики кулинарных книг.

В анализируемом издании, являющемся типичным, мы встретили довольно большое количество несоответствий нормам современного русского литературного языка. В первую очередь мы обратили внимание на нарушения грамматических норм. Эти нарушения связаны с отсутствием согласования в грамматических формах между членами предложения.

Например, «*12 жареных сушеных красных перца чили*». Правильно: *12 жареных сушеных красных перцев чили*.

Другой пример: «*1 чашка шалота, приготовленная на гриле, чищенная, крупно нарезанная*». Правильно: *1 чашка шалота, приготовленного на гриле, чищенного, крупно нарезанного*.

Среди грамматических несоответствий нам встретились и синтаксические, которые связаны с нетипичным для текстов подобного рода порядком слов.

В тексте мы читаем: «*Половина баклажана крупно нарезанного*». Как известно, в русском языке согласованное определение обычно ставится впереди определяемого имени существительного. И синтаксическая норма русского языка требует, чтобы эта фраза имела такой вид: «*Половина крупно нарезанного баклажана*». В противном случае, по мнению Розенталя, постановка согласованного определения после определяемого существительного служит целям инверсии и оформляет поэтические, фольклорные тексты либо научные термины. В данном случае подобное инверсионное употребление согласованного определения нецелесообразно.

В анализируемом тексте встретилось довольно большое количество нарушений речевых норм современного русского языка. В частности, употребление не соответствующих подразумеваемому смыслу слов или форм слова, непонимание значения слова, неправильное употребление синонимов и другие.

Например, «*1 нога и 2 куриных бедра*».

В русской кулинарной традиции принято для наименования частей тушки птицы использовать лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: *ножка, грудка* и пр. При этом обязательно требуется указание на наименование самой птицы: *куриная ножка, грудка цыпленка* и т.п. Поэтому лексема *нога* без определения в подобном контексте для русского уха звучит пугающе.

Нам встретились примеры буквального перевода, который может скорее запутать русскоязычного кулинара, чем внести ясность в рецепт.

Например, «3 стакана рисовой лапши (средней)».

По нашему мнению, лексема *средний* в данном контексте была использована неправомерно, т. к. у носителей русского языка отсутствует образец лексической сочетаемости слов *лапша* и *средний*. Мы считаем, что в таком контексте уместнее было бы использовать лексему, характеризующую реальный физический размер предмета: *широкий, узкий, длинный, короткий* и пр.

К нарушениям речевых норм русского языка при переводе текста рецептов с тайского языка мы отнесли несколько примеров, в которых лексемы употреблены в несвойственных им значениях.

Например, «две с половиной чашки куриного супа».

Вероятнее всего, авторы перевода имели в виду «две с половиной чашки куриного бульона», однако не учли, что в русском языке лексемы *суп* и *бульон* не являются синонимами, как в некоторых европейских языках.

Такую же ошибку иллюстрирует пример «полчашиki овощного масла». В русскоязычной культуре употребляется сочетание *растительное масло*, даже если масло произведено из овощей или злаков.

К нарушениям лексических норм русского языка мы отнесли примеры, в которых авторы перевода использовали лексемы в несвойственных им значениях.

Например, «полстакана гороховых баклажанов».

Точно не известно, почему авторы перевода использовали для наименования овоща «*กะหล่ำปลี*» именно такое словосочетание, ведь в его названии на тайском языке отсутствует лексема *горох*. Возможно, причиной была форма этого вида баклажанов, схожая с горошиной. В английском языке для наименования этого овоща используется словосочетание «*Thai Eggplant*», что можно перевести как «*баклажан яичеподобный*». Мы предлагаем для перевода с тайского на русский язык использовать такую же форму словообразования: «*гороховидный баклажан*».

Пожалуй, самым грубым нарушением лексической нормы русского языка оказался пример, в котором наименование достаточно редкого для русского стола вида зелени «калган» употреблено в искаженном виде: «четверть чашки галагана, крупного и обжаренного». По нашему мнению, в этом случае интерпретация тайского названия окажется для русского кулинара практически непосильной.

Таким образом, проанализировав переводные тексты тайских меню и рецептов, мы пришли к следующим выводам. Во-первых, при переводе с языка другого типа, каким является для русского языка тайский, необходимо быть особенно внимательными и скрупулёзными, так как недопонимания в языке легко могут привести к недопониманиям в осмыслении культуры. Во-вторых, мы рекомендовали бы переводчикам чаще пользоваться словарями русского языка различных типов: толковыми, фразеологическими, словарями сочетаемости. Это, на наш взгляд, повысит качественный уровень переводов и будет способствовать диалогу двух языков и культур.

МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ЧАД

В традиционном обществе Республики Чад [5, URL] долгое время существовала система правил, которые регулируют различные аспекты межличностных отношений. Особое место среди них принадлежит тем, которые определяют специфику гендерного взаимодействия. А оно, как известно, составляет основу успешного функционирования любой социальной группы [2, с. 93]. Нарушение этих законов ведёт к неустойчивости общества, разрушению его структуры и уклада и, в конце концов, даже к исчезновению, вымиранию целого народа.

Традиционная, консервативная культура Чада предписывает мужчинам и женщинам определённые модели поведения. Они должны быть уважаемы всеми членами общества и строятся на чётком распределении гендерных ролей.

Мужчина является главой семьи и её представителем на собрании общины. Его слово – закон [3, с. 17–19]. Он решает, сколько в семье будет детей, будет ли женщина работать, регулирует время её выхода и нахождения вне дома, определяет её покупки и так далее. Мужчина может иметь несколько жён, и согласие первой жены не требуется.

При этом мужчина должен защищать семью, заботиться о жене и детях, обеспечивать их всем необходимым – одевать, кормить, способствовать социальной интеграции.

Женщина в семье лишена права голоса – она не может принимать ответственных решений и должна во всём подчиняться мужу. Её прямая обязанность – забота о семейном очаге, а также создание комфортной атмосферы.

На поддержание и сохранение устойчивости социума направлена система табу [1, с. 141], которая регулирует общение в традиционной семье Чада. Так, муж и жена не называют друг друга и старших родственников по имени – чтобы не давать плохой пример детям, которым запрещено произносить имена родителей. Отца традиционно называют «абба» или «баба», мать – «мама» или «ая».

Имя ребёнка даёт его отец, или дядя, или бабушка и дедушка, но не мать.

Невестка не должна разговаривать с родителями и старшими родственниками мужа, а также садиться с ними за один стол. Это табу сохраняется до тех пор, пока она не заслужит это право своим благовидным поведением и соблюдением семейных традиций.

Если муж обедает с братьями, друзьями и соседями, жена ест на кухне, отдельно от мужчин. Во время обеда мужчины не только устанавливают социальные отношения, но и решают важные вопросы. Такая традиция позволяет минимизировать вмешательство женщин в дела мужчин.

Подаявая еду, женщина слегка склоняется перед мужем и опускает глаза, демонстрируя свою готовность служить ему и его гостям. В целом, женщина должна всё время строго следить за собой, контролировать свои жесты, мимику, позу. Например, во время приёма пищи женщине нельзя открыто демонстрировать чувство голода или жажды. Также ей запрещено сидеть в нескромной позе, чтобы тем самым не нарушать общественный порядок, или курить сигареты и пить алкогольные напитки. В противном случае она оскверняет себя и подаёт плохой пример своим детям.

Женщине запрещено проходить мимо мужчины с кастрюлей в руках. Считается, что это может разрушить силы талисмана [4, с. 107–109]. Женатому мужчине, в свою очередь, нельзя заходить на кухню и готовить еду. Иначе он «топчет» обязанность женщины.

Пространство дома делится на мужскую и женскую половину. В священный момент после обряда инициации вновь обращённым запрещено заходить в комнаты женщин и прикасаться к принадлежащим им предметам. Если запрет нарушается, бог посылает страшное наказание или даже совсем отворачивается от человека, который не соблюдает эту древнюю традицию.

Муж и жена обычно имеют отдельные комнаты, и только мужчина решает, когда ему посещать спальню жены, при этом женщина не может отказать мужу, иначе она толкает его на прелюбодеяние, на измену. Общая спальня воспринимается как проявление слабости мужчины, а женатому мужчине запрещено быть слабым. Иначе более сильный и успешный мужчина может забрать его жену.

Слабым является мужчина, жена которого своим поведением демонстрирует независимость, непокорность – нарушает запреты, не соблюдает традиции, занимает доминантное положение в семье, унижает и оскорбляет его. Такой мужчина теряет уважение общества. И, напротив, почтение и послушание членов семьи, которые видят в мужчине хозяина дома, упрочивает его социальное положение.

Существующая в Чаде система запретов не только регулирует различные стороны взаимодействия мужчины и женщины, но и является одним из способов сохранения и передачи от одного поколения к другому обычаев, традиций и культуры в целом.

Литература

1. Гришаева Л.И., Фененко Н.А., Цурикова Л.В. Культурные табу как дискурсивно релевантный фактор / Л.И. Гришаева, Н.А. Фененко, Л.В. Цурикова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 1. – С. 141–144.

2. Дутова Н.В. Лингвокультурный универсализм в гендерном невербальном коммуникативном поведении / Н.В. Дутова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 10–2 (52). – С. 92–94.

3. Каратышова М.А. Репрезентация мужского доминирования в речевом поведении / М.А. Каратышова // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2015. – № S26. – С. 16–20.

4. Куницына О.М. Семиотические основы табуирования / О.М. Куницына // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 15 (675). – С. 105–112.

5. Чад // Энциклопедия «Кругосвет». – URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/CHAD.html.

*Пунсават Раттия, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Е.А.Пляскова*

ТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Пища является одним из самых важных и древних компонентов материальной культуры, выступая необходимым условием существования человека. «Кулинарные традиции, формирующиеся на протяжении длительного времени, дают богатый материал для анализа мифологических, религиозных представлений нации, социально-исторического, духовно-нравственного и бытового жизненного опыта народа. Система

исходных кулинарных образов служит культурным кодом, посредством которого характеризуется, осмысливается и оценивается национально-культурной общностью человек» [1, с. 11].

Основу тайской кухни составляет рис. Рис в восточных культурах имеет то же символическое значение, что и хлеб в русской. В древности люди полагали, что рис, как и человек, имеет душу и за неуважительное отношение к нему можно поплатиться. Запрещалось выбрасывать остатки риса (можно сравнить с символикой *хлеба* как дара Божьего – запрет выбрасывать хлеб в русской культуре). Рис «как основная пища (хлеб насущный) имеет божественное происхождение. Может быть волшебным и давать сверхъестественное пропитание, подобно манне, а также чудесным образом наполнять амбары. Символ изобилия и божественного попечения. <...> Рис символизирует бессмертие, духовную пищу, изначальную чистоту, славу, солнечную энергию, знание, изобилие, счастье и плодородие, с которым связан обычай разбрасывать рис над новобрачными» [2, URL]. Ежегодно 13 мая в Таиланде отмечается Праздник риса, который знаменует собой начало нового цикла созревания риса. Слово กินข้าว (еда) дословно переводится с тайского языка как «поедание риса». А выражение «Приятного аппетита!» กินข้าวให้อร่อย! дословно переводится как «Вкусного / приятного рисопоедания!»

Подобное отношение к рису закреплено в тайских фразеологизмах, в которых *рис* выступает *символом изобилия*: ใน้ำมีปลาในนามีข้าว [най нам ми пла най на ми као] (*в воде много рыбы, на рисовом поле много риса*) – «изобильный, богатый»; กินข้าวร้อนนอนตื่นสาย [гин као рон нонтын сай] (*есть вареный рис, просыпаться поздно*) – «беззаботная жизнь»; หนูตกถังข้าวสาร [ню ток танг као сан] (*крыса попала в закрома риса*) – «бедный мужчина женился на богатой женщине»; ข้าวใหม่ปลามัน [као май пламан] (*новый рис, вкусная рыба*) – «вступить в брак/прекрасная любовь»; *основы жизни*: (ถ้า) หนูงข้าวไม่เป็น แล้วจะทำอะไรเป็น [(тха) хунг као май пен лиау джа там арай пен] (<если> *не может сварить рис, значит, не может сделать ничего*) – «неумелый человек»; เลี้ยงเสียข้าวสุก [леанг сеэ као сук] (*кормить <кого-либо> рисом, но получить плохой результат*) – «вырастить ребенка плохим человеком» (также о домашнем животном); กินข้าวหม้อเดียวกัน [гин као мо диау ган] (*вместе есть рис из одной рисоварки*) – «о людях, связанных семейными или дружескими отношениями».

Также в тайской кухне широко употребляются *рыба* и *морепродукты*. ใน้ำมีปลาในนามีข้าว (*В воде – рыба, в поле – рис*) – так тайцы описывают богатство своей страны. Приведем примеры некоторых фразеологизмов, в которых отражено мировоззрение народа: ใจปลาจิ๋ว [джай пла зиу] (*сердце <как> маленькая рыба*) – «трусливый» (тайцы считают, что чем меньше сердце, тем человек трусливее); ไล่เลือดกับปู [рид лыад габ пу] (*выдавливает кровь из краба*) – «вымогать у того, у кого ничего нет (о ростовщике)» (у краба кровь не красная, а голубая; однако в человеческом сознании лишь красная жидкость осмысливается как кровь).

Еще одна особенность национальной кухни Таиланда – широкое использование *горького стручкового перца чили*. У тайцев есть выражение ถ้าไม่เผ็ด (แฉับ) ก็ไม่อร่อย («Не остро – не вкусно»). Обычно житель Таиланда в одно блюдо добавляет до десяти стручков перца чили разных сортов. Поэтому во фразеологии перец имеет положительную коннотацию: ฆ่าควายอย่าเสียคायพริก [ка кхвай я сеа дай приг] (*убить буйвола – не жалеть стручкового перца*) – «когда делаем важное дело, не надо скупиться» (как для приготовления мяса не надо жалеть перца); เล็กพริกขี้หนู [лек приг ки ню] (*маленький стручковый перец*) – «человек, имеющий невысокое положение в обществе, но компетентный в своем деле»: даже если добавить небольшое количество стручкового перца, блюда будут очень острыми;

พริกกับเกลือ [приг габ клеэ] (*стручковый перец и соль*) – «постоянно спорить»: несмотря на то, что перец и соль различны на вкус, вместе они придают блюдам особый вкус; ตำน้ำพริกละลายแม่น้ำ [там намприг ла лай мэ нам] (*выливать соус с перцем чили в реку*) – «совершать бессмысленное действие»; ได้แกงเหนื้พริก [дай гэнг те намприг] (*получить суп и потом вылить соус с перцем чили*), то есть «старые вещи становятся ненужными, когда появляются новые вещи»; ถึงพริกถึงขิง [тынг приг тынг кинг] (*много перца чили и имбиря*) – «очень вкусно»; แซ่บ(แบบ)พริกขยสวน [саб (бэб) приг йог суан] (*острый <как> перец чили в саду*) – «очень модный».

В тайском языке много фразеологизмов с лексемой *соль*. *Соль* в тайской фразеологии символизирует нечто ценное (ср. в русском языке: *солью* чего-либо называют то, что составляет особый смысл или основную сущность: *соль вопроса, соль проблемы*): แกงจืดถึงรู้คุณค่าเกลือ [ГЭНГ ДЖЫД ТЫНГ РУ КЮН КЛЕЭ] (*суп невкусный, в конце понять ценность соли*) – «узнавать ценность чего-либо/кого-либо, когда попадаешь в затруднение»; ทำนาอ่อมกล้าทำปลาอ่อมเกลือ [там на ом кла там пла ом клыа] (*сажая рис, использовать мало ростков; разрезая рыбу, использовать мало соли*) – «если чего-то жалеть, то все может получиться не так, как хочешь»; เค็มอย่างเกลือ[кэм йанг клыа] (*соленый как соль*) – «увлеченный человек»; เกลือเป็นหนอน[клыа пэн нон] (*в соли был червяк*) – «родственник, супруг, знакомый или коллега предали»; เกลือจิ้มเกลือ[клыа джим клыа] (*соль солить солью*) «не давать преимущества друг другу, не уступать друг другу»; กัดก้อนเกลือกิน [гад гон клыагин] (*откусывать соль <от глыбы>*) «тяжелая жизнь». *Соль* выступает в тайской культуре также символом скупости, т.к. в любое блюдо достаточно положить незначительное количество соли. Слово เค็ม [кэм] («соленый») имеет также переносное значение «скупой»: เกลือเรียกพี่ [клаэ риэг пи] (*соль называет <кого-либо> старшим братом / старшей сестрой*) «очень скупой человек».

Наряду с перцем и солью для приготовления блюд широко используются различные специи, названия которых закреплены и во фразеологии: ขมิ้นกับปูน [камин габ пун] (*шафран и красная известь*) – «всегда спорить», т.к. шафран и красная известь в одном блюде никогда не употребляются; ขิงก็รากี่แรง [хинг го ра ха го ренг] (не только имбирь горький, но и калган тоже горький) – «спорить (о сильных людях)», т.к. имбирь и калган, корень одного из трёх видов многолетних травянистых растений семейства имбирных, – главные ингредиенты тайского супа; หัวเดียวกระเทียมลีบ [хуа диау гра тхиам либ] (*одна голова <как> зубец чеснока*) – «ни с кому не дружить» (об одиноком, замкнутом человеке).

Основой для приготовления десертов в тайской кухне являются орехи и кунжут: กว่าจะสุกกั๋ใหม่ [гва туа джа сук нга го май] (*орех приготовлен, а кунжут уже сожжён*) – «делать два дела одновременно, но ни одного не сделать». И орехи, и кунжут обычно обжаривают, но их нельзя обжаривать вместе, потому что кунжут очень быстро подгорает.

Тайцы используют в своей кухне множество *фруктов*, т.к. благоприятный климат позволяет собирать урожай круглый год. *Банан* – символ легкости, простоты, потому что в Таиланде бананы растут практически везде и из них можно легко приготовить много различных блюд: ของกล้วยๆ [конг клуай клуай] (*это банан-банан*) – «очень лёгкий»; ปอกกล้วยเข้าปาก [пок клуай као пак] (*очищенный банан <положить> в рот*) – «легко что-либо сделать». *Кокос* – один из распространенных фруктов в Таиланде – символизирует возраст: แก่มะพร้าว เต่ามะละกอ [кэ мапхрау тао малако] (*старый кокос, старая папайя*) – «ничего не соображать из-за преклонного возраста»; แก่มะพร้าวหัว [кэ мапхрау-хао] (*старый кокос*) – «умный, приносит много пользы». Лайм из-за своей круглой формы является

символом неуловимости: กลิ้งเป็นลูกมะนาว [клинг пэн лук манау] (*катиться как лайм*) – «нельзя схватить».

Таким образом, национальная специфика тайских фразеологизмов с названиями продуктов питания проявляется в выборе образов, лежащих в основе фразеологизмов (*рис, перец, имбирь, банан, кокос* и др.), а также в особой символике, которой наделен в тайской культуре тот или иной образ.

Литература

1. Капелюшник Е.В. Человек сквозь призму кулинарного кода культуры / Е.В. Капелюшник // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 345. С. 11-14.
2. Растения и миф: Рис. URL: <http://myfthology.info/planta/ris.html>
3. สำนักงานราชบัณฑิตยสภา. ภาษิต คำพังเพย สำนวนไทย ฉบับราชบัณฑิตยสภา. – กรุงเทพฯ: สำนักงานราชบัณฑิตยสภา, 2558. – 116 หน้า
4. ศิวพร ไพลิน. สุภาษิต คำพังเพย. – กรุงเทพฯ: สำนักพิมพ์ภูมิปัญญา, 2551. – 160 หน้า

*Нгуен Тхи Киеу Чанг, Чанг А. Май, ст-ты ф-та географии, геоэкологии и туризма ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Л.П. Земскова*

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА

Фразеология – сокровищница образных средств языка. Она бережно хранит память о традициях и обычаях страны, порой интереснее любого учебника расскажет об истории и памятных событиях. Знакомясь с русской фразеологией, иностранец удивляется, как русский народ передает из поколения в поколение знания и наставления предков о правилах поведения. Но ведь то же самое можно сказать о фразеологии любого языка. Вьетнамская фразеология также любовно сохраняет и передает новым поколениям сведения об истории, традициях и жизни народа.

У каждого народа своя судьба, своя история и свои традиции, влияющие на формирование картины мира и национального характера. В своей работе мы ставим задачу через призму образных средств языка посмотреть, какие черты характера отмечаются у представителей русского и вьетнамского народов, как эти черты характера оцениваются обществом.

Наши народы прошли долгий и трудный путь исторического развития, испытывали лишения и преодолевали трудности. Неудивительно, что, несмотря на различия исторического и культурного развития обоих народов, при всем различии вьетнамского и русского языков мы отмечаем, что при оценке характера человека вьетнамцы и русские высказывают одинаковые или сходные суждения. Взгляд человека на самого себя и на других людей, на свои возможности, качества и способности, сопоставление поведения человека с нормами поведения человека в обществе – все это, как в зеркале, отражается в национальной фразеологии. Говоря о характере человека, мы имеем в виду совокупность психических, интеллектуальных и духовных свойств человека, проявляющихся в его поведении и отношениях с другими людьми.

Основным объектом нашего внимания является фразеологизм – образное выражение языка, которое устойчиво воспроизводится в речи, как и слово, выполняет

номинативную функцию в языке и одновременно характеризует предмет, положительно или отрицательно. Как синонимы этого термина мы используем и наименования поговорка, идиома, образное выражение. Следуя лингвистической традиции, мы разграничиваем пословицы и поговорки по смысловому и функциональному принципу, однако при анализе характера человека используем и пословицы, и поговорки.

Вьетнамцы и русские одинаково положительно относятся к трудолюбию и доброте, порицают лень и злобу, ценят правдивость и критикуют ложь, призывают к умеренности и высмеивают жадность.

Русские говорят: *лень – мать всех пороков*, вьетнамцы с этим согласны: *Nhàn cư vi bất thiện* (пороки рождаются от лени). Труд – мерило всего. Народы наших стран всегда много и упорно трудились. Русские убеждены: *без труда не выловишь и рыбку из пруда, терпение и труд всё перетрут*, а вьетнамцы учат: *Có làm thì mới có ăn* (ничто не даётся без труда); *Tay làm hàm nhai, tay quai miệng trễ* (руки работают – зубы жуют, руки отдыхают – зубы без дела). На этот счет у русских есть свое наблюдение: *не потопашь, не полопашь*. Вьетнамцы говорят: *Có chí, có gan, gian nan vượt hết* (есть воля, есть храбрость, и всё достижимо).

В русском языке есть такое выражение: *работа не волк, в лес не убежит*. Эта поговорка часто употребляется, но, на наш взгляд, неверно понимается. Мы полагаем, что народ-труженик не мог одобрять лень. Здесь народная мудрость высмеивает лень и ленивых, порицает тех, кто отлынивал от работы.

Знания и образованность высоко ценятся во всем мире. Русские говорят: *знание – сила, ученье – свет, а неученье – тьма*, и вьетнамцы воспитывают свое молодое поколение в том же духе: *Còn sống là còn học* (век живи, век учись). Ум – главное достоинство человека. Умный человек всё делает *с умом*, у него *ума палата*. Неразумные поступки могут привести к бедности или несчастью: *без ума человеку сума, если господь хочет наказать человека, он лишает его мудрости*. С годами человек становится мудрее, приобретает жизненный опыт: *Gừng càng già càng cay, người có lớn mới khôn* (чем спелее имбирь, тем сильнее его вкус – чем старше становишься, тем больше понимаешь).

У многих народов есть традиция употребления вина, но народная мудрость предупреждает об осторожности и умеренности. Так, русское выражение *«что у трезвого на уме, то у пьяного на языке»* имеет соответствие во вьетнамском: *Rượu vào lời ra* (вино входит, слова выходят).

Если русские хотят узнать, каков человек, они спрашивают: *что за фрукт?* Слабый, безвольный человек характеризуется так: *ни рыба, ни мясо*.

Но никто не идеален: *Nhân vô thập toàn*. В таких случаях у русских есть выражения: *на всякого мудреца довольно простоты* или *и на старуху бывает проруха*, т.е. даже умный человек иногда ошибается.

Своеобразие образных средств языков не остается неизменным. Меняются условия жизни, меняются люди. Но многие ценности, зафиксированные фразеологией, остаются актуальными. Наши наблюдения во многом находят подтверждение в результатах исследования, проведенного выпускником факультета философии и психологии, нашим земляком Нгуен Ван Ут Ньи, который изучал ценностные ориентации современной вьетнамской и российской молодежи.

Сопоставительное изучение вьетнамских и русских фразеологизмов позволяет более глубоко понять особенности национального характера, увидеть то, что нас объединяет, и то, что составляет нашу национальную специфику.

Литература

1. Глебова И.И. Вьетнамско-русский словарь / И.И. Глебова, А.А. Соколов [под ред. И.И. Глебовой и Ву Лока]. – Москва: Русский язык, 1992. – 792 с.

2. Нгуен Ван Ут Ньи. Ценностные ориентации современной вьетнамской и российской молодёжи (на примере студентов Воронежского государственного университета) / Нгуен Ван Ут Ньи // Студенческая наука как ресурс инновационного потенциала развития. Материалы и доклады IV международной студенческой конференции. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2015. – С. 95-96.

3. Нгуен Хуи Кыонг. Отражение национальной картины мира в русской паремиологии (в контрастивных данных паремиологии вьетнамского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нгуен Хуи Кыонг. – Воронеж, 2011. – 22 с.

4. Фразеологический словарь русского языка. – 2-е изд., испр. и доп.- Санкт-Петербург: ООО “Виктория плюс”, 2009. – 608 с.

*Вэн Чуцзюнь, У Сяои, студ-ты кафедры русского языка
для иностранных учащихся
основных факультетов ИМО ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., ст. преп. Е.Н. Фарха*

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ В КИТАЕ И В РОССИИ

В современном обществе всё большее число студентов предпочитает учиться за границей. Одним из факторов, побуждающих студентов обучаться за рубежом, является возможность познакомиться с новым образом жизни, а также получить образование согласно тому подходу, который практикуется в стране изучаемого языка. В данной статье будет представлен взгляд китайских стажёров (факультет русского языка Университета г. Санья) на российскую систему обучения русскому языку (кафедра русского языка для иностранных учащихся основных факультетов ИМО в ВГУ) в сопоставительном аспекте.

Университет г. Санья расположен на острове Хайнань – одном из самых привлекательных туристических мест в мире. Университет отличается как высоким уровнем преподавания, так и сильной исследовательской базой. ВУЗ имеет 14 факультетов, которые предлагают студентам 56 различных специальностей. Образование в университете подчинено принципу «практического обучения студентов будущего». С момента своего создания в 2004 году университет неукоснительно следует этому принципу, продолжая своё инновационное развитие при поддержке провинции Хайнань и муниципального правительства Саньи. Сегодня в университете учится около 20 тысяч человек [3, URL].

Университет сотрудничает примерно с тридцатью вузами по всему миру, в том числе и с Воронежским государственным университетом. Между нашими университетами много лет существуют тесные партнёрские отношения, благодаря чему у авторов данной статьи появилась возможность совершенствовать знание русского языка в ВГУ в течение одного года.

Мы начали изучать русский язык 3 года назад в Китае. Обучаясь в Воронеже уже 6 месяцев, мы обратили внимание на основные сходства и различия образовательных процессов Китая и России.

В Китае, чтобы поступить в университет, нужно успешно сдать вступительные экзамены в ВУЗ. Срок обучения в университетах Китая обычно составляет 3 или 4 года. Программа третьего курса обучения на языковом факультете предполагает стажировку студентов в страну изучаемого языка.

Следует отметить разницу в уровне исходной подготовки русских и китайских студентов. В Китае изучающие русский язык обладают различным уровнем довузовско-

го образования. Большинство студентов в школе изучает английский, и только в небольшом количестве школ преподают русский язык. Однако вне зависимости от исходного уровня языковой подготовки студенты обучаются в одной группе. В России же обучение иностранных студентов русскому языку более дифференцировано: в зависимости от уровня владения русским языком студент попадает в ту или иную группу. В Китае языковая группа может составлять 35 человек, и это не является пределом её численности. Малые языковые группы ВГУ создают хорошие условия для обучения: больше времени отводится общению с преподавателем, что позволяет улучшить знание русского за короткий срок.

Различается и сам ход ведения занятий, манера преподавания. Китайские преподаватели предпочитают традиционные методы работы, что диктуется наличием большого количества студентов в группе. Преподаватель преимущественно говорит, а студенты его слушают. Китайские студенты пассивнее русских, не любят задавать вопросы, поэтому непосредственное взаимодействие между преподавателем и студентами происходит достаточно редко. Большой объём учебной группы обуславливает также и преобладание письменной формы работы над устной. Т. к. в России занятия обычно ведутся в небольшой группе, дистанция между преподавателем и студентом значительно меньше. Преподаватели поощряют свободные дискуссии, призывают студентов высказывать личное мнение. Также российские преподаватели мотивируют студентов учиться вне аудитории, не только на занятиях. Если у иностранного студента возникает желание путешествовать по России, оно находит живой отклик. Студенту следует заранее сообщить преподавателю план путешествия, своевременно вернуться к занятиям и составить по-русски текст обо всём увиденном. Кроме того, преподаватели нередко сами организуют путешествия для студентов, а также посещают вместе с ними музеи и художественные галереи.

Отметим также разнообразие учебных материалов, выбираемых российскими преподавателями. Это могут быть кафедральные разработки, а также пособия, созданные преподавателями других кафедр РКИ. Нередко выбор учебной литературы определяется индивидуальными потребностями студентов [1, с. 224]. В Китае большинство преподавателей пользуется стандартизированным перечнем учебников, зарекомендовавших себя как «надёжные».

Различается в университетах Китая и России и расписание занятий. В университете г. Санья занятия проходят пять дней в неделю. Русский язык преподаётся ежедневно, по два или три занятия, что составляет три-пять часов. Отдельно отводится время для выполнения домашнего задания, около двух-трёх часов. Среди дисциплин – грамматика, устная речь, аудирование и основной курс русского языка, а также английский язык, физкультура и др. В ВГУ русский язык преподаётся тоже ежедневно, по три занятия в день. Набор изучаемых предметов несколько отличается: практика речи, культура Воронежского края, русская литература, практическая грамматика, фонетика, русская песня, русский глагол и киноурок [2, с. 6-10]. На наш взгляд, расписание, предложенное ВГУ, богаче по содержанию и компактнее по занятому времени. Разнообразные спецкурсы совершенствуют страноведческие и культурологические знания о России. Так, например, на первый взгляд может показаться, что занятия, где изучаются русские песни, излишни: песенное творчество ассоциируется с досуговым времяпрепровождением, но не с учебным процессом. В действительности же спецкурс по песне позволяет улучшить русскую фонетику, расширить словарный запас, а также узнать много интересного о традициях России.

Отдельно остановимся на особенностях проведения сессии. В Китае распространена стобалльная система оценивания, а в России – пятибалльная. Во время подготовки

к экзаменам в Китае большой удельный вес имеет точное, дословное воспроизведение материала, «зубрёжка». В России преподаватели поощряют творческий подход к изученному материалу, умение студента выразить собственное мнение по вопросам экзаменационного билета. В Китае, как и в России, приблизительно за неделю до экзаменационной сессии студенты сдают зачёты. Экзаменационная сессия продолжается две недели и обычно включает два-три экзамена.

Таким образом, методики обучения русскому языку в Китае и в России имеют сходства и различия. Несовпадения отражают прежде всего культурные особенности обеих стран.

За время пребывания в России мы значительно повысили уровень владения русским языком. Кроме того, полезным и эмоционально приятным стало для нас общение с русскими людьми, большой интерес вызвали путешествия по России, знакомство с русской кухней, интегрированные в учебный процесс.

Литература

1. Дурова Е.Н. Организация учебного материала для проведения занятий с иностранными учащимися гуманитарного профиля продвинутого этапа обучения / Е.Н. Дурова // Смысл и ценности : актуальные исследования и перспективы в испанском и российском гуманитарном образовании / Сборник научных статей международного российско-испанского научно-практического семинара. – Мадрид – Санкт-Петербург, 2014. – С. 224-230.

2. Программы учебных курсов кафедры русского языка для иностранных учащихся основных факультетов / отв. ред. В.Ю. Копров. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2011. – 180 с.

3. Университет г. Санья, КНР // Sanya University [сайт]. URL: <http://www.sanyau.edu.cn/> (дата обращения: 08.04.2017).

*Л.А. Долженчук, студ. ф-та международных отношений
ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – преп. А.С. Ермакова*

ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В эпоху глобализации и более тесного межгосударственного сотрудничества мы все чаще сталкиваемся с тенденцией размывания не только физических границ между странами, но и между языками. Сегодняшние газеты пестрят статьями, в которых используется все больше терминов и новомодных иностранных слов, порой вводящих в ступор тех, кто с ними еще не встречался. Так, вместо привычного «избиратели», мы то и дело слышим «электорат», а вместо «отстранение от должности» - «импичмент». Неужели это естественный динамичный процесс, необходимость, диктуемая временем, или просто желание приобщиться к европейскому сообществу, говорить на языке успешного и влиятельного Запада?

За последние несколько лет появилось большое количество политических неологизмов, представляющих собой полное или частичное заимствование из иностранных языков, в частности, английского. В первую очередь это связано с тем, что между государствами был налажен более тесный диалог, увеличилось количество сфер взаимодей-

ствия. Изменилась и роль самого английского языка. С течением времени он стал более универсальным, общеупотребимым, о чем свидетельствует его постоянное упрощение. Причина этого кроется в истории. Начиная с 15-16 вв. Англия была одним из самых влиятельных и весомых игроков на международной арене, а также мощной метрополией с множеством колоний, что способствовало распространению языка на разных континентах.

С момента распада СССР в 1991 году в России идет процесс перестройки устоявшихся советских систем на западный манер. В это время самые частотные в прессе слова типа «генсек», «ударник» и «стахановец» исчезают, становятся архаизмами. На их месте возникают новые слова, понятные сначала только специалистам в области политики. Итак, *первая причина* появления иностранных заимствований в российской прессе – смена политических реалий. *Вторая* – культурное сближение между разными странами. *Третья*, о которой не упоминалось ранее, – простота. Вместо того, чтобы употреблять словосочетания, проще использовать одно слово, имеющее сходное значение («дедлайн» - крайний срок, «рейтинг» - положение кого-то или чего-то в списке). *Четвертая* – обозначение новых явлений («маркетинг», «менеджмент»). *Пятая* – развитие интернет-технологий. Чтобы проиллюстрировать на конкретных примерах то, о чем говорилось выше, обратимся к результатам исследования.

Для сравнения были взяты три наиболее влиятельных в политической сфере издания современной России: «Аргументы и факты» («АиФ»), «Известия» и «Российская газета» («РГ»). Рассмотрите таблицу 1. Все данные, представленные в ней, получены с официальных интернет-порталов каждой из газет.

Таблица 1 – Частота употребления иностранных слов в современной прессе

Слова	Частота употребления, слов		
	«АиФ»	«РГ»	«Известия»
Брифинг	72	3072	2460
Дауншифтер	0	27	25
Девелопер	2	904	708
Дедлайн	0	0	168
Демпинг	2	279	375
Дифференциация	1	1367	308
Импичмент	41	588	54
Инаугурация	114	1995	226
Лизинг	5	1982	605
Мейнстрим	1	172	151
Мем	15	221	96
Ньюсмейкер	1	275	41
Омбудсмен	19	2021	269
Спикер	100	11964	6680
Трейдер	10	717	603
Тренд	57	4501	2147
Транш	18	2266	1130
Фьючерс	8	62	498
Электорат	7	1487	649

* – вся информация взята с официальных интернет-порталов в период с 01.01.2017 по 30.03.2017

Разберем для наглядности часть слов, представленных в таблице.

1. **Брифинг** (от англ. brief - краткий) – короткая пресс-конференция, в рамках которой обсуждается один вопрос. «... помощник Барака Обамы на регулярном брифинге

для журналистов в Белом доме ответил на вопрос, почему против президента РФ Владимира Путина не были введены санкции за приписываемые Вашингтоном Москве хакерские атаки». [6, <http://izvestia.ru/news/655917>]

2. **Девелопер** (от англ. develop – развивать) - предприниматель, занимающийся созданием новых объектов недвижимости. «Девелопер уделяет особое внимание архитектурной концепции своих домов, обеспечению его жителям максимально комфортных условий, будь то образовательные центры, подземные паркинги или благоустройство безопасных и свободных от машин дворов». [5, <https://rg.ru/2017/03/22/developer-zapustil-v-moskve-proekty-kompleksnoj-zastrojki-territorij.html>]

3. **Омбудсмен** (от швед. ombudsman – представитель) – чиновник, контролирующей деятельность ведомств, министерств и других правительственных органов. «За президентское кресло поборолось два кандидата: действующий президент Венгрии, кандидат от правящей партии «ФИДЕС – Венгерский гражданский союз» Янош Адер и экс-омбудсмен и правовед, кандидат от левой оппозиции Ласло Майтеньи». [3, http://www.aif.ru/politics/world/parlament_pereizbral_yanosha_adera_prezidentom_vengrii].

Колоссальную разницу в цифрах можно объяснить тем, что «Известия» и «РГ» – ежедневные газеты, в то время как «АиФ» – еженедельная. Более того, «РГ» была основана в 1990 году и является более прогрессивной.

Как показывает практика, обходиться без иностранных слов в русской речи совсем не представляется возможным, потому что некоторые из них очень прочно вошли в употребление. Помимо этого процесс появления политических неологизмов циклический. Список новых слов постоянно пополняется, так как отражает реалии жизни государства и его политики в той или иной сфере. Однако использование заимствований является оправданным только в том случае, если их нельзя заменить русскими словами, не подменяя понятия. Таким образом, употреблять их необходимо только в случаях, когда это оправдано.

Литература

1. Lenta.ru. Жириновский предложил запретить иностранные аналоги русских слов. URL: <https://lenta.ru/news/2013/01/22/words/>

2. Russia Today. Власти Крыма предложили избавиться от заимствованных западных слов в русском языке. URL: <https://russian.rt.com/article/138875>.

3. Аргументы и факты. Парламент переизбрал Яноша Адера президентом Венгрии. URL: http://www.aif.ru/politics/world/parlament_pereizbral_yanosha_adera_prezidentom_vengrii

4. ВестиFM. Надо избавляться от иностранных идеологических заимствований. URL: <http://radiovesti.ru/brand/61177/episode/1407598/>

5. Воскресенская О. Мегapolis ждет / О.Воскресенская // Российская газета. №7226(60)_2017 – URL: <https://rg.ru/2017/03/22/developer-zapustil-v-moskve-proekty-kompleksnoj-zastrojki-territorij.html>

6. Сержан Э. Белый дом назвал санкции против глав государств «чрезвычайными мерами» / Э. Сержан // Известия – URL: <http://izvestia.ru/news/655917>

ЛЮБОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЬЕТНАМСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Проблема взаимоотношений между мужчиной и женщиной всегда интересовала, и будет интересовать людей (особенно молодых) – независимо от страны проживания и национальности.

Как известно, «гендерное» общение имеет не только личный, индивидуальный характер. В нем отражаются законы, обычаи и традиции социальных групп, сообществ и народов, своеобразие которых особенно ярко проявляется при встрече представителей разных культур [2]. Так, студенты, которые приезжают учиться в Россию из Вьетнама [4, с. 198], обращают внимание на то, что общение молодых людей здесь отличается от того, которое принято в их родной стране. Например, юноши и девушки в России свободно и непринужденно общаются друг с другом, обнимаются и целуются на улице и в общественных местах, ходят взявшись за руки. Они открыто демонстрируют свои чувства, свои желания.

Для большинства жителей Вьетнама чувства тоже гораздо важнее рассудка [1, с. 27]. Эта особенность национального менталитета отражается в пословицах: *Yêu nhau yêu cả đường đi – Ghét nhau ghét cả tông chi họ hàng* («Если любить, то любить всю жизнь, если ненавидеть, то ненавидеть всех предков и родственников врага»); *Yêu nhau chín bỏ làm mười* («Когда любишь, считаешь девятку десяткой»); *Trăm nghe không bằng một thấy* («Гора рассудка не равна чуточке чувства»). При этом открытое проявление чувства любви и привязанности между мужчиной и женщиной в общественных местах во Вьетнаме не принято. Лишь на озере Хотэй в Ханое можно увидеть обнимающиеся молодые пары – здесь подобное поведение не считается вызывающим.

Долгое время во Вьетнаме существовал строгий запрет на проявление «любковых» чувств в общественных местах: например, было категорически запрещено обниматься и тем более целоваться «на людях». Кроме того, в прошлом супругов для своих детей выбирали родители, и будущие муж и жена могли не знать друг друга до свадьбы [5, с. 197]. В мужчине ценился высокий социальный статус, который гарантировал материальный достаток, а также красота, уровень образования и ум. Главные качества женщины – непорочность и красота, поэтому семья жениха стремилась найти самую красивую девушку в провинции. Также женщина должна быть очень деликатной, вежливой, послушной, проявлять уважение в отношениях со старшими и мужем. Особенно завидными невестами были девушки, способные не только выполнять всю домашнюю работу и вкусно готовить, но и играть на музыкальных инструментах. После свадьбы женщина уходила в семью мужа и находилась на полном его обеспечении. Однако если в семье не было детей, то мужу разрешалось привести в дом еще одну жену, способную рожать. При этом женщина не могла уйти к другому мужчине.

В современном Вьетнаме (во многом под влиянием «западной» культуры, которая проникает через телевидение и Интернет, а также благодаря расширению экономических отношений, торговых связей [3, с. 45–46]) личные взаимоотношения приобрели более открытый, публичный характер. Так, юноши и девушки не только имеют возможность свободно знакомиться и общаться в социальных сетях, кафе, на улицах, но и более открыто выражать свои чувства в общественных местах. Можно сказать, что демонстрация отношений стала для современной вьетнамской молодежи одним из способов про-

явить себя. Например, очень популярно среди влюбленных использовать «парные» вещи – одинаковую одежду, обувь, аксессуары.

В современном Вьетнаме женщина чувствует себя независимой от мужчины и демонстрирует «равные» права с ним (например, платит за себя в кафе или ресторане, оплачивает свои покупки). Сегодня молодые люди сами выбирают себе супругов. Возраст вступления в брак для женщины – 18 лет, для молодого человека – 20 лет. Причем брак, заключенный по принуждению или с помощью обмана, признается недействительным и может быть аннулирован.

Однако, к сожалению, довольно часто поиск мужа или жены оборачивается недолговечными отношениями и частой сменой партнера. Процессы, которые происходят в современной вьетнамской культуре и приводят к разрушению традиционных моделей поведения, с одной стороны, позволили сделать отношения между мужчиной и женщиной более эмоциональными, «романтическими», но, с другой стороны, поставили телесное выше духовного. Свобода и безответственность в отношениях привели к увеличению числа венерических заболеваний и аборт. Слишком явная демонстрация симпатии между молодыми людьми вызывает неприятие и раздражение у представителей старшего поколения и воспринимается как проявление неуважения к ним. А во вьетнамской культуре чрезвычайно высока ценность чести, репутации [1, с. 28]. *Tốt gỗ hơn tốt nước sơn* («Доброе имя лучше дорогой одежды»); *Đói cho sạch, rách cho thơm* («Хоть ты и голоден – чистым должен быть, хоть ты и в лохмотьях – должен жить с честью») – гласят вьетнамские пословицы.

Неслучайно характерной особенностью коммуникативного поведения вьетнамцев является сочетание общительности и робости [1, с. 27]. Жители Вьетнама стремятся поддерживать хорошие отношения со всеми членами своего сообщества. Они любят ходить в гости и принимать гостей у себя. Причем посещение друзей не является деловой потребностью, а представляет собой выражение чувств, эмоций, привязанности и способствует закреплению отношений.

Знание и понимание особенностей коммуникативного поведения представителей различных народов позволяет сделать их общение более продуктивным, бесконфликтным, взаимообогащающим, что в современной социокультурной ситуации приобретает особое значение.

Литература

1. Буй Дык Туан Некоторые особенности коммуникативного поведения вьетнамцев / Буй Дык Туан, О.В. Маслова // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии: Материалы Третьей Международной научной конференции 24–25 мая 2012 г. / Отв. ред. В.В. Гриценко. – Смоленск: Маджента, 2012. – Т. 2. Проблемы психологии межкультурного взаимодействия. – 280 с.
2. Верещагин Е.М. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1990. – 247 с.
3. Новакова О.В. Вьетнам и мировое сообщество: контакты, взаимодействие и влияние (некоторые аспекты) / О.В. Новакова // Вьетнамские исследования. – 2014. – № 4. – С. 28–48.
4. Рязанцев С.В. Сотрудничество между Вьетнамом и Россией в сфере учебной миграции / С.В. Рязанцев, Е.Е. Письменная // Вьетнамские исследования. – 2011. – № 1. – С. 197–203.
5. Швейер А.В. Древний Вьетнам / А.В. Швейер. – М.: Вече, 2014. – 399 с.

ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КИТАЙСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ

Русский язык – один из восточнославянских языков, китайский язык принадлежит к сино-тибетской языковой семье. Различное происхождение предоставило каждому свой характер и особенности. Оба они являются распространёнными языками в мире.

Фонетика, лексика и грамматика являются главными составными элементами языка. Если считать систему языка крупной постройкой, то фонетика – ее крыша, лексика – строительные материалы, а грамматика является каркасом.

Фонетика – материальное средство для реализации основной коммуникативной функции языка. Каждый национальный язык имеет свою особенную фонетическую систему.

В произношении дрожащий звук – самая главная черта, которой русский язык отличается от китайского. В китайском языке обычно звук произносится гладко и отчетливо, поэтому китайские студенты с трудом осваивают звук “р”.

Ударение – выделение слога в слове. В русском языке ударный элемент произносится с большей силой, более отчетливо, с большей длительностью.

Подобно ударению в русских словах, слоги в китайском языке имеют свой тон. Существует всего 4 тона и один нейтральный, они действуют на произношение каждой элементарной односложной единицы.

Ударение в русском языке свободное, оно может стоять на любом слоге и любой части слова. А в китайском языке местонахождение тона всегда определенное. Функции ударения и тона немного похожи: оба помогают отличить одно слово от другого и различить их значение. Например, в русском: *замок* (на двери) / *замок* (здание); *мука* (продукт питания) / *мука* (мучение). В китайском: 妈 mā (мама) / 麻 má (конопля); 马 mǎ (лошадь) / 骂 mà (ругать) / 吗 ma (вопросительная частица).

Интонация существует в предложении. Она индивидуальна, у каждого говорящего интонация может быть своей, но в языке имеются общие закономерности, которые позволяют выделить основные интонационные конструкции.

Всем известно, что в русском языке выделяется семь основных интонационных конструкций (ИК). В китайском языке существует два основных типа интонации: понижающаяся (ослабление силы голоса в конце предложения) и повышающаяся (голос к концу предложения повышается). Обычно вопросительные предложения в основном произносятся с повышающейся интонацией, а повествовательные – с понижающейся.

Словообразование. Оба языка имеют свои наименьшие единицы – морфемы (корень и аффикс). Корень – основная значимая часть слова. Аффикс – вспомогательная часть слова, он присоединяется к корню и служит словообразованию. Корневые морфемы могут образовывать слово как в сопровождении аффиксов, так и самостоятельно. Например: *стол* (корень без аффикса), *работник* (корень -работ, аффикс -ник) / 人 (человек), 老人 (старик): аффикс 老, корень 人.

Грамматика. Русский язык – флективный, с подчеркнутой логичностью. Центральными частями грамматики русского языка являются морфология и синтаксис.

Самое большое морфологическое различие между русским и китайским языками – то, что русский язык богат словоформами и словоизменением. А в китайском языке нет строгих словоформ и типичного словоизменения.

Имя существительное, прилагательное и глагол в русском языке характеризуются окончанием слова. Ввиду этого при определении части речи морфологические признаки могут использоваться в качестве главного критерия наряду с синтаксической функцией слова, но принадлежность к части речи не меняется.

Вследствие того, что в китайском языке отсутствуют особые морфологические признаки, разделение частей речи опирается только на синтаксическую функцию слова в предложении. Что важно, в китайском языке многие слова имеют возможность полифункционального употребления, в разных предложениях слово может осуществлять конверсию. Например, слово 生活 (жизнь) в предложении 我们过着幸福的生活 (У нас счастливая жизнь) 生活 □ это имя существительное. Во фразе 我们生活的很幸福 (Мы живем очень счастливо) 生活 □ глагол. Таким образом, слово 生活 можно применить в качестве существительного или глагола.

Синтаксис русского языка характеризуется свободным порядком слов. Он допускает свободу расположения слов в предложении, и при различных вариантах построения предложения смысл не изменяется.

В этом аспекте китайский язык – полная противоположность русскому языку. Китайский синтаксис характеризуется номинативным строем и относительно фиксированным порядком слов, который передает отношения подлежащего и прямого дополнения.

Обычный порядок слов в предложении таков: подлежащее + сказуемое + дополнение. Например: 我想见你们校长 (Я хочу увидеть вашего директора). Если порядок слов изменен, то значение предложения изменится, или предложение будет неправильным: 你们校长想见我 (Ваш директор хочет увидеть меня).

Таким образом, в китайском языке порядок слов в предложении исключительно важен.

Учет системных различий между языками – очень важное звено как в самостоятельном изучении иностранного языка, так и в обучении иностранных студентов. Внимание к этому аспекту значительно облегчает усвоение языка.

*Чжан Яцзе, студ. кафедры русского языка
для иностранных учащихся основных факультетов ИМО ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – ст. преп. С.Л. Саввина*

ЖАНР ЗАМЕТКИ В КИТАЕ И В РОССИИ

Один из основных носителей СМИ – это газета, функция которой – отражать и направлять общественное мнение. Самой популярной и авторитетной газетой в КНР является «Народная ежедневная газета». В общей сложности в ней 24 страницы, а ее разделы охватывают различные стороны общественно-политической жизни: дипломатию, торговлю, финансы, критику, политические визиты, спорт и многие другие. Также к ней прилагается специальный выпуск и интегрированная, так называемая обзорная часть. В 1992 году ЮНЕСКО отнесла «Народную ежедневную газету» к одной из десяти ведущих мировых газет.

В китайских СМИ, как и в российских, встречаются следующие жанры: статьи, заметки, интервью, рецензии, очерк и репортаж. Задача нашего исследования – сравнить российскую и китайскую новостную заметку.

В российских СМИ часто используются произведения сверхмалого объёма. Это короткие оперативные сообщения, имеющие самую простую форму. Целью корреспондента является сжатая подача материала таким образом, чтобы читатель при быстром просмотре легко нашел ответы на вопросы: какова суть события, место / время произошедшего, описание самого события, первоисточники, дающие право утверждать, что происшествие действительно имело место именно тогда и там, как об этом сообщает корреспондент. Иными словами, читателю должно быть с первых строк ясно, что именно произошло, где, когда, с какой целью и по какой причине состоялось описываемое событие.

Новостная заметка в КНР, как правило, композиционно состоит из четырех частей: заголовка, введения, основной части и заключения. Помимо емкого и сжатого изложения фактов, она характеризуется краткостью формы.

Рассмотрев и сопоставив китайскую и российскую новостную заметку, можно сразу сказать, что по формату они сходны.

Так, в российских СМИ часто дается описание встречи кого с кем, в какой обстановке, какие вопросы / проблемы обсуждались в ходе встречи, подводятся итоги беседы / переговоров: в результате была достигнута договоренность или нет, что было подписано (декларация, заявление и т. п.). Такое содержание типично и для заметки в СМИ КНР, однако в китайской газете, особенно в международных новостях, информация представлена более подробно, цели и ценности события звучат четче.

Приведем пример заметки в КНР:

Заголовок: 习近平会见俄罗斯总统办公厅主任

Си Цзиньпин встретился с начальником канцелярии президента России.

Название источника с указанием имени журналиста: 人民日报 народная ежедневная газета 北京 Пекин 3月25 марта 25日电 (记者 имя журналиста 杨晔)

Текст заметки: (КТО) Президент государства 国家主席 Си Цзиньпин 习近平 (КОГДА) 25 марта 日在 (ГДЕ) в здании китайского правительства 人民大会堂 встретился 会见 с начальником канцелярии президента России 俄罗斯总统办公厅主任 伊万诺夫。

Из примера ясно, что китайский словоупотребление в отличие от русского предполагает обязательную постановку субъекта на первое место, а время и место действия указываются перед обозначением самого действия. Таким образом, схема модели такова: КТО КОГДА ГДЕ ВСТРЕТИЛСЯ

Си Цзиньпин отметил (подчеркнул) 习近平指出, (ЧТО) 中俄互为最重要的战略合作伙伴 中国 и Россия являются взаимными важнейшими стратегическими партнёрами. КНР и РФ как партнеры должны развивать всесторонние стратегические взаимодействия и партнерства между ними 发展中俄全面战略协作伙伴关系, что не только является общим стратегическим выбором 是两国共同战略选择, но и представляет собой направление их дипломатического приоритета. 也是各自外交优先方向。 Си Цзиньпин надеялся, 希望 (ЧТО) обе стороны правильно используют этот шанс 双方以今年共同庆祝 《название соглашения

ния *中俄睦邻友好合作条约》* 签署15周年为契机, и будут активно продвигать традиции дружбы и сотрудничества между КНР и РФ *大力弘扬和传承中俄友好合作*, (ЧТОБЫ) люди были счастливы *更好造福两国人民*. Обе стороны должны поддерживать тесные контакты на высоком уровне *双方要保持密切的高层交往*.

Приведенный абзац демонстрирует изъяснительные отношения, которые в китайском языке выражаются имплицитно из-за отсутствия ассортимента связных слов и союзов, свойственных русскому языку. Значение между частями сложного предложения определяется контекстом. При этом китайский язык не менее богат, чем русский глаголами речи и мысли (*отмечать, подчеркивать, заявлять, утверждать и т. д.*).

Мы должны сосредоточиться на развитии двустороннего стратегического сотрудничества *要围绕中俄发展战略对接*, (И) *дальше продвигать содействие в прагматически приоритетных областях. 深入推进双方重点领域务实合作. Китайско-российское стратегическое сотрудничество является ключевым фактором в обеспечении и стабильности мира* *中俄战略协作是维护世界及地区和平稳定的关键因素*.

Здесь можно видеть, что китайский язык исключает использование сочинительного союза «и», и равноправные части сложного предложения или однородные сказуемые связываются на письме только запятой.

Си Цзиньпин подчеркнул, 习近平强调, Президент Путин и я поддерживаем ЦК КПК и главное управление президента РФ и соответствующие ведомства в заинтересованности двух сторон осуществлять обмен и сотрудничество *我和普京总统都支持中共中央办公厅和俄罗斯联邦总统办公厅以及双方相关部门开展交流合作*.

Здесь следует отметить, что прямая речь в китайском языке не выделяется при помощи двоеточия в официальных документах и требует постановки запятой. При упоминании китайским руководством высокопоставленного лица другого государства из уважения к нему в официальной речи оно обязательно называется первым и, соответственно, всегда стоит перед личным местоимением. В конце заметки обязательно упоминаются все участники состоявшихся встречи / беседы / переговоров.

Китайская заметка совершенно исключает использование безличных конструкций, которые присущи российской заметке, например, *отмечается..., ожидается...* и так далее. Подобные предложения из-за отсутствия данной категории в китайском языке при переводе практически безэквивалентны и встречаются в основном в художественной литературе. В грамматическом строе китайского языка грамматическое значение слов выражено не морфологическими средствами, а использованием предлогов, вспомогательных глаголов и иного порядка слов в предложении.

Подытоживая наши наблюдения, следует отметить, что при тождестве формата и наличии общих черт новостные заметки на совершенно непохожих языках обнаруживают значительные расхождения, обусловленные индивидуальными особенностями каждого языка.

МЕНТАЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕНИН В ЗЕРКАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИИ

Жители Бенина свято чтят опыт и традиции своей страны и бережно хранят их, передавая из поколения в поколение. Важной частью нашей древней культуры являются пословицы – краткие изречения, которые имеют поучительный смысл [5, с. 359]. Как известно, пословицы появились в древние времена, когда ещё не было письменности и людям необходимо было сохранять знания о мире, способах и принципах выживания в нем, чтобы потом передавать их новым поколениям.

В пословицах отражаются неповторимые черты национального характера, национального менталитета. Они аккумулируют опыт многих поколений и часто помогают решать задачи, возникающие в сложных жизненных ситуациях [3, с. 77–79]. Поэтому пословицы каждого народа тематически неоднородны и охватывают разные сферы жизни [4, с. 22]. В нашем исследовании мы рассмотрим те пословицы, которые содержат общие законы и базовые принципы жизнеустройства патриархального общества Республики Бенин.

На территории Бенина проживает более 60 народов, и каждый из них имеет свою культуру, традиции, язык [1, с. 160–165]. Закономерно, что ключевым принципом сосуществования бенинцев является терпимое и уважительное отношение к представителям других культур, других народов. Об этом говорят многие пословицы. Например: *Si tu as 100 personnes à commander, tu dois avoir 100 bâtons différents* («Если у вас в подчинении 100 человек, вы должны иметь 100 различных палочек для руководства ими»). Данная пословица подтверждает то, что каждый человек уникален и обладает своим характером, поэтому в любой ситуации необходим личный, индивидуальный подход.

А если человек поступил непонятным для вас образом, не спешите давать оценку его поступку, тем более обвинять, – старайтесь узнать истинные причины «странного» поведения. Как гласит пословица, *Attend d'avoir traversé la rivière avant de dire que le crocodile à une sale gueule* («Переберитесь через реку, прежде чем утверждать, что у крокодила грязный рот»).

Неслучайно основным и особенно ценным качеством человека в Бенине считается терпение: *Tout va mal quand la patience manque* («Всё идёт не так, когда не хватает терпения»). Терпение для бенинца – это способ проявить хорошее отношение, почтение и уважение к людям.

Пословицы учат нас – совершая какой-либо поступок, всегда помни: делая плохое – в ответ получишь то же самое: *Qui crache en l'air doit s'attendre à recevoir des crachats sur le visage* («Тому, кто плюёт в воздух, следует ожидать, что плевок окажется на его лице»). Или, как говорят русские, «как аукнется, так и откликнется»: добро возвращается добром, а зло – злом.

В частности, *Quand la malhonnêteté a construit une maison, elle la détruit* («Когда ложь строит дом, она же и разрушает его»). Все, что основано на лжи, недолговечно. Особенно это касается семьи: если отношения между людьми строятся на обмане, он будет разрушать их изнутри.

И тогда из последних сил, в надежде найти спасение в сложной ситуации и, например, сохранить семью человек стремится использовать все, в том числе и крайние, средства. Как говорится, *Quand on se noie, on s'accroche à tout, même au serpent* («Тону-

щий цепляется за все, даже за змею»). На первый взгляд синонимичная русскому выражению «хвататься за соломинку», эта пословица предупреждает нас: если хочешь прибегнуть к помощи врага, опасайся яда.

И старшее поколение учит нас, молодых, думать о последствиях своих поступков, ведь, согласно пословице, *En toute chose, il faut considérer la fin* («Все конечно, и нужно уметь видеть конец»). В частности, для того, чтобы понимать, куда двигаться дальше. Ведь *L'homme détient une liste à remplir qui n'est jamais close* («Человек имеет целый список необходимых ему вещей, который никогда не закрывается»). То есть каждый человек постоянно нуждается в чем-то жизненно необходимом, поэтому он всегда находится в движении вперед, в поиске новых знаний, постоянно развивается.

Уважительное, внимательное отношение бенинцев к людям распространяется и на отношение к вещам. Пословица гласит: *Celui qui est vêtu avec le bien d'autrui est en réalité nu* («Тот, кто для других одевается в одежду, которая ему не принадлежит, на самом деле остаётся голым»). Это значит, что, если мы берем что-то у других, это не делает нас богаче. Мы должны бережно обращаться с чужой вещью, чтобы не испортить ее, и потом обязательно вернуть ее владельцу.

Уважая личность, особенности и интересы другого, жители Бенина безусловно преданы коллективу и высоко ценят содружество, событие. Ведь, как известно, человек не может быть один, вне общества и связей с другими людьми: *Nous n'existons qu'à travers les autres* («Мы существуем только через других»). Чтобы жить, учиться, работать, нам необходим другой человек, община, социум. Бенинцы уверены, что всякое дело имеет смысл, только если его цель – помочь другим, а не удовлетворить собственные желания и потребности. Человек не должен жить своими эгоистическими интересами, существовать только для себя. Верность этому принципу отражена в пословице: *Si tu as de nombreuses richesses donnent ton bien; si tu possèdes peu, donne ton cœur* («Если у вас много богатства, раздайте его нуждающимся; если у вас ничего нет, отдайте свое сердце»).

Эти принципы во многом и определяют отношение бенинцев к окружающему миру и населяющим его людям. Изучая пословицы, можно не только познакомиться с самобытной культурой страны [2, с. 43], но и познать неповторимую душу ее народа.

Литература

1. Бондаренко Д.М. Бенин накануне первых контактов с европейцами. Человек. Общество. Власть / Д.М. Бондаренко. – М., 1995. – 291 с.
2. Головина Л.В., Азер Лааки О.З. Влияние пословиц на формирование ценностных категорий межличностных и межкультурных отношений / Л.В. Головина, О.З. Азер Лааки // Интернационализация современного российского образования: Материалы VII Международной научно-практической конференции. Воронежский государственный университет инженерных технологий. – Воронеж, 2016. – С. 42–45.
3. Иванова Е.В. Пословица как стратегия действия / Е.В. Иванова // Наука вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 2–2 (24). – С. 76–82.
4. Израелян М.С. Пословицы и поговорки. Общая характеристика пословиц и поговорок / М.С. Израелян // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2016. – № 5–1 (13). – С. 21–23.
5. Потапова Н.А. Анализ понятий «пословица» и «поговорка» в современной лингвистике / Н.А. Потапова // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – Т. 61. – № 6. – С. 358–361.

*Е.П. Беженар, Г.М. Габдулисламова, студ-ты института
лингвистики и международных коммуникаций ЮУрГУ
(Челябинск)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. И.В. Ставцева*

THE NOTION OF BILINGUALISM IN THE CONTEXT OF MODERN SCIENCE OF LANGUAGE

Today, because of globalization and integration processes in conditions of multicultural society, the ability to understand other people and to be tolerant to the cultural and linguistic diversity of the modern world has become urgent. In particular, recently much attention has been paid to the study of bilingualism. A significant part of such studies is devoted to the issue of bilingualism classification and cognitive and psychological benefits of bilingual people. Now, there is no universal classification and scientists argue on this issue. According to this, the aim of this research paper is to study existing approaches to bilingualism issue. The research objectives consist of the following: the review of scientific literature on the issue of bilingualism, the identification of regularities in the methods of language teaching, the analysis of language teaching in Russia and the United States of America.

Firstly, the term “bilingualism” was introduced by V.A. Avrorin in 1938, who determined it as “equal proficiency of two languages [1].” A similar definition is given by V. Rosenzweig: “Bilingualism usually means speaking two languages and switching from one to another, depending on the situation of communication [7].” It is important to notice that foreign scientists define the term “bilingualism” in the same way: “bilingualism is the ability to speak two languages [6].”

Russian scientists classify bilingualism according to many aspects. For instance, there are about 10 classifications of bilingualism in the dictionary of sociolinguistic terms of the institute of linguistics of the Russian Academy of Science. E.M. Vereshchagin distinguishes between two types of bilingualism: *subordinate* and *coordinative* [8]. The subordinate bilingualism is bilingualism with the presence of a dominant language. The coordinative bilingualism is bilingualism without a dominant language. A.A. Zaleskaya and I.L. Medvedeva singled out two types of bilingualism according to the way of language acquisition: *natural*, which appears in the corresponding linguistic environment, and *artificial*, by which the acquisition of bilingualism occurs in the study environment [9].

Let us now turn to the applied aspect of studying bilingualism, namely, to the peculiarities of foreign and Russian methods of teaching bilinguals. As for American researchers, the great contribution was made by J. Cummins, S. Krashen, E. Haugen, U. Weinreich and others. We would like to pay special attention to the works of S. Krashen because they are rather up-to-date and can be applied to the modern education. S. Krashen has a special role in the study of bilingual education because he developed a natural approach to the second language acquisition. The theses of his approach are set forth in such works of the scientist as “Second Language Acquisition and Second Language Learning”, “Principles and Practice in Second Language Acquisition”, “The Comprehension of Hypothesis and its Rivals”, “The Input Hypothesis: Issues and Implications” [3,4,5].

The second language acquisition theory developed by S. Krashen consists of five hypotheses, the main contents of which we will discuss further.

1. The Acquisition-Learning hypothesis distinguishes acquisition and learning. The acquisition is the product of a subconscious process very similar to the process children undergo when they acquire their first language. The learning is the product of formal instruction and it comprises a conscious process that results in conscious knowledge “about” the language.

2. According to The Input hypothesis, the learner improves and progresses when he/she receives second language 'input' that is one step beyond his/her current stage of linguistic competence.

3. The Monitor hypothesis explains the relationship between acquisition and learning and defines the influence of the latter on the former. The monitoring function is the practical result of the learned grammar. The acquisition system is the utterance initiator, while the learning system performs the role of the 'monitor' or the 'editor'.

4. The Natural Order hypothesis suggests that the acquisition of grammatical structures follows a 'natural order' that is predictable. This order seemed to be independent of the learners' age, L1 background, conditions of exposure, etc.

5. The Affective Filter hypothesis states that a number of 'affective variables' (motivation, self-confidence, and anxiety) plays a facilitative role in second language acquisition. Learners with high motivation, self-confidence, a good self-image, and a low level of anxiety are better equipped for success in second language acquisition.

Thus, the main thesis of S. Krashen's natural approach is that linguistic competence can be fully valid only if the language is acquired unconsciously.

It stands to mention that bilingual education is based on common sense, experience, and study. Common sense implies the fact that a child will not study an academic discipline if he/she does not understand the language of instruction. There is also a bilingual education base, based on the degree of language and education acquisition.

In turn, the problem of bilingualism is also properly examined in Russia. For example, such linguists as L.V. Shcherba, E.M. Vereshchagin, E.K. Chernichkina, A.D. Schweitzer played a great role in Russian examination of this question. However, special attention should be paid to the theoretical contribution of E.M. Vereshchagin. We chose him because he guides the research fundamentally. Works of the given author allow us to familiarize with the key tendencies in exploring bilingualism.

E.M. Vereshchagin introduces such notions as 'primary and secondary language systems' [8, p.53]. The primary language system means that during intra-family communication only one language system is used. If in the certain situation of communication another language system is used, it is called a secondary one. E.M. Vereshchagin was a supporter of the psychological approach. He studied physiological and anatomical systems of mechanisms, providing speech production, described mechanisms of language skills storage and functioning's patterns of different language systems. Based on psychophysiological data he recommended teaching methods of a second language, the main aim of which is receptive bilingualism. To reach this aim, it is necessary to study a second language theoretically and know how to use it. Such type of teaching method is called 'philological'. It can only be used for working on written texts. A drill is the main activity for the establishment of the verbal skills and exercises play a supporting role.

In this way, the analysis of scientific sources demonstrates that opinions of American and Russian researchers on the bilingualism problem are fundamentally different. The American approach is more practical because greater attention is paid to various kinds of speech activity in the development of bilingualism. The Russian approach is notable for the profundity of theoretical research. Native linguists focus on cognitive mechanisms of bilingualism and its classification. On that basis, it is necessary to observe both works of Russian and foreign (e.g. American) researchers to get the universal idea about bilingualism. Multidisciplinary study of bilingualism will allow having more effective approach to the issue of bilingual education in Russia.

References

1. Avrorin V.A. Dvuyazychie i shkola. [Bilingualism and school]. Moscow, 1972. p.

2. Krashen, S. D. Principles and Practice in Second Language Acquisition – Pergamon Press Inc., 1982.
3. Krashen, S.D. Second Language Acquisition and Second Language Learning / S.D. Krashen. – Pergamon Press Inc., 1982.
4. Krashen, S.D. The input hypothesis and its rivals, Implicit and Explicit Learning of Languages / S.D. Krashen. – Academic Press, London, 1994.
5. Krashen, S.D. The Comprehension Hypothesis and its Rivals, 2008.
6. Merriam-Webster, Inc. (2014). Privacy. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/bilingualism>
7. Rozenzweig V.Y. Osnovnyi voprosy yazykovykh kontaktov [The main issues of language contacts]. Moscow, 1972.
8. Vereshchagin E. M. Psihologicheskaya i metodologicheskaya harakteristika dvuyazychiya (bilingvisma) [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. Moscow, 1969.
9. Zalevskakaya A.A. Psiholingvisticheskie problema uchebnogo dvuyazychiya: uchebnoe posobie [Psycholinguistic problems of educational bilingualism]. Tver, 2002.

*Л.В. Кузнецов, курс ф-та летательных аппаратов ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»;
В.В. Поталуй, канд. филол. н., доц.
(Воронеж)*

МЕТАФОРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ АВИАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Теория концептуальной метафоры является предметом лингвистических исследований на протяжении многих лет. Метафорические единицы не только отражают и эксплицируют в языке образное восприятие действительности, но и во многом формируют его, поэтому изучение метафорических переносов в рамках различных сфер позволяет проникнуть в структуры человеческого мышления и понять, каким образом человек представляет окружающий мир и свое место в нем. Иными словами, метафору можно рассматривать как инструмент исследования картины мира [1, С. 57].

Метафора дает возможность изучить то, как мы осмысливаем одну предметную область посредством другой, перенося приобретенный ранее опыт и структурированные знания на новую сферу деятельности человека. Концептуальная метафора состоит из двух концептуальных полей, абстрактного и конкретного, в то время как метафорические языковые средства, посредством которых реализуется концептуальная метафора, относятся к языку или терминологии конкретной предметной области [3, С. 132].

Авиационный английский язык является одним из всего многообразия языков для специальных целей (Language for Special Purposes - LSP), владение которым подразумевает как знание фразеологии и терминологии в рамках определенной предметной области, так и общего английского языка на достаточно высоком уровне. В авиационном английском метафоризация выступает одним из видов языковой деятельности.

Анализ метафорических терминов показал, что наиболее продуктивными источниками для создания концептуальных метафор являются области **ЧЕЛОВЕК** и **ЖИВОТНЫЕ** как в русском, так и в английском языках.

В области **ЧЕЛОВЕК** можно выделить несколько подгрупп:

1. **Тело человека.** Из этой области-источника осуществляется метафорическая проекция чаще всего на область-цель **элементы и системы летательного аппарата: нога шасси, нос самолета, носовая опора шасси, колено штурвала, щека крепления, плечо вертикального оперения, горло реактивного сопла, губа воздухозаборника, ребро жесткости, лоб (панель лобового стекла), рабочее тело; ручка управления, носок закрылка, кулачок впускного клапана, головка цилиндра, глазок двери кабины экипажа, брюшко лопасти воздушного винта;**

nose of an aircraft, aircraft body, widebody aircraft, negative arm, departure leg, cylinder neck, hand pump, stressed skin, rotor head, venture throat, electronic eyes, pier finger terminal, runway shoulder, diaphragm, heart of the power plant, belly land.

2. **Одежда человека: карман кия, рукав подачи снарядов, горловина воздухозаборника, фартук чехла парашюта, манжетное уплотнение, пояс лонжерона, козырек приборной панели, колпак диска колеса, тормозной башмак;**

apron, air pocket, calm belt, connection cap, bearing sleeve roller.

3. **Предметы быта.** В этой области в свою очередь выделяются следующие подгруппы:

– наименования посуды и столовых приборов: **чашка аварийного выхода, тарелка автомата перекоса, вилка крепления лопасти, штопор, стакан;**

fork gusset plate, stick shaker;

– наименования предметов домашнего обихода: **замок лопатки, воздушная подушка, аэродинамический гребень, бочка, свеча, петля Нестерова (фигуры высшего пилотажа), одеяло пенное, аэродинамические весы, катапультируемое кресло, воздушный мешок, ножницы закрылков, коромысло колес шасси, вентилятор, лопатка компрессора;**

fan of the compressor, air cushion, blanket, rotor blade;

– наименования архитектурных сооружений и помещений: **рабочий потолок, герметическая перегородка, арка каркаса фонаря, ступень ракеты, воздушный коридор, камера сгорания, окно реверса;**

service ceiling, rocket stage, boundary layer fence, descent arc, combustion chamber.

Второй по численности является область-источник **животные**. В рамках данной области преобладают названия птиц и частей их тела, что объясняется функциональной близостью данных существ и летательных аппаратов [1, С. 59]. Для наименования самолетов используются названия птиц («Стриж», «Коршун», «Орел», «Буревестник», «Беркут», «Кречет», «Альбатрос», «Ястреб», «Грач», «Аист», «Лебедь», «Утка»);

Night Hawk, Falcon, Eagle.

Для обозначения частей самолета и авиационных приборов используются наименования животных и частей туловища животных: **крыло самолета, лапа крепления двигателя, клювик (флажковая ручка переключателя), хвост, хвостовое оперение, роговой компенсатор руля высоты, кабанчик элерона, петушок коллектора, винт барашиковый, вал червячный; wing, tail, airspeed bug, bear paws, butterfly valve, squirrel cage rotor, running rabbits, dog-tooth clutch.**

Метафорические переносы также осуществлены из области географических понятий: **канал тангажа, рулежная дорожка, воздушная яма, разворот на «горке», магистраль подачи воздуха, тоннель двигателя; runway, taxiway, bridge balance, wind tunnel.**

Таким образом, анализ метафорических выражений показал, что метафорический способ вербализации знаний зависит от уровня концептуализации, т.е. от когнитивного опыта носителей языка в области авиации. Метафора служит мостиком, соединяющим общие и специализированные знания.

Дальнейшие исследования, как нам представляется, могут быть продолжены в сопоставительном аспекте, в частности, в сопоставлении метафорических переносов из областей-источников в области-цели в русском и английском подъязыках авиации с целью выявления национальной языковой картины мира.

Литература

1. Бондарчук М.Н. Метафорический способ вербализации знаний в подъязыке авиации / М.Н. Бондарчук, А.В. Колчанова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 24 (239). – С. 57–59.
2. Кузнецов Л.В. Метафорические термины в профессиональном языке авиации / Л.В. Кузнецов, Д.Р. Рудич, В.В. Поталуй // IX Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум-2017». [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.scienceforum.ru/2017/2296/30952>
3. Поталуй В.В. Метафоры в авиационном английском языке / В.В. Поталуй, Д.С. Воронко // Международный научно-исследовательский журнал. – Екатеринбург, 2016. – № 8 (50). – Ч.5. – С. 132–134.
4. Сборник терминов ИКАО (ICAO lexicon). Терминологический словарь в 2 томах. М.: Воздушный транспорт, 1986. – 816 с.
5. Crocker D. Dictionary of Aviation. L.: A&C Black Publishers Ltd, 2007. –289 p.

СЕКЦИЯ

«ДИАЛОГ ИСКУССТВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ»

*Д.Э. Ганделидзе, студ. филологического ф-та ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.К. Попова*

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЭРНСТА НЕИЗВЕСТНОГО К РОМАНУ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Эрнст Неизвестный родился 9 апреля 1925 г. в Свердловске (нынешнем Екатеринбурге) в семье врача-оториноларинголога Иосифа Моисеевича Неизвестного и поэтессы Беллы Абрамовны Дижур, писавшей научно-популярные книги для детей, его дед был купцом. Отец Эрнста основал самую большую в городе типографию в доме наследников Трофимовых на улице Коммерческой, а после революционных событий 1917 года работал наборщиком. Семья Неизвестного имела огромную библиотеку. С самого детства Эрнста окружали книги по искусству, философии. Уже в раннем возрасте Неизвестный был творческой личностью. С 1939 по 1942 год он участвовал во Всесоюзных конкурсах детского творчества. Изначально мать Эрнста назвала его Эриком, но в августе 1942 года, когда он был призван в Красную Армию, Эрик сменил имя на Эрнст. Уже в 14 лет он хотел стать частью мировой истории, поэтому бесстрашно пошел на войну. В конце Великой Отечественной Войны 22 апреля 1945 года в Австрии Эрнст был тяжело ранен. Неизвестного считали мёртвым, но, когда его бездыханное тело небрежно бросили, Эрнст почувствовал боль и издал крик. Тогда все поняли, что он жив. После ранения он три года ходил на костылях, с перебитым позвоночником, боролся со страшными болями, даже стал заикаться. Эрнст не мог найти себя и тогда некоторое время преподавал черчение в Суворовском училище в Свердловске. В 1946—1947 годах

Эрнст обучался в Академии Художеств в Риге, затем, в 1947—1954 годах, — в Московском художественном институте им. В. Сурикова и на философском факультете МГУ. 17 июня 1973 года Неизвестный подал документы на выезд в Израиль. 10 марта 1976 года, после трёх лет в отказниках, скульптор покинул Советский Союз и через Швейцарию эмигрировал в США (1977). Он поселился в Нью-Йорке, где и умер 9 августа 2016 года [1, URL].

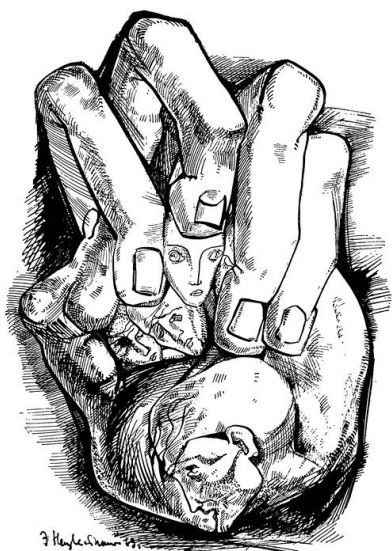
Меня поражает его искусство, это человек очень сильный духом. Он не боится показать себя всему миру, выразить свои эмоции. В каждой скульптуре, в каждой картине я вижу смысл, который пытается донести автор. Эрнст ставил себя на уровень со многими признанными личностями. Однажды он сказал: «Вертикаль — это бог. Горизонталь — это Жизнь. В точке пересечения — я, Микеланджело, Шекспир и Кафка» [1, URL]. Он не боялся мнения других, делал так, как считал верным, и никто не мог его переубедить.

В искусстве книги Эрнст Неизвестный так же, как и в скульптуре, сумел сказать свое слово. Например, он иллюстрировал произведения Данте Алигьери и Самюэля Беккета. Начиная же свой путь в этой области с иллюстраций к роману Ф. Достоевского «Преступление и наказание», выпущенному в 1970 г. в серии «Литературные памятники» издательства «Наука». Эта объемная книга (808 страниц) имеет твердый коленкорый переплет и суперобложку, ее тираж — 35000 экземпляров. Всего в издании насчитывается около 20 иллюстраций. Все изображения полностраничные и имеют свои названия, напечатанные на смежных текстовых страницах. Рисунки выполнены в графическом стиле. Заставки и концовки отсутствуют [2, URL]. Цветовая гамма иллюстраций Э. Неизвестного четко делится на два цвета: чёрный и белый. В рисунках нет даже серого цвета, который вполне может присутствовать на графических картинах. Возможно, Эрнст таким образом хотел разделить плохое и хорошее, преступление и наказание, обыкновенных и необыкновенных людей. По всему роману идёт в разных местах разделение надвое, то же происходит и на иллюстрациях. Присутствие цвета в изображениях усложнило бы восприятие и помешало, ведь у цветов есть свои значения, они тоже с чем-то ассоциируются. Наличие лишь двух цветов в некоторой мере упрощает понимание этой нетрадиционной иллюстрации.

Эрнст Неизвестный каждое свое произведение, будь то скульптура или рисунок, насыщал глубоким смыслом, переданным через символические детали.

Рассмотрим изображение под названием «Арифметика»: иллюстрация появляется в первой части, в тот самый момент, когда Раскольников убивает старуху, обрушивая свой топор на голову бедной женщины. На иллюстрации изображена рука, держащая головы людей. В руке на переднем плане находится голова с расколотым черепом. Скорее всего, это череп старухи процентщицы. Мне кажется, рука, держащая головы, — это рука Раскольникова. Раскольников, убив старуху, не спасает мир и людей, а наоборот, убивает и губит жизни. На втором плане после старухи изображена голова Лизаветы,

далее — Миколки. Иллюстрация показывает, что идея Раскольникова о спасении мира ошибочна, убийством он испортил жизнь себе и другим. В названии «Арифметика» отражена теория Раскольникова: «За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения, ведь тут арифметика!» [3, с. 62] Сам Эрнст Неизвестный говорил: «Что значит арифметика в данном романе? Вообще мы знаем, — это битва его против куцевого позитивистского сознания. Он же как-то даже вскрикнул — если Христос не истина — то

я лучше с Христом, чем с истиной. Во всяком случае, что же здесь арифметика? Раскольников мечтает, хотя это в какой-то степени можно считать и фальшивыми мечтаниями: что, убив старуху, он сможет обеспечить себя, как талантливый человек, не вошь, а гений. Таким образом, осчастливить через себя человечество и даже близких. Он подсчитывает, что, убив никому не годную, ненужную женщину, он совершает позитивно разумный и благой поступок. Это и есть арифметика. Это то, что движет революциями, убийствами, великими кровавыми реформаторами. Все начинают с подсчета. Но Достоевский в этом романе (а его роман как колба, как лаборатория, в которой поставлен умопостигаемый опыт таких поступков) выясняет, к чему же приводит такая двузвучная логика» [4, URL].

Обратимся к иллюстрации «Между крестом и топором», изображающей события из первой части романа. Перед нами два состояния Раскольникова – до (слева) и после (справа) убийства. Через оба лица проходят линии, которые сходятся на голове убитой старухи (посередине), образуя некий треугольник. Старуха является посредником из одного духовного мира в другой. Решив проверить свою теорию, Раскольников вступил на путь грешника. Преступление и душевные муки состарили, измучили его, поэтому на

правом лице морщины. У левого лица вместо глаз впадины. Возможно, это означает, что Родион ступил на этот путь как бы слепым, неведающим. Как мне показалось, между крестом и топором находится и сам Раскольников. Он пребывает в нерешимости перед преступлением. В нем как бы борются два человека: один — праведник, другой — преступник. В его голове происходит конфликт между добром и злом. В душе Раскольникова борются две силы: разум и сердце. Такие пропорции в работе не случайны. В романе Достоевского нас интересует не внешний вид Раскольникова, а его душевное состояние, мировоззрение. «Между крестом и топором» — главная проблема всего романа.

Я не могу сказать, что картина запутала или изменила мое восприятие романа, скорее она дополнила его. От иллюстраций остается такое же мрачное впечатление, как и после прочтения кни-

ги. Они дополняют образы Раскольникова, Свидригайлова, Сони и других, раскрывая подробнее черты их характеров и ситуации, которые описал Фёдор Михайлович. Благодаря таким иллюстрациям, как мне кажется, яснее понимаются мысли того или иного героя, а также то, что хотел донести Достоевский.

В издании присутствует изображение самого автора романа. Эрнст Неизвестный прокомментировал рисунок: «Итак, портрет Достоевского, почему именно такой? Из всех портретов Достоевского мне больше всего нравится портрет работы Перова. Хотя это может показаться странным. Это не претенциозный, очень честный реалистический портрет, без попытки к каким-либо обобщениям. Он является как бы иконографическим свидетельством, каким был Достоевский. Выше, чем фотография. Потому что способный человек рисовал. Я же себе поставил задачу не делать портрет Достоевского в собственном смысле этого слова. Для меня Достоевский полифоничен, как и его произведения. Как бы лицо Достоевского непохоже на Достоевского. Почему так, например, Рабле похож на Рабле, Толстой похож на Толстого, а Достоевский, пожалуй,

и не похож. Поэтому я сделал некоторый знак, как бы структуру головы без психологии, это просто как бы знак» [4, URL].

Работы Эрнста Неизвестного поистине великолепны. Увидев эти иллюстрации, нельзя понять все с первого взгляда, лишь при внимательном осмотре они раскрывают свой смысл и дополняются различными деталями.

Литература

1. Биография Эрнста Неизвестного [Электронный ресурс] // Информационное агентство России «ТАСС». – 2016. – URL: <http://tass.ru/info/3524671/amp>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2017).

2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Иллюстрации Эрнста Неизвестного [Электронный ресурс] / Rarus's Gallery. – URL: <http://www.raruss.ru/illustrators-russian-abroad/4018-neizvestny-dostoevsky-crime-punishment.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2017).

3. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание / Ф.М. Достоевский. – Москва: Правда, 1978. – С. 62.

4. Эрнст Неизвестный: Как я иллюстрировал Достоевского [Электронный ресурс] / Блог Николая Подосокорского. – 10 ноября 2016. – URL: <http://philologist.livejournal.com/8845933.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 11.04.2017).

*Е.Ю. Землянухина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – преп. И.Е. Демидкина

РОЛЬ ШРИФТА В ГРАФИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ

Современные коммуникации при помощи различных инструментов, приемов и технологий воздействуют на личность в эмоциональном, интеллектуальном, этическом плане. Пользователи интернет-ресурсов воспринимают характер текста с помощью шрифта. Шрифт является одним из основных изобразительных элементов текстового печатного издания. Он - носитель информации и средство воспроизведения текста [1, с. 46].

Шрифты делятся по своему назначению и области применения на книжные, рекламные, газетные, плакатно-афишные, декоративные и картографические [2, URL].

Внешний вид того или иного шрифта ассоциируется у нас с определённой продукцией. Так, свежим продуктам больше подходят надписи с импровизированным рукописным шрифтом. Выпечке соответствуют антиквы с мягкими формами, цельнозерновые лучше всего представляет быстро написанный от руки шрифт с неровными контурами, а серьёзное коммерческое предприятие ассоциируется с эпохой гравирования на меди. Выбор той или иной гарнитуры шрифта определяется самим продуктом.

Правильное использование шрифта играет важную роль. Шрифт должен быть не только красивым, но экономичным, что характеризуется емкостью и определяется средним количеством знаков, которые могут разместиться в строке, в полосе [3, URL]. С производственно-технологической точки зрения среди требований к шрифтам относят точность воспроизведения графики, механическую прочность, линейную точность, удобочитаемость. Важно подбирать правильно и длину строки и размеры пробелов между словами. Например, для детей дошкольного и младшего школьного возраста необходи-

мы четкие, простые по рисунку шрифты 12-16 пунктов, для взрослого читателя – шрифты 8-10 пунктов, в справочных изданиях – кегль шрифта может быть снижен [5, URL].

Текст, набранный прописными буквами, замедляет скорость чтения, а кроме того, занимает больше места, порой на 50 процентов; курсив читать труднее, чем прямое начертание; очень короткие строки, так же как и очень длинные, сложны для восприятия. При выборе основного шрифта издания следует принимать во внимание характеристики бумаги. Например, романские шрифты «старого стиля» удачно сочетаются с грубой бумагой, а шрифты стиля «модерн» лучше смотрятся на гладкой или мелованной бумаге [4, URL].

В современном мире мы часть своей жизни проводим в сети интернет, именно она является самой большой платформой для передачи информации. Если в начале века интернет-сервисы только развивались и на шрифтовое наполнение сайтов не обращали внимание, то, сейчас дизайн сайтов выходит на новый уровень. Дизайнеры понимают, что именно шрифт может оттолкнуть читателя или, наоборот, привлечь его внимание к сайту. Чтобы наглядно оценить эффект коммуникативного влияния того или иного шрифта, мы решили проанализировать шрифтовое и графическое наполнение некоторых сайтов искусствоведческих направлений.

Для анализа были выбраны сайты факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, сайт кафедры искусств и гуманитарных наук ВГУ и сайт факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета.

В начале обратимся к оформлению сайта СПбГУ. Дизайн сайта выдержан в единой стилистике. Главная страница насыщена анимацией, анонсирующими элементами и тем не менее не перегружена. Для цветовой палитры сайта выбраны серый и зелёный цвета спокойных тонов. Символика знаков хорошо проработана и понятна, выражена общепринятыми изображениями. Информация воспринимается легко. Гармонично распределены анонсы, объявления и ссылки. Удобная навигация обеспечивает посетителям сайта лёгкое комфортное восприятие. В заглавии используется сверхконтрастный шрифт с засечками – PlayfairDisplay. Основная информация набрана шрифтом Arial. Несмотря на небольшой размер шрифта (11 пт) в некоторых местах, текст хорошо воспринимается за счёт расположения и межстрочных интервалов. Сочетание данных шрифтов придают сайту лаконичность и сдержанность.

Аналогично рассмотрим наполнение сайта ВГУ. Сайт более упрощён по дизайну в сравнении с предыдущим, однако не уступает в аккуратности исполнения. Страницы сайта выполнены в единой стилистике. Назначение сайта соответствует содержанию и оформлению. Оригинальной графической символики не используется. Нейтральные сине-бирюзовые сочетания цветов позволяют сосредоточить внимание на тексте, придают строгость, фактурность и своеобразную академичность. Красный цвет заглавий подпунктов позволяет визуально разграничить информацию, придаёт общему виду сайта чёткость и структурированность. Однако в нескольких местах текст распределяется негармонично (недостаточно выровнен). Для набора основной информации был использован шрифт CenturyGothic (10 пт). Это малоконтрастный шрифт без засечек. С позиции удобочитаемости стоит отметить, что CenturyGothic не подходит для набора текста большого объёма. Эффект тонкого пера и неярко-слабо заметный серый цвет данного шрифта противодействуют восприятию большого количества информации. Шрифты тонких начертаний хорошо воспринимаются, если ими набран текст малого объёма, объявления, тезисные выдержки или заглавия.

Проанализируем и сравним оформление сайта РГГУ. Дизайн данного сайта проработан наименее качественно. В отличие от вышеперечисленных сайтов, здесь не ис-

пользуются сочетания шрифтов. Для набора всего текста сайта, включая заглавия, анонсы и гиперссылки используется неконтрастный шрифт без засечек Tahoma. Размер основного текста не превышает 8 п. С позиции посетителя выявляется некомфортность использования сайта. Неудобное расположение поисковой системы. Мелкий однообразный светлый шрифт серого цвета ухудшает восприятие и чтение. Понимание смыслового расположения подпунктов теряется за счёт хаотичности распределения блоков с информацией. Текст структурирован в трехколоночной верстке, при этом вниманию читателя не позволяют сконцентрироваться на поиске информации, так как акценты с главной и второстепенной информацией не выражены.

В ходе анализа дизайна сайтов мы смогли подтвердить значимость грамотного шрифтового оформления, оценить впечатление, которое производит на восприятие реципиента качественное оформление сайта. Так, в случае рассмотрения дизайна СПбГУ была выявлена работа высокого уровня оформления, созданная профессиональным веб-дизайнером. В случае примера сайта РГГУ, очевидно, что отсутствие качественно дизайна и непроработанность деталей также оказывают влияние, но уже негативного характера. Таким образом, посредством использования правильных сочетаний шрифтов осуществляется комфортное восприятие материала.

Данная работа является начальным этапом нашего исследования, в дальнейшем мы планируем рассмотреть аспекты формирования традиций шрифтовой культуры, а также её влияния на современную типографику.

Литература

1. А.Ю. Филиппович. Разработка шрифтовых элементов: курс практических занятий / А.Ю. Филиппович. – М., 2008.
2. Шрифт в дизайне и вопросы о шрифте в культурной деятельности. – URL: <http://syg.ma/@billenium/shrift-v-dizainie-shrifty-dizainierskiie-i-nie-dizainierskiie-sushchiestvuiut-li-sovriemiennyie-shrifty-shrift-v-knighie-rieklamie-miediiia-arkhitiekturie-i-ghorodskom-prostranstvie>.
3. Шрифты. – URL: <http://www.km.ru/referats/9B65CAF24D1649BEB0D499EEFCFDCA7D>.
4. Шрифты в печатной продукции. – URL: http://www.asfera.net/articles/shrifty_v_pechatnoy_produktsii.
5. Шрифты и дизайнеры. – URL: https://www.paratype.ru/e-zine/defis_08/index4.html

*Ю.С. Малик, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филос.н., доц. А.А. Цуркан

К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ

Говоря об искусстве, для каждого становится очевидным тот факт, что искусство во всех своих проявлениях не мыслится без определения той или иной культуры, поскольку она его порождает. Тем не менее понимание искусства, его целей и значения в истории интерпретируется по-разному. В этой статье мы постараемся проследить некоторые особенности интерпретации в контексте культуры.

Постановка вопроса о природе искусства и начало теоретизации эстетики приходятся на период Древней Греции. Античный греческий мир богат на различные теории –

мудрые греки подарили миру культурное наследие, которое и в настоящее время подвергается изучению, анализу и интерпретации. Однако русский философ А. Ф. Лосев замечает, что «для античных теорий имеет значение не искусство само по себе, а только мастерство, и при этом мастерство фактического ремесла, куда античность относил медицину, политику, плотничье дело и т. д.» [2, с. 15]. И все же мы говорим об искусстве античного мира и это справедливо, поскольку наследие Греции в скульптуре, архитектуре и живописи на протяжении всей истории бралось за основу. Античные сюжеты мы можем наблюдать и в искусстве итальянского Ренессанса, в русском и европейском классицизме, в барокко и рококо. Несмотря на то, что искусствоведение античности не предполагало живого анализа произведений искусства, сами эти произведения – динамика в чистом виде.

Учение о *mimesis* (подражании) является одним из ключевых в понимании античного искусства и эстетики, которое подробнее всего разобрал Аристотель. Подражание мыслится как «...человеческое творчество, к которому человек склонен по своей природе, которым он специфически отличается от прочих живых существ и в силу которого он приобретает свои первые познания» [2, с. 197]. Таким образом, *mimesis* в античном мире мыслится в положительном ключе, хотя по-разному интерпретируется. Главным остается то, что *mimesis* – «основа натурализма в искусстве» [5, с. 60].

Другой взгляд на искусство и подражание можно отметить в работах теоретиков эпохи Возрождения. Леонардо да Винчи, например, считал, что «никогда никто не должен подражать манере другого, потому что он будет называться внуком, а не сыном природы в отношении искусства» [1, с. 37]. Само подражание начинает мыслиться иначе, нежели в Древней Греции. В подражании другим художникам да Винчи видит упадок искусства. Тем не менее подражание античным образцам было повсеместным, но это было не слепое заимствование, а некий эклектизм, что вывело искусство итальянского Возрождения на новый уровень в искусствознании, сформировав особые культурные нормы.

Таким образом, долгое время вычленение искусства как отдельной области было проблематичным. Посему и искусствознание не имело четкого определения. Английский теоретик искусства Джон Рескин уже в XIX веке отмечает, что «искусство – совершеннейший показатель духа творца» [3 с. 343]. Рескин определяет две главные функции искусства: придание формы истине и точность в практической пользе. Отсюда может возникнуть вопрос: должно ли искусство быть практически полезным или оно самоценно? Мне кажется, что искусство немислимо без творческой силы человека-творца, его духовных ценностей и таланта. В свою очередь, должно ли быть полезным искусство – это вопрос принципа, поскольку создание предметов искусства уже направлено на передачу смысла, духовное очищение человека и т.д. Похожие воззрения на проявление искусства можно наблюдать у французского скульптора Огюста Родена, который считает, что «когда истина, глубинная идея, сильное чувство вспыхивают в литературном или живописном произведении, становится абсолютно очевидно, что стиль или рисунок и цвет превосходны, но лишь как отражение истины» [4 с. 56]. Всё сводится к тому, что творение художника будет признано произведением искусства лишь в том случае, если оно отражает истину. Роден лаконично заключает, что «искусство – гармоничный ритуал великого культа природы» [4 с. 186]. И действительно, искусство и культура формировались на природных началах.

Подводя итоги, стоит отметить, несмотря на то, что понятие культуры шире, чем понятие искусства, мы должны понимать, что искусство, будучи производным от культуры, может формировать новое мышление. Ни для кого не секрет, что культура сама по себе всегда консервативна. Зачастую этот консерватизм не дает возможности для реали-

зации в сфере искусства, поскольку новизна всегда дается с трудом. Но именно потому, что культура позволяла искусству двигаться вперед, мы можем говорить о каком-либо диалоге культур.

Литература

1. Да Винчи Л. Суждения о науке и искусстве / Л. да Винчи; пер. с ит. А.А. Губера, В. П. Зубова ; под ред. А. К. Дживелегова. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 224 с.
2. Лосев А. От Гомера до Прокла : История античной эстетики в кратком изложении / А. Лосев. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. – 352 с.
3. Рёскин Дж. Лекции об искусстве / Джон Рёскин ; пер. с англ. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. – 448 с.
4. Роден О. Беседы об искусстве / Огюст Роден ; пер. с фр. Л. Елфимова, Г. Соловьевой. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. – 320 с.
5. Художественная культура: Словарь терминов / Сост. Т.А. Дьякова. – Воронеж: ВГУ, 2008. – 91 с.

*А. И. Чивилева, студ. ф-та искусств и художественного образования ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Е.В. Фирстова*

БОГАТСТВО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГРИИ

В настоящее время наметилась тенденция к изучению локальных традиций и региональной специфики фольклора. Изучение народного художественного творчества не только своей культуры, но и культур других стран является частью общего наследия человечества. Это средство сближения различных народов и социальных групп, утверждения их культурной самобытности, неотъемлемая часть культурного наследия и живой культуры.

Музыкально-песенное и хореографическое искусство Венгрии имеет древние традиции, а его лучшие образцы давно стали достоянием мировой музыкально-хореографической культуры. Венгерский народный танец является синтезом пения, музыкального сопровождения и конкретных ритмических жестов. Песенно-танцевальный фольклор Венгрии необычайно богат и многообразен, с большим кругом тем и сюжетов: это обрядовые, военные, трудовые, игровые, празднично-календарные танцы. Первые сведения о венгерских танцах относятся к X веку. Так же, как и в других странах, это были театрализованные мини-представления, которые изображали исторические события, быт народа, его обряды. Самыми ранними считаются своеобразные по музыкальному звучанию и исполнению «пастушеские танцы» – чаще всего они были сольными и лишь иногда групповыми. После Первой Мировой войны среди крестьянства стали популярными «городские» танцы, которые постепенно вытесняли народные. Единственным танцем, который исполняли как в городах, так и в селах, был «Чардаш» [2, с. 715-719]. Венгерские танцы подразделяются на женские, мужские и смешанные, и все они очень различаются. Венгры исполняют свои танцы собранно и подтянуто – корпусу и всему внешнему виду танцоров свойственна горделивость, и только ноги, как метко говорят в народе, «ходят веретеном».

Первыми *мужскими танцами* являются, как уже говорилось, самые древние – пастушеские танцы, которые исполняются с шестами, кнутами, топориками, палками и

требуют от участников ловкости, выносливости, технической сноровки; такие пляски зачастую не имеют пространственного рисунка, их чаще всего танцуют на одном месте. Существует и мужской сольный танец «Легенеш-танец» («танец парня») который был распространен по всей стране и имел много областных вариантов. В этом танце исполнителю давалась полная свобода импровизации. В венгерских танцах оживают страницы истории жизни народа, очень показателен в этом плане танец «Вербунк» (его название происходит от слова «вербовать»), который появился в начале XIX века, когда небольшие группы гусар во главе с вахмистром или капралом ходили по деревням, вербуя в армию крестьянских парней, а вербовщиков сопровождали музыканты, наигрывавшие народные песни и танцы.

Женские танцы более спокойные, сдержанные, со скрытым, внутренним темпераментом. Женские венгерские танцы исключительно групповые. Одним из самых ярких и зрелищных считается танец с бутылками на головах, в котором девушки двигаются плавно и четко, а основной ход танца – это ритмические постукивания каблучками пачу, туфель без задников. На головах исполнительниц неподвижно стоят бутылки, доверху наполненные красным вином. Этот танец очень распространен в областях Венгрии, где принято носить тяжести на голове; исследователи считают, что этот танец отражает гордый и независимый характер венгерской женщины. Очень красивые и сложные по рисунку *парно-массовые венгерские танцы*, в которых преобладают вращательные движения. Обобщенно-художественное и точное представление об основных чертах венгерской народной хореографии нам сможет дать парный танец «Чардаш». В литературе это название впервые встречается в 1840 году. Правящие круги Венгрии всячески стремились вытравить из него подлинно народные черты и характер и только в народе «Чардаш» сохранил подлинность движений и естественные краски.

Своей популярностью венгерский танец обязан таким выдающимся композиторами, как Лист, Шуберт, Бела Барток и Золтан Кодай. «Венгерские танцы» Брамса – одно из самых эффектных сочинений композитора; их появление связано с творческим союзом Брамса и венгерского скрипача Э. Ременьи. В Венгрии до сих пор существует много хореографических ансамблей, которые возрождают народное искусство. Своеобразие венгерского народного танца привлекает также балетмейстеров других стран.

Литература

1. Все о балете словарь-справочник: словарь-справочник / Е.Я. Суриц; [под редакцией Ю.И. Слонимского]. – М.-Л.: Музыка, 1966. – 453 с.
2. Музыкальная энциклопедия в 6 тт. / Автор: Гл. ред. Ю.В. Келдыш [и др.] Издательство: Советская энциклопедия / Т. 1: А – Гонг. – М., 1973. – 1072 с тб.: ил.

*Н.Л. Петрушина, студ. ф-та искусств и художественного образования ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Е.В. Фирстова*

ТАНЕЦ «ГОРЯЧЕЙ И СМЕЛОЙ ДУШИ»

Роль искусства в жизни общества во все времена и у всех народов чрезвычайно высока. Особое место в культуре занимает хореография. Испанские танцы, несомненно, самые эмоциональные танцы во всем мире и одни из самых сложных танцев с точки зрения хореографии, музыки и ритма, композиции и костюма. В них – южный темпера-

мент и неудержимая страсть, ритм кастаньет, грациозное тело испанок и точные движения статных танцовщиков под звуки гитары.

История испанского танца – это история всей Испании. Каждая область Испании представлена собственными культурными особенностями, поэтому национальный испанский танец отличается таким разнообразием и стилистическими разновидностями. История становления и развития испанского танца очень насыщена и своими корнями уходит в античные времена.

Один из самых известных танцев Испании – фламенко. В нём – переплетение всех танцевальных традиций народов, которые населяли когда-то Испанию. Принято считать, что прародителями фламенко стали цыгане, но есть и мнение, что слово «фламенко» – это название фламандских солдат, которые несли себя всегда уверенно и гордо, были одеты по-особенному [2, с. 14].

Пасодобль (исп. «двойной шаг») – испанский танец, имитирующий корриду. Пасодобль является прообразом действий быка и тореадора, только в хореографическом варианте. Популярность этой музыки с течением времени возросла настолько, что в результате этот вид испанского танца был включен в латиноамериканскую программу в соревнованиях по бальным танцам [1, с. 5].

Болеро – еще один вид испанского танца, название которого предположительно происходит от слова «volar» (парить), так как во время исполнения у зрителей создается ощущение, что танцоры парят в воздухе. Болеро исполняется под аккомпанемент гитары и барабана, при этом танцовщики дополняют ритмический рисунок музыки игрой на кастаньетах. Музыка болеро представляет собой очень благородный стиль испанских идалго. Болеро исполняется женщиной и мужчиной, или несколькими парами. Для разных областей Испании характерны различные особенности этого танца [4].

Одним из самых известных и колоритных национальных танцев Испании является «арагонская хота» – это старинный и самый известный вид хоты (известен с XVII века, хотя первый сохранившийся образец относится к 1779 г.), который считается классическим. Местом рождения этого танца принято считать провинцию Арагон на севере Испании. Хота возникла в связи с культом Пиларской Божьей матери, святой покровительницы Арагона, и с празднествами в ее честь, а впоследствии стала исполняться на всех праздниках, приуроченных к знаменательным событиям в жизни каждого испанца.

Название «хота» (исп. «скачок») полностью оправдывает себя, так как это движение является основным. Ритмический размер хоты – 3/4, а сами шаги напоминают вальсовые, но преподнесенные с испанской пылкостью, страстью и самозабвением. Исполняется он под аккомпанемент инструментального ансамбля – «фондаля», в сопровождении кастаньет и колоритного пения. Слова песен рассказывают истории о патриотизме, любви, страсти, верности, предательстве. Арагон в танце демонстрирует свое хорошее настроение и неуемную жажду жизни: «арагонская хота» танцуется темпераментно, задорно, в быстром темпе, все движения исполняются на легких прыжках и небольших приседаниях. Лучшим танцором считается тот, кто танцует «сидя», то есть слегка присев. Исполнитель сопровождает свой танец игрой на кастаньетах или щелканьем пальцев. Танцующие в паре должны быть внимательны друг к другу, они танцуют как бы только друг для друга [3, с.147].

В начале XIX века хота распространилась по всему Пиренейскому полуострову, проникла на Балеарские и Канарские острова и была завезена в Латинскую Америку (в 1820 – в Аргентину, в 1840 – в Мексику, в 1847 – в Перу). В XX веке исследователи насчитывали на территории Испании уже до 100 разновидностей хоты. Но именно в Арагоне она является предметом национальной гордости. Народный танец – вообще одна из самых больших гордостей добродушного и с горячим нравом испанского народа.

Литература

1. История искусства зарубежных стран: т. II. – М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1963.
2. Самоучитель испанских и цыганских танцев. Фламенко / С. Шевлюга, О. Горяинова. – Изд. 2-е. – Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2005.
3. Танцы народов мира / [под ред. З.П. Резниковой]. – М.: Изд-во «Советская Россия», 1959.
4. Танцы Испании – душа, история, характер. – URL: <http://hispliblog.ru/?p=584>

*Р.Б. Бедросов, студ. ф-та искусств и художественного образования ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Е.В. Фирстова*

«ВАЛЬС УСТАРЕЛ», – ГОВОРИТ КОЕ-КТО...

В истории бальных танцев есть огромное количество примеров, когда новые стили полностью меняли танцевальную моду и приводили к тотальной трансформации популярной танцевальной культуры. Одним из самых влиятельных танцев, которым удалось сделать подобное, является вальс, который впервые появился на территории современных Германии и Австрии между XIII и XVIII веками – до сих пор идут споры относительно того, какой именно танец являлся прародителем вальса. К вершине своей популярности вальс восходил долго, и лишь во второй половине XIX века оказался на её пике. В начале XX века наблюдается спад интереса к танцевальному искусству вообще, в том числе и к вальсу, а во второй половине столетия снова отмечен рост популярности вальса благодаря возрождению конкурсов бальных танцев.

Из всех видов вальса венский вальс имеет особенно много преимуществ: в нём много грации, эластичности и плавности в движениях; кроме того, он не утомителен в танцевальном зале, представляет собой чарующую картину мирно и грациозно плывущих под звуки музыки пар. Его можно танцевать в правую и левую стороны – по желанию, и этим танцу придаётся красивое разнообразие [1, с.65].

Но венский вальс, как думают многие, вовсе не из Австрии. Называется он так потому, что пик популярности он пережил в начале XIX века в Вене под музыку Штрауса. Вообще большинство исследователей сходятся во мнении, что венский вальс родился во Франции. В Парижской газете «La Patrie» 1559 года упоминался крестьянский французский танец из Прованса (Provence). Танец исполняли под народную музыку volta в залах королевских судов. Вольта тех времен была очень похожа на норвежский фольклорный вариант вальса. Однако король Франции Луи XIII (1610-1613 гг.) посчитал этот танец безнравственным (так как танцующие в паре находились очень близко друг к другу и положение рук партнёров, по тем временам, было слишком непристойным, ведь партнёр держал свою партнёршу за талию, а дама обвивала плечо партнёра) и запретил его. На этом история вальса теряется где-то во Франции и неожиданно возникает в Германии, где в 1754 появилась первая музыка под названием «Waltzen» (нем. «вращаться»), которая местами напоминала современные вальсы. В 1770 году музыка для данного танца стала напоминать современные мелодии венского вальса. Но снова «сильные мира сего» усмотрели в танце нарушение норм морали. Однако, несмотря на запреты, танец стал очень популярным в Вене.

В 1812 году вальс распространился и в Англии, где его стали называть «немецким» вальсом. И опять короли и правительство не упускали возможность вновь наложить запрет на «неприличный танец», который в те времена назывался «танцем легкого поведения». Именно в это время родился знаменитый композитор Иоганн Штраус, который позже написал более 500 вальсов, различные польки, кадрили и марши. А поскольку Штраус родился в Вене, постепенно вальс стали называть венским [3, с.97].

Несомненно, вальс оставил огромный след в художественных культурах многих стран и народов, и каждая из национальных музыкальных школ привносила в вальс определённые черты (например, русские вальсы обычно отличаются благородной поэтичностью). В разных странах возникали различные варианты и комбинации: вальс в два па, вальс-мазурка, вальс-миньон, вальс-бостон, вальс-гавот, вальс-алеман, аргентинский и венгерский вальсы [1, стр.11].

В настоящее время вальсом часто открывают или заканчивают балы; кружась в прощальном танце, покидают паркет под звуки венского вальса пары на конкурсах спортивных бальных танцев; обычно молодожены выбирают в качестве свадебного танца именно вальс, и выпускники школ покидают её на фоне «Когда уйдём со школьного двора под звуки нестареющего вальса...».

Литература

1. Гавликовский Н. Л. Руководство для изучения танцев. 4-е изд., испр. / Н.Л. Гавликовский. – СПб.: Издательство «Планета музыки»; Издательство «Лань», 2010. – 256 с.
2. Ивановский Н.П. Бальный танец XVI – XIX веков / Н.П. Ивановский. – Калининград: Янтарный сказ, 2004. – 208с.
3. Михайлова-Смольнякова Е.С. Старинные бальные танцы. Эпоха Возрождения / Е.С. Михайлова-Смольнякова. – СПб.: Издательство «Планета музыки»; Издательство «Лань», 2010. – 176 с.
4. Стуколкин Л.П. Преподаватель и распорядитель бальных танцев. 4-е изд., испр. / Л.П. Стуколкин. – СПб.: Издательство «Планета музыки»; Издательство «Лань», 2010. – 384 с.

*А.М. Никольская, студ. ф-та культуры и искусств
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Т.М. Никольская*

ЭКСПОЗИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР-ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Изобразительное искусство во все времена тем или иным образом влияло на формирование мышления людей, их воспитание и правильное восприятие эстетики. Становление личности начинается с ранних лет, когда человек, обладая гибким умом, старается узнать больше. Закладываемые с юного возраста знание, эстетический вкус, жизненные ориентиры сопровождают его в течение всей последующей жизни. Именно по этой причине так важно в молодом возрасте воспитать лучшие духовные человеческие качества посредством, например, изобразительного искусства.

Приходя на выставки в различные галереи, салоны, залы, музеи и т.д., человек обогащается духовно, изучая наследие и традиции того или иного народа. Это закладывает ценностный фундамент, формирует уважительное отношение к наследию прошло-

го, что важно для дальнейшего развития как отдельной личности, так и всего социума в целом [1].

Выставочная деятельность имеет длительную историю. Еще финикийские ярмарки были местом, где были собраны товары со всего Средиземноморья. Ярмарки, где продавались различные произведения искусства, организовывались места встреч мыслителей, проводились и в Средние века, и в эпоху Возрождения. Европейская история выставок началась с города Трира. Именно в этом городе устраивались ярмарки, давшие начало развитию экспозиционной деятельности. Предположительно с 1483 г. строились специальные сооружения для показа предметов религиозного культа.

В Луврском дворце, начиная с эпохи Генриха IV, проживают лучшие ремесленники и мастера: «Мы велели устроить здание таким образом, чтобы в нём могли удобно селиться лучшие ремесленники и мастера, и могли бы заниматься как живописью, ваянием, выделкой золотых и серебряных изделий, производством часов, шлифованием драгоценных камней, так и различными другими искусствами, работая как для нашего двора, так и для наших подданных» (из указа 1607 г.) [2, URL]. Затем их творения выставлялись в самом Лувре.

Многие богатые и правящие дома имели возможность собирать целые коллекции произведений искусства. Так, например, в галерее Уффици во Флоренции в 1560 году было построено здание самой галереи, а чуть позже (1581 г.) в ней были размещены некоторые из собранных произведений семейной коллекции. Впоследствии Анна Мария Луиза Медичи, последняя представительница династии, завещала художественную коллекцию Медичи г. Флоренции. Так появилась одна из первых масштабных художественных экспозиций.

Экспозиционная деятельность на этом не остановилась, а стала развиваться и дальше: с определенного момента начинают проводиться общенациональные и всемирные выставки в Дрездене, Санкт-Петербурге, Париже, Берлине и других городах. Первая всемирная выставка была организована в Лондоне в 1851 г.

Что касается развития выставок в России, то их начало относят к XVIII в. и связывают с открытием Академии художеств. Много позже, уже в XIX в., создаются художественные сообщества, училища, появляются частные коллекционеры (П.Н. Третьяков, М.П. Боткин), покупающие и выставляющие живописные работы.

В числе художников, чьи картины покупались Третьяковым, были Валентин Александрович Серов (1865-1911) и Иван Константинович Айвазовский (1817-1900). Оба художника были талантливыми живописцами с богатым жизненным содержанием, оставившие своим потомкам бесценное наследие своего творчества.

В 2015 году в Третьяковской галерее на Крымском валу прошла выставка В.А. Серова. По некоторым данным, она стала одной из самых посещаемых в последнее время. Почти сто пятьдесят тысяч человек посетили данное мероприятие. Стоит заметить, что большую часть составляли молодые люди, старавшиеся увидеть полотна знаменитого русского портретиста.

Чуть позже, уже в 2016 г., состоялось открытие выставки произведений И.К. Айвазовского. На ней было представлено более ста работ великого мастера, и посетили ее около трехсот тысяч человек. Здесь можно также пронаблюдать, насколько заинтересовано общество в приобщении к изобразительному искусству.

В успехе выставок большую роль сыграли СМИ, широко освещавшие данные культурные мероприятия, что привлекло немало посетителей. Грамотное преподнесение довольно «молчаливого» события, доказало, что и молодым людям не безразлично творчество русских живописцев, традиции и культура своего народа.

В социальных сетях о двух этих выставках было размещено огромное количество откликов, и в каждом так или иначе выражено восхищение представленными на них полотнами, авторы этих заметок выражали радость приобщения к подлинному искусству.

На полотнах этих двух художников можно было увидеть настоящее мастерство нахождения цвета, расположения света и их взаимодействие. Густые мазки Серова на его картинах своим множеством и разнообразием соединяются в правильные подвижные формы, где мы чувствуем движение и полное погружение в картину. В работах Айвазовского видна невообразимая сила моря, глубокое эмоциональное переживание [3]. Об этом и многом другом пишут молодые люди в своих отзывах к выставкам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что благодаря экспозиционной деятельности можно формировать непосредственно культур-философское, аналитическое и эстетическое мышление у современной молодежи. Чем шире будут возможности посещения экспозиций такого рода, тем больше будет мыслящих, думающих и образованных людей.

Литература

1. История художественной организации музейной экспозиции. URL: <http://www.madrace.ru/>
2. Луврский дворец. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
3. Никольская Т.М. Особенности восприятия картины на основе ее философского анализа (на примере марин Айвазовского) / Т.М. Никольская // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. №12, – Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, 2012. – С. 478-483.

*Д.К. Сапегина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., доц. А.А. Житенев*

АЛЛЮЗИВНЫЙ АВТОПОРТРЕТ В СОВРЕМЕННОЙ ФОТОГРАФИИ: ЯСУМАСА МОРИМУРА И ЛАУРА ХОФШТАДТЕР

Открывая новые горизонты реальности, человек должен перестраивать систему координат и находить новые ориентиры. Через фотографию человек презентовал себя «в вечность», идентифицировался как часть определенной группы, отражал наиболее значимые черты своего собственного «я». Фотографией особого рода является автопортрет. Автопортрет раскрывает отношение человека к себе, позволяет составить представление о том, как он оценивает свою внешность, способности, социальную значимость. В автопортрете художник выступает и в роли субъекта, и в роли объекта. Эта двунаправленная система наиболее ярко позволяет постигнуть процесс отражения художником мира и мира в художнике.

Ярким примером аллюзивного автопортрета можно считать творчество двух фотографов: Ясумаса Моримура (р. 1951) – японского фотографа, работающего в жанре апроприации (присвоения) и Лауры Хофштадтер (р. 1952) – фотографа из Америки, которая воссоздала известнейшие шедевры живописи в черно-белых фотографиях.

Ясумаса Моримура, описывая свое творчество, отмечает: «Внутри меня очень много “я”, и они все разные. <...> Думаю, это касается не только меня, но и большинства людей, в каждом существуют различные «я», однако люди этого не замечают. Моя работа состоит в том и состоит, чтобы помочь вам разглядеть эти самые “я”» [3, URL].

Для Ясумаса аллюзия в автопортрете – отнюдь не признак нарциссизма, а способ познания самого себя. Моримура считает, что именно автопортрет позволяет добиться максимального сближения с автором. Для Ясумаса его работы – это реализация мира фантазий, в котором он может быть кем угодно [1, URL]. Исчезновение дистанции между художником и его произведением расширяет границы познания.

Для Лауры Хофштадтер использование себя в качестве модели связано с переживаниями по поводу изменения собственного тела и отношения к нему: «В нашем обществе женщины моего возраста и старше становятся невидимками. Поэтому мне захотелось заставить людей смотреть на 65-летнюю меня в роли героини картин», – рассказывает Лаура [4, URL]. Старение человека всегда сопровождается болезнями, фотограф также столкнулась с серьезными проблемами со здоровьем, но смогла им противостоять: «Я хотела показать безобразие моего тела и возвращение к жизни после болезни», – говорит Хофштадтер [4, URL]. Таким образом, запечатлевая себя в персонажах известных картин, Лаура Хофштадтер ставит перед собой сверхзадачу – привлечь внимание общественности к талантам и интересам пожилых людей. Использование шедевров живописи в качестве основы для фоторабот не только стимулирует общественный интерес, но и символизирует возможности встраивания своего «я» в любой временной контекст.

Исследования аллюзивного автопортрета невозможно без анализа критериев, которые определяет выбор художниками образов. По признанию Моримуры, у него есть три наиболее значимых критерия, определяющих выбор живописного оригинала: это субъективно интересные, проблемные и объективно весомые работы [3, URL]. В понимании Моримуры каждый творец состоит из разноликих «я». Так, по его мнению, на известном автопортрете Леонардо да Винчи изобразил себя в лице старого бродяги, надев его внешность собственной мудростью и творческим гением. А Винсент Ван Гог, терзаемый расстройствами личности, в попытке запечатлеть свой образ изображал себя и своего брата Тео в одном человеке [2, URL].

Отражение присутствия художника Ясумаса Моримура находит не только в автопортретах, но и в любой работе художника. Так, например, скромный Вермеер изображал себя то в виде кувшина в работе «Молочница» (1658), то в виде юной девы на полотне «Девушка, читающая письмо у открытого окна» (1657—1659). Кроме этого, сам Моримура замечает, что у всех выбранных им героев есть одна особая черта – боль [3, URL]. Мотив страданий, душевных или физических, связан у автора с собственными переживаниями, а обращение к подобным образам – попытка найти чувство гармонии внутри несчастных людей.

Для Лауры Хофштадтер, очевидно, нет каких-то временных или стилистических границ, определяющих критерии отбора произведений. Лаура выбирает наиболее работы, наиболее активно тиражируемые в современном искусстве. Так, например, она использует культовый образ «Джоконды» Леонардо да Винчи (1503) и «Девушку с жемчужной серёжкой» Яна Вермеера (1665) [5, URL]. Также можно отметить, что для Лауры важным критерием отбора становится однофигурная композиция оригинального живописного полотна.

Существенно различие и в средствах, используемых для создания фотографий. Моримура проводит масштабную работу, тщательно подготавливая реквизит, продумывая детали съемки. Хофштадтер, напротив, активно использует предметы своего гардероба, минимализируя подготовку. Важно и то, что Лаура Хофштадтер, в отличие от Моримуры, создает исключительно черно-белые снимки, что снимает проблему детальной цветовой проработки образов.

Оба фотографа фактически не используют фотошоп. Перевоплощение фотографиями достигается за счет грима, декора, свето-теневой моделировки, правильной позы и

удачного ракурса. Такой подход вызван стремлением фотохудожников сохранить собственное «я», выдержать дистанцию между оригиналом и своим творчеством. Помимо этого, фотографии без компьютерной обработки помогают создать максимально естественный мир, в котором каждый человек может стать частью чего-то значимого.

Важную роль в рассуждениях об аллюзивном портрете является вопрос о том, что является объектом изображения: «я» фотографа, реализующего этот проект, или картина, к которой он обращается. Стоит отметить, что Лаура и Ясумаса не пытаются полностью слиться с воссоздаваемыми ими образами, для них важную роль играет узнаваемость их собственного лица. В работах исследуемых фотографов объектом изображения, несомненно, является собственное «я».

Исследуя характер работ, стоит обратить внимание на общее эмоциональное впечатление, которое они производят. Творчество Лауры Хофштадтер в большей мере пронизано иронией, она словно бросает вызов обществу, предлагая посмотреть на возрастную женщину в образе юной девы или шута. Тем не менее, простота, характерная для творчества Лауры, лишь усиливает воздействие на зрителя, заставляет задумываться о громадном творческом потенциале автора.

Фотографии Ясумаса цветные, более сложные, детализированные. Для его творчества характерен некоторый пафос и особая философия, проявляющаяся не только на фотографии, но и в глубокомысленных литературных эссе. С другой стороны, некоторая условность, гротескность, дистанция между творчеством фотографа и оригиналом свидетельствуют об игровом характере его творчества.

Таким образом, рассмотренные примеры позволяют сделать выводы о роли аллюзивного автопортрета. Основная идея творчества Ясумаса Моримура и Лауры Хофштадтер состоит в самопознании путем встраивания себя в образы известных живописных произведений. Самореализация имеет разные причины: для Ясумаса автопортрет это способ борьбы с детскими страхами и реализация собственных фантазий, а для Лауры – попытка привлечь внимание общества к талантам людей пожилого возраста. Оба фотографа, несмотря на очевидную схожесть новых образов с классическим изображением, взятым за точку отсчета, сохраняют дистанцию между собственным произведением и оригиналом, что свидетельствует о первостепенной значимости собственного «я» в рамках их проектов.

Литература

1. Моримура Я. «Внутри меня существует много разнообразных “я”». ART AND HOUSES. URL: <http://art-and-houses.ru/2017/01/31/yasumasa-morimura-vutri-menya-sushhestvuet-mnogo-raznoobraznyh-ya/>.
2. Моримура Я. История автопортрета. izi.TRAVEL. URL: <https://izi.travel/ru/03c0-yasumasa-morimura-istoriya-avtoportreta/ru?lang=ru>.
3. Моримура Я. Худсовет. Телеканал Культура. URL: http://tvkultura.ru/video/show/brand_id/59489/episode_id/1464606/video_id/1580854/.
4. Фотограф подражает героиням известных картин. Update. URL: http://update.com.ua/interesnoe_tag26/fotograf-podrazhaet-geroiniam-izvestnykh-kartin_n982.
5. Laura Hofstadter. URL: <http://laurahofstadter.com/cgi-bin/galleries.cgi?tab=Photographs>.

ОТРАЖЕНИЕ ЖЕСТОВОЙ СТРАТЕГИИ А.А. АХМАТОВОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГРАФИКИ, ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЫ

Практически все исследователи творчества А.А. Ахматовой отмечали опосредованный характер выражения ее чувств, реализующий себя не только через образы вещного мира, но и через хорошо разработанную систему жестовых и мимических движений. По наблюдению Б.М. Эйхенбаума, Ахматова «о своих чувствах не говорит открыто, ее эмоция передается описанием движения или жеста» [5, с. 68]. «Мне, вообще, кажется, что редко у какого лирического поэта наблюдалось такое тяготение к жесту, такое богатство жеста, как у Ахматовой. И такое тончайшее проникновение в душевное состояние через жест», – писал Е.С. Добин [2, с. 69].

«Точно найденный жест» в совокупности с «точно найденной» мимикой позволяет Ахматовой с предельной конкретностью обрисовать характер лирической героини, воссоздать переживаемые ею чувства, скоррелировать объективную (внешнюю) и субъективную (внутреннюю) сферы бытия. В этом ряду особенно значимыми становятся те жесты и мимические движения, которые несут в себе функцию обнажения скрытых мотивов, функцию утаивания чувств.

«Мастерская работа с набором аксессуаров, настолько виртуозная, что самый немислимый жест проходит словно естественный» [5, с. 67], во многом осуществлялась под знаком двух важнейших для культурного сознания начала XX века тенденций. Одна из этих тенденций связана с распространением принадлежащей Н.Н. Евреину теории «театрализации жизни». Вторую тенденцию современный исследователь Е.И. Орлова характеризует следующим образом: «Потребность выйти за границы своего “ремесла”: саморефлексия лирического героя, появление автопортрета в лирике (черты, новые в русской поэзии) приводят к соблазну отрефлексировать себя через живописное изображение» [4, с. 70].

Любимые поза, жесты и мимика лирической героини Ахматовой – это «оглядка», сжатые руки, царственный поворот головы, величавая осанка, легкий шаг или, напротив, неуверенная поступь, полуулыбка, «движенье чуть видное губ», надменность губ, рассеянный взгляд, «пророческие» глаза, искажающая лицо гримаса страдания. Они зафиксированы в таких произведениях, как «Сжала руки под темной вуалью...», «На шее мелких четок ряд...», «У меня есть улыбка одна...», «Лотова жена», «О, это был прохладный день...», «Поэма без героя» и во многих других.

Умение Ахматовой «одним мимическим движением» передать характер человека, ее «видение человека в жесте, в движении» [2, с. 77, 79], изысканная театральность жестов лирической героини ее стихов были по достоинству оценены современниками поэтессы. Разработка жестового поведения Ахматовой в произведениях Н.С. Гумилева («Осенняя песня»), А.А. Блока («Красота страшна» – Вам скажут...»), О.Э. Мандельштама («Вполоборота, о печаль...»), Б.Л. Пастернака («Мне кажется, я подберу слова...») и других поэтов стала косвенным признанием ее заслуг на этом поприще. Показательно, что, создавая образ Ахматовой, поэты-современники отталкивались именно от жестовой составляющей ее художественного мира. Именно через жест лирическая героиня стихотворений Ахматовой являет себя миру, именно через жест Ахматова являет себя миру в стихотворениях, посвященных ей.

Жестовое поведение лирической героини стихотворений Ахматовой в сознании современников ассоциировалось с ее собственным жестовым поведением и, дополненное личными впечатлениями от общения с ней, подвигало поэтов и мемуаристов к созданию синтетического образа, успешно тиражируемого как в эпоху Серебряного века, так и за его хронологическими пределами. Так, В.В. Маяковский вспоминал Ахматову как «застенчивую и элегантно-небрежную красавицу, со своей незавитой челкой», прикрывавшей лоб, и с редкостной грацией полудвижений и полужестов» [Цит. по: 1, с. 226]. Созданный контаминированием литературных впечатлений и жизненных наблюдений спектр слагаемых жестового образа А.А. Ахматовой расширился включением таких характеристик, как гибкость, ломкость линий, изысканность поз, величавость, статуйность. Зафиксированный в стихах Ахматовой и в стихах об Ахматовой тип изобразительно-выразительного поведения практически в неизменном виде воплощался в произведениях других видов искусства.

Насыщенное жестовой компетенцией слово, принадлежащее Ахматовой и ее выдающимся современникам, становилось творческим импульсом, точкой отсчета в процессе осуществлявшейся художниками визуализации образа и определяло меру соотношения реального и допустимого. Художники, графики и скульпторы, по сути, работали с «готовым» материалом, разработанным в словесной живописи до малейших нюансов. Так, красота, изысканность, намеренная театральность поз Ахматовой, неизменно фигурировавшие в лирических и мемуарных текстах, воплотились в живописных работах О.Л. Делла-Вос-Кардовской; гибкость, ломкость, тревожная напряженность позы героини, той самой, что «с детства была крылатой», – в работах Н.И. Альтмана; поворот головы, открывающий «патрицианский профиль», – в работах Е.С. Кругликовой, С.Ю. Судейкина, В.П. Калужнина; знаменитая «оглядка» – в работах А.М. Зельмановой, М.В. Лянглебена и других художников. Замечательная работа Ю.П. Анненкова, названная Е.И. Замятиным «портретом бровей Ахматовой», кажется чуть ли не буквальным «переводом» на язык графики фрагмента из поэмы Гумилева, описывающего «печальную жену», чье «высокое чело / Дрожит морщинами сомненья, / И меж бровями залегло / Веков тяжелое томлень» («Осенняя песня»).

Одним из самых выразительных портретов А.А. Ахматовой является портрет работы Н.И. Альтмана, ставший вехой в биографии и художника, и его модели. В облике Ахматовой, которая в данном случае ассоциируется со всей эпохой Серебряного века, ощущается трагический излом, духовная глубина, предощущение грядущих драматических событий. Острота, колкость, игольчатость живописных линий справедливо соотносятся исследователями с представлениями о свойственной поэзии акмеизма остроте ощущений. Изображая Ахматову в платье из «пиловеющего шелка», художник чуть ли не буквально «процитировал» не только цветовую гамму, но и жестовую и мимическую партитуру ранних стихотворений Ахматовой и прежде всего стихотворения «На шее мелких четок ряд...». В альтмановском портрете предельно актуализирована «говорящая неслучайность» материальных предметов и характеристик, имеющих отношение к жестовому поведению Ахматовой и лирической героини ее стихотворений. Это и гордо поднятая голова, и глаза, которые «больше никогда не плачут», и напряжение плеч, удерживающих сползающую шаль, в стихотворении Блока названную «испанской», а в стихотворении Мандельштама – «ложноклассической». Совсем не случайно в «Поэме без героя» Ахматова, вспоминая себя, одну из красавиц 1913 года, скажет: «Но мне не страшно: войду сама я, / Шаль воспетую не снимая...».

Соотнесенность «мира души» и «мира жестов», свойственная художественному миру А.А. Ахматовой, с очевидной наглядностью воплотилась в скульптуре Г.В. Додоновой, установленной в Санкт-Петербурге в 2006 году. Эту работу можно без преувели-

чения назвать «одной великолепной цитатой». В созданном скульптором Додоновой образе, который воспринимается как сумма жестовых и мимических движений лирической героини Ахматовой, отчетливо ощущаются отсылки к ее ранней и поздней лирике, к «Реквиему», к «Поэме без героя» и – особенно! – к «Лотовой жене». Из этого стихотворения в скульптуру перекочевали глаза, которые «скованы смертной болью», приросшие к земле «быстрые ноги» и знаменитая «оглядка» – обладающий особой знаковой природой жест Анны Ахматовой.

Таким образом, жестовая стратегия Ахматовой отражалась не только в ее стихотворениях и в посвященных ей стихотворениях поэтов-современников, но и переходила в произведения графики, живописи и скульптуры.

Литература

1. Виленкин В. В сто первом зеркале: Воспоминания об Анне Ахматовой/ В.В. Виленкин. – М.: Наука, 2007. – 336 с.
2. Добин Е.С. Поэзия Анны Ахматовой / Е.С. Добин. – Л.: Ленинградское отделение изд-ва «Советский писатель», 1968. – 252 с.
3. Жирмунский В.М. Творчество А. Ахматовой/ В.М. Жирмунский. – СПб.: Лицей, 2013. – 184 с.
4. Орлова Е.И. На границе живописи и поэзии / Е.И. Орлова // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 6. – Симферополь: «Крымский архив», 2008. – С. 69 – 81.
5. Эйхенбаум Б.М. Анна Ахматова: Опыт анализа/ Б.М. Эйхенбаум // О прозе. О поэзии. – СПб, 2006.– 320 с.

СЕКЦИЯ «РЕКЛАМА И ИНТЕРНЕТ В СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ»

*Т.А. Бартенева, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. И.С. Климас*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭРГОНИМОВ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Язык города – сложное и уникальное явление, рассматриваемое в современной науке не только с системно-лингвистической, но и с коммуникативной, социологической, культурологической и семиотической позиций.

В советское время для господствующей коммунистической идеологии характерной чертой являлось подчинение всех сфер общественной жизни человека интересам государства. Это не могло не отразиться на лингвистической карте тогдашнего города. Для неё характерна относительная языковая стабильность. Большинство предприятий носило следующие названия: «Колбасы», «Химволокно», «Молокозавод» и др.

Социальные изменения, произошедшие в государстве на рубеже XX – XXI веков, привели к возникновению новых форм частной собственности (среди них можно выделить рестораны, туристические агентства, страховые компании, фирмы различного профиля и другие виды коммерции), а также к повсеместному распространению иностран-

ных товаров. Следствием этого стало появление рекламы, из которой россияне узнали множество названий торговых марок.

В данных условиях особое значение приобретают *эргонимы* – названия коммерческих предприятий (деловых объектов, организаций, учреждений, фирм), ведь помимо номинации они несут другую важную информацию, касающуюся истории отдельной нации, этноса, географических и природных особенностей территории.

Изучением эргонимов исследователи стали заниматься относительно недавно (лишь во второй половине XX века). Появление на лингвистическом поприще понятия «эргоним» связано с выходом в свет в 1968 году работы Л.М. Щетинина и Г.А. Золотовой «Слово на вывеске». Однако самостоятельные исследования в данной области стали осуществляться лишь после 90-х годов XX столетия. В настоящее время ведётся большая работа по изучению эргонимов. Большинство лингвистов рассматривает их в границах ономастики.

С точки зрения лексической составляющей можно выделить эргонимы, в состав которых входят исконно русские и заимствованные слова.

Среди исконно русских слов, входящих как опорные элементы в состав эргонимов, большую по численности группу составляют конкретные существительные (кофейня «Царский двор», архитектурно-проектное бюро «Зодчий») и вещественные существительные (сеть продуктов питания «Русское молоко», пчеловодческая ферма «Правильный мёд от правильных пчёл»). Гораздо реже встречаются абстрактные (центр детского развития «Мечта») и собирательные (частный детский сад «Детвора») существительные.

Помимо существительных, входящих в состав эргонимов, можно встретить и другие части речи: числительные (праздничное агентство «Один плюс один», продуктовый магазин «Два шмеля», сауна «Два водолея»), прилагательные (бар «Старый клён»).

В последнее время в эргонимии всё популярнее становятся звукоподражания (кафе «Ду-ду», питомник для животных «Кис-кис of Nataly»). Также мы можем наблюдать использование междометий в эргонимии (магазин детской одежды «Ох уж эти детки», магазин «Спасибо»).

Что касается заимствованной лексики в составе эргонимов, наше исследование показало, что большую часть составляют слова, пришедшие из греческого (туристическое агентство «Алые паруса», салон красоты «Элегия», сеть гипермаркетов «Магнит», книжный магазин «Лабиринт») и латинского языков (радиокомпания «Дорожное радио», туристическое агентство «Формула отдыха», магазин товаров для отдыха и туризма «Экспедиция», стадион «Локомотив», редакция СМИ «Аргументы и Факты»).

Английское происхождение имеют следующие эргонимы: магазин спортивной одежды «Спортмастер», рекламное агентство «Медиа-форвард».

Эргонимы «Велюр» (магазин тканей), «Дежавю» (салон вечерних платьев) – французского происхождения; «Мастер плюс» (магазин товаров для рыбалки) – немецкого; «Снежный барс» (салон меха) – тюркского; «Семейная Ярмарка» (вещевой рынок), «Сеймский рынок» – польского; «Адмирал» (автомойка). В русском языке особую группу среди заимствованных составляют слова, пришедшие из старославянского языка. Можно выделить следующие старославянизмы, входящие в состав эргонимов Курска и Курской области: «Работа – это просто!» (кадровое агентство), «Ладья» (продуктовый магазин), «Страна стройных» (психологическая служба), «Сладкая сказка» (кондитерская), «Надежда» (торговый центр).

Преимущественно эргонимы представлены одним словом (архитектурно-проектное бюро «Зодчий») или словосочетанием (благотворительный фонд «Подари мечту», свадебные салоны «История любви»). Гораздо реже в состав эргонимов входят

целые предложения («Работа – это просто!» – кадровое агентство, «Wattson – лучший друг сантехника» – компания, реализующая системы водоснабжения).

Большинство слов, входящих в состав эргонимов, употреблено не в прямом значении, а в переносном. Однако возникающие ассоциации всегда основаны на знаниях человека об окружающем мире, его восприятии действительности. В связи с этим можно говорить о следующей семантической классификации эргонимов:

1) ассоциативный ряд, вызывающий к национальным и патриотическим чувствам, связанным с любовью к своей стране и родине (кафе «Росинка», ресторан-музей «Горница», туристическая фирма «Русский век»);

2) региональный ряд (например, магазин «Куряночка», компания «ЗАО Курскхлеб»);

3) культурно-исторический ряд, связанный с событиями и героями (сауна «Александрия», гостиничный комплекс «Олимпия»);

4) социально-стратификационный ряд, отражающий деление общества по гендерному, возрастному, профессиональному и другим признакам (швейный магазин «Марья-искусница», компания «Wattson – лучший друг сантехника»);

5) оценочный ряд (диагностический медицинский центр «Эксперт», магазин молодёжной одежды «Лидер»);

6) эстетический ассоциативный ряд (салон красоты «Вдохновение», туристические агентства «Роза ветров», «Алые паруса»);

7) эмоционально-экспрессивный ряд (сети магазинов алкогольной продукции «За пивасиком», бутик обуви «Босьяк», пивная «Батя», ресторан «Япона Мама»);

8) художественный ассоциативный ряд (торгово-развлекательный центр «Пушкинский», интеллект-студия «Чеширский кот», кафе «Гермес», «Хоттабыч», бутик свадебной и вечерней моды «Гименей»).

Соотнося данные психофонологической теории с эргонимами, можно выделить следующие ошибки в их образовании:

1. Употребление в названиях сложных слов (компании «ЦентрМеталлоСклад», «ЭкасОргплицепроф НПФ»).

2. Употребление в названиях непонятных аббревиатур («МВС-Евросерви»).

3. Употребление в названиях трудночитаемых и труднопроизносимых иностранных слов (кафе «Эйяфьядлайёкюдль», магазины одежды «CremaCioccolato»).

4. Нагромождение согласных звуков в названиях (суши-кафе «ROLAND'S ROLLS»).

Кроме того, что данные эргонимы являются плохо читаемыми, они также сложны для запоминания.

Эргонимы, являясь носителями имплицитной информации, осуществляют так называемое языковое манипулирование. Ни для кого секрет, что такие названия, как «Молоко», «Мясо», «Рыба», «Продукты» давно изжили себя. Люди стремятся придумать новые уникальные названия для коммерческих предприятий, дабы сделать их более интересными и запоминающимися для потребителя.

Языковое манипулирование – ход, который реклама использует с момента своего возникновения. Суть языкового манипулирования заключается в том, что на потенциального покупателя воздействуют путём языковых средств. Информация, которую он получает, кажется объективной адресату. Создаётся впечатление, что потребитель делает выводы самостоятельно. В действительности они навязаны ему: «Таким образом, сталкиваясь с языковым манипулированием, мы имеем дело не с объективным описанием действительности, а с вариантами ее субъективной интерпретации» [1, с. 203].

Имплицитная информация, заложенная в эргонимах, направлена на массового пользователя, а не на представителей элитарной культуры. Именно поэтому самый удачный с точки зрения маркетинга эргоним – тот, который понятен большинству. Часто в составе таких эргонимов употребляются лексемы *эконом*, *люкс*, варваризм *VIP* (автомойка «*Люкс*», косметологическая клиника «*Ботэ Де Люкс*»). Кроме того, такие эргонимы ненавязчиво указывают на широкий ассортимент товаров, например, магазин продуктов «*Всё для вас*», цветов «*Мир цветов*». Нередко в состав эргонима входит прилагательное, указывающее на уникальность того или иного предприятия. На первый взгляд может показаться, что оно лишь отражает достоинства объекта. На самом же деле происходит скрытое сравнение предприятия с ему подобными, в результате чего подчёркивается неповторимость первого (агентства «*Первая сервисная компания*», «*Первый рилторский союз*», магазин «*Лучшее для кондитера, повара, пекаря и хорошей хозяйки*», торговый центр «*Новый рынок*», фирма «*Best-картина*»).

В эргонимии часто используются экстралингвистические способы воздействия на потребителя. В частности, это использование графических объектов. Главной их идеей является языковая игра, воздействие цветом, фоном, символами, работающее по принципу: «Меньше текста – больше экспрессии».

Причина использования новых средств в эргонимии проста. Это изменившийся темп жизни современного человека, который быстрее реагирует на краткие и яркие элементы. «Люди всё чаще обращаются к изобразительным приёмам оформления информации, всё охотнее пользуются символикой или иероглификой, приобретающей международный характер» [2, с. 14].

Таким образом, имплицитная информация, содержащаяся в эргонимах, имеет завуалированный характер. Не следует забывать о том, что название предприятия должно быть не только ярким и запоминающимся для реципиента, но и отражать информацию об объекте.

Прагматические ассоциативные эргонимы призваны вызвать у потенциального клиента положительные эмоции (магазин молодёжной одежды «*Лидер*», служба такси «*Хорошее*»).

Тема эргонимии может быть интересна не только лингвисту, но и школьнику, только вступившему на путь самоопределения. Однако её изучение не предусмотрено базисным учебным планом.

Литература

1. Бернадская Ю.С. Текст в рекламе : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 032401 (350700) «Реклама» / Ю.С. Бернадская. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – С. 288 (Серия «Азбука рекламы»)
2. Крюкова И.В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. / И.В. Крюкова. – Волгоград, 2004. – С. 228.

*А.С. Попов, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., доц. К.А. Нагина

РЕКЛАМА В ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ XIX ВЕКА

Понятие «физиологический очерк» чаще всего употреблялось в значениях «правдивый», «естественный» и «натуральный» как «антиромантический». Стремление еще

точнее описывать совокупность условий и факторов жизни человека обозначилось в конце XVIII века и окончательно утвердилось в первой половине XIX века в понятийном аппарате гуманитарных наук под термином «физиологизм». Этот термин стал использоваться для обозначения одного из основных литературных жанров – очерка.

Физиологический очерк зафиксировал отказ от романтических сюжетов и приёмов расширения романтических образов. Его целью становится не столько повествование о событиях, сколько характеристика определённого общественного явления, создание на этой основе «национальных типов» русской жизни.

Для него характерны внимание к деталям, например, интерес к курьёзным объявлениям и надписям, преобладание изображения реальности над художественным вымыслом.

В 40-50-е годы XIX века стремительно приобретают популярность очерки о Москве. Подробное описание внешнего облика и архитектуры города можно найти в книге «Москва и москвичи» М.Н. Загоскина. В ней описываются такие достопримечательности, как Красная площадь, Новодевичий, Чудов, Вознесенский монастыри, рощи Воробьёвых гор, Москва-река, Кузнецкий мост.

Изучением вывесок в первой половине XIX века подробно занялся Ф. Дистрибуенди. В его книге «Взглядъ на московскія вывьски» (1836 г.) можно много узнать о вывесках в рецепции людей его поколения. Автор подчёркивает, что «уже очень много написано о Москве, но никто не обращал любознательного взгляда на вывески, пестреющие на каждом шагу по улицам Московским и, вероятно, не было еще на Святой Руси подобной книжки, которая заключала бы верное и отчётливое описание вывесок» [4, с. 6]. Ф. Дистрибуенди подчёркивает пестроту и разнообразие Московских вывесок. «Каждая из вывесок – есть верный представитель промышленности, состояния, образованности, образа понятий и жизни своих владетелей» [4, с. 7]. Два золотых самовара указывают прохожим на трактир или ресторацию, два сапога – на артиста-сапожника, исполинские ножницы – на художника-портного.

Вторая глава книги посвящена истории появления вывесок. Автор подчёркивает, что не только каждое государство, каждый человек, каждая наука, но и каждый предмет, употребляющийся в жизни, имеют свою историю, следовательно, и вывески не должны остаться в стороне. Их время происхождения с точностью определить невозможно, так как никто из любителей древностей ни слова не говорят о нём.

Ф. Дистрибуенди разделяет вывески по занятиям промышленников, по их достоинству. Также автор делит вывески на 3 класса:

- обыкновенные (одинаковые по отделке);
- курьёзные (отличаются своей уродливостью, безобразием, безвкусицей);
- изящные (замечательны по своей затейливости, оригинальности, богатству и роскоши отделки).

Особое место среди очеркистов этих годов принадлежало И.Т. Кокореву. Он разрабатывает тему «публикаций и вывесок» – традиционную для всей физиологической литературы.

Рассмотрим главу «Публикации и вывески» из серии «Очерки о Москве» 1849-го года. Следуя традиции, требующей историко-терминологического зачина, И.Т. Кокорев задаётся вопросом, кому принадлежит честь изобретения вывесок – грекам или римлянам, когда последовало это изобретение, во времена ли глубокой древности или под ведомством истории? Его шуточный тон скрывает в себе некоторую издёвку над Западом и над неумеренными его отечественными поклонниками, однако и эта издёвка не переходит границы.

Русский «физиолог» описывает яркое сочетание вывесок. И.Т. Кокорев разделяет их на старопатриархальные и европейские. В них присутствует борьба двух стилей: «Ванная и пратикулярная парьтной Иван Федарав» – прячется подальше от Marchand Tailleur de Paris; «Авошенная лафка» живёт в захолустье от Магазина колониальных товаров; «Перукмахер и фершельных дел мастер, он же отворяет жильную, баночную и пивочную кровь», изобразивший важнейшие моменты своей деятельности на вывеске, украшенной кавалером с дамою, не смеет приютиться рядом с великолепным Salon pour la soupe de cheveut; «Въхот в заведения растеряцью» – устроен на почтительном расстоянии от «Hotel de Dresden»; смиренная домашняя вывеска — лоскуток бумаги, возвещающий, что «Все́м доме сдаётца каморка» [5, с. 125].

У И.Т. Кокорева вывеска – это указатель, способствующий отысканию какого-либо необходимого товара; название своё она получила от того, что *вывешивается*. Это ясно и не требует никаких филологических исследований. Публикация – временный указатель, вывеска – постоянный. В древности тот, кто занимался какою-нибудь промышленностью, вывешивал признак, по которому легко было бы найти его без всяких трудностей. С появлением образованности обычай этот оказался не востребуемым, слово заменило дело. Это и стало причиной появления новой отрасли живописи – вывескописанием, хотя местами сохранились следы древнего обычая: «Неказистой рамкой из разноцветных стёкол, иногда с изображением долота; лавку шорника указывает висящий на дверях дуга или хомут; на притолке у дышащего паром окна каланчика торчат «крупичаты – горячи» [5, с. 124]. Но год за годом эти незатейливые приметы уступят место вывескам.

Со временем вывески начинают усовершенствоваться. На Кузнецком мосту, Тверской, Никольской, Ильинке можно увидеть *натуральные* вывески, то есть осязательно представляющие предметы. Возьмём в качестве примера вывеску – картину чайного магазина: «Узкоглазые жители Срединного царства» красуются на его дверях, у входа в продажу табака чернокожие индийцы грациозно покуривают сигары, а над ними длинноусый турок, поджав ноги, тянет наслаждение кейфа из огромного кальяна. Место пребывания парижской модистки можно узнать по пышным платьям и восхитительным наколкам, адрес цырюльни представляет процесс бритья и пускания крови, различные группы изящно костюмированных кавалеров образуют из себя фамилию знаменитости портного дела, ряд бутылок, из которых бьёт фонтан пенистого напитка, с надписью «эко пиво!» приглашает к себе жаждущих прохлады, коптит колбасы в полном разгаре извержения вулкан Везувий, из рога изобилия в руки малюток сыплются конфеты и разные сласти – это кондитерская и т. д.

Ф. Дистрибуенди подробнее описывает вывески с культурологической точки зрения, чем И.Т. Кокорев; Уделяет больше внимания описанию фигур, цветовой окраски вывесок. Художественным деталям.

И.Т. Кокорева же, в большей степени, чем Ф. Дистрибуенди, волнует внешний облик посетителей.

Для него вывеска – это, в первую, очередь, знак, указатель, а для Дистрибуенди – это произведение искусства, возможно, поэтому этот автор подробно изучает историю происхождения.

Общее, что объединяет произведения И.Т. Кокорева и Ф. Дистрибуенди – это безграничная любовь к Москве и её уличной жизни, внешнему облику.

Можно сказать, что физиологический очерк с предельной точностью отразил действительность Москвы и её жителей середины XIX века, отразил внешний облик столицы. Благодаря подробному описанию вывесок, И.Т. Кокорев и Ф. Дистрибуенди сумели передать «дух» уличной жизни, описывая быт типичных представителей различных сло-

ёв общества того времени: трактирщиков, ремесленников, сапожников, аптекарей и т.д. Читая физиологические очерки, можно на некоторое время погрузиться в атмосферу старинной Москвы.

Литература

1. Вестник всемирной информации. – 1900. – № 6. – С. 88.
2. Голубицкий Ю.А. Русский бытописательный и физиологический очерк / Ю.А. Голубицкий // Социологические исследования. – 2010. – С. 137.
3. Голубицкий Ю.А. Социология и литературный процесс / Ю.А. Голубицкий. – М., 2010. – С. 50.
4. Дистрибуенди Ф. Взгляд на Московские вывески / Ф. Дистрибуенди. – М., 1836. – 68 с.
5. Кокорев И.Т. Москва сороковых годов XIX века / И.Т. Кокорев. – М., 1959. – С. 126.
16. Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе / А.Г. Цейтлин. – М., – 1965. – С. 7.

*А.И. Худуева, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина
Науч. рук. – д-р филол. н. проф. О.А. Селеменова*

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Среди основных структурных компонентов рекламы вербальная часть является самой значимой и самой интересной для филологов, ведь именно при ее анализе можно вычлениить языковые особенности рекламных текстов и описать их системные признаки. На данный момент проблема языка рекламы остается недостаточно изученной: не исследован вопрос о том, какие языковые средства, используемые в рекламе, способствуют достижению стоящих перед ней целей. Среди языковых средств большее внимание уделяется лексическим средствам рекламного сообщения, а наименее изученными являются средства синтаксиса и морфологии.

Предметом нашего изучения стали морфологические особенности текстов рекламы. Эмпирическим материалом исследования послужили 500 рекламных текстов из журналов «Свадебный вальс», «OOPS!», «Караван историй. Коллекция», «Share», «Максим», «Condé Nast Traveller» и др., опубликованных в 2012 – 2016 гг.

Из именных частей речи в текстах рекламы чаще всего употребляются имена существительные, при помощи которых рекламная информация предстает «в виде точных изображений, звука и чувственного восприятия» [2, с. 12]. Например: *Масло для губ сочная малина. Сладкий и вместе с тем свежий ягодный аромат создает ощущение абсолютного счастья и полноты жизни, а ухаживающие масла разглаживают и питают кожу губ* (журнал «OOPS!»).

С целью эффективного воздействия на потенциального потребителя в рекламных текстах активно используются имена собственные, например, так называемые «прагматонимы», т.е. собственные имена, обозначающие марки товара, виды услуг; аллюзивные антропонимы, т.е. имена собственные с устойчивым ассоциативным содержанием, с общим фоном известности (имена знаменитостей, имеющих отношение к шоу-бизнесу, спорту, кино); топонимы, идентифицирующие географические объекты и формирующие у адресата представление о высоком качестве товара или услуги [см.: 4]. Например: *Clarins – бренд №1 в Европе в категории средств для ухода класса люкс* (журнал

«Л'Этуаль»); *Крем Коллаген для кожи контура глаз снимает отечность, выравнивает зону вокруг глаз, подтягивает складку верхнего века. «Эффект заметен сразу: больше никаких “гусиных лапок”», – телеведущая Юлия Барановская* (журнал «Крестьянка»); *Познакомьтесь с многообразием такси в Дубае. Почувствовать, а не просто побывать* (журнал «Condé Nast Traveller»).

Имитация научного стиля, точность характеристики товара или услуги, доказательность изложенной информации достигается за счет использования в рекламных текстах существительных-терминов. Например: *Содержащийся в препарате **ибупрофен** быстро и легко избавит Вашего ребенка от жара и боли* (журнал «Крестьянка») (*ибупрофен* – противовоспалительный препарат из группы производных пропионовой кислоты, который обладает болеутоляющим и жаропонижающим действием).

Для подробной и точной характеристики свойств товаров в рекламные тексты вводятся имена прилагательные. Они тематически разнородны. Мы встречаем лексические единицы, указывающие на отечественное или зарубежное происхождение товара, называющие страну или национальность, различные металлы и сплавы, горные породы и минеральные вещества естественного и искусственного происхождения, материалы и вещества растительного происхождения, материалы и вещества животного происхождения [см.: 1] и др. Например: *Черный цейлонский чай с добавлением кусочков орехов, пикантным шоколадно-ореховым вкусом и сладким ароматом пралине. «Кертис Креми Пралине» – глоток яркой жизни!* (журнал «ЛИЗА»).

Выражение максимальной степени качества рекламируемого продукта или услуги происходит за счет введения аналитических форм превосходной степени прилагательных со значением оценки. Например: *Специально для тебя мы собрали **самые интересные, полезные и смешные сайты и приложения социальных сетей, чтобы было чем заняться в каникулы*** (журнал «OOPS!»).

В рекламных текстах широко распространена синтетическая форма превосходной степени имен прилагательных, образованная прибавлением к основе положительной степени суффикса *-ейш-*. Например: *Снижение веса на 5 – 35 кг. **Новейшие** сертифицированные курсы из Таиланда; Гарантированный **сильнейший** приворот* (журнал «7 Дней»).

Востребованными словообразовательными элементами имен существительных и прилагательных в рекламных текстах являются *ультра-, евро-, тату-, супер-*: *суперногти, суперэффективные программы, суперблеск, ультратонкие, евроногти, евроволосы, евроремонт* и т.д. Например: *Евроуборка. 789-76-28* (журнал «7 Дней»); *Татумакияж. 772-17-74* (журнал «7 Дней»); *Карандаш для тонкого нанесения, тушь с щеточкой для безупречного объема ресниц и средство для снятия **суперстойкого** макияжа вместе сделают твой взгляд поистине неотразимым* (журнал «Ауvon»).

Введение местоимений в рекламный текст способствует созданию иллюзии сближения с клиентом, установления доверительных отношений, дружеского общения. Например: *До Нового года остались считанные дни, а **Вы** не знаете, как быстро поухудеть?* (журнал «ЛИЗА»).

Функция числительных, употребляемых в заголовках, подзаголовках, основном рекламном тексте заключается в создании впечатления достоверности сообщаемых сведений. Например: *Пробуждаем мир с **1917** года. Мы знаем все о вашем утре в ванной. Именно поэтому вот уже почти **100** лет мы создаем первоклассные изделия для этого пространства* (журнал «Condé Nast Traveller»).

Несмотря на тенденцию рекламы к номинативности, идею динамики в рекламном тексте и главную смысловую нагрузку несет глагол. Например: *Все еще **мечтаешь** о Германии?* (журнал «ЛИЗА»).

Если формы будущего времени в рекламном тексте используются для указания на перспективу, эффект от полученной услуги или приобретенного товара, то формы прошедшего времени служат для указания на результат использования товара [см.: 5]. Например: *Специально для тебя отобрали лучшие лаки на все случаи жизни* (журнал «OOPS!»).

Самыми частотными в рекламе являются императивные глагольные формы. Их основная функция – «создать выгодный образ товара, используя различные призывы, и с их помощью убедить покупателя приобрести этот товар» [2, с. 14]. Включение императивных высказываний объясняется повышенно суггестивной (суггестия – [лат. suggestio] – внушение [3, с. 616]) манерой высказываний рекламного текста. Например: *Расположитесь на заднем сиденье и насладитесь непревзойденным комфортом. <...> Путешествуйте за гранью обыденного!* (журнал «Condé Nast Traveller»).

Использование в рекламе особых форм глагола – причастий и деепричастий – придает тексту книжность, официальность. Например: *Guat. 74% женщин, участвовавших в исследовании, подтвердили видимые результаты уже после первой недели использования* (журнал «Share»); *На протяжении 170 лет она является непревзойденной движущей силой в поиске новых инженерных решений, позволяя по-новому взглянуть на традиционный образ механических часов* (журнал «Condé Nast Traveller»).

Резюмируя, отмечаем, что ключевая роль в рекламном тексте принадлежит именам существительным, называющим объекты рекламы. Для указания на основные свойства товара, обозначенного именами существительными, в рекламном тексте используются качественные и относительные прилагательные. Наиболее конструктивным и активным в рекламных текстах по сравнению со всеми другими частями речи является глагол. Потенциал местоимений в текстах рекламы проявляется в создании эффекта доверия, а числительных – эффекта достоверности сообщаемых сведений.

Литература

1. Ахмед Айад Ш. Лексико-грамматические средства представления товара в газетной рекламе: дис. ... канд. филол. наук / Айад Ш. Ахмед. – Воронеж, 2011.
2. Балахнина В.Ю. Мастер-класс «Работа с текстами в рекламе»: учебное пособие / В.Ю. Балахнина. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013.
3. Большой словарь иностранных слов в русском языке. М.: ЮНВЕС, 1998.
4. Крюкова И.В. Имена собственные в современной российской рекламе / И.В. Крюкова // Рекламный дискурс и рекламный текст: коллективная монография. Глава 14. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. С. 261-278.
5. Сердобинцева Е.Н. Структура и язык рекламных текстов: учебное пособие / Е.Н. Сердобинцева. М.: Флинта; Наука, 2010.

*Ю.А. Тиханова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., доц, Т.А. Тернова*

ЧАТ КАК ПРИЁМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тема, посвящённая сетевой литературе и пространству Интернета, сейчас актуальна как никогда. В современном мире человек уже не представляет свою жизнь без компьютерных технологий и Интернета. С развитием информационных технологий для

писателей и читателей открылись новые возможности. Появился также новый термин – сетевая литература.

Интернет, на наш взгляд, привносит в европейскую культурную традицию текстоцентричность, ведь именно текст является формой жизни в Интернете. Человек в Сети представлен, прежде всего, своими гипертекстовыми дискурсивными практиками.

На тему сетевой литературы в настоящее время написано много статей, но они, как правило, редко выходят за пределы Интернета, на бумагу. Это указывает на малую разработанность темы в научной литературе. Большой вклад в исследование сетевой литературы внесли А. Андреев, Алексрома, Е. Горный, М. Карымова, С. Корнев, Р. Лейбов и многие другие.

Интернет не убивает литературу, он расширяет ее границы, позволяет использовать новые литературные приемы, один из которых и является объектом нашего исследования – это чат.

Цель нашей работы – рассмотреть чат как прием в современной литературе.

Чат, чаттер (англ. chatter – болтать) – средство обмена сообщениями по компьютерной сети в режиме реального времени. Его характерной особенностью является коммуникация именно в реальном времени, что отличает чат от форумов и других «медленных» средств. Общение в чате происходит только с теми, кто присутствует в нём в настоящий момент, а результаты обмена сообщениями могут и не сохраняться. Чаттерами создается некая новая виртуальная реальность, в которой доминантой существования оказывается общение. Перефразируя Декарта, можно сказать: «Я общаюсь, значит – я существую».

При общении в чате пользователи не видят друг друга, им доступны только ники (псевдонимы) и сообщения собеседников. Отсюда получается, что ник и текст являются важнейшими элементами чатового общения.

Автора в Сети может хранить полную анонимность или даже создать виртуальную личность. Пользователи Сети никогда до конца не уверены, насколько реален их собеседник. Так рождается особый литературный жанр, в котором автор сам становится частью произведения. Само создание ника – это уже творческий акт, а его появление в чате вызывает определенный горизонт ожидания чаттеров и самого автора ника [2, URL].

Известный публицист Артём Кушнир в своей статье «Чат как драма», анализируя феномен чата, пишет: «Чат представляет собой уникальный, невозпроизводимый текст, постоянно живущий и развивающийся. Живет этот текст на узком пространстве чатового окна. Чат – это текст, который проживается его создателями» [6, URL].

Одним из самых ярких произведений современной литературы, построенных в форме чата, является роман Виктора Пелевина «Шлем Ужаса». Роман является частью интернационального проекта «Мифы» британского издательства Canongate, заказавшего нескольким современным писателям – Пелевину, Умберто Эко, Маргарет Этвуд – сочинить романские версии известных мифов.

Восемь персонажей в романе В. Пелевина встречаются в одном очень странном чате. Каждый из них неизвестным образом попал в одну из однотипных комнат с монитором и клавиатурой. Вскоре они понимают, что вовлечены в сюжет мифа о Тесее и Минотавре.

Книга написана в виде стенограммы разговора неких персонажей, названных вымышленными именами. В определённом месте все участники диалога образуют слово MINOTAUR из первых букв своих псевдонимов. Другое имя Минотавра – Астериск. Так же называется звёздочка, которой в книгах обозначают сноски. Появляется мысль, что главное находится за пределами текста; как и в чате, мы видим только текст, но не людей, которые за ним на самом деле скрываются [4, с. 166].

Специфичен жанр «Шлема ужаса» В. Пелевина. Использование в тексте формы чата выводит роман за рамки эпоса и приближает к драме. Публицист Артём Кушнир, уже упомянутый нами выше, в своей статье «Чат как драма» пишет: «Ближайшая литературная параллель чату - с известной долей условности – это драма. Драма, которая длится долго, и поучаствовать в которой может каждый» [6, URL].

Критик А. Верницкий в рецензии на роман В. Пелевина «Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре» высказал мнение, что в романе воссоздана структура жанра моралите. Моралите – особый вид драматического представления в Средние века и в эпоху Возрождения, в котором действующими лицами являются не люди, а отвлечённые понятия. «Сравнение с моралите помогает понять, почему Пелевин выбрал именно таких персонажей. Если мы посмотрим на средневековые моралите, мы увидим, что набор персонажей меняется от пьесы к пьесе; среди них попадаются Глупость, Надежда, Вера, Пять Органов Чувств и т.д., в разных комбинациях. Очевидно, персонажи пьесы выбираются так, чтобы вместе они более-менее убедительно составили целую личность. Однако конкретный набор персонажей определяется не столько философскими построениями, сколько фантазией автора пьесы» [3, с. 281].

Замечание верно и в отношении «Шлема ужаса». «В этой книге одна личность предстает разобранной на восемь частей, и границы этих частей не определяются каким-либо учением, а изобретены Пелевиным» [3, с. 281]. Сознание представляет собой Лабиринт со своим Минотавром, а личности, заключенные в это сознание, пытаются найти из него выход и установить связь друг с другом. Сознание, познающее само себя, в этот момент конструирует (шлем создается шлемом и существует только внутри шлема).

Мы считаем, что данная тема очень важна для современного литературоведения. Компьютерные технологии до сих пор воспринимаются многими как нечто вредоносное для культуры. Своим исследованием мы хотим показать, что сетература может не просто существовать наряду с «книжной», а способствовать развитию литературы в общем, позволяя использовать новые литературные приемы, углубляющие смысл текста.

Литература

1. Алексрома. Первый и последний рейс «сетературы» [Электронный ресурс] / Алексрома // Сетевая словесность. – 2000. [URL:<http://www.litera.ru/slova/alexroma/reis.html>] – (дата обращения: 15.03.2017).
2. Андреев А. Литература без бумаги [Электронный ресурс] / А. Андреев // Атмосфера – Авторская телекоммуникационная мультимедийная образовательная среда. – 1999. [URL:<http://www.autor-edu.ru/ru/node/16>] – (дата обращения: 15.03.2017).
3. Верницкий А. Рец. на: Пелевин В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре / А. Верницкий // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 80. – С. 297 – 283.
4. Катаев Ф.А. Семантика и функции компьютерного дискурса в прозе Виктора Пелевина / Ф.А. Катаев // Вестник Пермского университета – 2011. – № 2 (14). – С. 160 – 168.
5. Корнев С. «Сетевая литература» и завершение постмодерна: Интернет как место обитания литературы / С. Корнев // Новое литературное обозрение. – 1998. – № 32. – С. 29 – 47.
6. Кушнир А. Чат как драма [Электронный ресурс] / А. Кушнир // Сетевая словесность. – 2001. URL: <http://www.netslova.ru/teoriya/kushnir.html> – (дата обращения: 25.03.2017).
7. Пелевин В. Шлем ужаса: Креатифф о Тесее и Минотавре / В. Пелевин. – М.: Открытый мир, 2005. – 224 с.
8. Северина Е.А. Жанры коммуникации в Интернет-среде / Е.А. Северина // Вест-

*Е.В. Чаплин, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. М.Я. Розенфельд*

ТЕКСТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

К концу XX – началу XXI веков количество и разнообразие компьютерных игр (далее КИ; видеоигры; игры) возрастает столь существенно, что их уже можно рассматривать как составляющую массовой культуры. Стремительное развитие игровой индустрии приводит к тому, что видеоигра расширяет горизонты своего существования: она становится площадкой для рекламы товаров и услуг, оказывает влияние на различные формы массовой коммуникации (сегодня получает распространение термин «геймификация» – применение подходов, характерных для игр, в неигровых процессах с целью привлечения пользователей и потребителей).

Популярность компьютерных игр не единственный аспект, нуждающийся в изучении. За последние годы активно стали создаваться игры на основе фильмов, книг или комиксов, т. н. адаптации классических сюжетов в виде компьютерной игры. При несомненной актуальности рассматриваемого феномена он недостаточно разноаспектно освещен в российской научной литературе. Существуют работы, где компьютерная игра рассматривается в культурно-антропологическом аспекте – И. Е. Гутман [2], с точки зрения психологии (проблемы социализации и развития воображения – М.В. Тендрякова [8]; личностные особенности игроков – Н.В. Омельченко [7]), искусствоведения (видеоигра как разновидность художественного творчества – И.И. Югай [11]), социологии и фольклористики (геймерская субкультура – Т.А. Золотова, Н.И. Ефимова [3; 4; 6]). Однако мало внимания на сегодняшний день уделено филологическому рассмотрению видеоигр.

Изучение компьютерной игры представляется актуальным для целого ряда отраслей филологической науки. Тексты художественно-беллетристического стиля, фигурирующие во многих жанрах компьютерных игр, могут стать объектом изучения стилистики текста, литературоведения, а также переводоведения. Язык интерфейса и дополнительных текстов, используемых при создании игры, интересен с точки зрения прагмалингвистики и теории функциональных стилей. Геймерский жаргон может быть изучен в лексикологическом и социолингвистическом аспектах [5].

Материалом исследования стали тексты видеоигр «Космические рейнджеры» (2002 г.) и «The Elder Scrolls IV: Oblivion» (2006 г.) [1, 11]. Причина выбора этих игр в том, что они представляют видеоигры разных жанров, что позволит нам сравнить их с филологической точки зрения, а также включают в себя большое количество текста для лингвистического и редакторского анализа.

Проанализировав эти тексты по классификации типов текстов компьютерных игр, предложенной в другой нашей статье [9].

Тексты помощи (туториальные тексты) в обеих видеоиграх обладают чертами научно-учебного подстиля научного стиля, что подтверждается их целью — в простой, логичной форме объяснять правила игры, элементы управления и интерфейса. На это указывает и их языковые и стилистические особенности: в микротекстах соблюдается логическая последовательность, действие статично. Наиболее популярные глаголы, ис-

пользующиеся в туториальных текстах, обозначают действия, направленные игроком на взаимодействие с манипулятором (мышью) или устройством ввода (клавиатурой). Ср.: *нажмите, используйте, щелкните, выбирать, кликайте и др.* Экспрессивных средств в видеоигре «The Elder Scrolls 4: Oblivion» нет. Тексты представляют собой так называемые тексты-инструкции, логика которых не предусматривают стилистическую маркированность. Данный факт подтверждается использованием терминов и отсылок к совершению действий, относящихся непосредственно к механике игры или устройствам управления компьютером (мышь, клавиатура, геймпад и др.), например: *нажмите/удерживайте W, S, A, D, F, R, щелкните на иконку заклинания/щелкните по кровати и др.*

Однако в другой игре – «Космические Рейнджеры» в тексте присутствуют экспрессивных средства. Например, разговорные или книжные слова и конструкции (*выручка, скупают за копейки, звездная система, разверните меню оружия, отвезти (в значении слетать) и др.*). Кроме того, после выполнения задания, используется положительно-оценочная лексика для похвалы игрока. Например, «*Молодец, рейнджер!*». Таким образом, туториальных тексты этой игры обладают чертами нескольких стилей: научно-учебного подстиля научного стиля и публицистического стиля.

Тексты описания и тексты заданий в игре «Космические Рейнджеры» обладают чертами сразу нескольких стилей: художественно-беллетристического, так как в них изображается вымышленный мир (открытый космос), несуществующие персонажи (*пеленги, малоки и др.*), используется имитация разговорной речи (*лаборатория находилась почему-то под землей и вообще*); использование междометий (*эмм, ну*); научного — модальный глагол в сочетании с инфинитивом (*будете получать, можете воспользоваться, приходится экономить и др.*); большое количество инфинитивов придает тексту отвлеченный вневременной, внеличностный характер; использование специальных терминов (*калольная кислота, аккредитация, гуманоид, конспиративной*); публицистического — использование речевых штампов и канцеляризмов (*действовала подпольная пеленгская лаборатория, пользовались своей аккредитацией*), частотность употребления форм родительного падежа (*мы исследуем мышечные реакции*), сочетание экспрессии и стандарта (речевые штампы и разговорные конструкции).

Тексты заданий в игре «The Elder Scrolls 4: Oblivion» обладают чертами художественно-беллетристического стиля, так как в них также изображается вымышленный мир, несуществующие персонажи (*Велвин, Мартин, Джоффри и др.*), используется имитация разговорной речи (*очистить южную площадь, дед Велнина увлекался некромантией*), характеризующая героев.

Однако отсутствуют образные детали и двуплановость (не раскрываются образы героев, дается сухая информация), нет сопереживания героям, характерного для художественно-беллетристического стиля, поэтому выделяются черты публицистического стиля: короткие и простые предложения чередуются со сложноподчиненными, употребляются эмоционально-экспрессивные и разговорные слова, фразеологизмы и устойчивых выражения (*увлекался, очистить (в значении освободить от вредных, чужеродных элементов), повести солдат на выручку и др.*), присутствует логичность и информативная насыщенность изложения. Среди других черт — обилие прилагательных, местоимений и наречий, использование глаголов в настоящем времени (*знает, служат, возглавляет, продает и др.*), построение предложений — разговорное, простое для восприятия.

Тексты описаний видеоигры «The Elder Scrolls 4: Oblivion» относятся к художественно-беллетристическому стилю. На это указывает стилеобразующие черты: художественно-образная конкретизация, эмоциональность и экспрессивность повествования (наличие грубой лексики, разговорных конструкций), индивидуализация персонажей (*Эслаф, Лайкифитра, Иноп*). Мы видим присутствие автора в тексте с помощью языко-

вых средств (местоимений – я, мы, мою), вставных конструкций (или что-то вроде того), субъективных оценок героев. В тексте изображается вымышленный мир, несуществующие персонажи (*Эслафа Эрола, Джалленхейма, Суойбуд, море Призраков, Лайкифитра, виноградники Аальто, Кравенсволда, король Иноп* и др.)

Также мы наблюдаем использование лексики в прямом и переносном значении, намеренное столкновение разностилевой лексики (*швырять, без гроша, зазря, погасить (долг) и др.*), устойчивые сочетания разговорного характера (*швырять деньгами направо и налево, как будто он был странным насекомым, которое стоит рассмотреть, прежде чем раздавить*), частность глаголов.

Дальнейший лингвистический анализ текстов компьютерных игр будет продолжен в других исследованиях на эту тему. Мы будем сравнивать игры других жанров, анализировать геймерский жаргон и его влияние на языковую культуру игрока.

Литература

1. The Elder Scrolls. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://elderscrolls.bethesda.net/> (дата обращения: 01.05.2017).
2. Гутман И.Е. Компьютерные виртуальные игры: культурно-антропологические аспекты анализа: автореф. дис. ... канд. псих. наук / И.Е. Туман. – СПб. : СПбГУ, 2009. 27 с.
3. Ефимова Н. И. Рыцари виртуальной реальности: о некоторых закономерностях конструирования персонажей компьютерной игры / Н.И. Ефимова, Т.А. Золотова // Фольклор XXI века: Герои нашего времени: сборник статей. М., 2013. С. 225-234.
4. Ефимова Н.И. Фольклорные и литературные аллюзии в компьютерных играх / Н.И. Ефимова, Т.А. Золотова // Сб. ст. в честь М. П. Чередниковой. М. : Лабиринт, 2010. С. 58-64.
5. Ефимова Н.И. Текст в компьютерной игре: филологический аспект / Н.И. Ефимова, Н.И. Моржанаев. — Йошкар-Ола. Марийский государственный университет. 2015. № 4. С. 75-78.
6. Золотова Т. А. «Человек играющий»: картина мира в субкультуре геймеров / Т.А. Золотова, Н.И. Ефимова // Интернет и фольклор: сб. ст. М.: РГЦРФ, 2010. – С. 202-208.
7. Омельченко Н. В. Личностные особенности играющих в компьютерные игры: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.В. Омельченко. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2009. — 26 с.
8. Тендрякова М.В. Старые и новые лики игры: игровая специфика виртуального пространства / М.В. Тендрякова // Культурно-историческая психология. – 2008. № 2. – С. 60-68.
9. Чаплин Е.В. Языковые особенности текстов различных типов в компьютерных играх / Е.В. Чаплин // Язык и национальное сознание. – Выпуск 21. – Воронеж: Истоки, 2015. – С. 94-99.
10. Энциклопедию по миру Космических Рейнджеров [Электронный ресурс]. URL: https://wiki.snk-games.net/%D0%94%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE_%D0%BF%D0%BE%D0%B6%D0%B0%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%82%D1%8C (дата обращения: 01.05.2017)
11. Югай И.И. Компьютерная игра как жанр художественного творчества на рубеже XX–XXI веков : дис. ... канд. ист. наук / И.И. Югай. – СПб., 2008. – 226 с.

СЕКЦИЯ
«ТЕКСТ В ТЕКСТЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ»

*А.И. Антонова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Г.Ф. Ковалев*

**АНТРОПОНИМИКОН КОМЕДИИ А.А. ШАХОВСКОГО «НОВЫЙ СТЕРН»
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ
МЕЖДУ ШИШКОВИСТАМИ И КАРАМЗИНИСТАМИ**

Являясь значимым составляющим для понимания и интерпретации текста, имена собственные в каждом литературном произведении имеют свою специфику. Они являются элементом формы произведения, важной составляющей стиля писателя, одним из средств, создающих художественный образ. В выборе имени персонажа, в учёте этимологии этого имени проявляется авторская модальность.

В наши дни творчество драматурга А.А. Шаховского практически не исследуется. Его изучают лишь в Тартуском университете, но исследования эти направлены в основном на рассмотрение развития центрального для А.А. Шаховского жанра комедии. Имена собственные в произведениях драматурга практически не затрагивались исследователями. Однако без их изучения во многом не будет понятна позиция А.А. Шаховского как представителя шишковистов в идеолого-литературной борьбе с карамзинистами.

В данной работе мы придерживаемся концепции воронежской ономастической школы под руководством Г.Ф. Ковалёва, в которой помимо исследования ономастики, использованной писателем, прослеживают ещё и его отношение к имени: к своему, к именам собратьев по перу, к именам персонажей как своих, так и чужих произведений. [4, с. 9].

Важно с этих позиций рассмотреть литературное творчество А.А. Шаховского, который большое внимание в своём творчестве уделял именам. В его комедии «Новый Стерн», написанной в 1805 г., они являются хронотопом идеолого-литературной борьбы между шишковистами, к которым относился сам автор, и карамзинистами. Некоторые антропонимы здесь подчеркивают прототипность героев, создают аллюзивную отсылку на зарубежные произведения, дают дополнительную характеристику героям, более полно раскрывающую их характер.

В самом названии комедии заключен антропоним *Стерн*. И это не случайно. В августе 1804 г. в журнале «Северный Вестник» был приведён перевод анонимной французской статьи «Известие о Лаврентии Стерне и его сочинениях». Данная статья, в основном, была посвящена осуждению сочинений «в Стерновом вкусе». Критик упрекал Стерна, что его пример прельстил множество бездарных подражателей. А о начале литературной деятельности самого английского писателя критик писал в статье так: «Он был сначала простым деревенским священником <...> и очень долго исполнял свою должность прилежно и благоговейно; но вдруг сочинения Рабле так вскружили ему голову, что он не только оставил все должности на него возложенные, но и отрекся от своего сана» [5, с. 170].

Герой комедии А.А. Шаховского «Новый Стерн» граф Пронский, по сути, поступает как и исторический Стерн в изложении французского критика: под влиянием чувственной литературы граф пренебрегает своей должностью – оставляет военную службу, чтобы путешествовать и сделать журнал [3, с. 29].

Что касается самого героя, то фамилия *Пронский* образовалась от старославянского слова «пронь», означавшего феодальный удел, волость, которыми государь пожизненно награждал своего вассала.

Когда на Руси образовывались фамилии, у разных общественных групп они появились в разное время. Первыми получили фамилии представители знати. Их фамилии нередко отражали названия их вотчинных владений: Тверской, Вяземский и т. д. Такие фамилии образованы по общеславянской модели с суффиксом -ск. Это же наблюдается и у Пронского.

Данная фамилия могла быть образована и от названия города Пронска. Тот в свою очередь назван по р. Проне, на берегах которой находится. В обоих случаях фамилия подчеркивает связь героя с родной землёй [7, с. 375].

Следует обратить внимание, что речь Пронского в комедии насыщена галлицизмами, но при этом А.А. Шаховской не использует латиницы, из чего можно сделать вывод, что автор высмеивает не прямое использование французского языка, а заимствования – «засорение» русского. Все это противопоставлено «русской» фамилии героя и указывает на чуждость заимствованных французских слов русскому языку.

В качестве основного сюжетного стержня А.А. Шаховской взял типичную ситуацию для сентиментальной повести и драмы – любовь дворянина к крестьянке, но пародировал и снизил её. В тексте комедии отмечается переименование героя по литературным образцам, а также отказ от собственного имени:

Граф: Что слышу я! Её зовут Мелани?

Ипат: Маланья, сударь.

Граф: Какая грубость! Какое невежество! Можно ли так портить самые интересные имена? Послушай, ежели ты осмелишься огрубить слух мой, то я, для чести литературы и сентиментальности, дам тебе почувствовать силу руки моей... <...>

Ипат:<...> Вы мне запретили называть вас графом Пронским, и вот, уже четыре месяца, как выбираете другое имя.

Граф: Это правда, что я до сих пор не могу выбрать имени приличного для сентиментального вояжёра [2, с. 740-741].

Слугу графа Пронского зовут *Ипат*. *Ипат* – разговорная форма имени *Ипатий*. Имя *Ипатий* – греческого происхождения, означает «высочайший» [6, с. 121]. Надо сказать, что *ипат* – это византийский придворный титул, соответствующий латинскому титулу «консул» и первоначально являвшийся лишь калькой с оригинального названия. То есть автор на ономастическом уровне ставит слугу практически на равных со своим господином. И действительно, Пронский влюбился в Маланью, а Ипат в её сестру Домну, если бы они именно таким образом поженились, то граф и слуга стали бы родственниками. Слуга Ипат даже позволяет себе насмешку в адрес графа, когда предлагает ему назваться Балакеревым – шутком русского царя. Но граф Пронский этой насмешки не понимает.

Балакереv – Балакирев Иван Алексеевич, приближённый Петра I, шут при дворе Анны Иоанновны. То есть А.А. Шаховской уподобляет графа Пронского реальному, историческому шуту.

Ипат. Ежели этот Иорик был шут англического короля, так Балакереv был шут русского царя; итак, что вам мешает назваться Балакеревым?

Граф. Балакереv? – Нет, это дурно в ухо звенит [2, с. 741].

Отставной майор, друг отца графа Пронского носит фамилию *Судьбин*. В основе данной фамилии – имя или прозвище *Судьба*, означающее в старину не только участь, предопределение, но и суд, судилище. Фамилия явно искусственная и тесно связана с драматургией Д.И. Фонвизина. Таким образом, А.А. Шаховской наделяет героя смысло-

вой фамилией, ведь герой отправляется решить судьбу графа Пронского, рассудить всё по правилам, вернуть блудного сына домой.

А.А. Шаховской своей комедией «Новый Стерн» высмеивал сентиментализм, его вычурность, а также приверженцев этого литературного направления, в особенности В. Измайлова, П. Шаликова. В совокупности с фактами биографий отдельных личностей, воспроизведением их сентиментальной речевой стилистики ономастика комедии А.А. Шаховского «Новый Стерн» отражает литературную позицию самого автора и является отражением начавшейся идеолого-литературной борьбы шишковистов и карамзинистов.

Литература

1. Арзамас: [Сб. в 2 кн.] / Под общ. ред. В.Э. Вацура. – М., 1994. Из литературного наследия «Арзамаса»: Кн. 1. – Спб., 1994. Кн. 2. – Спб., 1994.
2. Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. / Вступ. статья, подг. текста и прим. А.А. Гозенпуда. – Л. : Советский писатель, 1961. – 830 с.
3. Иванов Д. Творчество А.А. Шаховского-комедиографа: Теория и практика нац. Театра / Д. Иванов. – Tartu: Tartu Ülikoolikirjastus, 2009. – 224 с.
4. Ковалёв Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г.Ф. Ковалёв. – Воронеж : Научная книга, 2014. – 447 с.
5. Северный Вестник. – С-Пб. : Императорская типография, 1804. – № 8.
6. Сулова А.В. О русских именах / А.В. Сулова, А.В. Суперанская. – Л. : Лениздат, 1991. – Изд. 3-е, испр. и доп. – 220 с.
7. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка : [В 4 т.] / М.Р. Фасмер. – М. : Прогресс, 1964-1973.

*Ю.А. Оборотова, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. О.А. Харитонов

НЕОКЛАССИЦИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В науке принято понимать под неоклассицизмом направление преимущественно в архитектуре, а также живописи, музыке и литературе конца XIX-XX веков, которому присуще обращение к традициям искусства. Однако ещё П.Н. Сакулин писал о неоклассицизме применительно к Александровской эпохе, затем М.И. Гиллельсон и Ю.М. Лотман указывали на периодизацию неоклассицизма XVIII-XIX веков. Позже это понятие стали использовать С.А. Кибальник и Ц.-Х. Виттекер.

Термином «неоклассицизм» М.И. Гиллельсон пользовался для характеристики взглядов поэтов, принадлежащих к раннему кружку А.Н. Оленина (В.А. Озеров, В.В. Капнист, И.А. Крылов, А.А. Шаховской, С.Н. Марин), а также участвовавших в деятельности позднего кружка (Н.И. Гнедич) и ставших членами «Арзамаса» (К.Н. Батюшков, С.С. Уваров, Д.Н. Блудов, Д.В. Дашков). По его мнению, неоклассицизм – это литературное направление, в котором сентиментальные и предромантические веяния уживались с идеалом античного искусства [5, URL].

Со временем неоклассицизм развивается, находит своё отражение в творчестве многих литераторов, и на основе анализа их произведений уже можно выделить черты и задачи этого литературно-эстетического явления, а именно: реформирование системы

стихосложения, развитие принципов перевода, формирование системы жанров и ряд других вопросов, которые были отражены в теории неоклассицизма.

Неоклассицисты стремились воссоздать «истинную» античность. Они считали, что любое произведение нужно понять «изнутри», как бы взглянуть на него глазами автора и его первых читателей. Для этого деятели русского неоклассицизма обращались к историческим, этнографическим, культурологическим, археологическим источникам. «Исторический взгляд на греческую культуру делал античные произведения не абсолютным, а конкретно-историческим идеалом, поэтому подражание грекам получило иной смысл: в восприятии античного искусства на первый план вышла не его нормативность, а свобода, обусловленность правил, которые позже станут каноном, реальной жизнью народа. У греков теперь хотят научиться оригинальности» [5, URL].

На русский неоклассицизм оказали влияние немецкие мыслители конца XVIII века И.И. Винкельман и И.Г. Гердер. Первый – выдающийся теоретик искусства, крупнейший знаток античности своего времени. Благодаря Винкельману произошло изменение взглядов на античность не только в Германии, но и в Европе в целом. Винкельман предлагал смотреть на греческую культуру «глазами грека», что требовало знаний античной культуры. Учёный считал, что искусство Греции совершенно, оно эталон для всех последующих эпох, для всех народов, поскольку формировалось в благоприятных климатических условиях физически идеальными людьми, при наличии гражданских свобод. Винкельман указывал на то, что невозможно создать оригинальное произведение, не уподобляясь грекам, однако он призывал не слепо копировать античное искусство, а проникнуться его «духом».

И.Г. Гердер говорил о том, что «каждый народ, каждое искусство и каждая наука – и все вообще на свете – имеет свой период роста, расцвета и упадка, каждое из этих изменений длилось лишь тот минимум времени, который был отпущен ему колесом судьбы; наконец, на свете не бывает двух одинаковых мгновений, и следовательно, египтяне, римляне и греки не оставались одинаковыми во все времена» [3, URL]. Важное значение античности (а также любой другой эпохи) И.Г. Гердер видит не в её универсальности, а в индивидуальных особенностях, которые обусловлены неповторимостью того времени. Любая культура представляет ценность для будущих поколений, но она не может служить образцом для подражания, потому что тогда не станут создаваться оригинальные произведения. Следует отметить, что для И.Г. Гердера было очень важно понятие «духа времени», которое означало уникальность той эпохи. И.Г. Гердер призывает литераторов стать для своего народа тем, кем в свою очередь стал для своего народа Гомер. И.Г. Гердер увидел схожесть античных произведений и греческого фольклора, поэтому его стала интересовать этническая литература, он стал собирать и переводить лирические песни разных народов.

Русские неоклассицисты последовали примеру немецкого теоретика: Н.А. Львов в своей комической опере «Ямщики на подставе» использует фольклорные мотивы, А.Ф. Мерзляков пишет песни, сходные с народными, Н.И. Гнедич переводит современные греческие песни, которые, по его мнению, схожи с русскими лирическими песнями, А.Н. Радищев указывает на то, что фольклорные стихотворения являются отражением народной жизни, крепостной музыкант Д. Кашин собирает фольклорные произведения. В.А. Жуковский в своих балладах и сказках стремится создать народный дух.

С.А. Кибальник даёт такое определение неоклассицизму: «существенный эстетический принцип русской культуры конца XVIII – начала XIX века» [4, с.10]. Также он указывает на то, что русский неоклассицизм берёт своё начало в кружке Н.А. Львова: «творчество поэтов кружка Н.А. Львова демонстрирует расширение ритмических возможностей русской системы стихосложения за счёт фольклорных размеров, интерес к

отечественной истории и народной поэзии, отдельные попытки найти при переводе иноязычных произведений форму, соответствующую подлиннику» [5, URL].

Большое значение поэты-новаторы придавали античным формам стихосложения, проявляя при этом интерес к вопросу литературной стилизации фольклорных жанров, прежде всего – народной песни. Многие русские поэты конца XVIII – начала XIX века старались творчески подойти к фольклорным стиховым формам, что было связано с предромантической направленностью постижения национальной старины, которая проявилась на Западе, в особенности в Германии, где ярким пропагандистом народной поэзии выступил И.Г. Гердер. Как и разработка античного стиха, обращение к фольклорным формам способствовало освобождению немецкой поэзии от стилистических стереотипов французского классицизма. Идеи «народности» и «первобытной поэзии» И.Г. Гердера были признаны и развиты поэтами геттингенской школы. Схожие стремления различимы и на русской литературной почве. При этом в качестве отличительной черты «народного размера», «русского склада» выдвигался безрифменный хорей с дактилическими окончаниями. Поэтому можно говорить о том, что популярность приобретает идея о социальном, историческом, географическом дифференцизме культуры, необходимости воссоздания «духа эпохи» в формах, которые соответствуют её художественной традиции.

Ц.-Х. Виттекер в своей книге «Граф Сергей Семёнович Уваров и его время» понимает под неоклассицизмом своеобразный литературный Ренессанс, золотую середину между крайностями классициста Шишкова и сентименталиста Карамзина. Очень важна для понимания этого явления его мысль о том, что «греческая модель подразумевала свободу от жёстких и надуманных правил и поддерживала всякую любовь к природному и народному. Неоклассицизм становится общей платформой многих литературных течений» [1, с.40].

Таким образом, исследовав теоретические труды ряда учёных и кратко рассмотрев творчество некоторых литераторов конца XVIII века, можно сделать вывод о том, что представляет собой неоклассицизм.

Итак, неоклассицизм – это переходное литературно-эстетическое явление конца XVIII – начала XIX веков, провозглашающее новое, отличное от классицистического, понимание античности, воссоздание её «духа», помогающее формированию принципов историзма и народности в русской литературе.

Литература

1. Виттекер Ц.-Х. Граф Сергей Семёнович Уваров и его время / Ц.-Х. Виттекер. – СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. – С. 40.
2. Гердер И.Г. Избранные сочинения / И.Г. Гердер. – М.-Л., 1959. – 392 с.
3. Жирмунская Н.А. Историко-философская концепция И.Г. Гердера и историзм Просвещения / Н.А. Жирмунская // URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-ger/zhirmunskaya-koncepciya-gerdera.htm>.
4. Кибальник С.А. Неоклассицизм в русской лирике / С.А. Кибальник // На путях к романтизму: Сб. науч. трудов. Л. : Наука, 1984. – С.10
5. Кузьмина Е.И. Неоклассицизм как литературно-эстетическое явление рубежа XVIII – XIX веков / Е.И. Кузьмина // URL: <http://www.dissercat.com/content/neoklassitsizm-kak-literaturno-esteticheskoe-yavlenie-rubezha-xviii-xix-vekov>

*М.В. Сапрыкина, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – канд. филол. н. Н.Д. Есикова*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «СТЕПА»

Рассказ И.А. Бунина « Степа » начинается с пейзажной зарисовки в романтическом духе: вечер, ливень с грозой, дорога, бунтарская сила природы – все эти образы помогают раскрыть характер главного героя произведения – молодого купца Красильщикова. Костюм героя, его мужицкий наряд « работает » на развитие образа простого купца: « Он, в чуйке с поднятым воротом и глубоко надвинутым картузе... » [1, URL]. Однако бегущая рядом с ним собака – « коричневым пойнтер » – дает нам основание предположить, что перед нами не просто купец.

« Красильщиков рос и учился в Москве, кончил там университет » [1, URL], – говорит о своем герое Бунин, рисуя образ богатого интеллигента. Это подчеркнуто и тем фактом, что Красильщиков по своему обыкновению « приезжал летом в свою тульскую усадьбу, похожую на богатую дачу » [1, URL]. Это было место его летнего отдыха, где, однако, хозяйскими делами он не занимался. А тот образ мужика в чуйке, простого купца, Красильщиков любил лишь примерять как одежду: он « любил чувствовать себя помещиком-купцом, вышедшим из мужиков, пил лафит и курил из золотого портсигара, а носил смазные сапоги, косоворотку... » [1, URL]. Народное / купеческое в герое является наигранным и ненастоящим, он пытается играть « в народ », образ простого купца в смазных сапогах – дань моде времени, заложенной ещё революционерами-народниками.

Красильщиков любил « свою роль » простого мужика, вжился в неё.

Сопровождающие героя образы бушующей стихии, ливня, грозы наполнены мифологическим подтекстом, с одной стороны, вводят аллюзии на образ богатыря, с другой – выступают психологическими маркерами: Красильщиков – любитель острых ощущений, риска, поэтому « гонит » лошадь в грозу, он скачет верхом, ничего не боясь, властвуя над этим миром. Другим образом, наполненным мифопоэтическим содержанием в бунинском рассказе, является дорога. Дорога как символ имеет текстовую коннотацию « путь-дорога », своеобразие жизненного выбора, но, помимо этого, традиционного, заложенного ещё в фольклоре прочтения, можно выделить и другой – опасность.

Мифологический пласт рассказа связан и с библейским образом потопа, связанный в Библии с грехом: « Ни окрестных полей, ни неба уже давно не было видно за этим **потопом**, пахнувшим огуречной свежестью и **фосфором** » [1, URL]. Значимым становится упоминание в тексте фосфора, подчеркивающим связь героя с демоническими силами. Образ потопа напрямую связан с мотивом апокалипсиса: « Перед глазами то и дело, точно **знамение конца мира**, ослепляющим рубиновым огнем извилисто жгла сверху вниз по великой стене туч резкая, ветвистая молния, а над головой с треском летел шипящий хвост, разрывавшийся вслед затем необыкновенными по своей сокрушающей силе ударами » [1, URL]. Библейские аллюзии, образы конца света и сближение с бесовщиной, нечистой силой сопровождают образ Красильщикова на всём протяжении рассказа, помогая создавать и вырисовывать его образ, загадочный, опасный, демонический.

В тексте рассказа возникает противопоставление: одно лето жизни героя противопоставляется им же самим в своих воспоминаниях лету другому, прошлого года. Чем же было знаменательно прошлое лето для героя? Его связью « с одной известной актрисой », из-за которой он « промучился в Москве до самого июля » [1, URL]. Упоминания о

каких-то чувствах к этой женщине не дается, тем самым подчеркивается порочность и изменчивость их отношений. Однако эта актриса могла дать возможность герою быть вхожим в мир художественной богемы. Эта женщина была актрисой и в жизни: она отличалась наигранностью, говорила «задыхающимся голосом» о своей слабости, болезненной усталости, пытаясь создать образ рафинированной, тонкой, вдохновенной барышни, являясь при этом фальшивой актрисой, жившей богатой жизнью ничем не обремененного человека, играющей чувствами других. Таких женщин знал и любил герой, причём здесь речь скорее не о любви, а о ещё одной роли Красильщикова – роли тонкого интеллигента и ценителя высокого и изящного. Герой как бы пытается играть сразу несколько социальных ролей: в столице – одну (просвещенного интеллектуала, интеллигента), в провинции – абсолютно другую (простака купца).

Конечной точкой грозового путешествия Красильщикова становится постоянный двор старика-вдовца, мещанина Пронина. В мире простых, «маленьких» людей герой чувствует свое превосходство, это подчеркнуто тем, что в чужом доме он распоряжается сам, чувствуя себя хозяином этого мира: «замотал на щиток вожжи, поднялся на крыльцо вслед за вскочившей туда грязной и мокрой собакой» [1, URL]. Автор неоднократно подчеркивает, что Красильщиков совершает выбор – он может ехать дальше, когда понимает, что Пронина нет дома, но принимает решение остаться: «Вечерний воздух был неподвижен и сыр, с разных сторон бодро били вдаль перепела в отягченных влагой хлебах, дождь перестал, но **надвигалась ночь**, небо и земля **угрюмо темнели**, за шоссе, за низкой **чернильной** грядой леса, еще гуще и **мрачней чернела туча**, широко и **зловеще** вспыхивало **красное пламя** – и Красильщиков шагнул в сенцы» [1, URL]. Страшит героя не ливень, а наступающая ночь, ассоциирующаяся со временем разгула нечистой силы, будто он чувствовал то демоническое, что просыпается в нем с приходом темноты, и чего он сам в себе боялся. К нему вышла робкая, необразованная девочка Степа, детскость и наивность которой автор неоднократно, настойчиво подчеркивает: у нее «полудетский голосок», детскость героини актуализирована и семейной малости. Создавая ее портрет, Бунин активно использует слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «личико», «шейка», «маленькие груди под желтеньким ситцевым платьем», «она была чуть не вдвое меньше его ростом и казалась совсем девочкой» [1, URL]. Уже не ребенок, но еще не взрослая женщина. Она натура певучая, вышедшая из народной среды. Степа его сразу узнала: либо он очень часто бывал у них, либо он ей дорог.

«Красильщиков чиркнул спичкой, осветил ее черные глаза и смуглое личико:

– Здравствуй, дурочка. Я тоже еду в город, да, вишь, что делается, заехал переждать... А ты, значит, думала, разбойники подъехали?» [1, URL] – не зная ее имени, насмехаясь, говорит Красильщиков. Сравним обращения героев к друг другу: она – «Василь Ликсеич», уважительно и по-доброму, он – «дурочка», пренебрежительно и высокомерно. Красильщиков не запомнил имя Степы, потому что не запомнил и ее, этот маленький во всех смыслах человек ему чужд, не привлекает его внимание.

«– Я сейчас лампу зажгу, – поспешно заговорила она» [1, URL], пытаясь разогнать ночь и угодить дорогому гостю Красильщикову, в котором теперь сквозило что-то животное, звериное, хищное: взгляд его становится «зорким», как у птицы. Он рассматривал ее, как бы оценивая, годна ли она ему или нет. И Степа становится ему явно интересна. Нервное возбуждение, ночь превращают Красильщикова в разбойника: «Он притянул ее к себе, – она не вырывалась, только дико и удивленно откинула голову назад. Он сверху, прямо и твердо заглянул сквозь сумрак в глаза ей и засмеялся...» [1, URL]. Герой, воспользовавшись наивностью и простодушием Степы, моментом – отсутствием отца – и страхом «ребёнка» перед грозой, теперь подсмеивается и над ней и над ее старым отцом...

Но герой не спит, потому что совесть у него нечистая, он чувствует, что совершил грех, и вместе со светом, «белеющим за окном востоком», он видит в углу комнаты «образ угодника в церковном облачении, его поднятую благословляющую руку и непреклонно грозный взгляд» [1, URL]. В момент душевного раскаяния она перестаёт быть для него дурочкой, становится «милой и жалкой девчонкой...» [1, URL]. Герои разнятся не только тем, что они принадлежат к разным социальным мирам, но и глубиной переживания: то, что для него – минутная вспышка, подобно удару молнии, мгновенное развлечение, для нее – вся жизнь.

Параллельно с образом бесхитростной, искренней Степы, вспоминается образ столичной лицемерной актрисы, для которой Красильщиков был рабом. Но Красильщиков и сам такой актёр – лживый, обманной, как и известная актриса, разбившая ему сердце. И чтобы не слушать плач девочки и спокойно уехать, он готов обмануть снова: «– Замолчи, – строго сказал Красильщиков. – На днях приеду к твоему отцу и скажу, что женюсь на тебе. Слышала?» [1, URL].

Красильщиков обманул, посмеялся и растоптал чувства юной простой девочки и ее судьбу, он совершенно не ценит и не умеет ценить чистоту и искренность, его стремление к народу – лишь внешнее, напускное и обманное. Он возвращается в свою жизнь, к обманывающей его актрисе, жизни, где все лицемерно и фальшиво, как и он сам.

Литература

1. И.А. Бунин. Степа / И.А. Бунин // URL: <http://bunin.niv.ru/bunin/rasskaz/temnye-allei/stepa.htm>.

*Мэн Сяньюе, студ. кафедры русского языка
для иностранных учащихся основных факультетов
ИМО ВГУ (Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., ст. преп. Е.Е. Орехова*

АНАЛИЗ ОБРАЗА ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СРАВНЕНИЕ ЦЗЯ БАОЮЯ С ЕВГЕНИЕМ ОНЕГИНЫМ

Всем известно, что образ «лишнего человека» играет важную роль в истории русской литературы. Евгений Онегин является первым определённым образом этого типа. Но такой образ нельзя назвать явлением исключительно русской литературы. Цзя Баоюй – герой романа «Сон в красном тереме», который считается одним из самых известных романов Китая. Его первые 80 глав принадлежат перу Цао Сюэциня. Незадолго до смерти писателя издатель Гао Э со своим помощником опубликовал ещё сорок глав, завершив сюжетную линию романа.

Кто такие Евгений Онегин и Цзя Баоюй? Один живёт в России XIX века, другой – в Китае XVIII века. Разные страны, разные эпохи, но явная связь между характерами.

1. Дворянское происхождение и мятежность

Оба героя – дворяне по рождению. Они сибаритствуют. В романе «Сон в красном тереме» таких называют «праздный человек богатства».

Цзя Баоюй живёт среди роскошного сада. Каждый день он «читал книги, писал, занимался музыкой, играл в шахматы, рисовал, декламировал стихи, собирал цветы, пел, гадал на иероглифах, разгадывал загадки и даже вышивал по шелку луаней и фениксов». Его рассеянная жизнь не уступает жизни Онегина. Он считает, что «не нужно слушать

мирские слова, не нужно думать о мирских делах. Надо только наслаждаться богатством».

В то же время оба героя отличаются от золотой молодёжи тем, что более или менее проявляют тяготение к отрицанию аристократии. Это важная примета «лишнего человека».

Для Онегина это тяготение выражается в том, что ему надоела жизнь великосветского общества. Красавицы, театры и балы – всё, что раньше занимало большое место в его жизни, теперь не может увлечь его: «тому уж нет очарований», «измены утомить успели». Он хотел создать новые области в своей жизни: читал и пробовал писать, даже реформировал жизнь крестьян в своём поместье. Его действия являются отражением прогрессивных веяний того времени.

Цзя Баоюй совершенно не соответствует аристократии в некоторых аспектах. Он не хочет изучать «четыре книги и пять канонов» для багувэня. Его также не интересует карьера. Хотя он аристократ по рождению, он не обращает внимания на систему сословий. Он сочувствует трудовому народу. Кроме того, он очень заботится о судьбе женщины и не согласен с традиционной дискриминацией.

2. Слабость, пустота

Мятежные склонности, которые проявляют Онегин и Цзя Баоюй, – только зачатки мятежности. Когда герои пытаются реализовать свои теории, они оказываются беспомощны и отступают. Много предубеждений и рутинных правил, которые объясняются происхождением и воспитанием, глубоко влияют на них.

У Онегина много хороших планов, но он скоро поступается ими. Он стремится к искренней любви. Но когда Татьяна объяснилась ему, он жестоко отказал ей. На самом деле он ещё смотрит на Татьяну светским взглядом аристократа. Он считает, что истинной любви не существует в мире. Он не может понять настоящую ценность этой любви. Он даже не верит, что сам может освободиться от светских пороков.

Это слабость более полно проявляется в действиях Цзя Баоюя. Перед родителями-феодалами он всегда бесхарактерный и никчемный. Когда служанка говорит: «барин зовёт вас», для него это как удар грома. В вопросе брака он покорился семье и женился на Сюэ Баочай, а потом ушёл от мира. Он поставил крест на любви, которой жаждал всю жизнь. Цао Сюэцин в романе писал: «Среди бесполезных он главный во всей Поднебесной, Из чад нерадивых сейчас, как и прежде, он – первый!»

3. Бесцельность

Кроме того, что у обоих «лишних людей» много слабостей, они не знают, что им нужно. Сущность проблемы и состоит в том, что у «лишнего человека» вообще нет идеала. Как говорит Н. А. Добролюбов, они не видят цели в жизни и не находят себе приличной деятельности. Оба ясно видят бесцельность своих жизней. Сознание этого беспокоит и угнетает их.

Сначала Цзя Баоюй хотел найти чистую землю души в чистоте и красоте девушек. Любовь – ставка и надежда его жизни, и уход от мира отражает его разочарование в любви. Это разочарование похоже на то, как Онегин относится к настоящей любви. Хотя конкретные обстоятельства не одинаковы, сущность та же: они узнали, что любовь не основная пища души.

4. Различия в образах «лишнего человека» между двумя культурами

Русский «лишний человек» имеет склонность к рефлексии и исследованию. Европейское просветительство и французская буржуазная революция стимулировали мышления русских. В то время было подавлено восстание декабристов, а его лидеры были казнены. Царь проводил политику репрессий. В эту эпоху молодые аристократы, у которых не исчезла совесть, хотят уйти из этой среды, как Онегин. Но так как он глубоко-

ко поддается влиянию своего класса, он не может активно противостоять этому обществу. Такие люди не имеют надежды на будущее, поэтому они становятся «лишними».

Середина XVIII века в Китае – расцвет династии Цин. С одной стороны, правительство загнивало, многие противоречия обострялись, с другой стороны, господствующий класс всё ещё имел сильную власть. В области политики, культуры, экономики он ещё сохранял лидирующее положение. Новая буржуазия еще не возникла. Дом Жунго, где живёт Цзя Баоюй, является обществом того времени в миниатюре. В этом семействе задушили настоящую любовь и всё прекрасное. Хозяева защищают свои интересы безнравственными средствами. В такой обстановке Цзя Баоюй стал сомневаться в некоторых устоях своего класса. Но его сфера жизни значительно меньше, чем сфера жизни Онегина. Он был ограничен в свободе, даже не мог осознать реальность. Поэтому трагедия Цзя Баоюя горестнее, чем драма Онегина. У него нет ни малейшего шанса что-либо изменить.

Онегин и Цзя Баоюй – литературные персонажи, которые являются аристократическими представителями народного духа. Они имеют признаки единичности культуры своего народа и в то же время имеют черты всеобщности «лишнего человека». Хотя они не могут прямо влиять на общество и даже не могут правильно строить свою жизнь, их считают необходимыми, потому что они символизируют рефлексии и совесть того периода. Если бы не было такого типа, это было бы национальным несовершенством и поводом для сожаления.

*В.С. Отяковский, студ. института
«Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций»
СПбГУ (Санкт-Петербург)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Н.С. Цветова*

ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ КРИТИКИ М. ВОЛОШИНА В ЖУРНАЛЕ «ВЕСЫ»

Публицистика поэта, художника и блестящего критика Максимилиана Волошина привлекает внимание исследователей значительно реже его стихов, хотя своим современникам он был известен как публицист, размышлявший над проблемами разных видов искусства. На наш взгляд, большой интерес представляет, во-первых, совокупность объектов культуры, которые Волошин-критик актуализировал в своих статьях, а во-вторых, специфика функционирования в его текстах дискурсов, связанных с разными сферами искусства. Объектом нашего исследования являются ранние художественно-критические статьи М. Волошина, предметом – их интермедиальная составляющая.

Наша аналитическая методика создана на платформе активно разрабатываемой сейчас теории интермедиальности, изучающей взаимодействие и взаимопроникновение разных видов медиа, в том числе разных видов искусств. Инструментарий теории интермедиальности формируется на стыке нескольких филологических дисциплин. При создании аналитического алгоритма для арт-журналистских текстов Волошина мы используем методы интертекстуального анализа, значительное внимание обращаем на функционирование экфрасиса.

Основы теории интермедиальности были заложены О. А. Ханзенем-Лёве. В соответствии с предложенной им типологией интермедиальных корреляций наш инструментарий может быть отнесен к «переносу дескриптивных и дискурсивно-абстрактных мотивов» [3, с. 41].

Для определения эмпирической базы исследования нами была разработана периодизация публицистического творчества Волошина. Исследование посвящено второму периоду, когда поэт получает парижское образование, входит в круг символистов и возвращается к публицистике после двухлетнего перерыва. Вместе с Валерием Брюсовым Волошин издает журнал «Весы», первый номер которого открывается его программной статьёй «Скелет живописи». Хотя статьи для «Весов» не являются количественной доминантой этого периода, их можно назвать доминантой смыслообразующей. Эмпирической базой исследования служат 18 статей для журнала «Весы», написанные в 1904-1907 годах.

Подавляющее большинство проанализированных текстов посвящено живописи или новым книгам о живописи. В этом отличие от первого периода, когда доминировала литературная критика. Другое важное отличие – углубление эрудиции, демонстрируемой автором: он уверенно рассуждает о средневековом и античном искусстве, чего не было в ранних статьях. Его восприятие истории субъективируется: он последовательно критикует искусство Возрождения, отдавая предпочтение средневековой готике. Если в произведении современного художника он находит готические мотивы, это становится основанием для высокой оценки.

В литературе Волошин остался как «русский француз», популяризатор нового французского искусства. Это применимо к рассматриваемой группе текстов. Если в первом периоде доминировала немецкая культура, то здесь немцам не посвящено ни одной работы. Ключевая для ранней публицистики Волошина фигура Гергардта Гауптмана, которому в 1900-1901 годах публицист посвятил две статьи, а также упоминал в ряде других текстов, лишь единожды появляется в статьях для «Весов». Волошин пишет о художниках из разных стран: не только России и Франции, но и Америки, Италии, Испании, Польши, Бельгии. Кажется парадоксальным, что в широкой географии своей критики ни одной публикации Волошин не посвящает японской культуре, хотя именно её он считал толчком для развития нового искусства. Это объяснимо, если принять предложенное публицистом понятие не «французского», а «парижского» искусства, то есть столичного искусства, развиваемого иностранцами, которые пишут на французском и выставляются в парижских галереях. Тринадцать статей Волошина посвящены парижской художественной жизни и лишь четыре – о российской культуре. Одна статья посвящена американцу Д. Лондону.

Другая заинтересовавшая нас проблема связана со спецификой способов передачи разных видов искусств в журналистском тексте. Анализируя статьи этого периода, сложно говорить о разнообразии интертекстуальных приёмов в литературной критике, так как традиционных литературно-критических текстов здесь нет: публицист либо пишет о нехудожественных изданиях, либо сравнивает переводы. В первый период творчества Волошин демонстрирует множество вариантов работы с предтекстом, и здесь к наработанным техникам добавляется только одна – конспект нехудожественной книги, передающий основные авторские идеи.

Зато регулярно Волошин прибегает к экфрасису в классическом понимании этого слова, то есть к описанию произведения живописи. Не слишком подробные, сконцентрированные в одной части текста, экфрасические описания нанизываются одно на другое, создавая галерею образов. Ряды экфрасисов сопровождаются аналитическим комментарием, что создаёт общее представление о художнике или выставке.

В единственном за этот период тексте о скульптуре есть два небольших по объёму описательных фрагмента. Эти экфрасисы не имеют существенных отличий от живописных. Хотя если в картине задний фон присутствует и описывается, в скульптуре его

роль играет само пространство, в котором находится произведение: «Точно художник лепил не формы, а только воздух, обволакивающий их» [1, с. 491].

Также Волошин обратился к не столь распространённому жанру хореографического экфрасиса в материале об Айседоре Дункан. Это описание выстроено сложно и его анализу мы бы хотели посвятить отдельное исследование, но стоит сказать, что автор сравнивает её танец с другими видами искусств, скульптурой и живописью. На наш взгляд, в этом приеме видно одно из ключевых стремлений символизма – стремление к синтезу искусств. Оно было интуитивно нащупано Волошиным ещё в первый период, когда он не был интегрирован в символистскую борьбу за новое искусство. Тогда он проводил параллели, например, между «Божественной комедией» и готическим собором, полагая естественными такие метафоры. Эти сравнения не исчезают у Волошина и позже: «Выставки этюдов – это <...> синематограф из окна вагона» [1, с. 30]. Но теперь Волошин-критик осознаёт, что синтез искусств – дискуссионный вопрос. Несмотря на признание тенденции к сближению разных видов искусств, он призывает помнить о различиях взгляда у художника и поэта.

Заявляя об этом ещё в «Скелете живописи», публицист неоднократно повторяет эту мысль в разных формах: живопись имеет дело с подсознательными ощущениями, их рационализация нарушает самый эффект живописи. Литературная же деятельность, вообще словесная – рациональна по своей сути.

Возникает парадоксальная ситуация. Волошин стремится облечь иные виды искусств в словесную форму, заявляя при этом: «Мысль, выраженная в картине, не может быть переведена на слова» [1, с. 7]. Отсюда схематичность волошинских экфрасисов, попытка создать галерею образов, а не передать ощущение от одного произведения. Отсюда и постоянное обращение к крайне эрудированному читателю: критик транслирует лишь рациональную часть впечатлений от описываемых им произведений искусства, понимая, что главное в них непередаваемо.

Исследователи экфрасиса в поэзии Волошина пишут об «интерполяции аппарата изобразительного искусства в словесное творчество, прежде всего благодаря использованию поэтом приёмов импрессионистской живописи» [2, с. 39]. Вполне естественна попытка поэта, владеющего кистью, использовать свой опыт живописца в стихах. При этом упомянутые характеристики (специфичная лексика и подражание внешним формам) вполне можно отнести к «рациональному» в живописи.

Волошин-поэт если и противоречит Волошину-публицисту, то только в самом факте «сдвига» живописи в область поэзии. Общий теоретический посыл неизменен: словесное творчество тяготеет к рациональному за невозможностью оперировать бессознательным. Нам представляется, что трансформация именно этой идеи в будущем и приведёт Волошина в лагерь сторонников аполлонического искусства.

Литература

1. Волошин М. . Собрание сочинений / М. Волошин. – Т. 5. – М., 2007.
2. Генералюк Л. Архитектурные экфразисы и цветосветовая символика тропов (К проблеме взаимодействия поэзии и живописи в творчестве М. Волошина) / Л. Генералюк // Материалы Международных научно-практических конференций XII, XIII, XIV Волошинских Чтений. – Ч. I. XIV Волошинские чтения. Международная научно-практическая конференция «Всё видеть, всё понять, всё знать, всё пережить...» – Симферополь, 2007. – С. 29-39.
3. Ханзен-Лёв, О. Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду / О. Ханзен-Лёве. – М. : РГГУ, 2016.

*В.Ю. Шевченко, студ. гуманитарного ф-та
ВГПУ (Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. М.А. Слинько*

СВОЕОБРАЗИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТЕЙ В РАССКАЗЕ Б. ПОДГАЙНОГО «ШУДРА ДУ»

Человек волей или неволей пытается осмыслить свою жизнь, то, что в ней происходит, и пытается найти свое место в обществе. Так или иначе мы анализируем то, что происходит с нами изо дня в день, то есть нашу повседневность, но буднично мы не задумываемся именно об этом феномене. Но можно выделить основные сферы жизни человека, с помощью которых можно дать полный анализ происходящему: профессиональный труд, деятельность в рамках быта и сфера отдыха. Таким образом, сущность повседневности заключается в деятельности человека, а ее целостность можно понять лишь через призму анализа деятельности, потребности, сознания и способности. Б.В. Марков трактует повседневность следующим образом: «Слово “повседневность” обозначает само собой разумеющуюся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономию в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству» [2, с. 291]. Также Б.В. Марков подчеркивает, что повседневность – это привычки, стереотипы, правила, мышление и переживания людей, но также и их поведение, деятельность, регулируемая нормами и социальными институтами [2, с. 129–130]. Но с другой стороны, обыденность разрушает сложившиеся нормы, правила и устои, подчиняя их себе и обстоятельствам, возникающим в процессе «проживания» повседневности.

В рассказе Бориса Подгайного «ШУДРА ДУ» читатель знакомится с двумя видами повседневности жизни Семенова: реальной и фантастической. Каждая из них представляет собой своеобразную законченную жизнь героя в двух особых измерениях. Они соединяются воедино, что создает полную картину жизни человека до смерти и после нее. Но также они и противопоставляются, как противопоставляются «дневное сознание» и сон как смутное сознание внутреннего мира человека.

Рассмотрим «реальную» повседневность главного героя рассказа Б. Подгайного «ШУДРА ДУ». Она не представлена в полном объеме: читатель видит лишь обстоятельства, связанные с переездом Семенова и его семьи в Караир (разговор с директором на работе и сам день отъезда). Мы не поймем домашний быт этой семьи, причин для доверительного отношения к друзьям, что позволило с такой легкостью принять решение об отъезде. Возможно, авторский замысел и заключался в том, чтобы показать нам не обычные события, которые происходят ежедневно с героем, а нечто новое, неизведанное и непознанное.

А. Шюц считает, что «жизненный мир» представляет собой «определенный сектор вселенной, состоящий из прошлого и настоящего опыта и знаний об обыденных вещах и явлениях, о вещах, которые не включены еще в поле актуального опыта, но потенциально доступны и могут быть познаны» [3, с. 129]. Б. Подгайный в «реальной» повседневности персонажа не демонстрирует осмысления прошлого героя, какую-либо историю развития или становления его характера, личности, а лишь показывает Семенова в моменты «здесь и сейчас». В рассказе при описании данного вида повседневности возникает следующая ассоциация: день отъезда = игра актера: «День всячески демонстрировал свою никудышность, давил на жалость и выжимал слезу, нелепо и позорно, как бездарный актеришка, переигрывая. Весь день от этого Семенов морщился, покрикивая

на детей, не обращающих на эту фальшь никакого внимания» [1, с. 150]. Такое сравнение одного дня из жизни героя с фальшью, «черт-те чем» [1, с. 151] ставит перед нами вопрос: а действительно ли эти несколько суток перед отъездом в Караир происходят с героями или же это все – некая фальшь?..

Также читатель не имеет представления о том, в каком именно городе живет Семенов со своей семьей до отъезда. Но у «фантастической» повседневности есть определенный локус – загадочный Караир. Пусть мы и не узнаем, где именно находится этот город, но номинация у него все же есть. Таким образом, в перемещениях героя имеются две точки: 1) неизвестный город и 2) город Караир. Отсюда вытекает следующий вопрос: какой же локус *реально* существует, а какой является лишь вымышленным?..

Сквозь две повседневности проходит мысль Семенова о назначении его поездки в Караир. Он разговаривает с директором о его будущей *деятельности* в городе: «Русскому языку учить местных желающих... Привлекает, видимо. Хотят быть на уровне, они там динамично развиваются» [1, с. 149–150]. Однако в разговоре с директором о причинах отъезда обсуждается возможность повышения материального благосостояния семьи, на это намекают и друзья, живущие в иной повседневности: «И деньги приличные обещают? – Довольно. – Семенов почувствовал, что краснеет, и стал торопиться. – И жене будет работа, а дети в русской школе, при нас... Я не один еду, с друзьями, они, в общем, все и устроили...» [1, с. 150]. Герой четко поставил перед собой цель еще в «реальной» повседневности, но она не находит своего воплощения. В «фантастической» повседневности Юрий лишь путешествует по городу, пытаясь выявить его специфику, колорит и не занимается никакой деятельностью. То есть он из сферы деятельности перешел в сферу бездеятельности, что вполне ассоциируется с понятиями жизни и смерти.

Человек воспроизводит повседневность по привычке в стабильных ситуациях. Но в рассказе читатель наблюдает своеобразную «нестабильность», возникающую в связи со сменой локации героями, что полностью меняет жизнь Семенова и всей его семьи. В момент отъезда и начинает свое действие «фантастическая» повседневность. Главный герой не воспринимает нравы и обычаи другого города как вполне естественные вещи, а лишь идет против этой устоявшейся «системы», хоть и не открыто. Юрий Семенов не проходит процесса «оповседневнивания», под которым М. Вебер понимает процесс обживания, обучения, освоения и закрепления традиций. Он ведь так и не прочитал «пособие “ШУДРА ДУ”», которое проясняет всем приезжим специфику данной местности, их обычаи и нормы. Эта «фантастическая» обыденность не является для главного героя той повседневностью, в которой он мог бы жить. Но если «реальную» повседневность он уже покинул и не принимает новую, «фантастическую», то в какой же повседневности он все-таки существует?..

Но «фантастическая» повседневность проявляется и в жизни других персонажей. Для Михи, соседа Семенова по дому, нормальным является «проповедовать» ту философию, тот образ жизни, которые приняты в Караире, помогая Семенову разобраться в этой системе. Именно он говорит главному герою о том, что «тут каждый свое дело знает» [1, с. 173]. А Аристарх Платонович и Ирина Кондратьевна в Караире занимаются именно тем, что встречают приезжающих и помогают им в первое время пребывания в городе. Они являются проводниками между двумя, и даже тремя повседневностями, подталкивая людей «принимать» их сторону.

У каждого человека есть та дань, которую ему приходится платить повседневности. Главный герой теряет все, что ему дорого (семью, друзей, жизнь). Но в рассказе он дважды теряет свою жизнь: в первый раз он это осознает, когда видит свою учительницу начальных классов, которая уже умерла в «реальной» повседневности на данный момент существования героя. А второй раз Юрий умирает в тот момент, когда видит «изогнув-

шея в броске упругое тело, раздвоенный трепещущий язык и жадный оскал истекающих ядом клыков» [1, с. 185]. В данный момент возникает объединение «фантастической» повседневности с третьей повседневностью, о которой мы можем только догадываться. Но вопрос о том, какая же повседневность является истинной, а какая – иллюзорной, остается для нас открытым.

Литература

1. Подгайный Б. Двенадцать историй / Б. Подгайный. – Воронеж, 2014. – 239 с.
2. Марков Б.В. Храм и рынок. Человек в пространстве культуры. – СПб., 1999.
3. Щюц А. Структура повседнежного мышления / А. Щюц // СоцИс. – 1998. - №2. – с. 129

*Э.К. Тамулайтите, студ. гуманитарного ф-та
ВГПУ (Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Г.А. Шпилева*

«МОЙ ГАМЛЕТ» В.С. ВЫСОЦКОГО КАК РОЛЕВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Многие лирические произведения В.С. Высоцкого относятся к так называемой ролевой лирике, сущность которой, по словам Б.О. Кормана, заключается в том, что автор «выступает не от своего лица, а от лица разных героев» [3, с. 165]. В своей работе «Лирика Н.А. Некрасова» исследователь выделяет следующие лирические субъекты: автор-повествователь, собственно автор, лирический герой и герой ролевой лирики. Прежде всего мы бы хотели обратить внимание на героя ролевой лирики, который принципиально отличается от автора и лишь косвенно может выражать авторскую точку зрения. Данный тип героя занимает значительное место в поэтических трудах Высоцкого. Но иногда в его стихах присутствует и лирический герой – выразитель четкой социальной и нравственной позиции поэта, его общественного и эстетического идеала. Лирика Высоцкого многосубъектна. Никогда поэт не отделял себя от своих героев, остро ощущал и как бы перекладывал на свои плечи сложную запутанность их судеб, боль и горечь переживаний. Его песни – своего рода самопознание народной души.

Отличия в авторской маркировке лирического и ролевого героев вытекают из самой природы этих литературных понятий.

Лирический герой – образ человека, близкий к автору. Этот тип возникает в рамках одного большого текста (цикла, книги). Лирический герой изображен как бы изнутри. В таком случае он является не только субъектом, но и объектом произведения. Но нельзя не отметить некий парадокс лирического героя, который заключается в том, что он интересен себе прежде всего как субъект. А объектом изображения и познания в таком произведении является он сам, его отношение к миру. Он размышляет над тем, что происходит с ним и вокруг него, но интересуется его не внешний ряд событий, а все то, что происходит в его внутреннем мире. Это глубоко личные размышления, доходящие до обобщений, речь, обращенная к себе.

Герой ролевой лирики – носитель чужого сознания. Поэтому автор изображает ролевого героя извне и этим отделяет его лирического героя. Данный тип героя редко доходит до самоанализа и самооценки. Дать оценку ему должен читатель (или слушатель), к которому обращен рассказ героя. Речь героя ролевой лирики почти всегда представлена в форме монолога и рассчитана на слушателей.

При рассмотрении ролевых стихотворений нельзя не вспомнить героя-рассказчика в сказе и сказовую манеру повествования в прозе. Как известно, сказ – «это

двухголосое повествование, которое соотносит автора и рассказчика, стилизуется под устно произносимый, театрально импровизированный монолог человека, предполагающего сочувственно настроенную аудиторию, непосредственно связанного с демократической средой или ориентированного на эту среду» [4, с. 34]. Ролевая лирика может быть и в форме сказа. Например, ролевое стихотворение Н.А. Некрасова «Огородник» представляет собой сказ. Главным подтверждением становится речь героя: *«Я в немецком саду работал по весне, / Я недаром жила, огородник лихой,»*, – которая является нелитературной, что говорит о его низком социальном положении. Многие исследователи творчества В.С. Высоцкого рассматривают Гамлета как лирического героя. В данной статье мы рассмотрим героя стихотворения «Мой Гамлет» как ролевого.

Тема жизни и смерти стала ключевой в стихотворении, которое считают программным для всей лирической поэзии Высоцкого. Гамлета можно назвать одним из самых главных персонажей мировой литературы. В русской литературе образ Гамлета находит свое отражение в произведениях многих писателей и поэтов: А. Пушкина, И. Тургенева, А. Блока, А. Ахматовой, Б. Пастернака... Возникло даже такое понятие, как «гамлетизм», которое обозначает состояние души, внутренний надлом, состояние раздвоенности и сложных, противоречивых отношений с окружающим миром. Это обозначение той хрупкой грани, которая отделяет нормальность от безумия.

Конечно, Владимир Высоцкий не мог пройти мимо ключевого образа мировой литературы в своем творчестве.

С 1971 года и до самой смерти поэт играл роль датского принца в спектакле Ю. Любимого по трагедии В. Шекспира. Гамлет стал главным событием творческой биографии Высоцкого как поэта и как актера: *«Я сыграл много ролей в нашем театре, но самая моя большая роль и, я думаю, что выше ролей нету, – я сыграл Гамлета...»*. А стихотворение было написано в 1972 году, что свидетельствует о связи этих событий.

В названии «Мой Гамлет» определяется герой стихотворения и выражено отношение автора к нему. В начале стихотворения герой спокоен, он в ладу с собой и вроде бы знает, что хочет от жизни и как она у него сложится: *«Я шел спокойно прямо в короли / И вел себя наследным принцем крови»*. Гамлет прозрел. Налет позолоты смылся, и окружающий мир предстал неприглядной действительностью: *«Я видел – наши игры с каждым днем / Все больше походили на бесчинства. / Не нравился мне век, и люди в нем / Не нравились, – и я зарылся в книги»*. Именно обращение к книгам служит переломным моментом в жизни героя, который откроет современную ему действительность. Герой уже потерял спокойствие. На первый план выходят эмоции и чувства. Можно сказать, что он слишком эмоционален для лирического героя. Стихотворение представляет монолог от лица введенного в текст персонажа: *«Я, Гамлет, я насилье презирал / Я наплевал на Датскую корону»*. При прочтении не возникает сомнения, что с нами говорит Гамлет, правда, не совсем шекспировский. Для героя ролевой лирики также характерно упоминание второстепенного персонажа: *«Шут мертв теперь: «Аминь! Бедняга! Йорик!»*.

Средством маркировки ролевого героя является прежде всего его речь. Вместе со словами, которые можно отнести к высокой лексике: *«И злую лошадь мучал стременами / И я пьянел среди чеканных сбруй»*, – герой часто употребляет слова, относящиеся к разговорной речи: *«Я только малость объясню в стихе... / Я не бывал в накладе... И я зарылся в книги... Я наплевал, я глотку драл...»*. Данные слова Высоцкий использует для актуализации образа Гамлета, тем самым делая его ближе современной действительности. Характер ситуации, изображенной в стихотворении, также позволяет говорить нам о Гамлете как о ролевом герое. Как отмечалось, вначале герой спокоен, и, казалось бы, ничего не предвещало изменений, которые привели к внутренним

потрясениям: «Я отмывался от дневного свинства / Я прозревал, глупея с каждым днем / Я бился над вопросом “быть, не быть...”». В этом плане показательны слова самого В.С. Высоцкого: «Я вообще стараюсь выбирать для своих песен людей, – говорил поэт, – которые находятся в крайней ситуации, людей, которые “вдоль обрыва, по над пропастью” или кричат: “Спасите, наши души!”, – но выкрикивая это как бы на последнем вздохе. И я их часто нахожу в тех временах» [2, URL].

Таким человеком-образом стал шекспировский Гамлет для Высоцкого, который вновь остается с вопросами к сложному и противоречивому миру. Перед нами ролевое стихотворение, но не в сказовой форме. И героя стихотворения «Мой Гамлет» можно назвать ролевым, однако несколько отличающимся от других.

Ролевая лирика Высоцкого многообразна. В его произведениях повествование ведется от лица персонажей различных социальных и профессиональных групп, людей с разным характером и темпераментом, моральными и интеллектуальными качествами. Свои истории нам рассказывают заключенный, водитель, спортсмен, фронтовик, попугай. В стихотворении «Мой Гамлет» нам рассказал свою историю Гамлет XX века, и читатель увидел не только действительность того времени, но и многообразную палитру чувств и присущую каждому из нас проблему выбора.

Литература

1. Воронова М. Стилистические средства маркировки лирического и ролевых героев В.С. Высоцкого / М. Воронова // Высоцкий В.С.: исследования и материалы. – Воронеж, 1991. – С. 117–128.
2. Высоцкий В.С. Собр. соч.: В 4 т. Том 4. Проза. URL: <https://unotices.com/book.php?id=52172&page=47>
3. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова / Б.О. Корман. – Воронеж: Из-во ВГУ, 1964. – 390 с.
4. Муценко Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Муценко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж: Из-во ВГУ, 1978. – 287 с.

СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ»

*Ю.С. Астапова, студ. исторического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р истор. н., проф. А.В. Мирошников*

ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА БУЛАНЖЕ. АПРЕЛЬ 1888 г.

После Франко-прусской войны 1870-1871 гг. французы были разгромлены и унижены – следующие полвека они постоянно думали о реванше. Однако правительство Третьей республики не спешило осуществлять пересмотр результатов Франко-прусской войны. Вследствие этого данное правительство часто называли соглашательским. Но всё же, надо отдать должное правительству Третьей республики, военные действия в тот период не смогли бы вернуть Франции Эльзас-Лотарингию, так как страна объективно не была к ним готова. Однако французам явился человек, который обещал пересмотреть унижительный Франкфуртский мир 1871 года, заключить более «справедли-

вый» мир с Германией. Им был Жорж Буланже (1837-1891) – французский генерал, политический деятель, который должен был стать спасителем Франции.

Буланже – бывший фронтовик в Италии, Кохинхине, участвовал в походе в Индокитай, затем во Франко-прусской войне. Удостоился довольно почетной награды – офицерского креста Почетного легиона [3, с. 22]. Затем совершил путешествие в Америку с дипломатической целью, получив соответствующее поручение от правительства Третьей республики. Это и положило начало политической карьере генерала Буланже.

Так под лозунгами реваншистской войны против Германии зародилось своеобразное политическое движение – буланжизм (получившее наименование в честь его главы).

Военным министром Буланже стал в 1886 году благодаря поддержке Жоржа Клемансо, одного из видных радикалов и будущего премьер-министра Франции. Надо сказать, что радикальная партия не была столь уж радикальна. Её члены всего лишь настаивали на претворении в жизнь предвыборной программы 1879 года, которая была популярна и в народе. А среди республиканцев, находящихся у власти, тогда был популярен лозунг, придуманный Леоном Гамбетте, премьер-министром и военным министром Франции в начале 80-х годов: собрать все силы и отложить принятие реформ до «подходящих времен» [4, с. 316].

Буланже был среди лиц, принимавших активное участие в подавлении Парижской коммуны. Это, конечно, не могло не импонировать французским консерваторам.

Армия в те времена была возведена в настоящий культ как инструмент планировавшейся мести. Профессия военного была престижна и уважаема во Франции. Поэтому Буланже сначала как генерал, затем как военный министр пользовался большой популярностью среди французов [2, с. 47].

В 1886 году в местечке Деказвиль вспыхнула стачка рабочих, которая была подавлена военной силой, что вызвало волну возмущения по всей Франции. С критикой правительственных мер выступили также некоторые депутаты. Буланже в разгар этих событий, будучи уже на посту военного министра, заявлял, что не допустит, чтобы вооруженные силы выступали против рабочих, чем, конечно, вызвал симпатию последних [4, с. 323].

С подачи Жоржа Буланже была принята на вооружение винтовка Лебеля, разрешено ношения бород, улучшены бытовые условия офицеров, введены снаряды с мелинитом и осуществлены некоторые другие позитивные преобразования [3, с. 21].

В марте 1888 года Буланже был уволен из армии и с поста военного министра, а в апреле того же года появилась его программа [1, с. 1]. Она разделена на несколько частей, в каждой из которых Буланже обещает решить насущные проблемы Франции. В то же время никакой конкретики в программе нет, её расплывчатость позволяла удовлетворить всех [2, с. 51].

Буланже позиционировал себя как сильный человек, который был в состоянии разогнать республиканцев. По словам Мориса Барреса, французского писателя и видного буланжиста, генерал Буланже был «единственным человеком во Франции, способным изгнать болтунов из Бурбонского дворца» [2, с. 53].

Постепенно благодаря неясности его программы, и в то же время благодаря его шумной оппозиции правительству, вокруг него сплотились все недовольные существующей властью. Это некоторые республиканцы, рассчитывавшие что генерал наведёт порядок в «прогнившей» Третьей республике. Также это монархисты, надеявшиеся что популярный в армии Буланже совершит переворот и разгонит республику. (Буланже впоследствии сошёлся и с монархистами, решив, что «раз мы дерёмся с одним и тем же врагом, почему бы не объединиться с роялистами и бонапартистами»). Конечно же persona генерала Буланже импонировала и реваншистам, высказывавшимся за более чёткое за-

явление претензий на Эльзас и Лотарингию. В числе поклонников Буланже были и просто сторонники «сильной руки», и ненавистники либеральной болтовни. Благодаря своим реваншистским настроениям Буланже завоевал благосклонность Лиги патриотов, созданной в 1882 году специально для пропаганды реваншистских идей, внушая людям необходимость ведения победоносной войны против Германии.

Сквозь программу красной нити проходит мысль о том, что Буланже, в случае прихода к власти, во что бы то ни стало будет выражать волю своих избирателей. В то же время немалая часть программы уделена критике людей, находившихся в то время у руля управления. Они, по мнению Буланже, действуют в сугубо личных интересах, а не в интересах народа. То, в чем Буланже упрекал французское правительство, было не так уж далеко от истины. Действительно, в 70-е, 80-е годы усилились паразитические черты французского капитализма, связанные с вывозом капитала. В своем стремлении к прибыли капиталисты предпочитали вывозить свободный капитал в слаборазвитые страны Европы, что мешало развитию французской тяжёлой промышленности [4, с. 305].

Буланже в своей программе критикует правительство и по вопросам колониальной политики, также направленной на личное обогащение. Оно, по мнению Буланже, не сделало ничего, кроме того, что послало французов умирать вдалеке от родины, без пользы для неё. 80-е годы во Франции – это время активизации колониальных захватов. Внимание Франции приковывали «свободные» земли Азии и Африки. Премьер-министр Ферри, оправдывая колониальную политику Франции, заявлял, что колонии являются для богатых стран одним из самых выгодных объектов для капиталовложений... Франция, которая переполнена капиталами и вывозит их в значительном количестве за границу, заинтересована в рассмотрении этой стороны колониального вопроса» [4, с. 319]. В 1882-1885 гг. продолжалась затяжная война в Индокитае. Поражение Франции при Ланг-Соне вызвало длительный кризис во Франции. С населения взимали средства для участия в экспедициях, некоторые считали, что правительство проводит слишком активные действия в колониях, которые отвлекают от главной цели – возвращения утраченных в 1871 году территорий.

В своей программе Буланже критикует законы, преграждающие путь любым инициативам. Генерал, скорее всего, имел в виду Конституцию 1875 года, о которой речь пойдёт ниже. В 1879 году к власти во Франции пришли республиканцы, которые ратовали за республику и выдвигали широкую программу демократических реформ. Следует отметить, что некоторые реформы были проведены: закрыты учебные заведения, руководимые иезуитами, объявлена амнистия коммунарам, установлено всеобщее начальное образование и некоторые другие. Но республиканцы перед выборами обещали осуществить «великие дела»: переработать конституцию, ликвидировать Сенат, ввести прогрессивно-подоходный налог и социальное законодательство. Отказ от глубоких преобразований был продиктован стремлением укрепить капитализм, зиждившийся на парламентском строе консервативной республики [4, с. 317].

Буланже требовал пересмотра непопулярной конституции 1875 года. Согласно этой конституции, выборы не были равными. Подавляющее число депутатов нижней Палаты составляли представители крупной буржуазии, которые использовали свои депутатские мандаты в целях личного обогащения. Верхняя Палата (Сенат) формировалась крайне недемократическим способом: косвенным путём через особые узкие коллегии так называемых сенаторских выборщиков по департаментам. В состав этих коллегий входили члены генеральных советов департаментов, окружных советов, делегаты от сельских и городских муниципалитетов. Поскольку в коллегиях выборщиков преобладали представители сельских местностей, в основном крупные и средние землевладельцы, настроенные весьма консервативно, реакционный состав Сената был заранее предreshён.

Поэтому верхняя Палата служила тормозом на пути демократических преобразований. Основной замысел составителей состоял в том, чтобы посредством Сената была нейтрализована палата депутатов — единственный во всем государственном механизме орган, который формировался на основе прямых выборов и хоть в какой-то степени зависел от избирателей.

Большое внимание в программе занимает положение рабочих [1, с. 1]. Буланже выражает солидарность рабочим, критикует правительство, сохранившее антирабочие законы. Хотя закон Ле Шапелье 1791 года и был отменён в 1884 году, но все же сделано это было с оговорками. Так рабочие получили право объединяться в союзы, но в союзы, преследовавшие чисто экономические цели.

Также в своей программе Буланже обещал защиту от иностранной конкуренции. В середине 80-х годов усилилась конкуренция дешёвого американского хлеба, что вызывало недовольство крестьян. Развитие капиталистических отношений и иностранная конкуренция выбрасывала на улицы тысячи мелких производителей — ремесленников, кустарей. Происходил затяжной промышленный кризис.

Буланже играет на скандале, произошедшем в 1887 году и связанном с зятем президента Жюлем Греви Вильсоном. Он занимался продажей орденов Почетного легиона. Вскоре были обнаружены подобные махинации некоторых высокопоставленных государственных деятелей. Вскоре эти разоблачения стали достоянием широкой общественности. Именно Буланже обнародовал информацию о незаконном порядке вручения одной из самых престижных наград в стране [2, с. 52]. Из-за разразившегося скандала президент ушёл в отставку. В программе, в связи с этим эпизодом, написано следующее: «Буланже, чьи руки чисты от незаконной торговли, будет руководствоваться вашими интересами». Жорж Буланже был военным, поэтому политические скандалы обходили его стороной.

Так как проблема занятости рабочих стояла во Франции очень остро, Буланже обещал справиться и с безработицей.

Ещё будучи военным министром, Буланже сумел несколькими речами с намёками на необходимость и желательность реванша и агрессивным поведением в деле Шнебеле (французского полицейского, который был обманом заманен на германскую территорию и там арестован) создать себе широкую популярность. В своей программе он уточняет, что Франция сможет взять реванш только тогда, когда сможет освободиться от тех, кто её поработал, то есть от нынешнего правительства. Буланже умело использует упаднические настроения во Франции, обещает народу установления справедливого, достойного мира. Заключение позорного Франкфуртского мира ассоциировалось в сознании с республиканским режимом.

Режим дискредитировала также министерская нестабильность. С момента создания Третьей республики и до момента написания программы Буланже во Франции сменилось 25 премьер-министров. То есть в среднем каждый министр держался на посту около 8-9 месяцев. Конечно, это не внушало доверия правительству.

Подводя итог, следует отметить то, что в программе Буланже не содержалось какого-либо конкретного плана действий, она не имела какой-либо направленности и была по сути популистской.

Появившись на политической арене, генерал выступил как видный борец с прогнившим коррупционным режимом. Жорж Буланже обещал людям бороться за власть и за их права. Однако в 1891 году буланжизм после самоубийства лидера начал постепенно сходить на нет, а после и вовсе прекратил своё существование, в то время как «прогнившая» Третья республика просуществовала ещё 49 лет.

Литература.

1. Programme du général Boulanger. – Paris.: impr. Bonne Nouvelle, 1888. 1 p.
2. Francis Choisel. Le general B. Et la republique / Francis Choisel // Revue de la Cavalerie Blindée. - 1984. - № 128. 45-61 p.
3. Geoffroy Caillet. 30 septembre 1891: le suicide du général Boulanger / Geoffroy Caillet. // Figaro. – 2014. - 30 sept. 21-27 p.
4. Люблинская А. Д. Очерки истории Франции/ А.Д. Люблинская. – Л. : Учпедгиз, 1957. – 420 с.

*М.С. Березюкова, студ. института филологии ЕГУ им. И.А. Бунина
(Елец)*

Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Т.А. Паришуткина

ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ

В развитии педагогических идей ключевую роль играют формирующие и обосновывающие их философские теории, включая уже существующие и пока лишь только развивающиеся в настоящее время. В работе представлены одни из тех философских концепций развития педагогических идей, которые вызывают неоднозначные, спорные реакции в международной научной среде, являют собой основу тенденций развития образования в перспективе.

На сегодняшний день существует огромное количество философских подходов к педагогике как науке, поскольку именно философия положила начало первым педагогическим системам. Достаточно вспомнить сочинения Демокрита (ок. 470 – 371 до н. э.), Платона (ок. 428 до н. э. – 347 до н. э.), Марка Фабия Квинтилиана (35-96 н.э.) и других античных философов о важности воспитательных вопросов.

Английский философ Фрэнсис Бэкон (1561-1626) в своей работе «О достоинстве и увеличении наук» (1623 г.) отделил педагогику из философского знания, вывел ее в разряд самостоятельных научных дисциплин. Благодаря Бэкону на свет появляется так называемая натуралистическая педагогика, которую впоследствии поддерживали Декарт, Спиноза, Локк, Руссо, Гельвеций и другие выдающиеся ученые [3, с.108].

Сегодня в научной среде существуют разнообразные, часто весьма спорные определения философии образования, такие как «особый тип философской системности, специализированный в сфере образования» (Британская энциклопедия), «способ мышления об образовании» (Я. Бойс). Советский и российский философ Г.П. Щедровицкий считает, что «педагогика всегда была практикой определенной философии», а у С.И. Гессена педагогика трактуется как прикладная философия [4, с. 89].

Такого рода понимания философии образования позволяют полагать, что философская основа педагогических вопросов являет собой определенную рефлексию над образованием и педагогикой методологического, исторического, аксиологического и др. характера. Но считать философию исключительно формой неспециализированной рефлексии, значит противоречить философской традиции с ее собственным специфическим корпусом текстов, ее проблемам и формам мышления.

Кризис современного образования, кризис традиционных взглядов на его осмысление, закольцованная исчерпанность основ педагогической парадигмы повлекли за собой переоценку значения философии образования, ставшей ответом на множество вопросов о месте, смысле и особенностях педагогической деятельности в единой системе

объективной реальности, понимания человека и идеала образованности в целом. Философское осмысление педагогики дало возможность выхода из кризисной ситуации, возникшей в образовании, создания новой школы, и привело к проектированию новых путей в образовательной сфере.

К примеру, эмпирико-аналитическое направление, следуя нормам позитивизма, анализирует структуру и статус педагогического знания, проводит взаимосвязь ценностных суждений о фактах нормативной педагогики (Р. Лохнер, А. Фишер) и образование рассматривает как сферу жизни общества. Человек в ней представлен гетерономно, т.е. в зависимости от целей и процессов этой сферы, а педагогика представляется модификацией социологического знания. Другим примером является так называемая «диалогическая философия», созданная выдающимся философом XX века Мартином Бубером (1878-1965). Ее основным принципом является коммуникативная деятельность между педагогом и учеником. Образование в этом случае рассматривается как «непреднамеренное, нецелесообразное воздействие учителя на ученика, осуществляющееся в игре, непосредственном участии в труде и совместной деятельности» [2, с. 64]. Однако в таком случае без внимания остается предметная направленность образования, и ученые-методисты продолжают искать пути объединения диалогического и предметно-интенционального определения образования.

Таким образом, задачей философии в развитии педагогических идей является поиск и выявление смысла образования, развитие «нового» образа человека, соответствующего его существованию. Она способна совершенствовать основные методологические принципы, помогающие поиску решений педагогических задач. В этом случае можно говорить о чертах, которые в той или иной мере присущи основным педагогическим школам: вера в обучаемость ребенка, принятие идеи образованного ума, безусловная важность процесса формирования характера, внимание к исследовательской деятельности, организация подготовки индивида к общественной жизни и др [5, с. 29].

Если рассматривать философию образования как всеобъемлющую рефлекссию над педагогикой, то однозначный ответ на вопрос «что представляют из себя педагогические идеи, разместившиеся под кроной философии?» дать не вполне возможно. Однако возможно свести его к такой формулировке: органон педагогического знания включает в себя цели, содержание, идеалы образования, мировоззренческие представления, педагогические теории среднего уровня (например, дидактику), методический слой (методики, учебные пособия и т. д.) и научные обосновывающие дисциплины (педагогическая психология, возрастная физиология и т. д.).

Обращаясь к разнообразным концепциям философии образования, представляется неоправданным выделение какой-либо одной конкретной и единственно верной. Критический рационализм, педагогическая антропология, герменевтика, (включающая в себя феноменологическое, экзистенциальное, диалогическое рассуждения), критическо-эмансипаторская, психоаналитическая, постмодернистская, религиозно-теологическая ориентации – все эти направления делают акцент на определенных моментах педагогического знания и, одновременно, образовательной системы.

Литература

1. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI в. / Б.С. Гершунский. – М.: Московский психолого-социальный институт, 1998.- 432 с.
2. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию / Отв. ред. П.В. Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995.- 448 с.
3. Гуревич П.С. Философская антропология. Учебное пособие для вузов / П.С. Гуревич. – М.: Омега-Л, 2010. – 607с.

4. Розин В.М. Философия образования: Этюды-исследования./ В.М. Розин. – М.: МПСИ, МОДЭК, 2007. -347с.

*А.А. Шарова, студ. ф-та искусств и художественного образования ВГПУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. пед. н., доц. Е.В. Фирстова*

ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ КАЗАКОВ

Казачество – этносословная группа в составе Российского государства, жившая на протяжении веков в условиях традиционного жизненного уклада, главной особенностью которой являлись прочно укорененное в менталитете её представителей собственно казацкое мировосприятие, отражавшееся в образе жизни и традициях, таких как особое уважение к праву родовой собственности на землю, трудолюбие, умение хозяйствовать, презрение к воровству и трусости, воинский долг и доблесть, почитание офицеров и людей старшего возраста с их мудростью, культ крепкой семьи и чести, православная вера, общинность жизни. Образ жизни рядового казака был жестко регламентирован общиной, где верховодил атаман, и отличался строгой дисциплиной, поэтому казаки всегда считались законопослушными. Казачьи войска были войсками полной боевой готовности: в любую минуту казак должен был быть готовым взять в руки оружие для защиты Веры, Царя и Отечества. Военная организация жизни донских казаков оказывала влияние на *воспитание детей* в казачьей семье и, прежде всего, мальчиков.

В каждом казачонке видели, прежде всего, будущего воина. С младенчества его окружали рассказы служилых родичей и стариков о подвигах соотечественников, он любовался боевым оружием старших, которое было в любом курене (жилище донских казаков, совсем не похожем на русскую избу или украинскую хату). Малышу-казачку после крестин, по традиции, клали шашку (кинжал) либо пулю (раньше стрелу) и наблюдали за его реакцией: если он начнет с ней играть – добрый будет казак, если же расплечется – есть что совершенствовать. Когда казачонку исполнялся год, его впервые сажали на коня, надевали на него отцовскую шашку, отец брал коня под уздцы и проводил его по двору. Если малыш хватался за гриву – считали, что он выйдет живым из любых боев, а если заплачет или свалится – быть ему убитым. После этого коня обводили вокруг церкви, отец брал малыша на руки, а крестная надевала на них обоим португею с шашкой, и все отправлялись к родному куреню. У его ворот крестный говорил женщинам: «Казака принимайте!» Крестная снимала португею с шапкой и передавала ее крестному с наказом беречь до семнадцатилетия казачонка. А до тех пор крестный принимал самое активное участие в обучении крестника всем видам рукопашного боя, стрельбе, верховой езде – ведь он отвечал за него перед Богом!

Весь процесс воспитания казака строился по спирали, каждый виток в которой – замкнутый цикл, и занимал он строго определенный возрастной период. Следующий круг образования начинался с повторения пройденного, по сути того же, но на новом качественном, более сложном, уровне. Каждый из этих уровней включал в себя физическое, интеллектуальное и нравственное развитие. В воспитании мальчиков у казаков была принята почти повсеместно такая система: сначала казачка ставили в трудные условия и смотрели на его реакцию, выявляли недостатки и достоинства, а потом корректировали и вырабатывали необходимые навыки – это способствовало выработке скорости мышления, адекватной реакции на внезапно изменившуюся

обстановку. С момента рождения казаки занимались закаливанием своих детей, оставляя их одних в поле и дома.

С 3х лет казачонка приучали к верховой езде, тогда же отмечали праздник «первых штанов»: штаны, как правило, дарил старший в роду. Это должны были быть шаровары, без которых обучение верховой езде было невозможным. Мальчика все поздравляли с первыми штанами, и казачонок ими очень гордился [1]. Игры казачат также способствовали развитию проворства и отваги: они с удивительной быстротой лазали по деревьям, переплывали через реки, пытались управлять степным конем. Так ежедневно они развивали качества, необходимые воину: крепость и проворство в теле, живость и смелость в духе.

Систему воспитания казачат и подготовки их к военной службе, описывает советский и российский писатель Б.А. Алмазов в своей книге «Казачья» так: «В семь лет мальчика стригли во второй раз. Бритоголовым, он впервые с мужчинами шел в баню, а затем к исповеди. А дома в последний раз ел детские сладости. После этого со своей постелью переходил на мужскую половину, в комнату старших братьев. Они осматривали его одеяло и подушку и – если те оказывались слишком теплыми и мягкими – выбрасывали их. «Учись служить, – говорили ему, – Ты теперь не дите, а полказачка».

С малых лет мальчиков приучали к труду: ходить за плугом, сторожить в степи лошадей, пасти овец, крупный рогатый скот. Семилетний мальчик вполне справлялся с волами и лошадьми – мог их и запрячь, и поставить в стойло. Пахать на волах ему не хватало сил, но боронить, сгребать сено было исключительно мальчишеским делом. С весны до осени казачата, как правило, жили в степи при отарах со стариками. И здесь учеба не прекращалась ни на один день. Их учили бороться, скакать на коне (с пяти лет), стрелять (с семи лет), рубить шашкой (с десяти лет) – сначала пускали тонкой стружкой воду и «ставили руку», чтобы клинок шел под правильным углом и резал воду, не создавая брызг.

Примерно с 8 лет главная роль в воспитании принадлежала крестному отцу, который в этом важном и ответственном деле дополнял кровного отца: родной отец мог быть излишне мягок в отношении сына, крестный же мог быть излишне суров. О выборе крестных родители заботились заранее: крестного подбирал отец – это должен быть человек надежный (кунак, односум, побратим), у которого было чему поучиться. И крестный отец, и крестная мать должны были быть способны участвовать в воспитании ребенка, а потому жить недалеко. Если в семье родился казак, то основная нагрузка ложилась на крестного – он делал из казака воина. Главная же задача крестной матери в этом случае состояла в том, чтобы сформировать в казаке отношение к девушке-казачке как к жене, матери и хозяйке.

С 8-12 лет казака приглашали на «беседы» – собрания казаков. Главным в данный период было научить его справляться с собственным страхом в любых его проявлениях. И, наблюдая реакцию казачонка, старшие говорили: «Терпи, казак, атаманом станешь!». С 12 лет казачонок начинали водить на Круг (сход) и другие общественно значимые мероприятия. В этот период взросления его задачи входило смотреть и запоминать.

В 16 лет казачка ждало испытание – охота на хищника (волка, кабана, медведя). После успешной охоты получался «матерый казачина». Однако важное уточнение: матерым называли казака только в третьем поколении (если первое и второе поколения выжили в испытаниях и сражениях).

Так с молодых лет казаки проходили военное обучение у опытных воинов, которые приучали их к выносливости, храбрости и решительности в бою. И *чем древнее был род, тем тщательнее, обширнее было воспитание*, причём сами казаки не всегда вдавались в суть этого процесса – как их самих учили, так и они учат, обоснование чего было нерушимым: родители завещали!

В 19 лет казак принимал присягу. Теперь он был зачислен в разряд внутренне-служащих: обучался строю, совершенствовал мастерство в стрельбе, во владении холодным оружием. И уже после этой школы зачислялся в полевой разряд, в котором состоял с 21 года до 36 лет. Казачьи офицеры состояли в полевом разряде 12 лет, но в отставку мог уйти только после 38-летнего возраста. Для повышения боеготовности для казаков ежегодно организовывались лагерные сборы. Некоторое время служба проходила в строевых частях, вдали от родного куреня – иногда по пять лет без побывки. Но, даже достигнув 41-летнего возраста, уходя в отставку, казак обязан был выполнять воинские повинности: нести охранную службу в войсковых обозах, на дорогах, перевалах, границе, охраняли мирных жителей России. А те, кто хотел, могли остаться на сверхсрочную, продолжать служить в полевом разряде. Но даже тогда, когда казак зачислялся в «льготные», занимался дома земледелием, рыболовством или другим сельским трудом, по первому приказу он должен был явиться к месту боевого сбора со всем вооружением и на коне...

Рождение девочки в казачьей семье не праздновалось так широко и торжественно, как мальчика: оно было тихое и домашнее, овеянное легендами и молитвами. Девочку с рождения воспитывали иначе, чем мальчика, развивая в ней женственность, хозяйственность, терпение, отзывчивость. С малолетства казачке внушалось: самое главное в жизни – спокойная душа и чистое сердце, а счастье – в крепкой семье и достатке. Девочки начинали работать с раннего детства: стирали, мыли полы, ставили заплатки, пришивали пуговицы. Но была и особая работа – нянчить младших братьев и сестер (трехлетнего брата могла нянчить пятилетняя сестра). При этом, работа не исключала радости и веселья. Девочки пели и плясали – это они перенимали от взрослых женщин. Так от старшего поколения знания передавались младшему без всякого нажима и давления со стороны взрослых.

Когда девочка достигала зрелости – становилась девушкой, – дед покупал серебряное колечко и дарил его внучке, сопровождая свой подарок наставлениями, что внучка теперь не «дите», а барышня, и вести себя должна иначе, ведь «на нее женихи смотрят». В XVII-XVIII вв. жизнь девушек была весьма ограничена строгими правилами: им разрешалось быть в обществе мужчин только на свадебных празднествах, а обычно они проводили время в домашнем одиночестве или в кругу подруг. Иногда под надзором бабушек они могли водить хороводы, а мужчины могли любоваться ими издали. Зимой девицам было позволено кататься на льду. Но взрослым девушкам нельзя было оставаться до позднего вечера ни в хороводе, ни на катании, и если девушка поздно приходила домой, то бабушка несколько дней подряд твердила ей: «Не стыдно ли тебе допоздна гулять? Что женихи скажут?» [2]. Лишь в XIX веке девушки получили больше свободы и самостоятельности. В отношениях девушек и парней не существовало никакого патриархального педантизма (если гуляешь с одной, то и гуляй до самой свадьбы). Знакомства и увлечения могли меняться, так как молодые люди искали себе пару по душе и характеру на всю жизнь, но это не предполагало легкомысленности поведения.

Наверное, лишним будет говорить о том, какими вырастали дети, воспитывавшиеся по такой продуманной и веками отработанной системе. Остаётся сожалеть, что вследствие событий XX века после Октябрьского переворота 1917 года была уничтожена масса людей, получивших такое качественное воспитание. Масштабное осуществление террористической политики расказачивания имело серьезнейшие отрицательные последствия и негативно отразилось на всех без исключения элементах традиционной культуры казачества, был нанесен невосполнимый урон его развитию. Но, вместе с тем, десятилетия геноцида не смогли вытравить из потомков казачьих родов память о дедах и прадедах. Начиная с конца XX века, казачество активизировалось, стремясь к возрождению, и руководство

Российского государства поддержало этот курс, рассматривая казачество как общественное движение.

Литература

1. Алмазов Б.А. «Кзаки»: история, нравы и обычаи, расселение, боевое искусство, войны и восстания / Б.А. Алмазов, В.Т. Новиков, А.П. Манжора; под ред. Б. А. Алмазова. – Ростов-на-Дону: Ростовкнига, 2013. –87 с.
2. Астапенко Г. Быт, обычаи, обряды и праздники донских казаков XVII-XX вв. – Ростов-на -Дону: НПК «Гефест», 2010. – 256 с.
3. Партархив Ростовской области (ПАРО), ф. 12, оп. 23, д. 51, л. 11.
4. <https://text.ru/rd/aHR0cDovL2tyZXN0LXNvYm9yLnJ1Lz92aWV3PTE3NjMxNDA2JnBvc3Q9LTIwNzA3MTEzXzE4JnA9MTE%3D>

*П.М. Гусев, И.В. Бойко, студенты машиностроительного ф-та УлГТУ
(Ульяновск)*

Науч. рук. – д-р филос. н., проф. В.Т. Фаритов

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В настоящей статье рассматривается проблема экологии языка в современной российской действительности. На сегодняшний день это очень серьезная проблема.

Немецкий философ Мартин Хайдеггер называл язык «домом бытия» [6]. Ю.М. Лотман писал, что дом – «это то место, где человек живёт подлинной жизнью, здесь накапливается опыт национальной культуры, здесь (и эту мысль подхватил Лев Толстой) вершится подлинная, а не мнимая, внутренняя, внешняя жизнь народа» [4, с. 167-168]. Русский язык – это дом для всех обитателей бескрайних пределов государства Российского.

Размышления об экологии языка как составляющей российской языковой политики хотелось бы начать с Российской империи XIX-го века, где образованные дворяне часто хорошо знали модный в то время французский язык, а вот русским владели достаточно плохо, вплоть до 1917 года. Достаточно вспомнить, что Татьяна Ларина из «Евгения Онегина» писала своё письмо на французском языке, так как «по-русски плохо знала» и «выражалась с трудом на языке своём родном».

После Февральской революции 1917 года начали происходить позитивные изменения в сфере образования, открываться новые школы, образование стало бесплатным, доступным и обязательным. В качестве примера возрастающей роли грамотности можно привести отрывок из произведения В.Ю. Драгунского «Поют колеса тра-та-та»:

«... Я спросил:

– Он в каком классе?

Дяденька сказал:

– Во вторым.

– Надо говорить: во втором, – сказал я...» [1].

Язык не только отражает, но и формирует мышление, регулирует поведение, межличностные и межкорпоративные отношения и является универсальным инструментом управления воспитанием. В связи с этим необходимо его сохранять и оберегать, несмотря на то, что это не просто в наше время [5].

Исходя из того, как человек говорит, можно судить о его интеллектуальной деятельности, уровне развития и даже моральных качествах. Употребление нецензурной

брани в общении говорит о том, что человек просто не знает, какое слово нужно употребить в данном случае. Кроме того, сниженная лексика является одним из проявлений речевой агрессии, которая характерна для современных публичных дискуссий. Нельзя также признать допустимым растабуирование мата, который нередко присутствует даже в художественной литературе и театральных постановках (возьмите хотя бы «творчество» В. Сорокина). Впрочем, цинизм как речевое явление обходится и без нецензурной лексики [5].

Кроме того, можно выделить проблему заимствования иностранных слов. Нередко носители русского языка употребляют в своей речи слова иностранные, исключительно следуя языковой моде, даже не всегда точно понимая значение употребляемых лексем. Такая речевая практика говорит об интеллектуальной неподкованности человека. Данная форма общения выглядела бы приемлемой, если бы таким образом общался приехавший в нашу страну иностранец. Его оправдало бы то, что он попросту не знает всех слов чужого для него языка [3].

Также одной из проблем, нуждающихся в «экологическом вмешательстве» является жаргонизация речи, нарушающая стилистические нормы. В качестве примера приведём выписки из телевизионной и газетной речи журналистов: *срубить бабок, оторвались по полной, тебя разводят* и т. п. Стоит отметить, что существуют такие жаргонизмы, которые с течением времени входят в литературное обращение. На наш взгляд, этот процесс является недопустимым. Вероятно внедрение жаргонизмов и в разговорно-бытовой язык.

Однако отметим, что жаргонизмы всё же занимают свою нишу в русском языке. Например, в предложении *Надо остановить беспредел с ценами на энергоресурсы* слово *беспредел* более экспрессивно, оценочно, чем, например: *необоснованное повышение цен на энергоресурсы* [5].

Смыкается с проблемами экологии языка проблема низкого уровня грамотности. И сложность состоит не только во владении нормами письменной речи, но и устной. У каждого из нас есть друг или знакомый, которого мы не раз поправляли, когда он произносил какое-либо слово неверно. Данная проблема решается при помощи большого количества словарей и справочников, которые поясняют значение слова, а так же правильное его произношение и написание.

Особый исследовательский интерес вызывает общение в социальных сетях, где нередко написание слов коверкается, допускаются базовые орфографические ошибки. Опасность представляет то, что большую часть общества общающихся в этой сфере составляет молодёжь [2].

На сегодняшний день состояние экологии языка в России оставляет желать лучшего. Наш «дом бытия» находится в запустении: носителя языка не обращают внимания на то, как говорят, как пишут. Наша задача – остановить падение грамотности населения. Слова Алексея Николаевича Толстого актуальны и сегодня: «Обращаться с языком кое-как – значит мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно» [7].

Литература

1. Драгунский В. Ю. Денискины рассказы: поют колеса тра-та-та. URL:<http://www.planetaskazok.ru/vdragunsky/deniskinyrasskazypojutkoljosatratata>
2. Заикина О. Н. К вопросу о причинах кризисного состояния языка. URL:<http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1/langcrisis.html>.
3. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. URL:http://publ.lib.ru/ARCHIVES/K/KOSTOMAROV_Vitaliy_Grigor%27evich/_Kostomarov_V.G..html.

4. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь / Ю.М. Лотман. – СПб. : Азбука, 2015. – 416 с.
5. Сковородников А. П. Экология современного русского языка и роль средств массовой информации в этом процессе (тезисы) / А. П. Сковородников // Новая Университетская жизнь. URL: <http://gazeta.sfu-kras.ru/node/307>.
6. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – Харьков : Фолио, 2003. – 503 с.
7. Цитаты и афоризмы о России и русских. URL: <http://trip-trial.blogspot.ru/2014/03/Citaty-i-aforizmy-o-russkih.html>.

*Ю.Г. Бабаева, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филос. н., преп. С.С. Православский*

ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: АНТОГОНИСТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ИЛИ ЕДИНОЕ ПОЛЕ ПОЗНАНИЯ И СОЗЕРЦАНИЯ

История человеческого мироощущения – это бесконечный процесс познания. Потребность в познании – главная характеристика человека как вида, которая лежит в его естестве. В человеке нет ни устойчивости, ни глубины, по сути своей изначально он – чистая, безнадёжная прозрачность. Познание есть стремление узаконить своё ничем неоправданное присутствие в упорядоченном мире. Но узаконить своё «Я» возможно только посредством «Мы». Сам феномен становления моего естественного, уникального «Я» онтологически, неразрывно связан с искусственной конструкцией «Мы». Причем в данном контексте Мы понимается не как Я и Ты, но «мы внутри этого всеохватывающего движения не нуждаемся в мостике понимания между Я и Ты» [5, с.37]. Так возникает культура и цивилизация. Масштабное, грандиозное, безликое подобие естественного, единичного Я. Искусственное, будучи не фундаментальной основой, имеет способность к бесконечному дроблению: на эпохи, классы, стили, виды, типы и проч. При этом в культуре значительными становятся не отдельные имена, а веянье всеобщего духа, который так же является конструктом, потому что транслирует исторический процесс, который был так же сконструирован. Историки, политики, философы, литераторы говорят о эпохах, веках, периодах, рассматривая это Мы; если же и речь идёт о индивиде, его мироощущении, то всегда в отсылке и контексте Мы. Я больше не существует как Я, оно становится Мы. Культура стирает всё единичное, рассматривая его как отклонение от нормы.

Философия и литература открываются историческим процессом, для описания и понимания сконструированного мира. Философия и литература не могли возникнуть на естественной почве, писатель и философ задыхаются в бесконфликтном мире. А естество лишено конфликтности, здесь нет полярности, это однородный, статический субстрат. Но мир полон конфликтов, противоречий, неразрешимых задач. В искусстве философии, литературе видится молитва, спасающая мир, в лице философа и писателя видится пророк. Но сама возникшая ситуация глубоко парадоксальна. Возведения данных сфер человеческого знания в ранг религии, дарующей спокойствие, спасение, другой образ мира в то время, когда и философия, и литература есть порождение искусственной среды. Философия, литература, используя разную методологию, открывают перед человеком новую картину бытия, показывая, как стоит выстраивать отношение с ним. Но данные теории просто дублируют мир. Тогда философию и литературу стоит понимать

как подобие. Даже когда повествуется о естественности, сам факт фиксирования его, схватывания и рассуждения о нём уже убивает всякое естество. Всё, что оформляется, погибает, теряет ценность как нечто естественное: «Мысль изречённая есть ложь»[3, с.75]. Или же возможна игра в другую сторону, когда симулякр порождает естественное или возвращает к нему.

Философия – это «понимать, не понимая»: она ставит множество глубоких вопросов, решая которые как не парадоксально «заводит новых предрассудков тьму». Эти новые предрассудки, уже не соответствующие наличествующей реальности и выводят за границы сконструированного нами бытия. Решение одного вопроса, ставит ещё больше вопросов, в итоге утверждается фраза Сократа о том, что «Я знаю только то, что ничего не знаю». Мир, который так тщательно конструировался, складывался системно, оказывается вещью в себе, которая абсолютно закрыта для понимания. Обнаруживается то, что мы приходим к той же пустоте и Ничто, той же прозрачности от которой так тщательно прятались за глыбами Мы. По аналогии действует и литература, которая есть живой поток чувственности, открывающий в себе мир. Через живое чувство автор описывает мир, его события, самого человека. Читатель погружается в черно-белый лабиринт всеобщности, тотальности повествования и снова упирается в простые вопросы, которые уводят за границы системного построения мира. Эти границы, очерчивающие мир, наглядно показывают его образ, где всё кругом: «Страшное, грубое, липкое, грязное/Жестко-тупое, всегда безобразное/Медленно рвущее, мелко-нечестное/Скользкое, стыдное, низкое, тесное» [2, с.63]. Бытие обесценивается: «Я уже отлично знал, что жизнь бесцельна и не имеет смысла, что всё обман и иллюзия, что по существу и результатам каторжная жизнь на острове Сахалине ничем не отличается от жизни в Ницце, что разница между мозгом Канта и мозгом мухи не имеет существенного значения, что никто на этом свете ни прав, ни виноват, что всё вздор и чепуха и что ну его всё это к чёрту!»[4, с.57]. Мир отрицается как нечто искусственное и ложное: «За дверью бессмысленно всё, особенно- возглас счастья»[1, URL]. Здесь и прослеживается внутренняя трагичность человека – отчуждение. Отчуждение – процесс, когда окружающая объективная реальность становится чуждой человеку. Так всё, что было подобием со временем подлечит отчуждению и последующему умиранию: так сменяются эпохи, идеологии, стили, мода, тенденции и т. д. Хотя история циклична, и возможны повторы и возврат к старым моделям, но опять-таки это временный возврат.

Литература и философия, будучи порождением искусственного мира Мы, обнажают его и сводят к минимуму. Данные сферы выходят за границы культуры, цивилизации и тем самым преодолеваю свою сконструированную основу симулякра культуры и цивилизации. Поэтому философия и литература являются неотчуждаемыми. Они приобретают естество. Более того это единственное подобие мира Мы, которое способно вернуть или открыть вновь для человека мир уникального и естественного Я. Это Я рождается как бунт против всеобщего, целого, бунт против себя самого, заключенного в границах систем и функций; преодолению заданных положений системы и утверждения себя, как единственного возможного источника бытия и свободы.

Литература

1. Бродский И.А. Стихотворения и поэмы. URL: <http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=7655>.

2. Поэзия серебряного века: [В 2 т.] / Библиотека отечественной классической художественной литературы. – М, 2002. – 368 с.

3. Тютчев Ф.И. Люблю глаза твои, мой друг/ Ф.И. Тютчев // Стихотворения. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. – 272.

4. Чехов А. Дуэль/ А. Чехов // Авторский сборник. – М.: Азбука-классика, 2010. – 416 с.

5. Шпенглер О. Закат Европы: очерки мифологии мировой истории: [В 2 т.] / О. Шпенглер. – Минск, 2009.

*М.В. Себелев, курс. ф-та авиационного оборудования
ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
В.И. Дуров, канд. истор. н.
(Воронеж)*

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ

Информационно-пропагандистские аспекты украинского кризиса, начавшегося в ноябре 2013 года, стали предметом многочисленных исследований социологов и политологов. Методы информационно-пропагандистского воздействия на общество, задействованные российскими и украинскими СМИ и государственными органами, зачастую квалифицируются как «информационную войну», компонент так называемой «гибридной войны». Существуют так же мнения, что информационная война против России началась сразу же после распада СССР, а с началом нынешнего украинского кризиса она лишь обострилась [3].

После распада СССР отношения с Украиной заняли одно из первых мест в российской внешней политике. Это вполне естественно, ведь две страны – Россия и Украина – крупнейшие по экономике и по промышленному потенциалу на постсоветском пространстве. Между ними существуют давние и тесные связи в разных областях.

На первом этапе развития отношений между Россией и Украиной главной его особенностью была идея межгосударственной интеграции двух стран, которая определяла во многом «романтический» подход Москвы к отношениям с Киевом в тот период.

Однако после победы в 2004 г. «оранжевой революции» и приходу к власти команды Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко (их избирательный блок шел под националистическими и прозападными лозунгами и опирался на поддержку населения, в основном с Западной Украины), новое правительство стало заявлять о европейском выборе своей страны, с новой силой поставило вопрос о вступлении Украины в НАТО и ЕС.

После победы в 2010 г. на президентских выборах Виктора Януковича, за четыре года правления им так и не был налажен диалог ни с Россией, ни с ЕС. Это решение вызвало недовольство среди сторонников евроинтеграции, в результате в Киеве и других городах начались акции протеста, которые вскоре переросли в массовые беспорядки, а в дальнейшем привели к росту национализма и эскалации конфликта на востоке Украины.

Неоднозначные взгляды и позиции по отношению к развитию украинских событий заняли крупнейшие политические блоки России. Цель настоящей статьи – изучить позиции представителей российской консервативной и либеральной элиты по отношению к современному украинскому кризису.

Консерваторы России высказали сомнение в легитимности отстранения Януковича от власти Верховной Радой в феврале 2014 года. Они отказываются признавать легитимность фактических новых властей Украины, которые, по их мнению, пришли к управлению страной путем неконституционного вооруженного переворота и не обладают общенациональным мандатом, а поэтому отказываются рассматривать их как равноправного участника внешнеполитического диалога. «Государственный переворот на Украине подвел мир к опасной черте, все поняли: эскалация конфликта может иметь неблагоприятные последствия, причем для всех. На Западе могут называть произошедшее

на Украине как угодно, но для России – это антиконституционный вооруженный переворот, организованный в основном США для реализации своих геополитических целей» [1] – подчеркивает председатель Госдумы по образованию Вячеслав Никонов. 17 марта 2014 года на основании результатов референдума и Декларации о независимости в одностороннем порядке была провозглашена суверенная Республика Крым, а впоследствии был подписан договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии Республики Крым в состав России. Это вызвало резкую критику со стороны стран Запада, которые отказались считать референдум законным и назвали присоединение Крыма аннексией. «Крым в 1991 году, по сути, был мирно аннексирован Украиной, а население полуострова в эти годы чувствовало, что находится на чужбине и мечтало оказаться в России. А после смены власти население не было просто недовольно, оно ощущало себя униженными в абсолютно русскоязычном Крыму» – комментирует журналист, член Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека Максим Шевченко. Но самых непримиримых позиций консервативный блок придерживается по вопросу вооруженного конфликта на Востоке Украины. Они всецело поддержали население Донецкой и Луганской областей, не признавших новую власть законной. В эскалации конфликта и разгулу националистических военных формирований они обвиняют новые власти Украины.

А вот либеральный блок России раскололся в вопросе по Крыму, по Украине в целом, считает член псковского областного собрания депутатов от партии «Яблоко», историк Лев Шлосберг, ставший известным после того, как в августе 2014 года первым громко заявил об участии российских военных, в частности, офицеров псковской десантной дивизии, в боевых действиях на Донбассе. Он считает, что «Ситуация с Украиной в целом – и с Крымом, и с Донбассом, стала очень мощным российским рентгеном. Выяснилось, что часть людей, которые себя позиционируют как либералы, оказались имперцами. Это очень трудносовместимо, потому что либерализм и имперскость – мягко говоря, вещи несовпадающие. Но дело в том, что искаженная политическая система оказала влияние на людей разных убеждений, это следствие авторитарного режима, который становится тоталитарным» [2]. По мнению Шлосберга, в этой ситуации высвечивается дискурс ложно понятой исторической справедливости, дискурс имперский, советский. Приверженцы подобной позиции считают, что российско-украинский конфликт является результатом агрессии России против Украины, начатой в ответ на попытку изменения вектора развития Украины. Российская агрессия против Украины выразилась, в частности, в присоединении Крыма, совершенном в нарушение международных норм, а следующим шагом стало развязывание войны на востоке Украины. Однако убедительных свидетельств участия российских военных не приводят, кроме знаменитой фразы «Отойдите за поребрик!» на видео захвата городской администрации Донецка, указывающей, по их мнению, на питерское происхождение людей, совершающих захват. Предельно ясные позиции принял политический комитет партии «Яблоко». «Мы за территориальную целостность Украины, считаем, что Крым принадлежит Украине, и его аннексия незаконна, а если и проводить референдум, то по соответствующему украинскому законодательству и международно-правовым нормам, органами власти Крыма, Москвой, ЕС, ОБСЕ и ООН. Мы призываем прекратить военно-политическую авантюру на Юго-Востоке Украины, а также призываем российских государственных чиновников, депутатов, политиков с уважением отнестись к выбору, который украинский народ сделал 26 октября 2014 года» [4] – заявляет Григорий Явлинский на съезде партии «Яблоко». Здесь виден раскол в вопросе по статусу Крыма и конфликту на востоке Украины. Одни либералы считают, что присоединение Крыма полностью незаконно и нет другого решения этого вопроса, кроме как возврат его в состав Украины; другие считают, что рефе-

решение стоит провести под наблюдением международных организаций. А в вопросе статуса непризнанных Донецкой и Луганской народных республик одни выступают за мирные переговоры и консолидированное решение, другие же выступают за территориальную целостность Украины, даже если понадобится применение силы. То есть консолидация либерального политического сообщества на программе действий по отношению к Украине невозможна. Непонятно, что делать в отношениях с Украиной, «единой карты» нет.

В завершение следует отметить, что консерваторы отказываются признавать власть Украины легитимной, присоединение Крыма считают волеизъявлением народа, а войну на востоке Украины агрессией против мирного населения. Либералы, наоборот, пытаются всячески донести до российской общественности незаконность присоединения Крыма, а также причастность российских спецслужб в участии в конфликте на Юго-Востоке Украины.

Литература

1. Вячеслав Никонов: Сейчас нужен конструктивный диалог по всем направлениям // Фракция «Единая Россия» в Государственной думе [Сайт]. – URL: <http://www.er-duma.ru/news/62992/> (дата обращения: 10.04.2017).

2. Лев Шлосберг – российский оппозиционный политик. Часть либералов в России оказались имперцами. – URL: <https://www.ukrinform.ru/rubric-politycs/2100000-lev-slosberg-rossijskij-oppozicionnyj-politik.html> (дата обращения: 10.04.2017).

3. Украинский кризис и война за сознание людей. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Украинский_кризис_и_война_за_сознание_людей (дата обращения: 9.04.2017).

5. Яблоко. Россия и Украина. Заявление политического комитета (30.10.2014). – URL: http://www.yabloko.ru/reshenija_politicheskogo_komiteta/2014/10/30 (дата обращения: 11.04.2017).

*Н.А. Тирон, курс. 7 ф-та ВУНЦ ВВС
«ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
В.В. Белоусов, канд. истор. н., преп. ВУНЦ ВВС «ВВА»
(Воронеж)*

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СССР КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Система военно-патриотического воспитания молодежи в Советском Союзе была направлена на массовую работу по воспитанию подрастающего поколения в духе патриотизма и готовности к защите Родины с оружием в руках. Ключевое место занимала работа по подготовке молодых людей к службе в рядах вооруженных сил СССР.

В Российской Империи для этого существовала разветвленная сеть специальных военных учебных заведений закрытого типа, получивших наименование «кадетские корпуса». Временное правительство, пришедшее к власти в феврале 1917 г., 31 августа преобразует все кадетские корпуса и военно-учебные заведения подобного типа в гимназии военного ведомства. [1, URL]. Большевики же, утвердившиеся у власти в октябре 1917 г., взяли курс на полное устранение бывших кадетских корпусов как оплотов самодержавия. 16 октября 1918 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет принимает декрет «Об единой трудовой школе РСФСР», согласно которому гимназии

военного ведомства к началу нового учебного года должны были быть преобразованы в единую трудовую, политехнического типа, бесплатную школу [2, URL]. В результате всех этих мер кадетские корпуса окончательно прекратили свое существование в России, превратившись в обычные гражданские учебные заведения.

Однако, уже в начале 20-х гг. стало понятно, что единые трудовые школы не могут в полной мере удовлетворить потребности военно-учебных заведений, готовивших командиров для РККА, в грамотных абитуриентах. В связи с этим в период с 1921 по 1925 гг. в Петрограде, Баку, Фергане и Харькове были созданы специальные военно-подготовительные школы, занимавшиеся подготовкой своих абитуриентов к поступлению в военные школы. В них принимали подростков и юношей в возрасте от 14 до 18 лет, срок обучения разнился от 3 до 4 лет. Однако в 1929-1930 гг. все эти школы ликвидируются.

Новый этап развития специальных военно-учебных заведений для молодежи школьного возраста начинается в 1937 г. Резкий рост численности РККА в конце 30-х гг. обострил кадровую проблему, вынудив правительство расширять сеть военно-учебных заведений для подготовки комсостава при одновременном сокращении срока обучения в них с трех до двух лет. А это повысило требования к начальному уровню подготовки будущих курсантов. Поэтому у руководства страны возникла идея создания специализированных средних военных школ, которые будут заниматься их подготовкой [3, URL]. 5 мая 1937 пять московских средних школ в качестве эксперимента начали подготовку юношей 8-10 классов, годных по состоянию здоровья к военной службе, по особой программе, приближенной к программам военных училищ. По итогам обучения выпускники таких школ могли поступать в артиллерийские военные училища [4, с. 139]. Эксперимент оказался успешным. В апреле 1938 г. появляется Положение о специальных школах. В скором времени по всей стране было создано 16 подобных учебных заведений. А в 1940 г. было создано также более десятка специальных военно-морских школ и спецшкол ВВС.

Внутренняя организация спецшкол была основана на принципах, схожих с принципами организации кадетских корпусов, хотя по идеологическим причинам это не афишировалось. Как и кадеты, спецшкольники носили военную форму одежды, похожую на офицерскую, и каждая спецшкола имела свое Знамя.

Артиллерийские спецшколы просуществовали до 1946 г., когда они были преобразованы в подготовительные училища, упраздненные в 1955 г. Также в 1944 г. в подготовительные училища ВМФ были преобразованы в военно-морские спецшколы. Спецшколы ВВС просуществовали в неизменном виде вплоть до их упразднения в 1955 г. [4, с. 142].

Новый этап развития системы военизированных заведений для детей школьного возраста начинается в самый разгар Великой Отечественной войны. В год коренного перелома был создан новый тип учебных заведений – Суворовские и Нахимовские военные училища. Согласно Постановлению Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) от 21 августа 1943 г. "О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации" наряду с другими мероприятиями по устранению последствий разрушительной войны предусматривалось создание для детей воинов Красной Армии и партизан Отечественной войны, а также детей-сирот, родители которых погибли от рук немецких оккупантов, девяти суворовских военных училищ "типа старых кадетских корпусов, по 500 человек в каждом, всего 4500 человек со сроком обучения 7 лет, с закрытым пансионом для воспитанников" [5, с. 52-53]. Кроме того, в том же 1943 г. были созданы ещё два СВУ, в городах Ташкент и Кутаиси, относившиеся к системе НКВД [6, с. 71-72].

При организации училищ практически в полном объеме восстанавливались кадетские порядки. Срок обучения составил семь лет, что в значительной мере повысило качество воинского воспитания. Это также способствовало лучшему сплочению коллектива воспитуемых, выработке ритуалов, традиций и т.д. Единственно, по идеологическим соображениям, от наименования «кадетский корпус» отказались, назвав новые учебные заведения именем самого прославленного русского полководца – А.В. Суворова. Военно-морское училище получило имя великого флотоводца, адмирала П.С. Нахимова.

При формировании новых училищ было сделано все возможное, чтобы в них работал самый лучший педагогический состав. При этом руководство страны предприняло максимум усилий для того, чтобы связать Суворовские и Нахимовские училища с боевыми традициями Красной Армии. В частности, воспитатели и командиры отбирались из числа лучшего офицерского состава, в то же время предпочтение отдавалось офицерам, имевшим реальный боевой опыт, т.е. фронтовикам [6, с. 144].

Опыт создания и функционирования первых военных учебных заведений нового типа оказался успешен, поэтому 4 июня 1944 г. ГКО принял постановление об открытии в стране еще шести суворовских военных училищ.

С первых дней руководством страны и начальниками училищ предпринимались усилия по созданию славных традиций, могущих послужить мощным воспитательным элементом в работе новых учебных заведений. Так, 19 декабря 1943 г. большинству сформированных первых училищ в торжественной обстановке были вручены Боевые красные знамена. Это означало, что они становились воинской частью. Но самым запоминающимся событием стало участие представителей четырех суворовских военных училищ (Тульского, Орловского, Калининского и Горьковского) в Параде Победы 24 июня 1945 г. в составе сводного полка суворовцев. В последующем это стало славной традицией.

Восходящий процесс развития суворовских и нахимовских училищ был остановлен в конце 50-х гг. Еще в 1953 и 1955 гг. были упразднены Рижское и Тбилисское нахимовские военно-морские училища. А в период с 1960 по 1968 гг. было ликвидировано 11 суворовских училищ под предлогом того, что потребность армии в офицерских кадрах ввиду её сокращения значительно снизилась [7, URL]. Под этой маркой происходило изменение программы в оставшихся училищах в сторону упрощения и сокращения сроков обучения сначала до трех, а с 1969 г. – до двух лет.

Но, несмотря на все негативные моменты, система суворовских и нахимовских военных училищ продолжала функционировать и выполнять возложенные на них задачи – готовить будущих офицеров Советской армии на высоком профессиональном уровне. Они доказали свою жизнеспособность, что во многом помогло сохранить систему ранней подготовки офицерских кадров в сложные 1990-е гг.

Литература

1. Самович А.Л. Судьба императорских кадетских корпусов после 1917 года в России и за рубежом // Независимое военное обозрение. – № 033 (107) от 04 сентября 1998: электронное издание. URL: <http://vojnuk.org/civilwar/7>.
2. 1918.10.16. Декрет об единой трудовой школе РСФСР (положение). URL: <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/oficialnye-dokumenty/19181016-dekret-ob-edinoi-trudovoi-shkole-rsfsr-polozhenie.html#.WE-MTLKLTcs>.
3. Монахов Н.Я. Специальные артиллерийские школы // Бомбардир. – №9. – 2000. URL: <http://www.ruscadet.ru/history/milschool/art/artspecschool.htm>.

4. Абрамов А.П. Социокультурная трансформация личности в условиях реформирования системы средних специализированных военно-учебных заведений. – М: Директ-Медиа, 2014. – 425 с.

5. О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации. – М.: Огиз Госполитиздат, 1943. – 63 с.

6. Плеханов А.М., Попов А.А. Наследники А.В. Суворова. От кадетских корпусов России к суворовским военным училищам войск НКВД (МВД), КГБ СССР (1731-1960 гг.): Исторический очерк. – М.: РУСАКИ, 2001. – 279 с.

7. Толокольников Г.П. Суворовские, нахимовские... – М.: Лель 93, 2003. – 360 с.
URL: http://www.kadet.ru/lichno/Tolok/Suv_nah/Artil/Artil.htm.

*А.І. Гатоўчыц, факультэт Славянскіх і Германскіх моў БарГУ
(Беларусь, г. Баранавічы)
Навук. Кір. – канд. філалагічных навук, дац. А.В. Солахаў*

СЕМАНТЫКА АФАРЫЗМАЎ У МОВЕ ТВОРАЎ ІВАНА ШАМЯКІНА

*Пісьменнік павінен быць што партызан: прайсці там, дзе ніхто не можа
прайсці.
І. Шамякін. “Слаўся, Марыя!”*

Афарызм (грэч. aphorismos – азначэнне, сціслае выслоўе) – крылатае выслоўе канкрэтнага аўтара. У сціслай, лаканічнай форме яно трапна выказвае якую-небудзь абагульненую, тыпізаваную, закончаную і глыбокую думку.

Афарыстычная манера пісьма ў той або іншай ступені ўласціва многім беларускім пісьменнікам і паэтам. Сярод іх на адным з першых месцаў знаходзіцца імя народнага пісьменніка Беларусі Івана Шамякіна, мова прозы якога вызначаецца яркімі, трапнымі, запамінальнымі афарыстычнымі выказваннямі, што выяўляюцца не толькі ў аўтарскай мове пісьменніка, але і ў мове герояў яго апавяданняў, аповесцей і раманаў.

Вядома, выказаць думкі сцісла, трапна ды яшчэ абагульніўшы шматлікі жыццёвы вопыт – задача складаная, але Івану Шамякіну яна аказалася па плячу. Мова твораў гэтага пісьменніка насычана самымі рознымі як па структуры, так і па зместу афарызмамі.

Афарызмы Івана Шамякіна адлюстроўваюць роздум пісьменніка над чалавечым прызначэннем на зямлі, філасофскія разважанні аб сутнасці сям’і і свету, аб узаемаадносінах паміж людзьмі, няспынным думкі пра лёс свайго народа і Бацькаўшчыны. Афарызмы Івана Шамякіна нібыта састаяць з усіх тых думак, пра якія патрэбна разважаць, пытанняў на якія патрэбна шукаць адказы. Напр.: *Хіба не можа настаўнік пакахаць сваю былую вучаніцу?* [4, с. 37]; *...Праўда — у кожнага свая. У багатага — адна, у беднага — другая...* [4, с. 65]; *Гэта, можа, адзіная каштоўнасць у гэтым вар’яцкім свеце — любоў мужа і жонкі, дзеці, сям’я* [4, с. 204]; *Самае страшнае — сысці са сцэны і быць забытым пры жыцці* [6, с. 8].

У творах пісьменніка сустракаюцца амаль усе зместавыя разнавіднасці афарыстычных выказванняў, што называе Я. Я. Іваноў: і “сентэнцы”, і “максімы”, і “грыгеры” (“трапныя словы”), і “парадоксы” [2, с. 64].

Сентэнцыі – афарызмы, у якіх адлюстраваныя заканамернасці рэчаіснасці не супярэчаць існуючаму ў рэальным свеце парадку рэчаў, належаць да значных, істотных (у тым ліку і ў чалавечым жыцці) з’яў , але не вымагаюць абавязковага волявыяўлення

чалавека: *Рэвалюцыя — гэта рух мільённых мас. Рабочых, сялян, салдат. Гэта ломка псіхалогіі* [6, с. 13]; *Лёс сам шчодр а сыпле чалавеку даброты, а пасля, як бы патрабуючы плату, наносіць удары* [5, с. 88]; *...выхаванне — такі хітры механізм, які павінен быць заўсёды схаваны і разам з тым ні на міг не спыняцца, не грымець, не ляскаць, не дыміць, не чадзіць, але працаваць безадказна* [3, с. 7]; *Паважаныя сур'ёзныя людзі, узяўшы вуду ці стрэльбу, ператвараюцца ў дзяцей і мюнхгаўгенаў* [3, с. 22].

Максімы – афарыстычныя выказванні, што адлюстроўваюць заканамернасці рэчаіснасці, залежныя па форме і ўмовах праяўлення (або існавання) ад чалавечых паводзін: *Ад сябе грабе адна дурная курыца, людзі грабуюць пад сябе – каб цяплей было, мякчэй* [4, с. 258]; *Пісьменнік павінен быць што партызан: прайсці там, дзе ніхто не можа прайсці* [5, с. 63]; *Так проста быць Чалавекам. I – во парадокс! – так няпроста ім заставацца ў любой сітуацыі* [5, с. 208]; *Паважаныя сур'ёзныя людзі, узяўшы вуду ці стрэльбу, ператвараюцца ў дзяцей і мюнхгаўгенаў* [3, с. 22]; *Калі чакаеш нечага незвычайнага, жывеш у напружаннасці, запамінаецца кожны дзень* [3, с. 64].

Грыгеры – афарызмы, у якіх адлюстроўваюцца заканамернасці рэчаіснасці, што не належаць да глабальных (ці значных, істотных толькі ў жыцці чалавека) праяўленняў упарадкаванасці свету: *Народ любіць, калі калашмацяць начальства* [4, с. 258]; *Дрэжны камерсант той, хто не ведае магчымасцей партнёра і канкурэнта* [4, с. 277]; *Не трэба залішне многа прызнанняў! Ва ўсім павінна быць разумная мера, у каханні таксама – ці, можа, нават — тым больш у каханні* [5, с. 49]; *Любоў – яднанне дзвюх душ. Каханне – гэта агонь, які запаліста ўспыхвае, але лёгка можа і патухнуць. Гэта – песня, якая дае асалоду, але можа хутка і скончыцца. А калі з'яўляецца любоў, то яна звязвае навечна. Яна — не мёд, яна — жытнёвы хлеб, у якім маем патрэбу штодня, і яна, люоў, як хлеб арганізму, дае жыццёвую сілу пачуццю* [5, с. 57].

Парадоксы – афарызмы, у якіх адлюстроўваюцца заканамернасці рэчаіснасці, якія супярэчаць існуючаму ў свеце парадку рэчаў, але разам з тым тлумачацца з рацыянальнага пункту гледжання: *Нельга адказнаму работніку хадзіць у госці! Людзі хутка губляюць дыстанцыю* [3, с. 29]; *...выхаванне – такі хітры механізм, які павінен быць заўсёды схаваны і разам з тым ні на міг не спыняцца, не грымець, не ляскаць, не дыміць, не чадзіць, але працаваць безадказна* [3, с. 7]; *Так проста быць Чалавекам. I – во парадокс! – так няпроста ім заставацца ў любой сітуацыі* [5, с. 208]; *Гонар не ўкусіш. А ён кусаецца, наш гонар...* [5, с. 163]; *Слова... што зімовае сонца: чым ярчэй свеціць, тым мацней мароз* [5, с. 83].

Афарызмы І. Шамякіна не наўмысная гульня розуму і не сродак стылістычнага ўпрыгожвання тэксту, а своеасаблівы спосаб адлюстравання ў мастацкім творы аўтарскіх пошукаў ісціны, пошукаў адказаў на адвечныя пытанні жыцця.

Афарызмы І. Шамякіна абавязаны сваім стварэннем актуальным пытанням свайго часу, многія з якіх не страцілі сваю актуальнасць і ў наш час. Яны размяркоўваюцца ў наступныя тэматычныя групы:

Сям'я, дзеці: *Гэта, можа, адзіная каштоўнасць у гэтым вар'яцкім свеце – любоў мужа і жонкі, дзеці, сям'я* [4, с. 204]; *За роднае дзіця ўсё аддасі* [4, с. 308]; *Якія словы могуць суцешыць, калі чалавек траціць самае дарагое — роднае дзіця!* [4, с. 381].

Каханне: *Хіба не можа настаўнік пакахаць сваю былую вучаніцу?* [4, с. 37]; *У закаханага думкі чыстыя, як у дзіцяці* [6, с. 340].

“Таварна-гандлёвыя” адносіны паміж людзьмі: *Ад гэтага і бяда, што ўсё стала таварам* [4, с. 67]; *Якая яна салодкая – прыватная ўласнасць!* [4, с. 191]; *Дрэжны камерсант той, хто не ведае магчымасцей партнёра і канкурэнта* [4, с. 277].

Праца: Уменне не прыходзіць адразу ні да аднаго самага таленавітага майстра [4, с. 137]; Адна праца адганяе змрочныя думкі [4, с. 415]; Не жыве ж чалавек адной працай! [3, с. 86].

Бог, рэлігія: У кожнага – сваё месца. Богам назначанае. І ніхто не зможа яго заняць [4, с. 314]; Біблія – гэта найвышэйшая філасофская мудрасць [4, с. 326]; Моляцца не лбом — душой [4, с. 351].

Роздумы пра праўду: ...Праўда – у кожнага свая. У багатага — адна, у беднага — другая... [4, с. 66].

Роздум пра жыццё: Жыццю вучыць жыццё [4, с. 108], ...гарэлка губіць талент [4, с. 119].

Палітыка: Нацыяналізм, які не пагражае іншым народам, мае права на жыццё, ён, такі нацыяналізм, узвысіць народ, надасць яму пачуццё годнасці [4, с. 138]; Любая рэвалюцыя – стыхія, у яе мімаволі ўцягваюцца нават далёкія ад палітыкі людзі [4, с. 140].

Улада: Самая цяжкая хвароба вялікай партыі: манаполія думкі, няўменне вярхушкі выслухаць нізы [4, с. 151].

Шчасце: Пачуццё меры — аснова чалавечага шчасця [4, с. 175]; Шчасце – у жончынай вернасці [4, с. 242].

Вайна, ваенныя: Атамная вайна – канец свету, што ў такой вайне не толькі згіне ўсё жывое – згасне сонца [4, с. 378]; Ваенныя – найбольш кансерватары [4, с. 365].

П'янства: ...гарэлка губіць талент [4, с. 119]; ...У п'янага яны блізка, слёзы [4, с. 136]; Без тостаў – п'янка, з тостамі – баль, калі не палітычны, то масава – культурны спектакль. А ў спектаклі сапраўды добра п'ецца [4, с. 290].

Розум, веды: Галаву, каб не пуставала, трэба напаяць [4, с. 259].

Радзіма, мова: Без адчування малой зямлі няма адчування вялікай [4, с. 388]; Мова народа – жыццё ва ўсіх праявах яго [6, с. 350].

Голад: ...На якія хітрыкі не ідзе галодны чалавек! [3, с. 87].

Агульныя развагі пра час, грамадства, чалавечыя якасці: Кожны час мае свае законы і нормы [3, с. 121]; Няма нічога больш агіднага за здрадніка і шпіёна [3, с. 60].

Такім чынам, можна гаварыць пра тое, што вылучаныя намі афарызмы з твораў І. Шамякіна напісаны на розныя тэмы, а гэта, у сваю чаргу, сведчыць пра шырокае кола хвалюючых яго пытанняў.

Філасофская скіраванасць, вялікае кола хвалюючых праблем і адначасова лірычны настрой індывідуальна-аўтарскіх афарызмаў пісьменніка ярка адлюстраваны ў адным з афарызмаў пісьменніка, узятых намі ў якасці дэвізу да гэтага артыкула: *Пісьменнік павінен быць што партызан: прайсці там, дзе ніхто не можа прайсці* [5, с. 63].

Літаратура

1. Іваноў, Я. Я. Афарызм як прадмет філалогіі і аб'ект лінгвістыкі / Я. Я. Іваноў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. – 1994. – № 3. – С. 61–65.
2. Іваноў, Я. Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) / Я. Я. Іваноў // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. – 2004. – № 1. – С. 63–68.
3. Шамякін, І. П. Выбр. тв.: у 3 т. / Іван Шамякін; прадм. В. Кавалёнкі. – Мінск: Маст. літ., 1992. – Т. 1. Сэрца на далоні: раман; Шлюбная ноч: апавесць. – 541 с.
4. Шамякін, І. П. Палеская мадонна: апавесці: для ст. шк. узросту / Іван Шамякін; маст. М. Рыжы. – Мінск : Юнацтва, 1998. – 590 с.
5. Шамякін, І. П. Пошукі прытулку: апавесці: для ст. шк. узросту / Іван Шамякін; маст. У. М. Аніська. – Мінск : Юнацтва, 2001. — 350 с.

6. Шамякін, І. П. Роздум на апошнім перагоне: дзённікі 1980–1995 гадоў. – Мінск : Маст. літ., 1998. – 527 с.

*Г.С. Махрачев, студ. педагогического института ТГУ им. Г.Р. Державина
(Тамбов)*

Науч. рук. – д-р истор. н., проф. В.В. Канищев

МЕСТНЫЕ И ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Тамбовской губернии наблюдалось уменьшение роли земледелия как основного источника дохода крестьянской семьи и усиление ориентации на неземледельческие промыслы. Кризис земледелия выражался в перенаселении, частых недородах и неурожаях, росте повинностей [2, с. 17]. Недостаток доходов восполнялся местными промыслами с использованием подручных природных ресурсов, и отходами на заработок в соседние уезды, крупные города, а иногда и другие губернии. Среди основных причин этих процессов, наблюдаемых и в соседних губерниях [4, с. 81], были неоднозначные последствия реформы 1861 года, рост численности населения, а также сохранение феодальных пережитков при условиях активно развивающегося капитализма.

Сведения о занятости неземледельческими промыслами на территории Тамбовской губернии собирались в рамках подворных переписей 1880-1884 гг. Очевидно, что рассчитывать на абсолютную точность результатов переписи нельзя. В большинстве случаев погрешность связана с непониманием крестьянами важности упоминания о профессионально практикуемых промыслах [5, с. 128]. Однако это не мешает проследить причины распределения неземледельческих промыслов на примере трех уездов, в которых отмечался самый высокий коэффициент их популярности.

Кризис земледелия ярче всего выразился в Темниковском уезде. Из 18272 [5, с. 132] крестьянских домохозяйств 13560 [5, с. 237] (74,2 %) сообщили о занятии неземледельческими промыслами. Местный промысел лесорубов был отмечен в 2383 дворах [5, с. 228-229] и являлся наиболее распространенным в уезде. Несмотря на многочисленные неудобства [см. 3, с. 167-174] с лесом непосредственно был также связан промысел углежогов, смолокуров, лесников, извозчиков, пильщиков и т.д., т.е. около 40% всех дворов, имеющих какой-либо подсобный земледелию заработок. Основными причинами такой ориентации, помимо ограниченности пахотной земли, была недоброкачественность грунта, обширность леса и наличие казенных дач, в которых крестьяне могли брать на вырубку делянки. Вырабатываемые лесные материалы сбывались на близлежащих базарах для местного потребления, в г. Темникове и в пограничных уездах Пензенской губернии [5, с. 179].

Отхожие промыслы были распространены в Темниковском уезде в малой степени. Согласно статистическим данным, на 27868 [5, с. 132] человек рабочего мужского населения (18-60 лет) за 1877-1881 гг. было выдано в среднем 3685 годовых и полугодовых паспортов [5, с. 239], что составляло 13 паспортов на 100 человек. Очевидно, что паспорта выдавались не только на нужды отхожих промышленников, но именно они составляли основную массу получателей. Уходили преимущественно по направлению Центрально-промышленного региона. Работали на заводах и железных дорогах, устраивались в качестве домашней прислуги, конюхов, дворников, кучеров [1, с. 132].

В Елатомском уезде на 20099 [7, с. 172] крестьянских домохозяйств приходилось 14468 таких [7, с. 117] (72%), что сообщили о занятии неземледельческими промыслами. В отличие от Темниковского, Елатомский уезд в большей степени был ориентирован на отхожие промыслы. На 31653 [7, с. 172] человек рабочего мужского населения за 1877-1881 гг. в среднем было выдано 8295 [7, с. 119] годовых и полугодовых паспортов, т.е. 26 паспортов на 100 человек, что являлось максимальным по губернии. Преобладающей ориентацией отхода было речное и морское судоходство. Работой бурлаками или матросами промышляли жители 3556 дворов [7, с. 106-107, 110-111]. Исстари многие крестьяне уходили в Астрахань, где промышляли моряками и рыболовами на Каспийском море [7, с. 89-90]. Часто плавали матросами и кочегарами на Волжских и Донских пароходах [7, с. 91-92]. Однако это направление возникло после строительства железной дороги и только начинало осваиваться, оттягивая часть крестьян с судоходного плавания по реке Цне, Мокше и Оке.

В Шацком уезде из 21858 [6, с. 148] крестьянских домохозяйств в 15607 [6, с. 207] (71,4%) указали на занятие тем или иным видом вне земледельческого промысла. Плотничество, которым занимались жители 4377 дворов [6, с. 202-203], во многом было обусловлено потребностями самих крестьян и распространялось повсеместно, однако в рассматриваемом уезде получило наибольшее развитие по губернии.

Рассматриваемый уезд был в бошей степени ориентирован на отхожие промыслы: на 35000 [6, с. 148] человек рабочего мужского населения за 1877-1881 гг. в среднем было выдано 8115 годовых и полугодовых паспортов [6, с. 209], т.е. 23 паспорта на 100 человек. Основным видом отхожего промысла было плотничество, которым занимались главным образом в Донской области и в южных уездах Саратовской губернии, частью в Воронежской губернии и южных окраинах Тамбовской губернии [6, с. 151]. Отхожее плотничество, давно распространившееся в среде государственных крестьян уезда и активно поддерживавшееся помещиками, получавшими с этого высокий оброк, после отмены крепостного права, а также строительства железной дороги, заставившей часть крестьян перейти из бурлаков в плотники, стало пользоваться широкой популярностью.

Соотношение дворов, в которых сообщали о занятии неземледельческими промыслами, к общему числу в трех рассмотренных уездах превышает 70%. Основными факторами, повлиявшими на распределение местных неземледельческих промыслов, являлись природные условия и исторически сложившаяся занятость крестьян. Отходы крестьян не ограничивались только близлежащими губерниями и определялись, с одной стороны, потребительскими рынками, а с другой – исторически сложившимися предпочтениями.

Литература

1. Ловцова М.С. Неземледельческие отхожие промыслы крестьянства Темниковского и Моршанского уездов Тамбовской губернии в последней четверти XIX в. / М.С. Ловцова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – Вып. 1. – С. 130-135.
2. Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX в. (взаимоотношения города и деревни в социально-экономическом строе России) / Рындзюнский П.Г. – М.: Наука, 1983. – 268 с.
3. Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.) / Рындзюнский П.Г. – М.: Наука, 1966. – 259 с.
4. Хромых А.В. Отхожие и местные промыслы крестьян Орловской губернии на рубеже XIX – XX вв. / А.В. Хромых // Теоретические и прикладные аспекты современной науки (сборник научных трудов по материалам V Международной научно-

практической конференции 30 ноября 2014 г. в 6 ч.). – Ч. 4. – Белгород: Эпицентр, 2014. – С. 81-85.

5. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 4. Темниковский уезд. Тамбов: Изд-во Тамбовского губернского земства, 1883. [459] с.: табл.

6. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 6. Шацкий уезд. Тамбов: Изд-во Тамбовского губернского земства, 1884. II, [435] с.: прил., табл.

7. Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. В 24 т. Т. 7. Елатомский уезд. Тамбов: Губернская земская тип., 1884. II, [2], 120, 234, 6, 30 с.: табл.

***В.В. Хилько, студ. историко-филологического ф-та ПГУ
(Пенза)***

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Л.Б. Гурьянова

ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАДПИСЕЙ НА ПАМЯТНИКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ г. ПЕНЗЫ)

Культурологи считают, что «для большинства людей представления о днях минувших формируются в первую очередь под воздействием множества форм «коммеморации» [1, URL], к которым относятся памятные знаки, архитектурно-мемориальные сооружения, бюсты, стелы и т.п.

В городе Пензе, образованном в 1663 году, есть немало городских объектов, призванных сохранить память о людях, которыми гордится Сурский край, и наиболее важных событиях в его истории. Среди таких объектов памятники, которых на настоящий день насчитывается 84.

Ознакомившись с их реестром, мы составили следующую классификацию:

1. Памятники, посвященные истории создания города (*скульптурная композиция «Первопоселенец»; звонница с мортирой на месте крепостной башни*);

2. Памятники выдающимся деятелям культуры XIX – XX вв. (например, *бюст А.С. Пушкина; памятник живописцу К. А. Савицкому*);

3. Памятники врачам и деятелям здравоохранения (например, *бюст врача-терапевта Г. А. Захарьина; бюст врача-педиатра Н. Ф. Филатова*);

4. Памятники военным деятелям XIX – XX вв. (например, *бюст генерала Н.П. Слепцова; бюст М. В. Фрунзе*);

5. Памятники представителям советской власти (например, *памятник В. И. Ленину; бюст И. В. Сталина*);

6. Памятник участникам Великой Отечественной войны (например, *бюст летчика-истребителя В. Д. Гуляева; бюст Героя Советского Союза, летчика Е.Д. Басулина*);

7. Памятники погибшим в локальных конфликтах (*мемориальный комплекс «Разорванная звезда», посвященный пензенцам, погибшим в ходе боевых действий в Афганистане в 1979—1989 годах*);

8. Памятники сотрудникам органов внутренних дел, органов безопасности, пограничникам (например, *Памятник участковому; памятник Ф.Э. Дзержинскому*);

9. Памятник участникам ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС;

10. Памятник космонавту (*стела лётчику-космонавту В. И. Пацаеву*);

11. Памятник спортсмену (*памятник хоккеисту Ю. И. Мусееву*);

12. Малые скульптурные и архитектурные формы, композиции, модели XX – XXI вв. (например, *памятник токарю; памятный знак «Росток»; монумент «Глобус»; скульптурная композиция «Семья»*);

13. Памятные знаки военной и гражданской техники (например, *паровоз С^р 213 – 89; танк Т-34 из колонны «Пензенский комсомолец»*).

За последнее время в городе обсуждается открытие новых памятников, нередко этот вопрос становится предметом жарких дискуссий представителей власти и населения. Так, накануне 350-летия города спорили о том, устанавливать ли памятник царю Алексею Михайловичу Романову, по указу которого в 1663 году на реке Суре было велено строить город Пензу [2, URL]. В Пензенской области был объявлен открытый конкурс на лучший его проект, но памятник так и не был установлен.

В октябре 2016 года город обсуждал вопрос об установке памятника новомученикам, жертвам гражданской войны и политических репрессий. Возведение мемориала должно стать частью межрегионального проекта, приуроченного к 100-летию трагических событий, при этом расположить памятник намечено напротив памятника борцам революции [3, URL]. Жители города не согласны с местом установления памятника. Как можно устанавливать памятника жертвам репрессий напротив памятника борцам революции? Может быть, выбрать другое место для установки памятника? Этот вопрос остается открытым.

Далеко не все памятники Пензы вызывают такие ожесточенные споры. Несомненно, украшением нашего города является скульптурная композиция «Шкатулка «Русские народные пословицы», которую в 2010 году установила компания «Мегафон» в сквере имени А. С. Пушкина.

Герой композиции — солдат, потомок первого пензенского воеводы, собиратель пословиц Иван Лачинов. На скульптурной композиции представлены самые важные пословицы: *«Надо сегодня заботиться о том, что будет завтра. В общем строю в ногу шагают. Старый друг лучше новых двух. Без труда не выловишь и рыбку из пруда»*.

Однако надписи на памятниках не всегда соответствуют логике и смыслу.

В Пензе у пересечения улиц Тамбовской и Куйбышева есть сквер, в котором расположен священный для жителей нашей области мемориальный комплекс, включающий в себя памятник «Проводы» и гильзы с землей, привезенной с могил бойцов 354 стрелковой дивизии. На камне высечены слова: *«Священная земля с мест боев в ВОВ пензенских воинов»*.

Насколько эта надпись соответствует сегодняшнему дню? Это неуважение к нашим предкам, которые ценой своей жизни защищали нашу Родину. Для нас является непозволительным сокращение *Великая Отечественная война* до 3-х начальных букв: ВОВ или В.О.В. Вероятно, текст следовало бы сформулировать более корректно.

Самый первый памятник после Великой Октябрьской революции был открыт в Пензе 1 мая 1918 года. Он запечатлел образ великого учителя мирового пролетариата Карла Маркса. На памятнике расположена надпись: *«Карл Маркс»*. Наверное, она должна быть более информативной, так как не все жители знают и помнят немецкого философа и экономиста.

Недавно в Пензе открыли единственный в России памятник токарю. Прототипом для памятника послужил легендарный токарь, который проработал 43 года на заводе и все это время простоял у одного станка. Отсутствие надписи на памятнике свидетельствует о поспешности его открытия, поэтому жители города в настоящее время не могут узнать, посвящен ли он конкретному человеку или же всем представителям данной профессии.

На празднования семидесятилетнего юбилея Пензенской области, 4 февраля 2009 года, в центре города бы открыт памятник «Добрый ангел мира». На плитах у основания высечен текст, посвященный описанию памятника, авторам художественной концепции композиции, пензенским меценатам XIX-XXI вв., почетным гражданам Пензы.

К сожалению, в информации об известных людях нет единообразия. Так, например, при описании деятельности благотворительницы М. М. Киселевой текст конкретизирован: «*КИСЕЛЕВА Мария Михайловна (1798-1887). Благотворительница, попечительница о бедных и нуждающихся. На ее средства построены богадельня в Пензе, несколько храмов в Пензенской и Саратовской губерниях, Сибири, а также Иерусалиме, Назарете и Палестине. Награждена орденами Св. Екатерины, Спасителя и Такова*».

Совсем иначе выглядит надпись, посвященная меценату наших дней: «*БУКИН Олег Васильевич Российский меценат, активный участник и спонсор благотворительных программ национального масштаба, Кавалер высоких общественных наград*». Текст не содержит никакого конкретного материала, поэтому является мало достоверным.

В тексте, посвященном бывшему губернатору Василию Кузьмичу Бочкареву, удивляет фраза: «*Почетный житель города Пензы, Гагаузии*». Вряд ли это сопоставимые единицы, ведь Пенза – это город, а Гагау́зия, или Гагау́з Ери – автономное территориальное образование на юге Молдавии.

В текстах, посвященных Александру Евгеньевичу Щербакову и Людмиле Алексеевне Лозицкой, содержатся ошибки: *они награждены Орденом Трудового Красного Знамени*. Слово орден должно писаться со строчной буквы.

В тексте, посвященном Валентину Михайловичу Журавлеву, слово орден не только написано с заглавной буквы, но и употреблено в единственном числе: *Награжден Орденом Трудового Красного Знамени и Дружбы народов*.

Монумент «Добрый ангел мира» является городской достопримечательностью международного значения, поэтому ошибки и неточности в текстах, расположенных на нем, недопустимы.

Надписи на памятниках должны быть информативными: рассказывать о человеке, о роде его деятельности, годах жизни или о событии, которое мы хотим увековечить в памяти людей. Конечно же, они не должны содержать орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок.

Литература

1. Библиотека Либрусек [электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec/b/429779>.
2. PenzaNews.ru: [сайт]. URL: <https://penzanews.ru/culture/18348-2010>.
3. PenzaNews.ru: [сайт]. URL: <https://penzanews.ru/society/106724-2016>.

*Нань Чжоу, студ. кафедры русского языка ИМО ВГУ
для иностранных учащихся основных факультетов
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., ст. преп. Е.Е. Орехова*

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ: РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА

Религиозная культура как часть культурных ресурсов туризма играет определенную роль в системе международного и внутреннего туризма отдельных государств мира. В сегодняшние дни некоторые люди путешествуют за границу для того, чтобы побывать в святых местах. Они считают, что через изучение сущности традиционных религий

можно обогатить свои жизни, расширить кругозор. Все это может значительно влиять на прогресс культуры и духовной цивилизации человека. Туристы активно знакомятся с религиями, принимают участие в разных религиозных мероприятиях и получают радость и удовольствие от них. В последние годы с развитием дружеских отношений между КНР и РФ все больше и больше китайских туристов стремятся путешествовать по России благодаря ее богатой религиозной культуре. Статистика показывает, что число китайских туристов в России постоянно увеличивается и в прошлом году превысило 1288000 человек [1]. В это число входят не только верующие, но и обычные люди, которые просто увлекаются религиозной культурой. Почти все бывают в известных храмах в Москве и Петербурге, а некоторые посещают церкви в маленьких городах.

Всем известно, что Россия – многонациональное государство, множество народов населяют ее земли. На территории страны есть представители различных вероисповеданий. Основные религии в России – это христианство, ислам и буддизм.

1. Христианство

Самое главное направление христианства в России — православие. В X веке киевский князь Владимир принял православие от Византии. В 988 году сначала князь Владимир был крещен сам, а затем и все киевляне и жители других русских сел и городов. С того времени православие стало государственной религией России, а символ православия – многочисленные соборы и церкви.

Безусловно, каждый, кто побывал в России, обязательно приезжал в Москву. Москва – сердце России, а Красная площадь – центр Москвы, поэтому каждый год здесь собираются тысячи людей. Успенский собор как очень типичный, а Покровский собор как уникальный православный собор на Красной площади привлекают многих туристов из разных стран своими тайнами и красотой. В последние годы многие китайцы специально приезжают в Москву любоваться этими золотыми соборами, они рассматривают иконы, участвуют в разнообразных религиозных мероприятиях.

Кроме этих мест, знаменитый храм Невского проспекта – Казанский кафедральный собор – и Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге тоже пользуются любовью туристов.

Еще некоторые отправляются на экскурсии в монастыри, например, осматривают ансамбль бывшего Ферапонтова монастыря, Зачатьевский ставропигиальный женский монастырь, Высоко-Петровский ставропигиальный мужской монастырь и т. д.

2. Ислам

Ислам является второй по численности верующих религией в России после христианства. На самом деле в истории России отношения между государством и исламом складывались не слишком хорошо, но бесспорно, что мусульмане играли огромную роль в процессе расширения территории Российской империи. Естественно, ислам добился соответствующих прав и привлекает все больше людей в свои ряды.

В настоящее время происходит процесс духовного воссоединения российских мусульман с единоверцами за рубежом, осознание российскими мусульманами себя как части исламского мира, и из этого видно глубокое влияние ислама на мир.

В Китае тоже есть люди, исповедующие ислам. Китайские мусульмане увлекаются исламской культурой России, они бывают в Грозном – столице Чеченской Республики, чтобы посмотреть мечеть «Сердце Чечни» имени Ахмата Кадырова, ведь это одна из крупнейших мечетей не только в России, но и в Европе. Они также прилетают из Китая в Санкт-Петербург смотреть Соборную мечеть.

3. Буддизм

Буддизм – еще одна из распространенных на территории страны религиозных традиций. Глубокое буддийское знание с его большим количеством смыслов канона

пробуждает живой интерес у все большего числа китайских туристов. В России буддизм имеет свою многовековую традицию, исторически развиваясь на территории Калмыкии, Бурятии и Тывы и являясь одной из четырех традиционных религий государства.

Буддийские общины существуют в Санкт-Петербурге, Москве и других городах России. Главным буддийским центром в европейской части России является, конечно, Санкт-Петербургский дацан – буддийский монастырь. Там молятся самые различные люди: люди с разным уровнем образования, разных культур, разного социального статуса. В Бурятии находится центр буддизма всей России, там дацаны существуют во всех районах. Иволгинский дацан – памятник истории Бурятии, он известен во всем мире. В Китае буддисты тоже часто собираются и вместе молятся, их объединяет одно: вера в учение Будды. Глубокая буддийская культура поможет укрепить связи между китайскими и российскими последователями буддизма.

Безусловно, больше и больше людей не только из Китая, но и из других стран узнают и любят религиозную культуру России, полную и тайны, и красоты. Ее стоит изучать, чтобы понять страну и народ. А теперь существует много туристических компаний, которые предоставляют возможность путешествовать с удобствами, но надо отметить, что при составлении маршрутов религиозного туризма необходимо формировать группы, однородные по вероисповеданию. Видно, что связи между РФ и КНР могут стать крепче и теснее благодаря общению в сфере религиозной культуры.

Литература

1. Сайт национального бюро туризма КНР / Электронный ресурс: http://www.cnta.gov.cn/xxfb/hydt/201704/t20170414_822361.shtml.

*Шу Юэ, студ. ф-та международных отношений ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р истор. н., доц. М.В. Кирчанов,
канд. филол.н., ст. преп. Е.Н. Фарха*

КИТАЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Прежде всего, необходимо сказать, что Китай – государство, где сосуществуют различные религии. Ни для кого не секрет, что различия в вероисповедании всегда являлись причиной ссор и конфликтов. Исламская религия в Китае занимает одно из важнейших мест среди других религий. Вопросы, связанные с этой религией, являются наиболее острыми и противоречивыми.

Мусульманин – последователь ислама [1, с. 860]. Мусульмане верят, что Бог (Аллах) вечен, трансцендентен и абсолютно один. Они также считают, что Аллах бесподобен, самодостаточен, не рождает и не был рождён. Мусульмане верят, что ислам является завершающей стадией авраамических религий, передававшихся через таких пророков.

Ислам появился в Китае очень давно, примерно в 618 году, т.е. в начале эпохи Тан (618 – 907 гг.), с северо-запада, через Синьцзян, и морским путём с юго-востока. Мусульманами в Китае были тогда в основном арабы и персы. В эпоху Тан китайцы поддерживали связи как с центрально-азиатскими, так и с арабскими царствами.

В 742 году в столице Китая городе Чанъань (Сиань) была построена Большая Сианьская мечеть. В XIII – XIV веках в Китае правила монгольская династия Юань. Некоторые монгольские правители Китая исповедовали ислам и привлекали мусульман к управлению Китаем.

Начиная с династии Юань, все мусульмане Китая (уйгуры, арабы, узбеки, татары и др.) стали называться *хуэй*. В середине XX века словом хуэй официально стали называть только тех мусульман, кто ассимилировался в китайскую среду и говорит на китайском языке, а также их потомков от смешанных браков. Китайцы традиционно называют ислам *хуэй-цзяо* (учение хуэй), иногда *исылань* (исламский) и *мусылинь* (мусульманский). Сами мусульмане предпочитают термин *цинъчжэнь-цзяо* (чисто истинное учение).

Хуэйцы проживают в основном в Нинся-Хуэйском автономном районе, а также в поселениях провинций Ганьсу, Цинхай, Шаньдун, Юньнань, Хэбэй и Хэнань. Хуэйцы являются самым многочисленным национальным меньшинством Китая, исповедующим ислам. Они говорят на китайском языке и используют китайскую письменность. Незначительная часть хуэйцев знает арабский и персидский язык.

С этнической точки зрения ислам в Китае представлен сегодня десятью национальностями, численность которых составляет около 18 млн. человек. К ним относятся тюркские или тюрко-монгольские общины (уйгуры, казахи, татары, киргизы, узбеки, дунсян), таджики в Синьцзяне, а также мусульмане хуэй (9 млн человек). Китайские мусульмане в основном сунниты ханафитского толка (таджики являются шиитами-исмаилитами).

В настоящее время ислам является самой распространенной религией среди китайской молодежи. По данным исследования, 22,4 % китайцев в возрасте до 30 лет исповедует ислам, тогда как 22 % – католицизм. В то же время, больше половины китайцев старше 60 лет следуют буддизму и даосизму [3, URL]. По мнению профессора университета Реньминь Вей Дедонга, причина, по которой число мусульманской молодежи среди китайцев выше, чем число буддистов и католиков, заключается в том, что «многие последователи ислама относятся к этническим меньшинствам, а у них женщины часто имеют по несколько детей» [4, URL].

Когда в 1949 году в Китае пришли к власти коммунисты, начались репрессии, которые продолжаются до сегодняшнего дня, хотя и в более мягкой форме. Исламские школы и мечети были закрыты, а некоторые уничтожены. Все то, что не соответствовало маоистской доктрине, включая веру и обычаи, презиралось и подвергалось нападкам. Однако после смерти Мао режим существенно смягчился. Страна взяла курс на модернизацию и признание на международной арене. Это привело к строительству новых мечетей и медресе, а также возобновлению работы старых.

Ещё в 1912 году по инициативе Ван Куаня и Ма Линьи в Пекине было организовано «Китайское исламское общество», филиалы которого были открыты во многих провинциях Китая. В настоящее время в Китае около 25 миллионов мусульман, 40000 мечетей, много исламских учебных заведений, газет и журналов. Ежегодно Китайская исламская ассоциация организует группы мусульман для совершения паломничества в Мекку (Саудовская Аравия). Также следует отметить, что на протяжении многих лет в Китай по приглашению Китайской исламской ассоциации приезжают известные мусульманские лидеры и учёные. Члены ассоциации также посещают в качестве гостей многие мусульманские страны [2, с. 68].

Кроме того, делегации Китайской исламской ассоциации принимали участие в работе международных конгрессов. Такие контакты способствуют взаимопониманию и дружбе между китайским народом и народами различных мусульманских стран. Поэтому сейчас в Китае понимают важность изучения разных религий, их культуры и истории развития. На сегодняшний день работа и взаимоотношения Китайской исламской ассоциации с исламскими странами вызывает огромный интерес.

В 2008 году делегация руководства Ассоциации мусульман Китая (АМК) во главе с президентом АМК имамом Чэн Гуангуанем, приезжали в Дагестан с ознакомительным

визитом. Китайские мусульмане встречались с муфтием Дагестана Ахмад-хаджи Абдуллаевым [4, URL].

В целом хуэйцы оставили в истории Китая заметный след. И сегодня уровень экономического и культурного развития их общин – один из самых высоких в стране. Хуэйцы считаются наименее конфликтным этническим меньшинством в стране. Их представители заседают в правительстве и парламенте. Среди них много известных и влиятельных людей. В отличие от уйгуров, положение этого мусульманского народа в Китае значительно лучше.

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. В 2 т. / Т.Ф. Ефремова – М.: Рус. яз., 2000. – 1209 с.

2. Комиссина И.Н. Мусульманские организации Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии. / И.Н. Комиссина. – М.: РИСИ, 2009. – 238 с.

3. Комиссия по делам национальных меньшинств КНР
中华人民共和国国家民族事务委员会 // [http: \[сайт\]](http://www.seac.gov.cn). – URL: [//www.seac.gov.cn](http://www.seac.gov.cn). (дата обращения: 28.03.17).

4. Хуэйцы и Ислам в Китае // [http: \[сайт\]](http://www.ansar.ru/person/huejcy-i-islam-v-kitae). – URL: <http://www.ansar.ru/person/huejcy-i-islam-v-kitae> (дата обращения: 30.03.17).

*В.Т. Мизернюк, студ. филологического ф-та ПГУ им. Т.Г. Шевченко
(Приднестровье, Тирасполь)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. В.А. Романенко

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДЕКСЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА ТИРАСПОЛЯ

Наша цель состоит в выявлении роли, которую играют элементы пространственной организации города, их влияния на формирование ментальности его жителей. Нет сомнения в том, что окружающее индивида пространство формирует его как языковую личность, как представителя определенного национально-культурного сообщества.

Следуя тезису о том, что современное общество становится всё более «видимым» и «внешне оснащенным», в данном исследовании пространственная среда города рассматривается в виде визуального текста. Под визуальным текстом понимается информационная система, которая объективно представлена в предметной реальности и зрительно воспринимается окружающими с последующей интерпретацией увиденного. Движение по городскому пространству, в процессе которого происходит чтение визуального текста городской среды, эквивалентно постструктуралистскому понятию «прогулки по тексту», предложенному Р. Бартом [6, с.155-157]. В таком случае для анализа визуальной реальности возможно применить семиотический подход.

В рамках семиотического подхода предлагается раскрывать феномен городского пространства как «текст истории» и как «текст социокультурного диалога», учитывая поликультурную среду нашего города и ее влияние на формирование ментальности жителей нашей столицы. В этой связи особенно важным представляется исследование механизмов формирования концептуальной и языковой картины мира как отдельного индивида, так и социума в целом.

Попытки трактовки пространства как знаковой системы в рамках семиотики встречаются у Ч.У. Морриса, А.Ф. Лосева и П.А. Флоренского.

Продолжили этот путь разработки лингвистов В.Н. Топорова и В.В. Иванова, которые уделили немало внимания именно языку пространства. С учетом достижений в области исследований семиотики пространства можно констатировать, что культурное пространство города составляют:

1. Ландшафтный дизайн
2. Архитектурные ансамбли:
 - а) административные здания
 - б) религиозно-культовые сооружения
 - в) образовательные учреждения
 - г) культурно-просветительские учреждения
 - д) другие здания инфраструктуры города (магазины, рестораны, парикмахерские и т. д.)
3. Топонимы города (названия улиц, переулков, площадей).

Все избранные объекты подвергались анализу с учетом трех измерений семиозиса:

1. семантического, в котором исследуется отношение знаков к объектам действительности и понятиям о них, т. е. к обозначаемому (условно этот тип отношений можно обозначить как «знак – объект»);
2. синтаксического, где устанавливается характер отношения знаков друг к другу («знак – знак») – внутренние, структурные свойства знаковых систем, правильность построения знаков;
3. прагматического, где учитывается отношение знаков к человеку, который ими пользуется – интерпретатору («знак – интерпретатор») – полезность, ценность знака с точки зрения пользователя – интерпретатора знака [1, URL].

Для наглядности приведем пример анализа вывески как семиотического объекта, выстраивающего коммуникативное пространство города. Вывеска магазина оптики построена на синекдохической детали, которая семантически призвана указывать на предназначение магазина и профиль его деятельности.

Мы видим табличку с надписью (семантический сигнификативный аспект), мы обращаем внимание на элемент экстерьера – имитацию круглых очков (семантический референтный аспект) с зеркальным покрытием, которая размещена на козырьке магазина. Синекдохическая деталь (очки) индексирует функциональное содержание данного объекта, указывая на его целевое назначение – это магазин, где предлагается выбор очков, оправ и проводится диагностика зрения. Данный диагностический пункт органично вписан в окружающее коммуникативное пространство, рядом с ним находятся стилистически подобные объекты инфраструктуры города.

Дизайн экстерьера привлекает внимание людей с ослабленным зрением, поэтому вывеска предельно укрупнена. Таким образом, форма, (план означающего) и содержание (план означаемого) гармонично соотносятся друг с другом, выполняя заданную прагматическую функцию – привлекать внимание людей с ослабленным зрением.

Советский ученый, один из основоположников комплексного метода изучения городской среды, Н.П. Анциферов полагал, что город представляет собой сложный живой организм, который наиболее полно воплощает в себе культурный потенциал общества. Город, по словам ученого, имеет свою «судьбу», «душу» и «язык», он является единым механизмом, который состоит из совокупности кодов, знаков и символов, аккумулирующих информацию о прошлом, настоящем и будущем культуры. Задачей исследователя становится выявление и расшифровка его знаков, их интерпретация. Городское пространство Анциферов характеризовал как культурный «текст», который отражает в себе всю историю страны, все накопленное веками в едином целом облике городской среды и заключает в себе «народные реликвии» [5. с. 128-147]. Приведенный пример показывает, что это справедливо и по отношению к индексам городского пространства.

Литература

1. Елина Е.А. Семиотика рекламы. – URL: http://www.libma.ru/delovaja_literatura/semiotika_reklamy/index.php
2. Иванов В.В. К семиотическому изучению культурной истории большого города / В.В. Иванов // Ученые записки Тартуского ун-та. – Вып.720. Труды по знаковым системам. – Вып. 19. Семиотика пространства и пространство семиотики» – Тарту, 1986.
3. Культурология. XX век. Словарь. / А.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга, 1997.
4. Культурное пространство города как предмет исследования и объект познания: междисциплинарный подход / Петербургские исследования: Сб. научных статей. – Вып. 3. – СПб., 2011. – С. 128-147.
5. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004.
6. Трушина Л.Е. Интерпретация визуальных текстов городского пространства / Этическое и эстетическое: 40 лет спустя / Л.Е. Трушина // Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. – СПб., 2000. – С.155-157.

*Д.Д. Акужин, курс. ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Е.М. Муковникова, ст. преп. (Воронеж)*

РЕАЛИЗАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В США

Имея возможность наблюдать культуру и традиции американцев многочисленными сегодня известными способами, каждый из нас можем свидетельствовать в пользу того факта, что львиная доля населения Америки испытывает чувство патриотизма. В американском обществе уважают флаг, герб, гимн, президента как символы нации, а армию как защитницу государства. Государственная символика используется в государственных и негосударственных учреждениях, ресторанах, кафе, клубах и других разнообразных публичных местах. Граждане украшают свои жилища и автомобили национальным флагом, знают слова государственного гимна и при случае исполняют его как на торжественных, так и на неформальных мероприятиях, и т.д.

В большом количестве источников основной характеристикой стратегии патриотического воспитания США номинируется то, что властные структуры США прилагают значительные усилия, чтобы в качестве основного аспекта патриотизма определить прямую тесную связь между любовью к Родине и одобрением деятельности политического аппарата, в том числе действий военной направленности таких, как операции, проводимые вооружёнными силами и спецслужбами США. [2, URL]

Томилина С.Н. выделяет два важнейших условия, при которых осуществляется процесс воспитания патриотизма в США:

- формирование у граждан общих интересов с государством и с Вооружёнными силами США, базирующихся на национальной безопасности;
- наличие целенаправленной государственной политики, главной целью которой является воспитание национально-государственного самосознания, гордости за принадлежность к США.

При этом, система патриотического воспитания в США, как отмечает В. Е. Уткин, представляет собой прочное единство всех своих структурных элементов таких, как цель воспитания, субъект и объект воспитания, основные направления и средства воспитания, формы воспитательной работы и ее методы. Вместе с тем, система патриотического воспитания в США является неотъемлемой частью государственной парадигмы и обеспечивает процесс военно-патриотического воспитания, охватывающий все возрастные категории и базирующийся на следующих основных принципах:

- воспитание у каждого американца чувства ответственности как гражданина США;
- формирование личной преданности государственному флагу, президенту и стране;
- готовность каждого американца решительно сохранять историческое наследие США;
- смелость беспрекословно отстаивать взгляды и позиции американской демократии и свободы.

Среди основных на сегодняшний момент способов реализации патриотического воспитания гражданского и военного населения США мы имеем возможность наблюдать следующие:

1) Активная популяризация государственных символов, истории и военной подготовки с помощью общественных институтов, в том числе среди молодёжи. Самыми яркими всем известными примерами здесь могут служить организации «Бойскауты Америки» (BSA Boy Scouts of America) и отделение «Всемирной ассоциации девочек-проводников и девочек-скаутов» (World Association of Girl Guides and Girl Scouts). «Бойскауты Америки» охватывает детей всех возрастов. Личный рост участников стимулируют специальные патриотические программы, которые призывают членов организации к самосовершенствованию, через выполнение гражданского и духовного долга перед Родиной, участвуя, например, в различных региональных национальных и международных проектах. Главная цель Всемирной Ассоциации девочек-проводников и девочек-скаутов с помощью образовательных и социальных патриотических программ помогать девочкам и молодым девушкам получать новые знания и навыки, развивать ответственность и лидерские качества, активно участвуя в жизни своей страны. Воспитанием молодёжи в патриотическом русле занимаются так называемые курсы ROTC (ROTC – Reserve Officers Training Corps – служба вневоинской подготовки офицеров резерва). С четырёхлетним и двухлетним сроком обучения курсы ROTC функционируют для сухопутных сил при около 300 университетах и колледжах, для ВВС – при 600, для ВМС – при 60, и финансируются государством. [2]

2) Системное использование средств массовой информации и компьютерных и видео игр в целях повышения популярности военной службы среди гражданского и военного населения США. С 1999 г. компьютерные игры стали системно применяться в интересах Пентагона. Для этого на базе университета Южной Калифорнии был основан Институт креативных технологий. Один из последних игровых проектов – игра «America's Army» («Американская армия») – был выпущен в 2002 году. Для большей популяризации среди американской молодёжи игра распространялась бесплатно. Исследования Пентагона показали, что до 50 процентов новобранцев, поступающих на военную службу, играли в «America's Army». [3]

3) Значительный вклад в патриотическое воспитание граждан вносит американский кинематограф США. В структуре Пентагона существует специальный отдел по делам кино и телевидения, который изучает сценарии будущих фильмов на предмет того, как они повлияют на имидж вооружённых сил США. [2]

4) Привлечение ветеранских организаций к воспитанию у населения, в первую очередь у молодежи, гражданских и патриотических чувств. [1, с.70]

5) Воспитание глубоко уважительного отношения к Вооруженным Силам, к военнослужащим и к воинскому труду. Например, американские военные получают значительную поддержку государства после ухода со службы в запас. Одной из наиболее ценных привилегий является оплата государством высшего образования. Поэтому среди студентов можно часто встретить ветеранов, прошедших, в том числе Ирак и Афганистан. [4]

Из вышеприведённого мы можем сделать следующий вывод. Во-первых, руководство и Командование Вооруженных Сил США активно принимают комплексные меры для эффективной реализации военно-патриотического воспитания, охватывающие все возрастные группы гражданского и военного населения. Во-вторых, вместе с традиционными способами реализации патриотического воспитания, такими как укрепление авторитета армии США, привлечение на военную службу необходимого количества граждан, финансовая и социальная поддержка общественных организаций, использование киноиндустрии и средств массовой информации, учитываются также современные тенденции, а именно, тенденция постепенной смены приоритетов в информационно-коммуникационном отношении в пользу Интернета и игровой компьютерной индустрии.

Литература

1. Балашов Р.В. Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к военной службе: история и современность: Учебно-методические материалы / Р.В. Балашов, В.И. Лутовинов и др. – М.: ДОСААФ России, 2010. – 75 с.

2. Балуков Н.Н., Иваничкин Ю.А. Патриотизм по-американски [Электронный ресурс] // <http://www.redstar.ru/index.php/syria/item/14445-patriotizm-po-amerikanski> (дата обращения: 24.02.2017).

3. Емельянов М.Ю. Военно-патриотическое воспитание в США [Электронный ресурс] // www.dosaaf.ru/predsdatel/novostipredsdatel/80 (дата обращения: 24.02.2017).

4. Ковалевский В. А. Патриотизм в США принадлежит людям [Электронный ресурс] // <https://www.bsblog.info/patriotizm-v-ssha-prinadlezhit-lyudyam> (дата обращения: 20.02.2017).

А.В. Магров, курс. 8 ф-та ВУНЦ ВВС «ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

О.В. Меркушева, канд. филол. н., доц. (Воронеж)

СЛАВЯНСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

День дружбы и единения славян ежегодно отмечается 25 июня. Этот праздник был учреждён в 90-х годах прошлого века для того, чтобы разные ветви славянских народов помнили о своих исторических корнях, стремились сохранить свою культуру и многовековую связь друг с другом. Он появился как следствие распада СССР, приведшего к образованию нескольких независимых славянских государств, в связи с чем возникла необходимость к налаживанию дружественных и партнерских отношений в новых условиях.

В настоящее время на планете насчитывается около 300 миллионов человек, которые относят себя к славянской нации. В рамках праздника проходят различные встречи, мероприятия, нацеленные на укрепление и развитие дружественных отношений между странами.

В настоящее время славяне проживают на обширной территории Южной и Восточной Европы и далее, вплоть до Дальнего Востока России. Славянское меньшинство имеется также в государствах Западной Европы, Америки, Закавказья и Средней Азии.

Принято выделять три ветви славянских народов. Западные славяне – поляки, чехи, словаки, кашубы и лужичане. К южным славянам относятся болгары, сербы, хорваты, боснийцы, герцеговинцы, македонцы, словенцы и черногорцы. Восточные славяне – белорусы, русские и украинцы. Проблема происхождения и древнейшей истории славян является одной из самых непростых. На ее решение направлены совместные усилия археологов, лингвистов, антропологов, этнографов и историков.

Национально-культурные объединения вносят большой вклад в единение славян, что позволяет сохранять связь народов и времен. Из поколения в поколение передаются самобытные традиции, обычаи и обряды многовековой культуры славянских народов. При этом происходит укрепление гражданского мира и согласия.

Славяне – христиане, за исключением боснийцев, которые приняли ислам во времена османского владычества над Южной Европой. Болгары, сербы, македонцы, черногорцы, русские, в основном, православные; хорваты, словенцы, поляки, чехи, словаки, лужичане – католики; среди украинцев и белорусов много православных, но есть также католики и униаты.

Славянские языки принадлежат к ветви индоевропейской семьи языков. Появлению письменности славянские народы обязаны солунским братьям Кириллу и Мефодию. Благодаря им славяне приобрели азбуку, приобщились к общемировой науке, культуре и христианским нравственным ценностям. Именно они упорядочили славянское письмо и полностью приспособили его для записи славянской речи. Огромная работа была проделана по созданию книжно-письменного славянского языка, который в дальнейшем получил название старославянского.

Придавая важное значение культурному и историческому наследию славянских просветителей и учитывая международную практику празднования Дня Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Президиум Верховного Совета РСФСР постановил: объявить 24 мая Днем славянской письменности и культуры. С 1991 года в нашей стране этот день отмечается как национальный культурно-исторический праздник. В 1992 году в честь этого события в центре Москвы был открыт памятник Кириллу и Мефодию.

У славян очень богатая и разнообразная культура. Ей стоит гордиться и демонстрировать ее другим народам. По словам Президента РФ В.В. Путина, «Культура – это свод нравственных, моральных, этических ценностей, составляющих основу национальной самобытности, один из ключевых символов российской государственности и исторической преемственности, то, что объединяет нас с другими странами и народами мира» [1, с.3].

Оптимальная модель взаимодействия культур – это диалог, взаимообогащающий диалог культурных систем. Но диалог предполагает самоидентичность, аутентичность взаимодействующих культур, способность к восприятию и пониманию иных культурных ценностей. Разнообразие и неповторимость национальных культур, учёт их специфических особенностей, признание самобытности культуры (но не исключительности) одних народов и подлинное уважение к духовным ценностям других народов – этот духовно-нравственный компонент национальных отношений приобрёл в настоящее время исключительное значение, ибо в нём проявляются как общечеловеческие, так и специфические черты каждой национальной культуры.

Сравнивая восточнославянские духовные ценности с менталитетом западного человека, исследователи часто называют такие традиционные качества славян, как добро-

детель, долготерпимость, служение обществу, в противоположность таким ценностям, как агрессивность, прагматизм, индивидуализм, характерным для западного общества.

Важным консолидирующим фактором для всех восточных славян стало распространение христианства. Православное христианство и связанные с ним письменность, книжность, философские знания, архитектура и быт позволяют рассматривать восточнославянский ареал как единое культурное пространство.

В формировании моральных представлений народа также принимают участие литература, искусство, философия. Духовная культура способствует более чёткому осознанию индивидом своей принадлежности к этносу, ориентации на те ценности, которые в нём приняты и культивируются. Поэтому первостепенной задачей творческой интеллигенции братских восточнославянских народов в настоящее время является пропаганда произведений литературы и искусства, культивирующих традиционные духовные ценности, опираясь на которые восточнославянские этносы могут выстоять в противостоянии современным цивилизационным вызовам и заявить о себе как о силе, с которой нельзя не считаться в решении глобальных мировых проблем. Именно глубокая гуманистическая основа восточнославянских культур, базирующаяся на многовековых духовных ценностях, способна отстоять их и укрепить, отбросив все наносное, искусственно привитое, пропагандируемое «общеевропейскими ценностями».

Литература

1. Библиотека как феномен культуры / Метод. реком. к Году культуры в России: / ГБУК «СКУНБ им. Лермонтова»; сост. Л. Р. Попова; отв. за вып. З. Ф. Долина. – Ставрополь, 2013. – 75 с.
2. Глушаков В.Е. Вызов времени: Беларусь на пороге тысячелетий / В.Е. Глушаков. – Минск: Белбизнеспресс, 1999. – 224 с.
3. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян / В.В. Седов. – М.: Издательство «Наука», 1979. – 154 с.
4. <http://www.inmoment.ru>.
5. <http://www.calend.ru/userevent/1638956>.

СЕКЦИЯ

«ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ»

*П.Ф. Жолудева, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц, Е.Ю. Дубовицкая*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ КАРИКАТУР)

Привлечение достижений разных областей знания позволяет более подробно и системно исследовать то или иное языковое явление. Особенный интерес представляют исследования, которые невозможно рассмотреть только через призму лингвистики, т.к. в процессе их интерпретации задействуются разные системы восприятия. Одним из таких

явлений представляется стереотип, который имеет огромное количество определений. Остановимся на нескольких из них.

По мнению С. Ю. Головина, стереотип – нечто, повторяемое в неизменном виде; шаблон действия, поведения и пр., применяемый без раздумий, рефлексии, даже неосознанно. Характерная черта стереотипа — высокая устойчивость [1].

В данной работе мы придерживаемся определения, приведенного в словаре-справочнике «Психология. А–Я». Согласно ему, «стереотип — жесткое, часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей. Поскольку мы вообще склонны к упрощениям, то формируем стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Стереотипы не обязательно являются ложными; обычно они содержат некое зерно истины. Их разделяет значительное количество людей, что в целом способствует их укоренению. Стереотипы могут меняться со временем, но их носителям часто бывает трудно избавиться от усвоенных представлений» [4].

Известно, что сейчас стереотипы являются частью массовой культуры и функционируют в средствах массовой информации. Исследователи Д. Нахбар и К. Лаузе, авторы работы «Введение в популярную культуру», также отмечают, что стереотипы являются элементом массовой культуры, т. е. их объединяет множество факторов, которые, на наш взгляд, формируют некое системное единство. Стереотипы формируются на основе возраста («молодёжь слушает только рок-музыку»), пола («все мужчины хотят от женщин только одного»), расы («японцы неотличимы друг от друга»), религии («ислам – религия террора»), профессии («все адвокаты – жулики») и национальности («все евреи – жадные») [2].

Одним из способов языковой визуализации стереотипного знания является карикатура. По утверждению Д. Н. Москина, «карикатура – это произведение или отдельный художественный образ, в котором в юмористической или сатирической форме преувеличиваются характерные особенности, чаще отрицательные, а иногда и положительные как у отдельного человека, так и у общества или явления с целью их осмеяния или возвеличивания» [3].

В данном исследовании в качестве визуального материала используются карикатуры из современной американской прессы, в частности из журнала «Нью Йоркер». Как утверждают исследователи, карикатура (особенно политическая) рассчитана на аудиторию взрослых людей, обладающих необходимыми фоновыми знаниями [7, URL].

На рис. 1 представлены две пожилые и, вероятно, не очень здоровые женщины, одна из которых говорит: «*I am not Spanish but every afternoon about one-thirty I go upstairs and lie down awhile*». Здесь представлен стереотип «Все испанцы празднуют фиесту в послеобеденное время каждый день». Это пример национального стереотипа. Его понимание становится возможным при условии наличия у читателя фонового знания об испанских традициях.

Часто отсутствие фоновых знаний затрудняет понимание смысла карикатуры. На рис. 2 представлен национальный стереотип «Все французы любят французскую заправку» и «Все ковбои живут на ранчо». В данном случае использована рифма для усиления эмоционального воздействия.

На рис. 3 изображены две подруги, обсуждающие в непринужденной обстановке определенные качества молодого человека: «Он очень умный или очень богатый, что ты имеешь в виду?» В данном случае социальный стереотип подчеркивает актуальность материальных и экономических проблем. Используются сложные эпитеты (compound, phrased epithets) для более точной характеристики социального явления XXI века.

Рис. 4 воплощает межклассовый стереотип, характеризующий отношения между средним классом и бюрократией. Использован английский глагол *ascend* (*if something ascends, it moves up, usually vertically or into the air. to go or move up*), предполагающий такие дополнения, как ladder, hill, slope и т. д. Его синонимами являются mount, climb, что подчеркивает сложность восхождения обычных людей к «вершине». Также глагол *ascend* встречается в устойчивом сочетании *ascend to heaven* (= вознестись, или отойти в мир иной), что можно толковать как американское выражение «*bigger they come, the harder they fall*». Как указано в Американском словаре «American Heritage Dictionary of Idioms» К. Аммера, выражение пришло из бокса и стало популярным, когда боксер Роберт Фицсимонс применил его в интервью газете в 1902 году перед боем с более тяжелым соперником Джеймсом Джеффрисом. Выражение связано и с пословицей «чем больше дерево, тем сильнее оно падает» (*the bigger the tree, the harder she falls*) или с русской пословицей «*чем выше взлетишь, тем больнее падать*», которая означает, что понижение больше встречают те, чей статус выше. И чем он выше, тем болезненнее даже незначительное понижение.

Следование стереотипам является источником возникновения нетерпимости по отношению к людям на основе самых разных признаков, или, как утверждает Т. В. Романова, интолерантности, проявлениями которой являются этноцентризм, предубеждение, предрассудок, дискриминация, ксенофобия, экстремизм, национализм, терроризм. На основании классификации толерантности М. С. Мацковского выделим следующие стереотипы: политические, межнациональные (рис. 1, 2), религиозные, гендерные, физиологические, маргинальные, образовательные (рис. 3), географические, межклассовые (рис. 4), сексуально-ориентационные [6, URL].

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что стереотип действительно включает в себя набор черт, присущих определенной нации. Однако это не означает, что такими чертами обладает каждый ее представитель и в такой гиперболизированной степени.

Рис. 1 “*I’m not Spanish, but every afternoon about one-thirty I go upstairs and lie down awhile*”.

Рис. 2

“*Let me guess. You want French and you want ranch?*”

“*Let me guess. You want French and you want ranch?*”

Рис. 3

“*when you say he’s smart, do you mean in a test-well way pr in a lot-of-money way?*”

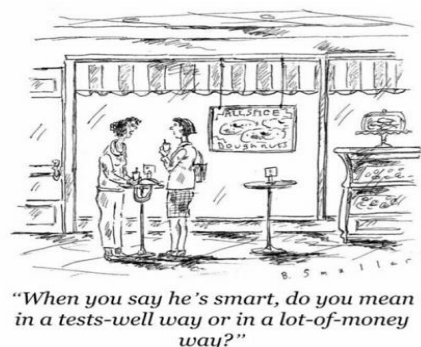

Рис. 4

“*Ascend, Collins*”.

Литература

1. Головин С.Ю. Словарь практического психолога / С.Ю. Головин. – М. : АСТ, Харвест, 1998.
2. Горшунов Ю.В., Горшунова Е.Ю. Межкультурная коммуникация и этнические стереотипы и ярлыки англо-говорящего сообщества / Ю.В. Горшунов, Е.Ю. Горшунова. – М. : Проспект, 2016. – С. 41.
3. Москин Д.Н. Краткая энциклопедия карикатуры. Из истории юмора и сатиры в графике / Д. Н. Москин. – Петрозаводск: ИД «Петропресс», 2000.
4. Кордуэлл М. Психология. А–Я. Словарь-справочник / Пер. с англ. К.С. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000.
5. Роль приблизительности в познавательных процессах // Когнитивные исследования языка: Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов 29 сентября – 1 октября 2010 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – С. 138-140.
6. Мацковский М.С. Толерантность как объект социологического исследования [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-toler-kak.php?PrPage=VT>, свободный. – Загл. с экрана.
7. Ахмеров И. Карикатура в сопоставлении с другими типами креолизованных текстов [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ahmerov.com/book_1049_chapter_14_1.2_Karikatura_v_sopostavlenii_s_drugimi_tipami_kreolizovannykh_tekstov.html, свободный. – Загл. с экрана.

*А.Ш. Зелогия, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – преп. Т. Ф. Ускова*

ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ РОМАНА В. ФЛЕЙШГАУЭРА «ПУРПУРНАЯ ЛИНИЯ»

Вольфрам Флейшгауэр – литературовед немецкого происхождения. Закончив среднюю школу, занялся изучением литературы в Германии (Берлин), Франции, Соединенных Штатах и Испании. Девять лет он работал переводчиком на конференциях Европейской комиссии в Брюсселе. На данный момент им написано семь книг: «Пурпурная линия» (1996), «Die Frau mit den Regenhänden» (2001), «Три минуты с реальностью» (2002), «Книга, в которой исчез мир» (2003), «Die Verschwörung der Engel (Romanbeitrag zur Reihe Die Legenden von Phantasien» (2004), «Schule der Lügen» (2006), «Der gestohlene Abend» (2008). Однако только три книги переведены на русский язык («Пурпурная линия», «Три минуты с реальностью» и «Книга, в которой исчез мир»). Более поздние книги писателя так и не оказались на российском книжном рынке. Преимущественно переводами книг Флейшгауэра на русский язык занималось издательство «АСТ».

Известно, что в период с 1984 по 1986 годы автор отправился в Париж, чтобы освежить свои знания французского языка. Там в воскресное утро 1986 года Флейшгауэр впервые увидел в Лувре ту самую картину XVI века. Она поразила его необычностью сюжета и откровенностью жестов двух обнаженных женщин.

Неизвестный художник

Габриэль д'Эстре с сестрой (ок. 1600, Лувр)

Женщина справа, держащая в левой руке кольцо, – фаворитка короля Генриха IV Габриэль д'Эстре, личность дамы слева точно не установлена, но по официальной версии ею является сестра Габриэль. У картины нет ни художника, ни точной даты написания, ни названия. Она вдохновила Флейшгауэра на семилетнее исследование и трехлетнее написание романа. В 1996 году издательство «Weitbrecht Verlag», прочитав рукопись, решило опубликовать ее. Редактор Роман Хок, который работал над романом, впоследствии стал агентом Флейшгауэра. Это произведение привлекло внимание другого издателя, и он заключил с писателем контракт на будущие романы [1, URL].

Жанр книги критики определяют как искусствоведческий детектив, интеллектуальный детектив и исторический детектив. Будет ошибкой отнести его к арт-детективу, так как в основе лежат серьезные исторические исследования, изучение очерков очевидцев, заметок и дневников. Так, например, в основу жизнеописания одного из героев романа были положены путевые заметки базельского студента-медика Феликса Платтера.

В произведении можно выделить два уровня повествования. На первом уровне рассказчик и его друг Кошинский находят «Кельскую рукопись» – это роман о судебном деле над художником, которое произошло в XVI веке. История жизни Виньяка, того самого художника, приехавшего в 1598 году в Париж, чтобы получить работу придворного живописца, становится объектом повествования второго уровня романа и служит связкой произведения в целом. Таким образом, Флейшгауэр на фоне реальных исторических фактов вводит вымышленный персонаж, превращая Виньяка в автора загадочного полотна и создавая ту историю, которая приводит к его написанию.

Помимо этого, роман освещает исторические события, которые привели к власти Генриха IV. До этого о французском короле уже писали Вольтер, А. Дюма (отец), Понсон дю Террайль, Г. Манн. У каждого автора был свой взгляд на фигуру этого исторического деятеля, и Флейшгауэр не стал исключением, сделав Генриха одним из ключевых героев в своем произведении. Однако писатель не останавливается лишь на фигуре короля, его фаворитка, изображенная на картине, приковывает к себе почти все внимание автора. Он посчитал, что в картине содержится исторический код, который, после расшифровки всех символов, поможет узнать точную причину смерти Габриэль д'Эстре.

Полотно допускает многозначное толкование. Увидев его, можно подумать, что художник намекает на деликатное положение, сложившееся при дворе, или же мрачная атмосфера картины готовит к будущим печальным событиям. Известно, что король дал слово своей фаворитке жениться на ней, но за несколько дней до свадьбы отослал Габ-

риэль в Париж на время пасхальных праздников. Спустя всего несколько недель после смерти своей фаворитки король влюбился в Генриетту д'Антраг и заключил с ней договор, по которому, если бы она родила ему сына, он женился бы на ней. В то же время Генрих IV вел переговоры с Флоренцией о свадьбе с Марией Медичи [2, с.163].

Все это можно найти в исторических источниках, но автор, используя в своем произведении экфрасис, доказывает, что и картина может рассказать о многом. Слово «экфрасис» происходит от «*phrazo*», греческого глагола, который со времен Гомера означает «указывать», «делать понятным», «объяснять» [3, с.31]. В нашем случае экфрасис – это «перевод» с языка изобразительного на язык словесный, так как экфрастическим объектом является картина.

В данном художественном тексте экфрасис выполняет целый ряд функций. В первую очередь **характерологическую** – воспроизводятся особенности мышления, характера героя. Экфрасис отражает индивидуальность того, кто созерцает картину. Помимо этого, интерпретация главного символического смысла картины в тексте романа создает так называемую «иллюзию экфрасиса», когда раскрывается не сама картина, а тот, кто ее созерцает. И «экфрасис уже представляется как зеркало, в котором отражается не художник, а зритель» [4, URL] [пер. автора].

Вторую функцию следует называть **хронотопической**. В нашем случае «экфрастический эффект ориентирован на уничтожение временной дистанции, создавая иллюзию того, что в лицезрении и осмыслении картин участвует сам читатель» [5, с.57].

Третья функция – **сюжетообразующая**. Экфрасисы главной картины располагаются в абсолютно сильных позициях текста, являясь его смысловым центром. В экфрасисе, помещенном в прологе, говорится о некоем предчувствии, которое возникает при лицезрении картины, заключительный же экфрасис подводит итог всем научным исследованиям писателя.

Название романа «Пурпурная линия» намекает на связь с историческими явлениями прошлых веков. Это «линия», которая соединяет прошлое и настоящее. Пурпурный цвет означает любовь, привязанность, власть, царственность, знатность, однако может символизировать время перемен, ожидания чего-то грандиозного. Все это характеризует произведение в целом. И тут уже можно говорить о следующей функции экфрасиса – **символической**.

Нельзя не отметить, что экфрасис делает мысль автор наглядной, зримой, в конечном счете – более аргументированной и убедительной, выполняя **толковательную** функцию. Также он обнажает важные для понимания произведения аллюзии. Например, аллюзию на полотно «Диана и Актеон». Виньяк видит сон, навеянный картиной Тициана, и именно после него пишет загадочное полотно для французского двора. На работе итальянского живописца изображена мифологическая сцена из «Метаморфоз» Овидия. Смысл мифа – в пожертвовании одного человека в честь богини охоты и нимф [6, URL] [пер. автора]. Автор постоянно сравнивает Диану и Актеона с Генрихом и Габриэль, позволяя читателю проводить между ними параллели и намекая на насильственную смерть фаворитки.

Анализ показывает, что экфрасис в романе Флейшгауэра не просто направлен на перевод визуального в вербальное, он открывает новые смыслы, оказывается функционально важным элементом на различных уровнях содержания произведения, поскольку соединяет в себе наиболее значимые мотивы, открывает читателю «вход» в глубинные уровни романа. Эта книга представляет собой синтез реального и вымышленного, позволяющий найти истину, удовлетворить авторскую «идею фикс», а также при помощи экфрасиса вовлечь читателя в увлекательную игру расшифровывания картины. Именно

поэтому на рубеже XX – XXI веков она стала бестселлером, а Флейшгауэр был назван критиками ведущим автором интеллектуальных триллеров Германии.

Литература

1. Вольфрам Флейшгауэр: об авторе. – URL: <https://www.livelib.ru/author/117011-volfram-fleishgauer>.
2. Мунье Р. Убийство Генриха IV / Р. Мунье. – М.: Евразия, 2008. – 416 с.
3. Константины М. Экфрасис: понятие литературного анализа или бессодержательный термин? / М. Константины // «Невыразимо выразимое»: Экфрасис и проблемы репрезентации визуального в художественном тексте: сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – С. 29-34.
4. Taylor J.C. Two visual excursions / J. C. Taylor // The language of images. – URL: https://monoskop.org/images/9/96/Mitchell_WJT_The_Language_of_Images.pdf.
5. Цимборская-Лебода М. Эрос в творчестве Вячеслава Иванова. На пути к философии любви / М. Цимборска-Лебода. – М., 2004. – 256 с.
6. Bates S. Art auction: National galleries scramble to keep Titians as duke cashes in / S. Bates. – URL: <https://www.theguardian.com/artanddesign/2008/aug/28/art>.

*Н.В. Кочеткова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., доц. А.А. Житенев*

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КНИГИ И РАБОТА С ГОРИЗОНТОМ ОЖИДАНИЯ В СИТУАЦИИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ НИШИ

Горизонт ожидания является одним из принципиальных понятий рецептивной эстетики и восходит к учению основателя феноменологии Эдмунда Гуссерля, который под термином «горизонт» понимал такое эстетическое явление, как заложенные изначально, до встречи, ожидания о характере этой встречи. Концепция рецептивной эстетики Ханса Роберта Яусса развивает это понятие, выделяя «горизонт ожидания» произведения и «горизонт ожидания» читателя. Под **горизонтом ожидания произведения** понимается присутствующий в любом тексте диалог автора, «внутренний», «воображаемый» или явный со своим потенциальным читателем. В отличие от горизонта ожидания произведения, **горизонт ожидания читателя** не является постоянной категорией, так как читатель, которого моделирует автор во время работы над своим произведением, может не соответствовать реальному читателю. Можно выделить лишь средние параметры горизонта ожидания читателя, и самой яркой определяющей категорией здесь становится фактор **жанра**. Когда читатель обращается к новому произведению, им могут руководить два основных мотива — прочитать новое произведение интересного, известного ему автора или прочитать произведение неизвестного автора, но относимое к определенному жанру (теме): «про любовь», «приключения», «фантастика» и т. п. В первом случае горизонт ожидания читателя выстраивается на основе предшествующих текстов уже знакомого автора, тогда как во втором — на основе жанровых клише [1].

В издательской практике обращение к приемам работы с горизонтом ожидания читателя в целях продвижения книги не является редкостью. Стоит упомянуть прием, который опирается на фактор автора: на обложках «восходящих бестселлеров» зачастую можно увидеть рекомендации от имени известных авторов с широкой читательской аудиторией, которые пишут в том же жанре, в котором написана книга. Но в этой

статье мы сосредоточимся на тех приемах работы с горизонтом ожидания читателя, которые опираются на фактор жанра, и проследим, как они применяются в ситуации создания новой читательской ниши. Для того чтобы изучить способы, используемые для позиционирования нового жанра, мы рассмотрим первые российские издания популярных зарубежных молодежных дистопий.

Можно говорить о том, что именно «Голодные игры» американской писательницы Сьюзан Коллинз, обретая мировую известность, стали произведением, которое способствовало формированию определенных параметров горизонта ожидания читателя относительно молодежной разновидности дистопического романа. Первая часть аннотации оригинального издания [2, URL] сообщает краткую предысторию мира, объясняет смысл и происхождение убийственных Голодных игр, которые были назначены в качестве наказания после провалившегося восстания. Затем пересказывается завязка: Китнисс вызывается добровольцем вместо своей младшей сестры, на которую пал жребий. Также обозначается второй персонаж, Пит, которому вместе с Китнисс предстоит столкнуться с могущественными соперниками, которые готовились к Голодным играм целую жизнь.

Нельзя сказать, что русскоязычная официальная аннотация первого русского издания (изд. АСТ, январь 2010) [2, URL] идет вразрез с содержанием книги, но в то же время она намеренно вводит читателя в заблуждение, так как акценты в ней расставлены таким образом, что создается впечатление, будто в «Голодных играх» именно любовная линия является ведущей; таким образом, горизонт ожидания читателя выстраивается на основе клише любовного романа. Так как «Голодные игры» являлись произведением в жанре, который прежде не был знаком молодежному сегменту российской читательской аудитории, то первое издание трилогии вышло в рамках так называемой серии «под Майер» [2, URL], стартовавшей в 2008 году с вампирской сагой «Сумерки» Стефани Майер, которая имела необычайную популярность в этом сегменте аудитории в конце 2000-х годов. «Сумерки» — любовный роман, поэтому «Голодные игры» получили сходное оформление обложки и соответствующую аннотацию, в которой акцентированы клише, присущие именно любовному роману.

Позиционирование следующего популярного произведения – романа «Дивергент» – изначально выстраивалось с опорой на уже сформированный «Голодными играми» горизонт ожидания читателя. Так, графическое оформление оригинальной обложки «Дивергента» обнаруживает визуальное сходство с обложкой первой части «Голодных игр», в особенности с обложками изданий, которые появились после того, как в производство был запущен первый фильм серии «Голодные игры». Обложка «Дивергента» демонстрирует символ огня, заключенный в горящий круг, в то время как на обложке «Голодных игр» можно увидеть птицу внутри круга, охваченного огнем. И обложка, и аннотация первого русскоязычного издания «Дивергента» воспроизводили оригинал [2, URL].

Но для позиционирования следующего популярного за рубежом дистопического цикла – «Бегущий по лабиринту» Джеймса Дэшнера – у российских издателей вновь возникла необходимость обращения к работе с горизонтом ожидания читателя, так как опора на «Голодные игры» уже не представлялась возможной из-за того, что в этом цикле в качестве центрального персонажа выступает юноша, и романтическая линия, присутствующая как в «Голодных играх», так и в «Дивергенте», в первой книге цикла вовсе отсутствует. Для продвижения книги российские издатели в угоду выстраивания определенного горизонта ожидания читателя вновь вносят искажения в аннотацию.

Оригинальная аннотация [2, URL] рассказывает о Томасе, который очнулся в лифте, и единственное, что он помнит о своем прошлом – это имя. Вместе с другими подростками, которые также утратили память, Томас исследует гигантский Лабиринт, в

центре которого они оказались. Также аннотация сообщает о появлении первой за все время девушки, которая доставляет пугающее сообщение.

Общий смысл аннотации первого издания на русском языке (АСТ, октябрь 2013) [2, URL] в какой-то мере соответствует оригиналу (пересказывается завязка произведения), но в оригинальной аннотации отсутствует упоминание о том, что Лабиринт — это эксперимент. Также стоит обратить внимание на первое предложение русской аннотации: *«Вчера они были обычными парнями – слушали рэп и рок, бегали за девчонками, ходили в кино...»* Даже если игнорировать противоречие – память персонажей стерта, они не помнят, кем были прежде, и даже не знают, как выглядит мир за пределами Лабиринта, – это предложение совершенно не соответствует действительности, так как действие произведения разворачивается в постапокалиптическом мире.

Аннотация для первого русскоязычного издания «Бегущего по лабиринту» написана таким образом для того, чтобы вызывать ассоциации с рядом культовых триллеров и фильмов ужасов, таких как «Куб» (1997) и «Пила» (2004), акцентируя внимание на молодом возрасте персонажей. Указанные фильмы объединяет сходная завязка: несколько прежде не знакомых героев просыпаются в каком-либо замкнутом пространстве, не помня, как они туда попали, и им необходимо понять, как выбраться на свободу. Действительно, можно отметить общность с завязкой «Бегущего по лабиринту», но есть существенное отличие: за пределами этой ловушки существует схожая с нашей действительностью повседневная реальность, из которой были вырваны герои (они помнят свое прошлое) и куда они хотят вернуться; сюжет подобных фильмов сводится к попыткам выбраться из ловушки и поочередной гибели большинства персонажей. В «Бегущем по лабиринту» персонажи не имеют прошлого, а за пределами Лабиринта существует мир, отличный от нашего, который сформирован последствиями эпидемии вируса Вспышка.

Таким образом, говоря о методах манипуляции горизонтом ожидания читателя, используемых издателями для позиционирования книги, можно назвать **намеренное искажение содержания аннотации и использование** для оформления обложки **узнаваемых графических элементов**, ассоциируемых с уже известными произведениями.

Литература

1. Абрамовских Е.В. Феноменологические аспекты рецептивного анализа текста / Е.В. Абрамовских // Эволюция форм художественного сознания в русской литературе: сборник научных трудов. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. — С. 233-254.
2. Goodreads (информация об изданиях) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.goodreads.com/>, свободный. – Загл. с экрана.

*Д.О. Малышева, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.К. Попова*

КНИГА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ЦАРЬ ГОЛОД»

Книга Леонида Андреева «Царь Голод» выпущена в 1908 году издательством «Шиповник». Эта книга, появившаяся более ста лет назад, в данный момент находится в ОРК ЗНБ ВГУ.

Леонид Андреев – русский писатель Серебряного века, считается родоначальником русского импрессионизма в литературе. Он уроженец города Орла, сын крепостной

девушки и дворянина. Детство свое он вспоминал как беззаботное, ясное время, но после смерти отца семья Андреева жила в нужде и даже голоде. На эту тему им был написан рассказ «О голодном студенте». Андреев вспоминал: «Я плакал, когда писал его, а в редакции, когда мне возвращали рукопись, смеялись». Его литературный дебют состоялся в 1892 году, когда был опубликован рассказ «В холоде и золоте». В 1907 году Л. Андреев начал сотрудничество с издательством «Шиповник», где и вышла анализируемая нами книга. Основатель и издатель «Шиповника» – Зиновий Гржебин. На знаке издательства изображен куст шиповника с раскрывшимся бутоном (рис. 1). Автор этого издательского знака – С. В. Чехонин, русский художник и график, член художественного объединения «Мир искусства» и ученик И. Е. Репина.

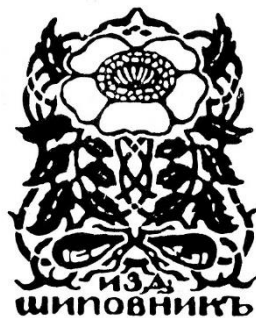

Рис. 1. Знак издательства «Шиповник».

В начале своего существования издательство ориентировалось на творчество Леонида Андреева, который в то время имел значительное влияние на издательскую политику и составление одноименных альманахов. Позднее «Шиповник» охотно печатал зарубежных авторов и русских символистов, таких как А. Белый, А. А. Блок и др. Издательство прекратило свою деятельность в 1922 году из-за выхода в печать сборника антиправительственного характера.

Переплетная крышка книги «Царь Голод» выполнена из картона, корешок и отстав – из тканебумажной материи. На корешке нет ни наклейки, ни тиснения. Титульный лист оформлен следующим образом: сверху вниз указывается сначала имя писателя, затем – название произведения и его разновидность, имя художника-иллюстратора и, наконец, название издательства и дата выпуска. Указано, что «Царь Голод» – театральная пьеса в пяти картинах с прологом.

На титуле дано и имя художника-иллюстратора – это Евгений Лансере, известный российский и советский художник. Для этого издания он создал 9 полностраничных гравюр. Одна из них вынесена на переплетную крышку. Она изображает сцену ужаса, охватившего буржуазию при виде пылающего в огне города, и всепоглощающей, беспощадной стихии. Другие иллюстрации открывают каждое из пяти действий произведения, такие иллюстрации принято называть шмуцтитулами. Эти шмуцтитулы перекликаются с основной идеей обложки; это театральная сцена, но это не просто игра, а история людей, это сплошь собирательные образы, объективная действительность, перенесенная в фантастические рамки, где Время, Голод и Смерть не абстракция, но нечто материальное, обладающее телесностью.

Помимо этих изображений в книге есть две интересные иллюстрации. Остановимся на одной из них. Это фронтиспис, изображающий страну, поделенную на голодающих и богатых. С левой стороны – богатые господа, ведущие праздный образ жизни, не замечающие полыхающей стихии, готовящегося бунта за их окнами. С правой – голодная чернь, рабочие. Это изнеможенный народ, вышедший на улицы, под окна празднично живущих. Горизонту за их спинами отдана большая часть пространства. Небо заволкло тучами, густым дымом и пылью, это знак: быть страшному бунту. Посередине,

между ними, жестокий тиран, Царь Голод, предатель, подталкивавший своих детей на бунт, обещавший народу победу, внушавший людям веру в свои силы. Он говорил им: «Чего не может голодный?», но он врал, спокойно отдавая людей в холодные руки Смерти.

Пьеса заканчивается поражением голодных и ужасом побежденных.

Подводя итоги, можно сказать, что свои произведения Леонид Андреев посвящал важным социальным темам, он писал о том, что видел сам и с чем не мог смириться. Книга «Царь Голод» переиздавалась всего три раза, а описанное издание является первым и единственным прижизненным. Это позволяет говорить о ценности книги.

*А.М. Меркулова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.К. Попова

ГЕЛИЙ ФЁДОРОВИЧ БИРЮКОВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ ОТКРЫТОК

В год приближающегося столетия ВГУ уместно вспомнить тех преподавателей филологического факультета, которые оставили о себе память духовную и материальную. Одним из них является Гелий Федорович Бирюков (1928 – 1985). Его биография показательна для человека его поколения.

Гелий Федорович – уроженец Воронежской области, родился в Богучаре, школу окончил в Калаче, затем (1945 – 1950) учился на историко-филологическом факультете Воронежского государственного университета (филологическое отделение), после университета работал учителем русского языка и литературы в селе Синие Липяги Нижнедевицкого района, откуда ушел на срочную службу в армию. С осени 1954 по 1957 г. Гелий Федорович – аспирант при кафедре литературы ВГУ. Вся его дальнейшая трудовая жизнь связана с университетом. Начиная с Г.Ф. Бирюков как преподаватель кафедры русского языка, продолжил как редактор университетского издательства. Он один из тех, с кого началось издательство нашего университета. «Поражал своей эрудицией», «всеобщий любимец», – так о Гелии Федоровиче времен его работы в издательстве вспоминает С. А. Гостеева [1, с. 17,18].

Гелий Федорович занимался коллекционированием. Он собрал обширную библиотеку по истории русской и зарубежной литературы, по истории книжного дела, изобразительного искусства, библиографии. После его смерти в 1988 году основная часть коллекции поступила в фонд ЗНБ ВГУ.

Значительную часть владельческой библиотеки занимает коллекция художественных открыток (207 комплектов), которая находится в Отделе редких книг ЗНБ ВГУ. Условно наборы открыток можно разделить на 4 блока или 4 группы:

- 1) посвященные изобразительному искусству: живописи, графике и скульптуре (например, «Акварели и рисунки П. П. Кончаловского», «Гравюры Ф. Д. Константинова», «В. Серов. Рисунки», «Цветы. Художник В. М. Конашевич», «Кукрыниксы. Пейзажи», «К. Брюлов. Акварели и рисунки», «Б. Кустодиев. Рисунки и гравюры»);
- 2) относящиеся к архитектуре и архитектурно-историческим памятникам («Архитектура средневековой Европы. Романская архитектура», «Старая Москва. XVII век», «Москва. Начало XX века»);
- 3) наборы, содержащие в себе иллюстрации к произведениям художественной литературы («Врубель. Иллюстрации к поэме Лермонтова «Демон»», иллюстрации к роману И.С. Тургенева "Дворянское гнездо"», к «Слову о полку Игореве» и т.д.);

4) наборы, посвященные экслибрисам («В. Фролов, 12 экслибрисов», «Экслибрисы советских художников», «Книжные знаки Калашникова», «Эвальд Окас. Экслибрис»).

Вся коллекция открыток Гелия Федоровича Бирюкова относится ко второй половине XX века. Самые ранние комплекты были выпущены в 1955 году (Валентин Александрович Серов / Гос. Третьяков. галерея; [авт. вступ. ст. С. Дружинин] — Москва: Изогиз, 1955; 12 открыток к произведениям А. Гайдара / Д. Дубинский. — Москва: Изогиз, 1955).

Остановимся поподробнее на первой группе наборов открыток, посвященных изобразительному искусству.

Один из комплектов называется «Валентин Серов. Рисунки» и включает в себя 12 открыток. Комплект был выпущен в Москве издательством «ИЗОГИЗ» в 1958 году тиражом 40000 экземпляров. Художник – Ю. Рейнер, редактор – В. Лось, автор вступления – И. Шмидт. Комплект состоит из обложки, буклета со вступлением, перечня открыток и самих репродукций. В предисловии описывается биография живописца и тематика открыток. В данном наборе представлены репродукции портретных рисунков В. А. Серова («Автопортрет», «Портрет К. С. Станиславского», «Портрет К. А. Обнинской»), репродукции иллюстраций к басням И. А. Крылова («Тришкин кафтан», «Квартет», «Лев в старости») и повседневные зарисовки художника («Детский портрет», «Солдатушки, бравы ребятушки...», «Лошадь»). Открытки напечатаны на мелованной бумаге размером 105 x 148мм (А6).

Второй рассматриваемый нами комплект называется «Карл Брюллов. Акварели и рисунки» и включает в себя 27 открыток, 14 из которых были выпущены вместе с комплектом, а 13 других были вложены самим Гелием Федоровичем Бирюковым. Комплект состоит из обложки, перечня и репродукций. Он был выпущен в Москве издательством «ИЗОГИЗ» в 1960 году тиражом 40000 экземпляров. Редактор – А. Слижевская, обложка – художника Я. Окуня. Репродукции представлены в таких жанрах живописи, как портрет («Портрет Ф. А. Бруни», «Портрет А. П. Брюллова», «М. П. Волконская в восточном костюме»), жанровая живопись («Итальянская семья», «Свидание», «На исповеди») и пейзаж («Дорога в горах», «Переправа через ручей», «Сладкие воды близ Константинополя»).

Рассмотрим открытки, вложенные в комплект Гелием Федоровичем. Все они – репродукции акварелей Карла Брюллова. Две из них были выпущены издательством «Аврора» в Ленинграде (Санкт-Петербург): «Автопортрет. 1830 г.» и «В. А. Корнилов на борту брига «Фемистокл». 1835 г.». Эти картины находятся в Государственном Русском музее. Следующая открытка – репродукция портрета А. И. Бека, который находится в Саратовском государственном художественном музее имени А. Н. Радищева. Репродукция была выпущена в 1961 году издательством «ИЗОГИЗ» тиражом 38000 экземпляров. Открытка «Храм Аполлона Эпикурейского в Фигалии» – репродукция акварели К. Брюллова 1835 года, которая находится в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Открытка была выпущена издательством «ИЗОГИЗ» в 1962 году (тираж – 22000 экземпляров). Две репродукции картин К. Брюллова из Государственной Третьяковской галереи – «Пифферари перед образом Мадонны» и «Портрет Ф. Ф. Голицина» – были выпущены издательством «Московский художник» в 1966 и 1967 годах соответственно. Репродукция акварели «Потрет неизвестного. 1830 г.» была издана в Москве издательством «Советский художник» в 1967 году. Открытка «Всадники. Портрет Е. Мюссара и Э. Мюссар» была выпущена издательством «Изобразительное искусство» в Москве в 1969 году. Художественные открытки «Автопортрет. 1848 г.» и «Всадница» были изданы издательством «ИЗОГИЗ» в 1957 году тиражом 100000 экземпляров. Тем же издательством и в том же году были выпущены открытки «Портрет не-

известной в тюрбане» и «Праздник сбора винограда» тиражом 70000 экземпляров. Открытка «Турчанка. Этюд к картине «Бахчисарайский фонтан»» хоть и схожа с названием репродукции, представленной в перечне, но не относится к данному комплекту. Видимо, она была вложена самим Гелием Федоровичем. Эта репродукция картины К. Брюллова была выпущена издательством «ИЗОГИЗ» в 1957 году тиражом 30000 экземпляров. Дополнения к этому и другим наборам открыток, сделанные Г. Ф. Бирюковым, говорят о том, с каким интересом и любовью он относился к своей коллекции, как систематично ее подбирал.

Для нас как будущих издателей особенно интересен комплект открыток «Гравюры Ф. Д. Константинова», который был выпущен в Москве издательством «ИЗОГИЗ» в 1961 году и содержит в себе 19 открыток, 15 из которых изначально являлись частью комплекта, а 4 других были вложены дополнительно. Помимо самих открыток комплект составляет обложка к ним, буклет со вступлением, описывающим биографию гравёра и историю его работ, а также перечень репродукций. В наборе представлены репродукции гравюр-иллюстраций («Иллюстрация к «Кентерберийским рассказам» Д. Чосера», «Иллюстрация к «Преступлению и наказанию» Ф. Достоевского», «Иллюстрация к «Легенде об Уленшпигеле» Ш. Костера»), гравюр, посвященных героическому труду колхозного крестьянства («Песня», «Жатва»), гравюр, посвященных русской природе («Июль», «Январь»), а также портрет «Паганини». Дополнительные карточки представляют собой иллюстрации к трагедиям В. Шекспира «Ромео и Джульетта» и «Генрих IV». Все они были выпущены издательством «ИЗОГИЗ» в 1963 году тиражом 16000 экземпляров. От оригинальных карточек они отличаются оформлением неиллюстрированной стороны и цветом бумаги: она имеет желтоватый оттенок.

Все эти комплекты – лишь малая часть большой коллекции художественных открыток Гелия Федоровича Бирюкова, а сама коллекция открыток – один из островков того достояния, что оставил после себя преподаватель, редактор и «мужчина высокой пробы», которого до сих пор с уважением и теплотой вспоминают коллеги и ученики. *«Гелий означает солнце – он и входил в аудиторию как солнце»* (Ж.В. Грачёва).

Литература

1. Зайцева А.С. Сигнальный экземпляр: Страницы истории издательства Воронежского университета / А.С. Зайцева [и др.]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004. – 224 с.
2. Попов С.А. Филологический факультет ВГУ: прошлое, настоящее, будущее: К 60-летию со дня образования / С. А. Попов. – Воронеж: Изд-во им. Е.А. Болховитикнова, 2001. – 247 с.

*Н.Д. Мощенская, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – преп. Т.Ф. Ускова*

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СКАЗКИ ЕВГЕНИЯ ШВАРЦА «ДРАКОН»

Евгений Шварц – знаменитый советский писатель, поэт, драматург и сценарист. О нем пишут, что он «был художником во многих отношениях единственным в своем роде» [5, с. 3]. Писал Евгений Шварц как для детей, так и для взрослых, но когда он об-

ращался к детям, к нему внимательно прислушивались взрослые, а «взрослые» тексты, тем не менее, всегда оказывались доступными детскому пониманию.

Известный режиссер Н. П. Акимов писал: «Когда Шварц написал свою сказку для детей «Два клена», оказалось, что взрослые тоже хотят ее смотреть. Когда он написал для взрослых «Обыкновенное чудо» – выяснилось, что эту пьесу, имеющую большой успех на вечерних спектаклях, надо ставить и утром, потому что дети непременно хотят на нее попасть» [1, с. 276].

Свой творческий путь Шварц начал как актер театра, поэтому неудивительно, что и писал он в основном для театра. На его счету много текстов, которые впоследствии широкая общественность могла увидеть на сценах театров – «Ундервуд», «Тень», «Голый король», «Дракон». Прославился Шварц также и написанием сценариев для кинолент – знаменитые «Золушка», «Снежная королева», «Дон Кихот» сняты именно по его сценариям.

Судьба многих сказок Евгения Шварца была не менее драматична, чем судьба их персонажей. Настоящие страсти разгорелись вокруг самых известных пьес Шварца и Акимова — «Тень» и «Дракон».

Более подробно хотелось бы остановиться на пьесе-памфлете «Дракон».

Над «Драконом» Шварц начал работать сразу после окончания «Тени», завершая начатый «Голым королем» цикл антифашистских, антивоенных пьес, направленных против деспотизма. Острота поднятой темы требовала предельной точности формулировок для правильного понимания политического подтекста сказки в условиях культа личности Сталина. Отсюда – упорная работа драматурга над текстом пьесы, имеющей три варианта. Окончательный вариант был завершён в 1944 году.

Сюжет классичен. Странствующий рыцарь Ланцелот приходит в город, который уже очень давно находится под владичеством Дракона. Каждый год жители отдают в жены Дракону самых красивых девушек города, и в этом году пришла очередь Эльзы – дочери архивариуса Шарлеманя. Ланцелот влюбляется в Эльзу и готов вызвать Дракона на поединок, но внезапно сталкивается с тем, что горожане начинают его отговаривать. Причем отговаривают его не только «лучшие жители города», но и сама Эльза. Даже сочувствующие Ланцелоту люди боятся открыто выступить против Дракона. Оказывается, горожане привыкли сосуществовать с Драконом. Более того, они не представляют, как будут жить без него. Жители города даже ласково зовут его между собой «дра-дра», «чудушко-юдушко», «душечка-цыпочка», «летун-хлопотун» [8, с. 144]. Ланцелот оказывается практически один, его помощь, казалось бы, никому не нужна. Но в городе все же находятся недовольные Драконом жители, которые давно ждали героя. Они вручают рыцарю волшебное оружие, ведь до этого горожане официально «вооружили» Ланцелота тазиком, подносиком и справкой о том, что «копье находится в ремонте» [8, с. 151]. В конце концов, Дракон повержен, а тяжело раненый Ланцелот куда-то пропадает – все считают, что он умер. Но оказывается, уничтожив внешнее зло, рыцарь не уничтожил зло внутреннее: он не вылечил души, искалеченные Драконом. Когда выздоровевший Ланцелот возвращается в город, он видит, что ничего не изменилось, и властителем теперь стал Бургомистр. Несмотря на то, что весь город видел бой, именно его считают победителем Дракона и именно ему отдают в жены Эльзу. Вот тут-то Ланцелот понимает, что истребить причину зла мало – необходимо искоренять его последствия.

В основу произведения взят сказочный сюжет народов Юго-Восточной Азии о драконе, которого нельзя победить, потому что сам победитель в итоге становится драконом. Однако Шварц переворачивает сюжет: в пьесе люди, спасаемые героем, в большинстве своём считают, что жизнь под властью дракона вполне терпима: к жестокости и притеснениям они привыкли, каждый надеется, что хуже уже не будет. Вступить с дра-

коном в бой – верная смерть. Эти люди не особенно хотят, чтобы их спасали, им не нужна свобода, они предпочитают быть в рабстве, лишь бы господин был помягче. Лишившись одного тирана, они с удовольствием идут под власть другого.

Также в сказке можно увидеть отсылки к легенде о короле Артуре и «Дон Кихоту». Некоторые исследователи выделяют в сказке и христианские мотивы.

Шварц закончил работу над текстом пьесы в ноябре 1943 года, и практически сразу «Дракона» начали готовить к постановке. В дневнике Шварца есть запись: «Я получил 24 (января) телеграмму из Москвы от Акимова: Пьеса блестяще принята Комитете возможны небольшие поправки горячо поздравляем Акимов» [6, с. 13]. Вскоре после пришла другая телеграмма: было принято решение ставить пьесу без правок. В марте 1944 г. приехавший к Шварцу Акимов сообщил, что «Дракон» пользовался необычайным успехом в Москве и его захотели поставить четыре театра. В конце этого же месяца пьеса, которую так хвалили, вдруг подверглась негативной критике в центральной прессе [6, с. 14]. Тем не менее, был разрешен закрытый показ, но день постоянно откладывали. Наконец, 4 августа 1944 года «Дракон» появился на театральной сцене, однако после единственного открытого показа спектакль сняли. Официально запрет не объяснили, но есть мнение, что пьеса была закрыта потому, что в ней увидели образ тоталитарного государства.

Шварц переписал второй и третий акты пьесы. В ноябре прошло чтение нового варианта «Дракона» на художественном совете. Мнения разделились. «Выступали Погодин, Леонов – очень хвалили, но сомневались. Много говорил Эренбург. Очень хвалил и не сомневался. Хвалили Образцов, Солодовников. Сейчас пьеса лежит опять в Реперткоме» [6, с. 15].

В декабре Шварц и Акимов опять подняли в Реперткоме тему о новом варианте «Дракона», но разговор ни к чему не пришел [6, с. 16]. Тема пьесы закрылась на долгие годы.

Судьба пьесы на этом, однако, не закончилась. В 1955 году издательство «Советский писатель» предложило Шварцу выпустить сборник с его текстами. Сам автор не думал о том, чтобы включить в состав книги «Дракона». Впоследствии со стороны издательства поступила инициатива о более полном сборнике, но и в таком варианте не было этой пьесы.

Впервые текст «Дракона» был напечатан уже после смерти Шварца. Договор о включении пьесы в сборник подписан наследницей писателя Екатериной Ивановной Шварц. Неизвестно, случайно или умышленно, но она дала тот экземпляр «Дракона», что был опубликован в 1944 году, а не измененный после запрета спектакля, поэтому именно этот текст стал общеизвестным [2, URL].

После запрета пьеса не ставилась в течение восемнадцати лет. Уже после смерти Шварца, в 1962 году «Дракон» возвращается на сцены театров. Постановкой вновь занимался Акимов. Эта версия была уже хорошо принята зрителями. После этого пьесу начинают ставить как в России, так и за рубежом.

Широкому зрителю «Дракон» стал известен после того, как в 1988 году по сказке Шварца вышел фильм «Убить Дракона».

Постановка актуальна и в наши дни: ее ставят, пусть и изменениями, до сих пор – как в России (постановка МХТ им. А. П. Чехова в 2017) [4, URL], так и за рубежом (Southwark Playhouse, 2014) [5, URL].

Несмотря на то, что издательский и постановочный путь этой пьесы был довольно тернист, она заняла довольно значимое место в русской литературе. Она актуальна, и поэтому интересна и в наши дни.

Литература

1. Акимов Н.П. Не только о театре [Текст] / Н.П. Акимов. – Москва: Искусство, 1966. – 428 с.
2. Биневи́ч Е.М. На пути к "Дракону" [Текст]: О творч. Е.Шварца и истории постановки пьесы «Дракон» / Е.М. Биневи́ч // Нева. – 1996. – № 10. – С. 171-181.
3. Биневи́ч Е.М. Судьба «Дракона». Евгений Шварц. Хроника жизни [Электронный ресурс] / Е.М. Биневи́ч. – Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/236729> (дата обращения – 18.03.2017).
4. Дракон. МХТ им. А.П. Чехова. Пресса о спектакле [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.smotr.ru/2016/2016_mxt_drakon.htm (дата обращения: 2.04.2017).
5. Рожкина Я. «Дракон» Шварца глазами британцев [Электронный ресурс] / Я. Рожкина. – Режим доступа: <http://www.russianguy.com/2014/12/dragon-shvartsa-glazami-britantsev/> (дата обращения – 18.03.2017)
6. Чуковский Н.К. Мы знали Евгения Шварца [Текст] / Н.К. Чуковский. – Москва: Искусство, 1966. – 232 с.
7. Шварц Е.Л. Живу беспокойно... (из дневников) [Текст] / Е.Л. Шварц. – Ленинград: Советский писатель, 1990. – 725 с.
8. Шварц Е.Л. Обыкновенное чудо [Текст]: стихи и сказки / Е.Л. Шварц. – Москва: РИФ, 1990. – 255 с.

*Н.А. Мышов, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Ж.В. Грачёва*

КНИГИ ИЗ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ ЗОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА, ИЗДАННЫЕ В ТИПОГРАФИИ И. Д. СЫТИНА

Иван Дмитриевич Сытин (24 января (5 февраля) 1851 год, Костромская губерния – 23 ноября 1934 год, Москва) — русский предприниматель, книгоиздатель, просветитель [1].

Огромное культурно-просветительское значение имел выпуск Сытиным дешёвых изданий собраний сочинений А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого и других писателей-классиков. К 1916 году фирмой Сытина было издано 440 учебников и пособий только для начальной школы, а его «Букварь» переиздавался на протяжении тридцати лет.

Сытин издал целый ряд популярных энциклопедий: «Военная энциклопедия» в 18 томах, «Народная энциклопедия научных и прикладных знаний» в 21 томе, «Детская энциклопедию» в 10 томах.

К 1914 году продукция Сытина составляла четверть книжных изданий России [2].

К 1917 году издательству Сытина принадлежала крупная сеть книжных магазинов, через которые происходило распространение изданий: четыре в Москве, два в Петрограде, а также в Киеве, Одессе, Харькове, Холуе, Екатеринбурге, Ростове-на-Дону, Иркутске, Саратове, Самаре, Нижнем Новгороде, Варшаве и Софии. Наряду с этими городами также был открыт книжный магазин в г. Воронеж. Он располагался в доме купца В. М. Шведченко (теперь угловой дом по ул. Дзержинского, 16).

Перейдем к описанию и анализу изданий, находящихся в Отделе редких книг (ОРК) Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета

(ЗНБ ВГУ), выпущенных в типографии И. Д. Сытина, но вначале нужно сказать, что сегодня в ЗНБ ВГУ и в Воронежской областной универсальной научной библиотеке им. И. С. Никитина (ВОУНБ им. И. С. Никитина) содержится свыше 1 тыс. книг, изданных в типографии И. Д. Сытина, и большой вклад в пополнении этими изданиями данных фондов сыграл О. Г. Ласунский.

Ласунский Олег Григорьевич (род. 1936 г.) – доктор филологических наук, профессор; литературовед, краевед, книговед, писатель, почётный гражданин г. Воронеж, лауреат Премии Правительства РФ в области культуры, сопредседатель Всероссийского общества библиофилов, автор книг «Литературная прогулка по Воронежу», «Власть книги» и других, главный редактор Воронежской историко-культурной энциклопедии [3].

О. Г. Ласунский составил интересную личную библиотеку. В год празднования 400-летия Воронежа (1985) он передал в ВОУНБ им. И. С. Никитина, а также в ЗНБ ВГУ более 1 тыс. книг. Хронологические рамки коллекции – XVIII-XX вв.

Из тех книг, что передал О. Г. Ласунский в ЗНБ ВГУ, две книги были изданы в типографии И. Д. Сытина: «Очерк издательской деятельности Т-ва И. Д. Сытина» (1910) и «Полвека для книги» (1916).

Уникальность книги «Очерк издательской деятельности Т-ва И. Д. Сытина» (1910) в том, что она рассказывает о деятельности самого Сытина и содержит материалы о его книжном магазине в г. Воронеж.

Данная книга – альбомной ориентации, содержит богатый иллюстративный материал: общий вид типографии, изображение различных машин, цехов. Также там перечислены основные достижения и награды «Товарищества И. Д. Сытина», изображены книжные магазины «Товарищества...» в разных городах России, в том числе, в Воронеже.

В издании «Полвека для книги» (1916) представлена реакция общества на печатное слово, дается оценка роли и места И. Д. Сытина в деле русского просвещения. В создании сборника приняли участие около 200 авторов [4]. Уникальность данной книги в том, что в ней рассказывается о самом издателе и, кроме того, содержится дарственная надпись И. Д. Сытина, сделанная им для заведующего воронежской «Центропечатью» (Центральное агентство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) по распространению печати) Иосифа Моисеевича Ройхеля [5].

Обратимся также и к другим изданным в типографии И. Д. Сытина книгам, хранящимся в ОРК ЗНБ ВГУ.

В подготовке шеститомника «Три века. Россия от Смуты до нашего времени» (1913) приняли участие более 30 лиц. Книга отличается изобилием рисунков. Том 4, который хранится в ОРК ЗНБ ВГУ, – в издательском коленкором переплёте, на передней крышке тиснением золотом выполнено название, обрез книжного блока крашеный. Данный том, как и все остальные пять томов, красочно оформлен многочисленными иллюстрациями, издан на дорогой бумаге [6].

Юбилейное издание «Великая реформа 19 февраля (1861-1911)» (1911) было выпущено в память пятидесятилетия освобождения крестьян. В подготовке издания приняли участие более 60 лиц: профессоров, доцентов, преподавателей, писателей и педагогов. Книги изданы на мелованной бумаге, роскошно иллюстрированы портретами и картинками на отдельных вкладных листах [7], а также снабжены иными цветными и черно-белыми иллюстрациями. Обрез книжного блока рельефный.

Издание «Русские педагогические деятели (с портретами)» (1909) содержит описания жизни и профессионального пути трёх выдающихся деятелей педагогики: Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского и Н. А. Корфа. Эта книга малого формата, в твёрдом переплёте, но более дешёвом, чем у остальных изданий типографии И. Д. Сытина, какие-либо узоры отсутствуют.

«Математическая хрестоматия. Книга 1-я. Арифметика» (1913) оформлена в твёрдом переплёте с рисунком под мрамор зелёного цвета. Книга напечатана на достаточно плотной бумаге, иллюстрирована портретами знаменитых математиков. Имеются вклейки с таблицами на отдельных листах, сложенных по формату издания, поскольку их размер составляет целый разворот.

Брошюра «В родной деревне: книжка для чтения на первом году обучения» (1915) – малого формата, выполнена на газетной бумаге с иллюстрациями достаточно низкого качества. Она содержит стихи Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина и других поэтов.

Книга «Государственная Дума. Высочайший манифест и все узаконения 6 августа 1905 года...» (1905) была издана в твёрдом переплёте, переплётная крышка выполнена под мрамор зелёного цвета. В книге напечатаны Положение об учреждении Государственной Думы и другие официальные документы, в том числе распределение членов Думы по губерниям, областям и городам.

Периодическое издание «Вокруг света: еженедельный иллюстрированный журнал» (1913) содержит полезные сведения о мире, небольшие повести и рассказы, публицистические очерки, информацию о современном состоянии науки и техники, а также разного рода объявления, бытовые советы.

Таким образом, издания, которые выпускал Сытин, были очень разнообразны по тематике и своей читательской аудитории. В качестве заключения приведем слова Е. А. Динерштейна: «За все годы издательской деятельности И. Д. Сытин выпустил не менее 500 миллионов экземпляров книг... Сытинская книга, хотя и не звала читателя к переустройству мира, но помогла ему познать себя и среди царящей вокруг жестокости и несправедливости найти достойное место в жизни, определить своё отношение к окружающей действительности...» [1].

Литература

1. Динерштейн Е.А. И.Д. Сытин [Текст] / Е.А. Динерштейн. – Москва: Книга, 1983. – 272 с.
2. Галумов Э.А. Иван Дмитриевич Сытин и издательство «Известия»: (к 160-летию со дня рождения) [Текст] / Э.А. Галумов // Библиоковедение. 2011. – № 1. – С. 76-83.
3. Олег Ласунский. Ученый. Писатель. Библиофил. 70 лет [Текст] / сост. В.Г. Красильников. – Воронеж: Альбом, 2006. – 32 с.
4. Русский библиофил: магазин антикварной книги [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rusbibliophile.ru/Book/Polveka_dlya_knigi__1866-1916_, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 14.05.2017).
5. Ласунский, О. Г. Житель родного города. Воронежские годы Андрея Платонова. 1899-1926 [Текст] / О. Г. Ласунский. – Изд. 2-е, доп. – Воронеж: Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2007. – 280 с.
6. Три века: шеститомник и судьба его создателя [Электронный ресурс]. – URL: <http://artefakt.in.ua/article/item/blog5.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 14.05.2017).
7. Шеститомник «Великая реформа», 1911 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://artefakt.in.ua/article/item/045b.html> свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения 14.05.2017).

*Е.И. Попова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.К. Попова*

«АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА» (ИЗДАНИЕ Н. Ф. МЕРТЦА): ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА КНИГИ

В Отделе редких книг Зональной научной библиотеки ВГУ хранится множество интересных изданий. Одно из них – альбом иллюстраций конца XIX века. Это большая, формата А4 книга в твердом черном тканевом переплете. Ткань местами истончилась, порвалась, основа расслоилась, и крышка потеряла «товарный вид», но своё содержимое сохранила. Изначально на переплетной крышке было выведено золотыми буквами название книги – «Альбом иллюстраций к собранию сочинений И. С. Тургенева», но сейчас название почти стёрлось. Такое оформление в основном использовалось для подарочных изданий или для заказных книг.

Альбом был издан в Санкт-Петербурге в 1898 году Н. Ф. Мертцем, о котором известно только то, что он был одним из первых редакторов-издателей журнала «Север».

В настоящее время общепринято представление о книге как о «едином и цельном художественном произведении, в котором взаимодействуют, сливаются и служат общей цели и текст, и графика, и шрифт, и конструкция...» [3, с. 6]. Обратимся к художественной структуре книги, главное содержание которой – иллюстрации к известным произведениям знаменитого писателя. Для того чтобы представить художественную ценность и целостность альбома, рассмотрим его составляющие.

Самый первый лист, который мы видим, – это хромофотография. На ней изображен портрет Тургенева, а также входящие в дверь женщина, держащая палитру, и херувимчик с большой книгой. Таким символическим образом авторы альбома утверждают мысль о соединении в нем словесного и изобразительного искусств.

Следом идет титульный лист. Весь текст обрамлен рамкой, и в нем используется множество различных шрифтов, что позволяет привлечь внимание к наиболее значимой информации.

Первая статья альбома открывается заставкой. Это портрет Тургенева, который держит крылатая дева в античном одеянии. Если вспомнить античную мифологию, то можно сказать, что это Ника, богиня победы. Статья, посвященная биографии и творчеству писателя, написана А. А. Коринфским, который подчеркивает его мастерство реалиста: «Тургенев ни на шаг не отступает от действительности, как бы она ни расходилась с основными законами эстетики. Художник по призванию, художник до мозга костей – он всегда оставался верен «натуре», перевоплощая ее в яркие поэтические формы» [1, с. 3].

Вторая статья альбома озаглавлена «От издателя». В ней сам Мертц пишет о том, почему он решил сделать иллюстрации именно фотографическим способом. Издатель убежден в преимуществах фотографии перед «рисунками «от руки»», поскольку «новый фотографический способ дает менее простора произвольному трактованию сюжета и совершенно исключает возможность небрежного исполнения деталей». Именно поэтому Н. Ф. Мертц, «желая дать возможно более оригинальные и художественные иллюстрации к сочинениям И. С. Тургенева, ... остановился на новом способе воспроизведения, до сего времени не употреблявшемся в России» [1, с. 8].

Действительно, как утверждает Ю. Я. Герчук, «фотоязык оказался к концу XIX в. едва ли не всеобщим визуальным языком времени, стал эксплуатироваться другими искусствами в качестве наиболее современного и эмоционально активного» [3, с. 246]. В

конце XIX столетия в России начался новый период: распространяется книжная фото­графическая иллюстрация, в которой проявились интересы общества.

После статьи Мертца идет приложение «К иллюстрациям». Здесь представлен пе­речень самих иллюстраций и фрагменты произведений, которые они иллюстрируют. Всего иллюстраций было 48, но сохранилось только 46.

Первая – это портрет самого Тургенева, сделанный за полгода до его смерти, вто­рая – оригинальный рисунок Н. Н. Каразина «В память 15-летия со дня кончины И. С. Тургенева», следом идут фотографии к произведениям.

Рассмотрим более подробно иллюстрацию к рассказу «Малиновая вода» из «За­писок охотника». В один из знойных летних дней рассказчик охотился в лесу со своей собакой. Устав и выйдя к берегу реки Исты, которую называли Малиновой водой, он с удивлением встретил Стёпушку, тихого и хлопотливого малого из соседней деревни. С ним был другой знакомый охотника, вольноотпущенный Савельич. Он удил рыбу, а Стёпушка держал и подавал червей. Охотник и Михайло Савельич разговорились. Спу­стя некоторое время из леса вышел мужчина лет пятидесяти. Михайло назвал его Вла­сом. На иллюстрации (рис. 1) изображен разговор Власа с охотником и Савельичем. В пояснении к этому изображению приводится такой фрагмент тургеневского текста:

«– Здорово, Михайла Савельич, – проговорил мужик, подходя к нам, – издалеча.

– Где пропадал? – спросил его Туман.

– А в Москву сходил, к барину.

– Зачем?

– Просить его ходил.

– О чем просить?

– Да чтоб оброку сбавил аль на барщину посадил, переселил, что ли... Сын у меня умер, – так мне одному теперь не справиться» [1, с. 9].

Это постановочная фотография, позы героев статичны, авторы альбома стреми­лись передать детали одежды и манеру поведения участников беседы.

На мой взгляд, фотографический способ иллюстрирования нельзя оценивать од­нозначно. В нем есть как плюсы, так и минусы. Сравнивая фотографию с иллюстрацией к тому же произведению, нарисованной «от руки» (рис. 2), мы видим, что иллюстрация П. Соколова в чем-то лучше показывает этот эпизод: она хорошо передает пейзаж и внутреннее состояние персонажей.

Подводя итоги, можно отметить следующее. Цель издания – наиболее четко отра­зить творчество Тургенева. Все статьи и иллюстрации взаимосвязаны и передают общий смысл. Есть и недочёты, но, как просил издатель в своей статье, не будем строго их су­дить. В конце XIX в. фотографическая иллюстрация только развивалась, и, как первая попытка подобного издания, альбом имеет большое значение для дальнейшего совер­шенствования данного направления книжной иллюстрации.

Литература

1. Альбом иллюстраций, исполненных по фотографическим композициям, к Со­бранию сочинений Ив. Серг. Тургенева: С приложением: этюда А.А. Коринфского «И.С. Тургенев»; заметки Н.Ф. Мертца «От издателя»; пояснительного текста к иллю­страциям; портрета И.С. Тургенева, снятого за полгода до смерти; ориг. рис. Н.Н. Кара­зина «В память 15-летия со дня кончины И.С. Тургенева» / издатель Н.Ф. Мертц; вступ. ст. А.А. Коринфский. – СПб. : Изд. Н.Ф. Мертца, 1898.

2. Герчук Ю.Я. История графики и искусства книги / Ю.Я. Герчук. – М. : Аспект-Пресс, 2000. – 320 с.

Рис. 1

Рис. 2

*Н.С. Тюлькина, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – преп. Т.Ф. Ускова*

ИСТОРИЯ ПИСАТЕЛЕЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ «РУССКОГО ХАРБИНА» В ПОВЕСТИ Д. И. РУБИНОЙ «НАШ КИТАЙСКИЙ БИЗНЕС»

Дина Рубина – одна из самых узнаваемых писательниц не только в нашей стране, но и за рубежом.

Автор создает реалистические, фантастические произведения («Почерк Леонардо»), работает в жанре современного магического реализма (цикл «Люди воздуха»). Внимание многих исследователей привлекает «Синдром петрушки», в котором соединены три жанра: готический роман, семейный детектив и психологическая драма.

Особое место в прозе Д. Рубиной отведено еврейской теме: раскрытию исторического прошлого народа, его современной жизни в Израиле и в диаспоре.

Михаил Эдельштейн высказал следующее мнение о писательнице: «Одни числят ее по разряду "массовой словесности", отказывая в праве на сколько-нибудь серьезное отношение со стороны критики, другие полагают, что по мастерству сюжетостроения, колоритности персонажей, точности и сочности описаний у Рубиной сейчас мало соперников в отечественной прозе» [2, URL]. Большинство исследователей и критиков сходится во мнении, что творчество писательницы относится к «высокой» или «беллетристической», а не к «массовой» литературе. «Сегодня Дина Рубина – один из самых острых авторов <...> Вне сомнения, Рубина – хороший беллетрист <...>», – пишет Е. Луценко [5, URL].

К моменту написания повести «Наш китайский бизнес» Дина Ильинична была хорошо известна: являлась членом Союза писателей УзССР, Союза писателей СССР, Союза русскоязычных писателей Израиля.

Критики (например, Елена Холмогорова в журнале «Знамя» [8, URL] или библиографическая служба журнала «Континент» [1, URL]) относят «Наш китайский бизнес» к

юмористическому произведению, уделяя внимание авторской манере писательницы, и почти не касаются других сторон повести, поэтому можно сказать, что «Наш китайский бизнес» почти не подвергался анализу.

Произведение неоднократно выходило свет в различных сборниках, а также публиковалось в журнале. Первым его выпустило израильское издательство «Верба Паблшерс», включив в сборник «Один интеллигент уселся у дороги» в 1994 г. В 1997 г. повесть была напечатана в журнале «Знамя». В 2001 г. Санкт-Петербургское «ИЗДАТЕЛЬСТВО РЕТРО» выпустило сборник Дины Рубиной «Один интеллигент уселся у дороги», в который входила анализируемая повесть. В 2003 г. писательница начала сотрудничество с «Эксмо» (что говорит об успехе Рубиной у российских читателей), включившее произведение в несколько сборников, тираж которых составлял от 4000 до 8100 экземпляров. Таким образом, можно сделать вывод об успешности повести.

Целью нашего исследования стало выявление причины популярности «Нашего китайского бизнеса» Дины Рубиной.

Как представляется, популярности произведения способствовала положенная в его основу история Якова Моисеевича Шенцера – представителя организации выходцев из Китая, видящей смысл жизни в сохранении связей между членами общины, состоящей из людей, которые значительную часть жизни провели в Китае, а в тридцатые-сороковые годы XX века разъехались по всему миру. Данная организация, выпускающая газету «Бюллетень», обратилась в современное издательство «Джерузалем паблшинг корпорейшн» для обновления.

Знакомство героини с Яковом Моисеевичем начинается с телефонного звонка, во время которого женщина отмечает несвойственную окружающему ее обществу манеру речи персонажа: «Старческий голос выговаривал слова как-то слишком аккуратно. Я бы сказала: целомудренно. С родным языком так церемонно не обращаются» [7, с. 420], – замечает она. Данная фраза готовит читателей к встрече с героем и обращает их внимание на возраст персонажа, который в сочетании с охарактеризованной манерой речи и прекрасным знанием языка (о чем сообщается в экспозиции) говорит о большом жизненном опыте героя, его происхождении, «старосветском» воспитании.

Постепенное знакомство с персонажем происходит в течение трех встреч Шенцера с героиней-рассказчицей в Иерусалиме, в доме доктора Тихо, что является реализацией традиционного для Дины Рубиной концепта дома [3, с. 194], при помощи которого раскрывается домашность еврейского мира. Герой рассказывает о своем детстве, переезде его богатой семьи, глава которой занимался коммерцией и славился благотворительностью, из Владивостока в Харбин во время наступления Красной армии, о годах юности, о любви к девушке.

Однако автор сосредотачивает свое внимание не только на личной жизни героя, но и на историко-культурологическом уровне, о котором дает понять уже в первых строках повести. В произведении рассказывается о Харбине – центре белой эмиграции в Китае. Описывается география местности, где проходит КВЖД, на которой построен город, повседневная жизнь местного населения, культура Харбина, повествуется о роли русской и других общин. Стоит отметить, что описание городской жизни в повести совпадает с описанием из мемуарных источников (Мелихов Г. В. «Белый Харбин: Середина 20-х» [6, URL], Ильина Н. И. «Дороги и судьбы: Автобиографическая проза» [4, URL]), что говорит об осведомленности автора, детальном исследовании вопроса.

Через историю выходцев из Китая Дина Рубина раскрывает тему памяти как ценности. В данном случае стоит обратиться к «Бюллетеню», который является воплощением памяти о городе для героев и членов общины. Кроме того, издание является и памятью об утраченной возлюбленной бывших харбинцев: Якова Моисеевича Шенцера и

Мориса Эдуардовича Лурье (главы «Центра», издающего газету). Здесь необходимо обратиться к образу Алика, сына одного из героев (но кого именно, в повести не говорится), который объединяет ненавидящих друг друга создателей «Бюллетеня» и тем самым в определенной мере обеспечивает существование издания. В некотором смысле газета, с ее устаревшими технологиями печати, существует только ради Алика, который иначе работать не может, т. к. является инвалидом. «...Во всем этом новом процессе ни я, ни Морис, как ни пытались, абсолютно не в состоянии представить Алика» [7, с. 439], – говорит Яков Моисеевич рассказчице.

Значимость издания для героев наиболее ярко проявляется при сопоставлении отношения к работе сотрудников харбинского издательства и «Джерузалема паблишин корпорейшн» в лице героини-рассказчицы и директора Вити, для которых издаваемая ими городская газета – это лишь способ заработка денег. Поэтому данное издание обречено на провал, а «Бюллетень» существует в течение длительного времени.

Несмотря на различие между описанными выше героями, у них есть одна общая черта. И здесь еще раз необходимо обратиться к теме памяти: общение Шенцера с героиней заставляет его вспомнить о жизни в Харбине и переезде в Израиль; встреча с «Центром» в Иерусалиме напоминает рассказчице о ее детстве; Витя во снах видит ушедшего из жизни отца, с которым раз за разом «сводит счеты». Таким образом, именно тема памяти объединяет всех персонажей повести.

В результате анализа можно сделать вывод о том, что Дине Рубиной удалось сделать произведение «Наш китайский бизнес» привлекательным благодаря ярким образам главных героев, обращению к историко-культурологическим деталям и философской теме ценности памяти в жизни человека.

Литература

1. Библиографическая служба «Континента» // Континент. – 2000. – № 103. – URL: <http://magazines.russ.ru/continent/2000/103/bsk.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 10.04.2017).
2. Вокруг Дины Рубиной: беседу ведет Михаил Эдельштейн // Лехаим. – 2010. – № 3. – URL: <http://www.lechaim.ru/ARNIV/215/edelshteyn.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 10.04.2017).
3. Зиятдинова Д.Д. Концепт восток в творчестве Дины Рубиной / Д.Д. Зиятдинова // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. – 2015. – №2. – С. 192-199.
4. Ильина Н.И. Дороги и судьбы: Автобиографическая проза / Н.И. Ильина. – Москва : Советский писатель, 1985. – 560 с. – URL: http://modernlib.ru/books/ilina_nataliya_iosifovna/dorogi_i_sudbi/read, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 19.03.2017).
5. Луценко Е. Лопнувший формат. Дина Рубина / Е. Луценко // Вопросы литературы. – 2009. – № 6. – URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2009/6/lu5.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 10.04.2017).
6. Мелихов Г.В. Белый Харбин: Середина 20-х / Г.В. Мелихов. – Москва : Русский путь, 2003. – URL: <http://e-libra.ru/read/206679-belyj-harbin-seredina-20-x.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 19.03.2017).
7. Рубина Д.И. Наш китайский бизнес / Д.И. Рубина // Полное собрание рассказов в одном томе / Д. Рубина. – Москва : ЭКСМО, 2013. – С. 416-457.
8. Холмогорова Е. Анонс №7 / Е. Холмогорова // Знамя. – 1999. – №7. – URL: <http://magazines.russ.ru/znamia/1999/6/anon7.html>, свободный. – Загл. с экрана. – (Дата обращения: 10.04.2017).

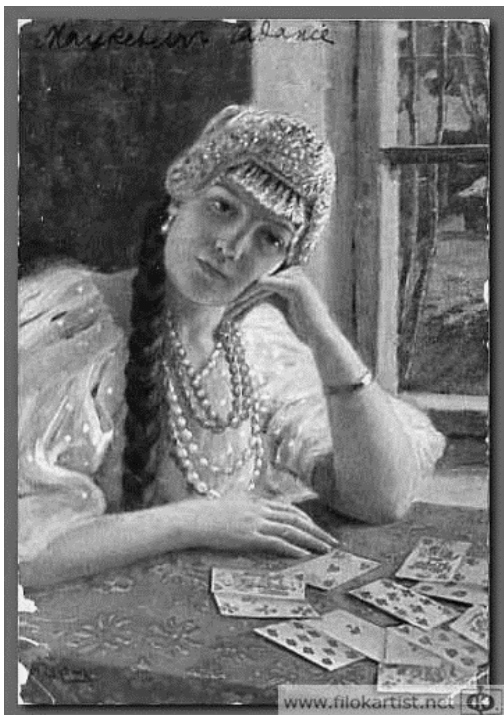
ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ НА ОТКРЫТКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Листовое издание – это издание в виде одного или нескольких листов печатного материала любого формата без скрепления. Одним из видов листового издания является почтовая открытка.

Первые почтовые открытки были выпущены в Австрии в 1869 году. Рисунков на этих карточках еще не было. Первые иллюстрированные карточки появились во время войны между Францией и Германией в 1870 году. В воюющих армиях Франции и Германии возникла тенденция разрисовывать неиллюстрированные почтовые карточки, таким образом солдаты пытались хоть как-то скрасить тяжелые монотонные будни войны. В июле 1870 года книготорговец Шварц из Ольденбурга выпустил открытку с небольшим рисунком, изображающим артиллериста с пушкой. В 1874 году на Всемирном почтовом конгрессе в Берне почтовая открытка получила официальное признание. Был установлен единый международный размер открытки – 90 на 140 мм. А несколько позднее, в 1925 году, был введен новый стандарт, сохранившийся и по сей день, – 105 на 148 мм. С 1 мая 1909 года во всех почтовых книгах, документах, бланках наименование «Открытое письмо» было заменено надписью «Почтовая карточка».

В России печать открыток типографским способом началась в 1894 году. Вначале обратная сторона открытки предназначалась только для адреса, а с 1904 года её левая половина отводилась для короткого письма. Пик моды на поздравительные карточки пришелся на 1898–1918 годы. Это был Золотой век художественной открытки. Почтовые карточки многими считаются предметом искусства. Филокартия, коллекционирование почтовых открыток, стала излюбленным увлечением миллионов людей.

Темой моего доклада является женский образ на почтовых открытках конца XIX – начала XX века. Именно так называется выставка редких открыток, представленная в

Воронежской областной универсальной научной библиотеке им. И. С. Никитина. Данную коллекцию подарил Никитинской библиотеке Александр Яковлевич Приходько, известный московский коллекционер. Часть открыток принадлежит Маргарите Викторовне Панковой.

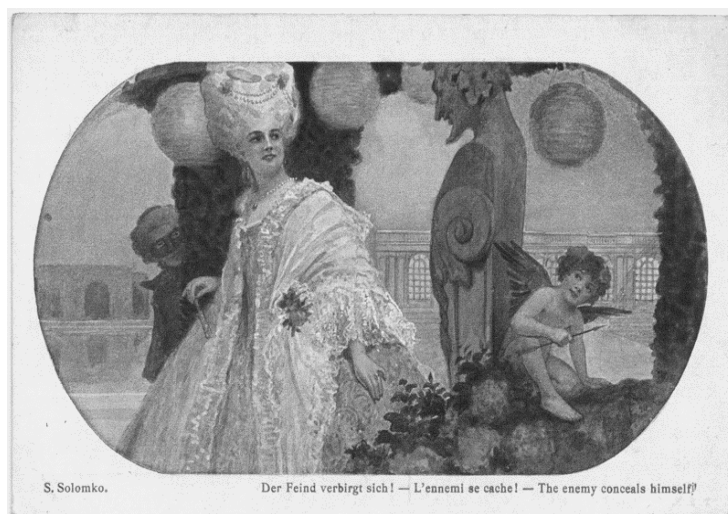
На данной выставке представлены работы нескольких художников, посвященные разным темам. Это, например, тема национального типа, которая присутствует в работах Ивана Мацкевича, изображающих русских красавиц в народных костюмах.

Иван Мацкевич (1872 – 1954) создал серию открыток, состоящую из 14 экземпляров. Они отличаются высоким уровнем мастерства и живописной экспрессии. Художник обратился к жанру портрета, в котором выразил всю красоту русских модниц, а также русского исторического и народного костюма, что, конечно, нашло отклик у зрителей и критиков. Большинство его откры-

ток было напечатано в издательстве «Ленц и Рудольф» г. Рига.

Также данной теме посвящены несколько открыток неизвестных художников.

Отдельно хотелось бы выделить работы Сергея Соломко (1867-1928). Он был од-

ним из известнейших художников, писавших «открытые письма». Соломко обучался искусству рисования в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а после – в Императорской Академии Художеств в Санкт-Петербурге. Создавал иллюстрации, делал зарисовки театральных постановок, составлял афиши, но прославился он благодаря своим многочисленным открыткам. Кроме того, популярность ему принесли эскизы древнерусских костюмов для костюмированного бала в Зимнем дворце. Он создал несколько серий открыток: женские головы в русских уборах различных эпох, Москва в XVII столетии, псевдостарина, женщины в образах различных стран Европы во времена Первой мировой войны. Большую часть своих открыток он печатал в издательстве «Т.С.Н.» (Theodor Stroefler, Nuremberg), а также в издательстве Лапина в Париже.

Еще один художник, работы которого представлены на выставке

в Никитинской библиотеке, – это Вильгельм Александрович Котарбинский (1848 – 1921). Родом он из небольшого села Неборова Варшавской губернии. Учился в Варшавской рисовальной школе и в Академии св. Луки в Риме, получил серебряную медаль и звание «Первого Римского рисовальщика». Вильгельм Александрович писал картины на мифологические и библейские темы, портреты, фантастические композиции, участвовал в работах В. Васнецова по украшению киевского собора Святого Владимира в Киеве. Котарбинский создал несколько серий открыток с мифологической и библейской тематикой. Большинство своих открыток он печатал в издательстве «Разсвет» (г. Киев).

На выставке в Никитинской библиотеке представлены открытки с фотографиями, которые исторически появились позже. Например, можно увидеть открытку с изображением Клео де Мерод, французской танцовщицы, или открытку с фотографией Веры Холодной, известной русской актрисы немого кино.

Кроме того, на данной выставке представлены рекламные открытки различных фотоателье.

Подводя итоги, я могу с уверенностью сказать, что конец XIX – начало XX века – это время расцвета почтовых карточек, в том числе и с женским образом. Анализ открыток, посвященных женскому образу, позволяет выявить многогранность этой темы и разные подходы художников того времени к ее разработке.

Литература

1. Глезер Г.Н., Белицкий Я.М. Рассказы об открытках / Г.Н. Глезер, Я.М. Белицкий. – М. : Радио и связь, 1986.
2. Лебедев В.Б., Загорский В.Б. Сергей Соломко: каталог почтовых карточек / В.Б. Лебедев, В.Б. Загорский. – СПб. : Стандарт-Коллекция, 2005.
3. Лузина Л. 30 ноября родился забытый ныне киевский художник-мистик Вильгельм Котарбинский [Электронный ресурс] / Л. Лузина // Сегодня. – 30 ноября 2016. – URL: <http://www.segodnya.ua/opinion/ladaluzinacolumn/30-noyabrya-rodilsya-zabytyy-nune-kievskiy-hudozhnik-mistik-vilgelm-kotarbinskiy-775046.html>, свободный. – Загл. с экрана (дата обращения: 05.04.2017).

*Э.С. Соколенко, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.К. Попова*

РУССКО-НЕМЕЦКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ: ИЛЛЮСТРАЦИИ АДОЛЬФА МЕНЦЕЛЯ К КНИГЕ Ф. КОНИ «ИСТОРИЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО»

Международные культурные связи сегодня становятся условием межкультурного диалога разных стран и народов. Культурные связи между Россией и Германией были всегда разнообразны. В сфере книжного дела, например, они имеют давнюю историю и относятся ещё к возникновению книгопечатания на Руси.

По мнению ряда отечественных книговедов, появление в 1564 г. первой печатной книги – «Апостола» Ивана Фёдорова – отчасти связано с заимствованием немецкого опыта художественного книжного оформления. Речь об этом идет в статье известного русского ученого Е. Л. Немировского, исследовавшего вопросы использования мотивов немецкой гравюры в русских печатных и рукописных изданиях XV-XVI вв.

Любопытным источником, позволяющим убедиться в наличии развитых русско-немецких культурных связей уже в XIX в., является книга «История Фридриха Великого» (1844).

Её автор – русский драматург, театральный критик, мемуарист, переводчик, историк театра Фёдор Алексеевич Кони (1809—1879). Он родился в купеческой семье в Москве, учился в Московском университете, первоначально на медицинском факультете, потом перевёлся на словесное отделение [3, URL].

За основу произведения он берет сочинение «История Фридриха II», написанное немецким историком, искусствоведом Францем Куглером (1808—1858).

Опираясь на труд Куглера и другие многочисленные иностранные источники, Ф. А. Кони создал книгу, которая пробудила в читателе интерес к личности и жизни Фридриха II. Она стала уникальным и единственным изданием М. К. Липса в Санкт-Петербурге и быстро разошлась большим по тем временам тиражом в количестве 5000 экземпляров [3, URL].

Ф. А. Кони в своём произведении хотел изложить по возможности полную и подробную историю Фридриха II, представив картину всех политических событий Европы, тесно связанных с его правлением, и показать участие в них России; очертить характер Фридриха – монарха, политика, полководца, писателя и человека.

Фридрих II Великий (1712 – 1786) — прусский король с 1740 года, выдающийся полководец своего времени. Известен также по прозвищу «Старый Фриц». Он был од-

ним из самых выдающихся деятелей XVIII века, прославившимся как государь и писатель, как полководец и дипломат. Именно ему Пруссия обязана своим возвышением до уровня великой державы. Фридрих II сыграл важнейшую роль в международной политике своего времени, которое потом назовут «век Фридриха Великого». Войска под предводительством именно Фридриха II противостояли Российской империи в Семилетней войне (1756—1763), окончившейся подписанием мирного договора сразу после воцарения на российском престоле Петра III, который с юных лет был поклонником прусского короля [4, URL].

«История Фридриха Великого» Ф. А. Кони обратила на себя внимание и за границей. Сотрудники Йенского университета в Германии, ознакомившись в 1846 году с подробным разбором этой книги и переводом некоторых ее глав, сделанными библиотекарем прусского короля Шнейдером, присвоили автору степень доктора философии [4, URL].

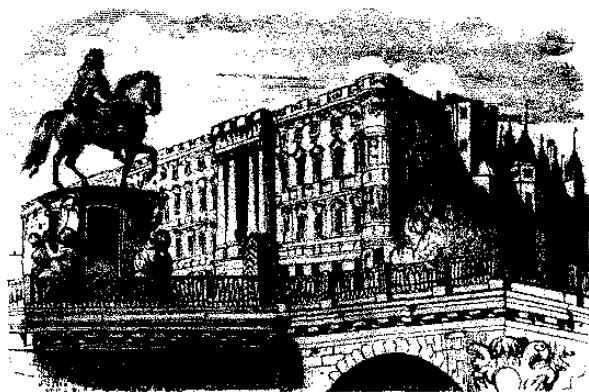
«За особенное удовольствие считаю, как декан философского факультета Йенского университета, сообщить вам лестное суждение нашего факультета о вашем прекрасном сочинении, которое представляет многие новые исторические воззрения на эпоху и блестящее их развитие, как равно и верные очертания характеров, - и переслать Вам диплом на почетное звание доктора», – писал ему профессор Эйхштет [5, URL].

Издание книги было повторено в 1857 году, ныне она является библиографической редкостью.

В книге использованы иллюстрации немецкого живописца и графика Адольфа фон Менцеля (1815-1905). Художник родился в Восточной Германии в городке Бреслау (ныне Польша). Первой художественной школой для Адольфа была литографическая мастерская отца. Став в 1833 году единственным кормильцем семьи, он брался за любую работу: делал обеденные меню, приглашительные билеты. Адольф недолго (всего 6 месяцев) посещал классы Академии художеств в Берлине и был почти самоучкой. Впервые стал известен своей тетрадью рисунков, исполненных пером, и несколькими работами в живописи масляными красками [6, URL]. В 1839–1842 гг. он создавал иллюстрации к «Истории Фридриха II» Ф. Куглера, а затем иллюстрировал роскошное издание сочинений Ф. Куглера [5, URL]. Обе эти работы заставили Менцеля углубиться в изучение эпохи Фридриха Великого. Воспроизводя её с полной исторической точностью, превосходной характеристикой событий и действующих лиц, он прославился среди своих соотечественников.

Примером его полноцветных работ, связанных с эпохой великого прусского короля, является картина «Круглый стол Фридриха Великого» (1850, хранится в берлинской Национальной галерее) [6, URL].

Несомненно, гравюры столь талантливого немецкого художника, с большим интересом изучающего эпоху Фридриха Великого, не оставили равнодушным Ф. А. Кони, и он решил использовать их для своего издания.

В книге «История Фридриха Великого» насчитывается 752 страницы, формат издания – 25,5 на 16,5 см. Она открывается двумя полностраничными иллюстрациями. Композиция текста складывается из 4 частей, отражающих определенные этапы жизни Фридриха II. Каждая часть сопровождается особой полностраничной иллюстрацией. Кроме того, каждая глава, а в книге их 41, сопровождается гравюрой, связанной с её содержанием (к примеру, на одной из гра-

вюр изображён королевский дворец в Берлине, где родился будущий прусский король) и иллюстрированной литерой. Литера “Ф” не раз встречается в книге, т.к. связана с именем Фридриха. Это издание удивительно именно тем, что почти за каждым событием в тексте следует соответствующая ему гравюра. В части II, полностью посвященной событиям Семилетней войны, неоднократно встречаются портреты российских императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Всего в книге насчитывается более 370 иллюстраций. Шесть из них имеют альбомную ориентацию, все остальные – книжную.

Теперь обратимся к самому тексту. В нем неоднократно встречаются сноски, содержащие информацию об исторических личностях и связанных с ними событиях, а также отрывки из переписки Фридриха II с одним из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века Вольтером. Произведение завершается обращением автора к читателям, сопровождающимся списком материалов, используемых Ф. А. Кони для написания текста.

Книга имеет кожаный корешок с отпечатанным на нем узором и твердую картонную обложку, по цвету и рисунку имитирующую дерево. К сожалению, угадать этот рисунок сейчас довольно сложно, также как и цвет обреза – зелёно-синий. Несмотря на то что обложка книги не так хорошо сохранилась, страницы и иллюстрации выглядят достойно и лишь кое-где имеют в правом нижнем углу старые подтеки.

На данный момент один из экземпляров этого уникального издания, считающегося книжной редкостью и оценивающегося на книжных аукционах более чем в 100 000 рублей, хранится в Отделе редких книг Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.

Итак, личность и деятельность великого прусского короля побудила немецкого историка к изучению эпохи XVIII века и написанию удивительного произведения, которое было проиллюстрировано немецким художником. Позже, используя их работы, русский автор написал книгу о Фридрихе II, которая, в конечном итоге, была признана одним из крупнейших германских университетов. Поистине удивительная цепочка русско-немецких культурных связей. Слияние талантов этих удивительных людей создало книгу, поражающую своей исторической достоверностью, внешней красочностью и наполненностью двумя национальными культурами.

Литература

1. Немировский Е.Л. Иван Федоров и его эпоха: энциклопедия / Е.Л. Немировский. – М. : Изд-во «Энциклопедия», 2010. – 912 с.
2. Кони Ф. Истрия Фридриха Великого / Ф. Кони - СПб. : издание М. К. Липса, 1844. – 752 с.
3. Кони А.Ф. Фёдор Алексеевич Кони: К столетию дня его рождения [Электронный ресурс] / А.Ф. Кони // Русский биографический словарь. Том IX. Кнаппе – Кюхельбекер / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова [Электронный ресурс]. – СПб., 1903. – URL: http://dugward.ru/library/koni/koni_fedor_alexeevich_koni.html, свободный. – Загл. с экрана.

4. Фридрих II Великий. Биография [Электронный ресурс] // Традиция: русская энциклопедия. – URL: https://traditio.wiki/Фридрих_II_Великий, свободный. – Загл. с экрана.

5. Фёдор Алексеевич Кони: информация об авторе [Электронный ресурс] // LiveLib. – URL: www.livelib.ru/book/1001938048-istorija-fridriha-veli, свободный. – Загл. с экрана.

6. Богданов П.С., Богданова Г.Б. Адольф Менцель. Биография [Электронный ресурс] / П.С. Богданов, Г.Б. Богданова. – URL: www.ikleiner.ru/lib/painter005.shtml, свободный. – Загл. с экрана.

*П.В. Ятчева, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.К. Попова

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЭПОХИ

Широкое поле текстов классической литературы актуализирует проблему их иллюстрирования. Классическая литература производит сильное впечатление на читателя, в сознании реципиента формируются визуальные образы героев, эти образы меняются с течением времени, так как являются отражением эстетических взглядов той или иной эпохи.

Объектом нашего исследования выступает пьеса Уильяма Шекспира «Венецианский купец» (1596), многократно иллюстрировавшаяся с момента публикации текста. «Венецианский купец» – одна из наиболее известных пьес Уильяма Шекспира. Жанровая характеристика вызывает ряд вопросов у шекспироведов, сам автор обозначил пьесу как комедию, однако сюжет преисполнен трагизма и в большей степени походит на драму. И. Шайтанов отмечает: «В “Венецианском купце”, как в “Ромео и Джульетте”, сошлись две эпохи, две морали, только поле их столкновения – не семья и любовь, а бизнес и ненависть» [4, с. 69]. Помимо жанровой характеристики для нашего исследования принципиально важны место и время действия. Шайтанов отмечает, что «Венецианский купец» имеет параллельную систему сюжета. Действие происходит частично в Венеции, частично – в Бельмонте в современное Шекспиру время [4, с. 70].

В рамках данного исследования мы сравнили иллюстративный образ Бассанио, созданный Джеймсом Д. Линтоном в 1912 году, и образ героя, созданный Елизаветой Истоминой в 2009 году.

Бассанио – друг Антонио, возлюбленный Порции. По сюжету Бассанио – предприимчивый молодой человек, который из-за долгов решил жениться на богатой наследнице Порции. Для осуществления своего плана Бассанио просит помощи у Антонио. Антонио соглашается помочь другу, через все перипетии сюжета можно наблюдать трогательную дружбу между героями.

Иллюстрации, выполненные Джеймсом Д. Линтоном, первоначально были созданы для печатной версии пьесы, выпущенной нью-йоркским издательством «Hodder & Stoughton». Экземпляр, который исследуем мы, был издан в Санкт-Петербурге предположительно в 1912 году. В графе издательство указано «Алексей Сергеевич Суворин “Новое время”». Портрет Бассанио художник приводит в I сцене I действия, когда герой впервые является читателю [5, с. 6].

Елизавета Истомина создавала иллюстрации для электронной версии книги, что является принципиальным отличием во взглядах и технических возможностях иллюстрирования в сравниваемые эпохи. В электронной версии иллюстрация представлена как отдельный элемент и не имеет определенного положения в тексте. Более того, она имеет нестандартную форму. В иллюстрации читается соединение двух форм – полуциркулярной арки и килевидной. Этот нюанс отсылает зрителя к архитектурным образцам Венеции эпохи Возрождения [2, с. 76].

На иллюстрации, выполненной Линтоном, Бассанио изображен в полный рост, поза его несколько надменна, левую руку он держит на поясе, правая рука опирается на трость, ноги его широко расставлены, герой как будто позирует художнику для парадного портрета. Выражение лица Бассанио задумчивое, легкая улыбка выдает авантюрный характер персонажа.

У Истоминой Бассанио – участник многофигурной композиции. Иллюстрация изображает эпизод, в котором герой выбирает ларец, чтобы заполучить сердце Порции.

Герой изображен в полный рост. Его правая рука лежит на плече отца Порции, воодушевленного тем, что наконец-то нашелся тот достойнейший, что смог отгадать каверзную загадку. Поза Бассанио уверенная, однако лицо героя мало эмоционально, что характерно для иллюстративного стиля Елизаветы Истоминой.

Особое внимание художники уделяют одеянию героя, так как именно через костюм можно доподлинно передать дух изображаемого времени.

Линтон изображает Бассанио в богато украшенном костюме, состоящем из терракотовой отделанной мехом претины (короткого, не сшитого по бокам плаща), белой джорнеа (туники длиной до колен), полосатых кальце (эксцентричных штанов-чулок) и берета с пером [3, с. 91].

Бассанио на иллюстрации Истоминой облачен в джубонне (аналог французского пурпуэна; короткая мужская куртка с узкими рукавами или без рукавов, к которой крепились штаны-чулки), подпоясанную претину, полосатые кальце и массивный полосатый берет, украшенный камнями [3? с. 95].

Все элементы костюма, отобранные художниками для одеяния героя, полностью передают особенности места времени и действия, иллюстрируя собой мужской костюм, популярный в Италии эпохи Ренессанса.

Для передачи места действия Линтон также активно использует возможности фона. Он изображает Бассанио на типичной венецианской набережной. По правую руку от героя расположен водный канал, вдалеке виднеется небольшой каменный мостик, слева от героя находится узкая улочка, заполненная многоэтажными домами, стоящими вплотную друг к другу. Иллюстрация выполнена в бордово-красных тонах, характерных для цветовой гаммы эпохи Возрождения [1, с. 29].

Елизавета Истомина выбирает минималистический коричневый фон. Для передачи места и времени художница использует, как упоминалось выше, не цвет, а форму, отсылающую зрителя к архитектурным образцам Венеции эпохи Ренессанса. Графичность формы художница усиливает за счет грубой обводки.

Создавая иллюстрации, и Джеймс Д. Линтон, и Елизавета Истомина, очевидно, обращались к историческим источникам, несмотря на это, их иллюстративные образцы совершенно разные.

Во-первых, они отличаются по технике. Линтон создал свои иллюстрации в технике гравюры, Истомина – компьютерной графики.

Во-вторых, они ориентированы на разные медиа. Иллюстрации Линтона предназначались для восприятия со страницы печатной книги. Иллюстративные образцы, созданные Истоминой, предназначены для восприятия с экрана монитора.

В-третьих, есть стилевые различия. Иллюстрации Линтона сочетают в себе реализм и ар-нуво, что можно увидеть в мягком цветовом решении, орнаменте, тонкой выписанности фигуры и черт лица. Истомина работает в стилистике постмодернизма, активно использует локальный цвет, упрощенную анатомию и перспективу, лица персонажей, как правило, сдержанны.

Сопоставление этих образов, созданных в контексте разных эпох, позволило не только выделить особенности эстетического мироощущения, но также обнаружить нюансы художественного восприятия содержательной стороны текста. Несомненно, на авторский стиль художников значительное влияние оказали эстетические воззрения эпохи. Именно поэтому иллюстрации Линтона сочетают в себе еще не утративший в начале XX века свою актуальность стиль реализм и весьма популярный стиль того времени – ар-нуво. В свою очередь, авторский стиль Истоминой является отражением современной эпохи.

Образцы, которые мы анализировали, сделали очевидным следующее утверждение: несмотря на то, что текст остается неизменным, иллюстрации к нему меняются. Настроение, взгляды и технические возможности того времени, в которое создается работа, непосредственно влияют на характер иллюстративного образца.

Литература

1. Блохина И.В. Иллюстрированная энциклопедия: Костюм. Мода. Стиль. / И. В. Блохина. – Минск: Харвест, 2012. – 128 с.
2. Стивенсон Н. Архитектура / Н. Стивенсон. – М.: Дорлинг Киндерсли, 1999. – 112 с.
3. Чалтыкьян Д. История костюма / Д. Чалтыкьян. – М.: Астрель, 2011. – 183 с.
4. Шайтанов И. О. Шекспир / И. О. Шайтанов. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 474 с.
5. Шекспир У. Венецианский купец / У. Шекспир. – СПб.: Т-во А.С. Суворина «Новое время», 1912. – 186 с.

СЕКЦИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ, ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ И ЭТНОГРАФИИ

*С.А. Буцких, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ имени Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Т.В.Махрачева*

ПРОЕКТ ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОГО ПРЯДЕНИЯ, ТКАЧЕСТВА И КОНОПЛЕВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ»

Составление региональных словарей, наполнением которых, как правило, оказывается язык материальной культуры и быта, является актуальной задачей. Такая работа способствует фиксации, сохранению и введению в научный оборот нового материала, уточнению уже существующего лексического пласта «уходящей» традиционной народной культуры. Эти издания нередко сами становятся неисчерпаемым источником для смежных областей знаний – этнографии, истории, лингвогеографии, лингвокультурологии, – способствуя комплексному, всестороннему исследованию сложного феномена – традиционной народной картины мира конкретного этноса. Особое место в данном направлении исследо-

ваний отводится тем проектам, которые разрабатывают и освещают какой-либо отдельный фрагмент этой картины. На территории Тамбовской области учёными кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, журналистики осуществлено изучение такого сегмента культуры, как цикл семейных обрядов. Это свадебная (Л.Ю. Евтихиева [4, 20 с.]) и погребально-поминальная обрядность (Т.В. Махрачева [8, 24 с.]), народный календарь (Т.В. Махрачева [9, 230 с.]), народная медицина (Д.Н. Лоскутова [7, 23 с.]), народная метеорология (А.А. Чемерчева [14, 26 с.]) и др.

Все попытки систематизировать материал по традиционной народной культуре убедительно свидетельствуют о том, что здесь нет и, вероятно, не может быть универсального, единственного способа описания, поэтому разработка темы начинается с поиска методики сбора и систематизации материала. Программа-вопросник и тематический словарь уже на первом этапе работы позволяют очертить предметное поле, выделив значимые блоки данной темы, определить термины, сформулировать дефиниции.

Предметом нашего научного интереса стало изучение лексем, относящихся к теме традиционного прядения, ткачества и коноплеводства Тамбовской области. Это термины, связанные с оборудованием, изделиями, способами и технологиями ткачества и прядения, слова, называющие отношение к процессу данного производства, номинации групп (лиц), занятых в производстве, наименования календарных периодов, закреплённых за разными этапами исследуемой трудовой деятельности, устойчивые сочетания слов, относящиеся к одной отрасли трудовой деятельности, благопожелания, этимологические легенды, мотивирующие календарную регламентацию и систему наказаний за её нарушение, лексический пласт, обладающий вторичной семантикой, например, используемый в игровой сфере, гаданиях и т. д.

Тематический словарь выстроен с учётом смыслового членения материала, основу которого составляют наименования различных этапов производственного процесса (от посева, выращивания и уборки конопли до получения продукта производства, т.е. ткани). Таким образом, в словаре представлены следующие тематические разделы: 1) выращивание и уборка конопли (включая номинации самого растения, его частей, сортов, качества; посев, рост и вызревание, уборка конопли); 2) первичная обработка конопли (номинация этапов обработки конопли; орудия обработки конопли; сырьё и отходы при обработке конопли); 3) прядение (орудия и их части; названия действий в процессе прядения и мотания пряжи; брак при прядении; результаты прядения и мотания пряжи; сорта и качества пряжи; единицы пряжи; названия реальных и мифических лиц по отношению к прядению; обычаи и суеверия, связанные с прядением); 4) снование (разновидности сновален и их части; основа и её части; ошибки при сновании); 5) ткачество (ткацкий стан и его части; разновидности ткацких станков; процесс и техника тканья; отходы производства; ошибки и брак при тканье; названия реальных и мифических лиц по отношению к ткачеству; обычаи и суеверия, связанные с ткачеством); 6) ткань (внешний вид и узоры; названия ткани, разновидности ткани; брак ткани; беление и крашение пряжи и ткани; счет и укладка тканей; торговля пряжей и тканями).

Определение типа словаря диктует и принцип отбора языкового материала. В нашем случае эта задача усложняется, поскольку ремесленная лексика одновременно принадлежит и диалектному миру, и профессиональной среде, что обуславливает организацию особенного пространства её бытования (Королёва [6, с.298]). Лексикографические издания, посвящённые данной теме (Громов [3, 118 с.]; Тематический словарь говоров Тверской области [11, с.62-73]), а также научные работы, в которых интересующая нас тема выступает в качестве самостоятельного предмета исследования (Павлова [10, 18 с.]; Алешина [1, 23 с.]; Чумакова [15, 228 с.]; Штукарева [16, 16 с.]) или его значимого компонента (Кабакова [5, с. 234-239]), позволяют признать, что терминология прядения, ткачества и коноплеводства

носит диалектный характер и, как и терминология народного календаря (Толстая [12, с.10]), сочетает в себе профессиональную по происхождению терминологию и собственно народные, диалектные названия, отражающие мифоритуальное содержание производственного процесса. Таким образом, в словаре получает закрепление и собственно профессиональная терминология и тот пласт ремесленной лексики, который принадлежит диалектному дискурсу.

Словарная статья имеет многоуровневую структуру и учитывает коннотативный характер рассматриваемых групп (Апресян [2, с. 156-177]), здесь демонстрируется использование рассматриваемой лексики в мифопоэтическом пространстве. Толкование даётся каждому слову во всем многообразии его значений. В словарной статье термины коноплеводства, прядения и ткачества рассматриваются на всех языковых уровнях: семантическом, фонетическом (отмечаются фонетические и фонематические варианты), грамматическом (перечисляются зафиксированные грамматические формы), стилистическом (по возможности даются стилистические пометы). Все словарные статьи снабжены географическими пометами, позволяющими очертить ареал бытования слова, этим же задачам отвечают и карты, демонстрирующие слово в проекции, его семантические, номинативные и словообразовательные модификации. Словарные статьи, содержащие описание оборудования, снабжены рисунками, дающими представление о его внешнем виде, разновидностях, расположении деталей.

Таким образом, составление региональных тематических словарей позволяет ввести в научный оборот новый, ранее не включённый в издания материал, а также скорректировать методику описания одного из сегментов традиционной народной культуры, может способствовать систематизации материала, глубокому и всестороннему представлению его лексикографическими средствами.

Литература

1. Алешина Л.М. Лексика коноплеводства в орловских говорах [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / Л.М. Алешина. – Орел, 2001. – 23 с.
2. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – М., 1995. – Т.2. Интегральное описание языка и системная лексикография. – С.156-177.
3. Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Униже [Текст]: учебное пособие / А.В. Громов. – Ярославль : ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1992. – 118 с.
4. Евтихиева Л.Ю. Структура и терминология свадебного обряда (на материале тамбовских говоров) [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / Л.Ю. Евтихиева. – Саратов, 1991. – 20 с.
5. Кобакова Г. И. Антропология женского тела в славянской традиции / Г.И. Кобакова. – М. : Ладомир, 2001. – 335 с., ил. («Русская потаенная литература»)
6. Королева М.Д. К проблеме анализа диалектной ремесленной лексики [Текст] / М.Д. Королева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015; Ин-т лингв. Исслед. РАН. – СПб. : Нестор-История, 2015. – С. 298-307.
7. Лоскутова Д.Н. Лексика народной медицины в говорах Тамбовской области [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / Д.Н. Лоскутова. – Тамбов : ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. – 23 с.
8. Махрачева Т. В. Лексика и структура погребально-поминального обрядового текста в говорах Тамбовской области. [Текст]: автореф. дис..., канд. филолог. наук / Т.В. Махрачева. – Тамбов, 1997. – 24 с.

9. Махрачева Т.В. Народный календарь Тамбовской области (этнолингвистический аспект) [Текст]: монография / Т.В. Махрачева. – Тамбов : Изд-во Першина Р.В., 2008. – 230 с.
10. Павлова, М. Р. Полесская терминология ткачества на общеславянском фон [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / М. Р. Павлова. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1990. – 18 с.
11. Тематический словарь говоров Тверской области/ под ред. Т.В. Кирилловой [и др.] – Тверь, 2003. – Вып.2. – С.62-73
12. Толстая С.М. Полесский народный календарь/ С.М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. – 600 с. – [Традиционная культура славян. Современные исследования].
13. Толстой Н.И. Язык и культура / Н.И. Толстой // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Издательство «Индрик», 1995. – С.15-26.
14. Чемерчева А. А. Народная метеорология: поверья, обряды и терминология (этнолингвистический аспект) [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / А.А. Чемерчева. – Тамбов, 2006. – 26 с.
15. Чумакова Ю.П. Лексика традиционного ткачества в говорах района «Богословщина» Рязанской области (семантическая, диалектологическая и этимологическая характеристика) / Ю.П. Чумакова; ред. Б.В. Горбунов. – Рязань, 1995. – 228 с.
16. Штукарева Е.Б. Тематическая группа наименований тканей в современном русском языке [Текст]: автореф. дис... канд. филолог. наук / Е.Б. Штукарева. – М., 2001. – 16 с.

*Е.Ю. Деревская, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. М.В. Панова

ОБРЯДОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ СЕЛА ПЛЯСОВАТКА ВЕРХНЕХАВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Вследствие важного места обряда в народной культуре обрядовая фразеология образует значительную по объему тематическую группу в составе фразеологии воронежских говоров. К сожалению, в последние десятилетия многие элементы обрядов были практически утрачены. При этом обрядовые фразеологизмы, как устойчивые выражения, несут в себе важную экстралингвистическую информацию об уходящих в прошлое моментах обряда. Именно поэтому собирание и изучение обрядовой фразеологии представляется нам важным. Мы придерживаемся широкого подхода к изучению фразеологизмов, причисляя к ним и единицы неидиоматического характера в связи с их воспроизводимостью.

Объект исследования – обрядовые фразеологизмы говора с. Плясоватка Верхнехавского р-на Воронежской обл. Источник материала – записи, сделанные в ходе диалектологической практики 2016 г.

Интересно, что в говоре с. Плясоватка хорошо сохранилась обрядовая лексика. Жители села отмечают народные праздники или делали это в недавнем прошлом. При этом именно обрядовых *фразеологизмов* в ходе экспедиции было зафиксировано намного меньше, они сохранились фрагментарно; поэтому в докладе будут упомянуты не все знакомые нам факты.

Обряд – это традиционная, передающаяся из поколения в поколение, узаконенная обычаям совокупность условных, нередко символических действий. В крестьянской

среде проводились календарные и семейно-бытовые обряды («обряды жизненного цикла») [6, с.176].

Фразеологизмы, характеризующие календарные обряды и их элементы

С помощью календарных обрядов люди стремились повлиять на естественный ход природных явлений, помочь себе в труде [1, с.88].

В говоре села отмечен фразеологизм, называющий народное гадание на Святки: **женихов кричатъ** – спрашивать под окнами имя жениха. *На Святки ну молодёш гадала, па-фсякому гадали, жинихоф кричали. Гадали пад окнами: как жиниха звать? Как нивесту звать? Было интиресно, кто как назаветь, па саседам бегали мы.* В СРНГ лексема **кричатъ** в одном из значений - *звать* [4, вып.15, с.261].

Зафиксировано также название обрядового предмета, который в Плясоватке имеет особое значение на Крещение: **непитя'я вода** – вода, которая набирается из какого-либо водоема, колодца в полночь на Крещение. По народным поверьям, она имеет целебные свойства. *А мы в двянаццыть чисоф ноци на Крищение выходим, бирём воду из калоцца нипиту'ю. И ана стаить долго, ни запаха у ней нету, ничо. И вот я йиё патом пью. ... Она как целебная вроде бы.* В СРНГ зафиксировано сочетание **непитая вода** в значении «вода, которую брали из колодца и реки до восхода солнца, ее пока еще никто не пил» [4, вып. 21, с.109]. Во фразеологизме, зафиксированном в с. Плясоватка, значение у'же.

Непитая вода в говоре с. Плясоватка называется также **полуно'шная вода**. В СРНГ отмечаем это сочетание в значении «вода, взятая из реки в полночь и обладающая целебной силой» [4, вып. 29, с.157]. В говоре с. Плясоватка это сочетание также обладает более узким значением.

Следующий фразеологизм называет народный праздник, в который выполняются обрядовые действия, направленные на хозяйственное благополучие семьи. **Ноской день** – вторник через неделю после Пасхи. *Эт у нас спицальный празник такой есть. Паска ниделю прайдетъ, а потом Наской день, фторник.. И вот на этот день надо жарить йийишницу, штобы куры неслись...*

Фразеологизмы, характеризующие семейно-бытовые обряды и их элементы

Больше всего в говоре с. Плясоватка сохранилось фразеологизмов, называющих элементы **свадебного обряда**. Но далеко не все этапы свадебного обряда отражены во фразеологии, сохранившейся на данный момент. Напомним основные этапы свадьбы: сватовство; сговор; приготовления к свадьбе; непосредственно дни свадьбы.

В говоре с. Плясоватка зафиксированы фразеологизмы, называющие обрядовые действия, которые выполнялись незадолго до свадьбы: **узел собирать, узел возить**. В СРНГ находим лексему **узел** со значением *приданое* [4, вып. 47, с.20]. *Узел возить* – везти приданое к жениху накануне свадьбы. *Свадьбы играли вот так... сватафство, узил вазили. На лашадях постель визли. Матрас саломой набивали, падушки, адиялы...*

Кроме того, в СРНГ отмечена лексема **постель** (в свадебном обряде) в значении *приданое*. В таком значении слово **постель** употреблено в следующем фразеологическом обороте, зафиксированном в с. Плясоватка: **покупать (продавать) постель** – момент свадебного обряда, в который жених выкупает узел с приданным (постелью). В СРНГ находим следующее описание: *родные невесты привозят приданое ее, это они постель продают, а женихова родня должна выкуп дать им* [4, вып. 30, с.221].

Непосредственно основным дням свадьбы посвящено несколько фразеологизмов. Один из них называет определенное место, где сидят отец и мать во время свадьбы: **большой угол** – передний угол в избе, где находятся иконы [4, вып. 3, с. 92]. *Атец и мать в бальшом углу сидять, нада их папашка, мамашка называть.*

Следующие два фразеологизма относятся к последнему дню свадьбы (в Плясоватке – *похме'лки, похмелка*). Обрядовые действия, выполняемые в этот день, были направлены на поддержание благосостояния новой семьи.

Худой блин – особый блин с отверстием в середине, который пекли на похмелки. *На четвёртый день пахмелка, блин пякуть худой. В сиридине шоб он был ни сплашной блин... на краям этат блин, а тут сирётка. В дырку брасають деньги.*

Еще одно обрядовое действие на похмелки – **по каше подарки собирать**. *Готовили кашу пионную пат паслет. Накрывают кашу... чашку этим палатенцым, вот таким вот, и идут на сталу, шоб кто чо там падарки какие-т бросил. Это 53 год был. ... на вот эту кашу лажили фсе падарки, сабирали падарки по каше.*

В говоре с. Плясоватка зафиксированы фразеологизмы, описывающие *похоронный обряд* и его элементы. Во-первых, это эвфемистическое обозначение смерти: **Бог уберет**. Темы смерти и похорон, если эти события актуальны, отделены от момента речи небольшим промежутком времени, вербализуются с помощью эвфемизмов [2, URL].

Во-вторых, это обрядовое действие, называемое **душку провожать**. *Душа 40 дней тут, а патом йиё праважають. Умир чилавек, ставим воду (стакан) на окно. На эту воду ло'жицца кусочек хлеба и насыпаецца солью. Кагда читають 40 дней, праважають душку. В 4 часа утра выходят на улицу са свечками, душа из дома улителя на вот свет. И выплёскывают воду, куда душа палетела, ф сторону кладбища.*

В.Ф. Филатова отмечает, что действия, связанные с водой, имеют особое значение в похоронном обряде. «Вода и слезы очищают и ...подготавливают символическое возрождение умершего и реальное возрождение к продолжению жизни его родных и близких» [6, с.196].

Выявленные нами в говоре с. Плясоватка обрядовые фразеологизмы не только несут важную экстралингвистическую информацию, но и обнаруживают важнейшие признаки диалектной фразеологии. Стоит отметить *образность* примеров (*худой блин*), *экспрессивность*, свойственную диалектной фразеологии (*женихов кричат*), *вариативность* обрядовых фразеологизмов (*непитая* или *полношная вода*).

Следуя классификации С.М. Толстой [57, с. 168], можно разделить обрядовые фразеологизмы с. Плясоватка на следующие группы:

- 1) названия праздников, обрядов и их элементов: *Ноской день*;
- 2) названия ритуальных предметов: *непитая вода, худой блин*;
- 3) названия значимых для обрядовых действий мест: *большой угол*;
- 4) названия ритуальных действий: *женихов кричат, узел возить* и др. (самая многочисленная группа);
- 5) эвфемистические формулы: *Бог уберет*.

Таким образом, нельзя не отметить разнообразия тематических групп обрядовой фразеологии, зафиксированной в воронежских говорах, ее богатство в структурном и семантическом аспектах.

Литература

1. Аникин В.П. Русское устное народное творчество : учеб. для вузов / В.П. Аникин. – М. : Высш. шк., 2004. – 735 с.
2. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи / Л.П. Крысин // Русистика. – Берлин, 1994, №1-2. – с. 28-49. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/krysin-94.htm>
3. Словарь воронежских говоров / Дмитрина О. В. [и др.] – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2004-. – Вып. 1-2.

4. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – Вып. 1-47-.– СПб., 1965-2014-.

5. Толстая С.М. Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры / С.М. Толстая // Славянская этнолингвистика: вопросы теории. – М. : Институт славяноведения РАН, 2013. – 240 с.

6. Филатова В.Ф. Магический дискурс: монография / В.Ф. Филатова.– Воронеж, 2010. – 338 с.

*Д.С. Лысых, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. М.В. Панова

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ДИАЛЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ ЖИЛИЩА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ)

Не вызывает сомнения тот факт, что язык тесно связан с культурой. Исследование наименований жилища как пласта предметно-бытовой лексики, отражающей материальную культуру жителей региона, позволяет не только выявить семантические особенности слов, но и описать языковую картину мира.

В работе мы будем опираться на понятие «языковая картина мира», которое имеет давнюю историю, множество трактовок и наиболее точно, на наш взгляд, сформулировано исследователями И.А. Стерниным и З.Д. Поповой. Они вводят следующее определение термина *языковая картина мира*: «это совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [6, с. 38].

Языковая картина мира диалектоносителей особенно ярко проявляется благодаря этимологическому анализу лексем, определению их внутренней формы. Такой анализ показал, что основными мотивировочными признаками, послужившими основанием для номинации, являются:

1. **Внешний вид:** *завалёнка, гнилу'шычка, развалю'шка, халу'па, халу'пка и др.: Ни изба', а завалёнка* ПЧЛ. Бобр., *ун'илу'шычка мая Н.* – ЖВТ. Рам. *До'чка живёт' в развалю'шки* СТ.НКЛС. Хохол., *Н'и дом, а кака'я-та халу'па* МДВЖ. Семил.

Диалектные единицы, характеризующие дом, чаще всего создают образ небольшого, достаточно ветхого дома (*развалюшка, гнилушычка*). Это связано, на наш взгляд, с тем, что в деревне проживало по большей части бедное население, редко у кого были дома из хорошего и долговечного материала, поэтому жилище быстро приходило в негодность.

Кроме того, наблюдается эмотивность лексики и большое количество лексем с уменьшительно-ласкательными суффиксами, особенно в тематической подгруппе (далее –ТПГ) «общие названия дома». Это может быть гендерной особенностью носителей языка, так как диалектный материал чаще всего черпается из женской речи, а женщинам свойственно использование уменьшительно-ласкательных аффиксов.

2. **Размер** дома: *двятяри'к, десятири'к, четвери'к, семери'к, семеричо'к. У мене' диситири'к* ПЧЛ.Бобр. *Пастро'или двятяри'к - двятяришы'нную ха'ту, а вет' ана' и суаре'ла* ПЧЛ. Бобр.

3. **Материал, из которого построено жилище, и способ постройки:** земляну́ха, земляну́шка, ка́менка, камени́ца, кирпи́чник, ма́занка, мазану́точка, ру́бленая хата, сама́нка, сама́нная хата, столбя́нка и др.. Ра́н'ша бы́ли земляну́хи, а тапе́р' их нет Р.ГВЗ. Семил. Дама́ расбро́саны на авра́уам – иде кирпи́шныя, иде ма́занки СТНКЛ. Хохол. Па́том да́ли нам лес, сталбя́нки сде́лали КЧГ. Н.-Дев. Тады́ жы́ли у сама́начки РСТ. Эрт.

Прокомментируем слова с корнем *саман-*. Согласно словарю М. Фасмера, лексема *саман* имеет значение 'солома, особенно яровая, измельченная при молотье'. По мнению исследователя, происхождение данной лексемы, встречающейся на территории нашей области в значении 'строительный материал в виде больших самодельных кирпичей из глины, навоза, песка, а также соломы', *восходит к кавказскому из крымско-татарского, турецкого saman, где саман 'солома', а не от сам как указания на то, что крестьяне изготовляли его самостоятельно* [7, т.3, с. 552].

Названные лексемы прямо указывают на способ изготовления дома. Опираясь на исследование Л.Н. Чижиковой, Д.К. Зеленина и собранный нами материал, можно утверждать, что самыми пригодными для жизни были кирпичные или каменные дома. Они сменили распространённые в своё время наземные срубные жилища и землянки, известные воронежским говорам как *земляну́шки* и *земляну́хи*.

4. **Особенности строения:** *пятисте́нничек, пятисте́нок, пятисте́нка, пятисте́нник, связь.*

По сведениям из села Медвежье Семилукского района, *типе́р' свя́зев-та не́ту, ест' пятисте́ник. По́сле се́нец ко́мната, пиру́аро́тккай раздилина́, вот и пятисте́н, пятисте́нок.*

В старину также был распространён дом, получивший номинацию *связь*. Эта лексема известна в двух значениях: 1) 'дом, в котором сени разделяют комнаты': *у нас изба́, а у сасе́дий свя́з'* В.ИКР. Бобр.; 2) 'две избы, соединенные переходом': *а свя́з' эта там ха́та и тут ха́та и се́нцы праме́ш них* В.ТРВ. Н.-Дев.

Этот вид жилища встречался чаще всего в больших семьях. Разделив дома или комнаты коридором или сенями, хозяева могли вести отдельное хозяйство в своей части избы. По сведениям из села Ломово Землянского района, *сича́с свя́зи ни стро́ют'*. Вероятно, это связано с тем, что уклад жизни в деревне изменился, и большие семьи, которые ведут общее хозяйство, в настоящее время редкость.

5. **Место расположения реалии, связанной с домом:** *всхо́жая, заха́тник, зад, задво́рки, запо́лье.*

Всхо́жая 'прихожая': *пе́рвая ко́мната – этъ всхо́жая* РПН. Н. – Усм. **Зад** 'комната в глубине дома': *кто на ку́хни спал, кто на заду́* БРТ. Терн. **Заха́тник** 'пристройка к дому': *а ента у нас заха́тник* АРТ. Аннин.

Лексемы **задво́рки** и **запо́лье** бытуют в значении 'задняя половина дома': *а хозя́йства у мене́ на задво́рках* АРТ. Аннин.

Представленные лексемы напрямую отражают расположение названной части дома. На это указывает приставка *за*, известная в русском языке в значении 'нахождение по ту сторону, позади, дальше чего-л' и используемая для образования диалектоносителями лексем с соответствующим значением.

Анализ мотивировочных признаков ряда лексем показывает, что место расположения той или иной реалии в доме было крайне важно. Особенно значимыми в русской избе, как свидетельствует проанализированный материал, были углы и то, что в них расположено.

По народным поверьям, все углы издавна считались для русского человека пограничным пространством, местом обитания нечистой силы, духов умерших, даже са-

мой смерти. Эти сведения отражены в работах А.Н. Афанасьева: «Вообще славянин питал особенное уважение ко всем углам избы - и понятно почему: углы обозначают собою те главные пункты, в которых сходятся стены избы; углы определяют ее границы» [1, URL]. Возможно, именно поэтому мы встречаем различные номинации углов как таковых: *ву'гол, за'дник, ико'нный, кут, па'куть, кутто'к, на'божник, напо'куть, свято'й угол, судни'к и др.*

Большая часть номинаций является производными от слова кут: *кут, пакуть, кутток, напокуть*. По данным словаря М. Фасмера, это слово является общеславянским, родственно греческому в значении 'угол глаза'. [7, т.2, с. 432]

В говорах Воронежской области лексема *куть* зафиксирована также в значении 'красный угол в доме', т.е. самый значимый в избе, куда вешали иконы, ставили стол и приглашали почётных гостей. «Почётность» места в доме убывала по мере удаления от красного угла. С этим же значением функционируют номинации *свято'й угол, ико'нный, на'божник*.

Свято'й угол: У свято́м уулу' ико'ны фсиуда' висе'ли, а на сва'д'бу малады'х туда' сажали, да када' харо'нут', уро'п с пако'йникам станави'ли КЧГ. Н.-Дев.
Ико'нный: Свято'ј у'уал, ико'ник, де'лаица на васто'к х.ДНСК. **На'божник:** Эть у нас на'божник ПЛТВ. Реп.

Номинации углов отражают также их хозяйственное назначение. Например, лексемы *судни'к, судни'ца* бытуют в значении 'угол на кухне в крестьянском доме': *Во'ду мы на судни'цъ храни'м* НКЛ. Аннин.

Таким образом, проанализированные номинации жилища позволяют определить особенности сегментации действительности, существенные для характеристики языковой картины мира русского человека, а также дают представление об особенностях региональной языковой картины мира.

Литература

1. Афанасьев А.Н. Религиозно-языческое значение избы славянина. URL: <http://slavya.ru/trad/home/izba.htm>
2. Дьякова В.И. Об изучении воронежских говоров / В.И. Дьякова // Материалы по русско-славянскому языкознанию : межвуз. сб. науч. трудов – Воронеж, 1994. – Вып. 20. – С. 39–43.
3. Дьякова В.И. Быт и нравы воронежцев в старинных документах: жилые постройки / В.И. Дьякова, В.И. Хитрова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж: Воронеж. ун-т, 1994. – Вып. 2. – С. 159–169.
4. Дьякова В.И. Названия жилых построек в старинных воронежских документах и современных говорах/ В.И. Дьякова, В.И. Хитрова // Воронежское лингвоязыковедение. – Воронеж, 2005. – С. 64 –67.
5. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография / Д.К. Зеленин. – Москва, 1991. – 511 с.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2007.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : В 4 тт. – М., 1964-1973
8. Чижикова Л.Н. Особенности развития жилища/ Л.Н. Чижикова // Русско-украинское пограничье : История и судьбы традиционно-бытовой культуры – М., 1988. – 254 с.

*Д.О. Сахарова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. М.К. Попова

«ОЧЕРКИ КАВКАЗА: КАРТИНЫ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ» ЕВГЕНИЯ ЛЬВОВИЧА МАРКОВА

Статья посвящена изучению и комплексному описанию уникального и редкого издания «Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории» Евгения Львовича Маркова с точки зрения полиграфического оформления и наполнения.

Евгений Львович Марков (1835–1903) – русский писатель-путешественник, литературный критик, этнограф, выдающийся кримвед. Родился в Щигровском уезде Курской губернии. Кандидатом естественных наук окончил Харьковский университет.

С конца 1880-х гг. Е. Л. Марков управлял воронежским отделением государственного Дворянского и Крестьянского земельных банков. Из Воронежа писатель совершил ряд поездок в страны Европы и Азии, впечатления о которых изложил в путевых очерках.

Одним из самых ярких и запоминающихся путешествий для писателя оказалась поездка на Кавказ. Важно здесь отметить, что во второй половине XIX века Кавказ являлся малоизученным регионом Российской Империи и вызывал огромный интерес как один из наиболее самобытных уголков мира.

Кавказ исследован и описан писателем с этнографической, археологической и исторической точек зрения. Таким образом, очерки Е.Л. Маркова, впервые изданные в 1887 году известным российским издательством «Товарищество М. О. Вольф», стали первой популярной в Российской империи книгой о Кавказе, охватившей все стороны жизни этого региона.

Предметом нашего исследования послужило 2-е издание «Очерков Кавказа...», изданное в 1904 году и хранящееся в отделе редких книг Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета.

«Очерки Кавказа...» размером 26,8x20,2 см «одеты» в роскошный издательский красный коленкорový переплет с золотым тиснением на корешке и крышках. На наш взгляд, большой формат книги объясняется тем, что она выступает в качестве путеводителя по истории, культуре и природе Кавказа.

На передней крышке издания наклеена репродукция с акварели «Дарьял» художника А. Киселева, выполненная в технике хромолитографии. На обложке и на гладком корешке книги золотым тиснением выведены инициалы автора, а также названия издания и издательства.

На задней обложке «Очерков Кавказа...» блинтовым тиснением исполнены марка издательства и находящееся внизу клеймо: «Паровая Перепл. Т-ва М. О. Вольф».

Обрез книги выполнен в технике с раскраской под мрамор. На форзаце и нахзаце издания изображен ритмичный орнаментальный ряд.

На шмуцтитуле «Очерков Кавказа...» сохранился загадочный автограф некоего Д., содержащий пожелание: *«И в горах Кавказа, если будете путешествовать, то вы, Лиза, вспоминайте Вашего друга. 17 марта 1906 г.»*. Таким образом, мы можем смело судить об уникальности данного экземпляра издания.

На фронтисписе помещена репродукция акварели «Дарьял» с картины А. Киселева. Далее следует титульный лист, на котором присутствует вся необходимая информация – от названия книги до места и года ее издания, – набранная техникой разных шриф-

тов (по размеру, гарнитуре, начертанию), таким образом передается динамика изобразительного ряда.

Эпиграфом к «Очеркам Кавказа...» послужили известные строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова: *«Тебе, Кавказ, суровый царь земли, я посвящаю этот стих небрежный...»*.

На обороте титульного листа имеется посвящение брату, в котором автор выражает искреннюю благодарность: *«Этот первый плод любви к Кавказу посвящаю – как восприемному отцу – старому кавказцу и старому другу моему, верному спутнику моих странствований по далеким краям и по морю житейскому, брату Льву Львовичу Маркову»*.

Издание содержит 310 картин, фотографий и рисунков, выполненных в технике акварели и литографии. Иллюстрации выполнены в разных техниках, неповторимых произвольных формах и носят преимущественно модернистский характер.

С содержательной точки зрения можно выделить три типа иллюстраций: документальные, художественно-образные и декоративно-орнаментальные.

С точки зрения их размещения, прежде всего, стоит отметить изобразительные заставки и концовки, расположенные до и после глав и связанные с их содержанием. «Очерки Кавказа...» содержат полосные (во всю страницу), полуполосные (на половине страницы), разворотные, оборонные иллюстрации (окруженные текстом), а также рисунки на полях.

С точки зрения цветовой гаммы в издании использованы одноцветные иллюстрации: черно-белые штриховые и тоновые.

При исследовании картин, фотографий и рисунков «Очерков Кавказа...» мы опирались на ряд требований, выработанных признанным классиком книжной иллюстрации Владимиром Андреевичем Фаворским. В своих трудах он отмечал, например, важность строгости изображений за счет использования черно-белых тонов. Кроме этого, В. Фаворский подчеркивал наличие динамики в иллюстрациях и пустого пространства вокруг них (должно быть «много воздуха»).

Во многом иллюстрации «Очерков Кавказа...» выполнены согласно приведенным аспектам. Они сопутствуют сюжету, передают виды гор и городов, тщательно и достоверно прорисованные с натуры портреты жителей.

Над иллюстрациями работал ряд известных художников: А.А. Киселев, Т. Горшельт, Н.А. Ярошенко, Г.Г. Судковский, Б.П. Виллевальде, князь Г. Г. Гагарин, И.Н. Занковский, П.П. Верещагин, Ф. Рубо, В. Тимм, Н. Каразин, П.Н. Грузинский. Интересен тот факт, что каждый из них являлся участником военных кавказских сражений и походов, именно поэтому мы видим на их картинах детально прорисованные сцены боя и военной жизни, прекрасные кавказские пейзажи.

Наконец, отметим также необычную верстку текста, выполненного в технике высокой печати, которая чувствуется на ощупь.

Таким образом, издание «Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории» имеет высокое культурное значение. На страницах очерков Е.Л. Марков живо и ярко изобразил картины Кавказской природы, истории и быта многочисленных кавказских народов.

По убеждению писателя, его очерки должны были «популярно знакомить... образованную публику с общею картиною любопытнейших мест» [3, с. 5], «с историей и бытом многочисленных и крайне интереснейших народностей», а также «доставить глубокое наслаждение и глубокое поучение» [Там же].

Е.Л. Марков не претендовал на научность изложения, напротив, он передал свои впечатления с позиции изумленного наблюдателя, путешественника-исследователя. Ав-

тор безумно желал, чтобы Кавказ проник в сердце каждого читателя, как он проник в душу автора.

Скончался писатель 17 марта 1903 года. Похоронен в родовом имении Патебник Щигровского уезда.

Литература

1. Герчук Ю.Я. Художественная структура книги / Ю.Я. Герчук. – М. : РИП-холдинг, 2014. – 212 с.
2. Девянина Г.Г. «Курский писатель» Е.Л. Марков (1835-1903). Очерковое творчество / Г.Г. Девянина // Курский край. – Курск, 2005. – №1/2 (64 /65). – С. 58-67.
3. Марков Е.Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории / Е.Л. Марков. – 2-е изд. – СПб.; М. : Товарищество М. О. Вольф, 1904. – 591 с.
4. Фаворский В.А. Об искусстве, о книге, о гравюре / В. А. Фаворский. – М. : Книга, 1986. – 238 с.
5. Щавелёв С.П. Марков Евгений Львович (1835-1903) / С.П. Щавелёв // Историки Курского края. Биографический словарь / С. П. Щавелёв. – Курск : КГМУ, 2009. – С. 178-179.
6. «Я думал, писал, ошибался...»: к 180-летию со дня рождения писателя Е.Л. Маркова (1835-1903). URL: https://docviewer.yandex.ru/view/248850200/?*=yMJxhvFAwWU7JUCF2a9VAZepQht7InVybCI6Imh0dHA6Ly9rcmF5Lmt1cnNrb25iLnJlL3ZpcnQvbWFya292L21hcmtvdi5wZGYiLCJ0aXRzZSI6Im1hcmtvdi5wZGYiLCJ1aWQiOiIyNDg4NTAyMDAiLCJ5dSI6Ijk3MzEwODYxMTU0NzcyODc2NjUiLCJub2lmcmFtZSI6dHJlZSwidHMiOjE0OTIwMTI0OTMxNTJ9&page=1&lang=ru.

*А.Н. Сомова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. М.В. Панова

ВОРОНЕЖСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ДЕКОРИРОВАНИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ

Научные труды российского слависта профессора Никиты Ильича Толстова во многом были связаны с этнолингвистикой. В статье «Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин» ученый дает следующее определение указанной науке: «**лингвоэтнография** или **этнолингвистика** – это раздел языкознания или – шире – направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение соотношения и связи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета, языка и народного творчества, их взаимозависимости и разных видов их корреспонденции» [Толстой, 1995а: 27-40]. Таким образом, предметом исследования этнолингвистики (лингвоэтнографии) является взаимодействие языка и культуры.

По мнению Никиты Ильича Толстого, язык – это «компонент культуры или орудие культуры» [Толстой 1995б: 16]. С такой трактовкой связано представление о диалекте не только как о лингвистической территориальной единице, но одновременно и этнографической, и культурологической. При этом «народный язык, говоры и вся народная духовная (и материальная) культура представляют собой единое целое и с научной точки зрения, и в представлении носителей этой культуры» [Толстой 1995б: 16].

В связи с этим нам представляется особенно актуальным исследование определенного лексического пласта, бытующего на конкретной территории. Лексика декорирования, связанная с эстетическими воззрениями человека, дает ценную почву для наблюдений в области взаимовлияния языка и культуры. Изучая этимологию самобытных народных слов, можно прийти к пониманию взаимовлияния культуры и языка: диалектоноситель по-особому видит мир природы, по образу ее и подобию он создает свою культуру, которая влияет на язык, а он, в свою очередь, является ее хранителем. С целью передачи приобретённых навыков следующему поколению люди называют свое творение, часто используя уже существующие в национальном языке лексемы (тем самым обогащая значение известных слов). Например, существует немало лексем, мотивированных формой узора (***арепьи́** – узоры в виде ромба, похожие на цветение репейника, нобзори* – разновидность мережки, узкие выбитые дырочки в материале, ***брыйль** – выпуклые округлые оборки, названные так по сходству с брылами – большими губами или отвислыми щеками*). Иногда имеют место фонетические преобразования и дериваты. В связи с этим интересны номинации, мотивированные разными внешними признаками (***гармолья** – отделка на верхней одежде в виде складок, имеющая сходство с гармонью; малюны́* – вышивки на детских кофточках маленькие по размеру, но при данной номинации скорее всего происходит этимологизация, т.е. малюны – вышивка нитками мулине).

Слово – памятник истории. Диалект архаичен, и, следовательно, при его изучении можно обнаружить немало древних смыслов. Мы провели анализ мотивировочных признаков лексики декорирования воронежских говоров. Полученные данные дали основания для следующего вывода: наиболее часто предметы декорирования получают наименование благодаря своей форме (42 лексемы: *лапочки, головки, кавылюшка, зубчики, вилюшки*). Следовательно, диалектоноситель обладает образным мышлением. Кроме того, часты и номинации по месту расположения (38 лексем: *подподольень, туляшка, загашник, ушки, задник*) и по материалу украшений (23 лексемы: *гантáрь, камитэль, золотá, шаль, пушечки*). В данном случае работает закон экономии речевых усилий, то есть, используя уже имеющиеся слова в говоре, диалектоноситель дает им дополнительное значение.

Большинство предметов декорирования одежды, начиная с древних времен, имели сакральное значение. Например, интересна лексема **арепьи** [ар'эп'и́] 'геометрический узор в виде ромба – солярного знака'. *Ареп'и́и на юпк'и крас'ивыи*. Бутур. Геометрическое изображение ромба напоминает древне-индийскую солярную свастику по форме и, следовательно, имеет значение солярного знака. В СРНГ слово *орепей* приводится в двух значениях: 'сорное растение, репейник' и 'узор вышивки на женских сорочках, напоминающий репейник' [СРНГ – 23: 335]. Кроме того, в статье Н. П. Гринковой приведен такой ряд синонимичных наименований: круг [круу], полукруги [палукруу́и], большие круги [бальшы́е круу́и], арпей [аряпéй] со значением 'ромбы различной величины' – комбинации из пересекающихся линий... [из ст. Н. П. Гринковой, с. 155]. Из этого следует, что название *арепьи* дано вышивке на основе ассоциативного метафорического переосмысления из-за внешнего сходства узора с колючками репейника. Возможно, диалектоноситель проводит параллель с соцветием репейника и непосредственно небесным светилом по внешнему сходству: шаровидная форма и множество крючковатых иголочек, напоминающих лучи. Протетическое начальное **а** свидетельствует о южнорусской территории распространения слова, одной из характерных черт которой является аканье. Таким образом, данная лексема показывает, что благодаря названию узора вышивки (то есть благодаря языку) мы выходим на ее культурное значение, семантику солярного знака. Так в сознании диалектоносителя конкретизируется абстрактный смысл.

Стоит сказать, что вышивка на одежде в основном располагалась на наиболее «уязвимых» местах, которые, по мифологическим представлениям славян, следовало защищать, оберегать: вокруг шеи, на верхней части рукава и на груди. В нашей работе описаны лексемы, внутренняя форма которых позволяет распознать древний смысл самих предметов декора. Например, слово **туляшка** [туляшка] с семантикой 'вышивка на плечах'. *Туляшычки шы́ли*. МДВЖ. Сем. В словаре М. Фасмера приведена следующая этимология: *тулить* – 'укрывать, закрывать' [Фасмер]. Похожее значение зафиксировано и в словаре Даля: *тулять, тулить* – 'скрывать, прятать' [Даль]. Таким образом, вышивка называется *туляшка* потому, что она прикрывает плечи, верхнюю часть рукава. Словообразовательные варианты: *жерёли, жерёлка, жерёлики, жерёлок, жерель, жерелье, жерелье гнүтое, жерёлочка* с семантикой 'бусы, ожерелье', возможно, также выполняли функцию оберега, огибая шею человека. В словаре М. Фасмера отмечено др.рус. лексема *жерело* с семантикой 'горло' [Фасмер]. Кроме того, в словаре В. Даля зафиксировано наименование *ожерельник* со значением 'ошейник, что лежит вкруг шеи' [Даль]. Таким образом, данные наименования, используемые для обозначения бус, мотивированы местом расположения, так как ими украшали шею.

Уже давно одежда потеряла функцию оберега от внешних неведомых сил, но данные наименования хранят в себе культурные традиции древности.

В диалектах хранится память и о культурных взаимодействиях народов. Рассмотрим, например, историю возникновения бытующей на территории Нж.-Дев. района лексемы **блόνды** [блόνды] с семантикой 'кружева, нашивки, украшающие женскую одежду'. *Блόνды нашывáли из миткаля́*. КГЧ. Нж.-Дев. *У минé а́лая ю́пка з блóндами, а ё́нти парва́лись*. СН.ЛПГ. Нж.-Дев. Мы установили, опираясь на данные словаря М. Фасмера, что указанная лексема заимствована из французского языка (*blonde*) и означает 'шелковые кружева'. По свидетельству словаря русского языка 18 века, эта лексема фиксируется в письменных источниках с 1759 года [1985 – II: 69]. Следовательно, *блонды* – это непроизводная основа, которая говорит о свойственной диалектам архаичности.

Анализ многих диалектных лексем устанавливает непоколебимую родственность русского и других славянских языков. Иногда, определить мотивацию того или иного наименования возможно только прибегнув к его значению в другом языке. Обратимся, например, к слову **ко́мер** с семантикой 'воротник'. *Рубáха ишио́ нóвая, а ко́мир увесь изарва́лси*. У. МРВ. Реп. По данным СРНГ, наименование *комер* распространено в Белгородской области. Мария Тихоновна Авдеева фиксирует слово *комир* (комирь) в значении воротник повсеместно [Словарь украинских говоров Воронежской области – 2008 (Воронеж) I: 172]. Эти обстоятельства позволяют говорить о том, что слово было заимствованно из украинских диалектов. В Толковом словаре украинского языка указано, что лексема *ко́мир* – это 'определенной формы полоска ткани, меха и тому подобное, в одежде пришитая к краям выреза для шеи' [Словник української мови]. Вероятно, в говорах произошло переосмысление исходной семантики, и данная номинация стала обозначать воротник, а не просто полоску ткани на краю выреза. Таким образом, наше исследование выявило в говорах раннего образования заимствованное из украинских диалектов слово, что свидетельствует о межъязыковых контактах

Стоит отметить, что лексика декорирования воронежских говоров была проанализирована с точки зрения ареала ее распространения. В результате было установлено, что большинство слов являются узколокальными. По нашему мнению, данный факт может свидетельствовать об оседлом образе жизни населения, об относительной его закрытости от внешних вмешательств (так как именно долгое пребывание жителей на одном месте способствует сохранению их говоров в первозданном виде). Значительное количество узколокальных лексем объясняется тем, что некоторые наименования представляют

собой фонетические, словообразовательные, семантические варианты. Кроме того, описано и немало лексем среднерусского, севернорусского и общерусского распространения. Например, слова *вороток*, *воротушка* (бытующие в *Арх., Волог., Новг., Костром. областях и, по данным нашего исследования, в Вор. обл.*), *городки* (*Новг. и Вор.*), *лапочки* (*Ростов., Яросл., Пск., Ворон.*). Широкое распространение подобных слов по территории России позволяет судить о переселении людей, обусловленном различными причинами. Возможно, политическими, экономическими, так как лишь массовое переселение может внести значительные изменения в словарный состав говора.

Таким образом, в русском народном творчестве, народной культуре возникают самобытные явления, для которых диалектоноситель в соответствии со своим мировидением подбирает подходящие названия. Позже эти наименования могут распространяться на большие территории вместе с переезжающими людьми. Диалектная лексика, так же как и литературная, со временем может приобретать новые значения и утрачивать исконные толкования. Например, *гáрус* [гáрус] исконно 1. Род мягкой кручёной шерстяной пряжи. позже 2. Украшение из мягкой кручёной шерстяной пряжи. 3. Цветная шерстяная тесьма для отделки одежды. 4. Подobie ленты или тип ленты.

По словам Н. Б. Мечковской, «взгляд на мир, запечатленный в языке, развертывается в культуре народа, как зерно в колосе. Однако в сравнении с фольклором язык выступает как еще более древнее, более глубокое и органическое для этноса содержание» [Мечковская, 1996: 61]. Мы, как исследователи диалектологи, считаем это утверждение в наивысшей степени справедливым. Диалектная лексика неотделима от народного творчества и даже более, она и есть творение культуры народа. Культура развивает свой язык, а язык в свою очередь продолжает быть неисчерпаемым источником сведений о жизни, быте и воззрениях на мир этноса.

Таким образом, говоры хранят ценные сведения о развитии общества, становлении его культуры и взрослении его национального, в частности литературного, языка. Диалект, словно добрая и любимая бабушка в деревне, которая никогда не забывает о своих детях и долго ждет их в гости. Она готова поделиться своим опытом, рассказать о давнем и минувшем времени, передать культурную память новому поколению. Главное – это стремление детей к своему родителю. Так, эта связь никогда не прервется.

Литература

1. Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин / Н.И.Толстой // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995а.– С. 27-40.
2. Толстой Н.И. Язык и культура / Н.И.Толстой // Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М., 1995б.– С. 15-26.
3. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. Издание второе, исправленное. Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев / Н. Б. Мечковская. – М., 1996.
4. Гринкова Н.П. Однодворческая одежда Коротоякского уезда Воронежской губернии / Н.П. Гринкова // Известия педагогического института им. А.И.Герцена. – Вып.1.– Л., 1928. – С. 128-174.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – М., 1978. <http://v-dal.ru>
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер.– М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. <http://vasmer.slovaronline.com>

7. Авдеева М.Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: В 2 т. / Т. М. Авдеева. – Воронеж: Изд.-полигр. центр Воронежского гос. ун-та, 2008. – Т. 1: А-М. – 228 с.
8. Словарь русского языка XVIII века. – Выпуск 2. – Л., 1985.
9. Словник української мови. Академічний тлумачний словник: в 11 т.– 1970-1980. – <http://sum.in.ua/>

*О.П. Баранова, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина
(Тамбов)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Л.С. Мусеева

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ФОРМ 3 ЛИЦА ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Проблема употребления диалектной лексики в произведениях русской литературы не оставляет равнодушными многих учёных, критиков, лингвистов и писателей. Одни высказывались положительно, тем самым давая возможность существовать диалектам в произведении, другие были категорически против. М. Горький, например, неодобрительно относился к диалектизмам, которые употреблялись в авторской речи, он говорил, что областные «словечки» надо оставить филологам, «писать без кокетства, чётко, просто, крепко, малословно... «Картоха» и тому подобные уродливые «местные наречия» допустимы в языке героев, а когда их говорит автор – это или грубое кокетство, или недостаток художественного вкуса» [1, с.59]. А.Т. Твардовский, напротив, считал, что «диалектизмов не нужно бояться, ими нужно пользоваться с толком, и великие старики (Л. Толстой, И. Тургенев, не говоря уж о Лескове, который тут кокетничал) отлично знали об этом и нас, дураков, этому учат. Литература невозможна на так называемом литературном, дистиллированном языке...» [1, с.107].

В настоящее время исследованием диалектизмов в художественном произведении занимается много учёных, например Курносова И.М., Куланина О.В., Ванжилова И.Б. и др.

Но не только диалектная лексика создает особый колорит описываемой местности или способствует характеристике персонажа, значимую роль в реализации авторского замысла могут играть и грамматические формы слов. Например, особый интерес вызывает глагольная лексика в форме 3 лица ед. и мн.ч. в художественных произведениях русских писателей.

Глаголы как самая информативная и наиболее значимая для языка часть речи характеризуется богатством грамматических форм и разнообразием значения. В диалектах формы глагола 3 л. ед.ч. и мн.ч. могут выступать с фонемами /m/ или /m'/ в окончании, а также без фонемы /m/ или /m'/. Твёрдое /m/ в формах 3 л. характеризует говоры северорусского наречия и окающие среднерусские, мягкое /m'/ – говоры южного наречия и акающие среднерусские.

В Тамбовской области формы глагола 3 л. ед.ч. и мн.ч. могут выступать с фонемами /m/ или /m'/ в окончании, а также без формы /m/-/m'/ Например, /m'/ мягкое употребляется в следующих районах Тамбовской области: Гавриловском бегу[m'], Умётском думаю[m'], играю[m'], Кирсановском читаю[m'], видя[m'], Котовском бегу[m'], Знаменском иду[m'], Петровском сиди[m'], Пичаевском печё[m'], Мучкапском пе[к]ё[m']. В некоторых районах наряду с [m'] мягким употребляется [m] твёрдое: в Ржаксинском районе вместе с формой бегу[m'] присутствует форма бегу[m], то же самое

наблюдается и в Бондарском районе: *идё[m]* и *идё[m']*. Употребление глаголов без конечного [*m-m'*] характерно для таких районов как: (Токарёвский район [*н'ас'о, б'аг'о*], Гавриловский [*кол'а, ст'ыраj'а*], Староюрьевский [*с'эj'а, паша, м'н'о*] и др.), причём [*m-m'*] может отсутствовать как в формах единственного, так и множественного числа: он *игра[j'э]*, (*[j'a]*) (*играет*), *ве[d'o]* (*ведёт*), *хо[d'a]* (*ходит*), *не[s'o]* (*несет*) ; они *игра[j'a]* (*играют*), *хо[d'a]* (*ходят*), *кри[ч'a]* (*кричат*).

В Петровском районе Тамбовской области в речи одного и того же информатора были выявлены все три варианта произношения /*m/* - /*m'*/ и без фонемы /*m/* или /*m'*/. Например: «*Сестра умерла на второй год, потом другая в Липецке сейчас живё[m] сестра, так ещё брат с тридцать девятого года живё[m'] в Тольятти, и последняя с сорокового сестра в Липецке живё*») (с.Тынково, Петровский район, Тамбовская область, информатор Костин Виктор Николаевич).

Примеры употребления /*m'*/ в форме 3 лица ед.ч. и мн.ч., которое характерно для южнорусского говора, просматриваются достаточно чётко, а /*m/* ед.ч. и мн.ч., присущее северным говорам, однозначно выделить невозможно, поскольку это употребление совпадает с нормами литературного языка.

Например, в пьесе А.П. Чехова «Дядя Ваня» врач Астров Михаил Львович в беседе с Войницким и Телегиным произносит такую фразу: «Выпить бы надо. Пойдём, там, кажется, у нас ещё коньяк остался. А как рассветёт, ко мне поедem. *Идётся?* У меня есть фельдшер, который никогда не скажет «*идёт*», а «*идётся*». Мошенник страшный. Так *идётся?*» [8, с. 310].

В «Педагогической поэме» А.С. Макаренко завхоз Калина Иванович не раз употребляет в своей речи глаголы с /*m'*/ в окончании. Например, «Калина Иванович показал сжатый кулак. — *Держуть*, паразиты, и ничего не сделаешь» [3, с. 18];

«Что ж ты соберёшь, когда они, паразиты, зажигалки *делают*? Разорили б, понимаешь ты, народ, а теперь как хочешь, так и организуйся...» [3, с.18].

В произведении Ф.И. Панфёрова «Городок в степи» в речи одной женщины появляется фонетическая особенность, характерная для южнорусского наречия: «Ой, мамушки, ноженьки *не держуть!* — вскрикнула баба» [4, с.13].

У Солженицына в рассказе «Случай на станции Кочетовка» тётя Фрося говорит: «Ты мамке скажи, чтоб она не зевала, из картошки б чего настряпала – и туда, к теплушкам. С руками *вырывают*» [5, с.176].

Формы без /*m/* также активно используются писателями для создания колорита местности или характеристики персонажа.

Например, в романе Михаила Бубеннова «Белая берёза» глаголы *может* и *бывает* употребляются автором для того, чтобы мы поняли характер героя, как и чем он живёт: «– Ну, *может*, и не взорвалась яка, – охотно согласился Петро Семиглаз. – *Бывает*, не спорю» [1, с.115].

В рассказе Н. Успенского «Старуха» усечённая форма глагола используется для создания атмосферы Тульской деревни: «Голубчики мои, лебеди мои, оба спорхнули, улетели. Бог *ведае* куда. Оставили мать-старуху мыкать горе...» [7, с.6].

Мы предполагаем, что твёрдое /*m/* 3л. ед. и мн.ч. также используется писателями в произведениях, но являются ли эти глаголы показателями говора, определить гораздо сложнее, т. к. эта форма употребляется в соответствии с литературной нормой.

Таким образом, в произведениях художественной литературы нередко используются диалектные формы глаголов с целью создания определённой атмосферы быта деревни того или иного региона России. Такие территориальные черты глагольной лексики, как наличие / отсутствие /*Г/* -/*Г'*/ также несут значимую информацию в плане характеристики

действующего лица произведения, поскольку речь человека характеризует его как языковую личность, показывает его социальный статус, уровень образованности и т.д.

Литература

1. Бубеннов М. С. Собрание сочинений: В 4 тт. – Т. 2. / М.С. Бубенков. – М. : Современник, 1981. – 476 с.
2. Горький М. Письмо к И. Ф. Калининскому / М. Горький // Литературное обозрение. – 1976. – № 10. – С. 54-59.
3. Макаренко А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. – М. : Гослитиздат, 1935. – 514 с.
4. Панферов Ф. Городок в степи / Ф. Панферов // На литературном посту: Литературно-художественный сборник. – 1930 – № 38 – С.13.
5. Солженицын А. И. Рассказы / А.И. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1999. – 288 с.
6. Чехов А. П. Повести. Пьесы / А.П. Чехов. – М. : Правда, 1987. – 464 с.
7. Успенский Н. В. Старуха / Н.В. Успенский. – Public Domain, 1871.–17 с.

*Файзи Ахмад Решид, студ. подготовительного отделения ВГТУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – ст. преп. Т.Ю. Кудрявцева

«ГАБИТАРНЫЙ» КОД КУЛЬТУРЫ АФГАНИСТАНА

На территории Афганистана проживает много народов и племен, при этом около 24% населения живет в сельской местности [3, с. 84–85]. Традиционная одежда жителей Афганистана служит своеобразным географическим «ориентиром» и отражает те изменения, которые произошли в социальной, экономической и политической сферах [2]. Одежда подчеркивает не только индивидуальность человека, но и его принадлежность к определенной социальной или этнической группе, является возрастным, гендерным, профессиональным, «событийным» маркером. Но есть «универсальная» одежда, которую носят все жители Афганистана [1, URL].

Традиционный мужской костюм – «перухантумбан». Он состоит из длинной, ниже колен, рубахи с красиво вышитым воротом и широких брюк и обычно шьется из хлопчатобумажной ткани. Национальный костюм включает в себя «изар» или «тумбан» – ниспадающие волнами широкие брюки, ширина которых намного превышает длину. В поясе они собраны в многочисленные мелкие сборки с помощью тесемки «изарбанд», продернутой в подшитую складку. Поверх брюк афганцы носят «перухан» – это свободная длиннополая рубаха до колен или голени, с длинным рукавом. Ворот чёрного костюма часто вышивают красным шёлком, а белого – голубым.

Иногда поверх рубахи мужчины надевают пиджак, который из-за особой формы воротника называют «курти», или жилетку с четырьмя карманами – национальную безрукавку, которую называют «васкат» (от англ. «waistcoat»). Жилет распространен на всей территории Афганистана и особенно популярен у пуштунских кочевников. Богатые афганцы носят безрукавки из плюша или бархата, расшитые золотыми узорами и украшенные мелкими зеркалами, а бедные украшают их края пестрой и яркой материей.

В холодную погоду мужчины набрасывают на плечи халаты «чапаны», которые могут быть шёлковыми, хлопчатобумажными и стёгаными ватными. Цвет «чапана» обыкновенно зелёный с желтовато-коричневыми полосками. Халаты являются, пожалуй, самым популярным видом одежды в Афганистане.

Обязательный элемент мужского костюма – «чалма», невысокая каракулевая шапочка или шапка из верблюжьей шерсти «паколь». Головной убор «лунги» мужчины носят с 12–15 лет. Он представляет собой большой отрез ткани длиной обычно 5–6 метров, который определенным образом «наматывают» на голову.

Непременный атрибут костюма – хлопчатобумажный платок «чадар», перекинутый через плечо. Это отрез хлопчатобумажной ткани размером с простыню. Применение чадар универсально. В холодное время им обматывают голову и шею, утепляют плечи и грудь, а в жару укрываются от палящего солнца [1, URL].

На ногах афганцев обычно надеты «чапли» – один из видов национальной обуви. Они очень похожи на кожаные сандалии без задника. Особенно удобна такая обувь летом, в них не так жарко ногам.

Традиционная женская одежда Афганистана также в основном состоит из длинной рубахи свободного покроя с длинными прямыми рукавами и широких брюк, которые называются «губу». Но женские «губу» собраны на щиколотке узкой манжетой.

Кроме рубахи поверх брюк женщины могут носить темно-синее или серое платье до колен, с длинными рукавами и обычно со сборками на талии. Платье украшается вышивкой. Женщины предпочитают красный и зелёный цвета, так как считается, что они приносят счастье. «Камерчин» – очень широкие юбки, собранные на талии таким образом, чтобы образовывалось множество мелких складок. Обычно их шьют из цветной хлопчатобумажной ткани.

Женским головным убором является небольшая круглая шапочка-тюбетейка, покрытая сверху шелковым платком, чтобы закрывать лицо при встрече с мужчинами.

Женская обувь похожа на мужскую: это тоже «чапли», но на высоком каблуке. Женщины носят различные украшения из серебра и стеклянных бусин: серьги, кольца, «носое» украшение, ожерелья из монет, налобное украшение. Особенно много украшений они надевают на праздники.

Дома женщина обычно ходит в свободной длинной рубахе (в последнее время рубаху иногда заменяет купленное европейское платье) и цветных брюках. Выходя на улицу, женщина надевает поверх рубахи очень широкие, с многочисленными сборками серые брюки, к которым внизу пришиты носки [1, URL]. И обязательный элемент – покрывало «чатри», полностью закрывающее женщину и имеющее лишь узкое отверстие для глаз.

Жители Афганистана носят национальную одежду «в быту» и в дни больших праздников. Однако влияние «западной» традиции ощущается и в этой сфере жизни. Например, сегодня мужчине нельзя приходить в университет или в офис в национальной одежде. Необходим строгий деловой костюм – рубашка, брюки, пиджак и галстук. Поэтому в современном Афганистане, в условиях активного проникновения в страну идей и законов «западного» мира, традиционная одежда стала своеобразным символом борьбы за сохранение национальной идентичности, национальных традиций, национальной культуры, символом свободы.

Литература

1. Жилище афганцев. Одежда // Этнографический блог о народах и странах мира, их истории и культуре. – URL: <http://lib7.com/aziatyua/370-zilische-afgan.html>.
2. Лебедев К.А. Афганистан: язык, литература, этнография / К.А. Лебедев. – М.: Муравей, 2003. – 472 с.
3. Сатцаев Э.Б. Историко-генеалогическая и лингвистическая структура афганского (пуштунского) населения Афганистана и Пакистана / Э.Б. Сатцаев // В мире

*Чжан Сяоянь, студ кафедра русского языка
для иностранных учащихся основных факультетов ИМО ВГУ
Науч. рук. – канд. филол. н., ст. преп. Е.Е. Орехова*

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ

С созданием китайско-российских отношений стратегического партнерства контакты между Китаем и Россией становятся ближе и ближе. Китай и Россия – две нации, которые сформировали разные культуры из-за географии и разных условий своего развития. Между двумя разными культурами обязательно существуют различия, и они влияют на процесс межкультурной коммуникации. Поэтому нам надо знать, понимать и уважать их, чтобы развивать культурный обмен между двумя странами.

1. Различия в этикете общения

Во-первых, при межличностной коммуникации китайцы, как правило, не обращаются к другим просто по имени. В семье младшие называют старших «дедушкой», «бабушкой», «дядей», «тётей». При социальном взаимодействии часто используют для обращения профессию или должность, например, «директор», «менеджер». Также можно называть людей должностью с именем, к примеру, «преподаватель Чжан Хуа», «директор Ли», «менеджер Чжао». Но в русской культуре обращают больше внимания на равенство при общении между людьми, так что люди равных поколений или всех возрастов часто называют друг друга именами. Русские часто используют отчество, чтобы показать уважение и вежливость тем, к кому обращаются, например, Иван Иванович. Профессия и должность, как правило, не появляются в обращениях на русском языке.

Во-вторых, в Китае люди, у которых равное общественное положение, говорят друг другу «ты». Когда хотят показать уважение к людям, то используют «вы». Кроме того, «вы» более вежливо, чем «ты». Но в России пользуются обращением «вы» не только для выражения уважения и вежливости, но и при разговоре с незнакомыми. А знакомым, членам семьи и детям говорят «ты», чтобы показать дружественное и близкое отношение.

В третьих, такие приветствия, как «Привет», «Доброе утро», «Спокойной ночи», в связи с расширением международных контактов, пришли в Китай из-за рубежа и начали использоваться в официальной обстановке. «Ты обедал?» «Куда ты идёшь?» «Откуда?» – это типичные китайские приветствия, которые занимают важное место в повседневном разговоре. Россияне обращают внимание на поддержание личной независимости, защиту личной жизни. Если они слышат «Куда ты идёшь?» «Откуда ты?», они будут чувствовать, что собеседник спрашивает об их личной жизни. Если китайцы спрашивают «Ты обедал?», это не значит, что вас приглашают на обед или свидание. Самые распространённые русские приветствия – «Здравствуйте», «Доброе утро», «Добрый день», «Добрый вечер». Среди молодых людей или друзей используется «Привет». При второй встрече в тот же день не повторяют первое приветствие и говорят: «Мы с вами уже виделись», «Здравствуйте ещё раз».

2. Образы животных и их значение в народной культуре

Из-за различных культур, традиций и обычаев у китайца и русского есть много препятствий в процессе коммуникации, и одно из них – образы с символическим значением. Китайские люди считают, что сорока – это птица, которая сообщает людям хоро-

шие новости. Она символ счастья и благополучия. Говорят, что, если сорока кричит на ветке, радостное событие произойдет. В представлении русских сорока – сплетница. Пословицы гласят: «Всякая сорока от своего языка погибает», «Сорока скажет вороне, ворона борову, а боров – всему городу». В русской культуре дракон – монстр, у которого два крыла, он может извергать пламя, он символ зла. А в Китае дракон живёт в сердцах людей, он символизирует китайскую нацию. Китайцы называют себя потомством дракона.

Можно прийти к выводу, что в разных культурах одно слово выражает разный смысл и имеет разные оттенки значения.

3. Различия в числовой символике

У чисел есть не только прямое значение, но и таинственный нецифровой смысл, который называется «тайна чисел». Китайцы любят цифру девять, потому что в китайском языке «девять» звучит, как «долго». В древнем Китае девять считалось числом счастья и благополучия. В таком случае русские предпочитают число семь. Люди обычно считают, что семёрка символизирует счастье, благополучие и радость. Говорят так: «Одного твоего слова достаточно, чтобы он почувствовал себя на седьмом небе», «Семь раз отмерь, один раз отрежь».

Также по российским традициям чётное количество цветов приносят на похороны, а живому человеку дарят цветы только в нечётном количестве. А в Китае как раз наоборот: четное число считается более счастливым, чем нечётное: «все хорошо удваивается». Пара приносит счастье! Но исключение – четверка. Хотя это и четное число, но оно созвучно со словом «смерть». Это наиболее несчастливое число для нас. И мы всячески избегаем его, особенно когда выбираем номер автомобиля.

4. Различия в культуре питания

Культурные различия еще проявляются в питании. В Китае есть много способов приготовления блюд: продукты можно варить, жарить, стряпать на пару и тушить в сое. Питание после приготовления будет разнообразным, и вкус становится очень богатым. В отличие от Китая, русские предпочитают варить пищу. Это потому, что китайцы обращают внимание на цвет, вкус и аромат блюда, а россияне больше внимания уделяют естественности пищи. Китайский напиток, известный в стране и за рубежом, – чай. Все разнообразие чая можно разделить по цвету на два вида: зеленый и черный чай. Сегодня чай уже не чисто китайский напиток, он вошел и в мир западной культуры. Русские тоже любят чай и чаще пьют его с сахаром, а у китайцев не принято что-то в него добавлять. Что к чаю? В России много чего: торт, конфеты и т. д. В Китае – только семечки и карты. С функциональной точки зрения, в основном китайцы пьют чай, чтобы утолить жажду, развлекаться или принимать гостей. Русские пьют чай часто вне связи с едой, это форма коммуникации и средство создать дружескую обстановку для общения.

Культурные различия между Китаем и Россией объективно существуют, это вызов, который стоит перед нами в процессе коммуникации. С широким международным взаимодействием разные культуры могут влиять друг друга и учиться друга у друга. Мы должны действовать в соответствии с принципами «поиска общего», «взаимопознания», «равного общения» для успешного проведения международной коммуникации.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРЕ В РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ

К теме лидерства постоянно обращаются все, кому не безразлична их судьба и будущая жизнь. Это предмет бесчисленных статей и журналов, газет, биографий и автобиографий лидеров прошлого и настоящего [3].

Феномен лидерства так же стар, как человечество, он универсален и неизбежен. Он существует везде – в больших и малых организациях, в бизнесе, в религии, в компаниях и университетах, в неформальных организациях, шайках, демонстрациях.

Из множества различных аспектов лидерства политическое лидерство, особенно лидерство в нации, государстве, занимает особое положение. Выборность государственных и политических лидеров является основным принципом формирования института власти, что предполагает участие в его образовании большинства социально активных членов общества, в общественном, групповом и индивидуальном сознании которых рождается и действует система представлений о политическом лидере [1, 2].

В связи с вышесказанным изучение представлений о политическом лидере в разных этнических группах является актуальным и сможет облегчить решение многих задач, стоящих перед политикой нашей страны.

Целью нашего исследования является изучение особенностей представления о политическом лидере в разных этнических группах.

Лидерство – один из механизмов интеграции групповой деятельности, когда индивид или часть социальной группы выполняет роль лидера, т. е. организует, направляет деятельность всей группы, которая ожидает, принимает и поддерживает его действия [4].

Лидер обладает качественно иными, по сравнению с другими членами группы, характеристиками, которые лежат в основе механизмов осуществления лидерства [5].

В отечественной психологии проблемы лидерства рассматривались с различных сторон:

- с позиций исторической роли и предназначения выдающейся личности (Г. Плеханов);
- с позиций революционного авангардизма (Н. Добролюбов, А. Герцен, Н. Чернышевский, В. Ленин);
- с позиций исполнения естественных прав человека и освобождения его от социального гнёта даже через мятеж (М. Бакунин);
- как отражение объективной потребности общественных масс («толпы») в «герое» – выдвиженце (Н. Михайловский).

В нашем исследовании мы рассматриваем представление о политическом лидере не только сквозь призму исторического процесса, но и с позиции этнокультурного развития.

Этнические группы оказывают свое значимое воздействие на исторический процесс и являются большими социальными группами. Одними из самых популярных форм этнической общности являются народности, нации, национальные группы. Структура этнической группы включает в себя те же элементы, которые свойственны специфике общественной психологии большой группы. Психология этнических групп чаще всего исследуется как психология наций.

В соответствии с традицией, сложившейся в социальной психологии больших групп, в психологии этнических общностей различают две основные стороны:

– психический склад как наиболее устойчивую часть: это – обычаи и традиции, национальный или этнический характер и темперамент.

– эмоциональную сферу, в которую включены национальные или этнические чувства.

Можно выделить четыре основные сферы в национальной психологии как явления общественного сознания. Мотивационно-фоновая сфера характеризует своеобразие мотивов и целей национальной общности. Интеллектуально-познавательная сфера характеризует своеобразие восприятия и мышления носителей национальной психики, выражающееся в наличии у них специфических познавательных и интеллектуальных качеств, дающих возможность по-иному воспринимать и оценивать окружающую действительность, прогнозировать деятельности.

Эмоционально-волевая сфера обуславливает функционирование у народа своеобразных волевых и эмоциональных качеств, от которых во многом зависит результат всей деятельности. Коммуникативно-поведенческая сфера свидетельствует, что у каждого народа есть свои установившиеся нормы, традиции, взаимоотношения и формы обмена необходимыми сведениями, стереотипы поведения, свои виды и формы руководства.

Каждый народ имеет особенности в функционировании врожденных свойств нервной системы и мозга, что является детерминантой в своеобразии эмоционально-волевой и интеллектуально-познавательной сфер национального характера, разнообразии привычных форм реагирования национальной общности, в частности и обуславливает многогранность представлений о политическом лидере.

Исследователи ВЦИОМа выделили 16 основных черт, по которым, по их мнению, необходимо сравнивать реальных политических лидеров [6]:

- опыт политической и хозяйственной деятельности;
- волевые качества, профессионализм;
- государственный подход к решению проблем;
- способность к соблюдению конкретной последовательной политической позиции;
- энергичность;
- активность;
- стремление к порядку;
- культура;
- просвещенность;
- ораторское мастерство;
- независимость;
- готовность к защите интересов граждан;
- харизматичность, обаяние;
- честность, порядочность;
- бескорыстность;
- лабильность.

В настоящее время социально-политический процесс обрел массовость, общественные отношения усложнились, определилось новое политическое сознание. Благодаря широкому развитию телевидения, прессы, радио, интернет-ресурсам, у общенациональных лидеров появляется уникальная возможность, минуя правящую элиту, обращаться непосредственно к народу. Вместе с тем, эти же средства массовой информации (СМИ) дают возможность стоящим у власти эффективно манипулировать общественно-политическим сознанием.

Развитие информационно-коммуникационных систем выдвигает проблему формирования представления о политическом лидерстве.

В современном обществе своеобразие политического пространства таково, что граждане формируют, как правило, свои представления о политических лидерах на основе их символической репрезентации в СМИ, а не в результате непосредственного контакта с ними. На смену убеждений в качестве предметной основы политической коммуникации лидера и общества все чаще приходит имидж политика, создаваемый и распространяемый в СМИ. Присутствие политического лидера в СМИ предстает как необходимое условие его позиционирования в политическом пространстве.

На основе теоретического анализа данных по теме исследования мы можем сделать вывод о высокой роли изучения представления о политическом лидере в разных этнических группах. Это позволит:

- а) оптимизировать процесс политической практики, а именно в исполнительной ветви государственной власти и органов управления;
- б) расширить базу методов преподавания политических и исторических направлений при чтении курсов для межнациональных групп;
- в) оптимизировать работу pr-менеджеров и психологов политических лидеров;
- г) формировать представления о действующем лидере страны и региона, углубить понимание гражданами личностных и социально-психологических особенностей действующих политических лидеров.

Литература

1. Блюндель Ж. Что такое лидерство и как оно может быть оценено / Ж. Блюндель // Городское управление. – 2007. – № 2. – С. 2–7.
2. Блюндель Ж. Что такое лидерство и как оно может быть // Городское управление. – 2007. – № 6. – С. 2 – 10.
3. Володарская Е.А. Студенчество и наука: анализ социальных представлений // Высшее образование в России. – 2006. – № 2. – С. 90 – 95.
4. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти.– Самара : Изд. дом «БАХРАХ», 1999. – Т. 1.
5. Тулеев А.М. Политическое лидерство в регионах современной России: автореф. дис. ... канд. полит. Наук А.М. Тулеев. – М., 2000. – С. 7 – 9.
6. Экономические и социальные перемены : Мониторинг общественного мнения. 1999. – № 2.

*Д.Н. Гальцова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. наук, доц. Т.Ф. Пухова

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД И СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ СЕЛА НОВЫЙ КУРЛАК АННИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Свадебный обряд относится к обрядам перехода, или к пороговым обрядам. Он связывается с представлением о переходе человека в другую категорию, с началом нового этапа его существования, поэтому издавна свадьба была важным событием в жизни как двух соединившихся родов, так и всей общины.

Мы заинтересовались свадебным обрядом села Новый Курлак Аннинского района Воронежской области. Необходимость его изучения заключается в том, что сейчас в таком виде, в котором он существовал в конце XIX – начале XX века, он уже не встреча-

ется. Практически утратившиеся народные свадебные традиции представляют несомненную культурную ценность.

Интерес вызывают и свадебные песни, записанные в Новом Курлаке. Среди них присутствуют как распространённые варианты текстов («Я за то люблю Ивана, что головушка кудрява»), так и видоизменённые варианты песен, которые исполнялись только в данной местности и не зафиксированы в сборниках свадебной лирики.

В результате исследования, работы с устными и письменными источниками, мы выявили, что в конце XIX – начале XX веков свадебный обряд в селе Новый Курлак имел следующие этапы:

1. Сватовство.

2. Малый запой. Сваты на следующий день снова приходили в дом к невесте, но теперь уже с угощением. Обе стороны договаривались о «кладке» – своеобразном выкупе за невесту. В этот же вечер решали вопросы о сроке свадьбы, о количестве приглашённых с той и другой стороны. Обычно свадьбу «играли» через шесть недель после малого запоя.

3. Большой запой. Он проводился в доме невесты. Женихова родня приходила опять не с пустыми руками. Всё принесённое отдавалось невестиной матери, которая вместе с близкими накрывала на стол. Когда всё было поставлено на стол, хозяевами за ним становились представители жениховой родни. Веселье шло до полночи: «пропивали» невесту жениху.

Застолье включало в себя исполнение песен. Первой на большом запое всегда пелась «Веселая беседушка» (записана от жительницы села Коноваловой Валентины Константиновны):

Весёлая беседушка, где батюшка мой пьёт.

Он пить не пьёт, а только прикушивет.

<...>

А я млада-младёшенька замешкалася,

Замешкалася, идучи за утями да за гусями,

За вольной пташечкой и за журушкой.

<...>

Песня исполнялась именно на большом запое, так как в ней подчёркивается, что невеста ещё живёт в доме отца, на ней лежат домашние обязанности, тогда как непосредственно перед уходом из родного дома в причитаниях невесты отражалось оставление этих обязанностей.

4. Девичник. Последнюю неделю подружки постоянно жили у невесты. А накануне свадьбы они устраивали девичник. За накрытый стол садились подружки невесты, её саму усаживали в красный угол (под иконы), распускали ей косы, покрывали ей на голову чёрный платок, до еды никто не дотрагивался. Так надо было по обычаю.

5. Сговор, или «беседа». В тот же день, в который проходил девичник, в дом невесты прибывал жених с роднёй на сговор, во время которого девушки пели перед гостями песни по заказу. Как отмечают жители села, чаще всего просили исполнить «Шёлковую ленточку» (записана от жительницы села Немчиловой Марии Ивановны):

Шёлковая ленточка к стенке льнёт,

Как Иван-то Марьюшку к сердцу жмёт,

Он жмёт-прижимает, всё выспрашивает:

<...>

«Скажи-ка мне, Марьюшка, кто от роду мил?»

«Мне мил-милёшенек верный дружок»

«То правда всё, Марьюшка, всё истинная».

В песне мы видим фольклорное троекратное повторение вопроса и три ответа, истинным из которых признаётся, конечно, третий. Также используются речевые повторы (*жмёт-прижимает, мил-милёшенек*), постоянные эпитеты (*родной бабушка, родимая матушка*). Неудивительно, что эта песня исполнялась на сговоре, ведь в ней подчёркивается любовь жениха и невесты, их взаимное согласие.

6. Первый день свадьбы. Венчание.

Утром в день свадьбы раньше всех вставала невеста и начинала «будить» своих родителей и подружек с причитаниями. Девушки пели ей «Не белую зорюшку». Эта песня записана нами от жительницы села Немчиловой Марии Ивановны:

Не белая зорюшка у нас во дворе –
Ой, прокричала серая утица рано на заре.
У молодого месяца золоты рога,
У нашей у Аннушки скована коса,
У нашей Ивановны русая коса.

В данном тексте присутствует психологический параллелизм – признак сохранности песни, её древности. Мы видим наличие двух картин: картины природы (*Ой, прокричала серая утица рано на заре*) и созвучной картины человеческой мира (*У нашей у Аннушки скована коса*). Благодаря этому приёму создаётся впечатление грусти, тоски, становится понятно, что на сердце у невесты тяжело [2, с. 238].

После обряда венчания молодых супругов вели в церковную сторожку, где обе крёстные матери по-другому причёсывали невесту: из одной косы делали две, укладывали сеткой на затылке и надевали ей кокошник с подзатыльником, поверх которого набрасывали фату.

Когда молодых вели «от венчания», то пели им песню «Как по мосту по Калинову» (записана от Коноваловой Валентины Константиновны):

Как по мосту по Калинову,
Ой-ли, ой лю-ли, по Калинову.
По другому, по Малинову –
Там вился-повился хмель с хмелицею,
С молодницею, светом Марьюшкой,
С красавицей, свет Ивановной.

Здесь важен образ Калинова моста, который в свадебных песнях являлся символом перехода из одной категории в другую, то есть исполнением данной песни подчёркивалось, что после венчания у девушки произошёл переход от девичества к замужней жизни [1, URL].

Первый день свадьбы проходил в доме невесты. Накрывался большой стол, гости рассаживались, а после угощения начиналось веселье. Самой первой за свадебным столом всегда пели песню «Мы сидели за убранным столом», которая записана нами от жительницы села Немчиловой Марии Ивановны:

Мы сидели за убранным столом,
Пили-ели одно кушанье с тобой.
Нам рассказывал про тот случай купец,
Как один молодец девушку обольстил
<...>

7. Второй день свадьбы, или гордый день. Утром на второй день свадьбы от невестиных родителей приходила «делегация», человека два-три. Они с шутками и прибаутками «искали пропажу». Во второй половине дня все гости свадьбы шли уже в дом к жениху, где пировали до ночи.

Таким образом, свадебный обряд в селе Новый Курлак Аннинского района Воронежской области в конце 19 – начале 20 веков был традиционным, многоэтапным и многодневным. Свадебные песни в Новом Курлаке находятся в достаточно хорошей сохранности, они помогают представить, как проходила свадьба, отражают мировосприятие людей.

Изучение свадебных обрядов отдельных сёл очень важно для воссоздания целостной картины традиционной русской свадьбы, сбор такого фольклорного материала необходим для сохранения историко-культурного наследия нашей страны.

Литература

1. Мелихова А. Калинов мост / А. Мелихова. URL: <http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=1268>.
2. Микляева М.М. История сёл Новокурлакской волости / М.М. Микляева. – Воронеж, 2013.

СЕКЦИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОБРАЗ И ПРОЧТЕНИЕ»

*А.С. Аносова, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. С.К. Константинова

АЛОГИЗМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ)

В литературе и в повседневной жизни часто приходится сталкиваться с неправильным употреблением различных слов, метафор, эпитетов, нелогичным построением предложений, из-за чего воспринимать и оценивать информацию довольно сложно. Для определения такого явления есть специальный термин – алогизм. То есть алогизм – это тип речевой ошибки, состоящей в нарушении логических связей в тексте, в логических разрывах, в бездоказательных, непоследовательных выводах.

Алогизм несовместим с логическим мышлением, противоречит логике. Однако в художественном тексте, в котором эстетика главнее логики, алогизм выполняет важные функции: он может служить иносказанию, завуалированному изображению истины, интерпретации необдуманных действий, случайных мыслей и состояний.

При алогизме нередко нарушаются синтагматические и смысловые связи слов в контексте. Это даёт основание полагать, что алогизм имеет речевую, а не языковую природу. Он опирается не на знания в области языковых норм, а на естественно сформированные представления человека о нормальном порядке вещей. Алогизм порождает острое ощущение «неправильности» текста, оказывая сильное эмоциональное воздействие на аудиторию, обращает на себя внимание и запоминается, пролагая путь в сознании читателя к художественным или философским обобщениям.

Особо значим алогизм не в прозаическом, а в поэтическом тексте, где смысловая концентрация намного выше. В поэзии алогизм может быть смысловым организатором стихотворения. Для него вполне достаточно небольшого текстового пространства.

Алогизм встречается в поэзии разных авторов на протяжении всего развития русской литературы. Мастерским использованием стилистического приема алогизма отли-

чались А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, М.А. Булгаков, К.И. Чуковский, В.С. Высоцкий, А.А. Вознесенский.

Поэзия XX века ознаменовалась интересными поисками новых форм выражения противоречивого отношения поэта к окружающей действительности. Язык современных курских поэтов тоже предоставляет богатый материал для исследования алогизмов в поэтической речи.

Целью нашего исследования является анализ алогизмов в творчестве курской поэтессы В.М. Коркиной.

Валентина Михайловна родилась 15 ноября 1942 года в селе Никулино Николаевского района Ульяновской области в крестьянской семье, но уже с 1975 года живет и работает журналистом в Курске. Всю жизнь она пишет стихи, переведенные на многие языки: грузинский, украинский, таджикский. Толчок к поэтическому творчеству дали Валентине Коркиной красота родной земли, спокойная сельская жизнь и по-детски радостное восприятие бытия. Рассмотрим семантические и структурные особенности алогизмов в ее поэзии.

Выделенные нами примеры подверглись контекстуальному анализу, который показал уникальность художественного приема алогизма в каждом случае и трудности классификации этих примеров по какому-либо одному признаку. Так, нередко алогизм рождается употреблением в одном контексте слов с противоположной семантикой. Например: «*Ветру и ливню / Шагаешь ты наперерез, / “Больно да сладко, – твердишь себе, – / Больно... Да сладко!”*» [2, с. 28]. На первый взгляд, алогизм содержится в семантике слов категории состояния: *больно* – «обидно, неприятно, досадно» [5, с. 58], *сладко* – «приятный, доставляющий удовольствие» [5, с. 584]. Выражение «больно да сладко» может быть истолковано, как «хорошо и плохо одновременно». Но алогичность заключается и в первом двусишии: «*Ветру и ливню / Шагаешь ты наперерез*». «*Наперерез*» значит «в направлении, пересекающем движение» [5, с. 319], но человек не может двигаться поперек погодных явлений, очевидно, в контексте содержится метафора (*ветер* и *ливень* – это жизненные трудности и преграды), и эта контекстуальная двусмысленность рождает алогизм.

В примере «*Нечего сказать. Некого винить. / Оба – без вины, оба – виноваты*» [4, с. 26] алогизм заключается в словах *без вины*, но *виноваты*. То есть человека считают виноватым в том, в чем его вины на самом деле нет. Алогизм построен на взаимоисключающих характеристиках одного определяемого.

Алогизмы часто вводятся эксплицитно – антонимами, например: «*Ноябрь – месяц: хуже нет, / Но всё равно он самый лучший!*» [3, с. 58]. *Лучше* значит «предпочтительнее, вернее» [5, с. 276], *хуже* «выражает отрицательную оценку чего-нибудь» [5, с. 428]. Однако контекстуальный анализ причин такого противопоставления показывает, что в данном отрывке содержится именно алогизм, а не антитеза: самым худшим месяцем ноябрь делает то, что это слякотный предзимний месяц, а самым лучшим то, что в этом месяце у поэтессы день рождения.

В стихотворении «Испытание» представлены размышления лирической героини о неоднозначной роли возлюбленного в её судьбе: «*Но принимаю в полной мере / Печаль счастливой неизбежности*» [4, с. 34]. Семантика алогизма в данном примере отвечает общему противоречивому настроению произведения. Вначале лирическая героиня спрашивает: «*Награда или наказание / Ты для меня?*». Однако однозначного ответа на этот вопрос у неё нет – она принимает неизбежность любви со счастливой благодарностью и с готовностью к трудностям, сопряженным с нею.

Алогизм в поэзии В.М. Коркиной нередко строится на нарушении пространственного восприятия объектов. Рассмотрим один из таких примеров: «*Лишь для тебя*

восходят звёзды / В моей прозрачной глубине» [1, с. 41]. В первой строке отрывка содержится метафора «восходят звезды» (*восходить* – «подниматься вверх, ввысь» [5, с. 145]). Однако звезды обычно восходят в вышине, то есть становятся видны ночью на небе. В сочетании «*восходят звезды в глубине*» уже с первого взгляда выявляется алогизм. Контекстуальный анализ показывает, что автор сравнивает душу лирического героя с родником, а звезды, расположенные высоко в небе, отражаются в его душе, как в водоеме. Еще один похожий пример: «*Кану ввысь, как в бездну, / С дорогой земли*» [2, с. 62]. *Кануть в бездну* значит «упасть» [5, с. 124], в то время как наречие *ввысь* обозначает обратное направление и сочетается с глаголами *подниматься, взлетать*. Алогизм поддерживается сравнением *как в бездну* (*бездна* означает «глубокую пропасть, пучину» [5, с. 125]). Поэтесса размышляет о том, что будет после окончания ее земного пути. Пугающая неизвестность, нежелание и необходимость расставания с любимой землей становятся причиной для возникновения алогизма.

Нередко алогизм у В.М. Коркиной захватывает развернутый поэтический контекст, например: «Суть изменили и вид. / *Вот Берендеево царство / Перед Калугой стоит. / В Гоби течёт Ориноко. / В Арктике страшный зной*» [3, с. 63]. Две первые строчки, сообщающие об изменении привычного порядка вещей, объясняют алогичную образность последующих: Берендеево царство под Калугой, а не под Владимиром, южноамериканская Ориноко течет в азиатской пустыне Гоби, а на Северном полюсе страшная жара.

Приведем еще один пример развернутого алогизма: «*Как странно природный орнамент / столетние тайны постиг, / Напомнил о жизни прошедшей, / оставшейся вечно живой, / О том, что безвыходность мнима, / как тайнопись над головой*» («О, графика черных ветвей...») [3, с. 54]. Данный отрывок достаточно металогичен, насыщен образными средствами и труден для интерпретации. Начальные метафора и перифраз *природный орнамент*, который все *тайны постиг*, имеют размытые в смысловом отношении границы, что позволяет автору расширить до алогизма саморефлексию: *прошедшая жизнь* представляется *вечно живой, безвыходность мнима*, нереальна, как тайный язык звездного неба или узоров, создаваемых ветвями деревьев над головой.

В заключение заметим, что алогизмы в поэзии В.М. Коркиной не являются частотным средством создания выразительности, но, напрямую обращаясь к логике своего читателя, поэтесса успешно использует алогизм как прием создания запоминающего ощущения «неправильности» текста, а это, в свою очередь, повышает его экспрессию и эмоциональность.

Литература

1. Коркина В.М. «Всему живому в лад»: стихи / В.М. Коркина. – Воронеж: Центрально-Черноземное кн. издательство, 1983. – 56 с.
2. Коркина В.М. «Земные токи»: стихи, поэма, миниатюры / В.М. Коркина. – Курск: Крона, 1996. – 159 с.
3. Коркина В.М. «Открытая даль»: стихи / В.М. Коркина. – Курск: Издательский дом «Славянка», 2007. – 208 с.
4. Коркина В.М. Стихотворения. Лирика / В.М. Коркина. – Курск: Издательский дом «Славянка». – Курск, 2012. – 160 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2013. – 944 с.

*А.А. Бородавкин, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. К.А. Нагина*

**ЛЮБОВНЫЕ КОЛЛИЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И
Л.Н. ТОЛСТОГО: УСАДЕБНЫЙ КОНТЕКСТ
(«РУДИН» И «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»)**

«Усадебный текст», начавший свой путь в 30-х годах XIX века как реакция на неизбежный уход дворянской помещичьей культуры, к приходу в русскую литературу И.С. Тургенева-романиста уже сформировал свои основные черты, такие, как камерный усадебный хронотоп, авторский монологизм, сопряжение духовных переживаний героев с картинами природы. Была сформирована также схема «усадебного текста», которая состояла из приезда главного героя в поместье, начала его отношений с местной уездной барышней и трагичного их финала.

И.С. Тургенев, ясно видевший литературные тенденции своего времени и лично переживавший уход дворянской культуры, взял за основу своего первого романа и схему, и типичные черты усадебного текста, но наполнил их новым содержанием в соответствии со своей главной задачей: показать судьбу «людей 30-х годов» в России.

Выбор усадебного пространства в этом ключе становится вполне понятным: когда Рудин впервые появился в поместье Дарьи Михайловны и воспользовался своей музыкой красноречия, «всем непонятно казалось и странно, каким это образом вдруг, в деревне, мог появиться такой умница» [2, с. 225]. В столице автору было бы намного сложнее очертить среди светского общества неоднозначную личность Рудина, чем в обществе поместья Ласунской, иронично названном автором «салонном».

Далее: та же музыка красноречия полностью перевернула все складывающиеся долгое время любовные коллизии участников импровизированного салона. И главные из них – отношения Натальи, той самой местной уездной барышни усадебного текста, и Сергея Волынцева. Он долгое время питал к ней сильные чувства, но не знал, как поступить. А что она? Бросала ему «дружелюбные» взгляды, хотя уже давно знала, что «... он ее любит. Но мысль ее тот час его покидала» [2, с.262]. Ей нужно было другого человека, того, кто мог «... увлекать ее за собой в те заповедные страны...», стать «... ее наставником, ее вождем» [2, с.249]. Таким она увидела Дмитрия Рудина, а ее молодость, желание познавать и влюбляться не могли, в свою очередь, ни пленить главного героя.

И здесь мы подошли к необходимости указать еще одну причину, по которой автор обращается к усадебному пространству: именно на фоне равнодушной природы ему было легче всего показать несостоятельность Рудина, обусловившую его полное фиаско в отношениях с Натальей, и «те силы, которым нет сопротивления» [5, с.76] для тургеневского героя, находящегося в руках Неведомого. Ни сад, ни музыка (типичные атрибуты усадебного текста) не обращают героя к Наталье, а лишь подчеркивают его несостоятельность, когда дело доходит до настоящих чувств, его сущность «лишнего человека», который не может найти на земле своего места.

А вот Наталье повезло иметь свое место в жизни, и она это прекрасно осознает. «Как можно скучать в деревне!» [2, с. 241], – изумляется героиня, имея в виду природу в имени ее матери, к которой она обращается в минуты эмоционального напряжения. Поэтому ей и чужд скиталец Рудин. Поняла она это на Авдюхиных прудах, когда исчезла рудинская «музыка красноречия», которая до этого момента позволяла герою «...скрыть "швы" и "стыки" возводимых им идеологических построений» [4, с.62]. Тогда же она с «... восторженностью...» заявила ему: «...вы и теперь струсили точно так же,

как струсил тогда третьего дня за обедом перед Волинцевым!» [2, с.282]. Разбитое сердце оказалось важным уроком для Натальи и помогло ей разглядеть того, кто действительно ее любит и готов ради нее на все.

Перейдем к Л.Н. Толстому. Он ставит перед собой совершенно иную задачу, связанную с его предыдущими работами, – показать, как человек может повзрослеть через любовь, и это сильно меняет всю сложившуюся систему «усадебного текста», который он, вслед за И.С. Тургеневым, взял в основу своего маленького романа «Семейное счастье». Так, Маша, главная героиня и уездная барышня, предстает перед нами «не в состоянии ожидания и предвосхищения любви, как это утвердилось в усадебном романе, а в состоянии апатии и подавленности» [3, с.232], непонимания того, как и зачем жить в ее молодые годы. В этом ей противопоставлен герой, «немолодой... и... всегда веселый» [1, с. 56], чье влияние на Машу приводит к ее постепенному взрослению, позволяет ей увидеть всю красоту и прелесть жизни, окружающего мира и природы в нем. Усадебное пространство и связанные с ним картины сада, которые преобразуются вместе с героиней, лучше всего подходят, чтобы отразить произошедшие в ней перемены.

Но, если герой помогает ей повзрослеть, то она, в свою очередь, позволяет ему вновь почувствовать себя ребенком, чем вызывает конфликт в его душе. Эта борьба молодости и старости заканчивается временной победой первой, что приводит к печальным последствиям. Так, идейные искания героини приводят ее к заблуждению в том, что она способна вести «...тихую семейную жизнь в деревне, с вечным самопожертвованием, с вечной любовью друг к другу...» [1, с.74–75]. Происходит поспешное признание в своих чувствах, брак, предложение на который из уст героя так и не прозвучало, временная идиллия в Покровском, когда героиня оставляет все, к чему пришла, а затем, когда в связи с этим наступил кризис, настаивает на переезде в Петербург, где начинает принимать идеи уступки друг другу в семейной жизни, которые для автора в отношении женщин были сродни эгоизму.

Сам герой неоднократно предсказывал такой поворот событий. Так, почти в каждом его диалоге с Машей фигурирует тема молодости и старости, и, затрагивая ее, он как бы объясняет и ей, и себе, что из их отношений ничего путного не выйдет. «Вы молоды... а я не молод. Вам играть хочется, а мне другого» [1, с.76], – заявляет он вскоре после того, как героиня решила, что «детское наивное прошедшее... так черно в сравнении с светлым состоянием души» [1, с.73], на что она натурально по-детски восклицает: «Нет! Нет! будем говорить...» [1, с.76]. С попытками отвлечь беду связаны и его напускная серьезность и отеческое отношение к Маше, которые так ей не нравились. Но, поскольку в его душе тоже бушевал конфликт, они были слабые и нерешительные. И в конечном счете он перестал мешать ей идти по этому пути, лишь молча страдая, чтобы в самом конце, в решающий для их счастья момент заявить: «Всем нам, а особенно вам, женщинам, надо прожить самим весь вздор жизни, для того чтобы вернуться к самой жизни; а другому верить нельзя» [1, с.111].

Можем ли мы утверждать, что это говорил устами своего героя автор? Не его ли это собственные идейные искания, которые здесь переходят к героине лишь с той разницей, что ей непременно нужно прийти к «новому чувству любви к детям и отцу (ее – А. Б.) детей» [1, с.112], после чего начнется настоящее семейное счастье.

Вскоре после выхода в свет повести Л.Н. Толстого началась постепенная деградация усадебного текста, к нему стало обращаться все больше эпигонов и графоманов, над которыми в свое время будет весьма забавно подтрунивать А.П. Чехов. Но двум нашим великим классикам обращение к усадебному локусу помогло выразить их идеи с необычайным мастерством и глубоким лирическим подтекстом.

Литература

1. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 90 томах / Л.Н. Толстой. – Т. 5. Произведения 1856-1859 гг. – Москва: гос. изд-во «Художественная литература», 1935. – 374 с.
2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах / И.С. Тургенев. – Т. 5. – Москва: издательство «Наука», 1980. – 543 с.
3. Нагина К.А. Пространственные универсалии и характерологические коллизии в творчестве Л.Н. Толстого: дис. ... доктора филологических наук: 10.01.01 / Нагина Ксения Алексеевна. – Воронеж, 2013. – 615 с.
4. Фаустов А.А., Савинков С. В. Очерки по характерологии русской литературы: Середина 19 века / А.А. Фаустов, С.В. Савинков. – Воронеж. 1998 г. – С. 54-67.
5. Фаустов А.А. Авторское поведение в русской литературе: Середина 19 века и на подступах к ней / А.А. Фаустов. – Воронеж: изд-во ВГУ, 1997 г. – 108 с.

*Кейик Атаджанова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. В.Н. Гуреев

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО Л. ТОЛСТОГО В ПОВЕСТИ «ДЕТСТВО»

Творчество Л. Толстого, бесспорно, представляет собой вершину психологического мастерства в русской литературе XIX века. В своих произведениях писатель продемонстрировал способность глубоко проникать во внутренний мир своих героев, ярко и убедительно передавать тончайшие оттенки их душевного состояния. Это умение стало результатом долгих и пристальных наблюдений не только за другими, но и над самим собой с довольно ранних лет. Подтверждением этого могут служить не только ранние дневники Толстого, но и знаменитая автобиографическая трилогия, с которой, по большому счёту, и началось творчество будущего классика русской литературы.

Повесть «Детство», открывающую трилогию, Толстой начал писать тогда, когда ему было всего лишь 23 года. Однако этому «предшествовало долгое и пристальное изучение *человека* на собственном духовном опыте, внимательное разглядывание самого себя, поиски, по выражению Толстого, *человеческого* в человеке» [3, с. 60].

Своеобразием повести стала двуплановость повествования – динамическое равновесие планов героя и повествователя. Писатель воспроизводит восприятие происходящего ребёнком и воспоминания об этом восприятии уже повзрослевшего героя. Иначе говоря, Толстой одновременно и показывает внутренний мир ребёнка, и анализирует его с высоты опыта уже взрослого человека. Многие стороны действительности ребёнку понять ещё не дано. Так, оценивая своё поведение в детстве, взрослый герой «вдруг с горечью обнаруживает, что недостаточно внимателен был к людям, которые его искренне любили, что недодал им человеческого тепла» [2, с. 67] (Карл Иваныч, Наталья Савишна).

В повести выделяются два субъектно-речевых плана: план маленького героя и план повествователя. Несоответствие между оценками повествователя и оценками героя осмысливается как противопоставление реального представляемому, привычного истинному, инфантильного рациональному.

Толстой не ставил перед собой задачу дать просто объективную картину событий. Всё «объективно показываемое» очень далеко от объективных «характеристик», кото-

рые обычно давали своим персонажам Гончаров или Тургенев. Толстой пишет не о явлениях и событиях, а о *восприятии* этих явлений и событий героями.

В повести каких-то ярких событий не много. Для автора главными были не внешние события в жизни 10-летнего героя, а внутренняя душевная жизнь ребёнка. А в душе ребёнка сильный отклик могут вызывать подчас такие факты действительности, на которые взрослый не обратил бы внимания. Вот почему в повести часто встречаются такие мелочи, как, скажем, ситуация с убитой мухой в первой главе.

В самом деле, что происходит с Николенькой в повести «Детство»? Он переживает «что-то вроде первой любви», сталкивается со смертью близкого человека (матери), начинает другими глазами смотреть на знакомых ему людей, таким образом, расширяет свои познания о жизни. Несмотря на своё заглавие, повесть не даёт подробного и обстоятельного рассказа о детских годах Николеньки Иртеньева. Одна из исследовательниц в связи с этим даже заметила, что «в повести «Детство» описаны лишь три дня из детства героя» [4, с. 80].

Большое внимание в повести уделено отражению процесса самопознания героя. Ребёнок только познаёт себя и ещё многого не знает и часто не понимает многого из того, с чем ему приходится сталкиваться в жизни.

Толстым были выявлены многие существенные психологические особенности ребёнка: быстрая смена настроений и быстрое переключение внимания с одного на другое; оценка и переоценка им взрослых: ребёнок разочаровывается в тех, кого он ставил очень высоко, и наоборот (Карл Иванович, Наталья Савишна, отец); стремление казаться взрослым (чтоб не принимали за маленького); болезненное восприятие своих промахов (особенно в присутствии старших); раскаяние в своих поступках; чувство обиды и досады, часто порождающее слёзы (ребёнок часто плачет, но, по логике Толстого, для ребёнка это естественно и даже полезно: это нужно для его эмоционального становления). Толстой показывает, что ребёнок не может слишком продолжительное время пребывать в одном и том же настроении. Его внимание помимо собственной воли рассеивается или переключается на что-то другое. Совершив дурной поступок, ребёнок испытывает чувство раскаяния. Подобные переживания в детстве необходимы, поскольку они способствуют формированию нравственного стержня человека.

Толстой исследует причины появления у ребёнка чувства ненависти и любви к взрослым. Ненависть у ребёнка появляется к тому взрослому, который часто унижает его, а любовь – к тем, кто предстаёт беззащитным, кто открыт перед детьми, понятен им.

Уже в первой своей повести Толстой продемонстрировал повышенный интерес к глубинам человеческого сознания. При этом все душевные состояния десятилетнего героя Толстой изображает в процессе постоянного изменения. В своё время на эту особенность писателя обратил внимание критик Н.Г. Чернышевский, используя понятие «*диалектика души*» [6, с. 62].

Нет ничего удивительного, что в самом начале своего творческого пути Толстой обратился именно к детству. Ведь детство – это всегда истоки, начало формирования личности. Размышления над этим периодом в жизни человека привели Толстого к значительным художественным и этическим открытиям. И поэтому повесть «Детство» имеет большую практическую ценность – как познавательную, так и воспитательную. Толстой пишет о тех тонких чувствах, которые, быть может, испытаны были если не всеми, то уж наверняка многими, но никем не были высказаны. Кроме того, очень важная (а может быть, даже и главная) мысль Толстого заключалась в том, что в любом человеке внутренняя работа души идёт постоянно и непрерывно, хотя, конечно, в каждом – по-разному.

Литература

1. Билинкис Я.С. Новаторство Л.Н. Толстого в трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность». Лекция в спецкурсе по творчеству Л.Н. Толстого / Я.С. Билинкис. – Л., 1973. – 42 с.
2. Кузнецова Л. Источник мудрости / Л. Кузнецова // Воспитание школьников. – 1978. – № 6. – С. 66-74.
3. Либединская Л. Счастливая, счастливая, неотвратимая пора... / Л. Либединская // Детская литература. – 1991. – № 4. – С. 59-62.
4. Николина Н.А. О языке повести Л.Н. Толстого «Детство» / Н.А. Николина // Русский язык в школе. – 1978. – № 4. – С. 77-84.
5. Романова Н.И. Маленький и взрослый Иртеньев в повести Л.Н. Толстого «Детство» / Н.И. Романова // Русская речь. — М.: Наука, 2008. – № 1. – С. 19-22.
6. Чернышевский Н.Г. Детство и отрочество. Сочинение графа Л.Н. Толстого. Военные рассказы графа Л.Н. Толстого / Н.Г. Чернышевский // Л.Н. Толстой в русской критике: Сб. статей. – Москва: Сов. Россия, 1978. – С. 60-73.

*М.Н. Волвенкин, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. О.Ю. Алейников

МАСКИ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА КУСИКОВА

Начало XX века, как в искусстве, так и за его пределами, представляет собой игровой, театрализованный период русской жизни. Игра и театрализация, рассматривались, прежде всего, как выход за рамки устоявшегося, как новый взгляд на мир. Сама революция как знаковое событие этого периода, по сути, представляла собой запланированное представление, разыгранное по определённому сценарию. Человек в этой ситуации, не всегда осознанно, должен был играть, кроме своих и без того многочисленных ролей, роли, навязываемые ему совершающейся историей. К каждой роли – своя маска, свой образ. Что же касается жизни искусства, то в ней наблюдается расширение границ текста и его возможностей. Авторы не только выражаются в тексте, но и создают себя в нём. И одним из основных способов создания нового, иного себя становится маска.

В лирике А. Кусикова это веяние времени отразилось ярко. В первом сборнике «Зеркало Аллаха»(1918) формируются основные черты наиболее устойчивой маски его героя – маски «поэта-черкеса». С первых стихов он культивирует легенду о своём черкесском происхождении (на самом деле А. Кусиков происходил из армянской семьи).

Поэт демонстрирует приверженность архаичному пониманию мира и положения в нём человека (не случайно возникает сложность с определением исторического времени – оно соответствует природным циклам). Живущий в гармонии с природой, «поэт-черкес» считает гармоничной и жизнь правоверного мусульманина:

Я орёл поднебесный кавказский <...>

Я прочитывал строки Корана

У себя высоко на вершинах,

Я творил свой намаз неустанно

На кристальных узорчатых льдинах [4, с. 15]

Далее начинаются кардинальные перемены. Герой Кусикова покидает родной аул и попадает в «склеп столицы». Он чувствует себя одиноким, тоскует по родине. Город

ему видится болезненным существом, противным человеку и богу. Происходит в его жизни и любовная трагедия: он переживает смерть возлюбленной. «Поэт-черкес» оказывается в высшей степени подавленным страшными событиями революции. Мир из космоса превращается в хаос. В этой ситуации происходит постепенная смена маски лирического героя. Восточные и мусульманские мотивы уходят на периферию изображения. Пропадает восточная горячность. Появляются христианские мотивы. Но над миром по-прежнему витают «тени» прошлого.

В следующих сборниках появляются две новые маски – маска «поэта-декадента» и маска «пророка». Первая связана, прежде всего, со вступлением А. Кусикова в «Орден имажинистов». Он принимает на вооружение некоторые имажинистские эстетические принципы. Основными чертами этой маски становятся эгоцентризм, эксцентричность, искусственность, склонность к самоанализу. Лирический герой заменяет всё природное искусственным. Его тянет к разрушению, анархическому своеволию:

Белый конь закусил удила -
Это облако скачет по небу.
Белый конь! В небе требуй
Пред собою парчу расстилать.
Ты сегодня свободный и вольный:
Всадник сброшен,
Так сбрось и узду [5, с. 27]
У лирического героя тяжёлое душевное состояние, он предстаёт крайне апатичным:
Я вялый, пустой и ненужный
Мне противно немножко
За себя
И за всех [5, с.14]

Такое состояние обусловлено тем, что в стихотворениях появляется образ «неведомого». «Неведомое» у него связано не только с вопросами о жизни и смерти, но и с познанием Бога, с проникновением за грань возможного. Однако невозможно познать беспредельность. Лирический герой пытается осознать, кто он, размышляет о своей судьбе. И оптимистичного в этих размышлениях крайне мало. Он ощущает «хрупкость» и «нечаянность» своей жизни. Свою судьбу он мнит как путь «без путей и дорог». Единственным руководством в этом пути является божественное:

Я иду за тайной неразгаданной
По пути без ведомых дорог,
Я иду – где вечно пахнет ладаном...
Может быть, туда, где Бог [5, с. 40]

По наблюдению Г. Г. Исаева, «в стихах А. Кусикова прослеживается эволюция от “внутреннего человека” с его верой в Бога, не отчужденного от мира и себя, к экзистенциальному пророку-мыслителю, выразителю элегических мотивов» [3, с. 29]. Маска «пророка» проникнута мотивами пограничного состояния. Лирический герой, пребывая в полусне, дрёме, трансе, пытается проникнуть в «нигде веков», увидеть «тайну дней». И когда ему откроется тайна, тогда он принесёт на землю «Новое Евангелие», в котором она так нуждается. Однако лирический герой обречён вечным путешествием «в никуда», обречён на:

Священное самосожжение
В бессильном пламени тревог [6, с. 30]

Последняя маска «мученика» связана с заграничным периодом творчества А. Кусикова. Лирический герой, уставший от игры масками, загнан в тупик, из которого выход неясен.

Неужели устал я надолго.
Непокорно надолго ль притих? [7, с. 15]
Он вопрошает, заведомо зная ответ. Его мучает усталость от самого себя. Лирический герой понимает, что истощился:
Осенняя весна. Да разве так бывает?
Мне дятел выстукал вот только двадцать пять.
Кто виноват в моей весне - я знаю,
Но никого не буду обвинять [6, с. 5]
И с этих пор А. Кусиков навсегда бросает поэзию.
Маска была для него способом творчества, основанным на игре, в итоге умертвившим его как поэта. Она, как способ самопознания лирическим героем самого себя, привела к душевному старению, к невозможности взрастить что-то новое.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М. : Худож. лит., 1990. – 541 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества: сборник избранных трудов / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 421 с.
3. Исаев Г.Г. Загадка А. Кусикова: творчество поэта в зеркале судьбы: монография / Г.Г. Исаев. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – 168 с.
4. Кусиков А. Зеркало Аллаха: Стихи / А. Кусиков. – М.: Изд. Р. Р. Песслер, 1918. – 39 с.
5. Кусиков А. Сумерки / А. Кусиков. – М.: Чихи-Пихи, 1919. – 64 с.
6. Кусиков А. В никуда / А. Кусиков. – Берлин: Эпоха, 1922. – 78 с.
7. Кусиков А. Рябка / А. Кусиков. – Берлин: Изд. И. Т. Благова, 1923. – 61 с.
8. Осьмухина О.Ю. Маска / О.Ю. Осьмухина // Знание. Понимание. Умение. – 2002. – № 7. – С. 226-228.

*Е.Д. Казакина, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ (Тамбов)
Науч. рук. – д-р. филол. н., проф. Н.Ю. Желтова*

ТВОРЧЕСТВО Н.Н. ТУРОВЕРОВА В ЭМИГРАНТСКОМ ЖУРНАЛЕ «КАЗАЧЬИ ДУМЫ»: СТАТЬЯ «КОНЕЦ ЧЕРНЕЦОВА»

Многотомное поэтическое наследие Н.Н. Туроверова – яркого донского поэта, историка, журналиста, издателя и деятеля культуры русского Зарубежья – до сих пор остается малоизвестным на родине. Родился он в марте 1899 года в станице Старочеркасской на Дону в семье казака, прошел две войны: Первую мировую и Гражданскую, получил четыре ранения и несколько боевых наград. В 1920 году Туроверов попал в Крым, откуда началась эвакуация остатков армии генерала Врангеля. Вместе со всеми поэт навсегда покинул Россию.

В 1972 году на смерть Н.Н. Туроверова русская зарубежная пресса откликнулась серией статей, называя его «любимым и <...> последним выразителем духа мятежной ветви русского народа – казачества» [1]. Его журналистская деятельность по силе едва ли уступает поэтической, но на сегодняшний день является малоизвестной и практически не исследованной. Работая мукомолом в Париже, Туроверов писал исторические статьи и очерки по истории донского казачества. В 1939 году он становится одним из

организаторов «Кружка казаков-литераторов», выпустив год спустя иллюстрированный «Казачий альманах». Как автор весьма интересных работ по истории Дона, Туроверов являлся одним из основателей «Общества ревнителей русской военной старины». Его стихи, статьи и очерки также регулярно публиковались в эмигрантском журнале «Казачьих дум», известном так же, как «Общеказачий журнал».

Туроверов писал как о проблемах казачества, так и России в целом; его волновала судьба народа и государства. И ему, безусловно, было о чем сказать, так как пришлось пережить многое и быть не просто созерцателем, но активным участником происходящих событий.

Одна из его статей, опубликованная в апреле 1924 года в 23(м) номере «Казачьих дум», посвящена выдающемуся казачьему полковнику В.М. Чернецову. Генерал А.И. Деникин, один из руководителей Белого движения в годы Гражданской войны, так писал о Чернецове: «В личности этого храброго офицера сосредоточился как будто весь угасающий дух донского казачества. Его имя повторяется с гордостью и надеждой. Успех сопутствует ему везде, о нем говорят и свои, и советские сводки, вокруг его имени рождаются легенды, и большевики дорого оценивают его голову» [2, с. 221].

Статья Туроверова названа «Конец Чернецова», и автор постепенно готовит читателя к изображению и осознанию смерти полковника, который погиб, находясь в плену. Важно, что повествование ведется от первого лица, непосредственного участника тех событий, ведь поэт сам входил в отряд казачьего полковника, несколько раз был крайне близок к гибели и вместе с Чернецовым даже был в плену. Туроверов как никто другой мог точно передать общий дух, царивший тогда «на границах Дона». Поэт начинает статью с того, что «чернецовщина» – это пролог к величайшей трехлетней трагедии, первая страница из книги о белых и красных [4, с. 2]. Действительно, это было мощное движение во главе с мощным лидером. Чернецов был способен вести за собой, вселяя веру в неотвратимость победы. «Партизаны его боготворили, и это его лучшая характеристика», – отмечает Туроверов [4, с. 2]. В одном из писем, опубликованных в сборнике «Донская летопись» (1923), неизвестный казак вспоминает слова самого Чернецова: «Мои партизаны знают только один приказ – вперед. <...> Малодушным и неженкам нет у меня места. Если покажется тяжелым – можете вернуться» [3, с. 158].

Казачий полковник был чрезвычайно твердым командиром, но тем не менее за ним шли и ему беспрекословно подчинялись. Чернецовщина, по мнению поэта, – ярчайший, бескорыстнейший пример протеста личности против диктатуры толпы, протеста партизан, вышедших навстречу лучшим солдатам коммунистической идеологии.

Поэт начал с описания добровольцев, чтобы наиболее глубоко показать образ их вождя. Этими добровольцами были, по словам Туроверова, совсем еще юные кадеты и гимназисты без знания политических партий, но с очень развитым сознанием единства и необходимости защитить свою родину. «Здесь, в партизанстве, ярко сияла казачья идея. Погибший Дон в партизанстве звал своих верных сынов для своего спасения» [3, с. 156].

Конечно, управлять таким отрядом мог только непременно мудрый, талантливый полководец, коим и был, по заверению Туроверова, Чернецов. «У него была наглая военная дерзость, исключительная способность учитывать и пользоваться обстановку и беспрекословно подчиняющая воля», – писал поэт. Все это способствовало успеху полководца как среди населения, так и среди казачьих командиров. «Чернецов работает на всех направлениях: то разгоняет совет в Александровске-Грушевском, то усмиряет Макеевский рудничный район, то захватывает станцию Дебальцево, разбив несколько эшелонов красногвардейцев и захватив всех комиссаров», – пишет генерал Деникин [2, с. 221].

Туроверов рассказывает о тех же успешных походах Чернецова, только уже «изнутри». Он так же, как и все солдаты в отряде, восхищался своим полководцем. Перед

походом на станцию Глубокая, для атаки которой отправили отряд Чернецова, поэт вспоминает: «Сужу по себе: когда мне было предложено остаться в Каменской, чтобы охранять со своим пулеметом вокзал <...>, то какой острой, какой оскорбительной обидой мне показалось это предложение, и сколько отчаянного упорства я приложил, чтобы отстоять свое участие с полковником Чернецовым в обходной колонне». «Никто ни на секунду не сомневался в удачном исходе дела, в полном разгроме противника», – вспоминает Туроверов [4, с. 6]. Полковника Чернецова называли донским «Иваном Царевичем», он стал поистине легендарной личностью.

Интересно также, как в своей статье Туроверов противопоставляет этому герою другого командира – войскового старшину Голубова, перешедшего на сторону большевиков. Поэт указывает на чувство зависти, которое испытывал Голубов к Чернецову, ведь последний был намного моложе, но уже в звании полковника. В момент, когда Чернецов с частью отряда был взят в плен, Голубов не скрывал ликования. Даже на уровне портретных описаний Туроверов использует почти явную негативную окраску: «Теперь его обрюзгшее, мясистое лицо с белесыми бровями дышало нескрываемым торжеством» [4, с. 5].

Туроверов описывает аморальное, гнусное поведение революционеров, постоянно оскорблявших и избивавших пленных, почти своих собратьев. Тут же этому снова противопоставляется Чернецов, который даже в плену не терял достоинства и не отступал от своих идей. Даже под взмахами шашки Подтелкова полковник, вслух пообещав прекращение всех действий против Глубокой, шепотом добавил Туроверову как одному из своих казаков: «Наступать, наступать и наступать!» [4, с. 16].

После того как удалось вырваться из плена, Чернецов поскакал не в Каменскую, где ожидала помощь, а в свою родную станицу Калитвенскую, как будто предчувствуя скорую кончину. Там он и заночевал. «Станичники в ночь же дали знать об этом на Глубокую, и уже на рассвете Подтелков с несколькими казаками схватил в Калитвенской Чернецова...» [4, с. 19]. По дороге Подтелков издевался над полковником, и последний, потеряв все терпение, схватил браунинг и выстрелил в Подтелкова. Но по воле судьбы патрона там не было. В ответ на это Подтелков изрубил Чернецова шашкой, оставив его труп в степи. Так заканчивается история великого казака, талантливого полководца, волевого и честного человека, до конца остававшимся верным своей земле. За каждым его действием стояла вера и любовь к казачеству и Дону. Он многое сделал для Белого движения, и среди казаков его называют героем.

История этой легендарной личности отражена и в романе М. Шолохова «Тихий Дон». В эпопее, как энциклопедии казачества, так или иначе представлены многие исторические лица, известные командиры и генералы. Исключением не является и В.М. Чернецов. М. Шолохов изображает его в контексте происходящих событий, давая сравнительно небольшое описание его внешности и поведения. Но эти штрихи в канве сюжета выделяют Чернецова среди остальных командиров.

С первых упоминаний о нем на страницах романа говорится о его успешных военных операциях, талантливости как полководца. Не раз автором подчеркивается и то, что, командуя, Чернецов никогда не прятался за спинами казаков, а всегда шел первым («Колонну вел сам Чернецов», «впереди всех шел Чернецов», «стоявший впереди всех» и т.д.). В «Тихом Доне» он предстает все тем же отчаянным полководцем, каким вспоминал его Туроверов: принципиальным и сильным, не дающим слабину ни себе, ни своим казакам. Чернецова уважали, за ним шли, на него равнялись: «Чернецов сурово и быстро оглядывал подбегающих к нему казаков <...> В большинстве офицеры были молодые...» [5].

Примечательно, что М. Шолохов при описании Чернецова не раз употребляет словосочетание «светлые отчаянные глаза», подчеркивая его особенную склонность к риску, способность к подвигу. Хотя он и занимал командующую должность, не был выхолощенным и раздетым наградами: «шел в одной легонькой кожаной куртке <...> Папаха, надетая набекрень, придавала ему вид беспечный и молодецкий. И тени испуга не было на его розовом лице...» [5].

Смелость и воля, действительно, отличали Чернецова, за это его и уважали казаки. В описании последнего разговора Подтелкова и Чернецова эта черта явно прослеживается благодаря контрасту, который использует Шолохов: «Подтелков *тяжело ступая* <...> подошел к пленным. Чернецов глядел на него *презрительно* <...>, *вольно отставив ногу*. Подтелков *весь дрожал, немигающие глаза его ползали по снегу*, поднявшись, скрестились с *бесстрашным, презирающим взглядом Чернецова*...» [5].

Ярко изображается сцена смерти казака: Подтелков «рубнул Чернецова по голове» пашкой. Следующее рассказывается уже с позиции видевшего все это Григория: «сначала свалилась папаха, а потом, будто переломленный в стебле колос, медленно падал Чернецов, со странно перекосившимся ртом и мучительно зажмуренными, сморщенными, как от молнии, глазами». Но, даже умирая, испытывая сильнейшую боль, Чернецов не сдается Подтелкову, до последнего оставаясь тем командиром, которого знали казаки. Он не изменяет себе, не предает родину и казачество. Он не погибает в бою, но умирает от рук трусливого предателя казачества (как сам Чернецов назвал Подтелкова). Наверное, такой финал символичен для Гражданской войны, когда брат шел на брата и стирались границы подвига и преступления.

Но очевидно, что смерть Чернецова Шолохов также изображает как смерть героя казачества. Примечательно, что оба писателя, и Туроверов, и Шолохов, подробно останавливаются именно на сцене кончины казака. Это может быть объяснено тем, что в казачестве понятие смерти в бою воспринимается если не сказать, что повседневно, то спокойно и смиренно, так как это военный народ. Таким образом, выражением истинного подвига во имя родной земли становится именно героическая смерть воина.

Туроверов в конце статьи приходит к такому же выводу и формулирует его так: «самый возвышенный подвиг венчает смерть». Он также был уверен, что полковник Василий Михайлович Чернецов совершил великий подвиг и отдал жизнь во имя Дона.

Литература

1. Астапенко М.П., Астапенко Е.М. Николай Туроверов. Казак, воин, поэт / М.П. Астапенко, Е.М. Астапенко. – М.: Терра, 2014.
2. Деникин А.И. Очерки русской смуты / А.И. Деникин. – М.: Айрис-пресс, 2006.
3. Донская летопись. – Белград, 1923. – № 2.
4. Туроверов Н.Н. Конец Чернецова / Н.Н. Туроверов // Казачьи думы. – 1924. – № 23.
5. Шолохов М.А. Тихий Дон: роман: в 4 кн. / М.А. Шолохов. – М.: Худож. лит., 1991. – Кн. 3-4. – 716 с.

УДАР В ПРОЗЕ Д.И. ХАРМСА

Творчество Д. Хармса хорошо исследовано: описаны ключевые приемы, выявлены значимые литературные и философские контексты. В то же время многие лейтмотивы прозы писателя еще требуют своей интерпретации. Один из них – мотив удара, повторяющийся с высокой частотностью. У Хармса удар – это «скандализирующий» элемент повествования, обозначающий ситуацию перехода, границу между рациональным и иррациональным, между осмысленностью и абсурдом. Удар имеет сюжетный (изменение коллизии), модальный (изменение условий интерпретации) и метафизический (переход из бытового в небытовое пространство) смыслы.

Семантика «удара» и «избиения» будет рассмотрена на примере трёх произведений Хармса: «Грязная личность», «Цирк Шардам» и «Охотники».

В «Грязной личности» главный персонаж – некий Федька, с которым происходят странные явления. В этом рассказе есть поразительные детали: когда Сенька бьёт Федьку, образуется «портал» и мир переворачивается из повседневного в абсурдный, алогичный. Таким образом, только после удара Сеньки Федька, можно сказать, сходит с ума и убивает своего обидчика. А после этого – непонятно зачем – собирает вещи и уезжает во Владивосток. В абсурдном мире нет правосудия и карательных органов. Федька занимается своими делами, ему никто не мешает шить бюстгальтеры и панталоны, он вовсе не скрывается от властей, потому что их нет. Если бы Федька уехал во Владивосток из-за того, что боится наказания, то история бы на этом закончилась. Но он работает с людьми, а это значит, что в алогичном мире отсутствуют карательные органы.

Если в родном городе главный герой не убивает своего обидчика, то во Владивостоке Федька, без сомнений, совершает убийство. Николай «стукнул» Федьку «по морде» и спрятался под шкаф [1, с. 647]. Последний достал его из-под шкафа кочергой и «разорвал ему рот» [1, с. 647]. Николай, как и Сенька, побежал к соседям. Федька догнал его и «ударил пивной кружкой», после чего первый «упал и умер» [1, с. 647]. «А Федька собрал свои вещи и уехал из Владивостока» [1, с. 647].

Если рассмотреть эту историю через призму концепции «удар-переворот-удар», то Сенька стукнул Федьку в реальном мире, затем мир перешёл в абсурдный, в котором последний отрывает ухо первому. После этого Сенька с оторванным ухом бежит к соседям, но Федька догоняет его и бьёт сахарницей по голове, после чего мир переходит из абсурдного в реальный. Федька понимает, что, возможно, убил человека, и скрывается из своего города, переезжая во Владивосток. Там Федьку бьёт Николай; мир снова переворачивается из реального в абсурдный. Федька «разрывает рот» Николаю [1, с. 647]. Последний, как и Сенька, убегает к соседям, но Федька догоняет его и бьёт пивной кружкой по голове. Мир переходит из абсурдного в реальный. Николай погибает. А Федька, как и после первого случая, уезжает из города, в котором совершил преступление. На этом рассказ заканчивается.

Отрывок из пьесы «Цирк Шардам», как и предыдущее произведение, начинается с «удара». Директор подходит к акуле и «ударяет» её ногой, после чего последняя произносит следующую реплику: «Ой, больно!» [1, с. 1010]. Из сформулированной концепции «удар-переворот-удар» следует, что повседневный мир перешёл в абсурдный. Это и видно: Хармс подчёркивает, что реплику произносит непосредственно акула, а не кто-нибудь другой. Ранее директор отметил, что «морское чудовище» проглотило Вертунова

[1, с. 1010]. В реальном мире именно Вертунов должен был сказать, что ему больно, но Хармс приписывает реплику акуле.

Директор перепугался и отскочил. Он подумал, что ему всего лишь послышалось. Директор доказывает окружающим, что акула говорить не может. Для этого он повторно ударяет её. Теперь же мир из абсурдного перешёл в реальный. После удара акула повторно произносит: «Ай-ай-ай. Не лягайте меня» [1, с.1010]. Сейчас директор полностью убеждён в том, что реплики, произносимые акулой, реальны. Затем – уже в логичном мире – он осознаёт, что говорит совсем не акула, а тот самый Вертунов, оказавшийся внутри «морского чудовища».

Последнее рассматриваемое произведение («Охотники») повествует о четырёх охотниках. Некий Козлов сильно надоедает Окнову своими предложениями. Последний бьёт камнем по затылку первого, после чего мир переходит из реального в абсурдный. В абсурдном мире Окнов отрывает ногу Козлову. В абсурдном мире Козлова, безноготого охотника, волнует лишь то, как он дойдёт без ноги домой. Мотыльков – его приятель – предлагает приделать к ноге деревяшку. Через некоторое время Козлов пропадает из поля зрения: он уполз в кусты. Приятели единогласно решают его удавить и совместными усилиями убивают Козлова.

Интересно то, что мир в произведении «Охотники» так и не переходит из абсурдного в реальный. Приятели Козлова – Окнов, Мотыльков и Стрючков – остаются в алогичном мире. В исследуемом произведении нет замыкания цепи «удар-переворот-удар», здесь концепция имеет вид «удар–переворот». В реальном мире у персонажей был бы другой ход действий. При виде оторванной ноги охотники постарались бы оказать первую помощь или старались хоть как-нибудь помочь Козлову. Возникает вопрос: как Окнов мог оторвать ногу своему приятелю? Он делает это в одно мгновение; Хармс не отмечает, как это произошло, потому что в абсурдном мире это не имеет никакого значения.

Концепцию «удар-переворот-удар» можно применить к исследуемым произведениям Хармса. В них реальный и абсурдный миры как бы чередуются, постепенно сменяя друг друга. Однако стоит отметить, что не во всех произведениях цепочка завершается именно на реальном мире. В «Охотниках» герои остаются в алогичном мире.

Таким образом, удар в прозе Хармса – это «мост» между миром реальным и миром абсурдным. После удара персонажи ведут себя совершенно иначе, их действия противоречат логике и здравому смыслу.

Литература

1. Хармс Д.И. Полное собрание сочинений / Д.И. Хармс. – СПб., 2015.
2. Шубинский В.И. Даниил Хармс. Жизнь человека на ветру / В.И. Шубинский. – М.: АСТ, 2015. – 576 с.

*Е.В. Маюк, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Е.О. Козюра*

СЮЖЕТ ПОИСКА В ПОВЕСТЯХ Н.В. ГОГОЛЯ

Герои Н. В. Гоголя давно вошли в галерею «вечных образов» мировой литературы и оказали на нее необычайно сильное художественное воздействие. В последнее время утверждается мысль о том, что художественное новаторство писателя во многом определяется возрождением в его творчестве традиционных форм культуры, имеющих

древнейшие литературные и даже долитературные корни. В XX веке были предложены новые аспекты изучения поэтики Н.В. Гоголя. Одним из важнейших стало изучение архетипов писателя.

В середине XX века аргентинский литературовед Хорхе Луис Борхес опубликовал новеллу «Четыре цикла», в которой выразил мысль о том, что все сюжеты мировой литературы можно свести к четырем основным, так называемым «архетипическим» сюжетам: о штурме, о возвращении, о поиске и о самоубийстве Бога. «Историй всего четыре. И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их – в том или ином виде», – пишет Борхес [1, URL].

В своей работе мы распределили сюжеты трех сборников повестей Н.В. Гоголя по классификации Х.Л. Борхеса и увидели, что из восемнадцати повестей пятнадцать имеют сюжет поиска. Далее мы проследим динамику этого поиска от одного цикла произведений к другому.

Первая повесть с сюжетом поиска – «Сорочинская ярмарка» [2, с. 27]. Ярмарка в произведении представляет собой движение по замкнутому кругу, и в этом круге реализуется собственный поиск каждого из героев. Лейтмотивом повести, схемой всего происходящего в ней, является сюжет поиска нечистой силой свитки. Самого черта и его действий мы не видим, а только узнаем по рассказам селян. Поиск свитки в рассказе – «вечный» мотив: расчленено единое целое, нечистая сила будет вечно бродить по свету, ища части, и так же вечно будет вмешиваться в людскую жизнь, как это произошло в произведении. Сегодня молодая пара счастлива, но веселая юность будет продолжаться далеко не вечно, и недаром повествователь в своем лирическом отступлении называет радость «лишь гостьей, прекрасной и непостоянной».

В «Вечере накануне Ивана Купала» [2, с. 49] сюжет поиска связан с демоническим персонажем Басаврюком. Колдун ищет человека, который сорвет цветок папоротника в магическую ночь Ивана Купала. И если на первый взгляд кажется, что Петро сам сделал свой выбор и его поиск увенчался успехом, то к концу повести мы понимаем, что несчастный юноша был лишь средством чужого поиска и что счастливый конец любовной истории оказался лишь иллюзией.

В третьей повести цикла, «Майская ночь, или утопленница» [2, с. 62], мы видим несколько сюжетных линий, связанных с поиском, которые причудливо переплетаются с фантастикой. Левко в задумчивости бредет к пруду, пытаясь найти решение любовного конфликта. Далее он попадает в фантастический мир, где встречается с панночкой-утопленницей. И в этом мире Левко предстоит найти ведьму среди других девушек. Несмотря на то, что история с русалкой кажется сном или иллюзией, поиск ведьмы оказывается одним из самых решающих моментов для героя, в то время как в реальной жизни юмористически описывается поиск зачинщика проказ среди парубков, а также то, как пьяный Каленик ищет свою хату.

Сюжет повести «Пропавшая грамота» [2, с. 86] – это сюжет поиска, заимствованный Гоголем из сказок. В мифе и сказке распространены архетипические мотивы путешествий, которые часто соотношены с противопоставлением дома и леса (лес представляет собой «чужой» мир, насыщенный демонами). Все это мы наблюдаем в повести: герой направляется к цыганам в лес, но вдруг оказывается в «самом пекле», и цыгане мистическим образом превращаются в чертей и ведьм. Как мы видим, в повести нет четкой границы между миром людей и миром нечистой силы.

Повесть «Ночь перед Рождеством» [2, с. 100] – единственное из всех произведений, где нечистая сила получает вполне ясный и видимый человеку облик. Черт становится одним из главных героев и разгуливает в человеческом мире. Проводником между двумя мирами, который помогает кузнецу найти нечистую силу, является Пацюк, кото-

рый «сам немного сродни черту». Мы видим, что Вакула сам ищет «нечистого», т. к. других способов достать черевички царицы у него нет. Поиск героя увенчивается успехом, конфликт с потусторонним миром разрешается в пользу человека: черт не успевает нанести вреда и снова изгоняется из мира людей, потому что наступает Рождество.

Сюжет повести «Заколдованное место» [2, с. 193] – поиск героем клада. Но в итоге поиск оборачивается «бесовской шуткой»: на самом деле никаких сокровищ нет, и с героем играет нечистая сила. А само «проклятое место» является точкой соприкосновения этой силы с миром людей.

В повести «Вий» [2, с. 323] нечистая сила имеет власть над человеком в те моменты, когда герой наиболее уязвим: ведьма находит школяра Хому Брута тогда, когда он заблудился. Погибает философ, не выдержав испытания, не устояв во время так называемой «осады» (сюжет Борхеса).

Как мы уже отметили, в повестях Н.В.Гоголя часто соприкасаются ирреальный мир и мир людей, и чем больше таких контактов, тем сильнее нарушается гармония человеческого мира. Олицетворением «поврежденного» мира для Гоголя является Петербург.

Первая повесть петербургского цикла – «Невский проспект» [3, с. 17]. В ней молодой художник Пискарев встречает на Невском проспекте юную брюнетку, и после этой встречи вся его жизнь состоит в поиске этой девушки. Герой видит ее во снах, находит место, где она живет, а после отказа продолжает искать ее, но уже в наркотических грезах. Поиск героя в реальности окончен, но в результате приводит к трагедии. Пискарев не выдерживает существования без возлюбленной и кончает жизнь самоубийством.

В повести петербургского цикла «Портрет» [3, с. 36] нечистая сила ищет воплощения в человеческом мире. Автор зловещего портрета, поняв, что сотворил ужасное, раскаивается, но уже поздно: портрет с дьявольскими глазами путешествует среди людей. Потусторонние силы не дают возможности уничтожить предмет, через который осуществляется связь между двумя мирами. Нечистая сила оказывается сильнее и уже свободно существует среди людей.

В анекдотической новелле «Нос» [3, с. 64] поиск носа можно рассмотреть как перевернутый архетипический сюжет о герое-трикстере, который может отделить часть своего тела и послать ее с каким-либо поручением. Гоголь скорее даже пародирует романтические новеллы о двойниках: в повести герой не имеет власти над своим двойником, а даже наоборот, подчиняется носу. Теряя нос, Ковалев теряет не только «часть своего тела» (без которой, кстати, он жив и, по-прежнему, может дышать), а свою личность, самоидентичность. Ю.В.Манн в монографии «Гоголь как явление мировой литературы» [4, с. 244] пишет о том, что в повести «Нос» есть «явные намеки на духовный кризис в обществе того времени». И несмотря на то, что нос как символ личности Ковалева возвращается к нему, герой не в силах самостоятельно выбраться из кризиса, о котором говорит Манн.

В повести «Коляска» мы видим очень своеобразную трансформацию сюжета поиска: это, скорее, сюжет «находки без поиска»: генерал собирается осмотреть коляску, но находит не только ее, но и ее хозяина.

В повести «Записки сумасшедшего» [3, с. 109] мы видим поиск героя, связанный с любовным конфликтом. Аксентий Иванович Поприщин, мучаясь от неразделенной любви к дочери своего директора, ищет ответ на вопрос: «Отчего я не титулярный советник?». Он пытается добиться расположения возлюбленной, но та принимает ухаживания молодого камер-юнкера. Поиск героя завершается неудачей.

Итак, мы видим, что сюжеты первого сборника Н.В. Гоголя тесно переплетаются со сказочными сюжетами и мотивами, в них мир человека еще мало поврежден проникновением потусторонних сил. Но от повести к повести перспектива поиска делается все

более неясной, практически исчезает возможность удачного разрешения ситуации, а в «петербургских» повестях такая возможность исключается вовсе. Успех поиска героя больше не зависит от его усилий, не подчиняется его воле, а лишь оказывается частью макропоиска демонического мира, который все больше проникает в мир человека и пытается получить неограниченную власть в нём.

Литература

1. Борхес Х. Л. Четыре цикла. – URL: <http://e-libra.ru/read/150070>
2. Гоголь Н.В. Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Н.В. Гоголь. – М.: Мир книги, Литература, 2008. – 496 с.
3. Гоголь Н.В. Петербургские повести / Н.В. Гоголь. – СПб: Азбука, Мировая классика, 2016. – 509 с.
4. Манн Ю.В. Гоголь как явление мировой литературы / Ю.В. Манн. – М.: ИМЛИ РАН, 2003. – 400 с.
5. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М.: Лабиринт, 1997.

*Е.О. Гомозова, студ. ф-та философии и психологии ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филос. н., доц. Д.Г. Кукарников*

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТРАДИЦИЯХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

С одной стороны, философия кажется целостным образованием, с другой, не утихают споры о том, какое знание достойно войти в число её доктрин. С первого взгляда, проблема не представляется существенной, поскольку каждая дисциплина обладает своим предметом, который и определяет её специфику, но предмет философии по-прежнему не выделен строго.

Философское знание всегда сложно подвергать демаркации от прочих дисциплин: теологии, социологии, политологии или литературы. Но в двадцатом веке приходится проводить границу в ней самой из-за раскола на две традиции: аналитическую и континентальную. Благодаря анализу разрыва двух традиций, мы способны понять, почему отдельные философы отрицают связь своей дисциплины с литературой.

Основной критерий различения описанных тенденций – эпистемологический. Разумеется, что границы между направлениями могут быть расплывчатыми, но для заявленной темы их разница очевидна.

Представители первой традиции тяготеют к наукообразности, формализации данных, строгой аргументации.

Мыслители второй зачастую уходят от этого. Наукообразности они противопоставляют вчувствование, широко применяют метафоры, сравнения.

Если рассматривать разницу между направлениями на конкретном примере, то она будет состоять и в отношении к языку.

Так, за обеими традициями закрепляется представление о языке как особом уровне нашей жизни, изучение которого даёт ответы на многие вопросы. Но какие ответы ищут разные философы в изучении языка?

Одни ответы о законах мышления и заблуждениях сознания, другие – о нашем существовании в мире, месте в нём.

Континентальные философы стремятся использовать все выразительные средства языка. Благодаря многообразию выражения их идей появляется проблема перевода, например, до сих пор затруднительным представляется перевод Хайдеггера на русский.

Они так же находятся в поиске средств выражения для своих идей, возвращаются к забытым формам, в которых существовала философия, например, диалогу, как М. Бубер. Такой способ выбран потому, что именно в диалоге открывается связь двух существ, в которой раскрывается истинное знание о мире. Его волнует то, что происходит «между» его участниками, сама их обращённость друг к другу.

Он пытался писать о том, что представляется невозможным, совершал попытку словесного оформления мистического опыта. Таким способом он описывает единство с миром, которое ощущается в любви к Другому, миру.

Высоко оценивал философскую составляющую в литературе и М. Хайдеггер. В своих работах он часто ссылается на литературные произведения, например, на «А жизнь идет» К. Гамсуна [2, с. 110].

И так, мы описали традицию наиболее близкую к литературе, философов, стоящих «лицом» к глубине, которую она таит. В данной работе намеренно упомянуты мыслители, которые не знамениты своей связью с литературой, как например, Сартр или Камю.

Но как обстоит дело с обратной дорогой – от литературы к философии?

Литература содержит в себе множество средств выражения. Но всё ли выразимо в нашем мире? О чём нам стоит молчать?

Такие вопросы ставятся благодаря существованию мнения о том, что есть нечто, что не укладывается в рамки языка – религиозный и мистический опыт. Но выше была описана концепция Бубера, который с помощью формы диалога эксплицирует их. Выходит, что описание интимного мистического опыта всё же возможно.

Действительно, наш язык выстроен по рамкам нашего постепенно формировавшегося восприятия. Но с языком развивался и человек, его чувства.

Именно потому произведения Достоевского делают наше восприятие тоньше. Чувства и эмоции человека, погружившегося в его мир, не ограничены радостью, грустью, печалью, любовью, ненавистью. Переживания читателя Достоевского становятся тоньше.

В произведениях, вышедших после «Записок из подполья», он показывает, что драма может быть не только в отношении к человеку, но и к Богу. Так, Иван Карамазов мучается от отсутствия у себя веры.

Тот же приём используют Г. Сенкевич в «Камо Грядеши» и Д. Мережковский в трилогии «Антихрист».

Эти труды можно назвать истинно антропологическими, а значит и философскими, так как они открывают новую глубину в человеке.

В данном случае нужно уметь признать, что к философским выводам можно прийти не только через неё саму. Потому совместная задача литературы и философии – описать все наши возможности посредством языка.

Данная цель может быть осуществлена на уровне методологии и в реальной жизни – путём взаимодействия философов и литературоведов, написанием новых философских романов.

Литература

1. Бубер М. Два образа веры / М. Бубер. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
2. Хайдеггер М. Введение в метафизику / М. Хайдеггер. – СПб.: Высшая философско-религиозная школа, 1998. – 301 с.

**СПЕЦИФИКА ЖАНРА АНТИУТОПИИ В РОМАНЕ
В.В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ»**

Определение жанровой специфики романа В.В. Набокова «Приглашение на казнь» давно вызывало множество споров в кругу исследователей и породило различные истолкования. Роман трактуют как экзистенциальную метафору, идеологическую пародию, художественную антиутопию и т.д. В целом главной особенностью прозы В.В. Набокова можно считать способность играть типами своих героев, формами, сюжетами, жанрами.

Главный герой романа «Приглашение на казнь» Цинциннат Ц. осужден за «страшнейшее из преступлений, гносеологическую гнусность», а именно за свою «непроницаемость, непрозрачность» и желание эту свою особость скрыть. В тюремной камере герой ждет исполнения приговора – смертной казни.

На протяжении всего романа Цинциннат находится в предельном состоянии одиночества. В отличие от романтического героя, живущего в мире, который настолько неприемлем для него, что он редко предпринимает даже попытки в этот мир вписаться, Цинциннат пытается поначалу обрести счастье, не подчеркивая свою непохожесть. Впрочем, усилия набоковского героя мимикрировать, скрыть свою «непрозрачность», связаны с осознанием опасности окружающей его действительности.

Герой романа, находясь в пограничной ситуации тюремного заточения, переосмысливает свое существование, и это приводит к пробуждению его «я». В тюремной камере у него возникает непреодолимое желание вести дневник, который способствует духовному развитию, преображению Цинцинната.

Абсурдный мир «Приглашения на казнь» позволяет говорить здесь об усвоении жанровой модели антиутопии. На данный момент не существует общепринятого определения антиутопии. Как правило, они изображают определенное общество или государство и стремятся выявить их негативные черты. Общество здесь изображается «изнутри», глазами человека, претерпевающего на себе его законы. Антиутопиям свойственны ритуализация жизни, к неотъемлемым ритуалам которой относятся казни и пытки, сопровождающиеся, как правило, зрелищностью и пышностью, а также исключение «родительского принципа» [2, с. 225] (отсутствие родителей у героя). В своей работе «Русская антиутопия XX века» Б.А. Ланин отмечает, что главной особенностью композиции жанра является «матрешечное» или «рамочное» построение произведения [4, с. 7-29].

По мнению А.Ф. Любимовой, антиутопия исследует негативную модель технократического авторитарного общества как динамическую систему взаимодействия субъективно-объективных факторов в истории определенного социума [5, с. 34]. И действительно, мир антиутопии обычно связан с техническим прогрессом, однако в романе «Приглашение на казнь» все ровно наоборот. Единственное упоминание о технике – слова о заброшенном аэродроме, которые наводят на мысль о том, что мир романа – мир дряхлеющий, переживающий состояние медленного распада.

Некоторые набоковеды увидели в «Приглашении на казнь» прежде всего политическую сатиру на тоталитарную диктатуру середины 30-х годов, что также позволяет трактовать роман как антиутопию. Рассматривая в таком случае Цинцинната Ц. как жертву государственного механизма, мы приближаемся к пониманию героя не как про-

тестанта, восстающего против социального-технологического механизма тоталитарной власти, а как «маленького человека», единственным способом спасения личности которого является полное неучастие в жизни, предлагаемой ему обществом.

О типе литературного героя, обозначаемого формулой «маленький человек», в настоящее время создано недостаточное количество специальных исследований, чтобы дать ему исчерпывающее определение. В работах А.А. Фаустова предлагается такой набор свойств, по которым обычно строится этот характер: особое переживание времени и пространства, озабоченность проблемами репрезентации, повышенное внимание к «гендерной» тематике, особая топка (в том числе «энтомологическая»), которая основывается на игре масштабами.

Рассматривая Цинцинната Ц. как «маленького человека», прежде всего, стоит обратить внимание на физиологическую составляющую: герой слаб физически, имеет маленькое тело и рост, плохое здоровье, говорит тихо, почти заикаясь. До заключения в тюремную камеру он работает учителем разряда Ф в детском саду. Герой В.В. Набокова и сам сравнивается в тексте с ребенком: «Цинциннат мог сойти за болезненного отрока, – даже его затылок, с длинной выемкой и хвостиком мокрых волос, был мальчишеский» [6, с. 70]. Телесная «малость» героя неоднократно подчеркивается в тексте: «Цинциннат был такой *маленький и узкий*, что ему удавалось целиком поместиться в лохани» [6, с. 69].

Мотив «малости» главного героя отсылает нас к другому, близкому «маленьким людям» и объясняющему абсурдное поведение персонажей мотиву – кукол, театра. В тюремной камере герой осознает всю «кукольность» окружающего мира. В произведении одна кукла может заменять другую, они время от времени забывают переодеться, путают костюмы, демонстрируя весь фарс окружающей Цинцинната действительности. В конце романа этот мир в буквальном смысле рассыпается на кусочки, оказываясь театральной бутафорией.

Еще одним характерным для «маленьких людей» мотивом является мотив двойничества. В сюжете «маленького человека» двойник может даже материализовываться в качестве Другого (как в «Двойнике» Ф.М. Достоевского). У В.В. Набокова же главный герой обнаруживает в себе способность сочетать внешнюю и внутреннюю точки зрения, находясь на грани, разделяющей эти два противоположных мира, при этом «внутренняя» часть героя при помощи письма стремится к отделению от внешней оболочки, с чем связано нарочито подчеркнутое изображение минимальной телесности героя.

Как известно, письмо – это еще один мотив, связанный с бытом «маленького человека». Для него «сделаться писателем, равносильно... преодолению своего ничтожества, началу существования» [7, с. 186-187]. Другое дело, что осознание себя не всегда влечет за собой качественные изменения героя.

Письмо для «маленького человека» также отождествляется с возможностью жить [7, с. 187]. Здесь нельзя не упомянуть о карандаше Цинцинната как о хронометре. В тексте карандаш подобен жизни героя. В начале романа он лежал на столе «изумительно очиненный... длинный как жизнь любого человека, кроме Цинцинната» [6, с. 4]. На протяжении всего произведения тюремщик Родион очиняет карандаш, сокращая тем самым жизнь пишущего. Цинциннат не стремится сохранить карандаш, задача героя – «высказаться и закрепить высказанное» [8, с. 83] с его помощью. В конце романа мы наблюдаем «карликовый карандаш», вычеркивающий слово «смерть» на странице.

Не лишним было бы упомянуть, что паук, который впоследствии также окажется бутафорским, – это тоже своего рода хронометр романа. Каждая кормежка Родионом паука отмечает новую пытку Цинцинната и приближает его к казни.

Известно, что «маленьких людей» часто ассоциируют с насекомыми. К примеру, сослуживцы Акакия Акакиевича смотрят на него так, «как будто бы через приемную

пролетела простая муха» [3, с. 6]. Цинциннат в тексте открыто ни разу не сравнивается с насекомыми, однако набоковеды утверждают, что бабочка – это его метафорический двойник [1, с. 442]. Бабочка представляется здесь «эмблемой конечного превосходства души» [1, с. 442].

Резюмируя, можно сделать вывод о том, что специфика жанра антиутопии в романе «Приглашение на казнь» определяется, прежде всего, тем, что В.В. Набоков поставил в центр своего романа нетипичного, «неантиутопического» героя.

Литература

1. Барабтарло Г.А. Очерк особенностей устройства двигателей в «Приглашении на казнь» / Г.А. Барабтарло // В.В. Набоков: pro et contra. Том I. СПб. : Изд-во РХГИ, 1997. – 960 с.
2. Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопий / Р.А. Гальцева, И.Б. Роднянская // Новый мир. – 1988. – № 12. – С. 217-230.
3. Гоголь Н.В. Шинель / Н.В. Гоголь. – М.: Эксмо-Пресс, 2017. – 64 с.
4. Ланин Б.А. Русская антиутопия XX века: Учебное пособие для учащихся / Б.А. Ланин. – М. : ТОО Онега, 1993. – 242 с.
5. Любимова А.Ф. Жанр антиутопии в XX веке: содержательные и поэтологические аспекты : учебное пособие по спецкурсу / А.Ф. Любимова. – Пермь : Пермский государственный университет, 2001. – 91 с.
6. Набоков В.В. Приглашение на казнь / В.В. Набоков. – М.: Азбука, 2010. – 224 с.
7. Савинков С.В., Фаустов А.А. Аспекты русской литературной характерологии / С.В. Савинков, А.А. Фаустов. – М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. – 332 с.
8. Сендерович С.Я., Шварц Е.М. Бессмертный карандаш / С.Я. Сендерович, Е.М. Шварц // Универсалии русской литературы. 5 / Воронежский государственный университет. – Воронеж: ООО ИПЦ «Научная книга», 2013. – 600 с.

*А.О. Новикова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Т.А. Никонова*

СЮЖЕТ КАК МЕТАФОРА В РАННЕЙ ПРОЗЕ Л.ЛЕОНОВА («БУРЫГА», «ПЕТУШИХИНСКИЙ ПРОЛОМ», «ЗАПИСКИ КОВЯКИНА»)

Метафора является точкой пересечения разнообразных интересов гуманитарных наук. Современные концепции метафоры рассматривают ее не только как наиболее распространенный вид словесных ассоциаций, но и в широком философско-культурологическом, семиотическом аспекте – как воплощение потребности человека «избежать фактической реальности», как его способность к творческой интерпретации мира [см. об этом: 4; 5; 8; 9]. Получается, что литературное произведение конструируется в процессе воздействия «формы» на «материал», как отмечает современный исследователь [5, с. 31].

Сюжет Л. Леонов превращает в развернутую метафору [см. об этом: 3; 6; 7; 9]. В рассмотренных нами трех произведениях, объединенных метафорой слома, метафора распространена на разные семантические поля.

В рассказе «Бурыга» (1922) Л. Леонов активно использует приемы фольклора. Начало XX века ставило вопросы, ответы на которые писатель пытался найти при помощи сказочного хронотопа. Как известно, сказки начинаются выходом из дома героя, и его путешествие обозначает смену мест повествования. Именно так строится сюжет и у Л. Леонова. Главный герой рассказа «Бурыга» проходит целый ряд топосов, обозначающих циклическую замкнутость пространства: «лес – Власьев Бор – город – Испания – лес». Помимо этого, в сказках всегда присутствует волшебный мир, противопоставленный реальному. У Леонова эта сказочная схема оказывается перевернутой: волшебный мир природы испытывается человеческим миром. В него-то и попадает Бурыга, герой раннего одноименного рассказа. Он бежит из родного леса не по своей воле, а потому что лесорубы уничтожают его родные места и все живое в них. В рассказе Леонова лесорубы – обычные мужики, которые варят похлебку, сидят в «кумачовых рубахах» [1, с. 76] и поют песни. Но именно они, обычные люди, уничтожают идеальный мир Бурыги и становятся виновниками его испытаний совсем не в волшебном мире.

В рассказе «Бурыга» природные существа, относящиеся к демоническим силам («окаяшки», «нечистая сила» и пр.), являются носителями доброго и духовного природного мира, олицетворяют чистую, девственную природу, искореняемую и изживаемую человеком. В рассказе все герои, встречающиеся Бурыге, носители «человеческого», т.е. разрушительного, злого начала. На непосредственность и искренность «окаяшки» отзываются лишь пёс Шарик и кухарка, нашедшая *детеныша-нос-хоботом* в лесу и пожалевшая его. В итоге, можно говорить о превосходстве природного мира над человеческим, настоящего над искусственным. И мытарства Бурыги в циклическом пространстве рассказа «лес – Власьев Бор – город – Испания – лес» становятся метафорическим обозначением цивилизационного, «человеческого» пространства, не оставляющего места для беззащитного природного мира.

В повести «Петушихинский пролом» (1923) уже исторический хронотоп помогает раскрыть идею рассказа. В повести Леонов говорит о разрушающем воздействии на жизнь патриархального села событий Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, голода 1921 года. Здесь разрушение идиллического хронотопа крестьянской общины помещено в конкретные исторические условия, которые являются не фоном, а движущей силой сюжета. Все исторические события показаны с точки зрения крестьян, через их призму видения происходящих событий. И все изменения им кажутся новыми, совершенно непонятными, неизвестными, несовместимыми с прежней жизнью.

Ярким контрастом историческому хронотопу в «Петушихинском проломе» выступает сон. Условным знаком перехода из одного измерения в другое служит звук: «И тут слышит Алёша гудочек тихий сквозь сон и открывает глаза и видит. Пляшет под Егорьем на залитом луной подоконнике глиняный его норовой конь, и гудочек призывный – из окна» [1, с. 191]. Затем границы пространства раздвигаются, действие происходит внутри сознания героя. Три символические встречи Алёши обрамляют историческую ломку крестьянской психологии и вносят в неё новый смысл. В этих встречах – метафора ломки крестьянской жизни: потеря радости человеческой, разрушение земли (мироустройства), потеря веры. Таким образом, в рассказе наложение трех хронотопов – идиллического, исторического и онирического – усиливает картину «пролома».

В «Записках Ковякина» (1923) также изображается самая что ни на есть настоящая реальность, которая оставляет желать лучшего. «Записки» представляют собой отдельные эпизоды, с деталями, смыслом и выводами. Заканчиваются они событиями Гражданской войны, которые привели город Гоголев в упадок, хаос, состояние болезни и критических изменений.

Многие выводы, сделанные Ковякиным, заставляют задуматься. Например, Ковякин говорит о великих людях, что «чем больше личностей, тем хуже. Всякая личность такая крови требует. А мне так кажется, что больше капля крови человеческой стоит, чем вся личность с потрохами целиком. Ох, славно на земле жить будет, когда личности переведутся: тихо и безмятежно! Некому будет допытываться, от которой причины цветы цветут. И птичку никто резать не будет, чтоб узнать, которым она местом поет. Поешь – и пой, и очень превосходно!» [1, с. 350-351].

Помимо этого, в предпоследнем эпизоде Ковякин идет к беглому монаху Феофану, чтобы узнать о его видениях будущего. На что тот сначала молчит, а потом, сидя на дереве, начал кричать ему вслед: «Пришитая борода грядет!.. Грядет...» [1, с. 353]. В статье «К вопросу об источниках повести Л.М. Леонова «Записки Ковякина»» Т.М. Вахитова писала, что «Леонов часто в беседах с исследователями его творчества вспоминал эту фразу, вкладывая в нее какой-то особый, только ему понятный смысл. Это не только предвестие несчастья, какого-то невероятного глумления над человеком, фальшивая мудрость, пошлость, но и нечто более страшное, похожее на какую-то недостойную смерть в виде фарса или порочного издевательства» [2, URL].

И образ монаха приводит в ужас: «Сойдя с березы, он стоял на пеньке. Ветер бил по нему скоса и с маху, колтуны на Феофановой голове встали по ветру, как сучья. Он махал руками, как заправская ветрянка, и, оскалив зубы, глядел на тучу, бежавшую над головой. Она, то есть туча, и действительно была похожа на бороду без никакого лица» [1, с. 353]. Т. М. Вахитова говорит, что двойственность этого страшного символического образа (и на земле, и на небе) наводит на мысль о разрушении не только какой-то существовавшей гармонии, но и надвигающейся бесчеловечности и обезбоженности.

В итоге всё, о чем так легко и беззаботно, с радостью и умилением в сердце писал Ковякин, казавшееся непоколебимым, рушится под воздействием революционных потрясений. Перед героем встает огромное количество вопросов, ответов на которые мы не получаем, потому что Ковякин таинственным образом исчезает из города.

Рассмотренные нами произведения заканчиваются возвращением – физическим или мысленным – к тому моменту, с которого начинается слом, «пролом». Бурьга возвращается в родной лес, и рассказ по сути дела настаивает на необходимости сохранения природы от неразумных действий людей. Чем дальше Бурьга от привычного мира, тем хуже ему становится и тем более лишним в мире он себя чувствует. В «Петушихинском проломе» и «Записках Ковякина» говорится о «проломе» в социальном, общественном плане, о том, что люди удалились от очень ценных вещей в себе.

При этом Л.М. Леонов не считает, что патриархальную жизнь нельзя менять. Но он исходит из того, что любой, самый сказочный («Бурьга») или патриархальный («Петушихинский пролом»), провинциальный («Записки Ковякина») жизненный уклад, складывавшийся веками, сохраняет в себе те ценности, правила, обычаи, которые организовывали человеческую жизнь, регулировали поведение каждого из ее участников. Разрушение природного, патриархального векового уклада освобождает людей от участия в общей жизни, может даже помочь получить сиюминутный результат (рубка леса или разорение монастыря), но сопровождается утратой нравственных основ для отдельного человека. Поэтому в ранних произведениях Л. Леонова и складывается метафорический сюжет «слома», «пролома», универсальный характер которого для него отождествляется с революционными переменами во всех областях человеческой жизни.

Литература

1. Леонов Л. Собрание сочинений: В 10 т. / Л. Леонов. – Т. 1. – М. : Художественная литература, 1969. – 496 с.

2. Вахитова Т.М. К вопросу об источниках повести Л.М.Леорова «Записи Ковякина». URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istochnikah-povesti-l-m-leonova-zapisi-kovyakina>.

3. Век Леонида Леорова. Проблемы творчества. Воспоминания / Под ред. В.Я. Саватеева. – М. : ИМЛИ РАН, 2001. – 396 с.

4. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи: природа вторич. Номинации / В.Н. Вовк. – Киев : Наук думка, 1986. – 142 с.

5. Иванюк Б.П. Метафора и литературное произведение / Б.П. Иванюк. – Черновцы-Рута: Черновицкий государственный университет им. Ю.Федьковича, 1998. – 252 с.

6. Ковалев В.А. В ответе за будущее : Леонид Леоров : Исслед. и материалы / В.А. Ковалев. – М. : Современник, 1989. – 299 с.

7. Кондюрина Э.Ф. Проза Леонида Леорова 20-30-х годов / Э.Ф. Кондюрина. – Вильнюс : М-во высш. и сред. спец. образования ЛитССР, 1982. – 93 с.

8. Метафора в языке и тексте / В.Г. Гак [и др.]. – М. : Наука, 1988. – 174 с.

9. Мущенко Е.Г. Поэтика сказа / Е.Г. Мущенко, В.П. Скобелев, Л.Е. Кройчик. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1978. – 286 с.

*К.В. Полулях, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Н.Ю. Желтова*

МОТИВ ДВОЕМИРИЯ В РАССКАЗЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «ЖАСМИНОВЫЙ ОСТРОВ»

Ириана Одоевцева – яркий прозаик, автор мемуарных книг «На берегах Невы» и «На берегах Сены», трех романов, написанных в эмиграции: «Ангел смерти» (1927), «Изоляда» (1931), «Зеркало» (1939). Писательница начала свою творческую деятельность в 1920 году. Гумилев на вечере, устроенном в честь приезда Андрея Белого, представляет творчество «маленькой поэтессы с большим бантом». Чуть позже Ирина Одоевцева переживает ряд потрясений, о которых напишет в своей мемуарной книге «На берегах Невы»: смерть матери, гибель Гумилева, бедность и главное отъезд за границу.

Писательница прожила 65 лет во Франции, которые стали для нее сложным жизненным испытанием: «...Для меня в эмиграции время как будто пошло назад, вспять. Я как будто неожиданно помолодела. Из поэта настоящего, поэта, возраст которого не играет роли, я тут превратилась в “молоденькую поэтессу” и “молодую романистку”, как меня постоянно величали в прессе. И что уж совсем дико – я так и оставалась “молодой поэтессой” и “молодой романисткой” бесконечно долго, чуть ли не до окончания войны» [1, URL]. И само слово «эмиграция» И. Одоевцева не любила, и постоянно указывала на это: «Мы никогда не чувствовали себя эмигрантами. Мы были и останемся русскими писателями» [2, URL].

Ощущение двойственности жизни, тяжелого разлада между идеальным миром и действительностью пронизывает всё творчество И. Одоевцевой. В этой связи справедливо замечание О.Р. Демидовой: «...Эмигрант продолжает по инерции существовать “там и тогда”, т.е. осознавать себя в рамках прежнего, доэмигрантского бытия, перенося в новые условия укоренившиеся в сознании культурные стереотипы, систему запретов и разрешений и весь жизненный “багаж” в целом» [3].

Главные герои прозы писательницы за редким исключением – русские эмигранты в Париже. Примечательно, что на первом плане книг Одоевцевой находятся обычно женские образы. Именно сложные чувства и поступки эмигранток, их реакция на жизнь, быт в изгнании и определяют общую атмосферу книг Одоевцевой, которые наполнены двойственностью мировосприятия героев, которые постоянно ощущают колоссальный разрыв между идеалом и действительностью, но в то же время никогда не теряют из виду настоящую реальность.

Ярким примером «двоемирного» сознания эмигрантов является рассказ «Жасминовый остров», написанный в 1930 году. Как известно, двоемирие – это один из принципов романтизма, в котором противопоставляются мир мечты и мир реальный, лирический герой пытается донести до общества правоту своего выбора, борется со злом и несправедливостью, призирая все то, что чуждо миру мечты. Так, Н.А. Бердяев писал: «Человек – точка пересечения двух миров. Об этом свидетельствует двойственность человеческого самосознания, проходящая через всю его историю. Человек сознает себя принадлежащим к двум мирам, природа его двоится, и в сознании его побеждает то одна природа, то другая» [4].

В рассказе «Жасминовый остров» двоемирие как особая форма мировосприятия и миропонимания обладает ярко выраженными признаками религиозного (мир земной и мир потусторонний, а грань между ними – смерть) и философского двоемирия. Тема возвращения на родину, взаимоотношения русских эмигрантов и жителей Парижа, стремление попасть на тот жасминовый остров, который принес бы счастье и спокойствие странникам-эмигрантам, становится основной в рассказе Одоевцевой. Мика – главная героиня рассказа «Жасминовый остров» - живет мечтой об острове, где найдет что-то упоительное, таинственное и дорогое для своей души: «...Слова «жасмин» и «остров» навсегда остались волшебными. Сердце начинало быстро стучать. Жасминовый остров... Все счастье, все мечты — Жасминовый остров...» [1, URL]. Существует легенда о жасмине. Согласно ей, когда-то все цветы были белыми. Но однажды появился художник и предложил их раскрасить. Жасмин был ближе всех к художнику, но тот отправил его в конец, не желая видеть Жасмин главнее розы. В конце гордый Жасмин не пожелал окрашиваться в желтый цвет, а предпочел «сломаться, но не согнуться», оставшись «белым хрупким жасмином» [6].

Появление экзотических мотивов в рассказе И. Одоевцевой обусловлено романтическим восприятием мира героев произведения, стремлением показать противостояние мира обыденности и мира идеального, необычного, трансцендентного. И. Одоевцева показала, насколько несовместимы эти миры. Основная трагедия заключается в том, что главная героиня рассказа Мика так и не сможет воплотить мир мечты в мире реальном. Она продолжает свой путь совместно с сестрой, мыслящей только практическими категориями, но не оставляя надежду когда-нибудь отыскать Жасминовый остров.

В произведении мотив двоемирия воплощен в образах двух сестер: старшей - Аси, и младшей - Мики. Автор использует антитезу для того, чтобы показать контраст в мировосприятии двух сестер. Здесь неслучайно И. Одоевцева дает старшей сестре имя Ася. В этом, представляется, содержится аллюзия на тургеневскую героиню. Ася у русского писателя показана как скромная девушка, мечтающая о настоящей любви. Ее образ ассоциируется с молодостью, непосредственностью, красотой, ее влекут высокие порывы и стремления. Но И. Одоевцева показывает разрушение этого образа в своей героине, которая также мечтает о любви, но уже более осознанно и прозаично, желает удачно выйти замуж. Она живет вдали от родины и охвачена грезами об идеальном благополучном будущем – путь, к которому ей видится через удачное замужество. Ася И. Одоевцевой, как и тургеневская героиня, страдает от несчастной любви, но она не собирает-

ся хранить верность своей мечте всю жизнь, она всем сердцем желает материального достатка, обеспеченной, счастливой жизни за границей. Ей противопоставлен образ младшей сестры – четырнадцатилетней Мики. И. Одоевцева наделяет свою маленькую героиню мечтами об идеальной жизни и желанием попасть на таинственный остров, где можно будет спрятаться от мрачной действительности, вдыхать запах цветка, слышать прилив моря, наслаждаться каждым моментом жизни: «Мика долго смотрела, пока птицы не начинали махать крыльями, воздух — пахнуть жасмином, а море — громко шуметь. Тогда глаза сами зажмурились и сердце точно останавливалось...» [1, URL]. Романтики, как известно, придавали детской фантазии большое значение, она тесно связана в поэтике произведений с мотивами сказки, игры, попытками ребенка вступить в диалог со взрослым миром. Все эти элементы присутствуют в рассказе И. Одоевцевой. Мика находится в пограничном возрасте: между детством и юностью. Ее прощание с идеальным миром детства тесно связано с крушением надежды своей сестры, которая больше не может материально обеспечивать свою младшую сестру. Мика вынуждена раньше срока покинуть свой Жасминовый остров детства и перейти в жестокий мир взрослых с его обманами и постоянной думой о хлебе насущном.

Признаки двоемирия прослеживаются и в поэтике произведения. Так, мир Мики, мир тонкий и таинственный, отчетливо виден в описании пейзажа: «какое яркое солнце, какое синее небо», «кирпично-красные скалы и повсюду крошечные оливы с пыльной листвой». Цветовая палитра произведения представлена преимущественно синими и белыми оттенками, что тоже символизирует стремление к чистоте, свету и мечте: «Только синее небо над синим морем. В синем небе белые чайки, а в синем море красные скалы и белый остров». В произведении используются только основные цвета, нет полутонов, доминирует среди них всё же голубой, который является символом романтического идеала, тоски по нему, воплощением поэтической мечты и романтической любви, при которой любящие изначально предназначены друг для друга.

В мечте Мики о Жасминовом острове также угадываются антиутопические мотивы. Как уже говорилось выше, образ острова тесно связан с образом родины. Мика мечтает попасть на Жасминовый остров так же, как Одоевцева мечтает вернуться в Россию, в ту Россию, которая была бы оплотом духовности, добра и света. Сам остров – символ идеального государства, в котором нет места жестокости, обману и цинизму, где все люди живут в счастье, согласии и любви. Но по правилам антиутопии, этот идеальный мир должен разрушиться, что и происходит в рассказе Одоевцевой. Маленькая Мика понимает, что Жасминового острова не существует, тогда, когда осознает себя взрослой.

Таким образом, в рассказе Одоевцевой тоска по родине выражена в обращении к романтическому двоемирию, контрастному изображению образов главных героинь, в оригинальной поэтике произведения, в наличии в нем антиутопических мотивов.

Литература

1. Зеркало. Избранная проза. Ирина Одоевцева. URL: <http://profilib.com/chtenie/120073/irina-odoevtseva-zerkalo-izbrannaya-proza-3.php>.
2. Кедров К.А. Возвращение Ирины Одоевцевой. URL: <https://www.litmir.co/br/?b=58095&p=2>.
3. Демидова О.Р. Метаморфозы в изгнании: Литературный быт русского зарубежья / О.Р. Демидова. – СПб.: Гиперион, 2003. – С. 21-22.
4. Маймин Е.О русском романтизме / Е.О. Маймин. – М.: Просвещение, 1975. – 239 с.
5. Гуревич А.М. Романтизм в русской литературе / А.М. Гуревич. – М.: Просвещение, 1980. – 271 с.

6. Мартыанова Л.М. Легенды и мифы о растениях. Легенды Древнего Востока, языческие мифы, античные предания, библейские истории / Л.М. Мартыанова. – М.: Центрполиграф, 2014. – 511 с.

7. Одоевцева И.В. Как неподвижна в зеркале луна.... URL: <http://scanpoetry.ru/poetry/2977>.

*Ю.А. Рощупкина, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина(Елец)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. О.А. Мещеракова*

ЭМОТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РАССКАЗА И.А. БУНИНА «ЕРМИЛ»

Каждое литературное произведение в первую очередь соотносится с миром эмоций и чувств человека. «Лингвисты доказали, что все высказывания окрашиваются эмоциями, что все лексиконы языков содержат специальные эмотивы и что вся остальная лексика потенциально тоже эмотивна» [3, URL]. Под эмотивным содержанием текста Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казарин понимают «диктально-эмотивные смыслы (уровень персонажей) и модально-эмотивные (уровень авторского сознания)», гармонически переплетенные в целостном тексте [1, с. 122]. Но поскольку автор создает произведение ради того, чтобы воплотить свой творческий замысел, передать знания и представления о человеке и мире и сделать их достоянием других людей, то целесообразно будет учитывать и эмотивное пространство читателя. Поэтому под эмотивным пространством текста мы будем понимать совокупность всех эмотивных смыслов, заключенных в тексте как продукте текстовой деятельности автора, персонажей, читателя.

В настоящей работе предметом нашего исследования является эмотивное пространство рассказа И.А. Бунина «Ермил» [2, URL]. Произведение затрагивает проблему отношений между людьми и показательно отражает совмещение различных чувств в эмоциональной сфере человека.

Уже в самом начале рассказа мы обнаруживаем один из ключевых эмотивных смыслов – стремление к уединению, характеризующее психологию главного героя. Перед нами предстает образ *малорослого, коротконогого, морицинистого мужчишки* Ермила, решившего провести зиму в лесу. Он выбирает лесное жительство, потому что для всех он чужак, *некто Ермил*. Рассказчик противопоставляет его *нашим местам, нашему лесу*, что позволяет говорить о чувстве неприязни к этому непонятному для всех человеку. Ермил не такой как все, он отвержен окружающим его обществом. Эмотивный смысл «отверженности» вынесен в сильную начальную позицию рассказа, что концентрирует на нем внимание, ориентирует на последующее восприятие эмотивного содержания определенной тональности, в том числе через пейзаж.

«Очень часто пейзаж выступает как средство эмоционального заражения читателя определенной эмоцией» [1, с. 154]. В анализируемом рассказе И.А. Буниным активно используется данный прием. Перед читателем возникает образ жуткого осеннего леса: *ночи черные, непроглядные*, дожди льют без перерыва, *а вокруг ни души, в полях только ветер, черные пашины, пустые дороги, да непробудным сном умершие деревни*. Мрачные картины природы наводят на читателя ощущение тоски и бесприютности, страха и одиночества. До чего же надо не любить человеческое общество, чтобы добровольно переселиться в это угрюмое место! Именно так и поступает Ермил, который *никогда не видел добра ни от начальника, ни от ближнего, и давно мечтал быть от людей подалше*.

Биография этого «маленького» человека, испытывающего лишь боль и унижение, будит в читательских сердцах жалость, сострадание к его нелегкой судьбе. Удастся ли ему стать счастливым, обретя утешение в безлюдном пространстве? Увы, и в новом своем пристанище герой не находит покоя. Чувствуя себя словно *в безграничном море тьмы*, он пребывает в постоянной тревоге.

Но не только окружающая природа тяготит его. На своем веку Ермил хлебнул столько горя, что *в каждом теперь видел для себя лиходея*. Люди сживали его с работы, пытались переломать ноги, удушить и даже сварить в кипятке, но все выносил герой, постепенно накапливая в себе неприязнь ко всему человеческому роду. Море людской злобы пробудило в нем желание доказать, *что далеко не так он прост, как о нем думают*. Нескончаемое унижение, чувство обиды и страха притупили в Ермиле здравый рассудок. Очень показательным в этом отношении является эпизод, когда в лесу герой наткнулся на повешенную собаку. Увиденное поразило его воображение и породило новое чувство – боязни за свою жизнь. Писатель передает эмоциональное состояние Ермила внутренним монологом: *А что, если и его вот так-то удавят? Лес, глушь кругом, он один, как перст, на всем свете, жизнь его никому не дорога, о смерти его и узнать-то могут только через месяц и, узнав, не больно-то встревожатся<...>*. Страх овладевает душой и сердцем главного персонажа, порождает в нем сложное мучительное состояние, которое можно обозначить эмотивом «страдание». Именно невыносимое страдание, сопряженное в тексте с эмотивными смыслами «обида», «унижение» «одиночество», «страх», впоследствии толкает героя на отчаянный поступок. Конфликт между добром (терпением, способностью к любви и прощению) и злом (самоуверенностью, жестокостью) решается явно не в пользу добра и терпения. Поначалу желая лишь обезопасить себя от неведомого врага, в конечном итоге Ермил идет на сознательное преступление.

Автор изображает череду эмоциональных переживаний героя. Леденящий страх и ужас Ермила пред неведомым врагом постепенно тают: *Теперь, после целых двух недель размышления об одном и том же и подсчета всего того, чем весь век радовали его люди, он совсем, казалось, освободился от страха*. И.А. Бунин подчеркивает, какую роль в смене эмоций играет человеческий разум – именно он толкает к преступлению. На это указывают слова *размышление, подсчет*. Эпитетом к слову *злоба*, обозначающему новое чувство Ермила, автор намеренно выбирает прилагательное *расчетливая*.

Планируя сознательное убийство односельчанина, герой испытывает тревогу: *Руки тряслись, заряд казался то мал, то велик*. Когда же фигура гостя уже хотела было прильнуть к окошечку, все чувства были заглушены звуком выстрела: *Ермил оглушительно, как из пушки, выстрелил*.

В зале суда в душе Ермила нет раскаяния от содеянного. Чтобы показать это, Бунин прибегает к приему противопоставления внутреннего чувства (*<...> нравилось, что собралось столько народу для него*) и высказанных вслух слов (*Он говорил: - Мой великий грех, господа-начальники, судьи милостивые<...>*). Произошло то, чего этот мужичишка ждал всю свою жизнь – он оказался в центре всеобщего внимания. Завершается рассказ также противопоставлением слов и чувств героя: *Нет, я дюже преступный, — говорил он с удовольствием*. Автор подчеркивает, что мысли о содеянном доставляют Ермилу удовольствие, хотя на словах он раскаялся.

Сложная гамма чувств героя порождает неоднозначное отношение к нему со стороны читателя. У нас одновременно присутствует и жалость, вызванная положением Ермила как всеобщего изгоя, и отвращение, так как перед нами убийца, не испытывающий никакого сожаления по поводу содеянного.

Неоднозначной, на наш взгляд, является и позиция И.А. Бунина, который в данном рассказе пытается исследовать психологию преступности. Что толкнуло Ермила на

убийство? Не будь он обижен, разве пошел бы он на осознанное злодеяние? Насколько сильно человек бывает подвластен своим эмоциям и как сохранить в своем сердце добро, когда весь мир отвернулся от тебя, а окружающие заставляют испытывать лишь страх и унижение? Кто же окажется правым: тот, кто много лет терпел издевательство со стороны ближних (Ермил), или тот, кто случайно подвернулся под руку обезумевшему человеку (Махоря)? Решая все эти вопросы, И.А. Бунин использует такие языковые средства, которые показывают, что он выступает против зла вообще; он не пытается найти виновных, не занимает позицию судьи, он лишь сочувствует всем несчастным. Любовь к человеку – это доминантное для автора чувство пронизывает весь рассказ, заставляя и читателя видеть в преступнике и его жертве в первую очередь несчастных людей.

Подводя итог анализу эмотивного пространства в рассказе И.А. Бунина «Ермил», можно отметить, что текст дает представление о сложных человеческих переживаниях главного героя, толкнувших его на преступление. В рассказе находят отражение такие эмотивы, как уединение, одиночество, обида, страх, злость, радость, сочувствие и др. Ключевым является эмотив «страх», реализующийся на уровне персонажа. На страницах произведения изображаются как близкие по тональности чувства (унижение, страдание), так и полярные (жалость – отвращение). На уровне автора дается интерпретация этих эмоций, формирующая целостное эмотивное пространство читателя.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – М., 2006.
2. Бунин И.А. Ермил. URL: <http://poesias.ru/proza/bunin-ivan/bunin10050.shtml>.
3. Водяха А.А. Эмотивное пространство художественного текста / А.А. Водяха // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ. – 2012. – № 6. – С. 79.

*Д.В. Ушкова, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Б.П. Иванюк*

НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОРИСА СЛУЦКОГО)

Поэтика Бориса Слуцкого отличается полифоничностью. Особенно ярко это свойство проявляется в ранний период творчества, однако и впоследствии не исчезает в полной мере. Зачастую стихотворение имеет диалогическую структуру («После двоеочия», «Доверительный разговор», «Скандал сорок шестого года»). Сама роль поэта может быть воспринята как сохранившийся во времени голос в споре. В стихотворении «Неоконченные споры», давшем название сборнику 1978 года, Слуцкий пишет:

*Не как повод,
не как довод,
тихой нотой в общий хор,
в дрящущийся извечно спор,
я введу свой малый опыт. [1, т. 3, с. 206]*

В связи с этой особенностью авторской поэтики интерес представляет соотношение адресата и адресанта. Адресантом, как правило, выступает лирический герой, а адресат может меняться. При оценке образа адресата следует учитывать, является он

эксплицитным или имплицитным, индивидуальным или коллективным, абстрактным или конкретным.

Образ адресата неоднороден. Исходя из обозначенных критериев, можно выделить несколько типов предполагаемых адресатов, наиболее характерных для поэтики Бориса Слуцкого. Эти типы не исчерпывают всего многообразия образов, однако являются наиболее частотными, типичными, а потому заслуживают особого внимания.

Первый тип – группа людей, обладающая каким-либо объединяющим признаком, относительно определенная. Этот тип наиболее распространен. Он делится на два подтипа по признаку дистанцирования адресанта от адресата. Дистанция может быть значительной, как в стихотворениях «Кельнская яма», «Туристам показывают показательное», «Злые собаки», «Просьбы». Лирический герой находится вне группы. Его взгляд – либо взгляд со стороны, либо открытое противостояние. В стихотворении «Кельнская яма» лирический герой говорит от лица узников («Нас было семьдесят тысяч пленных»), обращаясь к мучителям и к равнодушным свидетелям. Адресат в тексте стихотворения вполне определен и номинирован прямо: «*О бюргеры Кельна, да будет вам срамно!*» [1, т. 1, с. 85]. Обращение к адресату содержит явное обвинение, оппозиция «вы – мы» доведена до предела.

В стихотворении «Просьбы» (посвященном, очевидно, памяти Кульчицкого) представлена риторическая ситуация длящегося спора. Адресат не номинирован, но указаны объединяющие группу признаки: писатели – друзья и близкие знакомые умершего поэта:

Он был из такого теста –

ведь вы его лично знали.

Ведь вы его лично помните.

Вы, кажется, были на «ты». [1, т. 2, с. 104]

Формально лирический герой также должен входить в их число. Однако от адресата его отделяет отношение к памяти. Оно становится границей, разделяющей «я» и «вы». Появляется и третий субъект – умерший поэт. Адресат раздваивается: помимо «я – вы», обусловленного риторической ситуацией, возникает отношение «я – ты», обусловленное памятью лирического героя:

А ты никуда не вышел.

Ты просто пророс травую,

и я, как собака, вою

над бедной твоей головою. [1, т. 2, с. 104]

Второй подтип характеризуется тем, что лирический герой позиционирует себя как часть группы. Он обращается «к своим». Взаимоотношения адресанта и адресата можно охарактеризовать как «я – мы». К этому подтипу относятся такие стихотворения, как «Голос друга», «Сверстникам» и т. д. Лирический герой не сливается с группой (иначе было бы невозможно взаимодействие адресата и адресанта), но чувствует общность с ее представителями. Такая общность становится основой взаимодействия. Она может быть обусловлена принадлежностью к поколению, к народу, событиями, которые пришлось пережить вместе.

Вторая группа – индивидуальный адресат: безымянный («Не покоряйся, товарищ!»), абстрактный, как Родина («Поправляй меня, Родина!»), судьба («Пошуми мне, судьба, расскажи...») и т. п. Отдельную подгруппу составляют стихи, посвященные Михаилу Кульчицкому. Обращение к адресату не всегда выражено в тексте стихотворения. Оно может быть вынесено в заглавие или в посвящение.

Третья группа – обращение к самому себе. Адресат и адресант – одно и то же лицо. Однако о полном совпадении лирического героя и адресата говорить все же не

приходится, поскольку они отделены друг от друга временными рамками или житейскими обстоятельствами. Лирический герой может давать самому себе завет на будущее, как в стихотворениях «Заповедь самому себе», «Пора заканчивать стихи». Может обещать себе что-либо, давать зарок, как в стихотворении «Лакирую действительность».

Адресат стихотворения «Заповедь самому себе» обозначен в заголовке. В самом тексте не содержится каких-либо отсылок к адресату. Содержание напоминает некое правило, требующее безусловного соблюдения. Обращаясь к самому себе, лирический герой дистанцируется от окружающей действительности и от пира победителей.

Стоит отметить, что текст содержит аллюзию на известное высказывание Сталина:

Эта штука сильнее «Фауста»:

не понравиться. Позабавиться

не любовью, а злобой к себе.

Эта штука равна судьбе. [1, т. 3, с. 67]

Таким образом, появляется и образ «победителей». И адресант, и адресат – одно лицо, однако стихотворение содержит в себе конфликт, и участники этого конфликта отмечены в контексте. Точнее, конфликт является двойным: внешний конфликт с «победителями», и внутренний конфликт человека (и адресата, и адресанта), подозревающего себя в возможной слабости.

Самой необычной является группа, в которой лирический герой выступает исключительно в качестве адресата («Про евреев», «Значит, можно гнуть...», «По отчеству, – учил Смирнов Василий...», «Ваша нация»). Адресантом же являются антагонисты лирического героя. Позиция адресанта противоположна позиции лирического героя. Чаще всего антагонист-адресант является аморфным, он представляет скорее безликое большинство. Впрочем, иногда образ антагониста может быть номинирован явно, как в стихотворении «По отчеству, – учил Смирнов Василий...». Однако и здесь выбран типизированный персонаж с шаблонным сочетанием имени и фамилии.

Следует учитывать, что в одном и том же стихотворении возможно сочетание различных типов взаимоотношения адресата с адресантом.

Литература

1. Слущкий Б.А. Собрание сочинений: В 3 тт. / Б.А. Слущкий. – М., 1991.

*Ю.В. Попова, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Л.С. Моисеева*

РОЛЬ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ Е. И. ЗАМЯТИНА «СЕВЕР»

Одна из главных черт художественного мастерства Е.И. Замятина – умение автора привлечь внимание читателя неожиданным сюжетом, интересным стилем, образной метафоричностью и живым, богатым языком, отражающим удивительное сочетание слов и необычный ритм произведения.

Автор нескольких прогремевших повестей «Уездное», «На куличках» (1914), «Алатырь» (1915), дюжины рассказов, Замятин почитался как мэтр [2, с. 11].

Его рассказ «Север» (1916) отражает не только мастерское переплетение чувств главных героев, но и раскрывает особенности народного характера жителей северной части нашей страны.

Исследователи уделяют немало внимания «северным» произведениям Е.И. Замятина, которые насыщены богатством художественно-изобразительных средств. Привлечение в произведение лексико-тематической группы «цвет» помогает создать яркие, выразительные образы северной природы, народа и его быта.

Одним из главных образных инструментов Е. И. Замятина является метафора. Под метафорой понимается троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основании сходства, аналогии [1, с. 224]. Следует отметить, что такие персонажи, как Пелька, старец Иван Романыч и Марей метафоризируются в основном посредством природных образов.

Младень-богатырь Марей сравнивается то с мальчиком, то с величавым медведем «Белоголовый медведь встал на дыбы – и попер с ревом» [2, с. 538], в то время как его спутница Пелька ассоциируется с травинкой, зелёной былкой: «Закинула рыжую голову, прямая, как из земли зеленая былка, и не щербатый пол под ногами – земля и мох, и белые корни – босые ноги – крепко в земле» [2, с. 512]. Интересно представлен образ старца, который, в свою очередь, уподобляется одуванчику: «Капельный, ряска зелененькая, в руках – шапка-мурмолка, на голове пушок белый: дунь – облетит, как одуванчик» [2, с. 510].

В повести представлена группа колоритных персонажей, ярких представителей северной культуры – Корторма, Кортормаха, Матрена. Замятин создает образ этих персонажей через отождествление их с предметами бытового характера. Хозяин лавки Корторма чаще всего метафоризируется при помощи образа самовара: «Корторма в самоваре – как в зеркале: приплюснутый, широкоскулый, медно-добродушный. Самовар в Корторме – как в зеркале: рыластый, веселый, бьет день и ночь белым ключом, попыхивает белым дымком» [2, с. 507]. Его жена Кортормаха – перчатка: «На руке – перчатка. А вот – сняли, и лежит перчатка на конторке, будто и та же, а не та: не живая, вынута нутро. И такая за конторкой Кортормаха: нутро вынута – и запали навсегда щеки, запала грудь» [2, с. 511]. Бабка Матрёна олицетворяет печь: «Матрена-Плясея – широкая, теплая, ласковая – русская печь-мать. Бывало, никому нет отказа: приходи, ложись: угреет» [2, с. 507].

Особую загадочность тексту, усиливая его выразительность придает такой троп, как синекдоха, состоящий в замене названия целого названием какой-либо его части и обратной замене частного на общее. Этот приём прослеживается при описании главных персонажей – Пельки и Корторма.

«Пелька жарит над костром жирного гуся; огонь играет на зеленом, рыжем; губы и руки в крови» [2, с. 525]. «Растопырил руки, скулы широко раздвинулись: сейчас поглотит маленький, **рыже-зеленый мир**» [2, с.532]. Пелька – персонаж, вбирающий в себя черты северного леса: «Перекликается со всякой лесной тварью, покорным стадом бегут за ней зелено-рыжие сестры-сосны» [2, с. 520]. Эти примеры иллюстрируют роль синекдохи, в которую чаще всего включается внешне выделяющаяся деталь. Зелёный и рыжий – цвета, характеризующие Пельку на протяжении всего текста повести.

Под сравнением, как правило, понимают фигуру речи, состоящую в уподоблении одного предмета другому – тому, у которого предполагается наличие сходного признака [1, с. 439]. Автор использует сравнения при описании природы в сопоставлении с образом человека (здесь сравнение граничит с олицетворением). Такой приём используется Замятиным для того, чтобы ещё раз подчеркнуть синтез человеческого и природного начала. Например: «Ночи длинные, как косы у пригожей девки, а дни короткие, как девичий разум» [2, с. 518]. «Раздвинулись, как занавес, зелёные сёстры-сосны: поляна» [2, с. 540]. Идея синтетизма, как обозначал ее сам писатель, или диалогизма, как называли ее исследователи его творчества (например, М.А. Хатямова), становится той философской основой, из которой вырастает вся художественная система его произведений [3, с. 133].

Таким образом, выразительность речи в повести «Север» может создаваться, на лексическом уровне, с помощью лексико-тематической группы «цвет», и с помощью выразительных средств языка (метафора, синекдоха, сравнение и т.д.) – на уровне образов. Роль рассмотренных средств художественной выразительности заключается в раскрытии душевной организации главных героев и их восприятия мира.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1996. – 608 с.
2. Замятин Е.И. Север: собр. соч.: в 5 т. / Е.И. Замятин. – Т. 1. Уездное / Сост., подгот. текста и коммент. ст. С. Никоненко и А. Н. Тюрина. – М.: Русская книга, 2003. – 608 с.
3. Поспелова О.В. Элементы мифологизма в произведениях М. Пришвина и Е. Замятина о Русском Севере / О.В. Поспелова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2016. – № 1 .

*И.И. Величко, студ. филологического ф-та РГУ им. С.А. Есенина
(Рязань)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Т.В. Федосеева

ЦЕННОСТНЫЙ МИР В ПОЭМЕ А.К. ТОЛСТОГО «ИОАНН ДАМАСКИН»

Поэма А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин» (1859) является одним из самых значительных творений поэта. В основу произведения была положена житийная история о драматических поворотах судьбы и о духовном становлении знаменитого христианского гимнографа и богослова VIII века, Иоанна Дамаскина. Опираясь на житийный образ преподобного Иоанна, А.К. Толстой развернул в художественном пространстве поэмы различные аспекты волновавших его проблем. Они представляли как внешние и внутренние коллизии сначала поэта-вельможи, а затем поэта-монаха.

Путь А.К. Толстого, приведший его к написанию этой поэмы, к его духовному становлению начинался ещё с детства, о котором поэт вспоминал с любовью и нежностью. Дядя А.К. Толстого, писатель А.А. Петровский, известный в русской литературе под псевдонимом Антона Погорельского, был очень образованным человеком, честным, ответственным, великодушным и трудолюбивым, что и передалось самому поэту.

А.К. Толстой – поэт с чисто христианским мировоззрением, выраженным им в стихотворениях и поэмах. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) называл писателя «реалистом человеческого духа и вообще человечности», который «видит поэтическим ясновидением религиозную жизнь русского народа и подлинную жизнь своей собственной человеческой души» [1, с. 181].

Поэма «Иоанн Дамаскин» была опубликована в журнале «Русская беседа» в 1859 году. Не все исследователи придерживались мнения, что сюжет поэмы именно житийный. Так, например, О.Ф. Миллер писал, что сюжет взят «из отдалённого прошлого, из мира отшельнических легенд христианского Востока» [4, с.766]. Большинство авторов, таких как Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской), Ю.К. Герасимов, Э. Лаут говорили о житийном источнике поэмы.

Ю.К. Герасимов отмечает, что источником для написания поэмы послужили Четьи-Минеи Дмитрия Ростовского, о чём говорил и сам А.К. Толстой. У поэта не было намерения создать цельный житийный, исторический образ Иоанна Дамаскина, так как

главным предметом его изображения являлась судьба поэта. Реализуя свой замысел, А.К. Толстой «получал возможность выстроить единый сюжет поэмы и сосредоточиться на изображении самого процесса религиозно-художественного творчества, что было для него актуально и вносило в произведение неподдельный лиризм» [2, с.149].

Преподобный Иоанн Дамаскин посвятил свою творческую деятельность церковному домостроению и сочинению духовных песен. Он почитаем церковью как «наставник» православия, ревнитель благочестия. Его свод «Точное изложение православной веры» даже сейчас не утратил своего канонического значения.

А.К. Толстого в личности Иоанна привлёк более всего его дар песнопевца. Творчество Дамаскина религиозно-поэтического характера проникнуто духовной и художественной силой. Это являлось высочайшим примером воцерковленного искусства, свободного от мирской суеты и обращенного к абсолютным ценностям и вечным истинам.

В начале поэмы ее герой предстает в зените своего благополучия и славы. Любимцу калифа, ему доверено управлять Дамаском. Христианский мир почитает его как победителя в споре с иконоборческой ересью. Но сам он тяготится своей суетной жизнью, жаждет обрести покой и предаться творчеству, поэтому он обращается с просьбой к калифу отпустить его, чтобы «дышать и петь на воле».

Поэт выбрал именно тот сюжет, который относился к проблемам творчества и судьбе Иоанна, так как он привлёк его сходными с его жизнью переживаниями. Ведь в жизни самого Толстого была схожая ситуация.

Архиепископ Иоанн Сан-Франциский (Шаховской), соотносил события в поэме и мысли Иоанна с жизнью А.К. Толстого. Судьбы Толстого и Дамаскина очень близки. В поэме Иоанн «любим Калифом», в жизни Толстой «любим Государем»; в поэме герой уходит в иноческую обитель, ради песнопений, в жизни поэт от высоких государственных балов и светских приёмов уходит в тихую частную жизнь, чтобы полностью посвятить себя искусству; в поэме Иоанну старец запрещает петь о Боге, в жизни нападки критиков и литераторов, требующих утилитаризма; в поэме божественное освобождение от запрета, в жизни божественная сила, которая помогает преодолеть все трудности, встающие на пути; в поэме Иоанн в слове выражает свою любовь ко Христу, а в жизни А. Толстой также выражает эту любовь в своей поэме.

Далее по сюжету Иоанн уходит в Великую лавру Саввы Освященного в Иудейской пустыне. Значительная часть поэмы освещает принятие Иоанном решения написать стихотворение, чтобы утешить брата усопшего монаха. Это прямо противоречило наказу его духовного отца (старца), повелевшего ему оставить всё мирское, в том числе написание стихов или песен. Старец разгневан из-за непослушания Иоанна и прогоняет его от себя. В видении старцу является Пресвятая Богородица, увещевает его и призывает снять запрет на песнетворчество Дамаскина.

Конфликт между Иоанном Дамаскиным и его духовным наставником, монахом-аскетом является наиболее значимым в поэме А.К. Толстого. Хотя конфликт этот разрешился мирно, и старец признает свою неправоту, его взгляды и поведение не следует рассматривать как личное заблуждение – это весьма устойчивая традиция в аскетике. В свою очередь, Дамаскин вышел из длительных тяжких испытаний духовно возросшим, талант его окреп.

Иоанн Дамаскин как герой поэмы А.К. Толстого вовсе не чужд духовной аскетике. Он оставил мирские заботы, раздал свои богатства нищим и сменил роскошные палаты на келью чернеца. Выбор им лавры строгого устава говорит о его готовности самоотверженно служить Богу. На новый трудный путь он вступает без сожалений, даже с радостью. Это сразу понял опытный старец, поэтому и согласился быть наставником нового брата, но при условии, что тот отречется от творчества.

В такой неожиданной для Дамаскина ситуации у него не было выбора. Знание монашеское и подвижническое по мудрости и положению выше книжной учености.

Духовное самоотречение старца, ничего, кроме молитвы и поста, не допускает. Для Дамаскина же мир – непрестанная хвала Творцу, природа вызывает в нем любовь и поэтический восторг.

Образ святого Иоанна Дамаскина из Четьих Миней позволил А.К. Толстому создать по житийной канве произведение с актуализированной нравственно-эстетической проблематикой. Историческая реальность личности Дамаскина при тысячелетней отдаленности времени его жизни придавала особую эпическую убедительность герою поэмы, который стал для автора героем лирическим. В финале поэмы звучит ответ на вопрос, какой же поэт действительно «блажен». Автор утверждает правоту жизненных стремлений и святость дела героя поэмы и заключает:

*Блажен, кому ныне, Господь, пред тобой
И мыслить и молвить возможно!
С бестрепетным сердцем и с теплой мольбой
Во имя твое он выходит на бой
Со всем, что неправо и ложно!
(А.К. Толстой)*

Ценности, которые Дамаскин утверждал в поэме, были для А.К. Толстого бесспорными ценностями православной культуры. Автор чувствовал себя «единомышленником» своего героя.

Литература

1. Архиепископ Иоанн Сан-Францисский Избранное / Сост., авт. вступ. Статьи Ю. Линник. – Петрозаводск: «Святой остров» (Фонд культуры Карелии), 1992 г. – 575 с.
2. Герасимов Ю.К. Поэма А.К.Толстого "Иоанн Дамаскин". (К истории восприятия) / Ю.К. Герасимов // Христианство и русская литература: [сб.статей] Сб.2 / РАН. Институт русской литературы; отв. ред. В.А. Котельников. – СПб.: Наука-СПб., 1996 г. – 362 с.
3. Копытцева Н. М. Аксиологический аспект биографии А.К. Толстого / Н.М. Копытцева // Вестник НовГУ. – 2006. – №39. – С. 85 – 88.
4. Миллер О. Ф. Славянство и Европа / Сост., предисл., коммент. Ю. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2012. – 880 с.
5. Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. / вступ. ст. и примеч. И. Ямпольского. – М.: Худож. лит. 1964. Т. 1. – 669 с. Т. 4 – 423 с.

*И.А. Воронкова, студ. филологического ф-та КГУ
(Курск)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. С.К. Константинова

ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ А.Н. БАШЛАЧЕВА «ПЕТЕРБУРГСКАЯ СВАДЬБА»

Александр Николаевич Башлачев – русский поэт, автор песен, представитель советского андеграунда восьмидесятых годов XX века. Он прожил недолго, всего 27 лет, но успел создать много произведений, главной темой которых была, по его собственным словам, русская душа.

Особенность его поэзии – в масштабности текстов, проявляющейся то в народном песенном характере («Егоркина былина», «Ванюша»), то в переходе в фантастические космические сферы («Галактическая комедия», «Спроси, звезда»). Нельзя не отметить связь этой масштабности с внутренним миром человека, с деталями его повседневной жизни. Ярким примером такого совмещения является стихотворение «Петербургская свадьба», посвященное другу – поэту Тимуру Кибирову.

Это произведение – попытка осмыслить историю Петербурга, историю своей страны в тесном переплетении её с судьбой отдельного человека, рядового горожанина, который, участвуя в переломных событиях, перестает быть рядовым и трансформируется в некий символический, метафизический образ, вмещающий в себя бездны времени.

А.Н. Башлачев избирает форму своеобразного путешествия героя по историческим вехам родного города. Он перемещается из одного события в другое, наблюдая за ними с высоты времени и принимая в них непосредственное участие. Стихотворение оставляет в сознании читателя ощущение сопричастности к истории – её величину и трагизму. Поэт чередует события прошлого, вплетая их в ткань настоящего, с помощью точных и оригинальных образов схватывает суть значимых для нашей страны фактов.

Главной аллегорией произведения является свадьба, в виде которой поэту представляется Октябрьская революция 1917 года. В.В. Лосев в статье «О "русскости" в творчестве Александра Башлачева» отмечает, что это – «насильственная "свадьба" большевизма с Россией, <...> Россия-"невеста" – традиционный мотив русской поэзии, как и Россия-"мать"» [3]. Суть Октябрьского переворота передается автором в образе *суровой красной нитки, штопающей бреши гнилого сюртука*. Очевидно, что *гнилой сюртук* – это символ старого времени, империи. *Бреши* – недостатки этого строя, которые штопаются *наспех тугой и суровой красной ниткой*, выступающей символом кровавой и жестокой большевистской власти.

Композицией произведения поэт создает пространственную и временную, а точнее, вневременную перспективу, подчеркивая вовлеченность человека в историю своего города, своей страны: завязка – это начало свадьбы, ассоциирующееся с революцией 1917 года; кульминация – это полет над Петербургом; развязка – осознание связи индивидуального и глобального, приземленного и возвышенного: *«Мой бедный друг, из глупины твоей души / Стучит копытом сердце Петербурга»*.

Помимо города и друга, в тексте стихотворения упоминаются различные исторические деятели. Некоторые из них представлены в иносказательной форме. Так, подчеркивается переосмысление творчества и личности А.С. Пушкина в контексте советского времени: «...образ-символ *царь-Пушкин в новой раме* наталкивает на мысль о тотальной инверсии, которой подвергся образ поэта под прессом советской идеологии: поэт, который никогда не стремился стать политическим деятелем, не жаждал власти, иронически нарекается в тексте композиции "царем" отнюдь не в плане свободы творческого самовыражения» [2].

Кроме того, в тексте стихотворения говорится о свадебных гостях, в которых мы узнаем грязных и пьяных красногвардейцев, что заставляет вспомнить, с одной стороны, «Окаянные дни» И.А. Бунина, считавшего, что в 1917 году в России «вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарилось какое-то недоуменное существование, беспричинная праздность и противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество» [1], а с другой – поэму «Двенадцать» А.А. Блока, сочетающую описание праздника и смерти: *«Там шла борьба за смерть. Они дрались за место / И право наблещать за свадебным столом. / Спеша стать сразу всем, насилуя невесту, / Стреляли наугад и лезли напролом»*. В образной системе стихотворения можно также отметить

собирабельный образ тех, кого уже нет – жертв своего времени: «*За тех, кто не успел, проститься уходя*».

О себе лирический герой не говорит, первое лицо представлено множественным числом («мы»), благодаря чему создается впечатление, что чувства друга не являются субъективными, что такое болезненное осознание истории свойственно людям близкого ему окружения.

Стоит отметить конфликт исторической реальности и справедливости. В стихотворении констатируется факт произошедшего и невозможность что-либо изменить: «*Вот так скрутило нас и крепко завязало / Красивый алый бант окровленным бинтом*». Герой может только испытывать боль от трагедий прошлых поколений и сочувствовать своему народу: «*Летим сквозь времена, которые согнули Страну в бараний рог и пили из него. Все пили за него – и мы с тобой хлебнули За совесть и за страх. За всех за тех, кого Слизнула языком шершавая блокада*».

Анализ лексических особенностей помогает более глубокому осознанию смысла произведения. Слово *красный* имеет в тексте синонимы *окровленный*, *алый*. С ними же соотносятся слова *рана* и *кровь*. Эти лексемы указывают на страдания, причиненные людям во времена свершения исторических переворотов. Дважды встречается упоминание черного цвета: *два черных фонаря*, *черный самогон*. Этот цвет дополняет картину, создавая ощущение темноты, беспросветности прошлого. *Два черных фонаря* под глазами, ослепившие героя, как бы дают начало развитию образа темной и страшной громады, проливающей реки крови, с одной стороны, и реки дождя – *черного самогона* – для мнимого утешения, с другой. Этот *черный и густой осенний самогон* больше напоминает деготь, чем дождь, он не очищает людей и не смывает с них грязь. Он является обманкой, насмешкой жестокой истории. Образ грозы намекает на сверхъестественную способность истории метать молнии, выражая гнев. Упоминание салюта указывает на связь этой грозной силы с советской властью. Нам представляется возможной также связь прямого значения слова *салют* с названием советской космической программы. Пилотируемые орбитальные станции «Салют» запускались в СССР с 1971 года, таким образом, строка «*Гроза, салют и мы! – и мы летим над Петербургом*» может вызвать ассоциации с приближением к космической станции. Создается впечатление, что вездесущность советских реалий не может оставить человека даже во время его глубоко личных переживаний.

В последнем четверостишии появляется странный образ – *подобие звезды по образу окурка*. Этот бытовой образ меняет тональность стихотворения. Тучи будто бы рассеиваются, на задний план отходят взрывы салюта, устрашающее величие грозы. Контрастируя с былым хаосом, новый образ задает ориентир, опору, позволяет родиться надежде на то, что звезда станет путеводной.

Стихотворение богато выразительными средствами. Среди тропов выделяются метафоры: *решетку снов*, *купол лба*, *розги дождя*. Эти средства помогают поэту показать связь деталей пейзажа, архитектуры города с человеком и его чувствами (*страшные сны*; *розги*, напоминающие о боли). Важное место в изображении истории города играют символы (*звенели бубенцы*, *тугая красная нитка*, *бреши гнилого сюртука*, *свадьба*) и аллегория (*кони тачанку понесли навстречу целине*). В тексте также можно выделить группу олицетворений: *купол лба трещит*, *дворцы простерли плечи*, *слизнула языком блокада*. Благодаря им оживает город и сама история. Ироническое отношение автора к фальшивой революционной патетике находит отражение в оксюмороне (*союз гвоздики и итыка*) и перифразе (*усатое «ура» чужой, недоброй воли*), намекающем на Сталина, а также каламбуре *купол лба трещит от гробовой тоски*. С помощью этих тропов поэт передает ощущение абсурдности и трагизма происходящего.

В заключение отметим, что стихотворение «Петербургская свадьба» вписывается в контекст литературы о Петербурге и революции, и, несмотря на то, что пока оно не слишком известно, выразим надежду, что со временем оно будет признано важной частью русской литературы, посвященной художественному осмыслению трагических событий нашей истории.

Литература

1. Бунин И.А. Окаянные дни. – URL: http://az.lib.ru/b/bunin_i_a/text_2262.shtml
2. Логачева Т.Е. Рок-поэзия А. Башлачева и Ю. Шевчука – новая глава Петербургского текста русской литературы. Рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. / Т.Е. Логачева. – Тверь. – Вып. 1. 1998. URL: <http://japson.ru/gold/books-r/poeza.htm>
3. Лосев В.В. О «русскости» в творчестве Александра Башлачева / В.В. Лосев // Русская литература XX века: образ, язык, мысль: Межвуз. сб. науч. трудов. – М.: МПУ, 1995. – С. 103–110. URL: <http://bashlachev.spb.ru/archive/pubs/poetics/Losev.pdf>

*Д.О. Ушакова, студ. филологического ф-та РГУ имени С.А. Есенина
(Рязань)*

Науч. рук. – д-р филол. н., проф. Т.В. Федосеева

О ЗАВЕРШЕННОСТИ ПОВЕСТИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ШТОСС»

Традиционно повесть М.Ю. Лермонтова «Штосс» считается незаконченной, и именно так она характеризуется почти во всех собраниях сочинений поэта, что вполне соответствует творческой истории произведения: в сохранившихся черновых набросках автором было намечено ее продолжение. На основании черновики сложилось устойчивое мнение о вероятном сюжетном завершении повести, которая должна была закончиться гибелью главного героя – Лугина. Однако черновики Лермонтова не содержат разъяснения сюжетной развязки и ясно читаемых указаний на гибель героя, из чего следует, что вопрос о незаконченности / незавершенности и законченности / завершенности произведения остается дискуссионным и требует обсуждения с применением нарративной методики.

В статье «Дефиниция понятий незаконченного и незавершенного произведения» Е.В. Абрамовских называет незавершенными «и случайно незаконченные произведения, и имеющие внутреннюю авторскую установку на незаконченность» [2, с. 69]. В такой постановке вопроса исследовательница отталкивается от суждений М.М. Бахтина о разграничении архитектурных (содержания эстетической деятельности) и композиционных (материал «внешнего произведения») форм [2, с. 76].

Исследовательница, опираясь на концепцию М.М. Бахтина, формулирует современное понятие о *незаконченности* как композиционной открытости текста (случайной или осознанной). При этом в основе *завершенности* лежит реакция автора на целое героя и объясняется смысловой границей между героем и его миром, с одной стороны, и действительностью автора и читателя, с другой.

Именно в плане разграниченности мира произведения и процесса рассказывания истории (нарратива) рассматривают лермонтовское произведение В.Э. Вацуру и С.Н. Зотов. Вацуру замечает, что повествование М.Ю. Лермонтова в повести «Штосс» построено на основе «двойной мотивировки», «где естественный и сверхъестественный ряд объяснений как бы уравнивались в правах и читателю подсказывался выбор – обычно в пользу второго» [3, с. 237]. Мир произведения (его архитектурное единство), та-

ким образом, определяется взаимодействием реального и ирреального планов повествования. Зотов эту двойственность переводит на уровень «игры» автора с читателем – основные события повести разворачиваются в ирреальном пространстве, а именно, по утверждению Зотова, в «ирреальном пространстве сна, в спящем сознании Лугина» [5, с. 17]. Фантастику «Штосса» исследователь рассматривает в психофизиологическом аспекте (легкое помешательство героя, галлюцинации). При таком понимании произведения образ Лугина приобретает художественную целостность и жизненную достоверность.

В.Э. Вацуру, О.Б. Заславский, Р.Б. Митчина сходятся во мнении, что как устный рассказ повесть мыслилась законченной, ибо самая ее незаконченность оказалась сознательным художественным приемом. По воспоминаниям Е.П. Ростопчиной, автор повести осуществил мистификацию, заявив о написанном им романе, чтение которого, однако, ограничилось пятнадцатью минутами вместо заявленных четырех часов [1, с. 285]. Заславский, в связи с этим эпизодом, утверждает, что Лермонтов намеренно театрализовал свое прочтение «Штосса», имитируя исчезновение текста. Исследователь подчеркивает, что в действительности же произведение является законченным и сам обрыв семантизирован, в силу мотива исчезнувшего текста, на «неизвестность, оставшуюся за его рамками» [4, с. 57]. Благодаря тому что сам обрыв тематизирован, произведение в целом оказывается законченным, архитектурно (содержательно) завершенным.

Определяющее содержание произведения художественное пространство «Штосса» часто рассматривается в традиции фантастического повествования. Реальный и ирреальный планы повествования не столько сосуществуют, сколько перемежаются в произведении: «... автор все время меняет “ракурс” изображения. Повествование ведется то от лица автора, то преломляется через призму восприятия героя» [7, с. 113]. Элементы фантастики автор использует прежде всего для выражения внутреннего мира героя. В этом плане характерно описание душевного состояния Лугина в момент явления призрака девушки. От лица автора читаем: «... в эту минуту он почувствовал возле себя чье-то ароматическое дыхание, и слабый шорох, и вздох невольный, и легкое огненное прикосновение», – и сразу же узнаем ощущения самого героя: «... странный, сладкий и вместе болезненный трепет пробежал по его жилам» [1, с. 348].

Страдающий от ипохондрии Лугин убежден, что степень его внешней неприглядности исключает возможность искренней любви к нему женщины. Автор же подчеркивает, что подобное расположение души «извиняет достаточно фантастическую любовь к воздушному идеалу» [1, с. 345]. Будучи художником, герой склонен проецировать свое душевное состояние на восприятие внешнего мира. Он не удовлетворен собственными жизненными впечатлениями и устремлен к неуловимому, таинственному идеалу. Этим и объясняется его стремление к ирреальному, результатом которого становится фантастическое пространство. Выйти из этого пространства герой не может и не хочет: на кон в его игре с призраком таинственного старика ставится чудесное явление красавицы, «минутного взгляда» которой «было бы довольно, чтоб заставить его продать душу» [1, с. 348]. Природа видения детально анализируется повествователем. Образ девушки-призрака парадоксален. Он не имеет физического выражения – «то были краски и свет вместо форм и тела» [1, с. 349] – и при этом наделен огромной силой чувств. Стремление к жизни, «страсть бурная и жадная, желание, грусть, любовь, страх, надежда» [1, с. 349] служит тому, что в сознании героя и читателя призрак становится воплощением некоего отвлеченного, недостижимый идеала, «божественным видением».

Герой повести «Штосс» художник Лугин, болезненно сосредоточенный на идеальном видении, оказывается в тупике. Он слишком опрометчиво доверился «безликому» голосу, который сообщил таинственный адрес. В стремлении достигнуть идеала он стремится вперед, но его движение к идеалу ложно – он «всякую ночь проигрывал»,

«похудел и пожелтел ужасно»: «выиграть» счастье, достичь идеала оказывается невозможным. И.П. Щерблыкин считает, что, по замыслу автора, «личную неудачу Лугина легко перевести в план всеобщего: идеалы у многих поколений хороши и даже блистательны. А вот движение к ним оказывается часто ошибочным» [8, URL].

М.Ю. Лермонтов показывает естественное для художнической природы увлечение идеалом. Однако перенесение этого увлечения в мир реальных человеческих отношений чревато катастрофой. Содержание повести «Штосс» носит вполне определенный характер в вышедшем из-под пера поэта фрагменте текста – стремление Лугина к бесплотному идеалу не может привести к счастливому единению с прекрасным призраком.

В неоконченной повести «Штосс» событие рассказывания можно считать состоявшимся. Автор намеренно подчеркивает, что герой близок к разорению и что он на что-то «решился». В чем заключалось это решение, М.Ю. Лермонтов намеренно скрывает. Для читателя эта тайна оказывается такой же недостижимой, как для Лугина «божественное виденье», ставшее причиной фатальной игры с призраком старика. В этой явной недостижимости идеала мы видим содержательную завершенность повести, на основании чего и относим ее к категории «псевдооборванных текстов».

Литература

1. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 тт. / М.Ю. Лермонтов. – М.: Худож. лит., 1976. – Т. 4. – 542 с.
2. Абрамовских Е.В. Дефиниция понятий незаконченного и незавершенного произведения / Е.В. Абрамовских // Новый филологический вестник. – М.: ООО Издательство Ипполитова, 2007. – № 2. – Т. 5. – С. 66–77.
3. Вацуро В.Э. Последняя повесть Лермонтова / В.Э. Вацуро // М.Ю. Лермонтов. Исследования и материалы. – Ленинград: Наука, 1979. – С. 144–173.
4. Заславский О.Б. Закончен ли «Штос»? / О.Б. Заславский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2012. – № 4. – Т. 71. – С. 52–59.
5. Зотов С.Н. Игровое начало и особенности самоопределения героя в повести М.Ю. Лермонтова <Штосс> / С.Н. Зотов, А.А. Ефимов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону: ООО Диапазон, 2008. – С. 15–30.
6. Митчина Р.Б. Концепция художественного пространства и его композиционные функции в повести М.Ю. Лермонтова «Штосс» / Р.Б. Митчина // Культура и текст. – 1997, № 2. – С. 8–11.
7. Уразаева Т.Т. Проза М.Ю. Лермонтова. Проблематика и поэтика: учеб. пособие / Т.Т. Уразаева. – Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2007. – 143 с.
8. Щерблыкин И.П. К трактовке аллегорий символично-философской повести Лермонтова «Штос» / И.П. Щерблыкин // Москва: Портал «О литературе», LITERARY.RU. URL:
<http://www.literary.ru/literary.ru/readme.php?subaction=showfull&id=1203425143&archive=1203491298>

СЕКЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

*К.Ю. Горячева, студ. ф-та филологии и журналистики ТГУ
(Тамбов)*

Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.И. Платицына

ПРИНЦИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРА ПЕТЕРА ДЕБАУЕРА В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ»¹

При создании героя писатель наделяет его определёнными отличительными чертами и особенностями, совокупность которых мы называем характером. Понятие характера возникло ещё в Древней Греции. Аристотель в трактате «Поэтика» (335 г. до н.э.) указывает, что «действие производится действующими лицами, которым необходимо быть какими-нибудь по характеру и образу мыслей» [1, с. 15].

Согласно «Литературной энциклопедии терминов и понятий», изданной под редакцией А.Н. Николюкина, характер в литературе и искусстве – это «определённость образа: социальная, национальная, бытовая, психологическая. Характер – прежде всего индивидуальное» [4, стб. 1165]. Более развёрнутое определение находим в «Литературном энциклопедическом словаре» под редакцией В.М. Кожевникова и П.А. Николаева: «Характер художественный (от греч. Character – отпечаток, признак, отличительная черта) – образ человека в литературном произведении, очерченный с известной полнотой и индивидуальной определённой, через который раскрывается как исторически обусловленный тип поведения, так и присущая автору нравственно-эстетическая концепция человеческого существования. Художественный характер являет собой органическое единство общего, повторяющегося и индивидуального, неповторимого; объективного (социально-психологическая реальность человеческой жизни, послужившая прообразом для литературного характера) и субъективного (осмысление и оценка прообраза автором)» [3, с. 481].

Представление о характере литературного героя формируется посредством изображения в произведении его внутренних и внешних состояний (мыслей, переживаний, поступков, поведения, внешности), с учётом тех или иных (авторских, речевых и др.) характеристик, через сюжетные линии и место, занимаемое в них персонажем. Хорошо известно, что раскрытие характера центральных героев осуществляется и при помощи второстепенных персонажей, во взаимодействии с которыми обнаруживаются те или иные особенности главных.

Через характер литературного героя автор, как правило, передаёт свою гражданскую позицию, свой взгляд на мир и человека, своё понимание нравственности, морали. М.М. Бахтин в работе «Эстетика словесного творчества» (1986) указывает на доминирование автора в художественном произведении. По мнению литературоведа, автор «интонирует каждую подробность своего героя, каждую черту его, каждое событие его жизни, каждый его поступок мысли, чувства» [2, с. 9]. Часто при создании персонажа писатель наделяет его противоречивыми свойствами, что делает характер неповторимым и универсальным, а также наиболее интересным для литературоведческого анализа.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив» (Фонд М. Прохорова)

В литературных характерах наряду с индивидуальными чертами воплощаются и общие, то есть присущие многим.

Цель доклада заключается в рассмотрении принципов изображения характера Петера Дебауера – главного героя романа Бернхарда Шлинка (Bernhard Schlink, р. 1944 г.) «Возвращение» (нем. «Die Heimkehr», 2006 г.). Шлинк принадлежит к первому послевоенному поколению, ориентированному на осознание национальной вины, на преодоление исторического прошлого. К этому же поколению относится и Петер Дебауер.

Повествование в романе ведётся от первого лица, поэтому основными принципами формирования характера героя являются речевая характеристика и самохарактеристика. Первая часть романа посвящена прошлому Петера, его детству, которое во многом повлияло на его мировоззрение и образ жизни. Перед читателями предстаёт впечатлительный, мечтательный ребёнок. Но вместе с тем уже с малых лет мальчик ощущает свою самостоятельность и независимость: *«Мне нравилось, что я такой самостоятельный. У меня был свой билет, свой документ, было что поест и что почитать в дороге, я был сам по себе, и никто мне был не указ»* [5, с. 5]. Причиной раннего взросления Петера послужило отсутствие отца и почти полное отсутствие матери.

На личность главного героя повлияло и привлечение его к физическому труду: прополка сорняков, поливка огорода, сбор урожая, укладка компоста, стрижка изгородей – вся эта работа повторялась мальчиком ежедневно. Во время обучения в школе Петеру приходилось подрабатывать, чтобы иметь свободные деньги. Но, несмотря на трудности, возникающие на пути Петера, в его воспоминаниях детские годы остались тем временем, когда он дышал полной грудью. Для главного героя детство – время размеренной жизни, в которой мало что подвергалось изменениям.

Стремление к постоянству, нежелание что-либо менять перешло из детства и во взрослую жизнь Петера: *«Я не боялся, что мой самолёт разобьётся, а поезд сойдёт с рельсов. Я испугался чужбины, которая вдруг представилась мне чем-то устрашающим и ужасным, испугался утраты всего привычного и знакомого, всего, что вдруг стало мне казаться единственно для меня подходящим, отвечающим моей сущности и благополучным ко мне»*, – говорит Петер [5, с. 47]. Находясь в поиске себя, своего отца, правды и справедливости, он стремится избежать внезапных обстоятельств, нарушающих привычное существование.

Страницы «Романа для удовольствия и приятного развлечения», случайно обнаруженные в доме бабушки и деда, заставляют Петера забыть повседневные дела и погрузиться в распутывание загадочной истории прошлого. Путь обретения истины оказывается сложным и продолжительным – около тридцати лет смыслом жизни Петера является осознание минувшего: *«Я это выясню. Я всё выясню»* [5, с. 61].

Внутренние монологи, организующее повествование, становятся ещё одним средством создания характера героя. *«Мои мысли никак не складывались в систему»*, – признаётся Петер [5, с.45]. Не складывается в систему и сама жизнь Дебауера, деструктивное начало которой связано с памятью об отце, с военным прошлым Германии, с проблемой вины и ответственности за преступления национал-социализма. Герой склонен к мучительной рефлексии, душевным терзаниям, обстоятельным размышлениям.

Характер Дебауера раскрывается при взаимодействии с другими героями. Его отношения с возлюбленной Барбарой свидетельствуют о присущих Петеру робости, страхе быть отвергнутым, одиночестве. Барбара отмечает его нерешительность и некоторую детскость в поведении: *«Он боролся за меня, а ты только надувал губы от обиды. <...> Ты посчитал себя жертвой, несчастным мужчиной, с которым коварная женщина сыграла злую шутку?»* [5, с. 199]. Сам герой этого не отрицает, а полностью соглашается

с Барбарой, признаёт свою вину перед ней и пытается исправиться. Женщина помогла ему поверить в себя, в свою значимость, помогла понять, какой жизни он желает.

Сложные отношения складываются у Петера с матерью. В детстве он не был избалован её вниманием, но это оправдывается тем, что она хотела воспитать сильного, независимого и справедливого человека, настоящего мужчину, а сделать это без отца было чрезвычайно сложно. Взаимоотношения матери и сына больше похожи на взаимоотношения приятелей. В них нет той теплоты и открытости, которые присущи семье. Повзрослев, Петер стал искать в жизни то, чего был лишён, будучи ребёнком.

Ещё одним персонажем, связь с которым отражает некоторые особенности характера главного героя, является Макс, сын бывшей подруги Дебауера. Судьбы Петера и Макса тесно переплетаются между собой. Ребёнок также растёт без отца и довольно редко видит свою мать. Несколько недель, проведённых наедине с мальчиком, меняют Петера. С каждым днём он всё сильнее начинает ощущать свою ответственность за судьбу Макса. Он не знает, что значит быть отцом, но пробует дать доверенному ему ребёнку то, чего не хватало ему: *«Я всегда думал, что хорошо, наверное, быть отцом и объяснять сыну, как устроен мир, - возможно, мне в детстве не хватало этих рассказов, ведь у меня не было отца»* [5, с. 132].

В финале романа поиски Петера Дебауера завершаются. Он выбирает семью, тихую спокойную жизнь, к которой, по-видимому, всегда стремился.

Таким образом, основными принципами изображения характера Петера Дебауера являются различного рода характеристики, внутренние монологи, поведенческие особенности, проявляющиеся во взаимодействии с другими героями. Указанные принципы определяют сюжет произведения и его развитие.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель / [пер. с др.-греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой]. - СПб., 2016. - 320 с.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. - М., 1986. - 445 с.
3. Литературный энциклопедический словарь / [под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева]. - М., 1987. - 753 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А.Н. Николюкина]. - М., 2001. - 1600 стб.
5. Шлинк Б. Возвращение / Б. Шлинк. - СПб., 2010. - 320 с.

*Л.А. Ананьева, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. О.А. Дронова*

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В РОМАНЕ ФРАНЦА КАФКИ «АМЕРИКА»

«Америка» («Amerika», 1912) – первый роман австрийского писателя Франца Кафки (1883-1924). В нем повествуется о шестнадцатилетнем мальчике – Карле Росмане, которого без денег, с одним лишь чемоданом в руках, родители отправили в Соединенные Штаты. Название романа выдвигает на первый план пространственный концепт «Америка». Но перед читателем предстает не реальная, а своеобразная «кафкианская» Америка, которая заставляет задуматься о специфике изображения художественного пространства в творчестве писателя в целом.

Пространство представляет собой всеобщую форму существования материи, являясь ее важнейшим атрибутом. В философском энциклопедическом словаре отмечается, «...в мире нет материи, не обладающей пространственно-временными свойствами, как не существует пространства и времени самих по себе, вне материи или независимо от нее» [1, с. 541]. Исследованию проблемы пространства в культуре, языке и художественном тексте посвятили большое количество научных работ такие именитые ученые, как М.М. Бахтин, Г. Башляр, А.Я. Гуревич, В. Топоров, Ю.М. Лотман, Д.С. Лихачев.

Путь героя романа Кафки связан с поиском своего места в открывшемся перед ним пространстве. Важность пространственных концептов в романе Кафки отражается и в том, что названия большинства глав романа связаны с ключевыми пространственными образами. Художественные эксперименты Кафки с пространственными образами широко известны: это и создание эффекта суженного, давящего, замкнутого пространства, и пространства, меняющие свой вид в зависимости от позиции наблюдателя. Изучению пространства в творчестве Кафки посвящали свои исследования В.В. Набоков, В. Беньямин, Т. Адорно, Ж.П. Сартр.

Центральной категорией нашего исследования является концепт. При использовании этого термина для анализа художественного произведения акцент делается на особенностях его образного воплощения, передающего, прежде всего индивидуальное мировидение художника. Художественный концепт формируется в процессе освоения окружающей действительности субъектом (автором). Единицами авторской картины мира являются индивидуально-авторские концепты - «единицы сознания поэта или писателя, которые получают свою репрезентацию в художественном произведении и выражают индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [2, с. 6].

Концепт ДОМ играет важнейшую роль в создании образа Америки, поскольку весь роман построен на взаимодействии художественных пространств, по которым путешествует Карл Росман. В романе «Америка» присутствуют три дома: дом дяди Якоба, загородная вилла Поллундера и квартира Брунельды.

Лексема HAUS происходит от старонемецкого *hūs*, что означает *das Bedeckende, Umhüllende* – покрывающее, укутывающее [3, с. 272]. По результатам анализа толковых словарей немецкого языка можно сделать вывод, что в ядро концепта HAUS входят такие составляющие как «строение», «здание». На периферии лексико-семантического поля находятся следующие составляющие: «семья», «домочадцы», «домашний очаг», «хозяйство».

В качестве способов номинации исследуемого концепта в романе Кафки используются такие лексические единицы как: *das Haus, das Gebäude, das Landgut, das Landhaus, die Festung, die Villa, die Wohnung, die Mietskaserne*. Основная лексема HAUS используется автором в значении *здание*.

Первый дом, в который попадает Карл – особняк его дяди. В качестве способов его вербализации используются лексические единицы *das Haus, das Gebäude*. Стоит отметить, что Кафка использует композит *Eisenhaus* для номинации этого дома. С одной стороны, это подчеркивает его современность, но, в то же время, и вызывает ассоциации с клеткой. Глава «Особняк под Нью-Йорком» посвящена загородной вилле Поллундера. Этот дом также вербализуется с помощью лексических единиц *das Haus, das Landgut, das Landhaus, die Villa, die Festung*. Если с помощью лексем *Landhaus, Landgut, Villa* Кафка уточняет функции дома, то лексема *Festung* характеризует впечатление, которое этот дом производит на героя. Автор подчеркивает негативную оценку дома с помощью прилагательных *unbeleuchtet, fremd*, а прилагательное *alt*, как и лексема *Festung* указывают на его архаичность. В главе «Asyl», посвященной событиям в квартире Брунельды,

в качестве способов номинации концепта HAUS автор использует лексические единицы *das Haus, die Wohnung, die Mietskaserne*.

Все пространства домов, изображенные в романе, обладают неопределенными размерами. О доме дяди Якоба говорится как о шестиэтажном, но Карл не знает, сколько подвальных этажей этот дом насчитывает. Неопределенный размер и у дома Поллундера. Это вызвано недостаточной освещенностью этого дома, которой в романе уделяется особое внимание: *Da nur der untere Teil des Hauses beleuchtet war, konnte man gar nicht bemessen, wie weit es in die Höhe reichte* [4, с. 62]. Карл блуждает по коридорам этого дома и ему представляется, что конфигурация дома постоянно меняется: *.. er gehe immerfort im gleichen Kreisgang in der Runde* [4, с. 79].

Кафка не изображает обстановку дома, а «выхватывает» лишь значимые предметы, например: *ein amerikanischer Schreibtisch bester Sorte* [4, с. 47]. Дом дяди Якоба – это дом очень богатого коммерсанта, который обустроен по последнему слову моды. Архаичность дома Поллундера подчеркнута такими предметами, как кровать с балдахином (*das Baldachin* [4, с. 65]), мраморные перила. В квартире Брунелды пространство лишено освещения, перегружено различными предметами быта, среди которых: *stark gepreßte Kleider, Decken, Vorhänge, Polster und Teppiche* [4, с. 262], *alte Puderquasten, Schminktöpfchen, Haarbürsten, Löckchen, alte Fläschchen mit Medizinen und Salben* [4, с. 278-279], *ein niedriges japanisches Tischchen* [4, с. 285]. Переполненность квартиры Брунелды вещами говорит о ней как о представительнице потребительского общества. Главный герой испытывает чувство одиночества и отчужденности от пространства, в котором он находится.

Для Карла нет места в квартире Брунелды, поэтому все время он проводит на балконе. Пространство балкона выполняет важную роль в характеристике дома Брунелды и окрестных съемных домов. Являясь частью их пространства, балкон представляет собой амбивалентный образ. С одной стороны, он выступает в качестве личного пространства главного героя. С другой стороны, в романе есть описание, как жители всех окрестных домов пьют вечером чай на балконе и их частная жизнь оказывается тем самым выставленной на всеобщее обозрение.

Таким образом, в своем романе Кафка опровергает традиционное представление о доме, как об очаге, о семье, об уюте, о комфорте и чувстве защищенности, о «важнейшей жизненной ценности в целом» [5, с. 94]. Пространства домов чужды и враждебны главному герою, носят временный характер и представляют собой «антидом», будь то современный дом дяди Якоба, архаичная вилла Поллундера или переполненная предметами потребления квартира Брунелды.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. – 840 с.
2. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С.Гумилева в ее лексическом представлении: Автореф...канд. филол. наук / О.Е. Беспалова. – СПб., 2002. – 24 с.
3. Duden Deutsches Universalwörterbuch/hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. Wien; Zürich: Dudenverl., 1989. – 1816 s.
4. Kafka F. Der Verschollene (Amerika). Fischer Taschenbuch Verlag, Frankfurt am Main, 1999. – 332 s.
5. Дронова О.А. От гостиницы до съемной казармы: мотив дома в романах «новой деловитости» / О.А. Дронова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – Пермь, 2016. – №3 – С. 94-101

*П.В. Милосердова, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.И. Платицына*

**В. БОРХЕРТ О ЛЮБВИ И ВОЙНЕ
(«ВОРОНЫ ВЕЧЕРОМ ЛЕТАТ ДОМОЙ», «ОСТАНЬСЯ, ЖИРАФ»)**

Вольфганг Борхерт родился 20 мая 1921 года в Гамбурге. Серьёзное влияние на становление будущего писателя оказала его семья: отец был школьным учителем, а мать писательницей. В годы фашизма семья Борхерта считалась политически неблагонадёжной, и в 18 лет он был впервые арестован. Увлечение литературным творчеством проявилось рано, известно, например, что уже в 1938 года в местных газетах публиковались его стихотворения, носившие подражательный характер (в них явственно ощущалось влияние Ф. Гёльдерлина, Р.М. Рильке, Г. Тракля, Г. Гейма, Э. Штадлера). В 1946 году будет издан первый поэтический сборник «Фонарь, ночь и звёзды», куда вошли четырнадцать стихотворений.

Переломным моментом в жизни В. Борхерта стало его участие во Второй мировой войне (1939 – 1945). Он воевал на Восточном фронте, под Москвой, где получил многочисленные ранения и обморожения. Вскоре у него диагностируют первые симптомы болезни печени, впоследствии ставшей причиной ранней смерти писателя. За время военной службы Борхерта не раз привлекали к суду и заключали под стражу. В своих письмах, утратив осторожность, он проклинал войну и критиковал гитлеровский режим. Именно на фронте В. Борхерт приобрел неоценимый и ужасающий по своей сути опыт, который стал основанием для творческого переосмысления. В героях, изображённых в малой прозе и пьесе «На улице перед дверью» (1947), немцы узнавали себя, искалеченных войной, лишённых крова, надежды, желания бороться. Творчество писателя стало голосом «поколения вернувшихся».

Подчеркнём, что в малой прозе Борхерта художественной рефлексии подвергается не только проблема «человек и война», но и тема взаимоотношений мужчины и женщины, любви в условиях военного времени. При этом указанная тема нередко проблематизируется и может осознаваться как часть общего конфликта новеллы. Рассмотрим особенности изображения любви на войне в новеллах «Вороны вечером летят домой» (1946) и «Останься, жираф» (1946).

Уже в заглавии новеллы «Вороны вечером летят домой» содержится важное для её поэтики обращение к анималистическому образу ворона. Повествование начинается с описания города, будто бы наполненного птицами. Погружение в художественную реальность происходит за счёт обилия эпитетов, воссоздающих атмосферу холодного и неуютного городского пространства, сиротства, одиночества: «на холодных каменных перилах», «обледенелой металлической решётке», «смердящего канала», «обшарпанных, сбитых ступеньках» и др. Упоминание о воронах становится метафорой, поскольку с птицей сравнивается человек в опустошённой войной Германии. Не птицы, а люди «сидят – тонконогие, пропыленные в тихой утренней мгле всемирного заката, опоздавшие, ко всему безразличные. Сидят над бездною, заблудившиеся в пропасти, сонные, вялые от голода и тоски по родине» [1, с.86].

Главный герой новеллы – двадцатилетний юноша по имени Тимм, один из тысячи «вороньелицых», заблудившихся в огромном холодном городе. В городе, который его не принимает. Он мечтает обрести домашний очаг, место, где он смог бы укрыться от бед и несчастий, он мечтает о тепле, ласке, сострадании и любви. Отчаявшийся и разуверившийся, Тимм, как и многие молодые люди военных лет, прибегает к единственно доступному

ему способу обретения мимолётного счастья: подарить девушке Лило красный шарф – всё, что осталось в его распоряжении. Однако недолгая близость, способная вернуть давно утраченное ощущение тепла, дома и мирной жизни, стоит дороже шарфа – её цена измеряется в деньгах и шёлковых чулках.

Во многих произведениях отечественных и зарубежных писателей, обращавшихся к теме любви в условиях военного времени, любовное переживание носило искренний, целомудренный характер и воспринималось как нечто сокровенное, не подлежащее осквернению (см., например: «Зося» В. Богомолова, «Хлеб ранних лет» Г. Бёлля, «Альпийская баллада» В. Быкова и др.). В малой прозе В. Борхерта воплощается иное, поруганное войной, циничное чувство, усиливающее внутреннюю трагедию простого человека...

Тимм принадлежит к «поколению вернувшихся», поколению, у которого больше нет дома, семьи и, по-видимому, права на любовь. Юноша одинок в своем горе, его душевных мук не разделяет его собеседник, старик, с которым Тимм беседует на набережной. Композиция новеллы – кольцевая, и в финале снова появляется воронья стая, которую «проглатывают» вечерние сумерки. Но если начало новеллы связано с сопоставлением судьбы ворона и человека, поддерживающееся на уровне героев (прежде всего, здесь важны портретные характеристики) и на идеологическом уровне, то в заключительной части Тимм произносит: «Воронам хорошо. Вороны вечером летят домой» [1, с.90]. Жизнь человека в условиях военного времени оказывается трагичнее жизни птицы, которой, как следует из реплики героя, есть, куда возвращаться.

Прощанию с мгновением любви посвящена новелла Борхерта «Останься, жираф» (1946), начинающаяся с описания панорамы вокзала, традиционного в литературе места расставаний: «А по ночам пустынные вокзалы – это край света, вымерший, бессмысленный и пустой. Пустой, пустой, пустой. Но если ты пойдешь дальше, ты пропал» [1, с.107]. Вокзал предстает перед читателем как нечто по-настоящему зловещее, поглощающее всё живое и порождающее «неслыханный рыбий крик, крик одинокого зверя, загубленного собственным морем. Этот крик рвет на части твоё лицо, испещряет его промоинами, полными страха и опасности, так что другие шарахаются от тебя» [1, с.108]. Заметим, что мотив дороги и образ поезда играют сюжетобразующую и смыслообразующую роли во многих новеллах писателя (ср.: «Поезда днём и ночью», «По длинной, длинной улице», «Голоса в воздухе – ночью», «Гамбург» и др.).

Персонажи Борхерта часто лишены выразительных портретных характеристик и имён, или наделены широко распространёнными в Германии именами. Перед нами – не конкретные люди, а целое военное поколение, искалеченное войной.

Цветовая палитра новеллы включает три «краски», две из которых – чёрная и белая – очевидно контрастируют. «Тьма», «ночь», «тёмный», «чёрный», «темный крик», «чернота», «впотьмах», «серо-лунная», «грязная», «безлунная», «пустая» противопоставлены «белым фонарям», «бледному лицу», «скупому свету», «побледневшим созвездиям». Жизнь молодых людей лишена иных красок. На этом черно-белом жизненном полотне лишь изредка проступают яркие пятна – писатель вводит третий, думается, наиболее важный цвет – красный: «истекают кровью», «кровь сочится изо рта», «слишком красный рот», «мучительно – красно мерцал».

Доминирующим цветом новеллы, безусловно, является чёрный, соответствующий дикому животному крику. Белый цвет подавляется со всех сторон окутывающей темнотой, поэтому он скупой и бледный. Цветовой гамме *чёрный–белый–красный* соответствует смысловое поле *война–мир–смерть/горе*.

Стараясь укрыться от настигающего крика паровоза, герой новеллы находит утешение в объятиях девушки. Этот краткий миг любви влечёт за собой озарение: не все лица истекают кровью, не все руки держат гранаты. Молодой человек забывает о войне, насла-

ждаясь ароматом волос своей спутницы. Эти волосы пахнут, словно *влажные ветви*. Но ночную тишину разрывает «неслыханный крик паровоза» [1, с.109], врывающийся в открытое окно и увлекающий за собой. Герою не под силу бороться с этим животным криком; уходя, он слышит, как «мучительно-красный» рот произносит: «Останься, жираф!» [1, с.109].

Безымянная героиня новеллы «Останься, жираф» так же, как и Лило из новеллы «Вороны вечером летят домой», называет цену своей любви:

– У тебя, кажется, сигареты есть, – сказала девушка с губами, слишком красными на бледном лице.

– Да, – отвечал он, – найдутся.

– Почему же ты не идешь со мною? – прошептала она совсем близко.

– А зачем? – отвечал он.

– Ты же не знаешь, какова я, – крутилась она вокруг него.

– Знаю, – отвечал он, – как все.

– Ты жираф, долговязый, упрямый жираф! Ты ведь даже не знаешь, какой у меня вид.

– Голодный, – сказал он, – раздетый и размалёванный, как у всех.

– Ты долговязый и глуповатый, слышишь, жираф, – прохихикала она ещё ближе, – и всё-таки ты милый. И сигареты у тебя есть. Пойдем, мальчик, ночь на дворе [1, с.108].

Существенное отличие героинь (Лило и девушки, называющей солдата жирафом) заключается в том, что одна из них отвергает любовь, не подкреплённую материально (красный шарф оказывается недостаточной платой за чувство), а другая ищет любви, заботы и защиты, изнемогая от одиночества... Одиночество становится лейтмотивом обеих новелл. В обеих присутствуют и анималистические образы. Сравнение с жирафом основано на внешнем сходстве («долговязый, упрямый жираф») и, как представляется, на интуитивном ощущении ранимости, уязвимости персонажа. В анализируемых новеллах образы птиц и животных, с которыми сравниваются молодые герои, лишённые крова, одинокие, потерянные, оглушённые войной, выполняют, таким образом, важную смыслопорождающую функцию.

Творчество Вольфганга Борхерта автобиографично. Созданные им новеллы – фрагменты пережитого, облечённые в художественную форму. Изменение сознания, переосмысление прежде безусловных нравственных императивов, нивелирование дружбы, любви, сострадания, утрата детства и юности вследствие войны – эти и другие темы, проблематизирующиеся писателем, становятся магистральными в его творчестве.

Литература

1. Борхерт В. Избранное / В. Борхерт. – М.: Художественная литература, 1977.
2. Платицына Н.И. Человек и война в малой прозе Вольфганга Борхерта / Н.И. Платицына. – Тамбов: ТГУ, 2009.

ОБРАЗ ДВОЙНИКА В НЕОВИКТОРИАНСКОМ РОМАНЕ Д. СЕТТЕРФИЛД «ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА»²

В настоящее время в зарубежном и отечественном литературоведении широкое распространение получил термин «неовикторианский роман» (neo-Victorian novel). Впервые он появляется в диссертации Даны Джой Шиллер «Neo-Victorian Fiction: Reinventing the Victorians» в 1995 году. Изучением неовикторианского романа занимается один из наиболее авторитетных сегодня специалистов Кристиан Гутлебен. В исследовании «Nostalgic Postmodernism: The Victorian Tradition and the Contemporary British Novel» (2001) он констатирует формирование общей тенденции современной английской литературы переносить повествование в викторианскую Англию. Гутлебен выделяет два варианта нового жанра – неовикторианский роман с иронической идеей и неовикторианский роман, копирующий викторианскую прозу из чувства ностальгии [5, с. 12].

Отечественный исследователь А.М. Завозова в статье «Ностальгия и пародия как характерные художественные признаки неовикторианского романа» (2008) выделяет следующие типы неовикторианского романа:

- 1) массовый роман-ностальгия;
- 2) викторианский «фан-фикшн»;
- 3) сложный или «высокий» неовикторианский роман [2, с. 630].

Однако единой классификации неовикторианский романов на сегодняшний день не существует. Неовикторианский роман представляет собой совмещение викторианских и современных черт художественной действительности. Можно говорить о том, что автор неовикторианского романа сознательно вовлекает читателя в диалог с предшествующими текстами, тем самым связывая прошлое с настоящим.

Неовикторианский роман английской писательницы Дианы Сеттерфилд (р. 1964) «Тринадцатая сказка» был представлен публике в 2006 году и сразу привлек внимание. Повествование начинается с того, что Маргарет Ли, работающая в букинистическом магазине отца, получает письмо от современной писательницы Виды Винтер с просьбой написать её биографию. Лейтмотивом романа становится тема близнецов, которая проходит через всё повествование.

Учёные традиционно считают феномен близнецов одним из типов двойничества. О.М. Фрейденберг в исследовании об античной культуре усматривает источник зарождения двойника в динамике «жизни» и «смерти», она подчёркивает, что «прохождение героев фазы смерти и позднейшее отделение этой второй временной функции породило образ двойника, который получил мощный отклик в обряде, сказании и литературе» [4, с. 210].

С.З. Агранович и И.В. Саморукова в книге «Двойничество» дают следующее определение: «Двойничество в широком смысле – это языковая структура, в которой образ человека корректируется одним из исторических вариантов бинарной модели мира» [1, с. 56]. Далее литературоведы выделяют три типа двойничества:

- 1) двойники-антагонисты;
- 2) карнавальные пары;
- 3) близнецы («русский тип»).

² Статья подготовлена при финансовой поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив» (Фонд М. Прохорова)

Двойники-антагонисты – самый распространенный тип двойничества. Они находятся в постоянном противоборстве и соперничестве. Один из двойников занимает «светлую» сторону, другой – «тёмную». Карнавальные пары связаны с идеей бессмертия и представляют собой неантагонистический тип двойничества. И, наконец, третий тип двойничества – близнецы, который и будет нас интересовать.

Маргарет Ли – не просто биограф Виды Винтер, она также является и главной героиней романа. Фиксируя истории писательницы, она все больше углубляется в них, и читатель не может представить Маргарет вне этих историй. Из собственной жизни у неё остаются только воспоминания об умершей сестре-близнеце. Первое упоминание о сестре происходит в самом начале романа, когда Маргарет рассказывает свою историю: *«Всё в голове моей мгновенно распалось на мелкие частицы, а затем восстановилось уже в совершенно ином виде – это было одно из тех калейдоскопических превращений, какие порой претерпевает наш мозг. У меня имелась сестра-близнец»* [3, с. 30].

Для героини было настоящим потрясением узнать о том, что она не всегда была единственным ребёнком в семье, её сестра-близнец умерла. На протяжении всей жизни Маргарет очень тяжело переносила эту утрату, постоянно представляя сестру рядом с собой: *«На ночном стекле отражалось лицо столь призрачно-бледное, что сквозь него были видны тёмные небеса. Мы прижались друг к другу: щека к холодной щеке. Если бы кто-нибудь видел нас в этот момент, он не смог бы понять, кто из нас кто, не будь между нами этой стеклянной границы»* [3, с. 33]. Без сестры Маргарет ощущала себя неполноценной, лишь книги становились лекарством от внутренней боли и горечи.

Одной из причин, по которым героиня согласилась стать биографом Винтер, является упоминание о близнецах, что не могло не привлечь внимание Маргарет: *«Я открыла дверь и уже собиралась переступить порог, когда голосом, неожиданно охрипшим и как будто испуганным, она выкрикнула слова, заставившие меня замереть на месте.*

– Это история о близнецах...» [3, с. 62].

С этого момента начинается история о девочках-близнецах Аделине и Эммелине Марч и о «семейном привидении» [3, с. 73]. Все попытки воспитания девочек «нормальными детьми» не увенчались успехом, они не воспринимали никого, кроме друг друга. Аделина воплощала в себе все отрицательные черты, такие как агрессия, жестокость, гнев, а Эммелина, наоборот, являлась добрым, мягким и пассивным ребёнком.

Близнецы как особый феномен человеческой природы наделены специфическим языком, с помощью которого общаются между собой, и представляют загадку для окружающих. Этот закодированный язык не позволяет посторонним людям проникать в их мир, они общаются исключительно друг с другом, игнорируя всё вокруг. Д. Сеттерфилд показывает, как подобная близость провоцирует психические отклонения, деформирующие развитие девочек: *«Нормальные дети? Конечно же, нет. Девочки не были и никогда не будут абсолютно нормальными. Но ведь мы имеем дело с близнецами, а это особый случай, успокаивала она себя. В подобных случаях всякие странности неизбежны и, может быть, даже закономерны»* [3, с. 104]. Итак, девочкам непонятны люди, у которых нет близнеца, собственная уникальность представляется им естественной. Писательница вводит в повествование мотив близнеца, двойника как явление уникальное – два человека, представляющие одну сущность, нечто целое и неделимое. Такая близость отношений является мучительной, ведь героини не осознают себя как личность, нет «я», есть только «мы», что подчёркивает исключительность данного феномена, граничащую с патологией.

Записывая истории Виды Винтер, Маргарет невольно проводит параллели со своей жизнью: *«Одно лишь мгновение, но мне его хватило, чтобы угадать её истинную сущность – да и как я могла не угадать, если эта сущность была также и моей соб-*

ственной? Мы обе были близнецами-одиночками. Едва я это поняла, как незримые пути её истории захватили меня...» [3, с. 67]. Совершенно разные внешне, эти женщины стали близки друг другу по духу. Обе столкнулись в своей жизни с потерями, которые наложили отпечаток на их дальнейшую жизнь. Но их встреча помогла освободиться от тяжелого груза на душе. Можно сказать, что в ходе повествования они становятся духовными близнецами, двойниками.

Таким образом, в романе Д. Сеттерфилд «Тринадцатая сказка» образ двойничества является одним из ключевых. Большое внимание уделяется теме близнецов. Автор рассказывает историю о близнецах, о людях, которые уникальны по своей природе, о их неспособности быть разделёнными. Писательница указывает на то, что существуют и духовные близнецы, например, как Вида Винтер и Маргарет Ли, а не только физические.

Литература

1. Агранович С.З. Двойничество / С.З. Агранович, И.В. Саморукова – Самара, 2001. – 132 с.
2. Завозова А.М. Ностальгия и пародия как характерные художественные признаки неовикторианского романа / А.М. Завозова // Материалы XV Международной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов». – М., 2008. – С. 629-632.
3. Сеттерфилд С. Тринадцатая сказка / С. Сеттерфилд. – Пер. с англ. В. Дорогокупли. – СПб., 2015. – 448 с.
4. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / О.М. Фрейденберг. – М., – С.210.
5. Gutleben Ch. Nostalgic postmodernism: the Victorian tradition and the contemporary British novel / Ch. Gutleben. – Amsterdam: Rodopi, 2001. – P. 12.

*А.А. Прокопенко, студ. филологического ф-та СмолГУ
(Смоленск)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Л.Г. Каяниди*

КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЭТИКА В РОМАНЕ Г.К. ЧЕСТЕРТОНА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧЕТВЕРГОМ»

Элементы карнавализации присутствуют во многих произведениях художественной литературы разных стран и эпох. Английский писатель Гилберт Кит Честертон также обращается к ним. В его романе «Человек, который был Четвергом» приемы карнавализации представлены очень концентрированно, они словно пронизывают все повествование.

Цель нашего исследования – описать карнавальную поэтику романа Честертон и определить её значение и функции в структуре повествования.

Михаил Михайлович Бахтин выделил следующие приёмы карнавализации: приём *qui pro quo*, вольный фамильярный контакт, эксцентричность, пир, игру, карнавальную амбивалентность.

Рассмотрим, как применяются эти приёмы, учитывая, что в романе можно выделить два маскарада.

Первый маскарад занимает большую часть повествования. Сыщик Гэбриел Сайм вступает в Совет Анархистов на пост Четверга с целью предотвращения беззаконий. Постепенно Сайм разоблачает бунтовщиков, и каждый из них оказывается сыщиком, тайно проникшим в Совет. Сплотившись, агенты полиции ведут погоню за Председателем с целью узнать, кто он. Первый маскарад в романе неочевиден. Его цель – искоренение

зла, погоня за истиной. Некий человек в тёмной комнате избирает воинов для борьбы с анархией, а полисмен даёт им голубую карточку с надписью: «*Последний крестовый поход*». Воины надевают на себя маски бунтовщиков и проникают в Центральный Совет Анархистов. Имя каждого из них соответствует определённому дню недели. Этим двум группировкам даются разные названия. Анархисты – это языческие цари, вооружённые пираты. Сыщики – мученики, крестonosцы. Этот маскарад построен на оппозиции «видимое» – «невидимое». Превращение сыщиков в анархистов и впоследствии их разоблачение осуществляется с помощью приёма *qui pro quo* – недоразумение, возникшее в результате того, что одно лицо принято за другое. Герой романа Сайм, попав в Совет, видит в анархистах «*хотя бы одну бесовскую черту*». Он подумал, что «они выглядели так, как выглядели бы светские, пристойные люди в кривом зеркале». Однако постепенно жуткие злодеи становятся верными союзниками. Так, старик Пятница, который был похож на одетого «*по моде трупа*», оказывается молодым загримированным актёром. А Суббота, который казался «*самым зловещим из злодеев*», становится добродушным молодым человеком с весёлым лицом. Некоторые герои в буквальном смысле сдирают с себя брови, носы, волосы.

Приём *qui pro quo* помогает нам проследить ряд амбивалентных ситуаций в маскараде. Страх и отчаяние героя перед каждым анархистом сменяются весёлым разоблачением, страшное «видимое» открывает свою «невидимую» сторону. Амбивалентные ситуации создают композиционный рисунок романа³.

Карнавальный элемент игры появляется уже во второй главе «Секрет Гэбриела Сайма». Истинный анархист Грегори и сыщик Сайм дали обет не выдавать друг друга врагам. С этого момента начинается игра с совестью: «Общего у нас только честь да смерть...», – говорит Сайм. Даже природа в романе «непрестанно и непонятно шутит», играет. В главе «Погоня за Председателем» Сайм заметил чрезвычайно странных существ. Например, пеликанов с нелепым отвислым зобом или клюворога – «огромный жёлтый клюв, к которому прикреплена небольшая птица».

Главная игра – игра Воскресенья с сыщиками. Председателю даётся характеристика «сверхчеловека», «главного штаба преисподней». Кто он – загадка для всех героев, пока сам Воскресенья не приоткрывает завесу тайны: «Я – человек в тёмной комнате, который сделал вас сыщиками».

Воскресенья в романе является шутком – основной фигурой на карнавале. Вольный фамильярный контакт и вытекающая из него эксцентричность выражают причудливость в поведении и изобилие шуток Председателя, порой очень колких. Например, Понедельнику он адресовал следующую фразу: «Любезный Секретарь, если, придя домой, вы сварите свою голову вместо репы, она ещё может пригодиться». Вольный фамильярный контакт также выражается в неуместной жестикующии. В главе «Погоня за Председателем» Воскресенья «раскланивался, посылал воздушные поцелуи и наконец бросил прямо на грудь инспектору аккуратно сложенную записку». Эксцентричность выражается в средстве передвижения Воскресенья – скачущем слоне, на спине которого он сидел, «невозмутимый и величавый, как султан».

Автор также использует карнавальный мотив пиршества, который отражается в изобилии еды. Этот мотив снова связан с фигурой Председателя. Вспомним первое собрание Совета на балконе: «Беседуя, анархисты ели, и каждый из них ел по-своему... Председатель даже тут сохранял своё странное, чисто количественное превосходство – он жрал за десятых, явно наслаждаясь и перемалывая пищу, словно колбасная фабрика».

³ Васильева, Е.В. Художественный мир романов Г.К. Честертона: дис. ... канд. фил. наук: 10.01.05 / Е.В. Васильева. – Воронеж, 2000. С. 111.

Отсылки к карнавалу мы видим даже на уровне синтаксиса. В романе встречается интересная игра слов, в которой два предложения прямо противопоставлены друг другу. Например: «Гэбриел Сайм не был сыщиком, который прикинулся поэтом. Он был поэт, ставший сыщиком». Такое явление встречается в речи самого Сайма: «Я не могу сказать полиции, что вы анархист. Вы не можете сказать анархистам, что я из полиции». Можно сделать вывод, что даже на синтаксическом уровне также появляется карнавальная амбивалентность.

Второй маскарад в романе очевиден. Костюмированный бал проходил в большом, старом саду. Множество ряженых плясали в свете костров, звенели кубки. На возвышенном склоне лужайки стояли полумесяцем семь кресел, предназначенных для сыщиков и Председателя. Второй маскарад раскрывает замысел игры Воскресенья с воинами: они познают Бога и самих себя. Честертон повторно использует приём *qui pro quo*, но с другой целью – раскрыть сущность героев. По словам автора: «Маскарад этот не скрывал, а открывал человека». Наряд каждого героя соответствовал одному из дней творения. Например, чёрный хитон, вдоль которого шла чисто белая полоса, выражал «скорбную, строгую душу» Понедельника. Его наряд символизировал первый день творения, когда Бог отделил свет от тьмы. Одежда Вторника падала серо-серебряными складками и символизировала разделение вод. Она выражала простоту Гоголя. Кем оказался Воскресенье? Про себя он говорил: «Вы разгадаете море, а я останусь загадкой; вы поймёте звёзды, но не меня». В последней главе он отвечает на долгожданный вопрос: «Я отдых воскресный. Я – мир, я покой Божий».

Также Воскресенье подводит итог своей игры с сыщиками: «Вы были мужами. Вы не забыли тайну чести, хотя весь мир стал орудием пытки, чтобы выпытать её».

Перечисляя элементы карнавализации в романе, мы не упомянули профанацию – непочтительное отношение к тому, что достойно уважения; опошление, осквернение. Это единственный мотив, которого нет в романе. Причина кроется в идее произведения. Роман имел бы атеистическую направленность, если бы отражал кощунства, пародии на священные тексты. Это противоречит замыслу автора.

Честертон отходит от классического карнавала, который стремится поставить с ног на голову обычный порядок вещей, осмеять всё привычное. Подобно своему герою Гэбриелу Сайму, поэту, воспевающему порядок, автор использует элементы карнавализации с прямо противоположной целью – преодолеть хаос и утвердить порядок. Также использование карнавальной поэтики способствует погружению героев в состояние уныния и распада. Они борются со своей совестью, доказывают свою смелость, терпят оскорбления. Доказав свою силу характера и верность идеям, герои обретают себя и Бога. Пройдя сквозь зло, они узревают добро. Карнавальные мотивы помогают создать резкий контраст между крахом и победой. Если убрать элементы карнавализации из романа, то мы получим нравственную проповедь без той полноты ощущений, которая раскрывает карнавальная поэтика.

Литература

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1990. – 543 с.
2. Васильева Е.В. Художественный мир романов Г.К. Честертон: дис. ... канд. фил. наук: 10.01.05 / Е.В. Васильева. – Воронеж, 2000. – 237 с.

*Ю.А. Капранова, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.И. Платицына*

**«ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ»: К ПРОБЛЕМЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
ЖЕНСКОЙ СУДЬБЫ В РОМАНАХ Е. ГИНЗБУРГ И Т. МОРРИСОН
(«КРУТОЙ МАРШРУТ», «ЖАЛОСТЬ»)**

Сопоставление творчества Е. Гинзбург (1904-1977) и Т. Моррисон (р. 1931), на первый взгляд, может показаться спорным и неубедительным. В первом случае речь идёт о журналисте, заключённой, лагерной ссыльной, авторе знаменитой книги воспоминаний «Крутой маршрут» (1967) – едва ли не первого литературного произведения о сталинских репрессиях. Во втором – о нобелевском лауреате 1993 года, преподавателе, редакторе, обладательнице Пулитцеровской и других многочисленных премий. Компаративный анализ выбранных произведений – мемуарной книги «Крутой маршрут» и романа «Жалость» (2008) – не имеет под собой оснований для применения историко-генетического метода, но историко-типологический может быть использован с полным основанием.

В автобиографической книге «Крутой маршрут» воссоздаётся сложная историческая, социальная и политическая картина жизни СССР 1940-1960-х гг. Жанровое определение, данное книге самой Е. Гинзбург, – «хроника времён культа личности». «Крутой маршрут» можно назвать исповедью автора, подробно и искреннее повествующего о событиях своей жизни, начиная с 15 февраля 1937 года – так называемой «даты смерти» – и заканчивая страшными 18 годами в неволе, осознающимися как «посмертные заключения в аду». Судьба автора и одновременно главной героини романа повторила судьбы многих людей прошлого века. Но именно Е. Гинзбург стала одной из первых, кому удалось облечь пережитое в литературную форму, художественно воплотить ужасы сталинских репрессий в СССР. Воспоминания о тяжёлом прошлом, связанном с лишением свободы, унижением человеческого достоинства, непосильным физическим трудом, публикуют и современники Е. Гинзбург: А. Солженицын (1918-2008) («Архипелаг Гулаг», 1958-1968, «Один день Ивана Денисовича», 1959), В. Шаламов (1907-1982) («Колымские рассказы», 1954-1962). Но именно ей, матери будущего известного писателя Василия Аксёнова (1932-2009), предстоит создать хронику советского времени, особенно пронзительную и щемящую, ибо в этой хронике зазвучит голос женщины, насилие над которой ещё мучительнее и трагичнее, чем насилие над мужчиной.

Главная героиня книги «Крутой маршрут» – комсомолка, член ВКП(б), преподаватель педагогического института, жена партийного работника и мать двоих детей – переживает суровые испытания: изнурительные допросы с пристрастием, во время которых её лишают возможности спать и утолять голод, моральное давление со стороны чекистов, старающихся сломить дух женщины, предательство друзей и коллег по работе, потерю близких людей. Героине инкриминируют участие в троцкистской террористической организации. По этому обвинению аресту подверглись не только представители интеллигенции и участники партии, но и люди, не имеющие к политике никакого отношения. В общей сложности она провела 10 лет в тюрьмах и колымских лагерях, 8 лет – в «бессрочной» ссылке. Этот жизненный путь стал её «крутым маршрутом».

«Повинуясь дьявольской фантазии мучителей» [1, с. 300], шаг за шагом героиня проходит все новые и новые круги «дантова ада», преодолевает выпавшие на ее долю испытания. Не сломаться, сохранить волю и стремление к жизни ей помогают доброта и помощь других заключенных, ее сокамерниц. В нечеловеческих условиях женщины ока-

зываются способны сохранить такие качества, как честь, нравственность, отзывчивость, сострадание: «Тюрма, особенно одиночная, наоборот, возвышала людей, очищала их нравственно, раскрывала все глубинные алмазы и золотые россыпи души» [1, с. 309]. Верными друзьями и спасителями становятся поэты и прозаики: А.С. Пушкин и А.А. Блок, Н.А. Некрасов и Ф.И. Тютчев, Ф.Стендаль и О.Бальзак. Находясь в одиночном заключении, «пожирательница книг» [1, с. 184] с упоением читает разрешённые ей книги, декламирует стихотворения классиков и сочиняет сама: «Все отняли платье, туфли, грёбёнку, чулки <...> Бросили на мороз почти голую. А вот этого не отнимут. Не в их власти. Моё со мной. И я переживу даже этот карцер» [1, с. 198-199].

Однако были в «треклятом колесе» и часы полного отчаяния. Е. Гинзбург мучительно переживает гибель в блокаду Ленинграда старшего сына: «Разве я еще могу быть живой после того, как свершилась надо мной самая страшная моя кара? После того, как погиб мой сын, мой первенец, мое второе я?..» [1, с. 462].

Книга написана от первого лица, однако в общую канву повествования вплетаются рассказы о судьбах других жертв сталинских репрессий, женщинах, чьи пути пересекались с «маршрутом» главной героини. Все пространство романа наполнено страданиями миллионов невинно посаженных людей, униженных и замученных пытками в чекистских застенках. В романе нет политической оценки сталинской эпохи, осуждения и ненависти – только боль, непонимание, переживания женщин, в одночасье попавших в чужой и враждебный мир лагерной жизни.

Тони Моррисон – афроамериканская писательница, ставшая лауреатом Нобелевской премии по литературе. Все романы писательницы посвящены исключительно афроамериканцам, а проблема женщины остается одной из центральных в её произведениях. По словам самой Т. Моррисон, она пишет историю своего народа. «Жалость» («А Мерсу») – пятый роман писательницы, переведенный на русский язык. В нем, как и в остальных своих произведениях, Т. Моррисон затрагивает проблему рабства и расизма, избирая в качестве главных героинь женщин, переживших тяготы и лишения.

Действие происходит в колониальной Америке XVII века. Один из героев романа, Джекоб Ваарк, внезапно получив большое наследство, отправляется в Америку на поиски своего счастья. Джекоб зарабатывает хорошее состояние на торговле ромом, выписывает себе из-за океана жену и приступает к строительству шикарного дома, который и становится «американской мечтой» Ваарка. Но внезапно мужчина умирает, и в недостроенном поместье остаются больная вдова и несколько женщин-рабынь: индианка-домоправительница Лина и две афроамериканки – умственно-отсталая Горемыка и девочка Флоренс. Обитательницы недостроенного дома пытаются выжить в тяжелых условиях, сплотиться и помочь друг другу, но кажется, что счастье забыло дорогу к их поместью.

По словам самой Т. Моррисон, любое произведение начинается для неё с того, что она слышит голоса своих будущих персонажей. И роман «Жалость» не стал исключением: «Вначале я услышала голос девочки Флоренс. Ее путь к овладению словом был длинным и кружным. Она научилась чтению и письму от католического священника при странных и пугающих обстоятельствах. Потом её забрали и увезли куда-то, она не понимает этих людей, их речь. С матерью она говорила по-португальски, еще она знает латынь. Поэтому я собрала все эти языки воедино и дала ей индивидуальный голос. Это речь от первого лица, очень яркая, наглядная» [3].

Думается, в романе «звучит» главный голос – голос шестнадцатилетней чернокожей девушки по имени Флоренс. Обученная грамоте, стремящаяся справиться с охватившим её отчаянием и одиночеством, героиня выцарапывает гвоздём историю своей жизни на полу и стенах в нежилом доме. Ее рассказ представляет собой причудливый,

спонтанный поток речи с употреблением специфической лексики: «Не бойся. Мой рассказ тебе не повредит, хоть много я чего наворотила; обещаю лежать тихо, затаюсь впотьмах и буду то плакать, то, может, кровь опять увижу, но больше никогда не вскинусь, не растопырю когти. Я просто объясняю. Хочешь, бери за исповедь, но в ней будет много странного, чудоковатого, как во снах бывает, – это я о знаменьях вроде той струи пара из чайника: как вздунется облаком, как сгустеет, и стала прямо что пёсья морда» [2, с. 7].

Повествование от лица Флоренс чередуется с повествованием от лица автора. В зависимости от того, чья история разворачивается перед читателем, изменяются лексика и синтаксис, используемые писательницей, тем самым различные голоса вплетаются в единую структуру романа, а из частных историй героев создается история всей страны и эпохи.

Подобная структура повествования мотивирует переходы от настоящего времени к прошедшему, поддерживая авторскую мысль о том, что «прошлое не проходит», а, наоборот, определяет поступки героев в настоящем. Для Т. Моррисон основными событиями этого прошлого являются рабство, религиозная и расовая дискриминации – явления, характерные для колониальной Америки и повлиявшие на частную жизнь каждого её гражданина.

Истории, организующие сюжетное пространство романа, – это, в первую очередь, женские истории, каждая из которых по-своему трагична. Мать Флоренс замечает: «Нет защиты. Быть в этом мире женщиной всё равно, что быть раной открытой, незаживающей. Засохнет, а под струпом всё равно гноится» [2, с. 251].

Некоторые исследователи творчества Моррисон называют роман «Жалость» историческим, так как в нем писательница достаточно подробно воспроизводит реалии колониальной Северной Америки 17 века, погружает читателей в атмосферу той эпохи, раскрывает подробности из жизни колонистов: продажа и покупка людей, взаимоотношение между рабами и хозяевами, ведение хозяйства, описание бытовых сцен.

Таким образом, мы можем отметить историческую достоверность романа Т. Моррисон, что сближает его с автобиографической книгой Е. Гинзбург. Романы писательниц переведены на многие языки и нашли признание как у литературоведов, так и у читателей, глубоко переживающих трагические события национального прошлого. При этом чрезвычайно важно, что именно женщины обращаются к рефлексии истории своей страны, и закономерно, что в центре их размышлений – судьба женщины. По-видимому, женский взгляд на сложный историко-политический и социокультурный контекст, в пространстве которого оказывается слабая половина человечества, заслуживает самого обстоятельного анализа.

Литература

1. Гинзбург Е.С. Крутой маршрут: Хроника времен культа личности / Е.С. Гинзбург. – М.: Издательство АСТ, 2016. – 878 с.
2. Моррисон Т. Жалость / Т. Моррисон. – М.: Астрель, 2010. – 256 с.
3. Панова О. Между раем и адом: американская пастораль Тони Моррисон / О. Панова // Иностранная литература. – 2010. – №7. – С. 256-265.

РОМАН ЖОРЖИ АМАДУ «КАПИТАНЫ ПЕСКА»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ КНИГИ

«Капитаны песка» – наиболее известный из ранних романов бразильского писателя Жоржи Амаду (1912-2001). Он написал его в 1937 году, когда ему было 25 лет.

На русском языке роман был впервые опубликован в 1952 году в журнале «В защиту мира» с заголовком «Песчаные капитаны». Удивительно, но появившийся в столь подходящее время роман не вызвал отклика ни у критиков, ни у советского народа. Фамилия переводчика до сих пор осталась неизвестной, но судя по низкому качеству перевода, он осуществлялся не с оригинального языка, а, вероятно, с испанского перевода. Произведение было лишено как стилистики, так и поэзии, поэтому роман не смог привлечь даже читателя, любящего творчество Жоржи Амаду. Это первое появление романа «Капитаны песка» было обязано вспыхнувшему в 1951 году интересу к писателю, когда тому была присуждена международная Сталинская премия «За укрепление мира между народами».

Роман, в отличие от своего автора, начал набирать популярность только через четверть века. Появился новый качественный перевод, и в 1976 году произведение было опубликовано в издательстве «Молодая гвардия», однако текст был сокращен почти в половину. Интерес к роману был вызван также успехом фильма Холла Бартлетта, вышедшего в Советском Союзе в 1974 г. Любовь советских зрителей завоевала музыка из кинофильма, в том числе песня Доривала Каимми «Марш рыбаков», русская версия которой стала хитом 1974 года. В фильме сохранены основные сюжетные линии, и на первый план вынесено попадание Доры в банду капитанов и ее жизнь там.

Стоит заметить, что в Бразилии роман был экранизирован дважды, кроме того, был выпущен сериал режиссера Вальтера Лима. К столетию Жоржи Амаду, в 2011 году, появилась еще одна экранизация от Сесилии Амаду, внучки писателя, и Ги Гонзалвеш. В общей сложности творчество Амаду становилось литературной основой для киноработ и телефильмов не один десяток раз.

В России в 1990-е и 2000-е гг. книга «Капитаны песка» была переиздана в московском издательстве «Пресса», опубликована в издательстве «Лик» в Санкт-Петербурге, в ростовском издательстве «Феникс» и в издательстве «Эксмо-Пресс».

Число русских переводов романа невелико. В 1987 году вышел трехтомник Жоржи Амаду в новом переводе Александра Богдановского. По словам специалистов, перевод изобилует ошибками, несмотря на то, что Богдановский имел немалый опыт в подобных работах. В 2000 году появился перевод романа, осуществленный Еленой Беляковой. На данный момент она занимается ранними романами Жоржи Амаду.

По роману «Капитаны песка» ставились спектакли в Московском Молодежном театре Вячеслава Спесивцева и Алтайском театре драмы имени Шукшина. Первый известен своими спектаклями на социальные темы, второй – ориентацией на лучшие образцы мировой классики и драматургии.

Анализу романа «Капитаны песка» Жоржи Амаду посвящено значительное количество критических и литературоведческих работ, как на русском, так и на иностранных языках. Большая часть критиков и ценителей творчества писателя лишь положительно отзывались о данном произведении. Основным плюсом романа они называли «пристальность и беспощадную правдивость» в описании судьбы баианских беспризор-

ников [4, с. 14]. Амаду четко обозначает расовые и социальные характеристики каждого члена шайки. Он стремится к предельной точности в передаче речи персонажей, не боясь шокировать читателя. А разве могло быть иначе? Ведь писатель и сам родился в одном из штатов Баии! Он вырос среди баианцев, видел нищету и тех мальчишек; его семье, как и героям романа, также пришлось столкнуться со страшной эпидемией оспы и даже бежать. Наравне с непереносимыми тяготами жизни он видел и богатое культурное наследие своего народа. Всё это, отразившееся в его произведении, и есть он сам.

Неотделима от предыдущей особенности и другая – присутствие поэзии в жизни нищих подростков. «Любая книга Амаду, невзирая на описания насилия, недостойного поведения, заставляет читателя не опускать голову, но держать её высоко поднятой. Никто после прочтения любого произведения Амаду не остаётся подавленным или угнетённым. Этот автор всегда вселяет надежду» [1, с. 22]. Именно это делает данный роман самой любимой книгой в Бразилии.

Что касается восприятия русскими людьми романтической нотки романа «Капитаны песка», то ещё в 1954 году, принимая участие в работе II Съезда советских писателей, Амаду говорил, что основной недостаток советской литературы – невнимание к человеческим чувствам. Однако пренебрежение определенными чувствами характерно не только для советской, но и вообще русской литературы. Ставшая крылатой фраза о том, что «все счастливые семьи счастливы одинаково», говорит о многом. Счастливая взаимная любовь никогда не была интересна русским писателям. Писателям, но не читателям. Последние хотели читать не только о любви трагической, неразделенной, несостоявшейся, но и о любви торжествующей, всепобеждающей и, что немаловажно, чувственной. А в романе Амаду на всем его протяжении звучат светлые колокола страстной и чистой любви, приносящей людям неистощимые радости и ликование духа.

В этой связи интересно сравнить восприятие творчества Амаду в Бразилии и в России. «Самые любимые в Бразилии книги – «Капитаны песка» и «Габриэла», в России – «Красные всходы» и «Дона Флор и два ее мужа». В «Капитанах песка» бразильцы находят то, чего им не хватает в жизни: чистой, романтической любви. В «Габриэле», первой книге, которая выразила национальный бразильский характер, они видят себя. Русские читатели нашли в «Красных всходах» и «Доне Флор» то, что свойственно и дорого им: любовь к свободе, великодушие, бескорыстие – и то, чего им так недостает: радостного восприятия жизни [2, URL]. Следовательно, люди любой страны читают и любят те книги, неважно, оригинальные или переводные, в которых они видят реальную жизнь и те качества, которые соответствуют их представлениям о жизни идеальной.

Чтобы понять, что побудило Жоржи Амаду написать «Капитанов песка», нужно знать о событиях в Бразилии 30-х – 40-х годов прошлого века. Первая мировая война не оставила на Бразилии серьезных отпечатков. Тяжелое положение в Бразилии 30-х было вызвано не войнами, а, скорее всего, последствиями мирового экономического кризиса, в результате которого резко упали цены на кофе. С учетом того, что к 1902 году 65% кофе на мировом рынке было бразильским, можно смело сделать выводы, что падение цен стало катастрофой для развивающейся страны [5, URL].

Рабочие, потерявшие свои места или попавшие под значительные сокращения зарплаты, выходили на митинги и требовали свержения «кофейной» олигархии. Существующее правительство всеми способами боролось с восставшими. Отец Педро как раз был одним из таких простых рабочих, а картина восстания, так красочно описанная Амаду в конце книги, стала для главаря капитанов огнем, дающим силу всей его жизни.

Сегодня Бразилия входит в первую десятку стран по объему промышленного производства. Несмотря на то, что основным продуктом на мировом рынке от Бразилии является сырьё, темп ее развития дает понять – эта страна претендует на роль мирового

лидера развивающихся стран [5, URL]. Однако уровень жизни рознится между отдельными районами страны. Считается, что страна разделена на богатый Юг и более бедные центральные районы. Даже в мегаполисах есть фавелы – районы трущоб, схожие с теми, что были описаны в романе «Капитаны песка». На улицах городов можно встретить попрошайек, а среди взрослых много неграмотных. Иными словами, ситуация в стране по сравнению с 30 – 40-ми годами значительно улучшилась, но актуальность романа Жоржи Амаду сохранилась.

«Это – не магический реализм, к которому причисляют писателя, это – реальность! На момент выхода книги для советского читателей всё это как раз казалось чем-то нереальным, ведь с беспризорностью они покончили раз и навсегда, как им тогда казалось...» [3, с. 12]. Но эта реальность была не только для Бразилии, она до сих пор остаётся реальностью для некоторых народов и стран.

В романе не просто поднимается столь щепетильная социальная проблема, как голодные маленькие дети на улицах. За образом каждого ребёнка поднимается ещё по несколько психологических или социальных проблем. У каждого героя – своя история, свой мир и представление о том, как стоит жить. Разные судьбы у этих капитанов, но бесспорно одно – их взрослое детство оставило след на всю жизнь, куда бы ни занесла их судьба, они всегда будут помнить, кем они были. У них существовала своя строгая иерархия и свой кодекс правил поведения. Их вожаки планировали операции и налеты, продавали награбленное перекупщикам и разрешали внутренние споры. Мальчишки жили, вырастали и уходили, чтобы найти свой путь в жизни. Одни верили, что можно изменить судьбу, другие просто продолжали наслаждаться свободой, третьи мстили жестоко, потому за всю свою жизнь они не видели ничего, кроме жестокости. Кто-то стал отъявленным головорезом, кто-то выбрал путь священника, кто-то стал художником, кто-то не выдержал давления собственного несчастья и ненависти ко всему окружающему миру, кто-то связал свою судьбу с революционным движением. Но трагедия романа в том, что всё это замкнутый круг! Капитанов не станет меньше с уходом основных персонажей – их заменят другие, пришедшие искать убежище от нищеты и одиночества. У беспризорных мальчишек появится новый вожак.

Литература

1. Белякова Е. Амаду был коммунистом, а не фашистом / Е. Белякова // Книжное обозрение. – 2001. – № 37. – С. 22.
2. Белякова Е. Русский Амаду, или русско-бразильские литературные связи / Е. Белякова. – URL: <http://www.lib.ru/INPROZ/AMADU/about2.txt>.
3. Сазанович Е. Мечты из песка [эссе в авторской рубрике «100 книг, которые потрясли мир»] / Е. Сазанович // Юность. – 2012. – № 9. – С. 11-12.
4. Тертерян И. А. Мир Жоржи Амаду / И. А. Тертерян // Собрание сочинений в 3-х томах. – М., 1986. – Т.1. – С. 5-26.
5. Ereport.ru // Мировая экономика. – URL: <http://www.ereport.ru/articles/weconomy/brazil.htm>.

*С.С. Фролова, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ им. Г. Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.И. Платицына*

ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РОМАНЕ С. БЕЛЛОУ «МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ»

Статья выполнена при финансовой поддержке НО «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)»

Эстетическая рефлексия проблемы «человек и война» становится неотъемлемой частью историко-литературного процесса XX века. Первая (1914–1918) и Вторая (1939–1945) мировые войны стали объектом самого пристального внимания и побудили к размышлениям поэтов, прозаиков, драматургов, стремящихся к постижению указанного конфликта («человек и война») в русле духовно-гуманистического подхода [3, с. 33].

Еще со времен Первой мировой войны героем американской литературы стал человек на войне, или вернувшийся с войны, или вспоминающий войну, познавший хрупкую грань, отделяющую жизнь от смерти, бытие от небытия [4, с. 3]. Своеобразие исследуемого романа «Между небом и землей» («Dangling man», 1944), написанного американским писателем еврейского происхождения, лауреатом Нобелевской премии по литературе 1974 года Солом Беллоу (Saul Bellow, 1915 – 2005), заключается в изображении человека, ожидающего призыва на фронт. Повествование романа связано с описанием рутинных событий, составляющих ежедневное существование героя, с изложением его рассуждений о жизни, о себе, о том, что кажется ему особенно важным. Размышления и воспоминания обращены и к военным событиям, они воспроизводят атмосферу военного Чикаго, образы городских жителей, тревожащихся за будущее. Джозеф считает себя интеллектуалом, «подвешенным» между умом и энтузиазмом, теорией и практикой, самообладанием и несдержанностью (**«He fancies himself as an intellectual, dangling between intelligence and will, theory and experience, composure and irascibility. <...> Joseph is a standard Bellovian character in that his dealings with the world tend to be irrationally passionate»**) (R. Kiernan) [7, с. 86]. Перед нами – типичный для романного творчества Беллоу герой, колеблющийся, противоречивый, склонный к саморефлексии.

Стремление Джозефа обрести «баланс между тем, чего хочется, и тем, что придется делать» [1, с. 29] определяет специфику сюжетного конфликта: внутренняя борьба между предложенной свободой («тем, чего хочется») и чувством долга («тем, что приходится делать») завершается признанием Джозефом невозможности компромисса. Герой находится в состоянии разлада между свободой и выбором: «свобода» оказывается тюрьмой, «выбор» приводит к людям» [2, с. 154]. Так в романе возникает проблема войны, которую ведёт человек с самим собой. Её поддерживают беседы Джозефа с двойником, так называемым Духом Противоречия. Конфронтация Джозефа и условного двойника преимущественно основана на оппозиции «индивидуальное» (отречение, бегство от мира, стремление к индивидуализму – Джозеф) – «социальное» (принятие противоречивого и хаотичного мира и человека как социального существа – Дух Противоречия). С помощью двойника главный герой избавляется от необходимости стыдиться прошлого и стыдиться отчаяния, чувства безысходности, страха смерти. Двойник позволяет Джозефу обрести индивидуальность. Еще один источник внутренней войны героя – это конфликт веры и рационального скептицизма (**«They also suggest a third way in which Joseph dangles – the conflict between his need for faith and his rational skepticism»**) (K. Opdahl) [6, с. 43].

Внутренняя война Джозефа порождает и противостояние внешнему миру. Состояние неприкаянности, «подвешенности», неопределенности героя усугубляют и отноше-

ния с окружающими людьми: не имея работы и не исповедуя идеологии, Джозеф остается и без собственной идентичности. В многочисленных разговорах ни один из собеседников не упомянул его фамилию, в тех моментах, где она могла бы прозвучать. Для своего круга Джозеф присутствует только физически **«Without a job or an ideology, Joseph is without an identity. No one mentions his surname, even though he has many conversations in which it might be used. <...> He becomes to his community only a physical presence»** [6, с. 36].

Война в восприятии Джозефа подобна стихии, разрушающей все на своем пути, – по его мнению, она не сможет решить глобальные жизненные проблемы и не спасет человечество духовно. Столкнувшись лицом к лицу с войной, Джозеф пытается, с одной стороны, стать частью национального целого, достойным членом армии, с другой – сохранить в себе индивидуальность в условиях социального хаоса. Несмотря на то, что молодой человек не является участником боевых действий, в ответ на предложение построить карьеру на войне он отвечает категорическим отказом, осознавая бедственное положение мира: **«Война вообще бедствие. И я не хочу ее использовать для собственной карьеры»** (С. Беллоу) [1, с. 72]. Достойный ответ героя свидетельствует о его готовности служить благородным идеалам, о чувстве долга. Герой отчаянно пытается найти свое место в мире в условиях трагедии Второй мировой войны, сберечь хрупкий внутренний мир, когда снаружи мир поглощает война.

Роман завершается проводами Джозефа на войну с призывом: **«Ура, правильный образ жизни! И надзор над духом! Да здравствует принудилровка!»** (С. Беллоу) [1, с. 223], и это, как представляется, свидетельствует о внутреннем поражении героя. Его причину зарубежные исследователи связывают с тем, что Джозеф занимает позицию жертвы по отношению к современному обществу: герой Беллоу является жертвой социума, страдающего от недомогания, последовавшего за крушением иллюзий марксизма, и жертвой собственной психологии (**«Joseph is a victim of his society, suffering from the malaise that followed disillusionment in Marxism, and a victim of his own psychology»**) (K.Opdahl) [6, с. 31]. Сам Беллоу характеризует последнюю реплику героя как ироническую, утверждая **«Я не одобряю поражения. Я говорю о нищете и о том, что ни один человек не найдет из нее выхода самостоятельно. В какой-то мере его может найти творческая личность, но нравственный человек, городской житель не сможет этого сделать»** (**«I don't encourage surrender. I'm speaking of wretchedness and saying that no man by his own effort finds his way out of it. To some extent the artist does. But the moral man, the citizen, doesn't. He cannot»**) (С. Беллоу) [8, с. 155]. Ирония Беллоу, составляющая неотъемлемую часть внутренних противоречий Джозефа, заключается в манипуляции сознанием героя. Финал романа демонстрирует не только полный отказ от свободы, но и частичную надежду на новую жизнь без эгоизма (**«We do not find a novel ending in mere resignation of freedom. The novel concludes in partial hope of new life – a life based on a loss of selfhood»**) (J.Clayton) [5, с. 115].

Таким образом, проблему «человек и война» в романе С. Беллоу «Между небом и землей» представляется возможным рассмотреть с учетом двух аспектов: внутреннего и внешнего плана войны. Внутренний план войны – состояние неприкаянности, «подвешенности», неопределенности главного героя, находящегося в состоянии разлада между свободой и выбором. Бегство от хаотичного мира в разгар войны рождает стремление Джозефа уйти в душевное «подполье», что провоцирует глубокий душевный кризис, вызванный чувством непонимания и одиночества, состоянием внутренней и внешней разобщенности, характерной для глубоко противоречивой натуры, находящейся в поисках собственного места в жизни.

Внешний план войны – отношение Джозефа и других героев романа к событиям Второй мировой войны. Для героя важна духовная сторона вопроса – если другие герои романа ищут в войне возможность для карьерного роста и удовлетворения собственных амбиций, то для Джозефа война является разрушительной силой, лицом хаоса, настоящим бедствием. Финал романа оставляет надежду на начало новой жизни главного персонажа романа.

Литература

1. Беллоу С. Между небом и землей / С. Беллоу. – М. : АСТ: Астрель 2011.
2. Денисова Т.Н. Экзистенциализм и современный американский роман / Т.Н. Денисова. – Киев: «Наукова думка», 1985. 249 с.
3. Платицына Н.И. Война и литература: к вопросу об утрате «богочеловеческого состояния» (опыт анализа) / Н.И. Платицына // Международный диалог: Восток-Запад (культура, славистика и экономика): сб. трудов III межд. науч. конф. Македония. Свети Николе, 2012.
4. Цимбал И.С. Проблемы войны и мира в современном американском романе / И.С. Цимбал. – Л.: Знание, 1985. – 32 с.
5. Clayton J. J. Saul Bellow: In defense of a man / J.J. Clayton. – Bloomington, 1979.
6. Opdahl К.М. The novels of Saul Bellow: An introduction / К.М. Opdahl. – London, 1967.
7. The Continuum Encyclopedia of American literature. Steven R. Serafin. New York, London 2004.
8. The Oxford history of American literature / Oxford (etc.) Oxford university press, 2004. V. 1 (Samuel Pinsker Saul Bellow)

*Я.Г. Цыганкова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)*

Науч. рук.– канд. филол. н., доц. М.Н. Недосейкин

ВАМПИРСКИЙ НОВЫЙ ОРЛЕАН В РОМАНАХ ЭНН РАЙС И ПОППИ З. БРАЙТ «ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ» И «ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ»

Во все времена произведения о вампирах пользовались немалой популярностью. Интерес к вампирическому возник еще в средние века и не угасает до сих пор. Многочисленные исследования такого явления, как вампиризм, рассматриваются в самых разных научных областях – от биологических аспектов кровососущего монстра до исследования такого типа персонажа в литературоведении. Однако работ, посвященных «знаковости» некоторых мест для вампиров, достаточно мало, потому эта область и вызвала исследовательский интерес.

Предметом нашего исследования стал Новый Орлеан, город, достаточно часто фигурирующий в популярных вампирских романах. Наиболее известные из них: серия «Дневники вампира» Лизы Джейн Смит, серия «Вампирские хроники» Энн Райс, «Таинственный свет луны» Шеннон Дрейк и «Потерянные души» Поппи З. Брайт.

Для изучения были использованы романы Энн Райс и Поппи З. Брайт «Интервью с вампиром» и «Потерянные души» соответственно. Выбор обусловлен тем, что авторы проживали в Новом Орлеане, вероятно, имели некую связь (предполагаю, что роман Энн Райс, вышедший раньше, повлиял на творческий путь Поппи Брайт), и обе «поселили» героев своих произведений в этом городе.

В ходе исследования нами были изучены биографии писательниц, городские легенды настоящего Нового Орлеана, и, наконец, литературный Новый Орлеан, увиденный читателями глазами персонажей-вампиров.

К сожалению, биографических данных и об Энн Райс (1941), и о Поппи Брайт (1967) ничтожно мало. Обе писательницы до сих пор живы и продолжают творить, обе родом из Нового Орлеана и обе бесконечно преданы этому городу. И не зря. Ведь Новый Орлеан действительно является местом, чей дух буквально пропитан свободой. Его негласно называют «колыбелью джаза», а фраза «пусть текут хорошие деньки» является девизом нью-орлеанцев.

Однако Орлеан славится не только музыкой, а его жители – беззаботным стремлением к свободе. Городские легенды гласят, что здесь едва ли не со дня основания обитают вампиры. Наиболее «вампирскими» местами традиционно считают монастырь урсулинок, кладбище Сент-Луис и Французский квартал. В первом случае легенды повествуют о так называемых «casket girls» или «шкатулочных девушках», прибывших из Франции будущих женах колонистов, чьи чемоданчики подозрительно напоминали гробы. Многие из них умерли до свадьбы, не выдержав тяжелых условий путешествия и климатических перепадов. Их чемоданы долгое время не решались вскрыть, а когда это было сделано, оказалось, что они пусты. С тех самых пор третий этаж монастыря, где проживали девушки, был заколочен, а в окрестностях несколько раз находили обескровленных жертв с разорванным горлом.

Предполагаемых жертв вампиров часто обнаруживали и на кладбище Сент-Луис, и во Французском квартале. В последнем до сих пор существуют так называемые «вампирские клубы», чьи посетители искренне верят, что являются детьми ночи.

Исходя из вышенаписанного, мы можем предположить, что и Энн Райс, и Поппи Брайт с самого юного возраста слышали о живущих в городе вампирах, что оказало влияние на тематику их творчества, а также на их видение Нового Орлеана. Однако почему город становится знаковым и для их персонажей? Остановимся на этом подробнее.

Луи Пон-дю-Лак, вампир, вышедший из-под пера Энн Райс, – единственный персонаж, которого можно считать коренным жителем Нового Орлеана, отзывается о своем родном городе с удивительной теплотой, перенося читателя то во время основания, то в современность: «Прекрасный, волшебный город, жить в нем было так сладко» [2, с. 54], «фантастическое смешение языков и красок» [2, с. 53], «другого такого города в Америке просто не найти» [2, с. 53].

Перед глазами не-мертвого проходили годы, и эта длительность показана Энн Райс через восприятие Луи Орлеана. Его представление отражает город как некую одушевленную константу вампирского бытия. Эту постоянность вампир объясняет наличием живой памяти города: «Все люди, которые жили когда-то в Новом Орлеане... все оставили память о себе. Они запечатлели себя в кирпиче и в камне, они выстроили дома, которые стоят и поныне. Нет уже газовых фонарей... Но прежняя романтика, прежняя красота все же сохранилась... Душа города осталась прежней» [2, с. 54–55].

Однако взгляд Луи не лишен объективности. В красках описывая Новый Орлеан, это разноцветье классов, языков и традиций, он не забывает упомянуть об исторической двойственности города, неприглядной его стороне: «улицы... были грязные... дома стояли, как островки, в окружении сточных канав. По ночам огни фонарей походили на одинокие маяки. Для... смертных оказаться в этих узких улочках в позднее время было все равно что попасть в бочку с дегтем» [2, с. 96].

Пронеся через время постоянно изменяющийся город, Луи тем не менее помнит и о его легендах – внимательный читатель может заметить отсылку к «шкатулочным де-

вешкам» в эпизоде с Клодией, приемной дочерью Лестата и Луи: «...я наткнулся на нее возле монастыря урсулинок. Одинокaя фигурка в темноте...» [2, с. 136].

Энн Райс использует рекурсию: вампир отсылает нас к легендам о вампирах.

Но что же о Новом Орлеане думает другой ее персонаж, Лестат де Лионкур?

Он в «Интервью с вампиром» предстает перед читателями через призму восприятия Луи, потому объективным такой взгляд считаться не может. Заметим лишь, что для него Новый Орлеан был копией Парижа, и потому в тексте находятся разве что упоминания о занятиях вампира, которые неплохо вписывались бы в картину жизни любого богача в любом роскошном городе: Лестат окружал себя роскошью, любил прогуливаться во Французском квартале и вытягивать деньги из «плантаторских сынков» в лучших игорных домах.

Мишурность и блеск, сопровождающие Новый Орлеан в «Интервью с вампиром», усиливаются еще больше в романе «Потерянные души» Поппи Брайт. Здесь читателю представлен современный город, не утративший своей прелести, однако отчасти лишенный глубины, которой его наделял Луи. Стоит заметить, что и вампиры здесь более похожи на Лестата – вечно неразлучная троица (Молоха, Твиг и Зиллах) постоянно колесит по миру, развлекаясь и не задумываясь практически ни о чем. Город для этих вампиров – не более чем точка на карте.

Тем не менее, первое и наиболее яркое описание города представлено глазами другого, более древнего вампира, бармена по имени Кристиан.

Читатель видит Новый Орлеан в разгар Марди-Гра, но это восприятие города мозаично, оно происходит через вспышки зрительных образов, искаженные легким туманом опьянения, как алкогольного, так и нефизического, духовного: «Яркие соломенные гирлянды, золотые, алые и зеленые... разгоряченный шелк... и сырая земля, и призрачный бледный запах магнолий изливается в ночь, и разноцветные бумажные фонарики на открытой веранде там, вдалеке. ...Мостовые усыпаны бусинами... Небо – пурпурно-багровое, вспышка от спички... золотая; ликер – зеленый, ярко-зеленый, в нем вкус тысячи трав, в нем вкус причастия» [1, с. 5].

Интересно, что в качестве напитка, отражающего дух города, выступает именно Шартрез – он назван чистой эссенцией Нового Орлеана, его горячей сущностью.

Но Марди-Гра все-таки является проходящим праздником, и вскоре через Кристиана нам открывается иное очарование этого города; очарование, близкое теплой любви Луи, но окрашенное иначе. Орлеан Кристиана – это город, обладающий глубоким символизмом даже для не-мертвого существа, город, в который вампир почему-то возвращается раз за разом. О причинах не говорится явно, но читатель улавливает течение времени, неявное для смертного и явственно ценное для вампира: ведь где еще есть город, где «духи рабов до сих пор жалобно стонут... где держится запах пота чернокожей рабыни... где еще вороны кружат над руинами кладбища Сент-Луис, и садятся... на заброшенные надгробия, помеченные алыми косыми крестами... для вызова духа Мари Лаво, вечно юной царицы вуду» [1, с. 62].

Через столь простое восприятие читатель получает возможность соприкоснуться с многогранным прошлым города, успевает ощутить пульс времени. Миг – и от рабовладельческого Нового Орлеана память Кристиана переносит нас во времена яркой музыки, джаза, здесь же появляется упоминание о Луи Армстронге, которого «однажды Кристиан видел здесь». «Кристиан помнил ленивый смех, ослепительные белки глаз... флаги с запрещенным спиртным» [1, с. 63].

Мозаичность восприятия этого персонажа также подчеркивает постоянство города: Орлеан, хоть и предстает во многих масках, в разных временных пластах, скрывает свое настоящее лицо, лицо Бессмертного.

В этом смысле правдивее и ярче всех он отражается в восприятии Никто, самого молодого вампира из перечисленных нами. Никто был рожден в Новом Орлеане, и первое, что он увидел, – улочки Французского квартала. Неудивительно, что спустя пятнадцать лет, вернувшись в город и вновь обретая свои воспоминания, первое, что ощутил Никто – наполненность Орлеаном, единство с ним: «...У него было такое чувство, как будто весь Французский квартал вошел в его плоть и пробрал до самых глубин... ему хотелось пройти по этим древним сияющим улицам... ему хотелось обнять каждый фонарный столб... забраться на все балконы... а потом шагнуть в воздух и полететь. Французский квартал принадлежал ему – каждый кирпичик, каждый булыжник на мостовой» [1, с. 274–275].

Исследовав романы Энн Райс и Поппи Брайт, мы пришли к неоднозначным и сложным выводам. Новый Орлеан, изображенный авторами через ощущения персонажей-вампиров, и сам приобрел некоторые вампирические черты.

С точки зрения темпорологии, Новый Орлеан одновременно стар и молод; старость объясняется наличием богатого архитектурного и исторического наследия, молодость – «душой» города, столь остро ощущаемой вампирами. С точки зрения метафизики, Орлеан вполне можно назвать «вечным городом» – несмотря на происходящие с ним изменения, он вновь и вновь принимает персонажей в свои объятия и опустошает их или же наполняет силами (как кровь голодного вампира).

Мозаичность и вневременность города являются аналогами вампирского бессмертия. В этом смысле образ Нового Орлеана вполне может считаться истинно «вампирским» городом, местом, обладающим душой.

Неодушевленная фигура города становится одушевленной, практически «живой», но, так как восприятие Нового Орлеана открывается читателям через восприятие вампиров, логичнее будет использовать термин «не-мертвый».

С точки зрения опытного читателя, Орлеан написан притягательно, действительно сладко, так, что невольно хочется ощутить на себе дыхание Канал-стрит, пройти по Бурбон-стрит и заглянуть на кладбище Сент-Луис, чтобы непременно столкнуться с неизведанной кровавой опасностью, прячущей клыки во тьме Французского квартала.

Именно таковым, на наш взгляд, предстает перед читателями вампирский Новый Орлеан в романах Энн Райс и Поппи З. Брайт.

Литература

1. Брайт П.З. Потерянные души / П.З. Брайт. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Райс Э. Интервью с вампиром / Э. Райс. – М.: «Э», 2016.

*Е.С. Стрельникова, студ. филологического ф-та ВГУ
(Воронеж)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.И. Копылова*

ГЕРОИ И ПЕРСОНАЖИ РОМАНА СТАНИСЛАВА ЛЕМА «ЭДЕМ» КАК ИСТОЧНИК ЖАНРОВОГО СИНКРЕТИМА

Один из известнейших романов Станислава Лема «Эдем» (1959) [1, с. 187-435] интересен не только увлекательным сюжетом и глубиной поднимаемых философских вопросов, но и своими действующими лицами и авторской их разработкой, влияющей на особенности жанра антиутопии. Цель нашего исследования – рассмотреть героев и пер-

сонажей данного романа и проследить их влияние на жанровую специфику произведения. Мы разделяем литературоведческие понятия «герой» и «персонаж» в соответствии с точкой зрения Н.Д. Тамарченко [4, с. 43-45].

В «Эдеме» шесть действующих лиц, которые максимально обезличены автором, однако уже на уровне первоначального знакомства читателя с действующими лицами внимание на себя обращают трое: Координатор, Инженер и Доктор. Их мы и определяем как героев; их главенство художественно «поддерживается» и определенными отличительными признаками, которые отсутствуют у оставшихся троих членов экипажа: у Координатора и Доктора это портретные штрихи, а у Инженера (и только у него) – имя (Генрих).

Гуманистическая позиция Доктора, представленная в романе в противовес точке зрения остальных членов экипажа, – фактическое выражение позиции самого автора, которая созвучна центральным идеям других произведений Лема и положениям его теоретических работ (в частности, «Фантастика и футурология» [2, с. 89-90]): нецелесообразность сравнения разных цивилизаций, неуместность проведения земных аналогий, варварство человечества, губительность и неправомерность военных действий: «Война – худший способ сбора информации о чужой культуре» [1, с. 363]. Так, Доктора мы можем назвать рупором авторских идей; в романе частотны его монологи, лишённые прямой назидательности и дидактики, но наполненные стремлением донести свою точку зрения до товарищей – носителей, как правило, противоположного мнения.

Характер Доктора по сравнению с характерами других действующих лиц (как героев, так и персонажей) прописан наиболее детально. Доктор – «двигатель» сюжета и единственный герой, способный установить контакт с иной цивилизацией. Он как никто другой близок природе и любому живому существу; он – носитель доброго начала и гуманности, потому отчасти может рассматриваться как «потомок» известного литературе «естественного человека» (в варианте Вольтера). Только с Доктором в романе связаны все культурно-цивилизационные мотивы, а также мотивы, связанные с сохранением жизни.

Особенность фигуры Доктора – в наличии внутреннего конфликта, связанного с невозможностью следования своим убеждениям в сложившихся условиях. В этом мы прослеживаем не только внутренний конфликт, но и эволюцию характера героя. Не случайно определенные черты характера Доктора, многократно подчеркнутые в начале романа, к концу романа практически не показаны. Не случайно с ходом развития сюжета автором все более ярко подчеркивается отчужденность Доктора от других членов экипажа.

Инженер явно противопоставлен Доктору: противопоставляются позитивные эмоции Доктора и отрицательные эмоции Инженера (не случайно именно с Инженером автор связывает мотив выстрела – самый сильный мотив в романе); отношение героев к неисследованному миру (позитивное – Доктора и негативное – Инженера); гуманистическое и технократическое начало; созидание и разрушение и т.д. В связи с этим текст мотивно контрастен. Доктор, таким образом, является героем, Инженер – антигероем, но, что интересно, не антагонистом, не отрицательным действующим лицом. Другими героями и персонажами (и, как следствие, – автором) не осуждаются его действия, вызванные лишь импульсивной негативной реакцией на непредвиденные события.

Выстроенная автором система оппозиций героев художественно работает на диалектику их отношений, заключающуюся в единстве и борьбе противоположностей. Очевидные сходства между героями подчеркивает сам Доктор в диалогах с Инженером. Обоим свойствен идеализм; как и Доктору, Инженеру свойственна психологическая дисгармония, нарастающая к концу произведения.

Почему у Инженера единственного есть имя? На наш взгляд, ответ на этот вопрос кроется в основных мотивах, связанных с Инженером (мотивы выстрела, убийства, разрушения, оружия, атомной энергии), а также – в основном (агрессивном) настроении Инженера. Все это в сочетании с древнегерманским происхождением имени «Генрих» обращает нас к истории Второй Мировой войны, к германской агрессии (которую Станислав Лем – польский еврей – испытал на себе). Эти ассоциации отнюдь не означают отождествления Инженера с фашистской Германией. Это означает лишь реализацию авторского замысла, «возвращающего» читателя из области научной фантастики к земным реалиям и проблемам. Примечательно, что аналогично в ходе развития сюжета романа поступает главный герой Доктор, проводя земные аналогии, чтобы отрезвляющим образом подействовать на своих товарищей.

В «Фантастике и футурологии» Лем указывает, что тема фантастического произведения часто сильно зависит от года написания и исторических особенностей эпохи [3, с. 461-462]. Поэтому вполне ожидаемо, что год публикации романа (1959) и фигура Инженера (в совокупности с вышеозначенными мотивами) отсылают нас к еще одной важной проблеме – проблеме вероятности и последствий атомной войны как результата войны «холодной».

Центральное положение третьего героя романа «Эдем», Координатора, основано на его функциональной роли и активнейшем участии в сюжете. Координатор – источник определенной власти в социальной группе, поэтому устанавливает баланс между противодействующими силами, зачастую непосредственно между Доктором и Инженером, зачастую – между Доктором и остальным экипажем. Между Доктором и Координатором прослеживается ряд сходств: в итоговом совпадении позицией героев, в функциональной направленности на работу с живыми существами, в чертах характера. Однако в Координаторе, в отличие от Доктора и Инженера, мы не увидим внутреннего конфликта - в нем есть лишь вынужденная балансировка между мнениями членов экипажа.

Персонажи романа менее выписаны. Однако Физик, Химик и Кибернетик - тоже характеры, причем не схематичные, пусть и немногомерные. Они сводятся к одной-двум преобладающим чертам. У Физика это – жестокость, у Химика – страх, у Кибернетика – пугливость и детскость. Черты характеров персонажей подчеркивают те или иные характеристики героев. Например, страх и нервность Химика и Кибернетика подчеркивают смелость, решительность и спокойствие Координатора и Доктора. Намеренная жестокость Физика контрастирует с гуманистической позицией Доктора и подчеркивает непреднамеренность отрицательных действий Инженера.

Следствием особой разработки образов является жанровое своеобразие антиутопии «Эдем», впитавшей определенные традиции психологического романа. За счет внешних и внутренних конфликтов героев, диалектики их отношений автор достигает неоднозначности поднимаемых философских и нравственных вопросов. Мы можем также говорить о наличии в романе «Эдем» черт романа испытания.

Фигура Доктора как «рупора» авторских идей привносит в «Эдем» некоторые черты философского романа – проведение красной нитью через весь текст романа ключевых авторских идей. Исторические параллели со Второй Мировой войной и войной «холодной» дополнительно усложняют жанровое своеобразие антиутопии, «привязывая» произведение к определенной исторической эпохе.

Роман «Эдем», написанный почти 60 лет назад, актуален своими проблемами, сложность решения которых как раз и показывается за счет психологизма героев и персонажей. Это произведение не только увлекающее сюжетом, но и поднимающее определенные философские и нравственные вопросы, затрагивающее психологию человека и человеческих отношений.

Литература

1. Лем С. Солярис. Эдем. Непобедимый / С. Лем. – М., 2016.
2. Лем С. Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 1 / С. Лем.; Пер. с пол. С.Н.Макарцева под ред. В.И.Борисова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
3. Лем. С. Фантастика и футурология: В 2 кн. Кн. 2 / С.Лем.; Пер. с пол. Е.П.Вайсброта под ред. В.И.Борисова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004.
4. Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко]. – М., 2008.

*М.Д. Худайбергенова, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ имени Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.И. Платицына*

РОМАН К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»: К ПРОБЛЕМЕ КЛОНИРОВАНИЯ И ГЕНЕТИЧЕСКОГО ДОНОРСТВА

*Клонирование и искусственный интеллект –
это начало конца человечества [7, с.196].*

Современное общество переживает период стремительного развития всех сфер деятельности человека, начиная с достижений в области механики и физики, медицины и биологии, инновационных технологий и компьютерных систем. Интенсивное развитие закономерно влечет за собой ряд проблем, которые, приобретая мировой масштаб, становятся глобальными. К таким проблемам можно отнести явление генной (генетической) инженерии, экспериментов в области клонирования. «Генетика – это наука о наследственности, о том, почему потомки похожи на своих родителей, и как осуществляется передача признаков, свойственных родителям, их потомству» [2, с.7]. Многочисленные открытия в сфере генетики создают новые условия для серьезных исследований процесса клонирования и создания идентичных копий клеток, растений, млекопитающих. История клонирования берет начало в 1940-е, когда выдающийся российский эмбриолог Г.В. Лопашов разрабатывает метод трансплантации (пересадки) ядер в яйцеклетку [4, с.29]. «Клонирование является точным воспроизведением того или иного живого объекта в каком-то количестве копий», – подчеркивает Л. Корочкин [4, с.27]. Оно подразумевает создание клона: «Клон (от греч. – *отпрыск, ветвь*) – совокупность клеток или особей, произошедших путем бесполого размножения... Генетическая однородность клона относительна и нарушается в результате возникновения спонтанных мутаций, приводящих к появлению мутантов с новыми свойствами, имеющими повышенную жизнеспособность и жизнеспособность вытеснять из клонированной культуры исходные клетки» [1, с.265].

Актуальные проблемы общества неизменно находят свое отражение в художественной литературе. Проблема клонирования человека не исключение, она подвергается творческой рефлексии в романе известного британского писателя японского происхождения Кадзуо Исигуро (р. 1954) «Не отпускай меня» (2005). Это история о клонах, жизнь которых строго предопределена с момента их появления на свет. Клоны воспитываются в закрытом престижном интернате, после чего каждый отправляется в реабилитационный центр, где одни из них становятся донорами сразу, другие же некоторое вре-

мя работают в центре помощниками. Никто из клонов не может избежать этой участи, и вскоре все они «завершают».

Несмотря на то, что в романе речь идет, безусловно, о клонировании и использовании органов доноров для трансплантации, сам автор избегает прямого указания на то, что перед нами клоны. Для этого Исигуро использует ряд эвфемизмов: «she is a “carer”, these days... she looks after “donors” before they “complete”; she remains in thrall to the “guardians”, who taught her at school» [8, URL] (*«она ... в эти дни ... заботится о “донорах”, прежде чем они “закончат”; она остается в плену у “опекунов”, которые учили ее в школе»*). Кроме того, автор практически отождествляет понятия «клон» и «донор»: если ты «родился клоном», то обязательно должен стать донором.

Уточним содержание понятия «донор»: «Донор (лат. *donare* – дарить, жертвовать) – любой живой организм или его часть (составляющее вещество, молекула), от которой берутся участки... для переноса (пересадки) ... акцептору» [6, с.154]. Клон – это однородное, с точки зрения генетики, потомство, образовавшееся путем бесполого размножения, а донор – живой организм, способный отдавать какие-либо «участки» акцептору. С лексической точки зрения, слово «донор» имеет положительную стилистическую окраску, а слово «клон» – отрицательную, поэтому отождествление понятий представляется невозможным. Клоны, о которых пишет Исигуро, «выращиваются» с конкретной целью, вне зависимости от их желания, внутренних переживаний: «...никто из вас не поедет в Америку, никому из вас не стать кинозвездой. И никто из вас не будет работать в супермаркете... Как пройдет ваша жизнь, известно наперед. Вы повзрослеете, но до того, как состаритесь, даже до того, как достигнете среднего возраста, у вас начнут брать внутренние органы для пересадки. Ради этих донорских выемок вы и появились на свет» [3, с.110]. Клоны воспитываются в Хейлшеме. Это закрытый привилегированный интернат, в котором учатся и живут доноры-клоны, «*чьи органы будут пересажены богатым пациентам*» [5, с. 266].

Особое внимание уделяется спортивному воспитанию и пропаганде здорового образа жизни. Каждую неделю клоны проходят медицинский осмотр. Они играют в футбол и раундерз, рассматривают в общем курсе обучения половое воспитание и слушают лекции о вреде курения: «... в Хейлшеме опекуны ужасно строго относились ко всему, что связано с курением... Если, скажем, нам показывали портрет знаменитого писателя или политического деятеля, а у него в руке была сигарета, течение урока немедленно прерывалось...» [3, с.93]. После того, как обучение клонов в Хейлшеме заканчивается, каждый из них уезжает из привычного интерната в так называемые Коттеджи, Белый особняк, в Дорсет на Тополиную ферму. Условия проживания и атмосфера, в которой клоны вынуждены находиться теперь, значительно отличаются от условий и удобств, предоставляемых опекунами Хейлшема: «*Коттеджи были остатками фермы, которая не действовала как ферма уже много лет. Вокруг старого дома там стояли переоборудованные для жилья амбары, надворные постройки, конюшни...*» [3, с.155]. Однако, обладая большей свободой, чем в Хейлшеме, доноры следуют предназначению, не предпринимая каких-либо попыток изменить свою жизнь. Последним этапом в жизни клонов становится реабилитационный центр в Дувре, где помощники следят за донорами после очередной выемки органов. Если донор тяжело переносит операцию, то, помимо помощника, за ним тщательно наблюдают врачи, медсестры и координаторы. Исигуро затрагивает одну из чрезвычайно актуальных проблем современности – проблему клонирования человека. Писатель создает героев-клонов, героев-доноров, способных чувствовать, мыслить, анализировать, переживать, мечтать, но не способных принимать решения, поэтому каждый из них находится там, «где положено быть».

Планы на ближайшее будущее в области генной инженерии весьма велики, начиная от искусственного оплодотворения и заканчивая введением стволовых клеток. Но всегда следует помнить о том, что, как бы заманчива и привлекательна ни была перспектива развития современных технологий, создание клонированного человека с целью увеличения продолжительности жизни остается за гранью разумного. Эксперимент в чистом виде, возможность доступной трансплантации внутренних органов являются основным стимулом для продолжения исследований в области клонирования, но этическая сторона и устоявшиеся моральные ценности остаются теми мощными факторами, которые замедляют этот процесс. Роман К. Исигуро «Не отпускай меня» отражает ключевую проблему клонирования. Отождествленные автором понятия «клон» и «донор» на протяжении всего произведения воспринимаются читателем как противоположные. Главное же отличие заключено в том, что донором является человек (клон), добровольно готовый пожертвовать собой ради другого. В романе донор – это любой клон, отказ от выемки органов которого не представляется возможным. Исигуро же говорит о том, что клоны – это такие же люди, как и те, которые их «создали»: они способны ко всем проявлениям человеческого сознания, мысли, чувств, эмоций и переживаний. Следовательно, «умерщвление» одних во благо других совершенно антигуманно, как и потенциальное создание клонированных людей. Так или иначе, проблема клонирования остается открытой и находит все больше своих сторонников и противников, как в научно-исследовательской сфере, так и в литературе.

Литература

1. Биологический энциклопедический словарь / под ред. М.С. Гилярова. – М., 1989.
2. Геном, клонирование, происхождение человека / под ред. Л.И. Корочкина. – Фрязино, 2004.
3. Исигуро К. Не отпускай меня / К. Исигуро. – М., 2009.
4. Корочкин Л.И. Клонирование / Л.И. Корочкин. – Фрязино, 2006.
5. Курьер «ИЛ». Великобритания. Одинокие клоны // Иностранная литература. – 2005. – №6.
6. Реймерс Н.Ф. Популярный биологический словарь / Н.Ф. Реймерс. – М., 1990.
7. Филатов Т. Клонирование человека и будущее человечества / Т. Филатов // Нева. – 2012. – №11.
8. Interview: Kazuo Ishiguro. Books. The Guardian. – URL: <http://www.theguardian.com/books/2005/feb/20/fiction.kazuoishiguro>

*О.В. Ядыкина, студ. института филологии
ЕГУ им. И.А. Бунина (Елец)
Науч. рук. – канд. филол.н., доц. Е.В. Исаева*

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦИИ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. ДИДРО «МОНАХИНЯ»)

Характерной чертой Франции XVIII века является стремительное буржуазное развитие. В стране формируется новый взгляд на мир, новая идеология. И вместе с тем усиливается классовая дифференциация общества: возникают противоречия между привилегированным слоем общества (дворяне, высшее духовенство) и так называемым «третьим сословием», куда входили рабочие, крестьяне, ремесленники, а также интеллигенция и буржуазия. Суть отношений между данными классами в полной мере характе-

ризует высказывание Нагибина (главного героя повести М.Е. Салтыкова-Щедрина «Противоречия»): «Одни люди в каретах ездят, а мы с вами пешком по грязи ходим» [4, с.190]. И действительно, полукрепостным крестьянам приходилось влачить жалкое, нищенское существование, в то время как представителям высшего общества принадлежала большая часть земель и доходов. Разрешением этой проблемы должна была стать Французская революция 1789 года, которая способствовала свержению монархии и уничтожению абсолютизма, а вот установления свободы и равенства между людьми не произошло.

Желание равенства выражалось не только в политическом плане, но и в семейных отношениях. В данный период во Франции возникает потребность осмыслить роль женщины в обществе. На протяжении долгого времени в Европе господствовала идеология подчинения женщины мужчине, результатом которой стала неспособность женщин реализовывать себя в общественной сфере.

Вообще, первые предпосылки социального неравенства между мужчиной и женщиной возникают в период разложения родового строя, когда женщина занимает положение рабыни. Данная картина не меняется и в античные времена: например, в Древней Греции женщина была лишена гражданских прав, а главное – свободы. Лишь в Древнем Риме женщина из высшего общества могла активно реализовываться в общественной сфере, имела возможность выбирать себе мужа. Этот путь был продолжен в XI – XII веках (время крестовых походов в Европе), когда женщины, несмотря на все сложности и трудности, следовали за мужчинами и участвовали в боевых действиях: «Они подносили метательные снаряды, ворочали каменные глыбы и таскали на шанцы для засыпки рвов корзины с землей, которые самому сильному мужчине показались бы слишком тяжелыми» [3, с. 26]. В этот же период возникает культ Прекрасной дамы, женщина является объектом куртуазной любви рыцарей. Но, начиная с XV века, женщина становится основной жертвой инквизиции: во времена средневековых процессов было погублено около 8 миллионов женщин. Смягчению подобных нравов способствовала эпоха Возрождения.

В 1789 году философ-просветитель, секретарь Французской академии наук Ж.А. Кондорсе напечатал статью «О допуске женщин к гражданским правам», в которой ратовал за устранение «всяких предрассудков», создававших неравенство мужчин и женщин. По его мнению, женщина не должна быть исключена из общественной жизни, так как она является частью нации.

XVIII век представляет собой период бурного развития внимания к проблеме женской эмансипации. Значение слова «эмансипация» В. Даль определял так: «Освобождение от зависимости, подчиненности, полная свобода, воля» [1, с.664]. Эта тема привлекла внимание многих писателей-просветителей: к ней обращались Ж. Ж. Руссо, Вальтер, Д. Дидро.

Показательным для рассмотрения проблемы женской эмансипации является роман Дени Дидро «Монахиня», в котором автор изображает положение молодой женщины во Франции XVIII века.

Дени Дидро – знаменитый французский писатель, философ. В своем творчестве Дидро выступал против отжившей, по его мнению, эстетики классицизма. Основой искусства он считал воспроизведение конкретной действительности, жизненной правды. Будучи сторонником просвещенной монархии, писатель выступал с непримиримой критикой абсолютизма, христианской религии и церкви, отстаивал материалистические идеи.

В 1760 году выходит в свет роман «Монахиня», в котором Дидро, не изменяя своим эстетическим взглядам, изображает реальную жизнь Франции XVIII века. В центре произведения – история молодой девушки Сюзанны Симонен, которая по велению

своих родителей должна отправиться в монастырь. Примечательно, что во второй половине XVIII века во Франции многие девушки получали воспитание и образование в монастырях, это было традицией. Но однажды Францию потрясла громкая новость: некая юная Маргарита Деламар по желанию своей матери отправилась в монастырь; в ненавистном ей месте девушка провела большую часть своей жизни. Эта обитель стала для Маргариты тюрьмой. Поданный Деламар иск в суд об освобождении был отклонен. Маргарита Деламар стала прототипом героини Дидро.

Важно, что писатель в романе с сочувствием описывает сцены заточения Сюзанны в обители; мы наблюдаем за тем, как родители с одобрения общества лишают ее права быть счастливой и свободной. Юная Сюзанна Симонен оказывается отверженной матерью, отцом, окружающими людьми. Но изолированная от мира героиня не сдается; девушку охватывает желание бунта, протеста: «Я твердо заявила, что не чувствую никакой склонности к духовному званию» [2, с.73]. Монастырская среда для Сюзанны становится враждебной, она вызывает страх, физическое неприятие. «Юная умирающая жертва, которую влекли к алтарю», – так себя характеризует Симонен [2, с.77]. С особой разоблачительной силой Дени Дидро описывает жизнь монастырей Франции XVIII века. Это мир, в котором нет места любви, состраданию, милосердию, где царит лишь ложь и обман: «Чтобы получить мое согласие, было сделано решительно все; когда же убедились, что добиться его невозможно, решили обойтись и без него. С этого момента я была заперта в келье. Мне предписали молчание, разлучили меня со всем миром, предоставили самой себе, и я поняла, что решено было распорядиться мною помимо моей воли» [2, с. 125].

Но автор подчеркивает, что героиня испытывает насилие не только со стороны семьи и общества, но и со стороны сестер. Монахини, видя в Сюзанне бунтовщицу, подвергают девушку изощренным пыткам: помещают в карцер, морят голодом. «Разоблачение института монашества перерастает в осуждение всякого насилия над естественными правами человека. В противовес религиозному пониманию долга Дидро утверждает гражданские обязанности человека» [5, с. 45]. В романе «Монахиня» автор на конкретном жизненном примере показывает обреченность положения женщины, попавшей в беду. В XVIII веке молодая девушка была лишена права распоряжаться собственной судьбой.

Примечательно, что Дидро наделяет Сюзанну умом, особым мышлением, душевной стойкостью. Сюжет произведения представляет собой цепь испытаний, в которых раскрывается сильный, стойкий характер героини; она активно борется за свое место в жизни: «Когда меня спрашивали, подчиняюсь ли я уставу, я говорила, что подчиняюсь церкви; на вопрос, признаю ли я папскую буллу, я отвечала, что признаю Евангелие» [2, с. 73]. Писатели эпохи Просвещения особое внимание уделяли образу сильной женщины, в жизни которой отсутствовала излишняя роскошь; это героиня, способная справиться с жизненными невзгодами (например, Молль Флендерс из романа Д. Дефо «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», Софья Вестерн, героиня романа Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденыша»)

За свои права в романе Дидро борется и Сюзанна Симонен. Девушка открыто бунтует против унижения, тирании общества и монастырской власти: «Вскоре я приобрела репутацию бунтовщицы, и, пожалуй, в какой-то степени я действительно играла эту роль. То и дело в монастырь приглашались старшие викарии архиепископа, и меня вызывали на суд, где я защищала себя и своих товарок, причем ни разу не случилось, чтобы меня признали виновной, ибо доводы разума всегда оказывались на моей стороне» [2, с.80]. И тем не менее Сюзанна сохраняет облик и душевный строй наивного существа, цельной, непосредственной натуры. Попытки героини обрести свободу вырастают в

символическую картину борьбы женщины с социальной системой подавления, унижения личности.

Правдоподобность происходящей истории достигается Дени Дидро за счет особой формы – формы исповеди. Сюзанна Симонен открывает читателю дверь в самые сокровенные глубины своей души. Внутренний мир героини раскрывается постепенно: она трогательна, но не беспомощна, обладает сильным характером и в тоже время чувствительна. Осознав, что мир монашества полон лицемерия, оболыщения, развратности, девушка упорно стремится покинуть обитель.

В романе «Монахиня» Дени Дидро поднимает важную проблему эпохи Просвещения – проблему эмансипации женщины. На примере Сюзанны Симонен писатель показывает, как ущемлялись права представительниц слабого пола во Франции XVIII века. Из-за отсутствия должной поддержки со стороны родителей юной девушке приходится идти против всех, бороться за собственное счастье. Маргарита Деламар, Сюзанна Симонен – пример сильных духом женщин, которые, несмотря на жизненные тяготы, стремятся к свободе.

Литература

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1995. – Т. 4.
2. Дидро Д. Монахиня / Д. Дидро. – М., 1994.
3. Майорова Е.И. Женщины в эпоху крестовых походов / Е.И. Майорова. – Вече, 2012.
4. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. Господа Головлевы / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Дрофа: Вече, 2002.
5. Яхонтова М.А. Очерки по истории французской литературы / М.А. Яхонтова. – М., 1995.

*A.D.Slyotin MESC AF "N.E.Zhukovsky and Y.A.Gagarin
Air Force Academy"(Voronezh)
Research guide – Professor Assistant, Ph.D. L.Ye.Kuznetsova*

CONFIDENT READING AS A DISCOVERY OF THE KEY TO THE FUTURE

(Life perception in different cultures as a source of humor in the story *Señor Payroll* by W.B.Barret)

I am sure, confident and enthusiastic reading is extremely important for a modern specialist. It promotes literacy, provides vital experience, forms creativity, enriches the vocabulary, improves general life goals, and changes the world perception. I'd like to share my experience in confident reading, which taught me how the world perception differs in people belonging to different cultures [2, URL].

The story *Señor Payroll* by W.B.Barrett takes place on a gas plant somewhere in the Southwest, probably Arizona or New Mexico where Mexican immigrants often cross the border seeking work in farming or industry. There are two groups of main characters in the story, the first including the person who tells the story (the narrator) with his colleague Larry, and the second – the Mexican workers of the plant. These groups represent two cultures – the US and the Mexican one; they also correspond to two subcultures – bureaucrats and workers.

The narrator and Larry are clerks at the gas plant, who put the company's orders and rules into effect and make payrolls to the Mexican workers. According to the rules, wages are paid only twice a month.

But the Mexican workers are in a habit of spending their hard-earned money in three-four days and then applying to the clerks to receive an “advance.” But the Mexicans spend their money in three-four days and apply for an advance. The clerks sympathize with the Mexicans, respect their hard work, so the Mexicans always get their advance.

The main conflict within the story comes when the Main Office refuses to pay the Mexicans in advance until there is a ‘genuine emergency.’ The workers are shocked at first, but then they cleverly manage to evade the company’s policies through skillful manipulation. For example, when there is a rule of ‘genuine emergency,’ they make up stories how all the members of their families have been taken ill. Next, when there appears a rule of paying an advance only if the worker quits the company, they do quit but then come back to ask for a job the very next day. The last order reads that a resigned employee may be rehired only thirty days after one’s resignation. However, the resourceful Mexicans apply for a job under other names.

"The long duel" between the bureaucrats and the workers creates a chaos in payrolls and makes the clerks go to the Superintendent and tell him the whole story. Then all the orders are taken down, the Mexicans are rehired under their own names and go on with their habit of getting an advance.

The plot of the story is based mostly on the striking dissimilarities between the two groups of characters. These are located in the same country of the same epoch, but they perceive the world around them in quite a different way because of their national cultural background – American and Mexican.

The author contrasts the Americans and the Mexicans right at the beginning of the story, showing the point of view to the junior clerks: *Junior Engineers were beneath the notice of everyone* (Americans) – *the visible form of a distant, unknowable paymaster* (Mexicans) [1]. The keywords - *distant, unknowable* – describe the insignificant clerks as mysterious and awesome.

The contrast is enhanced when the first order about ‘genuine emergency’ is written. The Mexicans show no signs of worry and receive it *silently* and *solemnly*, finding the solution of the problem just the next day. The American characters are bewildered to hear the lies about the Mexicans’ family members, all at once having found themselves in an emergency. To stress the collision, the author uses hyperbolas: *Juan Garcia’s wife was practically dying, Pete Mendoza’s mother would hardly last the day, there was a veritable epidemic among children...*[1].

The second order, forbidding advance until leaving the company, is taken as a grave problem only by the American characters. The order is *thought out loud* by the Mexicans for the night, because they are sociable and look for decisions together. They all want their money right away, and so they quit their jobs, without any protests, remaining *stolid* and *patient*. The American characters are always depicted separately – the foreman, the Main Office, and the Downtown as the embodiment of the bureaucracy, etc. In contrast to Mexicans they are excited and agitated by the situation: they *wring <their> hands and ask the Almighty if <they were> personally supposed to shovel this condemned coal; they jump up and down* [1] when the paper work, caused by quitting and rehiring, goes out of control.

The last order of the Downtown is meant to put an end to the problem of resigning and rehiring. It takes the Mexicans more time to reflect on, but they join their efforts and find a solution. The Mexicans resign, get their money and leave, *solemnly* shaking hands with the narrator and his colleague, saying *It was very nice knowing you* [1]. This makes the American clerks feel sad and sorry because they take the situation as it is. But the utmost irony is revealed only the following morning, when the Mexicans are all back again applying for a job under newly acquired names. Without a flicker of an eye they pretend to be strangers to the clerks, making up biographies and places of employment. The clerks do not like to interfere, and as the narrator puts it, *who was I to argue with a man about his own name* [1].

The story ends happily for the Mexicans, whose resourcefulness wins them the right to get their advance as often as they please. The Mexicans are shown, in some way, as ‘outsiders,’ but, in fact, they gain the upper hand because of their amusing practices of solving difficult problems in a foreign country. The literary means of creating humor are mostly applied to the Mexican characters. Their triumph over the Main Office is achieved thanks to quickwittedness, while the Americans act straightforwardly, making rules and following them.

To sum up, I'd like to say that confident reading is necessary for my future career. As I see it, it improves the ability of decision-making and enhances erudition. And the last but not the least, warfighting is as much about the human as it is about the technical and the machine, so confident and enthusiastic reading not only helps envision the technology of tomorrow but also helps understand people, teaches to empathize and sympathize with subordinates.

References

1. Barret W.B. ‘Señor Payroll’ // Mullen J.S. Outsiders. American Short Stories for Students of ESL. – Prentice-Hall, Inc. – Englewood Cliffs, New Jersey. – 1984. – Pp. 101-107.
2. Neil Gaiman lecture in full: Reading and obligation // The Reading Agency. – URL: <https://readingagency.org.uk/news/blog/neil-gaiman-lecture-in-full.html>

*А.А. Манаенкова, студ. ф-та филологии и журналистики
ТГУ имени Г.Р. Державина (Тамбов)
Науч. рук. – канд. филол. н., доц. Н.И. Платицына*

ОБ ОДНОМ ИЗВЕСТНОМ СЮЖЕТЕ И ЕГО СОВРЕМЕННОЙ ТРАКТОВКЕ. ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА П.АКРОЙДА «ЖУРНАЛ ВИКТОРА ФРАНКЕНШТЕЙНА»

Английский писатель Питер Акرويد (Peter Ackroyd, р. 1949) получил широкую известность благодаря созданным им биографиям великих писателей (Диккенс, Блейк, Чосер, Шекспир) и романам («Чаттертон» (1987), «Дом Доктора Ди» (1993), «Процесс Элизабет Кри» (1994), «Лондонские сочинители» (2004) и др.). Произведения П. Акроида отличает глубокое погружение в национально-культурное прошлое Англии, писатель детально реконструирует историю своей страны, размышляет о ее выдающихся представителях, в том числе – о тех, кто принадлежал миру искусства и, прежде всего, литературы. Интерес Акроида к минувшим временам и их творческая рефлексия во многом определены постмодернистской парадигмой рубежа XX–XXI веков. Так, например, один из последних на сегодняшний день романов писателя «Журнал Виктора Франкенштейна» (“The Casebook of Victor Frankenstein”, 2008) осознаётся как *метароман* или как постмодернистский римейк классического произведения Мэри Шелли (1797–1851) «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).

Фабула романа воспроизводит историю юного Виктора Франкенштейна, наделенного пытливым умом и незаурядными способностями. Как и в романе Шелли, герой Акроида мечтает совершить переворот в науке – Франкенштейн стремится к созданию человека, он хочет занять место Бога. Апеллируя к хорошо известному сюжету английской романтической литературы, Акرويد изменяет форму повествования: в романе «Журнал Виктора Франкенштейна» оно ведется от первого лица, и главный герой сам рассказывает о своей жизни. Произведение открывается заимствованным из романа Шелли изображением альпийского пейзажа Швейцарии, на фоне которого вырос Франкенштейн и созерцание которого рождало в нем «дух дерзаний и стремлений». Однако местом действия боль-

шой части романа становится Англия: мечтая проникнуть в «сердцевину мироздания» и познать секреты природы, Франкенштейн устремляется в Оксфордский университет, где учеными проводятся новейшие эксперименты в области естествознания.

В то же время одно из центральных мест в произведении Акройда занимает образ Лондона: его темные и шумные улицы, мрачная Темза и пестрые толпы людей на набережных. Лондонская среда укрепляет Виктора в желании принять на себя роль создателя новой жизни; видя весь ужас на городских улицах, он больше не верит христианской морали: «Прежде я не ведал, что подобные безобразия, подобные ужасы могут существовать в какой бы то ни было христианской стране. <...> ... мы находились всего в нескольких шагах от блеска Оксфорд-роуд, однако переулки эти походили на некую черную тень, вечно следующую за нами по пятам. <...>» (П. Акرويد) [1, с. 29]. В дальнейшем мрачная и душная атмосфера лондонских улиц будет сопутствовать отчаянию Виктора, потерпевшего крах в научных экспериментах. Лондон станет отражением ужаса главного героя от созданного им «монстра»: словно влияние *genius loci* будет ощущать он его присутствие [3].

Постмодернистское пространство романа наполняется персонажами, реальные прототипы которых были современниками Мэри Шелли. Оживленные фантазией писателя, предстают перед читателями образы поэтов-романтиков Перси Биши Шелли, лорда Байрона, а также Томаса Хогга, доктора Джона Полидори, Уильяма Годвина и самой Мэри Годвин (впоследствии ставшей Мэри Шелли). Акرويد моделирует «альтернативную» биографию П.Б. Шелли, сохраняя основные факты жизни поэта и добавляя к ним вымышленные события, подвергающиеся любопытной интерпретации. Так, Гарриет Уэстбрук, первая супруга Шелли, покончившая жизнь самоубийством, в романе Акройда оказывается убита героем. Отъезд с Байроном в Женеву становится отнюдь не изгнанием, как это было в действительности, а обыкновенным путешествием. Тем не менее, знакомство поэтов, взаимоотношения Шелли и Мэри Годвин, гибель Шелли в море представлены в тексте в соответствии с историческими фактами [2, URL]. В неожиданном для читателя образе явлен лорд Байрон: великий английский поэт представлен вовсе не борцом за свободу, а снобом и чревоугодником, не заботящемся об интересах окружающих людей. Роман синтезирует многочисленные имплицитные и эксплицитные аллюзии, отсылки к произведениям английских романтиков: герои романа цитируют «Освобожденного Прометея» Шелли, «Паломничество Чайльд-Гарольда» Байрона, стихотворения Вордсворта и Кольриджа.

В романе не только обыгрываются различные цитаты, прямые и косвенные, но и «цитатным» становится образ Джека Кита, в котором угадывается рано ушедшей из жизни поэт Джон Китс (1795–1821). Подобно своему прототипу, Джек Кит умирает от чахотки и, чтобы оставить своей единственной сестре хоть какие-то средства на жизнь, продает собственный труп «воскресителям» – раскопщикам могил, которые поставляют материал студентам-анатомам и, в частности, Виктору Франкенштейну. Так Джек Кит становится подопытным Франкенштейна. С помощью электрической машины Франкенштейн оживляет Джека, достигая тем самым своей цели – познать закон зарождения жизни и стать Создателем. Как и в романе-оригинале, за созданием «монстра» следует череда убийств: жертвами становятся Гарриет Уэстбрук и служанка Мэри Годвин – Марта. Однако, в отличие от сюжета, предложенного Шелли, в романе Акройда отсутствует однозначный ответ на вопрос о том, кто же виновен в преступлениях. Зато появляются скрытые намеки на помутнение рассудка самого Франкенштейна. Осознание того, что он потерпел неудачу, создал не «нового, свободного от предрассудков» человека, но монстра, приводит Виктора в отчаяние, его мучает лихорадка: «...я страдал от постоянного нервного возбуждения и раздражительности, каких не вынести, по сути, ни од-

ному организму; я то воспрядал, то падал духом до крайности и оттого постоянно пребывал в борьбе меж страхом и сомнением. Нередко случалось мне мучиться от необычного ощущения в желудке, словно угнездившиеся там крысы пытались прогрызть себе дорогу **наружу**» (П. Акройд) [1, с. 373]. В итоге Франкенштейн становится неспособным контролировать свои действия: «Но теперь все эти печали ожили. Недруг мой – страх – возвратился. Битва началась заново. Я более не был себе хозяином» (П. Акройд) [1, с. 377]. Все это плавно подводит читателя к неожиданной развязке: Франкенштейн сам виновен во всех убийствах, а созданное им «существо» – всего лишь плод воображения. Примечательно, что подпись, которой заканчивается роман: «Получено мной от пациента Виктора Франкенштейна 1822 года ноября пятнадцатого дня, в среду. Подписано: Фредерик Ньюман, надзиратель Хокстонского приюта для неизлечимых душевнобольных» (П. Акройд) [1, с. 479], раскрывает смысл оригинального названия произведения П. Акройда (“The Casebook of Victor Frankenstein”). “Casebook” в английском языке, помимо журнала для записей или дневника, обозначает также историю болезни [3].

Таким образом, роман П. Акройда затрагивает иную проблему: если идеология романа М. Шелли связывалась с тезисом о том, что развитие добрых или злых начал в человеке (созданном существе) зависит от отношения к нему общества, то в романе «Журнал Виктора Франкенштейна» на первый план выводится проблема *человека-творца, человека-созидателя*. Готический ужас, которым так славится роман Шелли, у Акройда переходит в ужас психологический. «Монстр» живет внутри Франкенштейна, это его честолюбие, мысли о собственном превосходстве над остальными. «Возможно, вам хотелось соперничать с Биши. Или с Байроном. Вы мечтали о том, чтобы возвыситься, получить власть» (П. Акройд) [1, с. 478], – так объясняет доктор Полидори произошедшее. Акройд обращается к постановке вопроса о том, как далеко может зайти человек в своем желании подчинить законы природы, и чего ему это будет стоить? Ответ остаётся за самим читателем...

Литература

1. Акройд П. Журнал Виктора Франкенштейна / П. Акройд. – М.: Астрель: Corpus, 2010. 480 с.
2. Блинова М.П. Функции интертекста в биографических романах П. Акройда / М.П. Блинова // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 93 (09). URL: <http://ej.kubagro.ru/2013/09/pdf/110.pdf> (дата обращения: 28.11.2016).
3. Разумовская О.В. Ремейки романа Мэри Шелли «Франкенштейн» в англоязычной прозе последних десятилетий / О.В. Разумовская // Вестник Университета Российской академии образования. 2014. № 1. С. 119-123.
4. Шелли М. Франкенштейн, или Современный Прометей / М. Шелли. – М.: Азбука-классика, 2015. – 320 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	3
<i>Каскевич Е.В.</i> УЧАСТИЕ В РАБОТЕ СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА.....	3
<i>Пранتيкова С.Ю.</i> ИСТОРИОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «РЕЛИГИОЗНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ» Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО КАК ОТРАЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА.....	5
<i>Петров А.Д.</i> О (НЕ)ПЕРЕВОДИМОСТИ РАЗГОВОРНЫХ ЧАСТИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ «ЧИСЛА» И «GENERATION П» ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА).....	7
<i>Александрина Д.Ю.</i> УЛИЦЫ, НАЗВАННЫЕ В ЧЕСТЬ ВЫДАЮЩИХСЯ ЗЕМЛЯКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ГОДОНИМОВ ГОРОДА ПЕНЗЫ).....	10
<i>Кучерявый Д.М.</i> СТРОИТЕЛЬСТВО И ЖИЗНЬ ПРИХОДА ХРАМА АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО г. ТУЛЫ. ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД..	12
<i>Алексеев Ю.Ю.</i> ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ГОВОРЯЩЕГО ИМЕНИ В АНГЛИСТИКЕ.....	14
<i>Коновальцева А.И.</i> МОДЕЛЬЕР ЭЛЬЗА СКИАПАРЕЛЛИ – ОППОНЕНТ СТИЛЯ КОКО ШАНЕЛЬ.....	17
<i>Окишан А.Ю.</i> СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК В ПРОИЗВЕДЕНИИ ГИЙОМА МЮССО «PARCE QUE JE T'АIME».....	19
<i>Мёбиус Р.</i> БЕСЕДА С ВОСКОВЫМИ ФИГУРАМИ КАК ДИАЛОГ КУЛЬТУР – «КЛЕОПАТРА» АЛЕКСАНДРА БЛОКА И БОЛЕСЛАВА ЛЕСЬМЯНА.....	22
<i>Четверикова В.В.</i> ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА СОБИННИКОВА – ОСНОВАТЕЛЬ ВОРОНЕЖСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ.....	24
<i>Стрельникова Е.С.</i> ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АНАТОЛИЯ МИХАЙЛОВИЧА АБРАМОВА.....	27
<i>Высокович К.О.</i> ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ СКАЗКА: ЕДИНСТВО В РАЗНООБРАЗИИ.....	30
<i>Кривова Е.С.</i> ЧУВСТВО ВИНЫ У ДЕВУШЕК С НАРУШЕНИЯМИ ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ.....	33
<i>Краморенко Е.Ю.</i> СЛОЖНЫЕ СЛОВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НОВЕЙШЕГО ПЕРИОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ «ТУРИЗМ»).....	36
<i>Осипова А.А.</i> ВОЙНА КАК ГЛОБАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПОЗДНЕЙ ПРОЗЕ В.БЫКОВА.....	38
СЕКЦИЯ «РЕБЕНОК И ПОДРОСТОК ГЛАЗАМИ ГУМАНИТАРИЯ».....	41
<i>Алексеева М.В.</i> СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ РАЗВИТИЕ ДОШКОЛЬНИКОВ С ЗПР.....	41
<i>Войцева С.А.</i> ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА СОПРОВОЖДЕНИЯ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА С ПАТОЛОГИЕЙ ЗДОРОВЬЯ.....	45
<i>Голева Т.С.</i> ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ К ШКОЛЕ У ДЕТЕЙ С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА.....	47

<i>Ивашкина К.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С СИНДРОМОМ РАННЕГО ДЕТСКОГО АУТИЗМА И СИНДРОМОМ ДАУНА В КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЕ.....	50
<i>Колесникова М.А.</i> НЕВРАСТЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ.....	52
<i>Кукуева П.В.</i> ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С РАС.....	54
<i>Хоп Нгуен Тхи Бить</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АУТИЗМА.....	57
<i>Фалалеева В.С.</i> РОЛЬ СЕМЬИ В СТАНОВЛЕНИИ ЛИЧНОСТИ РЕБЕНКА С НАРУШЕНИЕМ СЛУХА.....	58
<i>Верняева С.А.</i> ЗНАЧЕНИЕ ЗАНЯТИЙ СПОРТИВНЫМИ БАЛЬНЫМИ ТАНЦАМИ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ.....	61
<i>Хвостик Е.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АРТ-ТЕРАПИИ В РАБОТЕ С ДЕТЬМИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ.....	63
<i>Шамина Г.В.</i> УСПЕВАЕМОСТЬ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЗАСТЕНЧИВОСТИ.....	65
<i>Ледовская О.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ИГРЫ АУТИЧНОГО РЕБЕНКА.....	67
<i>Григорова К.Р.</i> СВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ВИКТИМНОМУ ПОВЕДЕНИЮ И ЛОКУСА КОНТРОЛЯ У ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕМЕЙ С РАЗНЫМИ СТИЛЯМИ ВОСПИТАНИЯ.....	70
<i>Лабзина О.Ю.</i> АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИН ШКОЛЬНОЙ НЕУСПЕВАЕМОСТИ ПОДРОСТКОВ.....	73
<i>Нежевенко К.В.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАЩИХСЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С НАРУШЕНИЯМИ СЛУХА.....	75
СЕКЦИЯ «ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ».....	79
<i>Сунхитсара Кирират.</i> ТАЙСКОЕ МЕНЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ПУТЬ К ДИАЛОГУ КУЛЬТУР ИЛИ КОММУНИКАТИВНАЯ ПРОПАСТЬ.....	79
<i>Ло Кои Жозуэ Нам Салум.</i> МУЖСКОЕ И ЖЕНСКОЕ В КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ЧАД.....	82
<i>Пунсават Раттия.</i> ТАЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С НАЗВАНИЯМИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА.....	83
<i>Нгуен Тхи Киеу Чанг, Чанг А. Май.</i> СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ И ВЬЕТНАМСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЧЕРТ ХАРАКТЕРА ЧЕЛОВЕКА.....	86
<i>Вэн Чуцзюнь, У Сяои.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КИТАЙСКИХ УЧАЩИХСЯ В КИТАЕ И В РОССИИ.....	88
<i>Долженчук Л.А.</i> ПРОБЛЕМА ИНОСТРАННЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ.....	90
<i>Нгуен Ле Туан Фонг.</i> ЛЮБОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ВЬЕТНАМСКОЙ МОЛОДЕЖИ..	93
<i>Цзян Сюэвентао</i> ОСНОВНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КИТАЙСКИМ И РУССКИМ ЯЗЫКАМИ.....	95
<i>Чжан Яцзе.</i> ЖАНР ЗАМЕТКИ В КИТАЕ И В РОССИИ.....	96
<i>Шаби Патрис Тибо.</i> МЕНТАЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕНИН В ЗЕРКАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИИ.....	99
<i>Беженар Е.П., Габдулисламова Г.М.</i> THE NOTION OF BILINGUALISM IN THE CONTEXT OF MODERN SCIENCE OF LANGUAGE.....	101
<i>Кузнецов Л.В., Поталуй В.В.</i> МЕТАФОРЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ	

АВИАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ).	103
СЕКЦИЯ «ДИАЛОГ ИСКУССТВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ВЕКОВ»	105
<i>Ганделидзе Д.Э.</i> ИЛЛЮСТРАЦИИ ЭРНСТА НЕИЗВЕСТНОГО К РОМАНУ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ».....	105
<i>Землянухина Е.Ю.</i> РОЛЬ ШРИФТА В ГРАФИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ.....	108
<i>Малик Ю.С.</i> К ВОПРОСУ ОБ ИСКУССТВЕ И КУЛЬТУРЕ.....	110
<i>Чивилева А.И.</i> БОГАТСТВО ХОРЕОГРАФИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕНГРИИ.....	112
<i>Петрушина Н.Л.</i> ТАНЕЦ «ГОРЯЧЕЙ И СМЕЛОЙ ДУШИ».....	113
<i>Бедросов Р.Б.</i> «ВАЛЬС УСТАРЕЛ», – ГОВОРIT КОЕ-КТО... ..	115
<i>Никольская А.М.</i> ЭКСПОЗИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУР-ФИЛОСОФСКОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ.....	116
<i>Сапегина Д.К.</i> АЛЛЮЗИВНЫЙ АВТОПОРТРЕТ В СОВРЕМЕННОЙ ФОТОГРАФИИ: ЯСУМАСА МОРИМУРА И ЛАУРА ХОФШТАДТЕР.....	118
<i>Ткаченко А.Н.</i> ОТРАЖЕНИЕ ЖЕСТОВОЙ СТРАТЕГИИ А.А. АХМАТОВОЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГРАФИКИ, ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЫ.....	121
СЕКЦИЯ «РЕКЛАМА И ИНТЕРНЕТ В СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ»	123
<i>Бартенева Т.А.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭРГОНИМОВ В ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА.....	123
<i>Попов А.С.</i> РЕКЛАМА В ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОЧЕРКАХ XIX ВЕКА.....	126
<i>Худуева А.И.</i> МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ.....	129
<i>Тиханова Ю.А.</i> ЧАТ КАК ПРИЁМ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	131
<i>Чаплин Е.В.</i> ТЕКСТ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИГРЫ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	134
СЕКЦИЯ «ТЕКСТ В ТЕКСТЕ: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ»	137
<i>Антонова А.И.</i> АНТРОПОНИМИКОН КОМЕДИИ А.А. ШАХОВСКОГО «НОВЫЙ СТЕРН» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ МЕЖДУ ШИШКОВИСТАМИ И КАРАМЗИНИСТАМИ.....	137
<i>Оборотова Ю.А.</i> НЕОКЛАССИЦИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ИСТОРИИ ВОПРОСА.....	139
<i>Сапрыкина М.В.</i> СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА И.А. БУНИНА «СТЕПА».....	142
<i>Сяньюе Мэн.</i> АНАЛИЗ ОБРАЗА ЛИШНЕГО ЧЕЛОВЕКА В ИСТОРИИ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: СРАВНЕНИЕ ЦЗЯ БАОЮЯ С ЕВГЕНИЕМ ОНЕГИНЫМ.....	144
<i>Отяковский В.С.</i> ИНТЕРМЕДИАЛЬНОСТЬ КРИТИКИ М. ВОЛОШИНА В ЖУРНАЛЕ «ВЕСЬ».....	146
<i>Шевченко В.Ю.</i> СВОЕОБРАЗИЕ ПОВСЕДНЕВНОСТЕЙ В РАССКАЗЕ Б. ПОДГАЙНОГО «ШУДРА ДУ».....	149
<i>Тамулайтите Э.К.</i> «МОЙ ГАМЛЕТ» В.С. ВЫСОЦКОГО КАК РОЛЕВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ.....	151
СЕКЦИЯ «КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ»	153

<i>Астапова Ю.С.</i> ПРЕДВЫБОРНАЯ ПРОГРАММА БУЛАНЖЕ. АПРЕЛЬ 1888 г.....	153
<i>Березюкова М.С.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ И ПЕРСПЕКТИВЕ.....	157
<i>Шарова А.А.</i> ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ КАЗАКОВ.....	159
<i>Гусев П.М., Бойко И.В.</i> ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ.....	162
<i>Бабаева Ю.Г.</i> ФИЛОСОФИЯ И ЛИТЕРАТУРА: АНТОГОНИСТИЧЕСКОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ ИЛИ ЕДИНОЕ ПОЛЕ ПОЗНАНИЯ И СОЗЕРЦАНИЯ....	164
<i>Себелев М.В., Дуров В.И.</i> УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ.....	166
<i>Тирон Н.А., Белоусов В.В.</i> СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА В СССР КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ МОЛОДЕЖИ.....	168
<i>Гатоўчыц А.І.</i> СЕМАНТЫКА АФАРЫЗМАЎ У МОВЕ ТВОРАЎ ІВАНА ШАМЯКІНА.....	171
<i>Махрачев Г.С.</i> МЕСТНЫЕ И ОТХОЖИЕ ПРОМЫСЛЫ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.....	174
<i>Хилько В.В.</i> ЯЗЫКОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ НАДПИСЕЙ НА ПАМЯТНИКАХ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ г. ПЕНЗЫ).....	176
<i>Нань Чжюу.</i> РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА РОССИИ: РОЛЬ В РАЗВИТИИ ТУРИЗМА.....	178
<i>Шу Юэ.</i> КИТАЙСКИЕ МУСУЛЬМАНЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	180
<i>Мизернюк В.Т.</i> КУЛЬТУРНЫЕ ИНДЕКСЫ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА ГОРОДА ТИРАСПОЛЯ.....	182
<i>Акужин Д.Д., Муковникова Е.М.</i> РЕАЛИЗАЦИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В США.....	184
<i>Магров А.В., Меркушева О.В.</i> СЛАВЯНСКАЯ САМОБЫТНОСТЬ В ПОЛИКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	186
СЕКЦИЯ «ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ЭСТЕТИЧЕСКИЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ».....	188
<i>Жолудева П.Ф.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ И ВИЗУАЛИЗАЦИЯ СТЕРЕОТИПНОГО ЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКИХ КАРИКАТУР).....	188
<i>Зелогия А.Ш.</i> ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ РОМАНА В. ФЛЕЙШГАУЭРА ПУРПУРНАЯ ЛИНИЯ».....	191
<i>Кочеткова Н.В.</i> ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ КНИГИ И РАБОТА С ГОРИЗОНТОМ ОЖИДАНИЯ В СИТУАЦИИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ НИШИ.....	194
<i>Мальшиева Д.О.</i> КНИГА ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА «ЦАРЬ ГОЛОД».....	196
<i>Меркулова А.М.</i> ГЕЛИЙ ФЁДОРОВИЧ БИРЮКОВ И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ ОТКРЫТОК.....	198
<i>Моценская Н.Д.</i> ИЗДАТЕЛЬСКАЯ И ТЕАТРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СКАЗКИ ЕВГЕНИЯ ШВАРЦА «ДРАКОН».....	200
<i>Мышов Н.А.</i> КНИГИ ИЗ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ ЗОНАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО	

УНИВЕРСИТЕТА, ИЗДАННЫЕ В ТИПОГРАФИИ И. Д. СЫТИНА.....	203
<i>Попова Е.И.</i> «АЛЬБОМ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СОБРАНИЮ СОЧИНЕНИЙ И. С. ТУРГЕНЕВА» (ИЗДАНИЕ Н. Ф. МЕРТЦА): ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА КНИГИ.....	206
<i>Тюлькина Н.С.</i> ИСТОРИЯ ПИСАТЕЛЕЙ И ИЗДАТЕЛЕЙ «РУССКОГО АРБИНА» В ПОВЕСТИ Д. И. РУБИНОЙ «НАШ КИТАЙСКИЙ БИЗНЕС».....	208
<i>Заднепрянная А.А.</i> ЖЕНСКИЙ ОБРАЗ НА ОТКРЫТКАХ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА.....	211
<i>Соколенко Э.С.</i> РУССКО-НЕМЕЦКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ: ИЛЛЮСТРАЦИИ АДОЛЬФА МЕНЦЕЛЯ К КНИГЕ Ф. КОНИ «ИСТОРИЯ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО».....	213
<i>Ятчева П.В.</i> ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «ВЕНЕЦИАНСКИЙ КУПЕЦ» КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЭПОХИ.....	217
СЕКЦИЯ ДИАЛЕКТОЛОГИИ, ЛИНГВОКРАЕВЕДЕНИЯ И ЭТНОГРАФИИ...	218
<i>Буцких С.А.</i> ПРОЕКТ ТЕМАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ «ЛЕКСИКА ТРАДИЦИОННОГО ПРЯДЕНИЯ, ТКАЧЕСТВА И КОНОПЛЕВОДСТВА НА ТЕРРИТОРИИ ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ».....	218
<i>Деревская Е.Ю.</i> ОБРЯДОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ СЕЛА ПЛЯСОВАТКА ВЕРХНЕХАВСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....	221
<i>Лысых Д.С.</i> ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В ДИАЛЕКТНЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ ЖИЛИЩА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ).....	224
<i>Сахарова Д.О.</i> «ОЧЕРКИ КАВКАЗА: КАРТИНЫ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРИИ» ЕВГЕНИЯ ЛЬВОВИЧА МАРКОВА.....	227
<i>Сомова А.Н.</i> ВОРОНЕЖСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА ДЕКОРИРОВАНИЯ В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ.....	229
<i>Баранова О.П.</i> ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДИАЛЕКТНЫХ ФОРМ 3 ЛИЦА ГЛАГОЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ.....	233
<i>Файзи Ахмад Решад.</i> «ГАБИТАРНЫЙ» КОД КУЛЬТУРЫ АФГАНИСТАНА.....	235
<i>Чжан Сяоянь.</i> КУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И РОССИЕЙ.....	237
<i>Пашкова Я.А.</i> ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛИДЕРЕ В РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУППАХ.....	239
<i>Гальцова Д.Н.</i> СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД И СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ СЕЛА НОВЫЙ КУРЛАК АННИНСКОГО РАЙОНА ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ.....	241
СЕКЦИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОБРАЗ И ПРОЧТЕНИЕ».....	244
<i>Аносова А.С.</i> АЛОГИЗМ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЭЗИИ).....	244
<i>Бородавкин А.А.</i> ЛЮБОВНЫЕ КОЛЛИЗИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И.С. ТУРГЕНЕВА И Л.Н. ТОЛСТОГО: УСАДЕБНЫЙ КОНТЕКСТ («РУДИН» И «СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ»).....	247
<i>Атаджанова Кейик.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО Л. ТОЛСТОГО В ПОВЕСТИ «ДЕТСТВО».....	249
<i>Волвенкин М.Н.</i> МАСКИ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛЕКСАНДРА КУСИКОВА.....	251
<i>Кагакина Е.Д.</i> ТВОРЧЕСТВО Н.Н. ТУРОВЕРОВА В ЭМИГРАНТСКОМ	

ЖУРНАЛЕ «КАЗАЧЬИ ДУМЫ»: СТАТЬЯ «КОНЕЦ ЧЕРНЕЦОВА».....	253
<i>Карагёзян Г.К.</i> УДАР В ПРОЗЕ Д.И. ХАРМСА.....	257
<i>Маюк Е.В.</i> СЮЖЕТ ПОИСКА В ПОВЕСТЯХ Н.В. ГОГОЛЯ.....	258
<i>Гомозова Е.О.</i> ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ТРАДИЦИЯХ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ.....	261
<i>Бобошко М.А.</i> СПЕЦИФИКА ЖАНРА АНТИУТОПИИ В РОМАНЕ В.В. НАБОКОВА «ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ».....	263
<i>Новикова А.О.</i> СЮЖЕТ КАК МЕТАФОРА В РАННЕЙ ПРОЗЕ Л.ЛЕОНОВА («БУРЫГА», «ПЕТУШИХИНСКИЙ ПРОЛОМ», «ЗАПИСКИ КОВЯКИНА»).....	265
<i>Полулях К.В.</i> МОТИВ ДВОЕМИРИЯ В РАССКАЗЕ И.В. ОДОЕВЦЕВОЙ «ЖАСМИНОВЫЙ ОСТРОВ».....	268
<i>Роцупкина Ю.А.</i> ЭМОТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РАССКАЗА И.А. БУНИНА «ЕРМИЛ».....	271
<i>Ушкова Д.В.</i> НЕОКОНЧЕННЫЕ СПОРЫ ПОЭТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ БОРИСА СЛУЦКОГО).....	273
<i>Попова Ю.В.</i> РОЛЬ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ В ПОВЕСТИ Е. И. ЗАМЯТИНА «СЕВЕР».....	275
<i>Величко И.И.</i> ЦЕННОСТНЫЙ МИР В ПОЭМЕ А.К. ТОЛСТОГО «ИОАНН ДАМАСКИН».....	277
<i>Воронкова И.А.</i> ЛИЧНОСТЬ И ИСТОРИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ А.Н. БАШЛАЧЕВА «ПЕТЕРБУРГСКАЯ СВАДЬБА».....	279
<i>Ушакова Д.О.</i> О ЗАВЕРШЕННОСТИ ПОВЕСТИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ШТОСС»	282
СЕКЦИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	285
<i>Горячева К.Ю.</i> ПРИНЦИПЫ ИЗОБРАЖЕНИЯ ХАРАКТЕРА ПЕТЕРА ДЕБАУЕРА В РОМАНЕ Б. ШЛИНКА «ВОЗВРАЩЕНИЕ».....	285
<i>Ананьева Л.А.</i> ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В РОМАНЕ ФРАНЦА КАФКИ «АМЕРИКА».....	287
<i>Милосердова П.В.</i> В. БОРХЕРТ О ЛЮБВИ И ВОЙНЕ («ВОРОНЫ ВЕЧЕРОМ ЛЕТЯТ ДОМОЙ», «ОСТАНЬСЯ, ЖИРАФ»).....	290
<i>Плужникова А.А.</i> ОБРАЗ ДВОЙНИКА В НЕОВИКТОРИАНСКОМ РОМАНЕ Д. СЕТТЕРФИЛД «ТРИНАДЦАТАЯ СКАЗКА».....	293
<i>Прокopenко А.А.</i> КАРНАВАЛЬНАЯ ПОЭТИКА В РОМАНЕ Г.К. ЧЕСТЕРТОНА «ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЫЛ ЧЕТВЕРГОМ».....	295
<i>Капранова Ю.А.</i> «ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ»: К ПРОБЛЕМЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ЖЕНСКОЙ СУДЬБЫ В РОМАНАХ Е. ГИНЗБУРГ И Т. МОРРИСОН («КРУТОЙ МАРШРУТ», «ЖАЛОСТЬ»).....	298
<i>Скребцова А.А.</i> РОМАН ЖОРЖИ АМАДУ «КАПИТАНЫ ПЕСКА»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ КНИГИ.....	301
<i>Фролова С.С.</i> ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА В РОМАНЕ С. БЕЛЛОУ «МЕЖДУ НЕБОМ И ЗЕМЛЕЙ».....	304
<i>Цыганкова Я.Г.</i> ВАМПИРСКИЙ НОВЫЙ ОРЛЕАН В РОМАНАХ ЭНН РАЙС И ПОППИ З. БРАЙТ «ИНТЕРВЬЮ С ВАМПИРОМ» И «ПОТЕРЯННЫЕ ДУШИ».....	306
<i>Стрельникова Е.С.</i> ГЕРОИ И ПЕРСОНАЖИ РОМАНА СТАНИСЛАВА ЛЕМА «ЭДЕМ» КАК ИСТОЧНИК ЖАНРОВОГО СИНКРЕТИМА.....	309
<i>Худайбергенова М.Д.</i> РОМАН К. ИСИГУРО «НЕ ОТПУСКАЙ МЕНЯ»:	

К ПРОБЛЕМЕ КЛОНИРОВАНИЯ И ГЕНЕТИЧЕСКОГО ДОНОРСТВА.....	312
<i>Ядыкина О.В.</i> ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ ВО ФРАНЦИИ XVIII ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. ДИДРО «МОНАХИНЯ»).....	314
<i>Slyotin A.D.</i> CONFIDENT READING AS A DISCOVERY OF THE KEY TO THE FUTURE.....	317
<i>Манаенкова А.А.</i> ОБ ОДНОМ ИЗВЕСТНОМ СЮЖЕТЕ И ЕГО СОВРЕМЕННОЙ ТРАКТОВКЕ. ОПЫТ ПРОЧТЕНИЯ РОМАНА П.АКРОЙДА «ЖУРНАЛ ВИКТОРА ФРАНКЕНШТЕЙНА».....	319